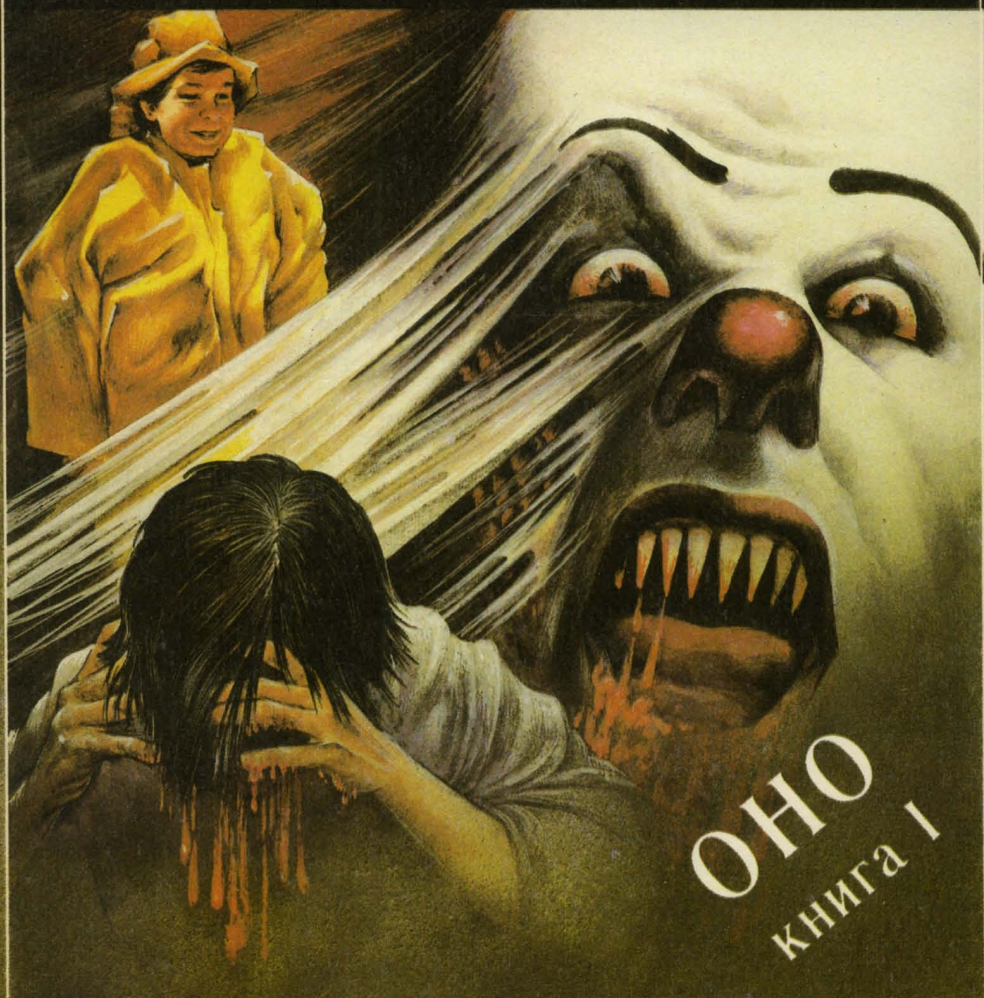

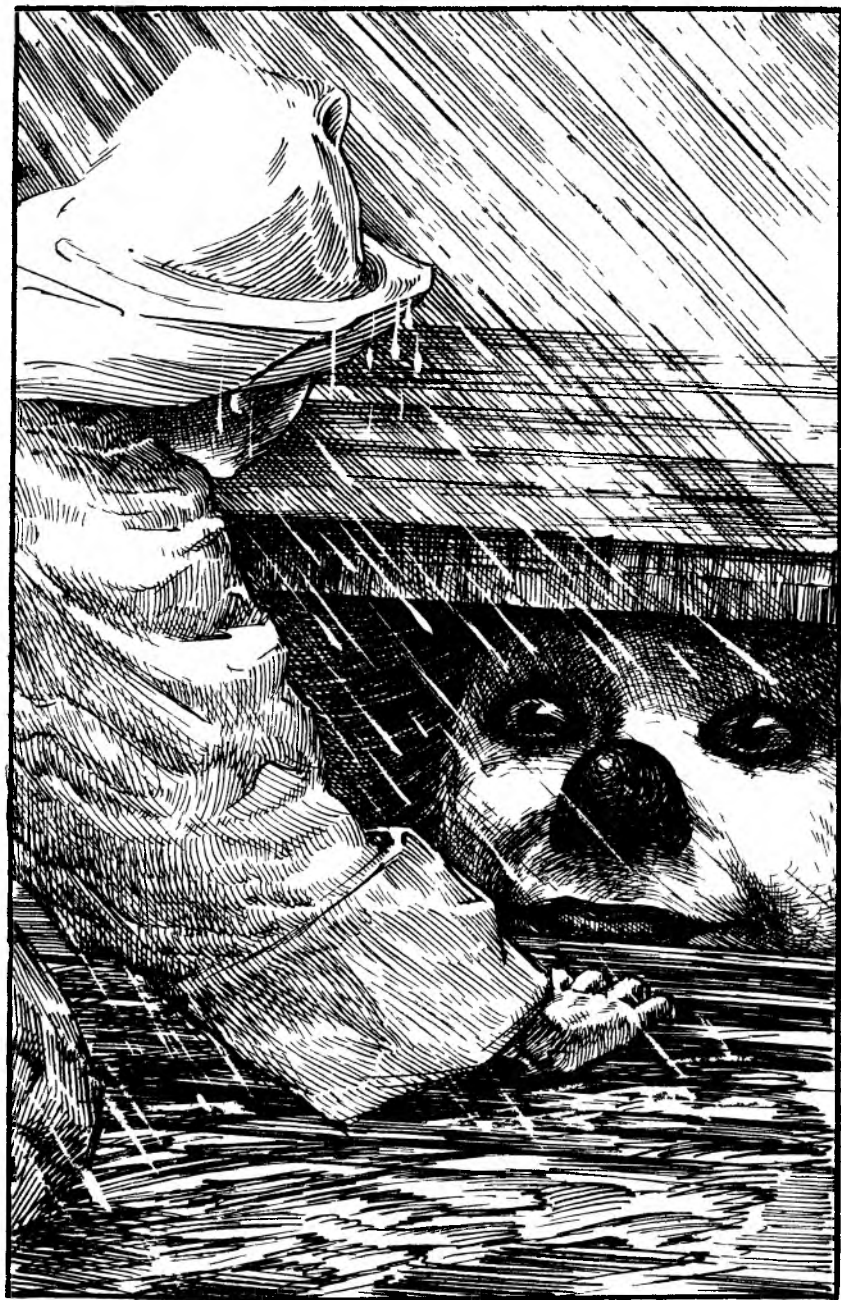
СТИВЕН КИНГ

МАСТЕРА ОСТРОСЮЖЕТНОЙ МИСТИКИ

ОНО
книга 1

**МАСТЕРА
ОСТРОСЮЖЕТНОЙ
МИСТИКИ**

А. Н. Мухомов 93

МАСТЕРА ОСТРОСЮЖЕТНОЙ МИСТИКИ

Стивен Кинг

ОНО

Жуковский
КЭДМЭН
1993

Мастера остросюжетной мистики

Выпуск 13

Stephen King IT

Художник А.Н.Миронов

**Стивен Кинг
Оно (Книга первая): роман.**

ISBN 5-85743-013-5

Copyright © by Stephen King, 1986

Права на настоящее издание приобретены у редакции журнала «Огонек»

© А.Н.Миронов, 1993, оформление суперобложки, иллюстрации

© Издательство «КЭДМЭН», 1993, перевод

Часть I

ТЕНЬ ПРОШЛОГО

*Они начинают!
Совершенствоу форму,
Цветок отдает своих лепестков многоцветье
щедро солнцу,
Но пчела пролетает мимо,
И они утопают с плачем
в перегное.
Можно назвать это плачем,
Что дрожа проплывает над ними,
А они увядают и гибнут.*

Уильям Карлос Уильямс
«Патерсон»

Вырожденные в городе мертвеца

Брюс Спрингстин

Глава 1 ПОСЛЕ НАВОДНЕНИЯ (1957 год)

1

Ужас, продолжавшийся в последующие двадцать восемь лет, — да и вообще был ли ему конец? — начался, насколько я могу судить, с кораблика, сделанного из газетного листа и подхваченного дождевым потоком, который унес его вниз по водному желобу...

Кораблик кружился, переворачиваясь, уходил под воду и снова всплывал, устремляясь вниз по Витчем-стрит по направлению к светофору, который регулировал движение между улицами Витчем и Джексон. Все огоньки светофора были темные в эти дни осени 1957 года, так же, впрочем, как и дома. Дожди не прекращались уже неделю, а два дня назад начались еще и сильные ветры. Большинство районов Дерри лишились электроэнергии, и ее не успели подать.

Мальчонка в желтом плаще и красных галошах бежал рядом с бумажным корабликом. Дождь еще не кончился, но уже начал стихать. Капли били по капюшону мальчика, отдаваясь в его ушах приятным ощущением, так стучит дождь по крыше деревенского сарая. Мальчика в желтом плаще звали Джордж Денбро. Ему было шесть лет. Его брат Уильям, известный большинству ребят в начальной школе Дерри (и даже учителям, не терпящим прозвищ) как Заика Билл, остался дома: он переболел каким-то отвратительным гриппом и не совсем еще выздоровел. Той осенью 1957 года, за восемь месяцев до начала настоящих ужасов и за двадцать восемь лет до их окончания, Заике Биллу было десять лет.

Именно Билл и сделал кораблик, рядом с которым бежал теперь его брат Джордж. Он сделал его, сидя на кровати, облокотившись на подушки, в то время как мама в гостиной наигрывала на пианино пьесу «к Элизе» и дождь, не переставая, хлестал в окно спальни.

Витчем-стрит была завалена урнами и оранжевыми козлами для пилки дров, на которых было написано: «Управление общественных

работ в Дерри». Канавы были переполнены ветками, камнями и горами осенних листьев. Вода стала выливаться на тротуар сперва тонкими струями, а затем, на третий день непрерывного дождя, целыми пригоршнями. К полудню на четвертые сутки улица была затоплена, все плыло на перекресток улиц Джексон и Витчем. К тому времени жители уже нервно пошучивали — не пора ли строить ковчег для спасения от потопа. Управлению общественных работ удалось открыть Джексон-стрит, но Витчем-стрит до самого центра городка была плотно забита козлами.

И все же все сходились на том, что самое худшее позади. Речка Кендускеаг чуть было не вышла из берегов в Барренсе и на несколько дюймов не дошла до бетонных ограничений канала в самом центре городка. В настоящий момент группа мужчин — и среди них Зак Денбро, отец Джорджа и Билла — убирала мешки с песком, которые они в панике набросали накануне, дабы спастись от потопа. Вчера еще катастрофа казалась неизбежной. Богу известно, что такое случилось и раньше: наводнение 1931 года стоило миллионы долларов и двух десятков жизней. Это случилось давно, но еще живы были те, кто помнил, какой страх нагнала она на всю округу. Одна из первых жертв того наводнения была найдена в двадцати пяти милях к востоку, в Бакспорте. Глаза этого несчастного, три пальца, пенис и большая часть левой ноги были съедены рыбой. В руках, вернее в том, что осталось от его рук, торчал руль «Форда».

Теперь, однако, река отступала, а когда вверх по течению построят новую плотину гидроэлектростанции Бангор, она вообще перестанет угрожать опасностью. Что-то в этом роде сказал Зак Денбро, который работал на Бангоре. Впрочем, что касается будущего — там будет видно, а пока что надо справиться с этим наводнением, повернуть воду вспять и забыть о нем. Предавать в Дерри забвению трагедии и несчастья граничило с искусством — к такому выводу с течением времени пришел Билл Денбро.

Джордж задержался у козел на краю глубокой трещины, прорезавшей асфальтовое покрытие Витчем-стрит по диагонали. Трещина кончалась в самом конце улицы, у холма, примерно в сорока футах от того места, где сейчас стоял мальчик. Он громко засмеялся — это было ликование ребенка, ощутившего радость свободы, быстрого движения в этот серый, безрадостный день, когда по прихоти бегущей воды его бумажный кораблик из-за разрыва в асфальте оказался в быстрине, напоминавшей речные пороги. Вода неслась под напором так, что кораблик маневрировал от одной стороны Витчем-стрит до другой, поток быстро уносил его — так быстро, что Джордж должен был бежать, чтобы поспевать за ним. Вода грязными

брызгами отлетала от его галош в разные стороны. Брызги весело жонглировали, когда Джордж Денбро бежал навстречу своей странной смерти, и чувство, наполнявшее его в этот момент, было чувством любви, чистой и простой любви к брату Биллу... любви и немножко сожаления, что Билл не мог быть здесь вместе с ним, видеть это и быть частью этого. Конечно, он постарается рассказать все Биллу, когда вернется домой, но он знал, что не сможет рассказать так, чтобы Билл УВИДЕЛ это, а вот Билл, окажись он на его месте, сумел бы рассказать все так, что он, Джордж УВИДЕЛ бы это. Билл хорошо писал и читал, но даже для своего возраста Джордж был достаточно умен, чтобы понимать, что не только поэтому во всех табелях у брата высокие оценки и не только поэтому учителя так любят его сочинения. ГОВОРИТЬ — это еще не все. Билл хорошо ВИДЕЛ.

Кораблик только что не гудел — но это страничка из раздела рекламы газеты «Новости», а Джорджу сейчас представлялось, что это корабль из фильма о войне — из тех фильмов, которые он иногда смотрел с Биллом в кинотеатре на субботних утренниках. Картина о войне с Джоном Вейном, сражающимся с японцами. Кораблик рвался вперед и нос его рассекал воду, так добрался он до восточной трубы на левой стороне Витчем-стрит. В этом месте новый поток обрушился в трещину на асфальте, образовав большую воронку; мальчику показалось, что сейчас вода захлестнет кораблик и он вот-вот опрокинется. Кораблик опасно накренился, но тут Джордж возликовал — кораблик выпрямился, повернулся и стремительно понесся к перекрестку. Джордж побежал, надеясь захватить его. Над его головой неумолимый жестокий шквал октябрьского ветра с ревом раскачивал деревья, благодаря урагану почти полностью лишившиеся груза разноцветной листвы... Урагану, который в этом году пожал самый страшный урожай.

2

Сидя в кровати, с пылающими от жара щеками (его лихорадка, также как и Кендускеаг, сходила уже на нет), Билл закончил кораблик, Джордж протянул было руку, но Билл не дал его.

— Теперь принеси-ка мне парафин.

— Что это? Где он?

— На полке в подвале, спустись туда, — сказал Билл. — В коробке, на которой написано: «Гггалф». Принеси ее мне, и нож, и ммиску, и ппачку спичек.

Джордж послушно вышел из комнаты, чтобы принести все это. Он слышал, как мама играла на пианино, но не «к Элизе», а что-то другое, что не очень ему нравилось, что-то звучащее сухо и как-то вычурно; он слышал, как дождь непрерывно бил в окно кухни. Это были умиротворяющие звуки, но он думал о том, что подвал был совсем не умиротворяющим, что там что-то есть в темноте. Это, конечно, было глупо, так говорил отец, и мама так говорила, и — что даже важнее — так говорил Билл, но все-таки...

Он не любил даже открывать дверь, чтобы включить свет, потому что его не покидало ощущение — это было так чудовищно глупо, что он никому не осмеливался рассказать такое, — что пока он нащупывает выключатель, какая-то ужасная когтистая лапа тихонько ложится на его руку — а затем резко дергает его в темноту, которая пахнет грязью и сыростью, и бесцветными гнилыми овощами.

Глупо! Не было ничего такого дико злобного, волосатого с когтями. Время от времени кто-то сходил с ума и убивал множество людей — Чет Хантли рассказывал о таких вещах в вечерних новостях, — и конечно же были коммунисты, но не существовало жившего в подвале чудовища. И все-таки мысль о нем свербил. В те бесконечные минуты, пока правая рука его тянулась к выключателю, левая в это время судорожно хваталась за дверной косяк, казалось, что подвальный запах заполняет весь мир. Сейчас запах грязи, сырости и гнилых овощей сольется в безошибочный неотвратимый запах — запах чудовища, апофеоза всех чудовищ. Это был запах чего-то такого, чему не было названия: запах ЕГО, затаившегося перед прыжком — и его, готового к прыжку. Существо это чем-то питалось, но особенно изголодалось оно по человечине, по мясу мальчика.

В тот день он открыл дверь и потянулся к выключателю, одновременно держась, как обычно, мертвой хваткой за дверной косяк. Глаза его были в тревоге закрыты, кончиком языка он увлажнял пересохшие губы — так измученный жаждой корешок нащупывает воду в пустыне. Смешно? Наверно. Эх, ты! *Смотри-те-ка, Джордж! Джордж боится темноты! Что за ребенок!*

Звуки пианино доносились из той комнаты, которую папа называл гостиной, а мама — залом. Музыка звучала как будто из другого мира, издалека — так должен звучать разговор и смех для измученного, борющегося с встречным течением пловца. Его пальцы нашли выключатель. Щелк! — И ничего. Никакого света!

Вот те на! Электричество!

Джордж отдернул руку, как от корзины, наполненной змеями. Он шагнул в разверстую дверь подвала, сердце у него в груди

учащенно билось. Электроэнергии не было, конечно, — он забыл, электроэнергию отключили. Бог ты мой! Что теперь делать? Идти назад и сказать Биллу, что он не может достать коробку с парафином, в темноте, он боится, ведь ЧТО-ТО может схватить его, пока он стоит на лестнице в подвал, ЧТО-ТО такое, что заграбастает его, намного страшнее комми или убийцы? ОНО просто размажет часть его «я» по ступеням лестницы? Другие ох и посмеялись бы над такой нелепой фантазией, но Билл, он смеяться не станет. Билл взбесится и скажет: «Стань взрослым, Джордж! Ты хочешь этот кораблик или нет?»

И, как будто отгадав его мысли, Билл позвал из спальни:

— Ты там не умер, Джордж?

— Нет, я иду, — тотчас отозвался Джордж. Он потер руки, стараясь разгладить кожу, чтобы исчезли предательские гусиные пупырышки.

— Я просто задержался попить...

— Ну, ппоторапливайся!

И он прошел четыре ступеньки вниз, в самый подвал, — сердце, теплый бьющийся молоточек, ушло у него в пятки, волосы на затылке встопорщились, глаза горели, а руки были ледяные — уверенный, что вот сейчас дверь подвала распахнется сама собой, закрыв белый свет, проникающий из кухни, и потом он услышит ЕГО, нечто похуже всяких комми и убийц на свете, хуже, чем японцы, хуже, чем варвар Аттила, хуже, чем что-либо в сотне фильмов ужасов. ОНО ползает где-то в глубине подвала — он слышит рычание в доли секунды, перед тем, как ОНО набросится на него и выпустит ему кишки.

Запах в подвале сегодня был тяжелее, чем всегда, из-за наводнения. Их дом стоял высоко на Витчем-стрит, у гребня холма, и потому избежал наихудшего, но все равно внизу стояла вода, просочившаяся через старый каменный фундамент. Из-за неприятного запаха становилось трудно дышать.

С максимальной быстротой Джордж изучил весь хлам, разбросанный на полке: старая банка из-под киви, гуталин, тряпки, разбитая керосиновая лампа, две пустые бутылки Виндекс, банка с воском «Черепаша». Каким-то таинственным образом эта банка стукнула его, и он несколько секунд в гипнотическом замешательстве смотрел на черепаху, нарисованную на крышке. Затем подвинул ее... — и вот, наконец-то, она, вожаделенная квадратная коробочка с надписью «Галф».

Джордж схватил ее и быстро побежал вверх по лестнице, сообщив вдруг, что у него сзади болтается незаправленный хвост

рубашки, и уверенный в том, что эта оплошность сработает против него: ТО, что в подвале, выпустит его, но в самый последний момент схватит за этот хвост и затащит обратно...

Он добежал до кухни, с грохотом затворил за собой дверь и прислонился к ней спиной, закрыв глаза, весь в поту, крепко сжав в руке коробочку с парафином.

Пианино замолкло, и до него донесся голос мамы:

— Джордж, в следующий раз не мог бы ты быть поаккуратнее с дверью? Так ты нам разобьешь все тарелки в буфете.

— Извини, мама, — отозвался он.

— Джордж, ты теряешь время, — сказал Билл из спальни. Он говорил тихим голосом, чтобы мама не слышала.

Джордж выдал из себя смешок. Его страх уже улетучился. Так ускользает кошмар от человека, только что проснувшегося в холодном поту и тяжело дышащего; он ощущает свое тело и осматривается, чтобы удостовериться, что ничего страшного не происходит, и вскоре полностью абстрагируется от сна. Кошмар понемногу оставляет его в тот момент, когда ноги его коснутся пола, рассеивается, когда он примет душ и разотрется полотенцем, а к концу завтрака и вовсе улетучивается... до следующего раза, когда, снова охваченный кошмаром, он вспоминает все.

«*Та черепаха*, — думал Джордж, приближаясь к полке, на которой лежали спички. — *Где раньше я видел такую черепаху?*»

Но ответа не было, и Джордж выбросил вопрос из головы.

Он взял с полки коробок спичек, снял нож с гвоздя (держа острие на расстоянии от себя, как учил его отец) захватил маленькую миску из буфета в столовой и направился в комнату к Биллу.

— Какой же ты жжжоп, Джордж, — сказал Билл довольно дружелюбно и убрал на ночной столик часть своего гриппозного набора: пустой стакан, бутыл с водой, книжки, пузырек специфического лекарства, запах которого Билл потом всю жизнь будет связывать с астматическим дыханием и с сопливым носом. Там было и старое радио, игравшее не Шопена и не Баха, а мелодию «Маленький Ричард», только очень нежно, так нежно, что Маленький Ричард лишен был своей неистовой силы. Их мать, изучавшая классическую музыку в Джуллиарде, не признавала рок-н-ролл, а просто не выносила его.

— Я не жопа, — сказал Джордж, присев на край кровати Билла.

— Нет, жопа, — сказал Билл. — Ничего, кроме большой черной жопы, вот ты кто.

Пытаясь представить себе ребенка в виде большой жопы на ногах, Джордж начал хихикать.

— Ты жопа больше, чем *Августа*, — сказал Билл, тоже захихикав.
— А ты жопа больше, чем вся *страна*, — ответил Джордж. Мальчики раззадорились.

Затем разговор перешел в шепот, понятный только маленьким мальчикам: обсуждалась, кто самая большая жопа, у кого самая большая жопа, чья жопа самая черная и т. п. Наконец, Билл произнес одно из запрещенных слов — он обвинил Джорджа в том, что тот — большая черная ЗАСРАННАЯ жопа — и оба они расхохотались. Смех Билла перешел в приступ кашля. Когда он стал задыхаться от кашля (лицо его приобрело сливовый оттенок, испугавший Джорджа), пианино снова замолкло. Оба мальчика посмотрели в сторону гостиной и услышали скрип отодвигаемого от пианино стула, и торопливые шаги матери. Билл уткнулся ртом в локтевой сгиб, пытаясь подавить кашель, и указал на бутылку с водой. Джордж налил ему стакан воды, и Билл ее тотчас выпил.

Пианино снова заиграло — снова «к Элизе». Заика Билл никогда не забывал этой пьесы и даже много лет спустя у него по спине и по рукам бегали мурашки и падало сердце, когда он вспоминал: «*Мама играла это в тот день, когда умер Джордж*».

— Ты больше не кашляешь, Билл?

— Нет.

Билл вытащил таблетку из коробочки с лекарствами, откашлялся, выплюнул мокроту в марлечку, скрутил ее и бросил в корзинку для мусора, стоявшую у кровати, в которой уже было полно марлевых комочков. Затем он открыл коробочку с парафином и положил кубик воска на ладонь. Джордж внимательно смотрел на Билла, но молчал и никаких вопросов не задавал. Джордж знал: когда Билл что-то делает, он не любит, чтобы с ним заговаривали, зато если будешь держать рот на замке, Билл сам все объяснит.

Билл взял нож и отрезал маленький кусочек от кубика парафина. Он положил кубик в миску, зажег спичку и положил ее поверх парафина. Оба мальчика уставились на маленькое желтое пламя, а ветер на улице в это время стучал дождем в окна дома.

— Нужно сделать кораблик водонепроницаемым, иначе он намокнет и потонет, — сказал Билл. Говоря с Джорджем, он мало заикался, иногда вообще не заикался. А вот в школе заикание было настолько сильным, что становилось трудно говорить. Общение с одноклассниками прерывалось, и они отводили глаза в сторону, а Билл сидел, стиснув руками края парты, и лицо у него становилось красным под цвет волос, а глаза суживались в щелки, когда он силился выдать слово из своей заикающейся глотки. Иногда — довольно часто — это получалось. Но порой усилия оказывались

тщетными. Когда ему было три года, его сбило машиной и отбросило в сторону дома. Мама говорила, что тот несчастный случай и вызвал заикание. Но Джорджу иногда казалось, что отец, да и сам Билл не были в этом уверены.

Кусочек парафина в миске почти полностью растаял. Пламя спички расплзлось, стало синим в месте соприкосновения с картонной подпоркой, а затем потухло. Билл опустил палец в жидкость и тут же, обжегшись, отдернул. «Горячо» — сказал он. Через несколько секунд он снова окунул палец в жидкий воск и начал размазывать его по сторонам кораблика; воск быстро высыхал, приобретая молочный оттенок.

— Можно мне? — спросил Джордж.

— О'кей. Только не капни на одеяло, а то мама убьет тебя.

Джордж опустил палец в парафин — очень теплый, но не горячий — и начал растирать его по другой стороне кораблика.

— Не клади так много, жопа! — сказал Билл. — Ты хочешь утопить его в самом первом рейсе?

— Нет-нет.

— Тогда клади поменьше.

Джордж закончил другую сторону, подержал кораблик в руках. Он стал чуть-чуть тяжелее, но не намного. — Холодно. Я пойду пущу его, — сказал Джордж.

— Да, давай, — сказал Билл. Он вдруг устал — устал и выглядел не лучшим образом.

— Жаль, что ты не можешь пойти, — сказал Джордж. Он действительно жалел. Правда, Билл любил командовать, но у него всегда были здравые идеи и он никогда не задавался. — Это ведь твой кораблик.

— Он твой. Мне тоже жалко, что я не могу пойти.

— Ну... — Джордж с корабликом в руках переминался с ноги на ногу.

— Надень дождевик, — сказал Билл, — а то подхватишь грипп, как я. А можешь заразиться и от моих микробов.

— Спасибо Билл. А здоровский кораблик... — и он сделал то, что давно не делал, и чего Билл никогда не забывал: он наклонился и поцеловал брата в щеку.

— Теперь наверняка заразишься, жопа, — сказал Билл, но при этом был очень доволен. Он улыбнулся Джорджу. — Отнеси все это назад, а то мама расстроится.

— Конечно. — Джордж собрал весь материал для создания водонепроницаемости и вышел из комнаты. Кораблик лежал на парафиновой коробочке, коробочка — в миске.

— Джордж?..

Джордж обернулся и посмотрел на брата.

— Будь осторожен.

— Конечно. — Брови Джорджа удивленно поднялись. Так говорила мама, но не брат, пусть даже старший. Это было так же необычно, как и то, что он поцеловал Билла. — Конечно.

Он ушел. Больше Билл никогда не видел его.

3

Теперь Джордж был здесь, гоняясь за своим корабликом по левой стороне Витчем-стрит. Он бежал быстро, но вода бежала быстрее, и его кораблик вырвался вперед. Он услышал все более усиливающийся гул и увидел, что в пятидесяти ярдах от холма вода из канавы стекает в еще открытый водосток. Джордж заметил, что из водостока торчала сломанная ветка с темной и блестящей, как у шкуры тюленя, корой. Кораблик на какое-то мгновение задержался там, а затем соскользнул внутрь. Вот куда занесло его кораблик!

— Черт побери! — закричал Джордж в отчаянии.

Он побежал быстрее, еще надеясь поймать кораблик. Потом нога его соскользнула, и он пошел враскорячку, ободрав колено и плача от боли. Передвигаясь таким образом, он увидел, как его кораблик качнулся дважды, но его в тот же миг подхватило потоком, и затем он исчез.

— Черт возьми! — снова закричал Джордж и ударил кулаком по мостовой.

Это причинило новую боль, и он снова заплакал. Так глупо потерять кораблик! Он поднялся и пошел к стоку. У края его он встал на колени, вперившись глазами вовнутрь. Падая в темноту, вода издавала глухой звук. Это был какой-то мистический звук. Он напоминал ему о... «Ух!» — этот звук вырвался из него, как разжатая пружина, и он отшатнулся.

Там, внизу, были желтые глаза, глаза, которые он всегда себе представлял, но никогда в действительности не видел — у себя дома, в подвале. *Это животное*, подумал он бессвязно, *какое-то животное, может быть, домашний кот, который застрял там...*

Все-таки он готов был бежать — бежать тотчас же, без оглядки, когда его внутренний регулятор оправился от шока, произведенного сверкающими желтыми глазами. Он почувствовал грубую поверхность щебенки и холодную воду пальцами. Он уже видел, как встает и ретируется, и тогда какой-то голос — совершенно разумный и довольно приятный голос — сказал ему оттуда: «Привет, Джорджи».

Джордж заморгал и снова посмотрел вовнутрь. Он едва мог поверить тому, что видит; это было похоже на какую-то выдумку или на кино, где животные танцуют и разговаривают. Если бы он был на десять лет старше, он бы не поверил в то, что видит, но ему было не шестнадцать, а всего шесть лет.

В канаве был клоун. Видно было неважно, но достаточно хорошо, чтобы Джордж Денбро убедился в том, что он видит. Это был клоун, похожий на клоуна в цирке или по телевизору. Он выглядел как нечто среднее между Бозо и Кларабель, который (или которая? — он никогда не знал точно, он это или она) гудел в рожок по утрам в крестильные субботы; только Боб Буффало мог понять Кларабель, и это всегда задевало Джорджа. Лицо клоуна в канаве было белым, с обеих сторон его плешивой головы торчали смешные ключья рыжих волос, а к губам налипла клоунская гримаса. Живи Джордж позже, ему бы прежде всего пришел в голову Рональд Макдональд, а вовсе не Бозо и Кларабель.

Клоун держал в одной руке связку разноцветных воздушных шаров — словно разноцветные сочные плоды. А в другой руке — бумажный кораблик Джорджа.

— Хочешь свой кораблик, Джордж? — улыбнулся клоун.

Джордж улыбнулся в ответ. Он не мог не улыбнуться — улыбку клоуна нельзя было оставить без ответа.

— Конечно, — сказал он.

Клоун засмеялся. — Конечно! Это хорошо. Это очень хорошо! А как насчет шарика?

— Ну... конечно! — Джордж потянулся было, но затем нехотя убрал руку.

— Мне не разрешают ничего брать у чужих. Так сказал папа.

— Очень мудро с его стороны, — сказал, улыбаясь, клоун, устроившийся в канаве.

«Как это я мог подумать, что у него желтые глаза?» — недоумевал Джордж. Они были ясными, живыми, голубыми — как у мамы, как у Билла. — Это очень мудро, конечно. Поэтому я хочу представиться. Джордж, я мистер Боб Грей, известный также как Танцующий Клоун Пеннивайз. Пеннивайз, познакомься с Джорджем Денбро. Джордж, познакомься с Пеннивайзом. Теперь мы знаем друг друга. Я тебе не чужой, и ты мне не чужой. Правильно я говорю?

Джордж хихикнул. — Думаю, что да. — Он потянулся снова — и снова убрал руку. — Как вы туда попали?

— Бура сдула меня, — сказал Танцующий клоун. — Она сдула весь цирк. Ты чувствуешь запах цирка, Джордж?

Джордж весь подался вперед. Внезапно он почувствовал запах арахиса. Горячие жареные арахисовые орешки! И укус! Белая масса, которую вы кладете на жаренные ломтики картофеля через отверстие в крышке. Он мог почувствовать запах сладкой ваты и жареных пончиков и слабый, но явственный запах испражнений дикого животного. Он уловил запах свежих опилок. И еще...

И еще при всем при этом был запах потопы и гниющих листьев и мрачных теней. Запах был сырой и затхлый. Запах подвала.

Но другие запахи были сильнее.

— Вы уверены, что я чувствую его? — сказал он.

— Хочешь свой кораблик, Джорджи? — спросил клоун. — Я повторяюсь, так как ты, по-видимому, не очень-то его жаждешь.

Он, улыбаясь, протянул кораблик. На клоуне был мешковатый шелковый костюм с огромными оранжевыми пуговицами. Впереди болтался яркий галстук, на руках были большие белые перчатки, наподобие тех, что всегда носили добрый Микки Маус и Утенок Дональд.

— Да, конечно, — сказал Джордж, глядя в водосток.

— А шарик? У меня есть красные, и зеленые, и желтые, и голубые...

— А они летают?

— Летают? — Лицо клоуна расплылось в улыбке. — Да, конечно! Они летают! А вот сладкая вата...

Джордж потянулся.

Клоун схватил его за руку.

И Джордж увидел, что лицо клоуна изменилось.

То, что он увидел потом, было настолько ужасно, что все его наихудшие представления о подвале в сравнении с этим походили на сладкие грезы; то, что он увидел, помутило его рассудок.

— Они *летают*, — сказала то, что было в канаве сиплым хихикающим голосом. Оно схватило руку Джорджа мертвой хваткой, оно утатило Джорджа в эту ужасную темноту, где вода бесновалась, клочкотала и ревела так, как когда она несет груз обломков после страшной бури в море. Джордж отпрянул от этой крошечной тьмы и начал кричать в дождь, безумно кричать в бледное осеннее небо, которое нависло над Дерри в тот день осенью 1957 года. Крик его был пронзительный и пронизывающий, и все, кто жил на Витчем-стрит — от начала улицы и до ее конца — поспешили к окнам или открыли двери. «Они летают, Джорджи, прорычало ОНО, — они летают, и когда ты спустишься сюда со мной, ты тоже полетишь».

Плечо Джорджа ударились о цемент в основании водостока, и Дейв Гарднер, который в тот день не пошел на работу из-за наводнения,

видел маленького мальчика в желтом дождевике, маленького мальчика, который кричал, извивался в водостоке, грязная вода заливала ему лицо, крики захлебывались и приглушались водой.

«Все здесь плавает, — шипел хихикающий мерзкий голос, затем внезапно раздался звук, какой бывает, когда что-то рвется, вырвалась вспышка агонии, и Джордж Денбро больше ничего не узнал...

Дейв Гарднер прибежал первым, и хотя прошло всего сорок пять секунд после первых криков, Джордж Денбро был уже мертв. Гарднер взял его сзади за дождевик, вытащил на улицу... и сам закричал, так как тело Джорджа перевернулось у него в руках. Левая сторона плаща у него было ярко-красная. Кровь стекала в сточную канаву из зияющей дыры, где раньше была левая рука. Кусок кости, ужасно яркий кусок кости, торчал из разорванной материи.

Глаза мальчика смотрели в белое небо, и когда Дейв, шатаясь, в полной прострации шел по улице, а другие люди в суматохе бежали по ней, глаза стали наполняться дождем.

Где-то внизу, в бушующей канализации, до предела заполненной нечистотами («Никто не мог там тогда находиться говорил позже с негодованием, почти с яростью репортеру Дерри Ньюз шериф округа, — самого Геркулеса смело бы в том неистовствующем потоке»), кораблик Джорджа продолжал свой путь через темные отсеки и длинные бетонные проходы, в которых ревела и клокотала вода. Какое-то время он плыл бок о бок с мертвым цыпленком, желтые лапки которого стали почти прозрачными, а потом, где-то в восточной части города, цыпленок был снесен течением влево, в то время как кораблик продолжал плыть прямо.

Через час, пока мать Джорджа приводили в чувство в реанимационной палате домашнего госпиталя Дерри и пока Заика Билл сидел ошеломленный, белый и безмолвный в постели, слушая хриплые рыдания отца в гостиной, где мать играла «к Элизе», когда Джордж уходил из дома, кораблик вырвался через лазейку, как пуля из дула ружья, и на огромной скорости устремился к шлюзу и далее в безмянный поток. Когда минут через двадцать он вышел в бурлящую, вспученную реку Пенобскот, вверх на небе явились первые проблески синевы. Буря кончилась.

Кораблик погружался и всплывал, вода затекала вовнутрь, но он не тонул: два брата обезопасили его. Не знаю, где он в конце концов оказался, если это могло произойти; быть может, добрался до моря и плавает там вечно, как сказочный волшебный корабль. Я знаю о нем лишь то, что пересекая черту города Дерри, штат Мэн, он все еще плыл по воде, но с этого момента навсегда уходит из моего рассказа.

Глава 2 ПОСЛЕ ФЕСТИВАЛЯ (1984)

1

Адриан потому носил эту шляпу, позже говорил рыдая его друг в полиции, что он выиграл ее в конкурсе-фестивале как раз за шесть дней до своей смерти. Он гордился ею.

— Он носил ее, потому что ЛЮБИЛ этот дерьмовый городишко, — орал полицейским его друг Дон Хагарти.

— Спокойно, спокойно — нет необходимости в таких выражениях, — сказал Хагарти офицер Гарольд Гарднер. Гарольд был одним из четырех сыновей Дейва Гарднера. В тот роковой день, когда Дейв Гарднер нашел безжизненное, лишенное руки тело Джорджа Де-нбро, его сыну было шесть лет. А в этот день, спустя почти двадцать семь лет, ему было тридцать два и он начинал лысеть. Сознывая, какую горечь и боль испытывает сейчас Хагарти, Гарольд Гарднер в то же время понимал, что нельзя принимать его горести всерьез. Этот человек, если вообще его можно называть человеком, красил губы и носил атласные панталоны, так плотно его облежавшие, что вырисовывалась каждая складка на его члене. Горе горем, печаль печалью, а все же он без сомнения тронутый. Как и его друг, покойный Адриан Меллон.

— Давай-ка провернем все сначала, — сказал коллега Гарольда, Джеффри Ривз. — Вы вдвоем вышли из Фэлкона и пошли по направлению к каналу. Что потом?

— Сколько раз, идиоты, я вам должен пересказывать это? — продолжал орать Хагарти. — Они убили его! Они сделали из него котлету! И для них это просто обычный день в Мако Сити! Хагарти зарыдал.

— Ну, еще раз, терпеливо повторил Ривз. — Вы вышли из Фэлкона. Что потом?

Внизу, в комнате следователей, двое других полицейских разговаривали со Стивом Дубей, юношей семнадцати лет; наверху в комнате для работы с несовершеннолетними еще двое допрашивали Джона Вебби Гартона, которому было восемнадцать; а в кабинете шефа полиции на пятом этаже сам шериф Эндрю Рейдмахер и помощник прокурора округа Том Бутильер допрашивали пятнадцатилетнего Кристофера Унвина. Унвин — на нем были стертые джинсы, засаленная, почти липкая рубашка и саперные ботинки — плакал. Рейдмахер и Бутильер хорошо взяли за него, так как поняли, что он — самое слабое звено во всей этой цепочке.

— Давай-ка провернем все сначала, — сказал Бутильер в этом кабинете, в то время как те же самые слова говорил Джефффри Ривз двумя этажами ниже.

— Мы совершенно не хотели его убивать, — простонал Унвин. — Это все шляпа. Мы никак не могли поверить, что он еще может... может носить свою шляпу после того, что перед тем сказал ему Вебби. Мы просто хотели припугнуть его.

— За то, что он сказал, — вмешался Рейдмахер.

— Да.

— Джону Гартону, днем семнадцатого.

— Да, за то, что он сказал Вебби. — Унвин залился слезами. — Но мы попытались спасти его, когда увидели, что он в беде... во всяком случае, я и Стив Дубей... мы совершенно не собирались его убивать!

— Ну, ладно, Крис, не заливай, — сказал Бутильер. — Ты бросил тело бедняги в канал.

— Да, но...

— И вы втроем чистосердечно в этом признались. Мы это ценим, не правда ли, Энди?

— В каком-то смысле да. Но каждый должен отвечать за свои поступки, Крис.

— И потому, если врешь нам — нагадишь себе. Итак, ты бросил его в канал и через минуту увидел его, выходящего из Фэлкона со своим приятелем.

— Нет! — горячо запротестовал Крис Унвин.

Бутильер достал пачку «Мальборо», вытащил из нее сигарету, сунул ее в рот, и протянул пачку Унвину.

— Сигарету?

Унвин взял одну. Бутильеру пришлось осторожно поднести спичку к его губам, чтобы дать прикурить; губы Унвина дрожали.

— Но когда ты заметил, что на нем шапка? — спросил Рейдмахер.

Унвин глубоко затынулся, опустил голову так, что его засаленные волосы упали на глаза, выпустил дым из угреватого носа.

— Угу, — сказал он еле слышно.

Бутильер посмотрел на него, нахмурив брови. Но, хотя лицо его было суровым, тон был мягкий.

— Что ты говоришь, Крис?

— Я сказал, да. Кажется, видел. Сбросить его, но не убить. — Он взглянул на них. Лицо безумное и несчастное. Он до сих пор не мог взять в толк, сколь большие перемены произошли с ним с тех пор, как ушел из дома с двумя своими друзьями и затем в 7.30 вечера накануне того дня отправился на праздник дней Канала. — Но не убить! — повторил он. А тот парень под мостом... Я до сих пор не знаю, кто это был.

— Что еще за парень? — спросил Рейдмахер без особого интереса. Они слышали эти рассказы и раньше, но никто из них не верил этому — рано или поздно обвиняемые в убийстве вытаскивают этого таинственного другого парня. Бутильер называл это: «Синдром вооруженного человека, в честь старого телесериала «Дезертир».

— Парень в клоунском костюме, — сказал Крис Унвин и затрясся. — Парень с шарами.

3

Фестиваль дней Канала, который проходил с пятнадцатого по двадцать первое июля, проходил с огромным успехом, с этим было согласно большинство жителей Дерри: нужное мероприятие для имиджа города в моральном плане, и... для бумажника. Недельный фестиваль был приурочен к столетию открытия Канала, проходившего через центр города. Этот канал полностью открыл Дерри для торговли лесом с 1884 по 1910 гг. Этот Канал вызвал бум вокруг Дерри.

Город приводили в порядок с востока на запад и с севера на юг. Досаждавшие жителям ямы и колдобины, к которым не притрагивались в течение десяти или более лет, были аккуратно заделаны. Внутри здания ремонтировались, внутри и снаружи их красили свежей краской. Самые непристойные мрачные высказывания типа: **УБИВАЙТЕ ВСЕХ ДУРИКОВ** или **СПИД ОТ БОГА, КРУТЫЕ ПЕДЫ!** — были счищены песком со скамеек и деревянных обшивок маленького пешеходного перехода через канал, известного под названием Мост Поцелуев.

В трех пустых витринах магазинов в центре города был устроен музей, посвященный Дням Канала и представленный экспонатами Микаэля Хинлона, местного библиотекаря и любителя-историка. Старейшие семейства города добровольно отдавали на обозрение свои бесценные сокровища, и в течение фестивальной недели около сорока тысяч жителей платили по 25 центов каждый, чтобы посмотреть на ресторанное меню 1890-х годов, топоры лесорубов 1880-х годов, детские игрушки 1920-х годов, а также около двух тысяч фотографий и девять частей кинокартины из жизни города за последние сто лет.

Спонсором музея выступило Деррийское женское общество, которое не пропустило некоторые из предложенных Хинлоном экспонатов и фотографий (например, фотографии банды Брэдли после известного налета). Но все сходились на том, что экспозиция имела огромный успех, а окровавленное старье в общем-то никто особо не хотел видеть.

Куда важнее было подчеркнуть положительное и закрыть глаза на отрицательное, как поется в старой песне.

В Дерри-парке под огромным полосатым тентом каждый вечер играл оркестр. В Бассей-парке был организован карнавал с катанием верхом и играми, в которых участвовали местные жители. Специальный трамвай каждый час колесил по историческим местам города; его маршрут заканчивался в кричащем веселом денежном конвейере.

Именно здесь Адриан Меллон выиграл ту шапку, которая его убьет, бумажный цилиндр с цветком и лентой, на которой было написано: Я ЛЮБЛЮ ДЕРРИ!

4

— Я устал, — сказал Джон Вебби Гартон. Как и два его приятеля, он был одет в подражание — и совершенно при этом неосознанное — Брюсу Спрингстину, хотя, если бы его спросили, он наверняка назвал бы Спрингстина занудой, а восторженно отозвался о таких «крутых» группах металл, как «Деф Леппард», «Твистид Систер» или «Джудас Прист». Рукава его простенькой футболки порвались, обнажив хорошо развитые мускулы рук. Густые темные волосы спадали на один глаз — это скорее было позаимствовано у Джона Сугара Мелленкампа, чем у Спрингстина. На руках была синяя татуировка — скрытые символы будто нарисованные ребенком. — Я не хочу больше говорить.

— Расскажи нам только о том, что было на ярмарке во вторник днем, — сказал Пол Хьюз.

Хьюз устал, он был шокирован и напуган всей этой омерзительной историей. О финале Дней Деррийского канала знали все, думал он, но никто не осмелился бы поместить сообщение об этом в ежедневную сводку новостей. А если бы осмелился, она выглядела бы так:

Суббота, 9.00 вечера: заключительный концерт оркестра (принимают участие оркестр средней школы Дерри и музыканты-любители общества парикмахеров).

Суббота, 10.00: большой праздничный фейерверк.

Суббота, 10.35: ритуальное жертвоприношение Адриана Меллона официально завершает Дни Канала.

— Насрать на ярмарку, — ответил Вебби.

— Только о том расскажи, что ты сказал Меллону и что он тебе ответил.

— О, Боже! — Вебби закатил глаза.

— Давай, Вебби, — сказал коллега Хьюза.

И Вебби Гартон снова начал рассказывать.

5

Гартон увидел их двоих, Меллона и Хагарти; они жеманно держали друг друга за талию и хихикали, как парочка девчонок. Сначала он и вправду подумал, что это девчонки. Но тут узнал Меллона, которого ему показывали раньше. Потом он увидел, как Меллон повернулся к Хагарти... и они поцеловались. «О, люди, я торчу!» — крикнул Вебби, почувствовав отвращение.

С ним были Крис Унвин и Стив Дубей. Когда Вебби указал на Меллона, Стив Дубей сказал, что другого пидера зовут кажется Дон какой-то и что он брал парня из хайхичинга в Дерри и пытался что-то проделать с ним.

Меллон и Хагарти направились к трем мальчикам — в сторону выхода с карнавала. Вебби Гартон потом рассказывал офицерам Хьюзу и Конли, что его «гражданская гордость» была уязвлена зрелищем дерьмового пидера, на котором была шляпа со словами Я ЛЮБЛЮ ДЕРРИ. Это была дурацкая шляпа — бумажная имитация цилиндра с огромным цветком, торчащим сверху и кланяющимся во все стороны. Дурацкая эта шляпа очевидно уязвила гражданскую гордость Вебби даже больше, чем сам Меллон.

Когда Меллон и Хагарти проходили мимо, обняв друг друга за талию, Вебби Гартон крикнул: — Я заставлю тебя съесть свою шляпу, дерьмовый пед!

Меллон повернулся к Гартону, кокетливо закатив глаза, и сказал:

— Если ты хочешь есть, дорогой, я могу найти тебе кое-что повкуснее моей шляпы.

— Сейчас перекрою рожу этому ублюдку — решил Вебби Гартон. — НИКТО никогда не предлагал мне сосать, НИКТО.

Он двинулся к Меллону. Приятель Меллона Хагарт, встревоженный и попытался оттащить Меллона, но Меллон стоял и улыбался. Гартон потом говорил офицерам Хьюзу и Конли, что он был совершенно уверен: у Меллона было что-то на уме. Да, было, соглашался Хагарт, когда эту идею подбросили ему офицеры Гарднер и Ривз. У него на уме была парочка жареных пончиков с медом, карнавал и весь этот день. Поэтому он не мог осознать реальной угрозы, которую являл собой Вебби Гартон.

— Таким был Адриан, — сказал Дон, промокая глаза тряпочкой и размазывая тени с блестками, которые он накладывал на веки.

— У него не было защитного слоя. Он был из тех дураков, для которых все всегда будет о'кей.

Гартон, видимо, был так глубоко уязвлен, что не почувствовал даже, как что-то коснулось его локтя. То была дубинка полицейского. Он обернулся и увидел Фрэнка Макена, блюстителя порядка.

— Ничего, паренек, — сказал Макен Гартону. — Ты думай о своих делах и оставь в покое тех веселых парней. Веселись.

— Да. Вы слышали, что он сказал мне? — возбужденно спросил Гартон. Теперь к нему присоединились Унвин и Дубей — во избежание беды они пытались оттащить Гартона, но Гартон оттолкнул их и повернулся к ним с кулаками. Его мужскому самолюбию нанесено оскорбление, которое должно быть отомщено. НИКТО не предлагал ему сосать, НИКТО.

— Я не думаю, что он тебя оскорбил, — сказал Макен. — Это ты заговорил с ним первый, я уверен. Давай, сынок, двигай отсюда. Не заставляй меня повторять это.

— Он сказал мне такое...

— Тебя это беспокоит? — спросил Макен, кажется, искренне заинтересовавшись, и Гартон залился отвратительной красной краской.

В ходе этого обмена мнениями Хагарт все более отчаянно пытался оттащить Адриана Меллона от места происшествия. Наконец, ему это удалось.

— Та-та, любовь! — развязно бросил Адриан через плечо.

— Заткнись, ты! — сказал Макен. — Проваливай отсюда.

Гартон хотел броситься на Меллона, но Макен схватил его.

— Я ведь могу забрать тебя, друг мой, — сказал Макен, — хотя в принципе действуешь ты неплохо.

— *Встречу тебя еще раз — врежу!* — крикнул Гартон вслед удалявшейся парочке, и они обернулись. — *И если на тебе опять будет эта дурацкая шляпа, убью! Этому городу педы не нужны!*

Не оборачиваясь, Меллон помахал пальцами левой руки — ногти у него были покрашены вишневой краской — и пошел, еще больше виляя задом. Гартон снова сделал рывок.

— Еще одно слово или движение — и ты пойдешь со мной, — мягко сказал Макен. — Поверь, мой мальчик, что сказал, то и сделаю.

— Пошли, Вебби, — встревожено сказал Крис Унвин. — Меллон ушел.

— Вам что, нравятся такие малые, а? — спросил Макена Вебби, игнорируя Криса и Стива.

— К любителям задницы я совершенно равнодушен, — сказал Макен. — Но я — за порядок и спокойствие, а ты нарушаешь то, что я люблю, морда! Ну что, хотите пойти со мной в обход или как?

— Давай, Вебби, — спокойно сказал Стив Дубей. — Пойдем поедим пирожки с сосисками.

И Вебби пошел, изливая свой гнев в эмоциональных жестах и то и дело отбрасывая падавшие на глаза волосы.

Макен, который также дал показание наутро после смерти Адриана Меллона, сказал: — *Последнее, что я услышал, когда он отошел с друзьями, было: «Встречу его еще раз — ЗДОРОВО ВРЕЖУ».*

6

— Я должен поговорить с матерью, — в третий раз сказал Стив Дубей. — Она мне нужна, чтобы смягчить отчима, иначе дома будет крошечный ад.

— Через некоторое время, — сказал ему офицер Чарлз Аварино. И Аварино, и его напарник, Барни Моррисон, знали, что Стив Дубей не пойдет вечером домой и еще много-много вечеров его не будет дома. По-видимому, парень не представлял, насколько серьезными было это задержание, и Аварино не удивился, узнав позже, что Дубей в шестнадцать лет бросил школу. Даже после третьей отсидки в седьмом классе умственное его развитие сильно отставало от сверстников.

— Расскажи нам, что случилось, когда ты увидел, как Меллон выходит из Фэлкона, — предложил Моррисон.

— Нет, лучше не надо.
— Почему? — спросил Аварино.
— Я уже и так рассказал слишком много.
— Ты пришел рассказывать, не правда ли? — сказал Аварино.
— Ну... да... но...
— Послушай, — сказал Моррисон с теплотой в голосе, садясь рядом с Дубеем и протягивая ему сигарету, — как ты думаешь, я и Чик — мы похожи на пидеров?

— Не знаю...
— Мы ПОХОЖИ на пидеров?
— Нет, но...

— Мы твои друзья, Стивио, — сказал торжественно Моррисон, — и поверь мне, тебе, и Крису, и Вебби — вам всем нужны сейчас друзья. Потому что завтра каждое обливающееся кровью сердце будет требовать вашей крови, ребята.

Стив Дубей выглядел слегка встревоженным. Но Аварино, хорошо читающий кошачьи мысли этого увальня, подозревал, что он опять думает об отчине. И хотя Аварино не питал пристрастия к веселенькой компании Дерри — как любой полицейский, он бы радовался, если бы «Фэлкон» навсегда закрыли, — он с удовольствием бы сам отвез Дубея домой. И с меньшим удовольствием держал бы Дубея за руки, пока отчим лупил, делал бы из него отбивную. Аварино не любил гомосексуалистов, но это отнюдь не означало, что их можно мучить и убивать. С Меллоном расправились жестоко. Когда его вытащили из-под моста через канал, его вытаращенные от ужаса глаза были открыты. А этот парень совершенно не представляет, чему он способствовал.

— Мы не собирались врезать ему, — повторил Стив. Он пошел на попятный и слегка смутился.

— И потому хотите выйти отсюда вместе с нами, — сурово сказал Аварино.

— Давай-ка, выкладывай факты, а не заливай. Правда, Барни?
— Сущая правда, — согласился Моррисон.
— Ну, так что ты скажешь? — терпеливо добивался Аварино.
— Ладно... — сказал Стив и медленно начал рассказывать.

7

Когда в 1973 г. Элмер Курти открывал Фэлкон он рассчитывал, что его клиентура будет состоять в основном из пассажиров автобусов — конечная станция, находящаяся по соседству, обслуживала три разные направления: Трейлвейз, Грейхаунд и Арустук Саунти.

Однако же он не учел, что автобусами ездят женщины и семьи с маленькими детьми. К тому же, многие пассажиры держали собственные бутылки в черных сумках и из автобуса предпочитали не выходить. Те же, кто выходил — обычно солдаты или моряки, — хотели не более, чем кружку-другую пива — ведь за десятиминутную стоянку хорошенько не заложишь.

Курти начал сознавать эти простые премудрости к 1977 году, но было уже слишком поздно: он крепко задолжал по счетам и совершенно не знал, как избавиться от красных чернил в графе «задолженность». Ему пришла мысль сжечь это место, чтобы получить страховку, но для этого надо было нанять профессионалов, иначе ведь попадешься, а он не имел ни малейшего представления, где ошиваются профессиональные поджигатели.

В феврале того года он решил: до 4 июля будь что будет, а если к тому времени ничего не изменится, он просто выйдет из соседней двери, сядет на автобус до Грейхаунда и посмотрит, как там, во Флориде.

Но в последующие пять месяцев бар вдруг стал процветать — его бар, выкрашенный изнутри черным с золотом и украшенный чучелами птиц (брат Элмера Курти был набивщиком чучел, специализировался на птицах, и после его смерти все это досталось Элмеру). Если раньше он наполнял шестьдесят кружек пива и от силы двадцать стаканов разных напитков за вечер, то теперь спрос увеличился до восьмидесяти кружек пива и до ста, ста двадцати, а то и до ста шестидесяти стаканов напитков...

Его клиенты были молодые, вежливые, почти сплошь мужчины. Многие из них одевались возмутительно вызывающе, но в те годы такая одежда была еще нормой. Примерно до 1981 года он и не представлял, что его постоянные посетители — исключительно гомики. Расскажи он это жителям Дерри, они бы рассмеялись, решив, что Элмер Курти их просто разыгрывает, а между тем это было совершенной правдой. Как человек, которому изменяет жена, он узнал последним... а к тому времени, когда узнал, ему было уже наплевать. Бар делал деньги, и хотя в Дерри было еще четыре бара, которые приносили доход, Фэлкон был единственным, где шумные завсегдатаи регулярно не устраивали погромов. Во-первых, здесь не бывало женщин, из-за которых обычно возникают драки, а эти мужчины, педы или не педы, по-видимому, владели секретом ладить друг с другом, в отличие от их гетеросексуальных коллег.

Когда Курти узнал о сексуальных предпочтениях своих завсегдатаев, его слуха стали достигать дикие рассказы о Фэлконе. На самом деле рассказывалось это уже задолго до 1981 года. Но Курти

просто не слышал. Он пришел к выводу, что самыми вдохновенными рассказчиками, смаковавшими детали, были мужчины, которые так боятся за свою шкуру, что их веревкой не затащить в Фэлкон.

Согласно их рассказам, в Фэлконе в любое время ночи можно увидеть танцующих мужчин, тесно прижавшихся друг к другу, групповую мастурбацию прямо на полу дансинг-холла, французские поцелуи в баре, сношение в ваннных комнатах. Якобы где-то в глубине была комната для желающих провести некоторое время на Башне Могущества — там находился громила в фашистской униформе, у которого до плеча была смазана рука и который был бы очень не прочь позаботиться о вас.

На самом деле все это было неправдой. Те, кто заходили в Фэлкон с автобусной станции, чтобы выпить пива или виски с содовой, не замечали там ничего экстраординарного. Гомиков, правда, много, но вообще-то обычный бар, каких тысячи в стране. Клиенты — гомики, но ведь гомик — не синоним дурака. Если им желательны были крайности, они ехали в Портленд. Если много крайностей — в Нью-Йорк или Бостон. Дерри же был маленьким провинциальным городишкой, и небольшое сообщество гомиков ценило крышу, под которой могло спокойно существовать.

Дон Хагарти к марту 1984 года был уже завсегдатаем Фэлкона, а однажды появился там с Адрианом Меллоном.

К концу апреля даже Элмеру Курти, которого мало беспокоили такие вещи, стало очевидным, что они состоят в любовной связи.

Хагарти был чертежником в одной технической конторе в Бангоре. Адриан Меллон был свободным писателем и печатался повсюду, где только мог: в журналах авиакомпаний, конфессиональных, региональных, порно-журналах, воскресных приложениях. Он работал над романом, хотя это сомнительно: уж больно давно он его начал — на третьем курсе колледжа, двенадцать лет тому назад.

Он приехал в Дерри написать очерк о Канале — у него было задание от «Нью Ингленд Байвейз» — вполне пристойного журнала, выходящего в Конкордии раз в два месяца. Адриан Меллон взялся за это задание, так как «Байвейз» обеспечивал ему трехнедельное содержание, включая симпатичный номер в деррийской гостинице, а на то, чтобы собрать требуемый для очерка материал, ему хватило бы пять дней. Еще две недели он мог собирать материал для других очерков.

Но в этот трехнедельный период он встретил Дона Хагарти, и вместо того, чтобы возвратиться назад, в Портленд, когда кредит был исчерпан, он нашел себе маленькую квартирку на Коссут-лейн. Он прожил там всего шесть недель. Потом он пошел с Доном Хагарти...

То лето, как сказал Хагарти Гарольду Гарднеру и Джеффу Ривзу, было самым счастливым в его жизни — это должно было насторожить его, ведь известно, что судьба немилостива к таким парням, как он.

Только неожиданное безрассудное отношение Адриана к Дерри сказал он, бросало тень на их жизнь. У Адриана была футболка с надписью «И Мэн не плохой — но Дерри великий!» У него был пиджак старшеклассников школы «Деррийские Тигры». И, конечно, шляпа. Ему необходима была живая атмосфера и поддержка со стороны. Похоже, в этом что-то было: около года назад в его манерах появилась некая томность.

— Он действительно работал над романом? — спросил Гарднер Хагарти, просто так, желая сделать ему приятное.

— Да, он сочинял роман. Он сказал, что это, наверно, страшный роман, но дальше он не будет таким страшным, нескончаемым. Он думал окончить его к своему дню рождения, в октябре. Конечно, он не знал, какой Дерри на самом деле; думал, что знает, но слишком недолго здесь пробыл, чтобы получить истинное впечатление от Дерри. Я все время говорил ему это, но он не слушал.

— А какой Дерри, Дон? — спросил Ривз.

— Он очень похож на старую увядшую проститутку, которая кокетничает и жеманничает, — сказал Дон Хагарти.

Оба полицейских уставились на него в тихом изумлении.

— Это ПЛОХОЕ место, — сказал Хагарти. — Клоака. Вы, два парня, не знаете этого? Вы, два парня, прожили здесь всю жизнь и не ЗНАЕТЕ этого?

Никто не ответил. Чуть погода Хагарти ушел.

Пока Адриан Меллон не вошел в его жизнь, Дон намеревался уехать из Дерри. Он пробыл там уже три года, главным образом потому, что согласился на долгосрочную аренду квартиры с самым фантастическим в мире видом на реку, но теперь аренда подошла к концу, и Дон был рад. Больше не надо будет ездить туда-сюда, в Бангор и обратно. Больше не будет таинственных происшествий — в Дерри, как он однажды сказал Адриану, всегда было что-то роковое. Быть может, Адриан и считал Дерри великим городом, но это испугало Дона. Какая-то мрачная гомофобия была свойственна этому городу, гомофобия, настолько ярко выраженная городскими проповедниками равно

как и надписями в Бассей-парке, что это сразу бросалось в глаза. Хагартти указал на это Адриану. Но тот рассмеялся.

— Дон, в каждом городишке в Америке есть контингент, который ненавидит гомосексуалистов, — сказал он. — Не говори мне, что ты не знаешь. В конце концов, это эпоха Ронн Морона и Филлиса Хауелая.

— Пошли со мной в Бассей-парк, — ответил Дон, увидев, что Адриан в самом деле считает, будто Дерри не хуже любого другого ярмарочного городка в глубинке Штатов. — Я хочу тебе кое-что показать, любовь моя.

Они поехали в Бассей-парк — это было в середине июня, приблизительно за месяц до убийства Адриана, как сказал Хагартти полицейским. Он привел Адриана в мрачную темень Моста Поцелуев, от которого на расстоянии пахло вонью. Он показал на одну из надписей. Адриану пришлось зажечь спичку, чтобы прочесть ее: **ПОКАЖИ МНЕ СВОЙ ХЕР, И Я ЕГО ОТРЕЖУ.**

— Я знаю, как люди относятся к гомикам, — спокойно сказал Дон Адриану. — Меня избили на автостоянке в Дейтоне, когда я был подростком; несколько парней в Портленде бросили мои ботинки в огонь перед баром, а его владелец, толстокожий кот, сидел в своей тачке и ржал. Я много видел... но я никогда не видел ничего подобного. Посмотри вот здесь.

Другая спичка осветила: **ВБИВАЙТЕ ГВОЗДИ В ГЛАЗА ВСЕМ ПЕДЕРАСТАМ (ВО ИМЯ ГОСПОДА)!**

— Все авторы этих призывов страдают глубоким психическим расстройством. Мне легче было бы считать, что это делает один человек, один изолированный больной, но... — Дон указал рукой на Мост Поцелуев. — Здесь много этого... и я не верю, будто все это сделал один человек. Вот почему я хочу уехать из Дерри, Эйд. Здесь слишком много людей, по-видимому, тяжело больных психически.

— Ладно, подожди, пока я закончу роман, о'кей? Ну пожалуйста! Октябрь, я обещаю, не позже. Здесь воздух лучше.

— Он не знал, что нужно остерегаться воды, — с горечью сказал Дон Хагартти.

10

Том Бутильер и шеф полиции Рейдмахер подались вперед, оба они молчали. Крис Унвин сидел с опущенной головой, и глядя в пол, монотонно рассказывал. Это было как раз то, что они хотели услышать: то, что определит судьбу этих подонков; по меньшей мере двое из них попадут в Томастон.

— На ярмарке ничего хорошего уже не было, — сказал Унвин. — Они все разобрали. Они уже повесили вывеску «закрыто». Все было закрыто, кроме детских катаний. Поэтому мы прошли мимо игр и Вебби увидел аттракцион «Бросай, пока не выиграешь», и он заплатил пятьдесят центов и увидел шляпу, которую держал на голове тот дурик, и он бросал, но все промазывал, и с каждым разом настроение у него все больше портилось. А Стиву (этот парень всегда всех подстрекает) все было по фигу, потому что он принял ту пилюлю, знаете? Я не знаю, что за пилюля. Красная такая. Может быть, даже дозволенная. Он стал подначивать Вебби: «Эх ты, даже не можешь выиграть шляпы того дурика, ты, должно быть, пропащий, если не можешь даже выиграть той шляпы». Я даже подумал, сейчас Вебби ударит его. В конце концов женщина дала ему приз, хотя он его и не выиграл. Просто хотела от нас избавиться. Хотя не знаю. Может и нет. Но я думаю, хотела. Шумелку такую дала, знаете? В нее дуешь, а она разворачивается и издает звук, словно пернул кто, знаете? У меня была одна. Я получил ее на Хэллоуин или на Новый год, или на какой-то херовый день рождения, кажется, она была здоровская, только я потерял ее. Или может быть, кто-то увел ее из кармана на этой херовой спортплощадке в школе, знаете? Так вот, ярмарка закрывается и мы уходим, а Стив все еще цепляется к Вебби, не мог мол выиграть шляпы того дурика, знаете, и Вебби помалкивает, а я знаю, что это плохой признак; надо, думаю, тему сменить, а чего придумать — не знаю. Приходим мы, значит, на стоянку автомобилей, Стив говорит: ты куда хочешь идти? Домой? А Вебби в ответ: давай-ка подрулим сначала к Фэлкону, посмотрим, нет ли там поблизости того дурика.

Бутильер и Рейдмахер обменялись взглядом. Бутильер приложил палец к щеке: этот недоносок в саперных ботинках не подозревает, что речь идет об убийстве первой степени.

— Я с ними не иду, я собираюсь домой, а Вебби говорит: «Ты что, испугался идти к тому дуриковому бару?» Ну я пошел, черт! А Стив все подначивает: «Пойдем размажем какого-нибудь дурика! Пойдем размажем какого-нибудь дурика!..»

11

По времени все выходило так, что срабатывало против всех и каждого. Адриан Меллон и Дон Хагарты вышли из бара Фэлкон после двух кружек пива, прошли мимо автобусной остановки, а затем соединили руки. Бездумно взялись за руки — и все. Было 10.20. Они дошли до угла и повернули налево.

Мост Поцелуев был почти в полумиле отсюда вверх по течению реки. Они намеревались пересечь Главный мост, который был не столь живописным. Речка Кендускеаг текла спокойно, вода по крайней мере на четыре фута не доходила до бетонных надолбов.

Когда машина поравнялась с ними (Стив Дубей заметил их обоих, когда они выходили из Фэлкона, и ликующе указал на них), они были уже у пролета.

— Врежь, врежь! — кричал Вебби Гартон. Двое мужчин как раз только что прошли под светофором, и он отметил то, что они держались за руки. Это разъярило его... но еще больше его разъярила шляпа. Огромный бумажный цветок кланялся во все стороны. — Врежь, черт возьми!

И Стив врезал.

Крис Унвин отрицал свое активное участие в том, что последовало, но Дон Хагартти утверждал иное. Он сказал, что Гартон вышел из машины еще до того, как она остановилась, а два другие быстро его догнали. Был разговор. Нехороший разговор. Со стороны Адриана в тот вечер не было никакого намека на дерзость или фальшивое кокетство, он понял, что они с Хагартти попали в беду.

— Дай мне эту шляпу, — сказал Гартон, — дай мне ее, дурик.

— Если я дам ее, вы оставите нас в покое? — Адриан хрипло дышал, только что не кричал от страха, переводя взгляд с Унвина на Дубея и на Гартона. Глаза его были полны ужаса.

— Давай же мне эту хреновину!

Адриан протянул шляпу. Гартон достал нож из переднего левого кармана джинсов и разрезал ее на два куска. Он потерял эти куски о зад своих джинсов. Затем бросил их под ноги и растоптал.

Дон Хагартти отпрянул назад, пока их внимание было разделено между Адрианом и шляпой — сказал, что искал полицейского.

— Теперь вы разрешите нам у... — начал Адриан Меллон, и вот тогда Гартон ударил его в лицо, отбросив на ограждение моста. Адриан закричал, схватившись руками за рот. По пальцам его текла кровь.

— Эй! — закричал Хагартти и бросился ему на помощь. Дубей подставил ему подножку. Гартон ударил его ботинком в живот, отбросил с пешеходной части на проезжую. В это время проезжала какая-то машина. Хагартти поднялся на колени и крикнул. Она не остановилась. Водитель, сказал он Гарднеру и Ривзу, даже не оглянулся.

— Заткнись, дурик! — сказал Дубей и ударил его в скулу. Хагартти упал на бок в водосток, в полубессознательном состоянии.

Через несколько минут он услышал голос Криса Унвина. Тот советовал ему убраться, пока он не получил того, что сейчас получает его приятель. Унвин в своих показаниях подтвердил это.

Хагарты слышал глухие удары и крик своего любовника. Так кричит кролик в силках, говорил он в полиции. Хагарты отполз к перекрестку, к яркому свету автобусной стоянки, и, когда оказался на достаточном расстоянии, обернулся.

Адриана Медлона, весившего примерно фунтов сто тридцать пять, совершенно мокрого, пинали от Гартон к Дубею, от него к Унвину, словно в какой-то игре с тремя участниками. Тело его тряслось и глухо шлепалось на землю, как тело тряпичной куклы. Они толкали его, били, рвали одежду. Хагарты видел, как Гартон ударил Адриана в промежность. Волосы Адриана прилипли к лицу. Кровь хлестала изо рта и насквозь промочила его рубашку. Вебби Гартон носил два тяжелых кольца на правой руке: одно — кольцо деррийской школы, другое он сделал сам в школьной мастерской — переплетение медные буквы ДБ. Буквы эти означали «Дед Багз» — группа металл, которой он восторгался. Кольца разорвали верхнюю губу Адриана и выбили три зуба сверху.

— *Помогите!* — кричал Хагарты. — *Помогите! Помогите! Они убивают его! Помогите!*

Дома на Мейн-стрит оставались темными и таинственными. Никто не пришел на помощь — даже из белого островка света — с автобусной станции. А ведь люди там были! Он видел их, когда вместе с Эйдом проходил мимо. Никто из них не пришел на помощь? Никто?

«*Помогите! Помогите! Они убивают его, помогите, пожалуйста, ради Бога!*»

— Помогите, — донесся до Дона Хагарты слабый шепот... а вслед затем хихиканье.

— *Задницын ублюдок!* — кричал теперь Гартон... кричал и смеялся. Все трое, как сказал Хагарты Гарднеру и Ривзу, хохотали, избивая Адриана. — *Задницын ублюдок!*

— *Задницын ублюдок! Задницын ублюдок! Задницын ублюдок!* — подпевал, смеясь, Дубей.

— Помогите, — снова послышался слабый голос, и потом — смехок — будто голос беззащитного ребенка.

Хагарты посмотрел вниз и увидел клоуна — и именно с этого момента Гарднер и Ривз начали скептически относиться ко всему, что сказал Хагарты, потому что все остальное было бредом лунатика. Однако потом, вспомнив, что Унвин тоже видел клоуна — или сказал, что видел, — Гарднер почувствовал себя озадаченным — у него появились мысли иного порядка. У его напарника либо никогда не было мыслей, либо он не признавался в них.

Клоун, как сказал Хагарты, напоминал и Рональда Макдональда и старого телевизионного клоуна Бозо — а может так ему только

показалось. Ключья рыжих волос торчали у него во все стороны, что и давало повод сравнивать его с Макдональдом и Бозо. Но по зрелом размышлении оказывалось, что он вовсе не был похож на них. Улыбка на белом блине нарисована красным, а не оранжевым, и глаза отливают таинственным серебряным блеском. Контактные линзы, возможно... хотя и тогда что-то ему подсказывало, и сейчас, что серебро, возможно, было настоящим цветом его глаз. На клоуне был мешковатый костюм с большими оранжевыми пуговицами-помпонами; на руках — картонные рукавицы.

— Если вам нужна помощь, Дон, — сказал клоун, — возьмите себе шарик.

И он предложил связку, которую держал в руке.

— Они летают, — сказал клоун. — Мы здесь внизу все летаем; очень скоро ваш приятель тоже полетит.

12

— Этот клоун назвал тебя по имени, — сказал Джефф Ривз бесцветным голосом. Он посмотрел через склоненную голову Хагарти на Гарольда Гарднера и подмигнул ему.

— Да, — сказал Хагарти, не поднимая взгляда. — Я знаю его голос.

13

— Итак, затем вы сбросили его, — сказал Бутильер, — сбросили задницына ублюдка.

— Не я! — сказал Унвин, взглянув вверх. Он убрал рукой спадавшие на глаза волосы и в упор посмотрел на полицейских. — Когда я увидел, что они в действительности хотят сделать, я пытался оттолкнуть Стива, так как знал, что так парня можно изувечить... Футов десять было до воды...»

До воды было двадцать три фута. Один из патрульных шефа полиции уже сделал замер.

— Он был похож на сумасшедшего. Те двое продолжали вопить «Задницын ублюдок! Задницын ублюдок!», а затем подняли его. Вебби держал его за руки, а Стив за штаны сзади и... и...

14

Когда Хагарти увидел, что они делают, он рванулся к ним, крича во весь голос: — Нет! Нет! Нет!

Крис Унвин оттолкнул его, и они с Хагарти упали в кучу металлической стружки на пешеходной дорожке. — Ты тоже хочешь туда? — прошипел Унвин. — Беги, щенок!

Они скинули Адриана Меллона с моста в воду. Хагарти услышал всплеск.

— Давайте сматываться отсюда, — сказал Стив Дубей. Он и Вебби пятились к машине.

Крис Унвин подошел к перилам и посмотрел вниз. Сначала он увидел Хагарти, ползущего по заросшей сорняками, заваленной отбросами насыпи к воде. Затем он увидел клоуна. Одной рукой клоун вытаскивал Адриана; в другой руке были шары. С Адриана стекала вода, он задыхался, стонал. Клоун вращал его голову и во весь рот улыбался Крису. Крис сказал, что он видел его сверкающие серебром глаза и его оскаленные зубы — большие, огромные зубы, сказал он.

— Как у льва в цирке, — сказал он. — Я имею в виду, что они такие же большие.

Затем, сказал он, он увидел, как клоун закидывает руку Адриана ему на голову.

— Что потом, Крис? — спросил Бутильер. Слушать такое ему надоело. Сказки наскучили ему с восьми лет.

— Да-да, — сказал Крис. — Это было, когда Стив схватил меня и пихнул в машину. Но... Я думаю, он укусил его подмышкой. Крис снова посмотрел на полицейских, но теперь неуверенно. — Я так думаю, он это сделал. Укусил его подмышкой. Как будто хотел съесть его. Как будто хотел съесть его сердце.

15

— Нет, — сказал Хагарти, когда ему представили версию Криса Унвина в форме вопросов. Клоун не вытаскивал и не тащил Эйда, во всяком случае, он этого не видел. До определенного момента клоун, по-видимому, был сторонним наблюдателем.

Клоун, как сказал Хагарти, стоял на дальнем берегу обхватив руками мокрое тело Эйда. Правая несогнутая рука Меллона, торчала из-за головы клоуна, а глаза клоуна вперились в правую подмышку Эйда, но он не кусал его, он улыбался. Хагарти увидел, что он смотрит из-под руки Эйда и улыбается.

Руки клоуна сжались, и Хагарти услышал, как затрещали ребра. Эйда пронзительно закричал.

— Плыви с нами, Дон, — произнес гримасничающий красный рот и рука в белой перчатке указала под мост.

Шары полетели под мостом — не десяток и не десять десятков, а тысячи — красные, и синие, и зеленые, и желтые, и на каждом было написано: Я ЛЮБЛЮ ДЕРРИ!

16

— Да, действительно тысячи шаров, — сказал Ривз и еще раз подмигнул Гарольду Гарднеру.

— Я знаю звук его голоса, — снова и снова повторял Хагартти тем же мрачным голосом.

— Ты видел эти шары, — сказал Гарднер.

Дон Хагартти медленно поднес руки к лицу.

— Я видел их так же ясно, как вижу свои собственные пальцы. Тысячи шаров. Ничего нельзя было разглядеть под мостом — так много их было. Они касались друг друга и расходились в стороны. И еще был звук, какой-то звук. Чудной, жалостливый. Это они терлись друг о друга. И бечевки. Свисал целый лес белых бечевок. Будто белые нити паутины. Клоун забрал Эйда туда. Я видел, как мелькает его костюм через эти бечевки. Эйд издавал ужасные удушливые звуки. Я устремился туда, за ним... и клоун обернулся. Я увидел его глаза, и тут же понял, кто он такой.

— Кто же это был, Дон? — спросил мягко Гарольд Гарднер.

— Это был Дерри, — сказал Дон Хагартти. — Этот город.

— И что вы тогда сделали? — спросил Ривз.

— Я побежал, черт вас дери, — сказал Хагартти и залился слезами.

17

Гарольд Гарднер сохранял спокойствие до 13-го ноября — до того дня, когда Джон Гартон и Стивен Дубей должны были предстать перед судом в окружном суде Дерри за убийство Адриана Меллона. Накануне суда он пошел к Тому Бутильеру. Он хотел поговорить с ним о клоуне. Бутильер не хотел этого, но, увидев, что Гарднер может сделать какую-нибудь глупость, согласился.

— Не было никакого клоуна, Гарольд. Единственные клоуны той ночью — те три мальчишки. Ты знаешь это не хуже меня.

— У нас есть два свидетеля...

— Это чужь. Унвин решил настроиться на Однорукого — их песня: «Мы не убивали несчастного пидера, это сделал Однорукий» — как только понял, что дело на этот раз пахнет керосином. Хагартти — истеричка. Он стоял рядом и наблюдал, как трое маль-

чишек убивают его лучшего друга. Я бы не удивился, если бы он увидел летающие тарелки.

Но Бутильер знал другое. Гарднер мог прочесть это в его глазах, и увертывание, вилание помощника прокурора федерального судебного округа раздражали его.

— Мы говорим с тобой сейчас о беспристрастных свидетелях, — сказал он. — Не засирай мне мозги.

— О, ты хочешь говорить об этой чепухе? Выходит, ты веришь, что под мостом был клоун-вампир? Все это бред собачий.

— Нет, не так, но...

— Или о том, что Хагарты увидел там биллионы баллонов и на каждом было написано в точности то же самое, что на шляпе его любовника? Это тоже бред собачий.

— Нет, но...

— Тогда зачем ты меня этим беспокоишь?

— Прекрати подвергать меня перекрестному допросу! — взревел Гарднер.

Оба они говорили одно и то же, хотя ни один из них не знал, что говорил другой.

Бутильер сидел за столом, играя карандашом. Теперь он положил карандаш, встал и подошел к Гарольду Гарднеру. Бутильер был на пять дюймов ниже, но Гарднер попятился, видя гнев полицейского.

— Ты хочешь, чтобы мы проиграли это дело? А, Гарольд?

— Нет. Конечно...

— Ты хочешь, чтобы эти празднующиеся хлюсты ходили на свободе?

— Нет!

— О'кей. Хорошо. Так как тут у нас полное согласие, я расскажу тебе без утайки, что думаю по этому поводу. Да, возможно под мостом в ту ночь был человек. Не исключено даже, что на нем был клоунский костюм, хотя я имел дело с достаточным количеством свидетелей и думаю, что это просто какой-то случайный бездельник в чужих обносах. Там он, возможно, торчал в поисках оброненной мелочи или мясных отбросов. Все остальное сделали его ГЛАЗА, Гарольд. Ну, что такое возможно?

— Я не знаю, — сказал Гарольд. Он бы сам хотел, чтобы его убедили, но учитывая точное соответствие двух описаний... нет. Он не считал такое возможным.

— Это уже слишком. Мне плевать, был ли это Кинко-клоун, или парень в костюме Анкла Сэма на ходулях, или Губерт Счастливчик. Если мы введем в дело этого парня, их адвокат уцепится за него, ты и ахнуть не успеешь. Он скажет, что два эти невинных агнца с

модными стрижками в модных костюмчиках не сделали ничего особенного, просто в шутку сбросили этого парня-гомика с моста в реку. Он заметит, что Меллон был еще жив после падения; у них для этого есть свидетельские показания Хагартти, а также Унвина.

— ЕГО клиенты не совершили убийства, о нет! Это был какой-то дух в клоунском костюме...

— Во всяком случае, Унвин собирается рассказать эту историю.

— А Хагартти нет, — сказал Бутильер. — Потому что ОН понимает. Без Хагартти кто поверит Унвину?

— Мы, — сказал Гарольд Гарднер с горечью, которая удивила даже его самого, — но я думаю, МЫ не будем рассказывать.

— *Что за дьявольщина!* — взревел Бутильер, вздевая руки. — **ОНИ УБИЛИ ЕГО!** Они не просто бросили его в реку — у Гартона была бритва. Меллону нанесли семь режущих ранений, в том числе в левое легкое и два в яйца. Раны явно нанесены бритвой. Сломано четыре ребра — Дубей сделал это, медвежьей своей хваткой. Его укусили, да. У него на руках были укусы, на левой щеке, на шее. Я думаю, это сделали Унвин и Гартон, хотя у нас только одно явное доказательство, да и то вероятно, недостаточно явное, чтобы выставить его на суде. Да, под правой его мышкой вырван большой кусок мяса, ну так что? Один из них действительно любил кусаться. Вероятно, даже лакомился, делая это. Я имею ввиду Гартона, хотя мы никогда не докажем это. И еще у Меллона не было мочки уха.

Бутильер остановился, внимательно посмотрел на Гарольда.

— Если мы допустим эту клоунскую версию, мы НИКОГДА не уличим их.

— Ты хочешь этого?

— Нет, я же сказал тебе.

— Парень был тот еще фрукт, но он никого не обижал, — сказал Бутильер. — И вот неожиданно-негаданно пришли эти трое в своих саперных ботинках и украли его жизнь. Я упеку их в каталажку, друг мой, и если услышу, что они греют свои сморщенные зады там, в Томастоне, я пошлю им открытки, где напишу, что надеюсь, тот, кто сделал это, заражен СПИДОМ.

«Очень здорово, — подумал Гарднер. — Все ваши убеждения и взгляды будут очень хорошо смотреться в вашем послужном списке, когда через два года вы достигнете верхней ступени своей карьеры».

Но он ушел, ничего больше не сказав, потому что тоже хотел, хотел видеть этих подонков упрятыми в тюрьму.

Джон Веббер Гартон был обвинен в непредумышленном убийстве первой степени и приговорен к тюремному заключению в Томастонской тюрьме штата Мэн сроком от десяти до двадцати лет.

Стивен Бишоф Дубей был обвинен в непредумышленном убийстве первой степени и приговорен к пятнадцати годам заключения в Шоушенкской тюрьме штата Мэн.

Кристофер Филипп Унвин был привлечен к судебной ответственности отдельно, как несовершеннолетний, и обвинен в непредумышленном убийстве второй степени. Он был приговорен к шести месяцам воспитательной колонии для мальчиков Саус Виндхэм, с отсрочкой исполнения приговора.

В то время, когда пишутся эти строки, все три приговора находятся в апелляции. Гартон и Дубей в любой день можно увидеть в Бассей-парке, где они наблюдают за девочками либо играют на деньги недалеко от того места, где разорванное тело Меллона нашли плавающим возле одной из опор Мейн Стрит Бридж.

Дон Хагарт и Крис Унвин уехали из города.

На основном судебном процессе — процессе над Гартоном и Дубей — никто не упомянул о клоуне.

Глава 3 ШЕСТЬ ТЕЛЕФОННЫХ ЗВОНКОВ (1985)

1

Стэнли Урис принимает ванну

Патриция Урис позже корила себя: Почему я не заподозрила неладное, — говорила она своей матери. — Ведь я же знала, что Стэнли никогда не принимал ванну ранним вечером. Он мылся под душем рано утром, иногда поздно вечером (с журналом в одной руке и холодным пивом — в другой), но чтобы в семь часов вечера — никогда. И еще одно: книги. Вместо удовольствия он, читая их — почему, она не понимала, — казалось, испытывал раздражение и даже ужас. За три месяца до той страшной ночи Стэнли узнал, что его друг детства Уильям Денбро, по прозвищу Зайка Билл, оказывается, писатель, да при том еще не просто писатель, а писатель-романист. Он перечитал все книги Денбро и последнюю читал всю ночь 28 мая 1985 года. Пэтти из любопытства заглянула в одну из ранних работ Денбро, но, просмотрев три главы, отложила.

Это был не просто роман, как сказала она позже матери. Это — роман ужасов. Пэтти была милой, доброй женщиной, но не умела ясно и кратко выражаться — она пыталась объяснить матери, почему эта книга напугала ее, расстроила, но не смогла. «В ней речь идет только о монстрах, — сказала она. — О монстрах, которые гонятся за маленькими детьми. Там полно убийств и... я не знаю, как сказать... нездоровых ощущений и боли... Вот такая книга!» Роман задел ее, почти как порнография; это слово держало ее в страхе, может быть, потому, что она никогда в жизни не произносила его, хотя знала, что оно значит. «Но Стэн, читая книги Денбро, будто нашел старого друга, друга детства. Он говорил о том, что напишет ему, но я знаю, что он не сделал бы этого... я знаю, те истории портили ему настроение, он потом плохо себя чувствовал... и... и...»

И здесь Пэтти Урис разрыдалась.

Той ночью — почти шесть месяцев прошло с того дня, когда двадцать восемь лет назад Джордж Денбро встретил клоуна-Грошика — Стэнли и Пэтти находились в комнате, у себя дома в окрестностях Атланты. Они смотрели телевизор. Пэтти сидела на своем любимом месте, разделяя внимание между мытьем посуды и своей любимой передачей — семейный конкурс. Она просто преклонялась перед Ричардом Даусоном и находила очень пикантной его цепочку для часов. Еще она любила эту передачу потому, что в ней получала самые популярные ответы на интересующие ее вопросы, именно популярные, а не правильные ответы! Однажды она спросила Стэнли, почему вопросы, которые кажутся ей простыми, так сложны для участников передачи. «Наверно, находясь там, под этими лампами, гораздо хуже соображаешь, — сказал Стэнли, и, как показалось Пэтти, тень прошла по его лицу. — Все становится гораздо сложнее, когда ничего нельзя сделать. Когда задыхаешься, например. Когда ничего нельзя сделать...»

Она решила, что это очень похоже на правду. Стэнли вообще были свойственны очень правильные взгляды на человеческую природу. Гораздо более правильные, чем у его старого друга Уильяма Денбро, который нажил свое состояние, издавая романы ужасов, которые портят изначальную человеческую природу.

Не то, чтобы Урисы испытывали нужду. Предместье, в котором они жили, считалось одним из лучших, а дом, который в 1979 году был оценен в 87000 долларов, сейчас можно было свободно и быстро продать за 165000 долларов; не то, чтобы они хотели его продать, но знать такие вещи было полезно. Возвращаясь иногда из Фокс Ран Молл на своем «Вольво», (Стэнли водил «Мерседес» на дизельном топливе, он им гордился; Пэтти, дразня его, называла его машину «Седанли») она, при виде своего дома, живописно выглядевшего за невысокой живой изгородью, мысленно обращалась к себе: *«А кто живет в этом доме? Конечно, я! Миссис Стэнли Урис!»* Но дикая гордость, которую она испытывала при этом омрачала ее счастье. Давным-давно жила себе одинокая восемнадцатилетняя девушка по имени Патриция Блум, которую не пустили на вечеринку в городе Плойнтон на севере штата Нью-Йорк. И не пустили, конечно же, потому что ее фамилия рифмовалась со «сливой» (блум-пium). Она и была маленькой, сухой еврейской сливой — произошло это в 1967 году, такая дискриминация была противозаконна и потом прекратилась. Но в душе ее оставила неизгладимый след. В памяти то и дело возникала машина с Майклом Розенблаттом, одолженная им на один вечер у отца. Она слышала, как шуршит гравий под ее легкими туфлями и его ботинками для официальных приемов,

взятыми напрокат. Она всегда будет мысленно возвращаться к прогулкам с Майклом, одетым в светлый вечерний пиджак, — как он мерцал в мягкой весенней ночи! А она была одета в бледно-зеленое вечернее платье, в котором, как заявила ее мать, походила на русалку; сама мысль о... еврейской русалке была смешной, ха-ха-ха-ха. Они гуляли вроде бы с высоко поднятыми головами, и она не плакала, но поняла: в движениях их не было свободы, они крались, крались, как воры, чтобы никем не быть замеченными; они чувствовали себя ростовщиками, угонщиками автомобилей, и тогда-то осознали сущность еврейства — что значит быть длинноносым, иметь смуглую кожу и не сместь даже рассердиться, когда хочется. Ей оставалось только стыдиться, только страдать. Потом кто-то засмеялся. Высокий, пронзительный, быстрый смех, как перебор клавиш на пианино. В машине она могла отплакаться, но кому было жалко ее, еврейскую русалку, чья фамилия рифмуется со сливой, которая плачет как сумасшедшая? Майкл Розенблатт положил свою теплую, мягкую, успокаивающую руку ей на плечо, но она увернулась ощущая грязь, стыд, ощущая свое *еврейство*...

Дом, со вкусом поставленный за живой изгородью, действовал умиротворяюще... Но не всегда... Стыд и боль все еще обитали где-то здесь... Хотя с соседями все было спокойно, никто не высмеивал теперь ни их самих, ни их одежду. Хотя метрдотель клуба, в котором они состояли, приветствовал их словами: «Добрый вечер, мистер и миссис Урис». Она приезжала сюда на «Вольво» 84-го года выпуска, оглядывала свой дом, выделяющийся на фоне ярко-зеленых газонов, и часто вспоминала — даже слишком часто, как полагала — тот пронзающий уши смех. И в глубине души все время думала, что та девчонка, смех которой засел в ее ушах, живет сейчас в какой-нибудь каморке с мужем-водопроводчиком, который бьет ее, оскорбляет, что она трижды беременела и каждый раз у нее был выкидыш, что муж обманывает ее с больными женщинами...

И она ненавидела себя за эти мысли, за эти мстительные мысли, и обещала себе исправиться — перестать пить эти умопомрачительные коктейли. Потом много месяцев подряд она не вспоминала об этом... *«Может, этот кошмар уже позади, — размышляла она в такие периоды. — Я уже не та восемнадцатилетняя девчонка. Я женщина, мне тридцать шесть лет; девчонка, слышавшая когда-то в свой адрес нескончаемый поток оскорблений и насмешек, девчонка, избегающая руки Майкла Розенблатта, желавшего утешить ее, только потому, что это была рука ЕВРЕЯ, существовала полжизни тому назад. Глупой маленькой русалки больше нет.*

Я могу забыть ее и быть самой собой...» Но потом где-нибудь — в супермаркете, к примеру, — она вновь слышала тот противный смех со спины или сбоку, ей кололо в спину, соски набухали и становились болезненными, в горле вставал горький ком, и, со всей силы сжимая ручку тележки, она думала про себя: *«Это кто-то сказал кому-то, что я еврейка, что я — ничтожество, что я — длинноносая еврейская морда, но у меня есть хороший счет в банке — ведь все евреи экономны, что нашу чету вынуждены пускать в клуб, но все равно над нами смеются, и смеются, и смеются...»* А порой слышала таинственный щелчок над своим ухом или покашливание и думала: *русалка, русалка.*

И снова — потоки ненависти и стыд, как мигрень, и снова она впадала в отчаяние — не только за себя, но и за путь, по которому идет человечество. Обратни. Книга Денбро — та, которую она пыталась читать, но почти сразу же отложила — была как раз про обратной. Обратни, дерьмо. Откуда человек может знать про обратной?

И все-таки большую часть времени она чувствовала себя вполне прилично, несравненно лучше, чем та, прежняя... Она любила своего мужа, любила свой дом, а часто была даже в состоянии любить себя и свою жизнь. Дела шли не так уж плохо. Но это пришло к ним не сразу. Когда она приняла обручальное кольцо Стэнли, ее родители обозлились и почувствовали себя несчастными... Они со Стэнли познакомились на университетском вечере. Стэнли приехал в ее колледж из Нью-Йоркского университета, где он был студентом на стипендии. Их познакомил общий приятель, и когда вечер подошел к концу, она заподозрила, что влюблена; это подтвердилось после недолгой разлуки. Когда весной Стэнли предложил ей колечко с маленьким бриллиантом, она не отказалась от него. В конце концов и ее родители, несмотря на разногласия между ними, также согласились. Они ничего не могли поделать, хотя Стэнли Урис вскоре должен был отправиться на биржу труда с молодыми бухгалтерами, в этих джунглях ему не обойтись было без семейного капитала, залогом же служила их собственная дочь. Но Пэтти исполнилось двадцать два, она была уже самостоятельной женщиной и вскоре должна была получить звание бакалавра гуманитарных наук.

— Мне придется содержать этого четырехглазого сукина сына всю жизнь, — услышала однажды дочь слова своего отца. Ее родители были на ужине, и отец слегка перебрал.

— Тс-с, она может услышать, — сказала Руфь Блюм.

Пэтти лежала с сухими глазами, ее бросало то в жар, то в холод, она ненавидела обоих родителей. Следующие два года она пыталась

побороть в себе эту ненависть; слишком много ненависти было в ней самой.

Иногда, смотрясь в зеркало, она видела весьма приятные черты своего лица. Этот бой она выиграла! И помог ей в этом Стэнли.

Его же родители к женитьбе отнеслись вполне спокойно. Хотя считали, что «дети слишком опрометчивы». Дональд Урис и Андреа Бертоли поженились, когда им было чуть больше двадцати, но, по-видимому, забыли об этом.

А Стэнли оставался уверенным в себе, уверенным в будущем и абсолютно безразличным к уловкам родителей, твердивших об «ошибках детей». И в конце концов оправдалась его уверенность, а не их страхи. В июле 1977 года, Пэтти, едва чернила высохли на ее дипломе, отправилась работать преподавателем стенографии и делового английского в Трейнор, городок в сорока милях южнее Атланты. Когда она думала о том, как могла докатиться до такой должности, это сильно задевало ее — да, жутко. У нее был список из сорока возможных вариантов работы, начиная с работы в отделе рекламы журнала для родителей; потом она за пять ночей написала сорок писем — по восемь за ночь, в каждом с просьбой дать подробную информацию о сути работы, и заявление к каждому. Из двадцати двух пунктов ответили, что они уже наняли работника. В нескольких случаях подробная информация не оставляла шансов на успех, и подача заявления оказалась бы пустой тратой времени, поэтому она остановилась только на десятке предложений. Одно привлекательнее другого. Стэнли вошел в тот момент, когда она думала, как заполнить все эти заявления на преподавательскую работу и при этом не рехнуться. Он посмотрел на ворох бумаг на ее столе и постучал пальцем по письму инспектора школ в Трейноре — письму, которое было для нее не более и не менее обнадеживающим, чем все остальные.

— Вот, — сказал он.

Она посмотрела на него, удивленная уверенностью его тона. — Ты знаешь что-нибудь о Джорджии, чего не знаю я?

— Нет. Джорджию я видел раз в жизни, и то в кино.

Она посмотрела на него, слегка приподняв брови.

— «Унесенные ветром». Вивьен Ли. Кларк Гэйбл. Давай обсудим это завтра, день завтра не такой тяжелый. Похоже, что у меня южный акцент, Пэтти?

— Да, Южный Бронкс. Если ты ничего не знаешь и никогда не был в Джорджии, тогда почему...»

— Попала в самую точку...

— Но ты не можешь знать, как там...

— Но я знаю, — просто сказал он. — Я знаю...

Она посмотрела на него — он действительно не шутил. Ей стало не по себе, захотелось отвернуться.

— Откуда ты знаешь?..

Он едва заметно улыбался. Затем улыбка исчезла, но в лице оставалось что-то загадочное. Глаза его потемнели, как будто он заглянул внутрь своей души, консультируясь с каким-то внутренним устройством, которое тикало и звенело, но которое, в конечном счете, он понимал не больше, чем человек средних умственных способностей понимает принцип действия наручных часов.

— Черепаха не могла нам помочь, — внезапно сказал он. Она услышала. Он сказал это совершенно ясно и четко. Внутренний взгляд, взгляд загадочного удивления все еще отражался на его лице, и это начинало пугать ее.

— Стэнли? О чем ты говоришь? Стэнли?

Он спустился с небес на землю. Работая над заявлениями, она ела персики. Его рука задела тарелку с персиками. Тарелка упала на пол и разбилась. Его глаза, казалось, прояснились.

— О черт, извини меня.

— Ничего. Стэнли, о чем ты говорил?

— Я забыл, — сказал он. — Но я думаю, детка, мы должны хорошенько подумать о Джорджии.

— Но...

— Положись на меня, — сказал он ей, что она и сделала.

Собеседование прошло замечательно. Садясь на поезд в Нью-Йорк, она уже знала, что ее приняли на работу. Глава департамента и Пэтти сразу понравились друг другу, и Пэтти считала, что сделала все, что могла. Подтверждающее письмо пришло через неделю. Управление школ в Трейноре могло предложить ей жалование в 9200 долларов и испытательный контракт.

— Ты умрешь с голоду на такое жалование, — сказал Герберт Блум, когда его дочь рассказала, что хочет там работать. — И тебе будет ХОТЕТЬСЯ, когда ты будешь умирать.

— Тише, успокойся, Скарлетт, — ответил ей фразой из «Унесенных ветром» Стэнли, когда она передала ему свой разговор с отцом. Она была в ярости, только что не плакала, но теперь улыбалась, и Стэнли сжал ее в своих объятиях.

Хотеться — им хотелось, голодать — они не голодали. Они поженились 19 августа 1972 года. Пэтти вышла замуж девственницей. Лежа в постели, она сказала: «Не делай мне больно».

— Я никогда не причиню тебе боль, — пообещал он и сдержал свое обещание до 25 мая 1985 года, до той ночи, когда он принял ванну.

Ей работалось хорошо. Стэнли стал развозчиком хлеба за сотню долларов в неделю. В ноябре того же года, когда открылся центр по продаже квартир в Трейноре, он получил работу в одном из отделений этой фирмы за 150 долларов в неделю. Их общий доход составлял 17000 долларов в год, это казалось им фантастическим, — ведь в то время газ стоил двадцать пять центов за галлон, а буханку хлеба можно было купить даже за меньшую сумму. В марте 1973 года, как само собой разумеющееся, она перестала принимать пилюли от беременности.

В 1975 году Стэнли бросил офис и открыл свое дело. Все четверо родителей супругов сошлись на том, что это глупая затея. Не то, чтобы Стэнли не должен был вести свое дело, видит Бог, он способен на это. Но уж слишком рано принялся он за него, — так считали они — и слишком много денежных проблем ляжет на Пэтти. «Уж во всяком случае до тех пор, пока она не забеременеет от этого сопляка — сказал Герберт Блюм своему брату после выпивки на кухне, — а тогда я должен буду помогать им». Было вынесено общее семейное решение: человек не имеет права и думать о своем бизнесе, пока не достигнет более солидного возраста, скажем, лет семидесяти восьми.

А Стэнли выглядел все таким же уверенным в себе. Он был умен, молод, удачлив. Работая на фирму по продаже квартир, он завел кое-какие полезные связи, и это ему пригодилось. Но ему и в голову не приходило, что «Корридор Видео», пионер в быстро развивающемся бизнесе видеозаписи, намерен арендовать огромное пространство земли, примерно в десяти милях от того места, куда Урисы переехали в 1979 году и обосноваться там. Не мог он также знать, что эта компания начнет процветать спустя неполный год после переезда в Трейнор. Но если бы даже Стэн кое-что знал об этом, то уж никак не мог бы поверить, что компания даст работу молодому очкастому еврею — обычному американскому еврею с легкой усмешкой, с прыщеватым юношеским лицом и манерами хиппи — по выходным он ходил в потертых джинсах. Но они дали ему работу. Дали. И, казалось, Стэнли изучил свое дело вдоль и поперек.

По контракту он должен был работать на «Корридор Видео» полный рабочий день с начальным жалованием в 30000 долларов в год. «И это только начало, — сказал Стэнли Пэтти той ночью. — Они будут расти, как зерно в августе, дорогая. И если не случится ничего экстраординарного в течение ближайших десяти лет, то они смогут конкурировать с такими фирмами, как «Кодак», «Сони» и «РКА».

— Ну, и что ты собираешься делать? — спросила она, заранее зная ответ.

— А я расскажу им, какое это удовольствие — иметь с ними дело, — сказал он, засмеявшись, и поцеловал ее. Чуть погодя, он поднял ее на руки, потом была любовь — раз, два, три — как яркие вспышки на ночном небе, — но ребенка не было.

Его работа с «Корридор Видео» свела его с наиболее могущественными и богатыми людьми Атланты, и оба они были удивлены, что эти люди в большинстве своем очень даже ничего. Терпимостью счастливо сочеталась в них с добродушием, что было почти неизвестно на Севере. Пэтти вспомнила, что Стэнли как-то писал своим родителям: *«Самые богатые люди Америки живут в Атланте, штат Джорджия. Я собираюсь помочь некоторым из них приумножить свое состояние, а они — мое, и никто не стремится обладать мною, кроме моей жены, Патриции, я же обладаю ею, и это меня устраивает».*

К тому времени, как они переехали из Трейнора, у Стэнли было свое дело и шесть человек в подчинении. В 1983 году их доход достиг сказочных размеров. И произошло это с той же легкостью, с какой в субботнее утро ноги попадают в мягкие домашние тапочки. Это иногда пугало ее. Однажды она даже пошутила, не сделка ли это с дьяволом. Стэнли смеялся до упаду, но ей было не до смеху.

ЧЕРЕПАХА НЕ МОГЛА НАМ ПОМОЧЬ.

Иногда, совершенно без всякой причины, она просыпалась с этой мыслью в голове, как с последним фрагментом только что забытого сна, и поворачивалась к Стэнли, испытывая необходимость дотрогнуться до него, убедиться, что он еще здесь.

У них была хорошая жизнь: без диких запоев, постороннего секса, скуки, даже мелких споров о том, что делать дальше. Было только одно темное пятно, одно облачко. Именно мать Пэтти первая напомнила о его существовании. Она по сути дела все предопределила.

Вылилось это в вопрос в одном из писем Руфи Блум. Она писала Пэтти еженедельно, а то письмо пришло ранней осенью 1979 года. Его переслали с их старого адреса в Трейноре, и Пэтти прочла его в гостиной, заполненной бумажными стаканчиками для ликера, выглядевшими заброшенными в их большой светлой гостиной.

В целом это было самое обычное письмо от Руфи Блум, из дома, четыре до конца исписанные страницы, каждая под заголовком «Просто записка от Руфи». Ее каракули были настолько неразборчивы, что однажды Стэнли пожаловался, что не может понять ни единого слова, написанного тещей. «А зачем тебе это надо?» — просила Пэтти.

Это письмо было полно обычных маминых новостей; семейные воспоминания были чем-то неотделимым от нее. Многие люди, с

которыми переписывалась Руфь Блюм, уже начали стираться в памяти ее дочери, как фотокарточки в старом альбоме, но в памяти матери всегда оставались живыми. Ее вопросы об их здоровье и ее любопытство ко всем их делам никогда, казалось, не иссякнут, а ее прогнозы неизменно были ужасны. У отца Пэтти часто болел живот. Он уверен, что это просто диспепсия, писала она, а мысль о том, что это может быть язва, даже не приходит ему в голову, дождется, начнет харкать кровью, тогда, глядишь и поймет. «Знаешь, дорогая, твой отец работает как вол и иногда и мыслит также, прости меня Господи за такие слова. У Ренди Харленген появились завязи, они сняли плоды, большие, как шары для гольфа, и никаких болезней, слава Богу, по двадцать семь плодов, представляешь? В Нью-Йорке было наводнение, и, конечно, воздух в городе тоже загрязненный, она убеждена была, что вода неминуемо должна была добраться и до Пэтти. Ты вряд ли представляешь себе, писала Руфь Блюм, как много раз благодарила я Бога за то, что «вы, дети» находитесь в деревне, где и воздух, и вода — особенно вода — здоровые (для Руфи весь Юг, включая Атланту и Бирмингем, были деревней). Тетя Маргарет опять враждовала с электрокомпанией. Стелла Фланаган опять вышла замуж, некоторые люди не усваивают никаких жизненных уроков. Ричи Хьюбер опять прогорел».

И в этом месте письма, в середине абзаца, ни с того ни с сего, Руфь Блюм прямо в лоб, хотя и непреднамеренно, задает этот страшный вопрос: «А когда вы со Стэнли собираетесь сделать нас бабушкой и дедушкой? Мы уже готовы начать баловать его (или ее). Ты может быть забыла, Пэтти, но ведь мы не молодеем...» А дальше следовало про девочку из соседнего дома, которую прогнали из школы домой за то, что она не носила бюстгальтер, и через блузку все было видно.

Затосковав по их старому дому в Трейноре, чувствуя себя не в своей тарелке и немного страшаясь того, что их ожидает, Пэтти вошла в комнату, которая была их спальней, и повалилась на матрас (кровать все еще стояла в гараже, а лежавший прямо на полу матрас казался некой диковинкой, брошенной на странном желтом пляже). Она положила голову на руки и так пролежала, плача, минут двадцать. Ей уже давно хотелось выплакаться. Письмо матери просто было последней каплей.

Стэнли хотел детей. Она тоже хотела детей. Это желание связывало их, было общим, как удовольствие, получаемое от фильмов Вуди Аллена, как более или менее регулярные посещения синагоги, политические взгляды, неприязнь к марихуане и еще сотни крупных и мелких вещей. В их доме в Трейноре была одна

лишняя комната, которую они разделили ровно пополам. Слева стоял стол для работы и стул для чтения — это половина Стэнли; а справа — швейная машинка и картонный столик, на котором она раскладывала пасьянсы. Хотя они очень редко говорили об этой комнате, у них была договоренность. Однажды эта комната перейдет Энди или Дженни. Но где же ребенок? Швейная машинка, корзины с тканью и картонный стол стояли на своих местах, из месяца в месяц выглядели все привычнее, так, будто ничего не изменится и они никогда не покинут своих мест. И она думала об этом, хотя сама не могла разобраться в своих мыслях; как слово «*порнография*», это был аспект недоступный ее пониманию. Как-то раз, когда у нее были месячные, она полезла за коробкой с гигиеническими пакетами в ванной комнате, и тут ей вдруг показалось — она хорошо помнит это, — что коробка выглядит очень самодовольной и словно бы говорит ей: *«Привет, Пэтти! Мы твои дети. Мы единственные дети, которые будут у тебя, и мы голодны...»*

В 1976 году, через три года после приема последнего цикла таблеток «Оврал», они пошли к доктору по имени Харкавей в Атланта. «Мы хотим знать, есть ли какие-либо нарушения, — сказал Стэнли, — мы хотим знать, можем ли мы что-то сделать в этом случае».

Они сдали пробы. Пробы показали, что сперма Стэнли действительна, что яичники Пэтти способны к деторождению, что все каналы, которые *должны* быть открыты, **ОТКРЫТЫ**.

Харкавей, который не носил обручального кольца и у которого было открытое, приятное, румяное лицо выпускника колледжа, только что вернувшегося с лыжных каникул в Колорадо, сказал им, что возможно виноваты тут нервы. Он сказал им, что случай это отнюдь не оригинальный. Он сказал им, что тут имеет место психологическая корреляция, которая в некотором роде похожа на сексуальную импотенцию — чем больше вы хотите, тем меньше вы можете. Им необходимо расслабиться. Они должны, по возможности, полностью забыть о желании зачать, когда занимаются сексом.

По дороге домой Стэн был раздражен. Пэтти спросила, почему.

— Я никогда этого не делаю.

— Чего?

— Не думаю В ЭТО ВРЕМЯ о зачатии.

Она хохотнула, хотя ощутила что-то вроде одиночества и была напугана. В ту ночь, лежа в постели и думая, что Стэнли уснул, она, испугалась, услышав его голос в темноте. Голос был ровный, но его явно душили слезы. «Это я виноват, — сказал он. — Это моя вина».

Она повернулась, потянулась к нему, обняла его.

— Не будь глупым, — сказала она. Но ее сердце учащенно забилося. И не только потому, что Стэнли напугал ее; он словно бы заглянул в нее и прочитал тайное ее убеждение, о котором сама она не подозревала до этой минуты. Вне связи с чем-либо, без всякой причины, она почувствовала — поняла, что он прав. Что-то было не так, и причиной была не она, а он. Что-то в нем.

— Не глупи, — прошептала она сердито в его плечо. Он немного вспотел, и она внезапно почувствовала, что он боится. Страх исходил от него холодными волнами; лежать голой рядом с ним было все равно, что лежать голой перед открытым холодильником.

— Я не дурак и не глуплю, — сказал он тем же голосом, который был одновременно и ровным и задыхался от слез, — и ты знаешь это. Я тому виною. Но почему, не знаю.

— Ты не можешь знать ничего такого. — Ее голос был резким, бранчивым — голос ее матери, когда она боялась. Но тут дрожь пронзила ее тело, как удар хлыстом. Стэнли почувствовал это, и прижал ее к себе.

— Иногда, — сказал он, — иногда мне кажется, что я знаю, в чем дело. Иногда мне снится страшный сон, и я просыпаюсь с сознанием того, что не все в порядке. И дело не только в том, что ты не можешь забеременеть, что-то не так в моей жизни.

— Стэнли, нет НИЧЕГО такого, что не так в твоей жизни!

— Я имею в виду не изнутри, — сказал он. — Изнутри все прекрасно. Я говорю об ИЗВНЕ. Что-то, что должно кончиться и никак не кончается. Я просыпаюсь с такими мыслями и думаю, что чего-то не понимаю...

Она знала, что у него бывают тяжелые сны. В таких случаях он часто стонал, будил ее, мечась, как в лихорадке. И всякий раз, когда она спрашивала его, он говорил одно и то же: «Не могу вспомнить». Затем тянулся за сигаретами и курил, сидя в постели, ожидая, когда остаток сна выйдет через поры, как болезненный пот.

Нет детей. Ночью 28 мая 1985 года — ночь, когда он принимал ванну — родители Пэтти и Стэна все еще ждали, что будут бабушками и дедушками. Запасная комната все еще была запасной; гигиенические салфетки все еще занимали привычное место в шкафчике под раковиной в ванной комнате, месячные приходили каждый месяц. Ее мать, хотя и слишком занятая своими делами, но все же не вполне равнодушная к дочерней боли, перестала задавать вопросы на эту тему и в письмах, и когда Стэн и Пэтти дважды в год приезжали в Нью-Йорк. Отказалась она и от нелепых советов принимать витамин Е. Стэн тоже не упоминал теперь о детях, но иногда, глядя на него,

Пэтти видела тень на его лице. Какую-то тень. Как будто он пытался отчаянно вспомнить что-то.

Если бы не это облако, их жизнь была приятной вплоть до телефонного звонка ночью 28 мая. Перед Пэтти лежали шесть рубашек Стэнли, две свои блузки, швейные принадлежности, коробочка с пуговицами; у Стэна в руках был новый роман Уильяма Денбро. На обложке книги изображен был шипящий зверь. На задней стороне обложки — лысый человек в очках.

Стэн сидел ближе к телефону. Он поднял трубку и сказал: — Алло — квартира Уриса.

Он слушал, и складка пролегла у него между бровями.

— Кто это? — Пэтти почувствовала толчок страха. Потом стыд заставил ее солгать, и она сказала родителям, что с момента, когда зазвонил телефонный звонок, она знала: что-то не так, но на самом деле было только одно мгновение, один быстрый взгляд, оторванный от шитья. Но, может быть, оба они подозревали о чем-то задолго до телефонного звонка, о чем-то, что никак не вяжется с симпатичным домиком, уютно стоящим за низкой живой изгородью...? Мига страха, подобного уколу сосульки, было достаточно.

— Это мама? — спросила она одними губами в тот момент, подумав, не сердечный ли приступ у отца, который в свои сорок с небольшим имел двадцать фунтов лишнего веса и, по собственному признанию, «мучился животом».

Стэн отрицательно покачал головой, а затем слегка улыбнулся чему-то, что говорил голос в телефоне. «Ты... ты! Майкл! Как ты...»

Он замолчал, слушая. Когда улыбка погасла, она узнала — или ей показалось, что узнала — свойственное ему вдумчивое выражение, из которого следовало, что кто-то излагает ему проблему, или объясняет внезапное изменение ситуации или рассказывает что-то необычное и интересное. Скорее всего последнее, подумала она. Новый клиент? Старый приятель? Возможно. Она снова переключила внимание на телевизор, где какая-то женщина, обвиваясь вокруг Ричарда Даусона, как безумная целовала его. Пэтти подумала, что она сама была бы не прочь расцеловать его.

Когда она начала подбирать черную пуговицу к голубой рубашке Стэнли, то смутно почувствовала, что разговор входит в спокойную колею. Тон у Стэнли порой был ворчливый, потом он спросил: «Ты уверен Майкл?» В конце концов, после очень длинной паузы, он сказал: «Ладно, понятно. Да, я... Да, да, все. Я... что? Нет, я не могу твердо обещать это, но хорошенько подумаю. Ты знаешь, что... а? Будь уверен! Конечно. Да... уверен... спасибо... да. До свидания». Он положил трубку.

Пэтти посмотрела на него и увидела, что он тупо уставился в пространство над телевизором. На экране в это время публика аплодировала семье Риан, которая набрала двести восемьдесят очков, правильно догадавшись, что на вопрос: «Какой урок школьники младших классов больше всего не любят?» надо ответить: «математику». Рианы подпрыгивали и радостно кричали. Стэнли, напротив, хмурился. Она потом рассказывала своим родителям, что заметила, как с лица Стэна сошла краска, но того не сказала, что отмела тогда эту мысль, решив, что это просто отсвет настольной лампы.

— Кто это был, Стэн?

— Хм-м? — Он посмотрел мимо нее. Она подумала, что взгляд у него был несколько рассеянный, возможно, с примесью некоторой досады. И только потом, снова и снова воспроизводя эту сцену, начала сознавать, что то был взгляд человека, который методически отключается от реальности. Лицо человека, который погружается из меланхолии в депрессию.

— Кто это звонил?

— Никто, — сказал он. — Никто, правда. Я, пожалуй, приму ванну. Он встал.

— Что, в семь часов?

Он не ответил и вышел из комнаты. Она могла бы спросить, не случилось ли чего, могла бы даже пойти за ним, поинтересоваться, не болит ли у него живот — на этот счет он был без комплексов, но в чем-то другом вполне мог быть до странности щепетильным, сказать, например, что собирается принять ванну, на самом деле намереваясь сделать нечто несообразное. Но в этот момент новая семья, Пискапы, предстала перед публикой на телеэкране, и Пэтти знала, что сейчас Ричард Даусон скажет что-нибудь забавное по поводу фамилии, к тому же куда-то запропастилась нужная пуговица, не иначе, как спряталась.

Поэтому она дала ему уйти и не думала о нем до подведения итогов конкурса, и только тут подняла голову и увидела пустой стул. Она услышала, как наверху в ванной бежала вода, потом через пять-десять минут там стихло... но тут она поняла, что не слышала, как открывается и закрывается дверца холодильника, и это значило, что он там, наверху, был без банки пива. Кто-то позвонил ему, страшно озадачил его, а выразила ли она хоть одним словом свое сочувствие? Нет. Пыталась его немного отвлечь? Нет. Заметила что-то неладное? Еще раз нет. Все из-за этой дурацкой телепередачи, и пуговицы были не причем — так, предлог.

О'кей, она принесет ему банку «Дикси» и сядет рядом с ним на край ванны, потрет ему спину, разыграет гейшу и вымоет ему

волосы, если он захочет, и при этом выяснит, в чем проблема... или кто звонил.

Она вытащила банку пива из холодильника и пошла с ней наверх. Первый раз она всерьез забеспокоилась, обнаружив, что дверь в ванную комнату закрыта. Не прикрыта, а плотно затворена. Стэнли НИКОГДА не закрывал дверь, принимая ванну. Между ними был шуточный уговор: закрытая дверь означала, что он делает нечто такое, чему научила его мать, открытая дверь — что он расположен делать то, обучение чему его мать совершенно справедливо предоставила другим.

Пэтти цапнула в дверь ногтями, внезапно осознав, какой мерзкий получился звук. Но стучать в дверь ванны, да и в любую другую дверь своего дома, как посторонний гость — такого она никогда раньше в своей замужней жизни не делала.

Беспокойство внезапно усилилось в ней, и она вспомнила про Карсон Лейк, куда часто ездила купаться в детстве. Вода там в озере к началу августа оставалась теплой, как в ванне... но вот вы к своему удивлению и радости попадали в холодный карман. Только что вам было тепло, и вдруг свинцовым холодом свело вам ноги до бедер от ледяной воды. Нечто подобное испытала она теперь — как будто попала в холодный карман. Только ледяной холод ощутили не длинные ноги подростка в черных глубинах Карсон Лейк.

Холод ощутило сердце.

— Стэнли? Стэн?

Она уже не цапала дверь ногтями. Она барабанила в нее. Не услышав ответа, стала стучать еще сильнее. Словно молотком.

— Стэнли?

Ее сердце. Ее сердце было уже не в грудной клетке. Оно билось в горле, заставляя тяжело дышать.

— Стэнли!

В тишине, сопровождавшей ее крик (именно собственный крик поблизости от того места, где она каждую ночь преклоняла голову, ложась спать, особенно напугал ее), она услышала звук, который, как непрошенный гость, вызвал панику из глубин ее мозга. Это был всего-навсего звук капавшей воды. *Плнк... пауза. Плнк... пауза. Плнк... пауза. Плнк...*

Она мысленно видела, как собираются капли в отверстии водопроводного крана, тяжелеют, наливаются, *БЕРЕМЕНЕЮТ* там и затем падают: *плнк*.

Только этот звук. Никакого другого. И она вдруг с ужасом поняла, что это Стэнли, а не ее отца, сегодня ночью хватил сердечный удар.

С воплем она схватилась за стеклянный дверной набалдашник, повернула его. Дверь не поддавалась: она была закрыта. И внезапно три *НИКОГДА* пришли в голову Пэтти, как в калейдоскопе сменяя друг друга: Стэнли никогда не принимал ванну ранним вечером, Стэнли никогда не закрывал никакой двери, кроме туалета, и Стэнли никогда вообще не закрывал дверь от нее.

Возможно ли, думала она обезумев, *ГОТОВИТЬ* сердечный приступ?

Пэтти провела языком по губам — словно наждачной бумагой потеряли доску — и снова позвала его. И снова не было никакого ответа, кроме монотонного капанья из крана. Опустив глаза, она увидела, что все еще держит в руке банку пива «Дикси». Она тупо уставилась на нее — сердце, как кролик, билось в горле — уставилась так, словно до этой минуты никогда не видела банки пива в своей жизни. И вправду наверно, не видела, потому что, не успела она моргнуть, как банка превратилась в телефонную трубку — черную и угрожающую, как змея.

«Чем могу быть полезен, мэм? — выплюнула в нее змея, — у вас какие-нибудь проблемы?» Пэтти со стуком бросила ее и отошла, потирая руку. Осмотревшись, она снова обнаружила себя в комнате с телевизором, и поняла, что паника, вспыхнувшая в ее мозгу, как вор, тихо поднимающийся по лестнице, неотлучно была с ней. Теперь она вспомнила капанье пива из банки у двери ванной и свой стремительный бег вниз по ступеням. *Это все ошибка, какая-то ошибка, смутно думала она, и мы будем потом смеяться над ней. Он наполнил ванну, забыв, что у него нет сигарет, и вышел взять их, прежде чем снимет одежду...*

Да. А поскольку он уже успел закрыть ванную комнату изнутри, и открывать ее опять было хлопотно, то он просто отворил окно и ушел торцовой стороной дома, как муха, ползущая по стене. Да, конечно, да...

Снова в голове поднималась паника — как горький черный кофе, грозящий перелиться через край чашки. Она закрыла глаза и пыталась побороть это наваждение. Стояла совершенно спокойная — бледная статуя с пульсом, бьющимся в горле.

Теперь она смогла вспомнить, как бежала сюда, назад, ноги стучали по ступеням, бежала к телефону, да, конечно, но кто мог звонить?

В безумии она подумала: *«Я бы позвала черепаху, но черепаху не смогла бы помочь нам».*

Впрочем, это не имело значения. Она набрала «ноль» и, должно быть, сказала что-то не вполне обычное, потому что оператор

спросил, есть ли у нее проблемы. Да, у нее есть проблема, но как было сказать этому голосу без лица, что Стэнли заперся в ванной и не отвечает ей, что непрерывный звук капающей воды разбивает ее сердце? Кто-то должен был помочь ей. Кто-то...

Она стиснула зубами тыльную сторону ладони. Она пыталась думать, пыталась ЗАСТАВИТЬ себя думать.

Запасные ключи. Запасные ключи в кухонном шкафу.

Она пошла на кухню, по дороге задев коробочку с пуговицами на том столе, где работала. Пуговицы рассыпались, мерца, как глаза в очках, в свете лампы. Она увидела по меньшей мере полдюжины черных пуговиц.

На внутренней стороне дверцы кухонного шкафчика, висящего над раковиной, была вмонтирована полированная доска в форме ключа — один из клиентов Стэнли сделал ее в своей мастерской и подарил ему на Рождество два года назад. Эта доска-щиток для ключей была сплошь утыкана маленькими крючками, на которых висели все имеющиеся в доме ключи, по два на каждом крючочке. Под каждым крючком была полоска, на которой маленькими аккуратными печатными буквами было написано: «гараж», «чердак», «нижняя ванная», «верхняя ванная», «передняя дверь», «задняя дверь». Отдельно висели ключи, помеченные «М-В» и «Вольво».

Пэтти схватила ключ от верхней ванной и побежала по лестнице, но затем заставила себя идти. Бег ввергал в паническое состояние, а она и так уже была на грани его. К тому же, если она пойдет спокойно, ничего такого не случится. Или, если что-то не так, Бог, увидев, что она просто идет, подумает: *«О, я совершил промах, но у меня есть время все переиграть»*.

Стараясь сдерживать шаг, — словно идет себе женщина в клуб любителей книги — она поднялась наверх и подошла к закрытой двери ванной.

— Стэнли? — позвала она, снова пытаясь одновременно открыть дверь и вдруг испугавшись использовать ключ, потому что необходимость открыть дверь ключом означала финал. Если Бог сейчас не заберет у нее ключ, он никогда его не заберет... Ведь век чудес позади...

Дверь по-прежнему была закрыта; медленное *плинк...* пауза, молчание воды было ответом.

Дрожащей рукой она пыталась попасть ключом в замочную скважину. Она повернула ключ и услышала щелчок замка. Она взялась за ручку двери, но рука ее соскользнула, не потому что дверь была закрыта, а потому что ладонь была влажная от пота. Она крепко взялась за ручку и заставила ее повернуться. Она распахнула дверь.

— Стэнли? Стэнли? Ст...

Она посмотрела на ванну с синей занавеской, собранной на дальнем конце стержня из нержавеющей стали, и забыла, как закончить имя своего мужа. Она просто смотрела на ванну и лицо у нее было серьезное, как лицо ребенка, впервые пришедшего в школу. Через секунду у нее вырвется нечеловеческий вопль, и Анита Маккензи, соседка, услышав этот вопль, вызовет полицию, решив, что кто-то забрался в дом Урисов и там кого-то убивают.

Но в этот момент Пэтти Урис просто стояла в молчании, схватившись руками за блузку, с диким лицом, ужасным выражением глаз. Но вот ее ужас и кошмар начали трансформироваться во что-то другое. Глаза вылезли из орбит. Рот вытянулся в кошмарную гримасу ужаса. Она хотела кричать, но не могла. Ее крики были слишком сильны, чтобы вырваться наружу.

Ванная была залита светом флуоресцентных ламп. Яркий свет не давал теней. Вошедший волей-неволей видел все в подробностях. Вода в ванне была ярко-розовой. Стэнли лежал на спине, упираясь в изножье ванны, с головой, откинутой назад, так что кончики его черных волос доставали до позвонка между лопатками. Если бы его открытые глаза еще могли видеть, она смотрела бы на него сверху вниз. Его рот был широко раскрыт, как сорвавшаяся с пружины дверь. Выражение лица было какое-то неестественное, леденящее. Упаковка лезвий «Жилетт Платинум Плюс» лежала на краю ванны. Он перерезал себе руку сверху донизу, а потом пересек порез у локтя и на запястье, так что образовались две заглавных кровавых буквы «Т». Раны отливали ярко-красным на фоне ослепительно белого света. Она подумала, что его вылезшие связки и сухожилия похожи на бифштекс с кровью.

Капля воды собралась на кончике крана. Она набухала. БЕРЕМЕНЕЛА, можно было бы сказать. Блеснула. Упала. Плинка.

Макнув указательный палец правой руки в собственную кровь, он огромными, спотыкающимися буквами написал одно-единственное слово на голубом кафеле над ванной. Кровавая струйка зигзагом стекла в воду с последней буквы этого слова — его палец написал это, она видела, когда рука его упала в ванну, где плавала и сейчас. Она подумала, что Стэнли, должно быть, оставил этот знак — свое последнее впечатление о мире, когда терял сознание. Знак, казалось кричал ей:

ОНО

Еще одна капля упала в ванну.

Плинка.

Пэтти Урис наконец обрела свой голос. Глядя в упор в мертвые, искрящиеся глаза своего мужа, она начала кричать.

Ричи казалось, что все идет в общем-то хорошо, до тех пор пока не началась рвота.

Он выслушал все, что говорил ему Майк Хэнлон, да, ответил на вопросы Майка, даже задал несколько своих. Он смутно сознавал, что воспроизводит один из своих Голосов — не какой-то необычный, крикливый, наподобие того, каким он пользовался иногда на радио (Кинки Брифкейс, сексуальный маньяк, был его личным пристрастием, во всяком случае, в настоящее время, и реакция слушателей на Кинки была почти столь же бурной, как на постоянного их любимца полковника Буфорда Киссдрилела), а теплый, богатый модуляциями, доверительный Голос. Голос «У МЕНЯ ВСЕ В ПОРЯДКЕ». Он звучал сильно, но был ложным. Так же впрочем, как все другие Голоса.

— Ты много помнишь, Ричи? — спросил его Майк.

— Очень мало, — сказал Ричи и замолчал. — Достаточно, мне кажется...

— Ты приедешь?

— Приеду, — сказал Ричи и положил трубку.

Какое-то время он сидел у себя в кабинете за столом, откинувшись на спинку стула, и глядя на Тихий океан. Слева от него два парня взгромоздились на доски для серфинга, но у них ничего не получалось — не было прибора.

Часы на столе — дорогие, кварцевые, подарок фирмы звукозаписи — показывали 5.09, 28 мая, 1985. Там, откуда звонил Майк было на три часа больше. Уже темно. Он почувствовал мурашки на коже — надо было двигаться, что-то делать. Прежде всего он, разумеется, поставил запись — без разбора, просто взял вслепую первую попавшуюся из тысяч, разбросанных по полкам. Рок-н-ролл был столь же значительной частью его жизни, как Голоса, и ему трудно было что-либо делать без музыки — и чем громче, тем лучше. Запись, которую он достал, оказалась «Мотаун Ретроспектив». Марвин Гей, один из новичков в том, что Ричи иногда называл «оркестром мертвецов», пел: «Я слышал это по сарафанному радио».

«Ооооох-хooooоо, держу пари, тебе интересно, как я узнал...»

— Неплохо, — сказал Ричи. И даже слегка улыбнулся. Это было плохо, явно ошеломило его, но он чувствовал, что сумеет поладить с НИМ. Без паники, без суеты.

Он начал собираться домой. На какое-то мгновение в течение следующего часа ему пришло в голову: все было так, будто он умер,

но ему дали возможность сделать последние распоряжения... не говоря уже о собственных похоронах. Он вышел на агента из бюро путешествий, к услугам которого прибегал обычно, полагая, что эта женщина сейчас в дороге, приближается к дому, но при этом все же рассчитывал на ничтожный шанс. На удивление, он застал ее. Он сказал, что ему нужно, и она попросила у него пятнадцать минут. — Я должен вам одну, Кэрол, — сказал он. За последние три года они перешли от мистера Тозиера и мисс Фини до Ричи и Кэрол — этакая простота в обращении, учитывая, что они никогда не встречались лицом к лицу.

— Ладно, расплатись, — сказала она. — Вы можете мне сделать Кинки Брифкейс?

Без паузы — если вам нужно делать паузу, чтобы найти Голос, найти его обычно невозможно — Ричи сказал: — Кинки Брифкейс, сексуальный маньяк, перед вами: у меня тут на днях был парень, который хотел знать, что же такого страшного в СПИДЕ.

Его голос немного упал, но в то же время обрел ритм, стал веселым, беспечным — это явно был голос американца и все-таки вызывал в памяти образ некоего парня из британских колоний, который был так же симпатичен на свой грязный манер, как и испорчен. Ричи не имел ни малейшего представления, кто такой в действительности был Кинки Брифкейс, но он был уверен, что тот всегда носил белые костюмы, читал «Эсквайр» и пил то, что приносят в высоких бокалах и что пахнет как кокосовый шампунь.

— Я сказал ему сразу же — пытаюсь объяснить вашей матери, как вы подцепили его от гаитянской девочки. — А дальше Кинки Брифкейс, сексуальный маньяк, говорит: — Нанесите мне визит, коль у вас не стоит.

Кэрол Фини залилась смехом. — Потрясающе! Потрясающе! Мой приятель не верит, что вы можете вот так просто делать голоса, он говорит, что это, должно быть, какое-то звукофильтрующее устройство или что-то в этом роде...

— Просто талант, моя дорогая, — сказал Ричи. Кинки Брифкейс ушел. Теперь здесь был В. С. Филдс, в высокой шляпе, с красным носом и с мешком, в котором хранятся клюшки для гольфа. — Я так набит талантом, что должен затыкать все свои отверстия, чтобы он просто не вытек как... чтобы просто не вытек.

Ее снова охватил приступ смеха, а Ричи закрыл глаза. Он почувствовал начало головной боли.

— Будьте лапушкой и посмотрите, что я умею, ладно? — спросил он, все еще будучи В. С. Филдсом, и повесил трубку под ее смех.

Теперь он должен был вернуться в себя, и это было трудно — это становилось труднее с каждым годом. Легче быть смелым, когда ты в чужом обличье.

Он попытался вытащить еще парочку хороших лоботрясов и уже решил было влезть в тапочки, как снова зазвонил телефон. Это снова была Кэрол Фини, в рекордно короткий срок. Он почувствовал было желание войти в голос Буфорда Киссдривела, но раздумал. Она сумела достать ему первый класс на прямой рейс американской авиакомпании из Лэкс в Бостон. Он вылетает из Лос-Анджелеса в 9.30 и прибывает в Логан завтра около пяти утра. «Дельта» доставит его из Бостона в 7.30 утра, и он будет в Бангоре, штат Мэн, в 8.20. От международного аэропорта в Бангоре до городской черты Дерри всего двадцать шесть миль, туда его доставит седан.

«Только двадцать шесть миль? — подумал Ричи. — И это все, Кэрол? Впрочем, в милях это может и так. Но ты не имеешь ни малейшего представления, да и я тоже, как в действительности далеко до Дерри. Но, о Боже, о Боже ты мой, я хочу выяснить».

— Я не заказывала комнату, потому что вы не сказали мне, сколько пробудете там, — Вы...

— Не надо, я сам об этом позабочусь, — сказал Ричи, а затем появился Буфорд Киссдривел. — Ты была первый сорт, милашка, экстра-класс.

Он повесил трубку под ее смех — всегда все смеялись — и затем набрал 207-555-1212 — справочная служба штата Мэн. Он хотел заказать номер гостиницы в Дерри. Боже мой, это было название из прошлого. Он не думал о гостинице в Дерри — сколько лет? Десять? Двадцать? Двадцать пять? Каким бы безумным это ни казалось, он был склонен думать, что двадцать пять лет, и если бы Майк не позвонил, он бы никогда в жизни больше не вспомнил о ней. И все-таки было в его жизни время, когда он каждый день проходил мимо той огромной груды кирпича, и не раз бежал мимо нее с Генри Бауэрсом и Белчем Хаггинсом за тем здоровым парнем, Виктором — как его фамилия? Они гнались за ним, кричали и выкрикивали всякие непристойности типа: *«Мы тебя поймем, дерьмо!» «Куриные мозги!» «Поймем, вонючий пед!»* Поймали ли они его в конце концов?

Прежде чем Рич вспомнил, телефонистка спросила его, какой город ему нужен.

— Дерри.

«Дерри!» Боже мой! Слово это казалось странным и забытым для его уст, произносить его было как целовать древность.

— ...Пожалуйста, номер гостиницы в Дерри?

— Одну минуту, сэр.

Выхода нет. Когда-нибудь гостиницы не будет. Ее уничтожит программа обновления города. Ее трансформируют в площадку для игры в шары или видеоаркаду с фантастическим ландшафтом. А может быть, она сгорит по случайности однажды ночью; пьяный торговец обувью закурит в постели. Все проходит, Ричи, помнишь очки, которыми обычно Генри Бауэрс доводил тебя? И это прошло. Как там поется в песне Спрингстина? «Дни славы... ушедшие в глазки одной девчонки». Какой девчонки? Бев, конечно, Бев...

Может и трансформируют городскую гостиницу, но пока что она явно не исчезла; беспристрастный голос робота возник в трубке и сказал: «Номер... девять... четыре... один... восемь... два... восемь... два... Повторяю: номер...»

Но Ричи уловил его с первого раза. Какое же удовольствие — пресечь этот монотонный голос, положив трубку, — легко было вообразить себе некоего огромного шарообразного монстра справочной службы, заключенного где-то под землей, монстра, потными руками перебиравшего заклепки и державшего тысячи телефонов в тысячах сочлененных хромированных щупалец — возмездие Спайди, доктор Октопус в изложении Ма Белл. Мир, в котором жил Ричи, с каждым годом становился все более похожим на огромный набитый электроникой дом, в котором в неудобном соседстве жили числовые привидения и напуганные человеческие существа.

Все еще стоит. Все еще стоит, спустя столько лет.

Он набрал номер гостиницы, которую последний раз видел через очки детства. Набирать этот номер, 1-207-941-8282, было каким-то роковым образом просто. Он держал трубку у уха и через окно кабинета рассматривал картину за окном. Виндсерфингистов больше не было, какая-то парочка рука об руку медленно прогуливалась по пляжу. Парочка могла бы быть рекламой на стене бюро путешествий, где работала Кэрол Фини, так она была совершенна. За исключением того, что на них были очки.

«Поймаем, дерьмо! Сломаем твои очки!»

Крис, четко сработала его голова. *Его фамилия Крис. Виктор Крис.*

О боже, он ничего не хотел знать, ведь так много времени прошло, но, по-видимому, это не имело ни малейшего значения. Что-то происходило там, под сводами, там, где Ричи Тозиер держал личную свою коллекцию «Золотой фонд старых песен». Открывались двери.

Только там, внизу, не записи, ведь так? Там не записи Ричи Тозиера, человека состоящего из тысячи голосов, ведь так? И то, что открывается... Ведь это не двери, а?

Он попытался отбросить эти мысли.

Нужно помнить, что все в порядке. Все о'кей; у меня о'кей, у тебя о'кей, у Ричи Тозиера о'кей. Можно покурить, это все.

Он бросил курить четыре года назад, но сейчас-то одну сигарету можно выкурить.

Это не записи, а мертвые тела. Ты глубоко захоронил их, но сейчас происходит какое-то сумасшедшее землетрясение, и земля выплевывает их на поверхность. Там ты не Ричи Тозиер «Записи» — там, внизу, ты просто Ричи Тозиер — Четырехглазый, и ты со своими друзьями, и ты так перепуган, что, кажется, шарики твои превращаются в виноградное желе. То не двери, и не они открываются. То склепы, Ричи. Это они отворяются со скрипом, и те, кого ты считаешь мертвыми, снова вылетают на поверхность.

Сигарету, только одну сигарету. Даже Карлтон бы закурил, ради всего святого.

«Поймаем, четырехглазый! Заставим тебя СЪЕСТЬ этот дерьмовый портфель!»

— Гостиница, — сказал мужской голос с интонациями янки; ему понадобилось проникнуть через всю Новую Англию, Средний Запад, пройти под казино Лас Вегаса, чтобы достичь его уха.

Ричи спросил этот голос, можно ли ему забронировать комнаты начиная с завтрашнего дня. Голос ответил, что можно, и даже спросил, на какой срок.

— Не могу сказать. У меня... — Он внезапно сделал паузу, на одну минуту.

Что у него на самом деле? Перед его глазами возник мальчик с матерчатым ранцем, убегающий от улюлюкающих хулиганов; он увидел мальчика в очках, худенького мальчика с бледным лицом, которое, казалось, каким-то странным образом кричало каждому пробежавшему громиле: *«Поймайте меня! Бегите, поймайте меня! Вот мои губы! Вдави их мне в зубы! Вот мой нос! Разбей его в кровь! Врежь в ухо, чтобы оно распухло, как кочан цветной капусты! Раскрой бровь! Вот мой подбородок, нокаутируй меня! Вот мои глаза, такие голубые и увеличенные за этими ненавистными, ненавистными очками, этими роговыми очками, одна дужка которых удерживается лейкопластырем. Разбей очки! Вдави осколок стекла в глаз и закрой его навсегда! Какого черта!»*

Он закрыл глаза и сказал: — Видите ли, у меня в Дерри дело. Я не знаю, сколько времени займет заключение сделки. Как насчет трех дней с возможностью продлить?

— Возможность продлить? — с сомнением спросил клерк, и Ричи терпеливо ждал, пока этот тип сообразит. — О, да, хорошо!

— Спасибо, и я... надеюсь, что вы сможете голосовать за нас в ноябре, — сказал Джон Кеннеди. — Жаки хочет сделать Овальный Кабинет... у меня работа, связанная... с... братом Бобби.

— Мистер Тозиер?

— Да.

— О'кей... Кто-то подключился к линии на несколько секунд.

Просто старый неудачник из Старой Партии Мертвецов, подумал Ричи. *Не беспокойтесь о ней.* Дрожь пронзила его и он снова сказал себе, почти в отчаянии: *«Все о'кей, Ричи».*

— Я тоже слышал, — сказал Ричи. — Да, должно быть, подключился. Ну, так как у нас с вами будет с комнатой?

— О, нет проблем, — сказал клерк. — Мы здесь в Дерри, правда, занимаемся бизнесом, но никакого бума.

— Точно?

— О, да, — уверенно сказал клерк, и Ричи снова передернуло. Он забыл, что на севере Новой Англии «да» произносили специфически, как этот клерк.

«Поймаем, гадина!» — закричал призрачный голос Генри Бауэrsa, и он почувствовал, что теперь склепы со скрипом отрываются внутри него; вонь, которую он ощущал, шла не от разложившихся тел, а от разложившейся памяти, от разложившихся воспоминаний, и это было еще хуже.

Он дал клерку в деррийской гостинице номер своего американского экспресса и положил трубку. Затем он позвонил Стиву Коваллу, директору программы «Клэд».

— Что случилось, Ричи? — спросил Стив. Последний рейтинг показал, что КЛЭД занимает на каннибальском рынке рока в Лос-Анджелесе самую вершину, и с тех пор Стив был в отличном настроении — благодарение Богу за маленькие победы.

— Ты можешь пожалеть, что спросил, — сказал Ричи. — Я делаю ноги.

— Делаешь ноги... — Он услышал недовольство в голосе Стива. — Что-то я не понимаю тебя.

— Я собираю манатки. Я исчезаю.

— Что ты имеешь в виду под «собираю манатки»? По логике, я сейчас здесь, а ты завтра в воздухе от двух дня до шести вечера, как всегда. В четыре часа ты в студии интервьюируешь Кларенса Клемонса. Ты знаешь Кларенса Клемонса, Ричи? Который в «Приди и ударь, босс»?

— Клемонс может с таким же успехом говорить с Майком О'Хара.

— Кларенс не хочет говорить с Майком, Рич. Кларенс не хочет говорить с Бобби Русселом. Он не хочет говорить со мной. Кла-

ренс — фанат Буфорда Киссдривела и Байата-Гангстера-убийцы. Он хочет говорить только с тобой, мой друг. И у меня нет никакого желания иметь зассанного двухсотпятидесятифунтового саксофониста, которого однажды отделали футболисты профи, учинившие дебош в моей студии.

— Не думаю, что он повинен в истории с дебошем, — сказал Ричи. — Мы ведь сейчас говорим о Кларенсе Клемонсе, а не о Кейте Муне.

В трубке было молчание. Ричи терпеливо ждал.

— Ты не серьезно, а? — спросил наконец Стив. Голос у него был печальный. — Разве что у тебя только что умерла мать или тебе предстоит удалять опухоль мозга, или что-то в этом роде, а иначе это чушь.

— Я должен ехать, Стив.

— У тебя мать заболела? Или — Боже упаси — умерла?

— Она умерла десять лет назад.

— У тебя опухоль мозга?

— У меня нет даже прыща на заднице.

— Это не смешно, Ричи.

— Нет.

— Это дерьмовый розыгрыш, мне это не нравится.

— Мне тоже не нравится, но я должен ехать.

— Куда? Почему? В чем дело? Скажи мне, Ричи.

— Мне позвонили. Некто, кого я знал в давние времена. В другом месте. Снова что-то случилось. Я дал обещание. Мы все дали обещание, что вернемся, если что-то будет случаться. И мне кажется, оно случилось.

— О каком «что-то» мы говорим, Ричи?

— Я бы с удовольствием не говорил. *Если скажу правду, ты подумаешь, что я сумасшедший. Так вот, я не помню.*

— Когда ты дал это знаменитое обещание?

— Давно. Летом 1958-го.

Последовала длинная пауза; Стив Ковалл явно пытался понять, дурит ли его Ричард Тозиер «Записи», он же Буфорд Киссдривел, он же Вайат-гангстер-убийца, и т.д. и т.д., или у него какое-то психическое расстройство.

— Ты же был еще ребенком, — спокойно сказал Стив.

— Мне было одиннадцать. Двенадцатый.

Снова длинная пауза. Ричи терпеливо ждал.

— Ладно, — сказал Стив. — Я сделаю перестановку — поставлю Майка вместо тебя. Я могу позвонить Чаку Фостеру, сделать несколько замен, если смогу узнать, в каком китайском ресторане

он сейчас ошивается. Я это сделаю, потому что мы давно вместе. Но я никогда не забуду, как ты посадил меня.

— Ой, брось ты, — сказал Ричи, головная боль все усиливалась. Он знал, что он делает, а Стив в это не верил. — Мне нужно несколько выходных, все. Ты ведешь себя так, как будто я насрал на права нашей федеральной комиссии связи.

— Несколько выходных для чего? Тусовка компашки молодчиков в борделе Фолс, Северная Дакота, или Пуссихамр Сити, Западная Вирджиния?

— Мне кажется, на самом деле бордель в Арканзасе, приятель, — сказал Буфорд Киссдривел глухим, как из большой пустой бочки, голосом, но Стива было не отвлекать.

— И только потому, что ты дал обещание, когда тебе было одиннадцать? Побойся Бога, в одиннадцать лет серьезных обещаний не дают. Ты понимаешь, Рич, что не в этом дело. У нас не страховая компания, не юридическая контора. Это ШОУ-БИЗНЕС, какой бы он ни был скромный, и ты это очень хорошо знаешь. Если бы ты предупредил меня за неделю, я бы не держал сейчас телефон в одной руке и бутылку «Миланты» в другой. Ты загоняешь меня в угол, и сознаешь это, поэтому не оскорбляй мой разум такими заявками.

Стив теперь почти что кричал, и Ричи закрыл глаза. — Я никогда не забуду этого, — сказал Стив, и Ричи подумал, что да, не забудет. Но Стив сказал также, что в одиннадцать лет серьезных обещаний не дают, а это совсем неправда. Ричи не помнил, что это было за обещание — он не был уверен, что ХОЧЕТ помнить, но оно было сто раз серьезным.

— Стив, я должен.

— Да. И я сказал, что управлюсь. Так что давай. Давай, мудака.

— Стив, это...

Но Стив уже положил трубку. Ричи поставил телефон. Но едва отошел от него, тот снова зазвонил, и еще не подняв трубку, Рич знал, что это опять Стив, разъяренный, как никогда. Это не сулило ничего хорошего — говорить с ним на такой ноте значило нарывать-ся на скандал. Он отключил телефон, повернув переключатель направо.

Рич вытащил два чемодана из шкафчика и, не глядя, набил их ворохом одежды: джинсами, рубашками, нижним бельем, носками. До последней минуты ему не приходило в голову, что он не взял ничего, кроме детских вещей. Он отнес чемоданы вниз.

На стене в маленькой комнате висела черно-белая фотография Биг Сура работы Ансела Адамса. Он развернул ее на скрытых шарнирах, обнажив цилиндрический сейф. Открыл его, протянув

руку к бумагам: здесь дом, двадцать акров леса в штате Айдахо, пакет акций. Он купил эти акции, по-видимому, случайно; его брокер, увидев это схватился за голову, но акции за все эти годы постоянно поднимались. Его иногда удивляла мысль о том, что он почти — не совсем, но почти — богатый человек. Музыка рок-н-ролла... и Голоса, конечно.

Дом, акры, страховой полис, даже копия его завещания. *Нити, плотно связывающие тебя с жизнью*, подумал он.

Внезапно у него возник дикий импульс схватить весь этот хлам — все это тленное скопище «почему», «как», «носитель данного удостоверения имеет право» — и сжечь его. Теперь он мог это сделать. Бумаги в сейфе внезапно перестали что-либо значить.

И тут его впервые обуял настоящий ужас. Пришло ясное осознание того, как легко промотать жизнь. И это было страшно. Вы просто суетились всю жизнь, сгребая все в кучу. Сжечь это, или сместь, и тогда только делать ноги.

За бумагами, которые были просто бумагами, лежала настоящая ценность. Наличные. Четыре тысячи долларов в купюрах по десять, двадцать, пятьдесят.

Он вытащил деньги, стал запихивать их в карманы джинсов. Мог ли он каким-то боком догадаться раньше, что за деньги прячет он сюда — пятьдесят баксов за один месяц, сто двадцать за следующий, а потом, быть может, только десять? Деньги крысы, бегущей с тонущего корабля. Деньги для того, чтобы унести ноги.

«Дружище, это страшно», — сказал он, едва ли сознавая, что говорит. Он безучастно посмотрел через большое окно на пляж. Сейчас пляж был пустынен: виндсерфингисты ушли, молодожены (если они были таковыми) тоже ушли.

Ах, да, теперь все возвращается ко мне. Помнишь Стэнли Уриса, например? Да... Помнишь, как мы говорили тогда, думаешь, это было шиком? Стэнли Урин — так парни звали его. «Эй, Урин, эй, дерьмовый христуубивец! Куда идешь? Один из твоих гомиков трахнет тебя?»

Он с шумом закрыл дверцу сейфа и повернул картинку на свое место. Когда он последний раз вспоминал Стэна Уриса? Пять лет назад? Десять? Двадцать? Рич и его семья уехали из Дерри весной 1960 года, и как быстро забылись все эти лица, эта компашка, эта жалкая кучка бездельников с их маленьким клубом в Барренсе — забавное название для места, сплошь покрытого буйной растительностью. Игра в исследователей джунглей, в моряков, солдат, строителей дамбы, ковбоев, пришельцев с других планет — называйте это как хотите, но не забывайте, что было истинной причиной этих

игр: желание спрятаться. Спрятаться от больших парней. Спрятаться от Генри Бауэrsa, и Виктора Криса, и Белча Хаггинса, и остальных. Какой кучкой бездельников они были — Стэн Урис с его большим еврейским носом, Билл Денбро, который не мог и слова сказать, не заикаясь, кроме «Привет, Силвер», так что это бесило, Беверли Марш со своими синяками и сигаретами в рукаве блузки, Бен Хэнском, который был такой огромный, что выглядел человеческой разновидностью Моби Дика, и Ричи Тозиер со своими толстыми очками, умным ртом и лицом, черты которого и выражение беспрерывно менялись. Можно одним словом обозначить их тогдашнюю сущность? Можно. Всего одним словом. В данном случае словом — тряпки.

Как это вернулось... как все это вернулось... и сейчас он стоял здесь в комнате, дрожа, как беспомощная бездомная собачонка, застигнутая грозой, дрожа, потому что парни, с которыми он бежал — это не все, что он припомнил. Было еще другое, то, о чем он не думал годами, трепеща под землей.

Кровавое.

Темнота. Какая-то темнота.

«Дом на Нейболт Стрит — и кричащий Билл: *Ты убил моего брата, подддонок!*»

Помнил ли он? Достаточно, чтобы больше не хотеть вспоминать.

Запах отбросов, запах дерьма и запах чего-то еще. Еще хуже. Это была вонь зверя, ЕГО дерьмо, там внизу, в темноте под Дерри, где машины громыхали и громыхали. Он вспомнил Джорджа...

Но это было уже слишком, и он побежал к ванной, наткнувшись по дороге на стул и чуть не упав. Он сделал это... с трудом. На коленях прополз по скользкому кафелю, словно какой-то дикий исполнитель брейка, ухватился за края унитаза и его вывернуло наизнанку до кишок. Но даже после этого он не остановился; вдруг увидел Джорджа Денбро, как будто в последний раз видел его вчера, Джорджа, который был началом всего этого, Джорджа, который был убит осенью 1957 года. Джорджи погиб сразу после наводнения, одна рука у него была с мясом вырвана из сустава, и Рич заблокировал все это в своей памяти. Но иногда такие вещи возвращаются, да, да, иногда они возвращаются.

Спазм прошел, и Ричи стал приходить в себя. Вода шумела. Его ранний ужин, отрыгнутый огромными кусками, исчез в канализации.

В сточных трубах.

В вонь и темень сточных труб.

Он закрыл крышку, положил на нее голову и начал плакать. С момента смерти матери в 1975 году он кричал впервые. Потом

бездумно нажал подглазья, и контактные линзы, которые он носил, выскользнули и замерцали на ладонях.

Через сорок минут, очистив желудок, он закинул чемоданы в багажник своей MG и вывел ее из гаража. Темнело. Он посмотрел на дом с новыми посадками, он посмотрел на пляж, на воду. И в него вселилась уверенность, что он никогда этого больше не увидит, что он странствующий мертвец.

— Теперь едем домой, — прошептал про себя Ричи Тозиер. — Едем домой, да поможет нам Бог, домой.

Он включил коробку передач и поехал, снова чувствуя, как легко было преодолеть неожиданную трещину в том, что он считал прочной жизнью — как легко добраться до темени, выплыть из голубизны в черноту.

Из голубизны в черноту, да, так. Где ожидает все, что угодно.

3

Бен Хэнском пьет

Если в ту ночь 28 мая 1985 года вам бы захотелось найти человека, которого журнал «Тайм» назвал «возможно, самым многообещающим архитектором Америки», то пришлось бы ехать на запад от Омахи к границе штатов, в этом случае вам надо было бы воспользоваться дорогой на Сведхольм и по шоссе 81 достичь центра Сведхольма. Там, у кафетерия Бакки («Цыплята-гриль — наша специализация!») вы бы свернули на шоссе 92, а оказавшись за пределами города, держались бы шоссе 63, которое тянется прямо, через пустынный городишко Гатлин и в конце концов ведет в Хемингфорд Хоум. Центр Хемингфорд Хоум вынудил центр Сведхольма походить на Нью-Йорк Сити; деловой центр состоял там из восьми зданий — пять на одной стороне и три на другой. Там была парикмахерская Клина Ката (в витрине торчала желтеющая, сделанная от руки вывеска пятнадцатилетней давности со словами: «Если ты хиппи, стригись в других местах»). Там было отделение банка домовладельцев Небраски, автозаправочная станция 76 и Государственная фермерская служба. Единственным бизнесом в городе была поставка скобяных изделий, а выглядел он так, словно был на полпути к процветанию.

На краю большого незастроенного пространства, отступив несколько от других зданий, и выделяясь, как пария, стояла главная придорожная закусочная «Красное колесо». На автостоянке, изрытой заполненными грязью рытвинами, вы могли бы увидеть «Кадиллак» выпуска 1968 года, с открывающимся верхом и двумя антен-

нами сзади. Престижный номерной знак говорил просто: «Кедди» Бена. Войдя в закусочную, вы нашли бы того, кого искали — долговязого, загорелого человека в легкой рубашке, выцветших джинсах и в изношенных саперных ботинках. Легкие морщинки виднелись у него только в уголках глаз. Он выглядел лет на десять моложе своего возраста, а было ему тридцать восемь лет.

«Хеллоу, мистер Хэнском», — сказал Рикки Ли, положив бумажную салфетку на стойку, когда Бен сел. Рикки Ли казался слегка удивленным, да он и был удивлен. Никогда раньше не видел он Хэнскома в «Колесе» в будни. Бен регулярно приезжал сюда вечером по пятницам за двумя кружками пива, а по субботам — за четырьмя-пятью, он всегда осведомлялся о здоровье трех мальчишек Рикки Ли, он оставлял неизменные пять долларов чаевых под пивной кружкой, когда уходил. Но в плане профессионального разговора и личной симпатии он был далеко не самым любимым посетителем Рикки Ли. Десять долларов в неделю (и еще за последние пять лет пятьдесят долларов под кружкой в Рождество) это было отлично, но хорошая мужская компания стоила больше. Достойная компания всегда была редкостью, но в кабаке, подобном этому, где шла самая примитивная болтовня, она случалась реже, чем зубы у курицы.

Хотя родом Хэнском был из Новой Англии и учился он в колледже в Калифорнии, в нем было что-то от экстравагантного техасца. Рикки Ли рассчитывал на субботне-воскресные остановки Бена Хэнскома, потому что за эти годы убедился, что на него твердо можно рассчитывать. Мистер Хэнском мог строить небоскреб в Нью-Йорке (где им уже было построено три из наиболее шумевших зданий города), новую картинную галерею в Редондо Вич или торговый центр в Солт Лейк Сити, но каждую пятницу он въезжал в ворота, ведущие на автостоянку, так, словно бы жил не далее чем на другом конце города и, поскольку по телевизору не было ничего хорошего, решил заскочить сюда. У него был свой самолетик и личная взлетно-посадочная полоса на ферме в Джанкинсе.

Два года назад он был в Лондоне, сначала проектируя и затем наблюдая за строительством нового центра связи Би-би-си — здания, о котором до сих пор шли жаркие споры в английской прессе, выдвигались все «за» и «против». («Гардиан»: «Возможно, это самое красивое здание, из сооруженных в Лондоне за последние двадцать лет»; «Миррор»: «Уродливейшая вещь, из всего, что я когда-либо видел»). Когда мистер Хэнском взялся за ту работу, Рикки Ли подумал: «Ну, когда-нибудь я снова увижу его. А может, он просто забудет обо всех нас». И действительно, в пятницу, после своего отъезда в Лондон, Бен Хэнском не появился, хотя Рикки Ли поймал

себя на том, что между восемью и девятью тридцатью он смотрит на открывающуюся дверь. *Да, когда-нибудь я увижу его. Может быть.* «Когда-нибудь» обернулось следующим вечером. Дверь открылась в четверть десятого, и он вошел легкой походкой, в джинсах, рубашке и старых саперных ботинках — как будто бы приехал из соседнего городка. И когда Рикки Ли крикнул почти радостно: «Хей, мистер Хэнском! Бог ты мой! Что вы здесь делаете?», м-р Хэнском посмотрел на него слегка удивленно, как будто в его появлении здесь не было ничего необычного. И это был не эпизод; он показывался в «Красном колесе» каждую субботу в течение двух лет его работы с Би-би-си. Он улетал из Лондона каждую субботу на Конкорде, в 11.00 утра — как говорил зачарованному Рикки Ли — и прибывал в аэропорт Кеннеди в Нью-Йорке в 10.15 — за сорок пять минут до того, как вылетал из Лондона, по крайней мере по часам («Боже, это как путешествие во времени, а?» — говаривал впечатленный Рикки Ли). Невдалеке останавливался лимузин, чтобы довезти его в аэропорт Тетерборо в Нью-Джерси — поездка, которая в субботу утром занимает обычно не более часа. Он мог сидеть в кабине пилота в своем Лире без проблем до 12.00 и коснуться земли в Джункинсе к двум-тридцати. Если движешься на запад достаточно быстро, сказал он Рикки, день кажется бесконечным. Затем у него был двухчасовой сон, час он проводил с прорабом и полчаса с секретаршей. Затем ужинал и приезжал в «Красное колесо» часика на полтора. Он всегда приходил один, сидел в баре и уходил тоже один, хотя известно, что в этой части Небраски полно женщин, которые были бы счастливы снимать ему носки. Потом он обычно спал на ферме шесть часов, после чего весь процесс повторялся в обратном порядке. У Рикки не было ни одного клиента, на которого бы не производило впечатление это его повествование. «Может быть, он педераст», — сказала однажды какая-то женщина. Рикки Ли посмотрел на нее коротко, оценивая тщательно уложенные волосы, тщательно сшитую одежду, которая несомненно имела ярлык модельера, бриллиантовые сережки в ушах, выразительные глаза, и понял, что она с востока, возможно из Нью-Йорка, а здесь находится в гостях у родственницы или, может быть, старой школьной приятельницы и ждет не дождется, когда выберется отсюда. «Нет, — ответил он. — Мистер Хэнском не «голубой». Она вытащила пачку сигарет «Дорал» из сумочки и зажала одну в ярко красных своих губах, а он поднес ей зажигалку. «Откуда вы знаете?» — спросила она, слегка улыбаясь. «Знаю», — сказал он. И знал. Он мог бы сказать ей: я думаю, он ужасно одинокий человек, самый одинокий из всех, кого я когда-либо встречал в своей жизни. Но он

никогда бы не сказал такой вещи этой женщине из Нью-Йорка, которая смотрела на него так, будто он являл собой некий неведомый, весьма странный и забавный человеческий тип.

Сегодня мистер Хэнском выглядел бледным и несколько рассеянным.

— Привет, Рикки Ли, — сказал он, садясь, и принялся изучать свои руки.

Рикки Ли знал, что он намеревается провести следующие шесть-восемь месяцев в Колорадо-Спрингс, наблюдая за началом строительства там культурного центра — разветвленного комплекса из шести зданий, врезающихся в горы. *Когда центр будет готов, сказал Бен Рикки Ли некоторые люди станут говорить, что это выглядит так, будто гигантский ребенок разбросал кубики по лестничным пролетам. И в какой-то мере они будут правы. Но я думаю, центр будет работать.*

Рикки Ли подумал, что, возможно Хэнском только изображает некий испуг. Ведь когда ты столь заметная фигура, у кого-то вряд ли возникает желание на тебя охотиться. И это естественно. А может, его укусило насекомое? Их чертовски много вокруг.

Рикки Ли взял кружки со стойки и потянулся к пробке с «Олимпией».

— Не надо, Рикки Ли.

Рикки Ли с удивлением обернулся, но когда Бен Хэнском отвел руки от лица, он внезапно испугался. Потому что на его лице был не театральный испуг, и не муха его укусила или что-то в этом роде. Он выглядел так, будто ему только что нанесли страшный удар, и он все еще пытается понять, что же такое его ударило.

Кто-то умер. Он не женат, но у каждого есть семья, и кто-то в его семье только что был повержен в прах, свалился замертво. Вот что произошло, и это так же верно, как то, что говно из сортира спускается вниз.

Кто-то из посетителей опустил в автопроигрыватель четверть доллара, и Барбара Мандрелл стала петь о пьяном мужчине и одинокой женщине.

— У вас все в порядке, мистер Хэнском?

Бен Хэнском посмотрел на Рикки Ли из глубины своих глаз, которые вдруг постарели на десять — нет, на двадцать — лет по сравнению с лицом, и Рикки Ли был крайне удивлен, увидев, что волосы мистера Хэнскома седеют. Он никогда раньше не замечал седины в его волосах.

Хэнском улыбнулся. Улыбка была страшная, мрачная. Улыбка трупа.

— Не думаю, что в порядке, Рикки Ли. Нет. Сегодня нет. Вообще нет.

Рикки Ли поставил кружку и подошел к тому месту, где сидел Хэнском. В баре было человек двадцать — не больше, чем в ночном баре, работающем по понедельникам задолго до открытия футбольного сезона. Анни сидела у двери в кухню, играя в крибидж с поваром.

— Плохие новости, мистер Хэнском?

— Да плохие. Плохие новости из дома. — Он посмотрел на Рикки Ли. Он посмотрел через Рикки Ли.

— Я очень огорчен, что слышу это, мистер Хэнском.

— Спасибо, Рикки Ли.

Он замолчал; Рикки Ли собирался было спросить, чем он может быть полезен, когда Хэнском сказал: — Какое виски у тебя в баре?

— Для кого-нибудь другого в этом кабаке — «Четыре розы», — сказал Рикки Ли, — но для вас, я думаю, «Дикий турок».

Хэнском улыбнулся одними губами.

— Я очень тебе признателен, Рикки Ли. Возьми-ка кружку и наполни ее «Диким турком».

— Кружку? — спросил ошарашенный Рикки Ли. — Господи, да мне придется выносить вас отсюда — «Или вызывать «скорую», — подумал он.

— Не сегодня, — сказал Хэнском, — не думаю.

Рикки Ли внимательно посмотрел в глаза мистера Хэнскома: не шутит ли он? И ему потребовалось менее секунды, чтобы понять: нет, не шутит. Поэтому он вытащил кружку из бара и бутылку «Дикого турка» с одной из нижних полок. Горлышко бутылки стучалось о края кружки, когда он наливал. Он зачарованно наблюдал, как булькает виски. Да, мистер Хэнском не иначе как техасец, решил Рикки Ли, ведь такую порцию виски он никогда еще не наливал и вряд ли кому-нибудь еще нальет в своей жизни.

Вызывай «скорую», малый. Виски раздавит этого малыша, мне придется вызывать Паркера и Уотерса из Сведхольма за катафалком.

Тем не менее он поставил бутылку перед Хэнскомом; отец говорил однажды Рикки Ли, что, если человек в здравом уме, следует принести ему то, за что он платит, неважно, моча это или яд. Рикки Ли не знал, хорош ли совет, зато точно знал: если вы содержите бар ради куска хлеба, это совет отличный, и он спасает вас от искушения копошиться в собственной совести.

Хэнском минутку задумчиво смотрел на адский напиток, а затем спросил: — Сколько я вам должен за такую порцию, Рикки Ли?

Рикки Ли медленно покачал головой, не отрывая взгляда от кружки с виски, чтобы не видеть запавших, пронизывающих глаз Хэнскома.

— Нет, — сказал он, — я угощаю.

Хэнском снова улыбнулся, на этот раз более естественно. — Что ж, спасибо, Рикки Ли. Сейчас я что-то покажу вам, о чем узнал в Перу в 1978 году. Я работал там с парнем по имени Фрэнк Биллингс — я бы сказал, в паре с ним. По-моему, черт возьми, Фрэнк Биллингс был лучшим архитектором в мире. Он схватил лихорадку, врачи всадили ему биллион разных антибиотиков, и ни один не помог. Он сторел за две недели и умер. То, что я покажу вам, я узнал от индейцев, которые работали с нами над проектом. У них хорошо варят черепушки. Обычно вы глотаете, вроде бы испытывая при этом приятное ощущение, но у вас во рту словно бы кто-то зажигает факел и направляет его в глотку. А индейцы пьют спиртное, как кока-колу, я редко видел там пьяных, и ни разу никого — с похмелья. У меня же никогда не было целого бурдюка со спиртным, чтобы попробовать их метод. Думаю, сегодня получится. Принесите мне несколько ломтиков лимона.

Рикки Ли принес четыре ломтика и аккуратно положил их на свежую салфетку, рядом с кружкой, в которой был виски. Хэнском взял одну дольку, запрокинул голову назад, будто собирался капать себе глазные капли, а затем начал выжимать свежий лимонный сок в правую ноздрю. «Боже правый!» — Рикки Ли в ужасе.

У Хэнскома задвигался кадык. Покраснело лицо... затем Рикки Ли увидел, как слезы катятся к ушам по гладким плоскостям его лица. Теперь на автопроигрывателе были Спиннеры, они пели песню о любопытном. «О, господи, я прямо не знаю, сколько я могу вынести», — пели Спиннеры.

Хэнском, не глядя, нащупал еще один ломтик лимона и выжал сок в другую ноздрю.

«Вы, черт возьми, убьете себя», — прошептал Рикки Ли. Хэнском кинул отжатый лимон на стойку бара. Глаза у него страшно покраснели и сперло дыхание. Яркий лимонный сок выливался из обеих ноздрей и стекал к уголкам рта. Он нащупал кружку, поднял ее и выпил треть. Рикки Ли сдержанно наблюдал, как кадык его ходит вверх-вниз.

Хэнском отставил кружку, поежился, затем кивнул. Он посмотрел на Рикки Ли и слегка улыбнулся. Глаза его уже не были красными.

— Вы настолько озабочены своим носом, что не чувствуете, что проходит в вашу гортань.

— Вы сумасшедший, мистер Хэнском, — сказал Рикки Ли.

— Даю голову на отсечение, — сказал мистер Хэнском. — Помните это, Рикки Ли? Мы обычно говорили, когда были маленькими: «Даю голову на отсечение». Я когда-нибудь говорил вам, что был толстым?

— Нет, сэр, никогда, — прошептал Рикки Ли. Теперь он был убежден, что из-за мощного своего интеллекта мистер Хэнском сошел с ума... или временно потерял себя.

— Я был нюней. Никогда не играл в бейсбол или баскетбол и салили меня первым. Да, я был толстый. В моем городке были такие мальчишки, которые постоянно потешались надо мной. Регинальд Хаггинс, например, все называли его Белч или Виктор Крисс и другие. Но мозговым центром был Генри Бауэрс. И если существовал когда-нибудь дьявольский парень, топчущий тело земли, Рикки Ли, то это был Генри Бауэрс. Потешались они не только надо мной, но я к тому же не умел бегать так быстро, как другие.

Хэнском расстегнул рубашку и открыл грудь. Наклонившись, Рикки Ли увидел необычный, крученный шрам на животе мистера Хэнскома, прямо над пупком. Старый, зарубцевавшийся, белый, в виде буквы. Кто-то вырезал букву «Н» на животе этого человека, может быть, задолго до того, как он стал мужчиной.

— Это сделал Генри Бауэрс. Около тысячи лет назад...

— Мистер Хэнском...

Хэнском взял еще две дольки лимона, по одной в каждую руку, запрокинул голову, как бы намереваясь закапать в нос. Но его передернуло, он отложил ломтики в сторону и сделал два больших глотка из кружки. Вздрыгнул, сделал еще один большой глоток и с закрытыми глазами провел рукой по краю стойки. В какой-то момент он походил на человека, находящегося на паруснике и во время сильной качки державшегося за борт, чтобы сохранить равновесие. Потом он открыл глаза и улыбнулся Рикки Ли.

— Я бы всю ночь мог ездить на этом быке, — сказал он.

— Мистер Хэнском, я бы хотел, чтобы вы этого больше не делали, — сказал нервно Рикки Ли.

Анни подошла к официантской стойке с подносом и потребовала пару «Миллеров». Рикки Ли дал их ей. Ноги у него были как ватные.

— С мистером Хэнском все в порядке, Рикки Ли? — спросила Анни. Она смотрела на Рикки Ли сзади, и он обернулся на ее взгляд. Мистер Хэнском склонился над баром, осторожно выковыривая ломтики из банки, в которой Рикки Ли хранил заправку к напиткам.

— Не знаю, — сказал он. — По-моему, нет.

— Тогда перестань катать шарики из говна и сделай что-нибудь. — Анни, как и большинство других женщин, была неравнодушна к Бену Хэнскому.

— Ладно. Папа всегда говорил, что если человек в здравом уме...

— У твоего папаши не было мозгов. Хватит о твоем папаше. Ты должен прекратить это, Рикки Ли. Он убьет себя.

Рикки Ли снова подошел к Бену Хэнскому. — Мистер Хэнском, я действительно думаю, что вам...

Хэнском запрокинул голову. Выдавил лимон, и на этот раз спокойно втянул в себя лимонный сок, как будто это кокаин. Отпил виски, как будто это вода. И торжествующе посмотрел на Рикки Ли.

— Бим-бом, я видел всю шайку, танцующую на коврике у меня в гостиной, — сказал он и улыбнулся. В кружке оставалось совсем немного виски.

— Достаточно, — сказал Рикки Ли и потянулся к кружке.

Хэнском осторожно отодвинул ее. — Нанесен ущерб, Рикки Ли, — сказал он. — Нанесен ущерб, старина.

— Мистер Хэнском, пожалуйста...

— У меня есть кое-что для твоих ребятишек, Рикки Ли. Черт подери, чуть не забыл!

На нем была выцветшая рубашка, и он вытаскивал что-то из кармана. Рикки Ли слышал приглушенное позвякивание.

— Мой отец умер, когда мне было четыре года, — сказал Хэнском. Голос у него был чистый. Он оставил нам кучу долгов. Я хочу, чтобы у твоих ребятишек было вот это, Рикки Ли. Он положил три серебряных доллара на стойку, и они замерцали под мягким светом. Рикки Ли сдержал дыхание.

— Мистер Хэнском, это очень любезно, но я не мог бы...

— Их было четыре, но один я дал Заике Биллу и другим. Билл Денбро, вот его настоящее имя. Заика Билл — это мы его так звали, так же как говаривали тогда: «Даю голову на отсечение». Он был одним из самых лучших друзей, которые у меня когда-либо были, — у меня их было немного, даже такой толстый парень, как я, имел немного друзей. Заика Билл сейчас писатель.

Рикки Ли едва слышал его. Он зачарованно смотрел на серебряные монеты. 1921, 1923 и 1924. Бог знает, какая была им теперь цена.

— Я не могу, — сказал он снова.

— Но я настаиваю, — мистер Хэнском взял кружку и осушил ее. Он смотрел прямо в глаза Рикки Ли. Его глаза были бесцветные, воспаленные, но Рикки Ли поклялся бы на Библии, что это были глаза трезвого человека.

— Вы меня немного пугаете, мистер Хэнском, — сказал Рикки Ли. Два года назад один малый из местных, Грешам Арнольд, пришел в «Красное колесо» с рулоном четвертьдолларовых купюр в руке и двадцатидолларовой бумажкой, засунутой в края шляпы. Он вручил рулон Анни с указанием класть по четыре двадцатипятицентовика в автопроигрыватель. Двадцать долларов он оставил на стойке бара и велел подавать выпивку бесплатно — ввести такую систему. Этот малый, этот Грешам Арнольд, когда-то давно был звездой баскетбола в Хемингфорд Рэмз и вывел свою команду на командное первенство (первое, и вполне вероятно, последнее) среди школ. Это было в 1961 году. Перед молодым человеком, казалось, простирались неограниченные возможности. Но из университета его исключили в первом же семестре по неуспеваемости — жертва спиртного, наркотиков, ночных кутежей. Он приехал домой, разбил машину, которую его предки подарили ему к окончанию школы, и стал коммивояжером у своего отца, который занимался дилерством. Прошло пять лет. Отец не смог зажечь его этой работой, поэтому он в конце концов продал свое дилерство и уехал в Аризону — его угнетала и состарила раньше времени необъяснимая и явно необратимая деградация сына. Пока дилерство еще принадлежало отцу, и Арнольд по крайней мере делал вид, что работает, он предпринял попытки воздержаться от пьянства. Потом оно его полностью захватило. Он мог нагрузиться, но всегда был как огурчик после ночи, проведенной в кабаке, угощая всех, и все его любезно благодарили, и Анни продолжала ставить «Мо Бенди Сонгз», потому что он любил «Мо Бенди Сонгз». Он сидел в баре, у стойки — на том же самом месте, где сейчас сидел мистер Хэнском, подумал Рикки Ли со все возрастающим беспокойством — выпил три-четыре «Бурбона», подпевая под автопроигрыватель, и, не вызвав никакого беспокойства, пошел домой, когда Рикки Ли закрыл «Колесо», повесился на ремне в клозете. Глаза Грешама Арнольда в тот вечер напоминали глаза Бена Хэнскома.

— Я вас пугаю, да? — спросил Хэнском, не отводя глаз от Рикки Ли. — Он отодвинул кружку и сложил руки перед тремя серебряными монетами. — Вполне возможно. Но вы не так напуганы, как я.

— Что случилось? — спросил Рикки Ли. — Может быть... — Он облизнул губы. — Может, я могу вам помочь.

— Что случилось? — засмеялся Бен Хэнском. — Ну, не слишком многое. Сегодня ночью мне позвонил старый друг, Майкл Хэнлон. Я совсем о нем забыл, Рикки Ли, но не это напугало меня. В конце концов, я был ребенком, когда знал его, а дети забывчивы, правда?

Конечно, забывчивы. Даю голову на отсечение. Но, что меня напугало, так это сознание того, что забыл я не только о Майке, но и обо всем том, что было в мои детские годы.

Рикки Ли посмотрел на него. Он абсолютно не понимал о чем говорил мистер Хэнском, но человек был определенно напуган. Это как-то не вязалось с Беном Хэнскомом, но это было так.

— Я имею в виду, что забыл ВСЕ об этом, — сказал он легонько постучав по стойке бара костяшками пальцев. — Приходилось ли вам слышать, Рикки Ли, о столь полной амнезии, когда вы даже не знаете, что у вас амнезия?

Рикки Ли покачал головой.

— Я тоже не слышал. Но сегодня вечером я был в своем «Кэдди», и вдруг это меня ударило. Я вспомнил Майкла Хэнлона, но только потому, что он позвонил мне по телефону. Я вспомнил Дерри, но только потому, что он звонил оттуда.

— Дерри?

— Но это ВСЕ. Мне пришло в голову, толчком, что я даже не думал о том, что был ребенком, с... не знаю, с какого момента. И затем все потоком начало вливаться обратно. Как то, что мы сделали с четвертым серебряным долларом.

— Что вы сделали с ним, мистер Хэнском?

Хэнском посмотрел на свои часы и внезапно слез со стула. Он слегка шатался, но только слегка. Это было все. — Я не могу позволить времени уйти от меня, — сказал он. — Я улетаю сегодня вечером.

Рикки Ли взглянул на него встревоженно, и Хэнском засмеялся.

— Улетаю, но не управляю самолетом, Рикки Ли. На этот раз нет. Авиакомпания Соединенных Штатов.

— Ох, — лицо Рикки Ли выразило облегчение. — Куда же вы летите?

Рубашка Хэнскома все еще была расстегнута. Он задумчиво смотрел на белые линии старого шрама на животе, затем застегнул ее.

— Я думал, что сказал вам, Рикки Ли. Домой. Я лечу домой. Отдайте эти монеты своим ребятишкам.

Он пошел к двери, и что-то в том, как он шел, даже как подтягивал брюки, напугало Рикки Ли. Сходство с усопшим и неоплакиваемым Грешамом Арнольдом вдруг стало настолько сильным, что он казался привидением.

— Мистер, Хэнском! — закричал Рикки Ли тревожно.

Хэнском обернулся, а Рикки Ли быстро отступил. Задним местом он ударился о стойку бара, посуда звякнула, когда бутылки стукну-

лись друг о друга. Он отступил, потому что убедился вдруг, что Бен Хэнском мертв. Да, Бен Хэнском лежал где-то мертвый в канаве или на чердаке или, возможно, висел в сортире с ремнем на шее, и кончики его четырехсотдолларовых ковбойских ботинок болтались в дюйме-двух от пола, а то, что стояло около автопроигрывателя и в упор смотрело на него, было привидением.

На мгновение — только на короткое мгновение, но этого было достаточно, чтобы почувствовать, как индевеет сердце — Рикки Ли показалось, что он может видеть прямо сквозь него столы и стулья.

— Что, Рикки Ли?

— Нин-ничего.

Бен Хэнском посмотрел на Рикки Ли глазами, под которыми были темно-пурпурные круги. Его щеки побагровели от выпитого, нос был красным и воспаленным.

— Ничего, — снова прошептал Рикки Ли, но не мог отвести глаз от этого лица, лица человека, который умер во грехе и теперь стоит у дымящейся парами боковой двери ада.

— Я был толстым, и мы были бедными, — сказал Бен Хэнском. — Теперь я это помню. И я помню, что или девочка по имени Беверли, или Заика Билл спасли мне жизнь серебряным долларом. Я до безумия боюсь того, что могу еще вспомнить до конца ночи, но то, что я напуган, не имеет значения, все равно это придет. Это, как огромный пузырь, который все растет и растет в моем мозгу. Но я уезжаю, потому что всем, что я имею сейчас, я обязан тому, что мы сделали тогда, а человек должен платить за то, что получает в этом мире. Может быть, поэтому Господь сперва делает нас детьми и ставит к земле поближе, потому что знает: вам предстоит много падать и истекать кровью, прежде чем вы выучите этот простой урок. Платить за то, что имеете, обладать тем, за что платите... и рано или поздно, чем бы вы ни владели, все возвращается к вам домой.

— Вы вернетесь в конце недели, не так ли? — спросил Рикки Ли онемевшими губами. Во все возраставших страданиях это было единственное, все, за что он мог уцепиться. — Вы вернетесь в конце недели, как всегда, да?

— Не знаю, — сказал мистер Хэнском и улыбнулся жуткой улыбкой. — На этот раз я отправляюсь намного дальше Лондона, Рикки Ли.

— Мистер Хэнском!...

— Дайте эти монеты своим ребятишкам, — повторил тот и выскользнул в ночь.

— Что за черт? — спросила Анни, но Рикки Ли ее проигнорировал.

Он закрыл перегородку бара и подбежал к окну, которое выходило на стоянку машин. Он увидел, как включились передние фары на «Кэди» мистера Хэнскома, услышал, как заводится двигатель. Машина тронулась, задние фары красными точками мелькнули на шоссе 63, и ночной ветер Небраски унес поднявшуюся пыль.

— Он сел в свой ящик накачавшись, и ты позволил ему уехать в этой его громадине, — сказала Анни. — Ехать далеко, Рикки Ли.

— Ничего.

— Он убьется.

И хотя менее пяти минут назад это была его собственная мысль, Рикки Ли повернулся к Анни, когда погас свет фар «Кадилака», и сказал:

— Не думаю, он так выглядел сегодня... может, было бы лучше, если бы он убился.

— Что он сказал тебе?

Рикки Ли покачал головой. Все перемешалось у него в мозгу, и в целом это, по-видимому, ничего не значило. — Не имеет значения. Не думаю, что мы когда-нибудь еще увидим этого парня.

4

Эдди Каспбрак принимает лекарство

Если бы вам захотелось узнать все, что можно узнать об американце или американке, принадлежащих к среднему классу в конце тысячелетия, вам достаточно было бы заглянуть в его или ее аптечку. Боже ты мой, посмотрите в аптечку, когда Эдди Каспбрак открывает ее — с белым лицом и широко открытыми внимательными глазами.

На верхней полке — анацин, экседрин, контакт, гелюзил, тиле-нол и большая синяя банка Вик, похожего на нависающие глубокие сумерки под стеклом. Бутылка виварина, бутылка серутана, две бутылочки молока окиси магния Филипса, — дежурное лекарство, которое имеет вкус жидкого мела и аромат мяты — что-то наподобие мятного сока. Вот большая бутылка ролайдс рядом с большой бутылкой тамс. Тамс стоит рядом с большой бутылкой таблеток Ди-Джел с привкусом апельсина. Она как трио копилки, набитой пилюлями вместо монет.

Вторая полка — покопайтесь в витаминах: вы найдете Е, С, просто В, и В в сложном составе, и В-12. Здесь лизин, который, как предполагают, делает что-то с плохой кожей, и лецитин, который, как предполагают, делает что-то с холестерином внутри и вокруг

большого насоса — печени. Есть железо, кальций и рыбий жир. Есть разные поливитамины. А наверху самой аптечки — огромная бутылка жеритола — для стабилизации веса.

Двигаясь вправо по третьей полке, мы находим универсальных представителей мира запатентованных лекарств. Слабительные. Пилюли Картера. Они заставляют работать кишечник Эдди Каспбрака. Здесь, рядом, каопектат, пепто-бисмол и препарат Н на случай поноса или болезненного стула. Также Такс в банке с закручивающейся крышкой для туалета после испражнения. Здесь есть состав 44 от кашля, никиль и двистан от отморожений, большая бутылка касторки. Есть банка сукретс, если заболит горло, и четыре зубных элексира: хлорасептик, цепакол, цепестат в пульверизаторе и, конечно, добрый старый листерин, имеющий много аналогов, но никогда не дублируемый. Визин и мурин для глаз. Мази кортаид и неоспорин для кожи (второй рубеж обороны, если лизин не оправдал ожиданий), кислородная подушка и несколько тетрациклиновых пилюль.

И с одной стороны, собравшись как заговорщики, стоят три бутылочки шампуня из угольной смолы.

Нижняя полка почти пуста, но ее наполнение — серьезный бизнес — на этой начинке вы могли бы совершать круиз. На этой начинке вы могли бы летать выше самолетика Бена Хэнскома. Здесь валиум, перкодан, елавил и дарвон-комплекс. На этой нижней полке стоит еще одна коробочка сакретс, но в ней сакретс нет. Если бы вы открыли ее, вы бы нашли шесть квалюдс.

Эдди Каспбрак верил в девиз бой-скаутов.

Когда он зашел в ванную, в руках у него раскачивалась голубая сумка. Он поставил ее на раковину, открыл молнию и дрожащими руками начал запихивать в нее бутылки, банки, тюбики, флажки, пульверизаторы. В других обстоятельствах он брал бы их понемножку, но сейчас было не до нежностей. Выбор, как его видел Эдди, был прост и жесток в одно и то же время: либо ехать, либо остаться на одном месте, начать думать, что все это значило, и просто умереть от страха.

— Эдди? — позвала его Мира снизу. — Что ты дееееелаешь?

Эдди бросил коробочку сукретс. Аптечка почти опустела, остался Мирин мидол и маленький, почти использованный тюбик блистекса. Он помедлил чуть-чуть, затем забрал и блистекс. Начал было застегивать сумку, поразмыслил и бросил туда мидол. Могла бы купить и побольше.

— Эдди? — послышалось теперь уже с лестницы.

Эдди вышел из ванной, с одного бока раскачивалась сумка. Он был невысокий мужчина с пугливым, кроличьим лицом. Почти что

все волосы у него выпали; оставшиеся вяло росли там и сям. Тяжесть сумки заметно клонила его в одну сторону.

Чрезвычайно большая женщина медленно взбиралась на второй этаж. Эдди слышал, как под ней недовольно скрипят ступени. — Что ты ДЕЕЕЕЕЕЛАЕШЬ?

Эдди и без психиатра понимал, что он женился, в некотором смысле, на своей матери. Мира Каспбрак была огромна. Она была просто большая, когда он женился на ней пять лет назад, но иногда он думал, что бессознательно видит некий потенциал ее огромности; бог тому свидетель, его собственная мать была громадина. И Мира выглядела внушительнее, чем обычно, когда поднялась на площадку второго этажа. На ней была белая ночная рубашка, которая раздувалась на груди и на бедрах. Ее лицо, лишенное косметики, было белым и блестящим. Она выглядела сильно напуганной.

— Я должен на некоторое время уехать, — сказал Эдди.

— Что ты имеешь в виду — уехать? Что это был за телефонный звонок?

— Ничего, — сказал он, подлетая к большому стенному шкафу. Он положил сумку, открыл дверцу шкафа, и сгреб в сторону с полдюжины одинаковых черных костюмов, висевших там. Он всегда носил один из черных костюмов, когда работал. Затем он влез в шкаф, в котором пахло антимолином и шерстью, и вытащил один из чемоданов. Открыл его и начал бросать туда одежду.

На него упала тень.

— В чем дело, Эдди? Куда ты собрался? Скажи мне!

— Я не могу сказать тебе.

Она стояла, глядя на него в замешательстве, не зная, что сказать и что предпринять. Мысль просто запихнуть его в шкаф, а затем прижать дверцу собственной спиной; пока не пройдет его безумие, пронзила ее мозг, но она не могла заставить себя сделать это, хотя вообще-то могла: она была на три дюйма выше Эдди и на сто фунтов перевешивала его. Она не могла придумать, что сделать или сказать, потому что такое было ему совершенно несвойственно. Она бы испугалась не больше, если бы, войдя в комнату, где стоит телевизор, увидела, что их новый с большим экраном телик летает по воздуху.

— Ты не можешь ехать, — услышала она сама себя. — Ты обещал достать мне автограф Аль Пасино. Это был абсурд — бог тому свидетель, но даже абсурд здесь был лучше, чем ничего.

— Ты его получишь, — сказал Эдди. — Тебе придется самой привезти Пасино.

О, это был новый кошмар — как уместить такое в ее бедной голове. Она издала слабый крик: — Я не могу — я никогда...

— Тебе придется, — сказал он. Теперь он изучал свои ботинки. — Здесь не хватает одного.

— Мне не годится ни одно платье! Они слишком жмут в груди!

— Пусть Долорес выбросит одно из них, — сказал он беспощадно. Он бросил назад две пары ботинок, нашел пустую коробку из-под обуви и запахнул в нее третью пару. Хорошие черные ботинки, вполне еще годные, но для работы выглядят слишком потертыми. Когда вы ради куска хлеба возите богатых людей по Нью-Йорку, причем многие из них — известные богатые люди, все должно выглядеть на уровне. Эти ботинки уже не смотрелись, но он подумал, что они пригодятся там, куда собрался. Для всего того, что он, возможно, должен будет сделать, когда доберется туда. Может быть, Ричи Тозиер...

Но потом наступила чернота, рот его закрылся сам собой. Эдди панически осознал, что, упаковав всю чертову аптеку, он оставил самую важную вещь: свой аспиратор — там, внизу, на шкафчике со стереосистемой.

Он опустил крышку чемодана и закрыл его на замок. Он посмотрел вокруг, на Миру, которая стояла в коридоре, прижав руку к толстой короткой шее, как будто у нее был приступ астмы. Она уставилась на него, на лице у нее был страх и ужас, и он, быть может, пожалел бы ее, если бы у него самого не наполнял бы сердце ужас.

— Что случилось, Эдди? Кто это был на телефоне? У тебя беда? Да? Какая у тебя беда?

Он подошел к ней, с сумкой на молнии в одной руке и чемоданом в другой, стоя теперь более или менее прямо, потому что в руках был приблизительно равный вес. Она загораживала проход на лестницу, и он подумал было, что она не отойдет. Но когда лицо его чуть не врезалось в мягкую засаду из ее грудей, она отступила... в страхе. Когда он миновал ее, она разрыдалась несчастными слезами.

— *Я не могу привезти Аль Пасино! Я врежусь в столб или еще куда-нибудь, я знаю, что я врежусь! Эдди, я боюсь!*

Он посмотрел на часы на столе у лестницы. Двадцать минут десятого, Клерк в Дельте сказал ему сухим голосом, что он уже опоздал: последний авиарейс на север в штат Мэн из Ля Гардиа — в восемь двадцать пять. Он позвонил в Американтранс и выяснил, что последний поезд на Бостон отправляется с Пен Стейшн в одиннадцать тридцать. Он бы его доставил до Саусстейшн, а там он

может взять кэб до офисов «Кейп Код Лимузин» на Арлингтон-стрит. «Кейп Код» и компанию Эдди «Ройал Крест» на протяжении многих лет связывало полезное и взаимовыгодное сотрудничество. Срочный звонок Бучу Каррингтону в Бостоне обеспечил ему передвижение на север — Буч сказал, что для него будет приготовлен «Кадиллак». Так что поедет он с шиком, без занудного клиента, сидящего на заднем сидении, дымящего вонючей сигарой и спрашивающего, не знает ли Эдди, где можно снять девочку, или несколько граммов кокаина, или то и другое вместе.

Ехать с шиком хорошо, подумал он. С большим шиком можно было бы ехать в катафалке. Не волнуйся, Эдди — так ты может быть, будешь возвращаться назад. То есть, если от тебя что-либо останется.

— Эдди?

Девять двадцать. Еще полно времени, чтобы поговорить с ней, полно времени, чтобы быть добрым. Ах, но лучше всего, если бы она сегодня молчала, если бы можно было выскользнуть из дома, оставив записку под магнетиком на дверце холодильника (он всегда оставлял записки Мире на дверце холодильника, потому что там они заметны). Уходить из дома как беглец — нехорошо, но так вот было еще хуже. Будто ты снова и снова уходишь из дома...

Иногда дом — это место, где лежит твое сердце, думал Эдди беспорядочно. Я в это верю. Старик Бобби Фрост сказал, что дом — это место, где тебя всегда должны принимать, когда ты идешь туда. Увы, это также место, откуда тебя не хотят выпускать.

Он стоял на лестнице, наполненный ужасом, тяжело дыша, и смотрел на свою рыдающую жену.

— Пойдем вниз, я расскажу тебе, что могу, — сказал он.

Эдди поставил сумку с лекарствами и чемодан с одеждой у двери в холле. Потом ему вспомнилось что-то еще... как бы призрак его матери: она уже много лет была мертва, но он все еще часто мысленно слышал ее голос.

«Ты знаешь, Эдди, когда у тебя промокают ноги, ты всегда простужаешься — ты не как другие, у тебя очень слабый организм, тебе надо быть осторожным. Вот почему ты должен всегда надевать галоши, когда идет дождь».

В Дерри часто шел дождь.

Эдди открыл шкафчик у выхода, снял с крючка свои галоши, где они аккуратно висели в полиэтиленовом пакете, и положил их в чемодан с одеждой.

Молодец, Эдди.

Он и Мира смотрели телевизор, когда случился весь этот бардак. Он взял телефонную трубку и вызвал такси. Диспетчер сказал, что оно будет через пятнадцать минут. Эдди ответил, что нет проблем.

Он положил трубку и взял аспиратор сверху плеера «Сони». *Я потратил пятнадцать сотен баксов на стереосистему, чтобы Мира не пропустила ни одной записи Барри Манилоу, подумал он, а затем почувствовал внезапный прилив вины. Он купил роскошную стереосистему по тем же самым причинам, что и этот небольшой дом на Лонг-Айленде, где оба они болтались, как две горошины в банке: потому что это был способ смягчить, утешить мать, чтобы не слышать ее мягкий, испуганный, часто смущенный, но всегда непреклонный голос; он как бы говорил ей: «Я сделал это, ма! Посмотри на все это! Я сделал это! Теперь, пожалуйста, ради Христа, заткнись хоть на время!»*

Эдди зачихнул аспиратор в рот и, как человек, имитирующий самоубийство, спустил защелку. Облачко с ужасным лакричным привкусом прошло в горло, и Эдди глубоко вздохнул. Он мог чувствовать толчки с трудом проходившего дыхания, напряженность в груди начала ослабевать, и вдруг он услышал голоса в голове, голоса-привидения.

«Вы получили записку, которую я послала вам?»

Да, миссис Каспбрак, но...

Ну, если вы не умеете читать, Коуч Блэк, скажите мне лично. Вы готовы?

Миссис Каспбрак...

Хорошо. Давайте вот так — прямо из моих губ к вам в уши. Готовы? Мой Эдди не может заниматься физкультурой. Я повторяю: он НЕ может заниматься физкультурой. Он очень слабый, и если он бежит... или прыгает...

Миссис Каспбрак, у меня есть результаты последнего медицинского обследования Эдди. Там говорится, что Эдди несколько маленький для своего возраста, но в остальном он абсолютно нормальный. Поэтому я позвонил вашему домашнему врачу, просто чтобы удостовериться, и он подтвердил...

Вы говорите, что я лгунья? Да, Коуч Блэк? Ну, вот он! Вот Эдди, вот он стоит рядом со мной! Вы слышите, как он дышит? Как?

Мам... пожалуйста... у меня все в порядке...

Эдди, ты знаешь, что нельзя перебивать старших.

Я слышу мальчика, миссис Каспбрак, но...

Слышите? Хорошо! Я думала, что вы, может быть, глухой! Он дышит, как грузовик, поднимающийся в гору на малой скорости, не так ли?

И если это не астма...

Мама, я...

Спокойно, Эдди, не перебивай меня. Если это не астма, учитель Блэк, тогда я — королева Елизавета!

Миссис Каспбрак, Эдди очень счастлив на уроках физкультуры. Он любит играть в игры, и бежит он довольно быстро. В моем разговоре с доктором Бейнсом проскользнуло слово «*психосоматический*». Интересно, рассматривали ли вы возможность...

... что мой сын ненормальный? Вы это пытаетесь сказать? ВЫ ПЫТАЕТЕСЬ СКАЗАТЬ, ЧТО МОЙ СЫН СУМАСШЕДШИЙ?

Нет, но...

Он слабый.

Миссис Каспбрак...

Мой сын очень слабый.

Миссис Каспбрак, доктор Бейнс подтвердил, что он не может найти ничего вообще...

...физически неполноценного», — закончил Эдди. Воспоминание о той унижительной встрече, когда его мать кричала на учителя Блэка в начальной школе Дерри, пока он задыхался у нее под боком, а другие ребята сошлись у одной из баскетбольных корзин и наблюдали за ними, пришло ему в голову сегодня впервые за многие годы. Он знал, что это не единственное воспоминание, которое звонок Майкла Хэнлона вернул ему. Он чувствовал, как к нему теснящейся толпой, рвутся другие воспоминания — еще хуже, еще отвратительнее, как толпа сумасшедших покупателей, создавших пробку в дверях универмага. Но скоро пробка рассосется, и они пройдут. Он был совершенно уверен в этом. И что они найдут в продаже? Его рассудок? Может быть. За полцены. Дым и отравленная вода. Все должно уйти.

— Ничего физически неполноценного, никаких физических отклонений, — повторил он, сделал глубокий вдох и положил аспиратор в карман.

— Эдди, — сказала Мира, — пожалуйста, скажи мне, что все это такое?

Следы слез блестели на ее пухлых щеках. Ее руки беспокойно двигались, как пара розовых безволосых животных в игре. Однажды, незадолго до того, как он предложил ей руку и сердце, он взял портрет Миры, который она ему подарила, и поставил его рядом с портретом своей матери, которая умерла от паралича сердца в возрасте шестидесяти четырех лет. Когда она умерла, вес ее перевалил за четыреста фунтов, точнее, она весила, четыреста шесть фунтов. Она стала прямо-таки уродливой к тому времени — ее тело

казалось сплошным огромным пузом, в котором утопало студенистое, постоянно встревоженное лицо. Но ее портрет, который он поставил рядом с Мириным, был сделан в 1944 году, за два года до его рождения. (*«Ты был очень слабым ребенком, — шептала теперь в ухо его мама-привидение. Много раз мы отчаивались, выживешь ли ты...»*) В 1944 году его мать была относительно стройной — всего сто восемьдесят фунтов.

Он сделал это сравнение, подумал он, в последней попытке удержаться от чисто психологического инцеста. Он переводил взгляд с матери на Миру и снова на мать.

Они могли бы быть сестрами. Такое было сходство.

Эдди смотрел на два почти одинаковых портрета и обещал себе, что не совершит этого сумасшедшего поступка. Он знал, что мальчишки на работе уже шутят над Джеком Спрэтом и его женой, но они не знают и половины правды. Шутки и жалкие замечания можно стерпеть, но действительно ли он хочет быть клоуном в таком вот фрейдиистском цирке? Нет, не хочет. Он с Мирой сломает его. Он позволит ей спокойно спуститься, потому что она добрая, милая, и у нее было даже меньше опыта с мужчинами, чем у него с женщинами. И потом, когда она дойдет до горизонта жизни, то может быть будет брать уроки тенниса, о которых он так мечтал.

«Эдди счастлив на уроках физкультуры?»

«Эдди любит играть в игры? и не станет упоминать тот клуб здоровья, который открылся на Третей авеню по диагонали от гаража...»

«Эдди бежит достаточно быстро, он бежит достаточно быстро, когда вас здесь нет, бежит быстро, когда поблизости нет никого, кто напоминает ему о том, какой он слабый, и я вижу по лицу миссис Каспбрак, что он знает даже сейчас, в возрасте девяти лет, он знает, что самое большое счастье в мире, какое он мог себе позволить, — это быстро бежать в любом направлении, чего вы не позволяете ему. Миссис Каспбрак, дайте ему БЕГАТЬ».

В конце концов он все-таки женился на Мире. Старые принципы и старые привычки оказались слишком сильными. Дом был местом, где, если ты должен идти туда, тебя сажают на цепь. О, он мог бы ударить призрак своей матери. Это было бы трудно, но он не сомневался, что смог бы сделать такое, если бы только это он и должен был сделать. Именно Мира обрекала его на волнения, захватила заботой, приковала усладой. Мира, как и его мать, фатально, неизбежно проникла в самую суть его характера. Эдди был все также слаб, потому что иногда подозревал, что он совсем

не слаб; Эдди нужно защитить от его собственных слабых признаков возможной храбрости.

В дождливые дни Мира всегда вытаскивала его галоши из пластикового мешочка в клозете и ставила их около вешалки рядом с дверью. Около его тарелки с не намазанным маслом пшеничным тостом каждое утро стояло блюдо чего-то напоминающего многоцветные воздушные хлопья и что при ближайшем рассмотрении оказывалось целым спектром витаминов (многие из которых Эдди уносил сейчас в своей аптечке). Мира, как и мать, понимала его, и все возможности для него фактически были закрыты. Будучи молодым неженатым человеком, он трижды уходил от матери и трижды возвращался в ее дом. Затем, четыре года спустя после того, как мать умерла в первом зале своих королевских апартаментов, полностью заблокировав своей тушей переднюю дверь, так что парням из морга пришлось пробиваться черным ходом между кухней и служебной лестницей, он вернулся домой в четвертый и последний раз. По крайней мере, он поверил, что в последний — снова дома, снова дома, с Мирой — толстой жирной свиньей. Да, толстой жирной свиньей, но любимой, дорогой свиньей, он любил ее, и никакой другой возможности у него вообще не было. Она приворожила его к себе фатальной, гипнотизирующей мудростью.

«Снова дома навсегда», — думал он тогда.

«Но, может, я не прав, — размышлял он. — Может, это не дом и никогда не был им, может дом — это куда я должен идти сегодня ночью. Дом — это место, где, когда ты идешь туда, оказываешься в конце концов лицом к лицу с тем, что в темноте».

Он беспомощно поежился, как будто бы вышел на улицу без галош и схватил страшную простуду.

— Эдди, пожалуйста!

Она снова начала рыдать. Слезы служили ей обороной, так же, как матери — защитой: нежное оружие, которое парализует, которое превращает доброту и нежность в неизбежные прорехи в вашей броне.

Не то чтобы он изнашивал много брони — броня, по-видимому, не шла ему.

Слезы были больше, чем защита, для его матери, они были оружием. Мира редко столь цинично использовала слезы, но, так или иначе, он понимал, что сейчас она пытается использовать их... а в этом она преуспевала.

Он не мог уступить ей. Слишком большим искушением было поддаться мыслям о том, как одиноко будет ему в поезде, сквозь темноту летящим в Бостон — чемодан над головой, сумка, набитая

декарствами, между ног, страх сжимает грудь. Слишком просто разрешить Мирае забрать его наверх и делать с ним любовь при помощи аспирина и алкоголя. И уложить его в постель, где они — то ли да, то ли нет — занимались бы любовью более откровенно.

Но он обещал. *ОБЕЩАЛ.*

— Мира, послушай меня, — сказал он намеренно сухо и прозаично.

Она смотрела на него своими мокрыми, искренними, испуганными глазами.

Он думал, что сейчас попытается как можно лучше все ей объяснить: позвонил мол Майк Хэнлон и сказал ему, что это началось снова, что другие снова приезжают.

Но то, что вышло из него оказалось куда более здоровой ерундой.

— Поезжай в офис — это первое, что нужно сделать утром. Поговори с Филом. Скажи ему, что я должен был уехать и что ты повезешь Пасино...

— Эдди, я просто не могу! — закричала она. — Он ведь большая звезда! Если я заблужусь, он будет кричать на меня, я знаю, будет, он будет кричать, они все кричат, когда водитель не знает дорогу... может быть несчастный случай... наверняка будет несчастный случай... Эдди... Эдди, ты должен остаться дома...

— Ради бога, *прекрати это!*

От его голоса она отшатнулась, как будто ее ударили; Эдди схватил свой аспиратор, но не воспользовался им. И она тот час усмотрела в том его слабость, слабость, которую могла бы использовать против него. *О Боже, если Ты есть, пожалуйста, поверь мне, я в самом деле не хочу обидеть Мира. Я не хочу зарезать ее, даже толкнуть ее не хочу. Но я обещал, мы все клялись кровью, пожалуйста, помоги мне, Господи, потому что я должен сделать это...*

— Я терпеть не могу, когда ты кричишь на меня, — прошептала она.

— Мира, я сам это ненавижу, но должен, — сказал он, и она вздрогнула. *Ты идешь туда, Эдди — и снова нанесешь ей обиду. Избить ее, протащить по комнате было бы куда милосерднее. И быстрее.*

Вдруг — возможно, мысль избить кого-то вызвала новый образ — он увидел лицо Генри Бауэрса. За многие годы он впервые подумал о Бауэрсе, но это отнюдь не принесло ему спокойствия духа. Отнюдь, не принесло.

Он быстро закрыл глаза, затем открыл их и сказал: — Ты не заблудишься, и он не будет кричать на тебя. Мистер Пасино очень

милый, очень понятливый. — Он раньше никогда в жизни не возил Пасино, но успокаивал себя тем, что эта ложь — золотая середина: существовал миф, согласно которому большинство знаменитостей — говнюки, но Эдди возил их достаточно и знал, что на самом деле это не так.

Были, конечно, исключения из правил, и в большинстве случаев исключения были чудовищами! Но во имя Миры он надеялся, что Пасино — не из них.

— Да? — спросила она нежно.

— Да.

— Откуда ты знаешь?

— Деметриос возил его два или три раза, когда работал в «Манхэттан Лимузин», — сказал Эдди. — Он сказал, что мистер Пасино всегда дает на чай по меньшей мере пятьдесят долларов.

— Мне все равно, будь хоть пятьдесят центов, только бы ты не кричал на меня.

— Мира, это просто, как дважды два четыре. Первое, ты заезжаешь завтра в Сейнт Регис в 7.00 и везешь его в Эй-би-си. Они записывают последнее действие его пьесы — вроде бы она называется «Американский Буффало». Второе, ты везешь его обратно в Сейнт Регис около 11. Третье, ты едешь назад в гараж, ставишь машину и подписываешь зеленый лист.

— Это все?

— Все. Ты можешь делать это без напряжения, Марти.

Ее обычно смешило это уменьшительное имя, но сейчас она посмотрела на него с полной боли детской серьезностью.

— А что, если он захочет идти обедать вместо возвращения в отель? Или пить? Или дансинг?

— Не думаю, но если захочет, ты отвезешь его. Если будет похоже, что он собирается гулять всю ночь, ты можешь позвонить Филу Томасу по радиотелефону после полуночи. К тому времени у него освободится водитель, чтобы подменить тебя. Я бы тебя ни за что не озадачивал ничем подобным, если бы у меня был свободный водитель, но два парня больны, Деметриос в отпуске, а кто-то еще заказан заранее. Ты ляжешь в постель в час ночи, Марти — в час ночи, не позднее. Я гарантирую тебе это.

Она промолчала.

Он прочистил горло, подался вперед, с локтями на коленях. Мгновенно мама-привидение прошептала: *«Не сиди так, Эдди. Это вредит твоей осанке и ты стесняешь легкие. У тебя очень слабые легкие»*.

Он снова сел прямо, едва ли сознавая, что делает это.

«Я не должен делать этого!» — думал он с отчаянием. Астма его усилилась с тех пор, когда он был ребенком. Он потянулся к ручке двери, но она как бы отступила от него, ушла в темноту космического пространства.

— Если ты останешься, я сделаю тебе кофейный торт со сметаной, — лепетала она. — У нас есть воздушная кукуруза... Я сделаю обед из твоей любимой индейки. Я сделаю ее завтра на завтрак, если хочешь... Я начну прямо сейчас... *Эдди, пожалуйста, я боюсь, ты меня пугаешь...*

Она схватилась за его воротник и потащила его назад — так здоровенный фараон хватает подозрительного парня, пытающегося удрать. Эдди шел с угасающими усилиями... и когда он совершенно истощился и утратил способность сопротивляться, ее руки разжались.

Она издала последний вопль.

Пальцы его схватились за дверную ручку — какой благословенно прохладной она была! Он толкнул дверь и увидел такси: ожидавший его посланец из страны здравого смысла. Ночь была ясной. Звезды были яркие и прозрачные.

Он повернулся к Мире — она всхлипывала и трудно дышала. — Ты должна понять, что я вовсе не ХОЧУ этого делать, — сказал он. — Если бы у меня был выбор — любой выбор вообще, — я бы не поехал. Пожалуйста, пойми это, Марти. Я уезжаю, но я вернусь.

В этом чувствовалась ложь.

— Когда? Как долго?

— Неделя. Или может быть десять дней. Конечно, не дольше.

— Неделя! — вскричала она, хватаясь за грудь, как примадонна в плохой опере. — Неделя! Десять дней! Пожалуйста, Эдди, *пожааааа...*

— Марти, прекрати. Ладно? Прекрати!

На удивление, она прекратила: остановилась и стояла, глядя на него мокрыми, с синевой, глазами, не сердясь, только напуганная за него и за себя. И, возможно, в первый раз за все годы, что он знал ее, он почувствовал, что несомненно может любить ее. Прощание было тому причиной? Видимо, да. Впрочем... можно было устыдиться этого «видимо». Он ведь ЗНАЛ это. Он уже ощущал себя на другом, нехорошем конце телескопа.

Но может быть, все было как надо? Может быть он почувствовал, что любовь к ней оправдана? Оправдана, хотя она была похожа на его мать в молодые годы, хотя грызла печенье в кровати, пока смотрела триллеры, рассыпая крошки вокруг и хотя не все в ней было о'кей, хотя она распоряжалась всеми его лекарствами в

домашней аптечке, потому что свои собственные держала в холодильнике?

Много мыслей приходило ему в голову в разные времена в ходе его странно переплетающихся жизней в качестве сына и любовника и мужа; теперь, когда он вероятно навсегда покидал этот дом, его осенила новая мысль.

Возможно ли, чтобы Мира была напугана даже больше, чем он?

Могло ли быть, чтобы его мать существовала?

Бессознательно и резко, как злобно шипящий фейерверк, пришло воспоминание из Дерри: на центральной улице города был обувной магазин. Однажды его мать взяла его туда — ему было тогда не больше пяти-шести лет — и велела сидеть тихо и быть паинькой, пока она купит пару белых туфель для свадьбы. Он и сидел тихо и был паинькой, пока мать разговаривала с одним из продавцов — мистером Гарднером, но Эдди было только пять (или, может, шесть лет), и после того, как мать отвергла уже третью пару белых туфель, которую мистер Гарднер показал ей, Эдди наскучило так сидеть и он пошел в дальний угол, заметив там что-то интересное.

Сначала ему показалось, что это просто корзина, но подойдя поближе, он решил, что это стол. Самый чудной стол, из всех, какие он когда-либо видел. Очень узкий, из яркого полированного дерева с множеством нарезанных на нем линий и рисунков. Еще там были три ступеньки, а он никогда не видел стола со ступеньками. Подойдя вплотную, Эдди увидел, что внизу столешницы — прорезь, с одной стороны — кнопка и еще что-то похожее на телескоп Капитана Видео.

Эдди прошел вокруг стола и увидел вывеску. Ему, должно быть, было как минимум шесть, потому что он умел читать и прошептал каждое слово:

**«ВАША ОБУВЬ ВАМ ПОДХОДИТ?
ПРОВЕРЬТЕ И ПОСМОТРИТЕ!»**

Обойдя «стол» вокруг, он забрался на три ступени на маленькую площадку и затем сунул ногу в прорезь. Его ботинки были в пору? Эдди не знал, но ему очень хотелось посмотреть! Он сунул лицо в резиновую защитную маску и нажал кнопку. Зеленый свет залил его глаза. Эдди задыхался. Он мог видеть ногу, плавающую внутри ботинка, заполненного зеленым дымом. Он пошевелил пальцами: эти пальцы в самом деле были его пальцами. А потом он сообразил, что не только пальцы может видеть, но даже свои косточки. Косточки своей ноги! Он скрестил большой палец ноги со вторым

пальцем и таинственные косточки получились на рентгено снимке, который был не белый, а зеленый. Он мог видеть... Затем его мать пронзительно закричала, возраставший панический шум прорезал тишину обувного магазина, как убегающая лопасть жатвенной машины, как колокол на пожаре, как судьба. Он отпрянул с испуганным лицом от смотрового окошечка и увидел, как мать бросилась к нему через весь магазин; платье раздувалось за ней, грудь ее вздымалась, рот багрово округлился от ужаса. К ним повернулись посетители.

— Эдди, выходи оттуда! — кричала она. — Уходи оттуда. От этих машин будет рак! Уходи оттуда, Эдди. Эддииииии...

Он отпрянул, как будто машина вдруг раскалилась докрасна. В паническом испуге он забыл о легком полете звезд позади него. Он оступился и стал медленно падать назад, а руки балансировали, пытаясь сохранить равновесие. И разве он не думал с какой-то сумасшедшей радостью: *вот сейчас я упаду! Упаду, чтобы выяснить, что чувствуешь, когда падаешь и ударяешься головой!..* Разве он не так думал? А может быть его детскому разуму были навязаны взрослые представления. Так или иначе он не упал. Мать подбежала к нему как раз вовремя. Мать поймала его. Он расплакался, но не упал.

Все смотрели на них. Он помнил это. Он помнил, как мистер Гарднер взял инструмент для мерки обуви и поставил какую-то маленькую скользкую штучку, чтобы убедиться, что у них все в порядке, а другой клерк поставил на место упавший стул, отряхивая руки с забавным отвращением, прежде чем надеть на себя снова любезно нейтральную маску. Больше всего он запомнил мокрые щеки матери и ее жаркое, кислое дыхание. Он помнил, как она снова и снова шептала ему на ухо: «Никогда этого не делай, никогда этого не делай, никогда». Вот что она бубнила, чтобы отвести от него беду. То же самое она пела годом раньше, обнаружив, что нянька в жаркий душный летний день повела его в общественный бассейн в Дерри-парк — это было как раз тогда, когда страх перед полиомиелитом пятидесятих годов немного улегся. Она вытащила его из бассейна, твердя, чтобы он больше никогда, никогда этого не делал, а все другие ребята, а также все служащие и посетители, смотрели на них, и ее дыхание также вот отдавало кислым.

Она вытащила его из «магазина», крича на служащих, что они предстанут перед судом, если что-то случится с ее мальчиком. Слезы текли у него все утро, и особенно давала себя знать астма. В ту ночь он долго лежал без сна, размышляя, что такое рак, хуже ли он

полиомиелита, сколько времени он убивает человека, насколько больно перед смертью. Еще он размышлял, не в ад ли он потом попадет.

Угроза была серьезной, он это знал.

Она была так испугана.

Она была в ужасе.

— Марти, — сказал он через пропасть лет, — ты меня поцелуешь?

Она расцеловала его и прижала к себе так крепко, что у него затрещали кости. Если бы мы были в воде, подумал он, она бы утопила нас обоих.

— Не бойся, — прошептал он ей в ухо.

— Я ничего не могу поделать, — всхлипнула она.

— Я знаю, — сказал он и осознал, что хотя она так крепко прижала его к груди, что трещали кости, астма его успокоилась. Свист прекратился. — Я знаю, Марти.

Таксист снова дал гудок.

— Ты позвонишь? — спросила она его, дрожа.

— Если смогу.

— Эдди, скажи, пожалуйста, что это?

А что, если рассказать? Насколько бы это ее успокоило?

«Марти, сегодня вечером мне позвонил Майкл Хэнлон, и мы немного поговорили, но все, что мы сказали, сводилось к двум вещам: «Это началось снова, — сказал Майкл. — Ты приедешь?» И сейчас у меня озноб, только этот озноб, Марти, нельзя приглушить аспирином, у меня нехватка дыхания, поэтому не помогает проклятый аспиратор, потому что нехватка дыхания не в горле и не в легких, а вокруг сердца. Я вернусь к тебе, если смогу, Марти, но я чувствую себя как человек, стоящий у края старой осыпающейся шахты: он стоит там и прощается с дневным светом».

Да уж, конечно! Это наверняка бы ее успокоило!

— Нет, — сказал он, — пожалуй я не могу рассказать тебе, что это.

И прежде чем она могла еще что-то произнести, прежде чем она могла начать снова: (*«Эдди, выйди из такси! У тебя будет рак!»*), он зашагал от нее, все прибавляя шаг. У такси он уже бежал.

Она все еще стояла в дверях, когда такси выехало на улицу, все еще стояла там, когда такси поехало по городу — большая черная тень — женщина, вырезанная из света, льющегося из дома. Он махал рукой и думал, что она машет ему в ответ.

— Куда мы направляемся, мой друг? — спросил таксист.

— «Пенн Стейшн», — сказал Эдди, его рука покоилась на аспираторе. Астма ушла куда-то вглубь бронхиальных трубок. Он чувствовал себя... почти хорошо.

Но аспиратор понадобился ему больше, чем когда-либо, четыре часа спустя, когда он вышел из легкого забытья в спазматическом подергивании — так что парень в костюме бизнесмена опустил газету, посмотрел на него с некоторым любопытством.

«Я вернусь, Эдди! — кричала победно астма. — Я вернусь ох, вернусь, и на этот раз я, может быть, убью тебя! Почему бы и нет? Когда-нибудь это должно произойти, ты ведь знаешь! Не могу же я, черт возьми, вечно сопровождать тебя!»

Грудь Эдди подымалась и опускалась. Он потянулся за аспиратором, нашел его, направил в горло и нажал защелку. Затем он снова сел на высокое сидение, дрожа, ожидая облегчения, вспоминая сон, от которого он пробудился. Сон? Господи, если бы этим ограничилось. Он боялся, что то было скорее воспоминание, чем сон. Там был зеленый свет, как свет внутри рентгеновского аппарата в обувном магазине, и гниющий прокаженный тащил кричащего мальчика по имени Эдди Каспбрак сквозь туннели под землей. Он бежал и бежал (он бежал достаточно быстро, как учитель Блэк сказал его матери, и он бежал очень быстро от того гниющего прокаженного, который гнался за ним, о да, поверьте, даю голову на отсечение) в своем сне, где ему было одиннадцать лет, а затем почувствовал запах чего-то наподобие смерти времени, и кто-то зажег спичку, и он посмотрел вниз и увидел разложившееся лицо мальчика по имени Патрик Хокстеллер, мальчика, который исчез в июле 1958 года, и черви вползали и выползали из щек Патрика Хокстеллера, и тот жуткий запах исходил изнутри Патрика Хокстеллера, и в этом сне было больше воспоминания, чем сна, в котором он увидел два школьных учебника, которые разбухли от влаги и покрылись зеленой плесенью — «Дороги везде» и «Познание нашей Америки». Они были в таком состоянии, потому что там была отвратительная влага («Как я провел свои летние каникулы», тема Патрика Хокстеллера — «Я провел их мертвым в туннеле! На моих книгах вырос мох, и они распухли до размеров огромных каталогов!») Эдди открыл рот, чтобы крикнуть, и вот тогда скользкие пальцы прокаженного провели по его щекам и полезли в рот и вот тут он проснулся, содрогаясь, будто ток прошел по его спине, и оказался не в сточных трубах под Дерри, штат Мэн, а в вагоне Американской транспортной компании в голове поезда, пересекающего Род-Айленд под большой белой луной.

Человек, сидевший через проход, поколебавшись, все же заговорил с ним: — У вас все в порядке, сэр?

— О, да, — сказал Эдди. — Я уснул и видел плохой сон. Он вызвал астму.

— Понимаю. — Газета опять поднялась. Эдди увидел, что это была газета, которую его мать иногда называла «Еврей-Йорк-таймс».

Эдди посмотрел из окна на спящий ландшафт, освещаемый только сказочной луной. Здесь и там были дома, иногда скопления их, в большинстве темные, лишь в некоторых горел свет. Но свет был едва заметным, фальшиво дразнящим, по сравнению с призрачным мерцанием луны.

Он думал, что луна разговаривает с ним — вдруг пришло ему в голову. Генри Бауэрс. Боже, он был такой сумасшедший. Интересно, где сейчас Генри Бауэрс? Умер? В тюрьме? Ездит по пустынным равнинам где-нибудь в центре страны, шныряя, как неизлечимый вирус, между часом и четырьмя — в часы, когда люди спят особенно крепко — или, может быть, убивая людей, настолько глупых, что они замедляли шаг на его поднятый палец, а он перекладывал доллары из их бумажника в свой собственный?

Возможно, возможно.

А может, он где-нибудь в психолечебнице? Глядит на луну, которая входит в полную фазу? Разговаривает с ней, слушает ответы, которые только он может слышать?

Эдди считал такое вполне вероятным. Он дрожал. *Мне вспомнилось наконец мое отрочество, думал он. Вспомнилось, как провел свои собственные летние каникулы в тот тусклый мертвый год 1958.* Он чувствовал, что теперь может припомнить почти любой фрагмент того лета, но ему не хотелось. *О, Боже, если бы только можно было снова забыть все это.*

Он прислонился лбом к грязному стеклу окна, держа аспиратор в руке, как талисман, а мимо поезда пролетала ночь.

Еду на север, думал он, но это была неправда.

Я еду не на север, потому что это не поезд. Это машина времени. Не на север — назад. Назад во время.

Ему казалось, будто он слышит, как тихо говорит луна.

Эдди Каспбрак плотно сжал аспиратор и, почувствовав головокружение, закрыл глаза.

Том почти что засыпал, когда зазвонил телефон. Он привстал, потянулся к нему, а затем почувствовал, как одна грудь Беверли прижалась к его плечу, когда она через него взяла трубку. Он снова упал по подушку, тупо соображая, кто звонил по их незарегистрированному телефонному номеру в такой поздний час. Он слышал, как Беверли сказал «алло», и затем отключился. Он отбил сегодня шесть мячей в ходе игры в бейсбол, волосы у него были всклокочены.

Затем голос Беверли, резкий и возбужденный: — «Чтооооо?» — врезался в ухо как сосулька, и он открыл глаза. Он попытался сесть, и телефонный шнур врезался ему в шею.

— Сними с меня эту дерьмовую штуку, — сказал он, и она быстро встала и обошла вокруг кровати, держа телефонный провод согнутыми пальцами. Волосы у нее были огненно-красные и лились естественными волнами по ночной рубашке почти до талии. Волосы шлюхи. Ее глаза не пересекались с его лицом, и Тому Рогану не нравилось, что он не может прочесть ее душевное состояние. Он сел. У него началась головная боль. Черт, она, может быть, была и перед тем, но когда ты заснул, ты этого не знаешь.

Он пошел в ванную, мочился там, похоже, часа три и затем решил, как только встанет, пойти в другой бар похмелиться.

Проходя через спальню к лестнице, в белых боксерских шортах, развевающихся, как паруса под его большим животом, а руки были как бы натяжками парусов (он больше походил на громилу из дока, чем на президента и генерального управляющего «Беверли Фэшнз»), Том глянул через плечо и грубо крикнул: — Если звонит эта подстилка Лесли, скажи ей, пусть катится ко всем чертям и даст нам спать.

Беверли быстро посмотрела на него, покачала головой — это не Лесли, и затем снова сосредоточилась на телефоне. Том почувствовал, как мышцы на его шее напряглись. Это выглядело, как поражение. Поражение от Миледи. Херовой леди. Похоже было на что-то серьезное. Возможно, Беверли нужен краткий курс, чтобы напомнить, кто здесь старший. Возможно. Иногда она в нем нуждалась. И начинала понимать, где ее место.

Он сошел вниз через холл на кухню, рассеянно-автоматически вытаскивая из задницы шорты, и открыл холодильник. Там не нашлось ничего более алкогольного, чем синяя посуда с остатками «Томанова». Все пиво выпито. Даже фляжка, которую он прятал поглубже, тоже, выпита. Его глаза прошлись по бутылкам с креп-

кими напитками на стеклянной полке над кухонным баром, и он на мгновение представил себе, как наливает «Бим» на кубик льда. Затем он опять подошел к лестнице, посмотрел на циферблат старинных часов с маятником, висящих там, и увидел, что уже за полночь. Это не улучшило его настроения, которое никогда, даже в лучшие времена, не было хорошим.

Он медленно поднимался по лестнице, сознавая, ясно сознавая, как тяжело работает сердце. Ка-бум, ка-туд. Ка-бум, ка-туд. Он нервничал, когда чувствовал, что сердце бьется не только в груди, но и в ушах и запястьях. Иногда, когда такое случалось, он представлял себе, что сердце — вовсе не сжимающийся и разжимающийся орган, а огромный диск в левой части груди со стрелкой, медленно и зловеще приближающейся к красной зоне. Ему не нравилась вся эта чертовня, ему не нужна была эта чертовня. Что ему нужно было — так это хороший ночной сон.

Но эта тупая идиотка, на которой он был женат, все еще висела на телефоне.

— Я понимаю, Майкл... да... да, я... да, я знаю... но...

Продолжительная пауза.

— Билл Денбро? — воскликнула она, и снова ледяная сосулька пронзила его ухо.

Он стоял за дверью спальни, пока к нему не вернулось нормальное дыхание. Теперь оно было ка-туд, ка-туд, ка-туд: сердцебиение прекратилось. Он быстро вообразил себе, что стрелка медленно отступает от красного поля, и затем отбросил это видение. Он был мужиком, да, настоящим мужиком, а не печью с плохим термостатом. Он был в хорошей форме. Он был железный. И если ей снова надо будет напомнить об этом, он рад будет ее проучить.

Он собрался было войти, затем передумал и постоял еще минуту, слушая, но не особенно вникая в то, с кем она говорит, и что говорит, только слушая интонацию ее голоса. И то, что он чувствовал, было старое, знакомое, тупое бешенство.

Он встретил ее в чикагском баре для холостяков четыре года назад. Разговор был очень легкий, потому что оба они служили в «Стэндард Брэндз Билдинг», и у них были общие знакомые. Том работал у «Кинг и Лэндри, Паблик-Релейшнз», за сорок два доллара. Беверли Марш — так ее звали тогда — была помощником дизайнера в «Делиа Фэшнз», за двенадцать долларов. «Делиа» обслуживала вкусы молодежи — рубашки, блузы, шали и слаксы «Делиа» в больших количествах продавались в магазинах, которые Делиа Калсман называла «магазинами для молодежи», а Том — «магазинами для наркоманов». Том Роган сходу узнал две вещи о Беверли

Марш: она была желанна и она была ранима. Менее, чем через месяц он узнал и третью: она была талантлива. Очень талантлива. В ее небрежных набросках платьев и блуз он видел денежный станок с редчайшими возможностями.

С «магазинами для наркоманов» надо покончить, думал он тогда, но до времени не стал говорить об этом. Покончить с плохим освещением, с самыми низкими ценами, мерзейшими выставками где-нибудь в глубине магазина между наркопринадлежностями и рубашками рок-групп. Оставь все это говно для плохих времен.

Он узнал о ней многое еще до того, как она поняла, что он всерьез интересуется ею, и этого он как раз и хотел. Он всю жизнь искал подобную женщину, и рванул к ней со скоростью льва, изготовившегося к прыжку на медленно бегущую антилопу. Не то чтобы ее ранимость выступала на поверхность — вы видели перед собой шикарную женщину, изящную, и при этом очень аппетитную. Может быть, бедра были узковаты, зато выдающийся зад и хорошо поставленные груди — лучшее, что он когда-либо видел. Том Роган любил грудь, всегда любил, а высокие девочки почти никогда не оправдывали его надежд. Они носили тонкие рубашки, и их соски сводили с ума, но, заполучив эти соски, вы обнаруживали, что это все, что у них есть. Сами груди смотрелись как набалдашники на комод. «Зря только рука работала», — любил говорить его сосед по комнате, впрочем сосед Тома был такой говнистый, что Том не вступал с ним в дебаты.

О, она была великолепна, с этим ее воспламеняющим телом и шикарными, ниспадающими на плечи красными волосами. Но она была слабая... какая-то слабая. И будто посылала сигналы, которые только он мог принять. Были у нее кое-какие неприятные привычки: она много курила (но он почти что излечил ее от этого), никогда не встречалась глазами с собеседником; ее беспокойный взгляд только мельком касался его, и она тут же отводила глаза. У нее была привычка слегка поглаживать локти, когда она нервничала; ее ухоженные ногти были слишком коротки. Том заметил это, когда встретился с нею в первый раз. Она отодвинула стакан белого вина, он увидел ее ногти и подумал: *какие короткие, верно, грызет их.*

Львы, может быть, не думают, по крайней мере, не так, как думают люди... но они видят. И когда антилопы уходят от источника, чуя пыльный запах близящейся смерти, львы видят, как одна из них падает в хвосте стада, может быть, потому что у нее повреждена нога, или она просто медлительнее других... или у нее менее других развито чувство опасности. Не исключено даже, что некоторые антилопы — и некоторые женщины — ХОТЯТ быть сломлены.

Вдруг он услышал звук, который резко вывел его из этих воспоминаний — щелчок зажигалки.

Снова вернулась тупая ярость. Его живот наполнился неприятным теплом. Курила. Она курила. Они провели несколько спецсеминаров на эту тему, семинаров Тома Рогана. И вот она снова делает это. Да, она плохо, медленно училась, но плохим ученикам нужен хороший учитель.

— Да, — сказала она. — Угу. Ладно. Да... — она слушала, затем издала странный, пьяный смешок, которого он никогда не слышал раньше. — Две вещи: закажи мне комнату и помолись за меня. Да, о'кей... я тоже. До свидания.

Она клала трубку, когда он вошел. Он хотел было войти твердо и с криком прекратить это немедленно, ПРЯМО сейчас, но когда он увидел ее, слова застряли у него в горле. Он видел ее такой раньше, но не более двух-трех раз. Один раз перед их первой большой выставкой, второй — когда была предварительная демонстрация перед покупателями-соотечественниками, и третий — когда они поехали в Нью-Йорк за награждением.

Она мерила комнату большими шагами, ночная сорочка с завязками плотно облегалась ее тело, из сигареты, зажатой между передними зубами (Боже, как он ненавидел, как она выглядит с хабариком во рту), тянется через левое плечо маленькое белое облачко, как дым из трубы локомотива.

Но его остановило именно ее лицо, оно подавило запланированный крик. Его сердце ухнуло — *ка-бам!* — и он поморщился, внушая себе, что он почувствовал вовсе не страх, а только удивление, застав ее в таком виде.

Эта женщина оживала лишь в кульминации своего творчества. Это, конечно, всегда было связано с карьерой. В такое время он видел перед собой женщину совершенно отличную от той, какую так хорошо знал — женщину, которой до лампочки его чувствительный радар страха, которая подавляла его своими яростными вспышками. Женщина, которая выходила по временам из стресса, была сильная, но легко возбудимая, бесстрашная, но непредсказуемая.

Щеки ее пылали. Широко открытые глаза искрились, в них не осталось и намека на сон. Волосы потоком сбежали вниз по спине. И... О, смотрите, друзья и ближние! Вы только посмотрите сюда! Она вытаскивает чемодан из шкафа? Чемодан? О, Боже, да!

Закажи мне комнату... помолись за меня.

Нет уж, ей не нужна будет комната ни в каком отеле, во всяком случае в обозримом будущем, потому что Беверли Роган останется

здесь, дома, большое спасибо, и три-четыре дня будет принимать пищу стоя.

Помолиться ей все же не мешает перед тем, как он разделается с нею.

Она кинула чемодан в ноги кровати и пошла к бюро. Открыла верхний ящик и вытащила две пары джинсов и пару плисовых брюк. Бросила их в чемодан. Снова к бюро, с сигаретой, пускающей дым через плечо. Она схватила свитер, пару рубашек, одну из старых блуз, в которой идиотски выглядела, но выбросить отказывалась. Кто бы ей ни звонил, человек этот не принадлежал к кругу путешественников-аристократов.

Не то чтобы его волновало, кто именно ей звонил и куда она собиралась ехать, все равно она никуда не поедет. Не это должно было его мозг, тупой и больной от недосыпа и сверх меры выпитого пива.

Причиной была сигарета.

Она говорила, что выбросила их. Но, выходит, надула его — доказательство было зажато в зубах. И так как она еще не заметила, что он стоит в дверях, то он позволил себе удовольствие вспомнить две ночи, которые уверили его в полном контроле над ней.

— *Я не хочу, чтобы ты курила рядом со мной,* — сказал он ей, когда они приехали домой с вечеринки в Лейк Форест. Это было в октябре. — *Я вынужден вдыхать это дерьмо на вечеринках и в офисе, но я не хочу дышать им, когда я с тобой. Ты знаешь, на что это похоже? Я скажу тебе правду, хотя и неприятную. Это все равно что есть чьи-то сопли.*

Он ждал хотя бы слабой искры протеста, но она только посмотрела на него робко, желая угодить. Ее голос был низким, и нежным, и послушным. — *Хорошо, Том.*

— *Брось ее тогда.*

Она бросила. Том был в хорошем настроении весь остаток ночи.

Через несколько недель, выйдя из кинотеатра, она машинально зажгла сигарету в вестибюле и закурила, пока они шли к машине через автостоянку. Был ветренный ноябрьский вечер — ветер бил, как маньяк, в каждый квадратный сантиметр обнаженной поверхности кожи. Том вспомнил запах озера — такое бывает в холодные ночи — то был одновременно и запах рыбы, и запах какой-то пустоты. Он позволил ей курить сигарету. Он даже открыл перед ней дверцу машины. Он сел за руль, закрыл свою дверцу и затем сказал: — Бев?

Она вытащила сигарету изо рта, повернулась к нему, вопрошая, и он разрядился: его тяжелая рука ударила ее по щеке — достаточно сильно, чтобы рука задрожала, достаточно сильно, чтобы ее голова

откинулась назад. Ее глаза расширились от удивления и боли... и чего-то еще. Рука потянулась к щеке, чтобы ощутить ее теплоту и дрожащую немоту. Она закричала: — Ооооо! Том!

Он посмотрел на нее, его глаза сузились, рот улыбался небрежно. Он оживился, с интересом ожидая, что будет дальше, как она станет реагировать. Член в его брюках напрягся, но он едва ли замечал это. Это на потом. На сейчас урок был в самом разгаре. Он еще раз разыграл происшедшее. Ее лицо. Что это было за третье, едва мелькнувшее выражение? Первое удивление. Второе — боль. Затем *ностальгия*?

Взгляд памяти... чьей-то памяти. Только одно мгновение. Она сама вряд ли знала, что это было — мысль или выражение.

Теперь — что она не сказала. Он знал это, как знал собственное имя.

Она не сказала: *«Сукин сын!»*

Не сказала: *«До свидания, город настоящих мужчин».*

Не сказала: *«Все, Том».*

Она только посмотрела на него ранеными, карими глазами и произнесла: — *Зачем ты сделал это?*

Затем пыталась сказать еще что-то, но — залилась слезами.

— *Выброси ее.*

— *Что? Что, Том?* — Ее косметика растеклась по лицу грязными следами. Он не обращал на это внимания. Ему даже нравилось видеть ее такой. Лицо было грязным, но в нем было что-то сексуально-возбуждающее. Сучье.

— *Сигарета. Выброси ее.*

Она поняла. И почувствовала себя виноватой.

— *Я просто забыла!* — закричала она. — *Это все!*

— *Выброси ее, Бев, или ты получишь еще одну пощечину!*

Она открыла окно и выбросила сигарету. Затем повернулась к нему, ее лицо было бледное, испуганное и какое-то суровое.

— *Ты не можешь... ты не должен бить меня. Это плохой фундамент для дальнейших отношений.* — Она пыталась найти нужный взрослый тон, но у нее не получалось. Он подавил ее. Он был с ребенком в этой машине. Чувственным, адски возбуждающим, но ребенком.

— *Не могу и не должен — две разные вещи, девочка,* — сказал он. Он едва сдерживал свое ликование. — *И я один решаю, что будет составлять наши дальнейшие отношения, а что нет. Если ты можешь жить с этим, отлично. Если нет, ты можешь пойти пешком. Я не остановлю тебя. Я, может быть, вытолкну тебя в жопу, но не остановлю! Это свободная страна. Что еще мне сказать?*

— Ты уже, вероятно, достаточно сказал, — прошептала она, и он ударил ее снова, сильнее, чем в первый раз, потому что ни одна девка никогда не должна перечить Тому Рогану. Он бы стукнул королеву английскую, если бы она вздумала перечить ему.

Щекой она ударилась о дверцу. Рука ее схватилась за ручку, а затем упала. Она просто забилась в угол, как кролик, одной рукой закрыв рот, глаза большие, влажные, испуганные. Минуту Том смотрел на нее, затем вышел из машины и обошел ее сзади. Он открыл ее дверцу. Он дышал черным ветренным ноябрьским воздухом, и до него явственно доносился запах озера.

— Ты хочешь выйти, Бев? Я видел, как ты потянулась к ручке дверцы, поэтому я думаю, что ты, должно быть, хочешь выйти. О'кей. Хорошо. Я просил тебя что-то сделать, и ты сказала, что сделаешь. Потом ты не сделала. Так ты хочешь выйти? Давай. Выходи. Что за черт! Выходи. Ты хочешь выйти?

— Нет, — прошептала она.

— Что? Мне не слышно.

— Нет, я не хочу выйти, — сказала она немного громче.

— У тебя что, эмфизема от этих сигарет? Если ты не можешь говорить, я дам тебе мегафон, черт возьми. Это твой последний шанс, Беверли. Скажи громко, чтобы я мог слышать тебя: ты хочешь выйти из этой машины или ты хочешь вернуться со мной?

— Хочу вернуться с тобой, — сказала она, и схватилась руками за рубашку, как маленькая девочка. Она не смотрела на него. Слезы скользили по ее щекам.

— Ладно, — сказал он. — Прекрасно. Но сначала ты скажешь это мне, Бев. Ты скажешь: «Я не буду курить в твоём присутствии, Том».

Теперь она смотрела на него, глаза у нее были раненные, молящие, непонятные. «Ты можешь меня заставить сделать это» говорили ее глаза, — но, пожалуйста, не надо. Не надо, я люблю тебя, может это кончиться?

Нет — не могло.

— Скажи это.

— Не буду курить в твоём присутствии, Том.

— Хорошо. Теперь скажи: «Прости».

— Прости, — повторила она глухо.

Сигарета, дымаясь, лежала на тротуаре, как отрезанный кусок взрывателя. Люди, выходящие из театра, смотрели на них — на мужчину, стоящего около открытой дверцы «Веги» последней модели, и на женщину, сидящую внутри: руки прижаты к губам, голова откинута назад, волосы ниспадают золотом в сумеречном свете.

Он раздавил сигарету. Размазал ее по тротуару.

— *Теперь скажи: «Я никогда не сделаю этого без твоего разрешения».*

— *Я никогда...*

Она начала икать.

...никогда... н-н-н...

— *Скажи это, Бев.*

...никогда не сделаю этого. Без твоего разрешения.

Он захлопнул дверцу и вернулся назад, на свое место водителя. Он сидел за рулем и вез их назад, к ним домой, в центр города. Никто из них не сказал ни слова. Одна половина отношений была улажена на автостоянке, вторая — через сорок минут, в постели Тома.

Не хочу заниматься любовью, — сказала она. Он увидел в ее глазах другую правду и напряженный клитор между ногами, и когда он снял ее блузку, ее соски были каменно-твердые. Она застонала, когда он потерял их, и сладострастно вскрикнула, когда он стал сосать сначала один, потом другой, безостановочно массируя их. Она взяла его руку и сунула ее между ног.

— *Я думал, ты не хочешь,* — сказал он, и она отвернула свое лицо... но не дала уйти его руке, и движение ее губ ускорилося.

Он толкнул ее на постель... и теперь он был мягкий, нежный, не рвал ее нижнее белье, а снимал его с тщательной осторожностью, что отдавало жеманством.

Войти в нее было подобно тому, чтобы войти в изысканную смазку.

Он двигался в ней, используя ее, но позволяя также ей использовать его, и она кончила первый раз почти сразу, крича и вдавливая ногти в его спину. Потом они раскачивались в длинных, медленных ударах и где-то там он подумал, что она снова кончает. Он подумал о счетах на работе, что у него будет все о'кей. Потом она начала делать более быстрые движения, ее ритм в конце концов растворился в диком оргазме. Он посмотрел на ее лицо — мазки туши, размазанную губную помаду, и почувствовал иступление.

Она дергалась бедрами сильнее и сильнее — в те дни между ними не было никакой пропасти, и их животы ударялись друг о друга все более быстрыми шлепками.

В конце она закричала и потом укусила его плечо своими маленькими ровными зубами.

— *Сколько раз ты кончила?* — спросил он ее, когда они приняли душ.

Она отвернула лицо, и когда заговорила, голос ее был настолько тихий, что он еле уловил его. — *Ты не об этом должен спрашивать.*

— Нет? Кто тебе сказал это? Мистер Роджерс?

Он взял ее лицо рукой, большой палец глубоко вошел в одну щеку, остальные сжали вторую, между ними в ладони прятался подбородок.

— Ты разговариваешь с Томом, — сказал он. — Слышишь меня, Бев? Скажи папе.

— Три, — неохотно сказала она.

— Хорошо, — сказал он. — Можешь взять сигарету.

Она посмотрела на него недоверчиво, ее красные волосы рассыпались по подушке, на ней не было ничего, кроме трусиков. Просто смотреть на нее вот так заставляло его машину работать снова. Он кивнул.

— Продолжай, — сказал он. — Все верно.

Через три месяца они официально поженились. Пришло двое его друзей и один ее, которого звали Кей Маккол; Том назвал его «трахатель грудастых феминисток».

Все эти воспоминания прошли через мозг Тома в доли секунды, как быстрая съемка, когда он стоял в дверях, наблюдая за ней. Она зарылась в нижнем ящике шкафа, и сейчас кидала в чемодан нижнее белье — не то, что он любил, скользящие атласные и гладкие шелковистые трусики; это был хлопок, хлопок, как для маленькой девочки, уже полинявший. Хлопчатобумажная ночнушка, которая выглядела словно из «Маленького домика в прериях». Она пошарила в глубине нижнего ящика, чтобы посмотреть, что еще можно положить.

Между тем Том Роган прошел по ворсистому коврику к гардеробу. Ноги у него были голые и поступь бесшумная, как дуновение бриза. Сигарета. Вот что на самом деле свело его с ума. Прошло много времени с тех пор, как она получила свой первый урок. С тех пор были другие уроки, много других, и были жаркие денечки, когда она носила блузы с длинными рукавами или даже глухие свитера, застегнутые по самую шею. Серые дни, когда она носила солнцезащитные очки. Но тот первый урок был таким неожиданным и основательным...

Он забыл телефонный звонок, который разбил его сон. Сигарета. Если она сейчас курила, значит, забыла Тома Рогана. Временно, конечно, только временно, но даже временно было чертовски долго. Что могло ее заставить забыть — не имело значения. Такое не должно случаться в доме ни по какой причине.

На внутренней стороне дверцы шкафа висел на крючке широкий черный кожаный ремень. На нем не было пряжки — он давно ее снял. На том конце, где была пряжка, он был сдвоен, и эта сдвоенная часть образовала петлю, в которую Том Роган сейчас засунул руку.

«Том, ты плохо вел себя! — говорила иногда его мать — впрочем вернее было бы сказать не «иногда», а «часто». — Иди сюда, Томми. Я должна тебя выпороть». Жизнь его в детстве шла от порки до порки. В конце концов он сбежал в Викита Колледж, но, очевидно, полное бегство невозможно — он продолжал слышать ее голос во сне: *«Иди сюда, Томми. Я должна тебя выпороть. Выпороть...»*

Он был самым старшим из четверых. Через три месяца после рождения младшего Ральф Роган умер — ну, «умер», может быть, не слишком точное слово; вернее было бы сказать «покончил с собой» поскольку щедро плеснул щелока в стакан джина и залпом выпил эту адскую смесь, сидя в спальне. Миссис Роган нашла работу на заводе Форда. Том, хотя ему было только одиннадцать, стал в семье мужчиной. И если он баловался, если младенец запачкал пеленки после ухода сиделки и они оставались грязными, когда мама возвращалась домой... если он забыл перевести Меган на углу Брод Стрит после яслей и эта носатая миссис Гант видела... если он, случалось, смотрел «Американ Бэндстрэен», а Джо в это время устраивала беспорядок на кухне... по любому поводу из тысячи возможных... уложив малышей в постели, мать вытаскивала огромную палку и приговаривала как заклинание: *«Иди сюда, Томми. Я должна тебя выпороть».*

Лучше пороть, чем быть поротым.

И даже если он ничему больше не научился на широкой дороге жизни, этому уж он научился.

Том еще раз прищелкнул свободным концом ремня и сжал его в кулаке. Это давало чувство уверенности и превосходства. Кожаный ремень спускался из его сжатого кулака, как мертвая змея. Головная боль прошла.

Она нашла то, что искала в глубине ящика: старый белый хлопчатобумажный бюстгальтер с чашечками. Мысль о том, что этот поздний звонок мог быть от любовника, возникла у него в голове и тут же исчезла. Это было бы забавно. Женщина, собирающаяся встретиться с любовником, не берет выцветшие блузки и хлопчатобумажное белье. Она бы не могла.

— Беверли, — сказал он мягко, и она тут же, вздрогнув, с широко открытыми глазами, распущенными волосами, повернулась к нему.

Ремень поколебался... немного опустился. Он уставился на нее, опять почувствовав легкий толчок беспокойства. Да, вот так она смотрела перед большими шоу, и он понимал, что то была смесь страха и некой агрессивности, голова ее словно была наполнена светильным газом: одна искра — и взорвется. Она рассматривала

эти шоу не как возможность отколоться от «Делиа Фэшнз», открыть свое дело и перестроить свою жизнь и даже судьбу. Будь это так, у нее все сложилось бы наилучшим образом. Но она была слишком талантлива, чтобы удовлетвориться этим. Она рассматривала эти шоу как своего рода суперэкзамен, на котором ее оценивают строгие учителя. В этих случаях перед ней возникало некое существо без лица. И называлось это безликое существо — власть.

И сейчас лицо ее с широко раскрытыми глазами выражало такую нервозность. И не только лицо. Вокруг нее была как бы видимая глазу аура, излучавшая высокое напряжение, и это внезапно сделало ее еще более привлекательной и более опасной, чем она казалась ему годами. Он испугался, потому что та Она, какую он сейчас видел, была существенной частью той, какая соответствовала бы его желанию, той, какую он делал.

Бeverли выглядела шокированной и испуганной. Но при этом — бешено возбужденной. Ее щеки пылали горячечным румянцем, лоб блестел, а под нижними веками обозначились белые дорожки, которые выглядели как вторая пара глаз.

И изо рта все еще торчала сигарета, теперь слегка под углом, вылитый Рузвельт, черт возьми! Сигарета! Вид ее вызывал тупую ярость, снова захлестнувшую его зеленой волной. Смутно, где-то на задворках мозга, он вспомнил, как она сказала ему однажды ночью из темноты, сказала бесцветным, равнодушным голосом: *«В один прекрасный день ты просто зайдешь слишком далеко и это будет конец. Прибьешь»*.

Он ответил: *«Ты поступай, как я тебе говорю, Бев, и этот день никогда не придет»*.

Теперь, прежде чем ярость вычеркнула все, ему стало интересно, придет ли в конце концов этот день?

Сигарета. Черт с ним, со звонком, упаковыванием, странным выражением ее лица. Они будут разбираться с сигаретой. Затем он будет иметь ее. А затем уж они смогут обсудить все остальное. К тому времени это, быть может, покажется важным.

— Том, — сказала она, — Том, я должна...

— Ты куришь, — сказал он. Его голос казался пришедшим издалека, как будто по очень хорошему радио. — Похоже, ты заблуда, девочка. Где ты их прячешь?

— Смотри, я брошу ее, — сказала она и пошла к двери в ванную комнату. Она швырнула сигарету — даже отсюда он мог видеть отпечатки зубов на фильтре — в унитаз сортира. Фсссс. Она вышла. — Том, это был старый приятель. Один старый, старый приятель. Я должна...

— Заткнись, вот что ты должна! — закричал он. — Заткнись немедленно!

Но страх, который он хотел увидеть — страх перед ним — его не было на ее лице. Страх был, но он исходил из телефона, а не от него. Она как будто не видела ремень, не видела ЕГО, Тома, и он почувствовал легкое беспокойство. БЫЛ ли он здесь? Глупый вопрос, но БЫЛ ли он, в самом деле?

Вопрос этот был настолько ужасным и стихийным, на какое-то мгновение он в страхе почувствовал что его «я» полностью оторвалось от корней и подобно перекасти-полю перекачивается бризом. Потом он обрел себя. Он был здесь, все в порядке, он был здесь, он, Том Роган, *Том — черт возьми — Роган*, и если эта спятившая девка не выпрямится и не ударится в бегство в следующие секунды тридцать, она будет выглядеть как выброшенная из быстроидущего вагона.

— Я должен выпороть тебя, — сказал он, — очень сожалею, девочка.

Да, он и раньше видел эту смесь страха и агрессивности. Но сейчас это впервые обращалось к нему.

— Убери эту штуку, — сказала она. — Я должна ехать в О'Хара как можно быстрее.

Ты здесь, Том? А?

Он отбросил эту мысль. Полоска кожи, которая когда-то была ремнем, медленно раскачивалась перед ним, как маятник. Его глаза вспыхнули, а затем задержались на ее лице.

— Послушай меня, Том. В моем родном городе опять беда. Очень большая беда. Тогда у меня был приятель. И думаю, он мог бы стать моим другом, если бы не разница в возрасте. Ему было всего одиннадцать лет и он страшно заикался. Сейчас он новеллист. Я думаю, ты даже читал одну из его книг... «Черные пороги»?

Она искала его лицо, но его лицо было бесстрастно. Был только ремень, маятником качающийся взад-вперед, взад-вперед. Он стоял, слегка склонив голову и расставив ноги. Потом она пробежала рукой по своим волосам — встревоженно — как будто озабочена множеством важных вещей и как будто просто не замечала ремня, засевший в нем, страшный вопрос снова всплыл в его голове: *Ты там? Ты уверен?*

— Та книга неделями лежала здесь, но я никогда не видела связи. Может, я бы заметила какую-то связь, но мы все сейчас старше, и я просто давным давно не думала о Дерри. Словом, у Билла был брат, Джордж, и Джорджа убили перед тем, как я по-настоящему узнала Билла. Он был убит. И затем, на следующее лето...

Но Том достаточно наслушался ереси отовсюду. Он близко подошел к ней, отведя правую руку, как человек, собирающийся бросить копьё. Ремень просвистел в воздухе. При его приближении Беверли пыталась было ускользнуть, но ее правое плечо ударилось о дверь ванной комнаты, и прозвучал сочный удар; ремень пришелся по ее левому предплечью, оставив красную полосу.

— Буду пороть тебя, — повторил Том. Голос у него был спокойный, в нем даже слышалось сожаление, но его зубы оскалились в белую ледяную улыбку. Он хотел видеть тот ее взгляд, взгляд, полный страха, ужаса и стыда, тот взгляд который говорил: *«Да, ты прав, я заслуживала это»*, тот взгляд, который говорил: *«Да, ты здесь, да, я чувствую твое присутствие»*. Затем могла прийти любовь, и все бы образовалось, потому что он как-никак любил ее. Они могли бы даже, если бы она захотела, подискутировать о том, кто и зачем звонил. Но это должно было прийти позже. Сейчас обучение в самом разгаре. Как всегда. Сначала пороть — раз, потом иметь — два.

— Жаль, девочка.

— Том, не делай...

Он раскачал ремень и увидел, как он лизнул ее бедро. Щелканье ремня доставило ему удовлетворение, когда он ударил ей по ягодицам. И...

И, Господи Иисусе, она схватила его! Она схватила ремень!

На какое-то мгновение Том Роган был настолько ошарашен этим неожиданным актом непослушания, что почти потерял из виду наказываемую, только петля оставалась зажатой в его кулаке.

Он дернул ремень назад.

— Никогда не хватай ничего у меня из рук, — сказал он хрипло. — Ты слышишь меня? Если еще когда-нибудь это сделаешь, месяц будешь писать малиновым сиропом.

— Том, прекрати, — сказала она, и сам ее тон взбесил его — она говорила, как старший на игровой площадке с шестилеткой.

— Я должна ехать. Это не шутка. Люди погибли, и я дала обещание давным-давно...

Том не слышал. Он взревел и бросился к ней, с опущенной головой, в руках бессмысленно качался ремень. Он ударил ее, протаскивая от дверного прохода вдоль стены спальни. Он отводил руку назад, бил ее, отводил руку назад, бил ее, отводил руку назад, бил ее. Потом, утром, он, поднеся руку к глазам, будет глотать кодеиновые таблетки, но сейчас он ничего не создавал, кроме того, что она не повинуется ему! Она не только курила, *она пыталась схватить у него ремень*, — о люди! о друзья и ближние! — она

сама напросилась на это, и он будет свидетельствовать перед троном Всевышнего, что она должна получить сполна.

Он протаскил ее вдоль стены, раскачивая ремень, осыпая ее ударами. Она подняла руки, чтобы защитить лицо, но он бил по всему остальному. В тишине комнаты шелкал ремень. При этом она не кричала, не умоляла прекратить, как бывало раньше. Хуже того — она не плакала, как обычно. Слышно было только шелканье ремня и их дыхание, его — тяжелое и хриплое, ее — учащенное и легкое.

Она задела за кровать и за туалетный столик у кровати. Ее плечи были красными от ударов ремня. Волосы растекались огнем. Он тяжело двигался за ней, медлительный, но огромный — он играл в сквош, пока не повредил себе Ахиллесово сухожилие два года назад, и с тех пор, без контроля, сильно прибавил в весе, но мускулатура осталась прежней — прочные снасти в тучном теле. Все-таки он был немного встревожен своим дыханием.

Она потянулась к туалетному столику — он подумал, она спрячется за него или, быть может, попытается уползти под него. Вместо этого она взяла... повернулась... и вдруг воздух наполнился летящими снарядами. Она бросала в него косметику. Бутылка «Шантильи» ударила его между сосками, упала ему на ноги, разбилась. Он утопал в запахе духов.

— *Кончай!* — взревел он. — *Кончай, сука!*

Но она не прекратила — ее руки парили над туалетным столиком, заставленным разными стекляшками, хватая все, что ни попадая и бросая это в него. Он дотронулся до своей груди, куда его ударила бутылочка «Шантильи», не в состоянии поверить, что она посмела поднять на него руку, хотя разные предметы продолжали летать вокруг. Стеклянная пробка бутылки порезала его. Это был даже не порез, а чуть больше, чем треугольная царапина, но была ли в комнате некая красноволосая леди, которая увидит восход солнца из больничной койки? О да, была. Некая леди, которая...

Баночка с кремом ударила его над правой бровью с внезапной, зловещей силой. Он услышал тупой звук, по-видимому, внутри головы. Белый свет вспыхнул над полем зрения правого глаза, и он отступил на шаг с открытым ртом. Теперь тюбик крема «Нивеа» попал ему в живот с легким шлепаньем, и она — неужели? возможно ли это? — да! Она кричала на него!

— *Мне нужно в аэропорт, сукин сын! Ты слышишь меня? У меня дело, и я еду! И ты уйдешь с дороги, потому что Я УЕЗЖАЮ!*

Кровь прилила к его правому глазу, зудящему и горячему.

Некоторое время он стоял, уставясь на нее, как будто никогда не видел ее раньше. В каком-то смысле, и не видел... Ее груди

отяжелели. Лицо пылало. Губы были злобно втянуты. Она все повыкидывала с туалетного столика. Склад снарядов опустошился. Он все еще мог прочесть страх в ее глазах... но это все еще был не страх перед ним.

— Ты положишь все вещи назад, — сказал он, стараясь не задыхаться. Это было бы нехорошо, отдавало бы слабостью. — Затем ты положишь назад чемодан и пойдешь в постель. И если ты все это сделаешь, я, может быть, не буду бить тебя слишком сильно. Может быть, ты сможешь выйти из дому через два дня вместо двух недель.

— Том, послушай меня, — она говорила медленно. Ее взгляд был очень ясный. — Если ты приблизишься ко мне снова, я убью тебя. Ты понимаешь это, ты, лохань с кишками? Я убью тебя.

И вдруг — может потому, что лицо ее выражало явное отвращение, презрение к нему, может, потому что она назвала его лохань с кишками, или потому, что грудь ее мятежно поднималась и опускалась — его охватил страх. Это была не почка, не цветок, а целый — черт возьми — САД страха — ужасный страх, что его ЗДЕСЬ нет.

Том Роган рванулся к жене, на этот раз без вопля. Он подошел тихо, как торпеда, прорезающая воду. Теперь он намеревался не просто бить и подчинять ее, а сделать с ней то, чем она так опрометчиво угрожала ему.

Он думал, что она убежит. Возможно к ванной. Или к лестнице. Вместо этого она стояла, не двигаясь с места. Ее бедро ударялось о стену, когда она легла на туалетный столик, и стала толкать его вперед, на него, сломав до основания два ногтя, поскольку потные ладони сделались скользкими.

На какое-то мгновение туалетный столик пошатнулся, затем она снова подалась вперед. Столик завальсировал на одной ножке, зеркало ухватило свет и отразило короткую плавающую тень аквариума на потолке, затем он закачался вперед-назад. Край его ударил Тома по бедрам и он свалился. Раздался мелодичный перезвон бутылочек, они опрокинулись и разбились. Он видел, как зеркало падает на пол слева от него, поднес руку к глазам, чтобы защитить их и выпустил ремень. Стекло рассыпалось по полу. Он почувствовал режущую боль, показалась кровь.

Теперь она плакала, ее дыхание перешло в высокие рыдания. Сколько раз она представляла себе, как бросает его, бросает этого тирана, как она бросила когда-то тирана-отца, удрав в ночь и заранее затолкав сумки в багажник своего «Катласса». Она была не настолько глупа, чтобы не понимать — даже в разгар этой невероятной бойни — что она не любила Тома и никоим образом

не любит его сейчас. Но это не мешало ей бояться его... ненавидеть его... и презирать себя за то, что выбрала его по каким-то неясным причинам, похороненным в те времена, которые вроде бы канули в прошлое. Ее сердце не разбивалось; оно словно сгорало в груди, таяло. Она боялась, что огонь ее сердца может уничтожить рассудок.

И сверх того, на задворках ее разума, ноющей болью отдавался сухой голос Майкла Хэнлона: *«Оно вернулось, Беверли... оно вернулось... и ты обещала...»*

Туалетный столик качнулся. Раз. Два. Третий раз. Казалось, он дышит.

Двигаясь в возбуждении — уголки ее рта конвульсивно дергались, — она быстро обогнула туалетный столик, на цыпочках ступая по разбитому стеклу, и схватила ремень как раз в тот момент, когда Том накренил его. И тут же выпрямилась, рука скользнула в петлю. Она стряхнула волосы с глаз, наблюдая за его движениями.

Том встал. Осколок зеркала порезал ему щеку. Диагональный порез — тонкая линия, похожая на ту, что рассклала бровь. Он искоса смотрел на Беверли, медленно вставая на ноги, и она видела капли крови на его шортах.

— Ты дашь мне этот ремень, — сказал он.

Но она повертела ремень в руке и посмотрела на него с вызовом.

— Прекрати это, Бев. Немедленно.

— Если ты подойдешь ко мне, я вышибу из тебя все говно, — эти слова, к ее великому удивлению, исходили из ее рта.

А кто этот троглодит в окровавленных шортах? Ее муж? Ее отец? Любовник, которого она привела в колледж, и который однажды ночью разбил ей нос, просто из прихоти? **ПОМОГИ МНЕ ГОСПОДИ**, подумала она. **ГОСПОДЬ сейчас поможет мне**. А ее рот продолжал: — Я могу это сделать. Ты толстый и неповоротливый, Том. Я уезжаю, и, думаю, там останусь. Это, наверно, все.

— Кто этот парень, Денбро?

— Забудь это. Я была...

Она слишком поздно поняла, что вопрос он задал просто, чтобы отвлечь ее. Он приблизился к ней, когда у него с губ слетало последнее слово. Ремень в ее руках по дуге рассек воздух, и звук, который он издал, когда рассек ему рот, был подобен звуку упрямой пробки, вырвавшейся из бутылки.

Он взвыл и зажал рот руками, в расширившихся глазах были боль и удивление. Между пальцами по рукам полилась кровь.

— Ты разбила мне рот, сука! — закричал он. — О, Бог мой, ты разбила мне рот!

Он опять пошел на нее, с вытянутыми руками, рот — мокрое красное пятно. Его губы разорвались в двух местах. Из переднего зуба была выбита коронка. Она увидела, как он выплюнул ее. Какая-то часть ее существа, больная и стонущая, была вне этой сцены и хотела бы закрыть глаза. Но та, другая Беверли, чувствовала экзальтацию приговоренного к смертной казни заключенного, вырвавшегося на свободу по прихоти землетрясения. Той Беверли все это очень нравилось. *Я хочу, чтобы ты это проглотил! Чтобы ты этим подавился!*

Именно та Беверли раскачала ремень в последний раз — ремень, которым он сек ее по ягодицам, по ногам, по грудям. Ремень, который он испытал на ней бесчисленное число раз за последние четыре года. Количество ударов зависело от того, насколько ты провинилась. Том приходит домой и обед холодный? Два удара ремнем. Бев много работает в студии и забывает звонить домой? Три удара ремнем. О, посмотрите-ка — Бев получила еще один вызов в полицию за нарушение стоянки. Один удар ремнем — по груди. Он был добрым. Он редко бил до синяков. Она не испытывала сильной боли. Кроме боли унижения еще большую боль причиняло то, что она сознавала: что-то в ней жаждало этой боли. Жаждало унижения.

«Последний раз плачу за все», — подумала она и раскачала ремень. Она размахнулась, медленно размахнулась сбоку, и ремень наотмашь ударил его по яйцам с резким звуком — словно женщина выбивает коврики. Это было все, что требовалось. Вся агрессия моментально вышла из Тома Рогана.

Он издал тонкий, бессильный крик и упал на колени, как в молитве. Его руки были между ног. Голова откинута назад. На шее натянулись жилы. На лице — гримаса страшной боли. Его левое колено неуклюже опустилось на толстый, острый осколок разбитой бутылочки из-под духов, и он медленно откатился на один бок, как кит. Одной рукой обхватил раненое колено.

«Кровь, — подумала она. Боже мой, у него везде кровь».

«Он выживет, — холодно ответила новая Беверли — Беверли, которая воспряла от телефонного звонка Майкла Хэнлона. Такие, как он, всегда выживают. Ты только давай, уматывай отсюда, пока он не решит, что хочет еще музицировать. Или пока не решит спуститься в подвал и достать свой Винчестер».

Она выпрямила спину и почувствовала боль в ноге, порезанной стеклом от разбитого туалетного зеркала. Она наклонилась, чтобы взять ручку чемодана. При этом не сводила с него глаз. Она спиной открыла дверь и, пятась, прошла в холл. Чемодан она держала перед собой обеими руками. Порезанная нога оставляла кровавые отпе-

чатки. Добравшись до лестницы, она развернулась и быстро пошла вниз, не разрешая себе думать и полагая, что у нее не осталось никаких связных мыслей, по крайней мере, на данный момент.

Она почувствовала, как что-то хлестнуло ее по ноге, и закричала.

Потом взглянула вниз и увидела, что то был конец ремня. Он все еще висел у нее на руке, и в тусклом свете еще сильнее напоминал мертвую змею. Она с отвращением бросила ремень через перила и увидела, как он упал внизу на дорожку в холле.

У подножия лестницы она схватила конец ночной рубашки и стянула ее через голову. Рубашка была в крови, она не может ни секунды оставлять ее на себе. Беверли отбросила рубашку в сторону, и она, как парашют, упала на цветок каучуконос в дверях гостиной. Голая Беверли наклонилась к чемодану. Ее соски были холодные, твердые, как пули.

— Беверли, подними свою жопу наверх!

Она схватила ртом воздух, дернулась, затем снова наклонилась к чемодану. Она открыла чемодан и выгребла трусы, блузу, старую пару «Левис». Она швырнула все у двери, в то время как ее глаза продолжали следить за лестницей. Но Том не появлялся наверх. Он крикнул ее имя еще дважды, и каждый раз она уходила от этого звука, а глаза ее охотились, губы оттягивались от зубов в бессознательной гримасе.

Она рванула пуговицы блузки через прорези. Две верхние пуговицы отлетели, и она подумала, что выглядит как проститутка-почасовик, ищущая последнюю халтуру перед ночным звонком.

— Я УБЬЮ ТЕБЯ, СУКА! ДЕРЬМОВАЯ СУКА!

Она закрыла и защелкнула чемодан. Кусочек блузки торчал оттуда, как язычок. Она всего один раз, быстро, осмотрелась вокруг, подозревая, что никогда больше не увидит этот дом.

В этой мысли она нашла облегчение, открыла дверь и вышла. Она прошла три квартала, совершенно не соображая, куда идет, когда поняла, что ноги у нее до сих пор голые. Левая, которую она порезала — тупо ныла. Надо что-нибудь надеть на ноги. Было два часа ночи. Ее бумажник и кредитки остались дома. Она пощупала в карманах джинсов и не нашла ничего, кроме обрывков ткани. У нее не было ни цента, ни пенни. Она оглянулась на свой жилой квартал — симпатичные домики, ухоженные лужайки и посадки, темные окна.

И вдруг начала смеяться.

Беверли Роган сидела на каменной ограде и смеялась. Между ногами у нее стоял чемодан. Высыпали звезды, и какие же они были яркие! Она запрокинула голову, засмеялась им, и ощутила душев-

ный прилив; волной унесло и очистило ее, и то была сила настолько мощная, что любая сознательная мысль отсутствовала; только голос крови невятно говорил в ней о каком-то желании, о каком именно — ее не интересовало. Приятно было чувствовать, что всю ее заполняет тепло. Желание, подумала она, и снова внутри нее поднялась волна прилива.

Она смеялась звездам, испуганная, но свободная — ее страх, был острый, как боль, и сладкий, как спелое октябрьское яблоко, и когда свет вошел в верхнюю спальню дома, у которого была эта каменная стена, она взялась за ручку чемодана и ушла в ночь, смеясь и смеясь...

6

Билл Денбро берет тайм-аут

— *Уехать?* — повторила Одра. Она смотрела на него, озадаченная, слегка испуганная, затем подобрала под себя голые ноги. Пол был холодный. Весь коттедж был холодный. На юге Англии весна была пронизывающе сырой, и не один раз во время своих постоянных утренних и вечерних моционов Билл Денбро ловил себя на том, что думает о штате Мэн... смутно думает о Дерри.

Коттедж должен был иметь центральное отопление — так говорилось в объявлении; естественно, в крошечном подвальчике была печь, с жадностью пожирающая уголь, но он и Одра обнаружили как-то, что идея центрального отопления в Британии сильно отличается от американской. Британцы, по-видимому, полагали, что центральное отопление — это когда ваша моча по утрам не замерзает в унитазе. Сейчас было утро — четверть восьмого. Пять минут назад Билл положил телефонную трубку.

— Билл, ты не можешь просто уехать. Ты знаешь это.

— Я должен, — сказал он. В дальнем углу комнаты стоял шкаф. Он направился к нему, взял бутылку «Гленфиддик» с верхней полки и налил себе стакан. Виски перелился через край.

— Черт, — пробормотал он.

— Кто это был на проводе? Чего ты испугался, Билл?

— Я не испугался.

— Да? Твои руки всегда так дрожат? Ты всегда принимаешь глоток до завтрака?

Он пошел к своему стулу, в халате, бившем по лодыжкам, и сел. Он пытался улыбнуться, но это была неудачная попытка, и он отказался от нее.

По телевизору диктор Би-би-си завершал сводку плохих новостей, прежде чем перейти к вчерашнему футбольному матчу. Когда они

приехали в маленькую отдаленную деревушку Флит за месяц до открытия охотничьего сезона, оба восторгались техническим качеством британского телевидения — цветоустановка выглядела так, будто ты оказывался внутри. «Больше строк изображения, или что-то в этом роде», сказал Билл. *«Я не знаю, что это, но это великолепно»*, ответила Одра. Но вскоре они обнаружили, что большая часть программы состоит из американских шоу — таких, как «Даллас» — и бесконечных британских спортивных новостей — от скрыто-скучных (чемпионат по метанию дротиков, в котором все участники были похожи на борцов «сумо», страдающих повышенным давлением) до просто скучных (английский футбол был ужасен; крокет еще хуже).

— Последнее время я много думаю о доме, — сказал Билл и сделал глоток.

— О доме? — сказала она и выглядела такой искренне-удивленной, что он засмеялся.

— Бедная Одра! Замужем за мужиком почти одиннадцать лет — и ничего о нем не знаешь. Что ты в самом деле знаешь? — он опять засмеялся и выпил до дна. Было столь же удивительно слышать этот смех, сколь видеть его со стаканом шотландского виски в руке в столь ранний час. Смех был похож на вопль боли. — Интересно, другие мужья и жены тоже обнаруживают, как мало знают они друг друга? Должно быть, да.

— Билли, я знаю, что люблю тебя, — сказала она. — Одиннадцать лет достаточно.

— Я знаю. — Он улыбнулся ей — улыбка была нежная, усталая и испуганная.

— Пожалуйста, расскажи мне, что все это значит.

Она посмотрела на него прекрасными серыми глазами, сидя в уютном кресле снятого в аренду дома, с ногами, упрятанными под ночную рубашку, женщина, которую он любил, на которой женился и все еще любил. Он попытался по глазам ее прочесть, что она знает. Но понимал, что это ничего не даст.

Вот бедный парень из штата Мэн, который учится в университете и получает стипендию. Всю свою жизнь он хотел быть писателем, но когда его зачисляют на писательские курсы, он ощущает себя заблудшим, без компаса в незнакомой и пугающей стране. Есть там парень, который хочет стать Алдайком. Другой мечтает быть ново-английской разновидностью Фолкнера — только он хочет писать о суровой жизни бедных белым стихом. Еще девушка, которая восхищается Джойс Кэрол Оутс, но считает, что поскольку Оутс была воспитана в обществе женоненавистников, она «радиоактивна в литературном смысле». Оутс не способна, не может быть чистой,

говорит эта девушка. А вот она будет чище. Есть толстый, небольшого роста выпускник, который не принимает участия в этом брожении. Этот малый написал пьесу, в которой девять действующих лиц. Каждое из них говорит только одно слово. Постепенно зрители начинают понимать, что, если сложить эти слова вместе, получится фраза: «Война — инструмент женоненавистнических торговцев смертью». Парень получает высшую оценку руководителя творческого писательского семинара. Этот преподаватель опубликовал четыре книги стихов и докторскую диссертацию — все в университетской печати. Он курит наркотики и носит медальон борца за мир. Пьеса этого жирдя поставлена партизанской театральной труппой в ходе забастовки к концу вьетнамской войны, в результате которой университет в мае 1970 года был закрыт. Учитель играет одного из своих героев.

Билл Денбро, между тем, написал один страшный детектив, три научно-фантастические повести и несколько повестей ужаса, которыми он обязан главным образом Эдгару Аллану По, Х. Н. Лавкрафту и Ричарду Матсону — позднее он скажет, что эти повести напоминали погребальные дроги середины 1800-х годов, выкрашенные в красный цвет.

За одну из своих научно-фантастических повестей он получает хорошую оценку.

«Это лучше, — пишет рецензент на титульном листе. — В чуждом нам контрударе мы видим порочный круг, в котором насилие порождает насилие; мне особенно понравился космический корабль с иглоподобной носовой частью как символ социо-сексуального вторжения. Интригующий подтекст повести интересен. Остальные произведения отмечены не выше, чем оценкой удовлетворительно.

Однажды в классе обсуждали маленький рассказ одной болезненной девушки о том, как корова изучала выброшенный двигатель на пустынном поле (это могло быть, к примеру, после ядерной войны), обсуждение длилось уже около полутора часов или более. Болезненная девушка, курившая только «Винстон» — одну сигарету за другой — то и дело трогавшая прыщи на висках, настаивала, что рассказ — социально-политическое заявление в духе раннего Оруэлла. Большинство участников, включая руководителя семинара, согласились с ней, но все равно дискуссия продолжалась.

И тут встал Билл — высокий и очень заметный. Все глаза обратились к нему.

Стараясь говорить осторожно, не заикаясь (он не заикался уже пять лет), он начал так: — Я вообще не понимаю. Ничего в этом не

понимаю. Почему рассказ должен быть социально — каким-то? Политика... культура... история... не являются естественными компонентами рассказа. Рассказ может быть просто хорошим. Я имею в виду... — Он смотрит вокруг, видит враждебные глаза и понимает смутно, что они расценивают его слова как вызов. А может, это и впрямь — вызов. Они сейчас небось вообразили, думает он, что среди них завелся этакий женоненавистнический торговец смертью. — Я имею в виду... а почему вы, ребята, не можете позволить рассказу быть просто рассказом?

Никто не отвечает. Молчание. Он стоит, переводя взгляд с одной холодной пары глаз на другую. Болезненная дама прекращает курить и гасит сигарету в пепельнице, которую принесла с собой в рюкзаке.

В конце концов руководитель семинара говорит ему увещательно, как ребенку, раздраженному без всякой причины: — Вы думаете, Уильям Фолкнер просто рассказывал истории? Вы думаете, Шекспир просто интересовался, как делать деньги? Давайте, Билл, скажите нам, что вы думаете.

— Я думаю, это очень похоже на правду, — говорит Билл после длинной паузы, во время которой он честно обдумывал вопрос, — и в их глазах читает осуждение.

— Я полагаю, — говорит руководитель, играя ручкой и улыбаясь Биллу, полуприкрыв глаза, — что вам нужно МНОГОМУ учиться. Из глубины комнаты раздаются аплодисменты.

Билл уходит... но на следующей неделе возвращается, решив сразиться с ними. За это время он написал рассказ «Тьма» — историю о маленьком мальчике, который обнаруживает монстра на чердаке своего дома. Маленький мальчик встречается с монстром лицом к лицу, вступает с ним в схватку и в конце концов убивает его. Билл писал этот рассказ в какой-то священной экзальтации; даже чувствовал, что не столько он рассказывает историю, сколько разрешает истории вытекать из него. Наконец он дал отдых своей горячей, натруженной руке и вышел на улицу в десятиградусный декабрьский мороз. Он ходит вокруг, его зеленые тупоносые ботинки скрипят на снегу, как маленькие ставни, которым нужна смазка; его голова, кажется, распухла от рассказа; делается немного страшно: как выбраться? Он чувствует: если рука его не будет поспевать за рассказом, он, рассказ, заставит работать глаза. «Я добыю его», — уверяет он пронизывающую зимнюю тьму и нервно смеется. Он понимает, что в конце концов сделал открытие: десять лет попыток увенчались успехом — он вдруг обнаружил стартовую кнопку на огромном мертвом бульдозере, занимающем так много места в его

голове. Начало положено, кнопка нажата. Машина набирала и набирала обороты. Она не для того создана, чтобы водить хорошеньких девушек на прогулки. Она — не статический, но символ. Она олицетворяет бизнес. Если он не будет соблюдать осторожность, машина сокрушит его. Билл бросается в комнату и в возбуждении заканчивает «Тьму», работая до четырех часов утра и засыпая прямо за столом. Предложи ему кто-либо написать о брате Джордже, он бы удивился. Он годами не думал о Джордже — он искренне верил этому. Рассказ возвращается от рецензента — руководителя семинара — с оценкой 2 на титульном листе. Два слова приписаны внизу, заглавными буквами. ЧЕПУХА, кричит одно. ХАЛТУРА, кричит второе.

Билл берет рукопись — пятнадцать страничек — подносит ее к камину и открывает дверцу. Всего лишь дюйм отделяет бумагу от огня, от расправы, когда ему ясно становится вся абсурдность содеянного. Он садится на кресло-качалку, и, глядя на плакат с «Благодарным мертвецом», смеется. Чепуха? Прекрасно! Пусть будет чепуха! Леса полны ею!

«Пусть валяются эти хреновые деревья!» — восклицает Билл и смеется, смеется до слез.

Он перепечатывает титульный лист, лист, на котором вынесен приговор рукой рецензента, и посылает рукопись в мужской журнал под названием «Фрак» (хотя по сути дела, он должен бы называться «Обнаженные девочки, наркоманки с виду»). И все-таки, судя по читательскому спросу, они покупают рассказы ужасов; в двух потрепанных выпусках, которые он купил в местном магазинчике, действительно было четыре таких рассказа, втиснутых между обнаженными девочками и рекламой порнофильмов и таблеток для потенции. Один из них, «Деннис Эчисон» был даже вполне приличным.

Он отослал «Тьму» без всякой надежды — он ведь и раньше писал много хороших рассказов в журналы, но их отфутболивали — и был ошеломлен и обрадован, когда художественный редактор «Белого галстука» ответил ему, что покупает рассказ за двести долларов. Помощник редактора приписал от себя, что считает его «лучшим адски-страшным рассказом после «Кувшина» Рэя Брэдбери». И еще добавил: «Жаль, что мало людей прочтет его», но Биллу Денбро наплевать на это. Двести долларов!

Он идет к консультанту с зачетной книжкой. Тот ставит в ней свои инициалы. Билл Денбро скрепляет зачетную книжку с поздравительной запиской помощника художественного редактора и прикалывает ее к доске объявлений на двери руководителя семинара. В

углу доски — антивоенная карикатура. И вдруг — это получилось как-то само собой — его пальцы достают ручку из нагрудного кармана и он пишет через всю карикатуру: *«Если литература и политика действительно станут когда-нибудь взаимозаменяемыми, я убью себя, потому что не буду знать, что делать. Политика, видите ли, всегда меняется. Литература — никогда.»* И, подумав, добавляет, не сдержавшись: — *Я думаю, вы должны многому учиться».*

Его зачетная книжка возвращается по университетской почте через три дня. В графе: **ОЦЕНКА НА МОМЕНТ СДАЧИ**, руководитель даже не поставил ему «удовлетворительно», сердитая двойка красовалась там. Ниже руководитель приписал: *«Вы думаете, Денбро, деньги что-нибудь доказывают?»*

— Разумеется, — сказал Билл Денбро пустой квартире и снова громко расхохотался.

На последнем курсе колледжа он осмеливается написать роман, потому что не знает, как выкрутиться. Он спасается рукописью в пятьсот страниц. Он посылает ее в «Викинг Пресс», считая это первой попыткой пристроить свою книгу о привидениях... Первая попытка оказалась последней. «Викинг» приобретает книгу... и для Билла Денбро начинается сказка. Человек, которого знали когда-то как Заику-Билла, стал пользоваться успехом в возрасте двадцати трех лет. Три года спустя и в трех тысячах миль от севера Новой Англии он становится еще более известным благодаря женитьбе на кинозвезде, которая старше его на пять лет; бракосочетание состоялось в голливудской церкви.

В светской хронике им предрекают семь месяцев совместной жизни. Обсуждается лишь вопрос, кончится ли брак разводом или просто аннулируется. Друзья (и враги) с обеих сторон — того же мнения. Кроме разницы в возрасте, несоответствие — разительное. Он высокий, лысеющий, склонный к полноте. Медленно, порой невнятно, говорит в компании. Одра, с ее каштановыми волосами, вылепленная как статуэтка, великолепна — не земная женщина, а существо из какой-то полубожественной суперрасы.

Его наняли сделать сценарий своего второго романа «Черные пороги», главным образом потому, что право сделать по крайней мере первый набросок сценария была непреложным условием продажи, хотя его агент брюзжала, что он сумасшедший; набросок его на самом деле оказался очень приличным. Его приглашают в университетский город для последующей работы и постановочных встреч.

Его агент — маленькая женщина по имени Сюзан Браун. Рост у нее — пять футов. Она неистово энергична и еще более неистово

эмоциональна. — Не делай этого, Билли, — говорит она ему. — Откажись. У них много денег на это, и они найдут кого-нибудь, кто напишет сценарий. Может быть, даже Голдмана.

— Кто?

— Уильям Голдман. Единственный хороший писатель.

— О чем ты говоришь, Сюз?

— Он был там у них, но остался самим собой, — сказала она. — Твои шансы подобны шансам приобрести рак легких — можно, конечно, но кто захочет попробовать? Ты сгоришь на сексе и пьянке, Или на наркотиках. — Сумасшедшие карие глаза Сюзан метали молнии.

— Сюзан...

— Послушай меня, Билли! Бери деньги и беги. Ты молод и силен. Вот, что они любят. Ты войдешь туда, и они сначала лишат тебя самоуважения, а затем и твоего умения писать прямую линию от точки А до точки В. Последнее, но не меньшее — они возьмут твои пробы. Ты пишешь как взрослый, но ты просто высоколобый ребенок.

— Я должен ехать.

— Здесь кто-то пукнул? Должно быть так, уж очень сильно воняет.

— Но я должен. Должен.

— Господи!

— Я должен уехать из Новой Англии. — Он боялся продолжить. Это было как произнести ругательство, но ей он обязан сказать: — Я должен уехать из Мэна.

— Зачем, ради Бога?

— Не знаю. Просто должен.

— Ты говоришь мне что-то реальное или выдуманное писателем?

— Реальное.

Во время этого разговора они в постели. Ее груди маленькие, как персики, сладкие, как персики. Он очень любит ее, но не так, как любят обычно, и оба они знают это. Она зажигает сигарету, плачет. Но он сомневается, знает ли она то, что знает он. В ее глазах — свет. Было бы бестактно напоминать ей об этом, и он не напоминает. По-настоящему он не любит ее, но готов ради нее горы свернуть.

— Тогда давай, — говорит она сухим деловым тоном, повернувшись к нему. — Позвони мне, когда будешь готов и если будешь в силах. Я приеду и соберу все вещи. Если они остались.

Киноверсия «Черных порогов» называется «Ловушка Черного Дьявола», с Одрой Филипс в главной роли. Название ужасное, но фильм получается вполне приличный. И единственное, что он теряет в Голливуде, — это свое сердце.

— Билл, — снова сказала Одра, выведя его из этих воспоминаний. Он увидел, что она выключила телевизор. Он выглянул в окно: за оконными стеклами стлался туман.

— Я объясню, насколько могу, — сказал он. — Ты заслуживаешь это. Но сначала сделай для меня две вещи.

— Ладно.

— Налей себе еще чашку чая и расскажи мне, что ты знаешь обо мне. Или считаешь, что знаешь.

Она посмотрела на него, удивленная, и пошла к буфету.

— Я знаю, что ты из штата Мэн, — сказала она, заваривая себе чай. Она не была англичанкой, но в речи ее иногда прорывался английский акцент — пережиток роли, которую она сыграла в «Комнате на чердаке», фильме, который они приехали делать сюда. Это был первый киносценарий Билла. Ему предложили и режиссуру. Благодарение Богу, это он отклонил. Его отъезд положит конец нудным просьбам. Он знал, что они все скажут, весь съемочный коллектив. Вот Билл Денбро и показал наконец истинное свое лицо. Просто еще один дерьмовый писатель, говно собачье.

Бог видит, как смятенно он себя чувствует сейчас.

— Я знаю, что у тебя был брат, и что ты его очень любил, и что он умер, — продолжала Одра. — Я знаю, что ты вырос в городке Дерри, переехал в Бангор через два года после смерти брата, а в четырнадцать лет переехал в Портленд. Я знаю, что твой отец умер от рака легких, когда тебе было семнадцать. И ты написал бестселлер, когда еще был в колледже, живя на стипендию и почасовую работу на текстильной фабрике. Это, должно быть, показалось тебе странным... такое изменение доходов. В перспективе.

Она повернулась в его сторону, и он увидел себя тогдашнего в ее лице: осознал скрытое между ними пространство.

— Я знаю, что через год ты написал «Черные пороги» и приехал в Голливуд. И за неделю до начала съемок ты встретил очень растерянную женщину по имени Одра Филипс, которая немножко познала то, через что ты, должно быть, прошел — жуткую депрессию, потому что лет пять назад она была просто Одри Филпот. И эта женщина тонула...

— Одра, не надо.

Ее глаза в упор смотрели на него. «О, почему нет? Давай говорить правду и стыдить дьявола». — Я тонула. За два года до тебя я обнаружила наркотики, через год я узнала кокаин, и это было даже лучше. Наркотик внутрь утром, кокаин днем, вино вечером, «Валиум» в постели. Витамины Одры. Слишком много важных интервью, слишком много хороших ролей. Я была похожа на героиню из

романа Жаклин Сюзанн, она была веселой. Ты знаешь, как я теперь думаю о том времени, Билл?

— Нет.

Она отпила чай, отвела глаза от него и нахмурилась. — Это было как бег на полосе в Л. А. Интернейшнл. Понимаешь?

— Не совсем.

— Это движущаяся полоса длиной в четверть мили.

— Я знаю эту полосу, но не понимаю, что ты...

— Ты просто стоишь там, а она несет тебя к багажному отсеку.

Но если хочешь, можешь идти по ней. Или бежать. При этом кажется, что ты совершаешь свою обычную прогулку, или пробежку, или спринт — что угодно, — потому что твое тело забывает, что на самом деле ты просто наращиваешь скорость, с какой движется полоса. Вот почему у них в конце надпись: ОСТАНОВИСЬ. В тот момент, когда я встретила тебя, я жила с ощущением, будто выбежала с конца той полосы на неподвижный пол. Мое тело было на десять миль впереди моей головы. Невозможно удержать равновесие. Рано или поздно ты падаешь лицом. А я не упала. Потому что ты подхватил меня.

Она отставила чай и зажгла сигарету, ее глаза в упор смотрели на него. Он видел, как дрожат ее руки в пламени зажигалки, которая вибрировала вокруг кончика сигареты, пока не нашла ее.

Она затаилась и выпустила дым.

— Что я знаю о тебе? Я знаю, что у тебя все под контролем. Ты, мне кажется, никогда не торопишься к выпивке, или знакомству, или вечеринке, поскольку уверен, что все это будет, если ты захочешь. Ты говоришь медленно отчасти потому, что так, растягивая слова, говорят в штате Мэн, в основном — это твоя собственная манера. Ты — первый человек там, из тех, кого я встретила, кто осмеливался говорить медленно. Я должна была успокоиться и слушать. Я увидела в тебе, Билл, того, кто никогда не бежит по полосе, потому что знает — она и так его доставит. Ты казался нетронутым ни депрессией, ни истерией. Ты не арендовал «Роллс» и мог ездить по Родео со своими престижными номерными знаками, пристегнутыми к машине взятой напрокат у какого-нибудь паршивенького агентства. У тебя не было агента по печати, дающего материал в «Варьере» или «Голливудский репортер»... — Я знаю, ты всегда оказывался там, когда был мне нужен. Может быть, ты спас меня от принятия нехорошей пилюли на фоне огромного количества наркотиков... Я знаю, что с тех пор ты был там. И я была там для тебя. Нам хорошо в постели. Для меня это много. Но нам хорошо и без постели, и это кажется важнее. Я чувствую, что

могла бы состариться с тобой и все равно быть в соку. Я знаю, что ты пьешь слишком много пива и недостаточно занимаешься спортом; я знаю, что иногда ночами тебе снятся плохие сны...

Он вздрогнул, потрясенный до глубины души. Почти испуганный. — Мне никогда не снятся сны.

Она улыбнулась. — Так ты говоришь репортерам, когда они спрашивают, откуда ты берешь свои идеи. Но это не так. Разве что от несварения желудка ты порой стонешь по ночам. Но я этому не верю, Билл.

— Я говорю во сне? — спросил он осторожно. Он не мог вспомнить ни одного сна. Никакого сна, ни плохого, ни хорошего.

Одра кивнула. — Порой. Но я никогда не понимаю, что ты говоришь. И пару раз ты рыдал.

Он посмотрел на нее без выражения. И почувствовал неприятный привкус во рту; он оттянул язык к горлу — то был привкус растаявшего аспирина. «Вот теперь ты знаешь, какой привкус у страха», — подумал он. И еще подумал, что привыкнет к этому привкусу. Если проживет достаточно долго.

И вдруг все воспоминания стали толпиться, сгущаться. Как будто черноты в его мозгу выпятились, угрожая выблевать пагубные сны-образы из сферы подсознательного — в ментальное поле зрения, управляемое рациональным бодрствующим мозгом; если такое случится снова, это сведет его с ума. Он пытался оттолкнуть воспоминания, и ему удалось — но потом он услышал голос — это было, как будто кто-то, похороненный заживо, кричал из-под земли. Это был голос Эдди Каспбрака.

«Ты спас мне жизнь, Билл. Те большие парни, они достают меня. Иногда мне кажется, они действительно хотят меня убить».

— Твои руки, — сказала Одра.

Билл посмотрел на руки. Они покрылись мурашками, крупными мурашками, как яйца насекомых. Они оба уставились на них, не говоря ни слова, как на интересный музейный экспонат. Мурашки постепенно исчезли.

В наступившей тишине Одра сказала: — И я знаю еще одну вещь. Кто-то позвонил тебе сегодня утром из Штатов и сказал, что ты должен уехать от меня.

Он встал, быстро посмотрел на бутылку с ликером, затем пошел на кухню и вернулся со стаканом апельсинового сока. Он сказал: — Знаешь, у меня был брат, и он умер, но ты не знаешь, что его убили.

У Одры перехватило дыхание.

— Убили! Билл, почему ты никогда...

— Не говорил тебе? — он улыбнулся, улыбнулся с каким-то лающим звуком. — Я не знаю.

— Что случилось?

— Мы жили в Дерри тогда. Было наводнение, оно в общем-то уже кончилось, и Джорджу было скучно. Я лежал в постели с гриппом. Он хотел, чтобы я сделал ему кораблик из газеты. Я научился в лагере год назад. Он сказал, что пустит его в трубы Витчем-стрит и Джэксон-стрит, — там полно воды. И я сделал ему кораблик, и он поблагодарил меня и ушел, и это был последний раз, когда я видел своего брата Джорджа живым. Если бы у меня не было гриппа, может быть, я бы спас его.

Он помолчал, потерев правой рукой левую щеку, как будто проверяя, есть ли щетина. Его глаза, увеличенные линзами очков, выглядели задумчивыми... но он не смотрел на нее.

— Это случилось прямо там, на Витчем-стрит, недалеко от пересечения с Джэксон. Тот, кто его убил, вырвал ему левую руку, как второклассник вырывает крылышко мухи. Паталогоанатом сказал, что он умер или от боли, или от потери крови. Насколько я понимаю, это не имело значения.

— Боже правый, Билл!

— Я думаю, ты удивляешься, почему я никогда не говорил тебе этого. По правде сказать, я и сам удивляюсь. Мы женаты одиннадцать лет, и до сегодняшнего дня ты и ведать не ведала, что случилось с Джорджем. Я знаю обо всей твоей семье — даже о твоих дядях и тетях. Я знаю, что дед твой умер в гараже, разрезав себя пилой, когда был пьян. Я знаю такие вещи, потому что женатые люди, как бы ни были они заняты, узнают друг о друге почти все. И даже если им надоедает и они перестают слушать, они все равно впитывают это — осмотически. Ты думаешь, я неправ?

— Нет, не думаю — слабо сказала она.

— А мы ведь всегда могли говорить друг с другом, правда? Я имею в виду, что никто из нас не уставал, никому не надоедало, не было нужды впитывать осмотически, правда?

— Да, — сказала она, — до сегодняшнего дня и я так думала.

— Послушай, Одра. Ты знаешь все, что случилось со мной за последние одиннадцать лет моей жизни. Каждое дело, каждую идею, каждую неприятность, каждого приятеля, каждого парня, который сделал мне что-то плохое или пытался сделать. Ты знаешь, я спал с Сюзан Браун. Ты знаешь, что иногда я делаюсь сентиментальным, когда выпью, и слишком громко проигрываю записи.

— Особенно «Благодарного покойника», — сказала она, и он рассмеялся.

На этот раз она засмеялась в ответ.

— Ты знаешь самое важное — вещи, на которые я надеюсь.

— Да. Думаю, что знаю. Но это... — она замолчала, покачала головой, немного подумала. — Насколько этот звонок связан с твоим братом?

— Дай я сам к этому подойду. Не гони волну, иначе я не смогу. Это так огромно и так... так чудовищно ужасно... что я содрогаюсь. Видишь ли... мне никогда не приходило в голову рассказывать тебе о Джорджи.

Она посмотрела на него, нахмурилась, слабо покачала головой. — Я не понимаю.

— Я пытаюсь сказать тебе, Одра, что даже не ДУМАЛ о Джорджи в течение двадцати лет или более.

— Но ведь ты говорил мне, что у тебя был брат по имени...

— Я назвал ФАКТ, — сказал он. — И все. Его имя было словом. Оно не бросало никакой тени на мой разум.

— Но мне кажется, оно бросало тень на твои сны, — сказала Одра.

Ее голос был очень спокойным.

— Стенания? Плач?

Она кивнула.

— Думаю, ты права, — сказал он. — На самом деле, ты почти полностью права. Но ведь сны, которые ты не помнишь, не считаются, правда?

— Ты в самом деле вовсе никогда не думал о нем?

— Да.

Она с сомнением покачала головой. — Даже о том, как ужасно он умер?

— До сегодняшнего дня, Одра.

Она посмотрела на него и снова покачала головой.

— Ты спросила меня, перед тем как мы поженились, есть ли у меня братья и сестры, и я сказал, что у меня был брат, который умер, когда я был ребенком. Ты знала, что родителей у меня нет, а поскольку у тебя большая родня, это и заняло все наше внимание. Но сегодня — новое.

— Что ты имеешь в виду?

— Не только Джордж был в этой черной дыре. Я не думал о САМОМ ДЕРРИ двадцать лет. Ни о людях, с которыми общался — Эдди Каспбрак, Ричи Рот, Стэн Урис, Бев Марш... — он пробежал руками по волосам и нервно засмеялся. — Это как случай амнезии и настолько серьезный, что ты даже не знаешь, что она у тебя есть. И когда Майкл Хэнлон позвонил...

— Кто это Майкл Хэнлон?

— Еще один парень, с которым мы контактировали — с которым я контактировал после смерти Джорджа. Конечно, теперь он уже не парень. Как и все мы. Это был Майкл на телефоне, трансатлантическая связь. Он сказал: — Алло, я попал в квартиру Денбро? — и я сказал да, и он сказал: — Билл? Это ты? и я сказал да, и он сказал: — Это Майкл Хэнлон. — Это ровным счетом ничего для меня не значило, Одра. Он мог быть, к примеру, продавцом энциклопедии или записей Берла Ивса. Потом он сказал: — Из Дерри. — И когда он это сказал, как будто бы дверь открылась внутри меня и какой-то страшный свет засветил, и я вспомнил, кто это. Я вспомнил Джорджа. Я вспомнил всех остальных. Все это случилось...

Билл стиснул пальцы.

— Да. И я знал, что он будет просить меня приехать.

— Вернуться в Дерри.

— Да. — Он снял очки, протер глаза, посмотрел на нее. Никогда в жизни она не видела человека, который бы выглядел таким испуганным. — В Дерри. Потому что мы обещали, — сказал он, — мы обещали. Все мы. Дети. Мы стали в круг у протоки, бегущей через Барренс, держась за руки, и мы резали ладони кусочком стекла, как будто хотели породниться, только это была не игра.

Он протянул к ней руки, и она увидела в центре каждой ладони лесенку из белых линий — раненую ткань. Она держала его руки в своих — бессчетное число раз, но никогда раньше не замечала этих шрамов на его ладонях. Они были слабые, но она бы подумала...

А вечер! Тот вечер!

Не тот, где они познакомились, хотя этот второй вечер соотносился с первым, как концовка с книгой, потому что он был прощальным после завершения съемок «Ловушки Черного Дьявола». Было шумно и пьяно, разгульно. Пожалуй, даже похлеще, чем на других таких же вечеринках, на которых она бывала, потому что съемка прошла лучше, чем все они могли ожидать, и все они знали это. Для Одры Филипс вечер был прекрасным, потому что она влюбилась в Уильяма Денбро.

Как звали ту самозваную гадалку? Одра помнила только, что та была одним из двух помощников гримера. В какой-то момент вечеринки девушка сорвала с себя блузку, обнажая очень экстазный бюстгальтер, и повязала ее вокруг головы, как шарф у цыганки. Разгоряченная дымом и вином, она остаток вечера или пока не ушла, читала по руке...

Одра не могла теперь вспомнить, были ли предсказания девушки хорошими или плохими, мудрыми или глупыми: ей было очень

хорошо в тот вечер. Но она помнила, что в какой-то момент девушка схватила ладонь Билла и, сравнив ее со своей собственной, заявила, что они совершенно одинаковые. «Мы близнецы в жизни», сказала она. Одра помнила: она более чем ревниво следила за тем, как девушка водила по линиям на его ладони своим великолепно накрашенным ногтем — как глупо это было, в миражном киномире, в этой киношной субкультуре, где мужчины так же запросто, обыденно похлопывают женские попки, как нью-йоркцы трогают свои щеки! Но в исследовании гадалки было что-то интимное, затянувшееся.

Тогда на ладонях Билла не было никаких маленьких белых шрамов.

Она наблюдала за этой шарадой глазами ревнивой возлюбленной, и она доверяла этому воспоминанию. Доверяла ФАКТУ.

И сейчас сказала это Биллу.

Он кивнул. — Ты права. Их тогда не было. И хотя я не могу поклясться в этом, думаю, их не было и прошлой ночью, в «Плоу и Барроу». Мы стали меряться руками на пиво и, я думаю, я бы заметил.

Он усмехнулся. Усмешка была сухой, лишенной юмора, испуганной.

— Я думаю, они вернулись, когда позвонил Майкл Хэнлон. Вот что я думаю.

— Билл, это невозможно. — Она потянулась за сигаретами.

Билл смотрел на свои руки. — Стэн сделал это, — сказал он. — Разрезал ладони осколком бутылки из-под «Кока-колы». Теперь я отчетливо вспоминаю это. — Он посмотрел на Одру, и глаза его за очками выглядели больными, непонимающими. — Я помню, как этот кусок стекла мерцал на солнце. Он был от новой бутылки, прозрачный. Раньше бутылки «Кока-колы» были зелеными, ты помнишь? — Она покачала головой, но он не видел. Он все еще изучал свои ладони. — Я помню, что Стэн резал свои руки последним, притворяясь, будто намерен не просто надрезать ладони, а полоснуть по запястью. Я думаю, это была глупость, но я подался к нему... чтобы остановить его. Потому что секунду-две он выглядел серьезным.

— Билл, не надо, — сказала она низким голосом. На этот раз, чтобы зажигалка не дрожала в руке, ей понадобилось обхватить запястье другой рукой — так полицейский держит пистолет на стрельбище. — Шрамы не могут возвращаться. Они или есть, или нет.

— Ты их видела раньше, а? Ты это говоришь мне?

— Они едва заметны, — сказала Одра резче, чем хотела.

— Мы истекали кровью, — сказал он. — Мы стояли в воде недалеко от того места, где Эдди Каспбрак, Бен Хэнском и я построили плотину...

— Ты имеешь в виду архитектора, да?

— Есть архитектор с таким именем?

— Боже, Билл, он построил новый центр связи Би-би-си! И до сих пор ведутся споры, мечта это или неудача!

— Ну, я не знаю, тот же это парень или нет. Это кажется невероятным, но кто знает. Тот Бен, которого я знал, классно строил. Мы все стояли там, и я держал левую руку Бев Марш в своей правой, и правая рука Ричи Тозьера была в моей левой. Мы стояли в воде, как будто принимали крещение, и на горизонте я видел деррийскую водонапорную башню. Она была такой белой, какой представляется воображению одеяние архангелов, и мы пообещали, поклялись, что если это не кончилось, что если это возобновится, мы вернемся. И мы бы сделали это. И остановили. Навсегда.

— Остановили ЧТО? — закричала она, внезапно разъярившись на него. — Что остановили? Что за чушь ты несешь?

— Лучше бы ты не спрашивала... — начал Билл и остановился. Она увидела, как выражение ужаса распространяется по всему его лицу, как пятно. — Дай сигарету.

Она протянула ему пачку. Он закурил. Она никогда не видела, чтобы он курил.

— Я еще и заикался.

— Заикался?

— Да. Тогда. Ты говорила, что я был единственным человеком в Лос-Анджелесе, который осмеливался говорить медленно. Но правда была в том, что я не осмеливался говорить быстро. Это был не плод размышлений. И не рассуждение. И не мудрость. Все исправившиеся заики говорят очень медленно. Это один из известных ходов, также как свое второе имя надо вспомнить прямо перед тем как представляешься, потому что у заик более всего проблем с существительными, и слово, которое причиняет самое большое беспокойство, — это их собственное имя.

— Заикался. — Она улыбнулась легкой улыбкой, как будто он пошутил и она потеряла нить.

— До смерти Джорджа я заикался умеренно — сказал Билл, и уже начал слышать, как слова повторяются в его мозгу, как будто бесконечно разделенные во времени; он говорил гладко, медленно и размеренно, но мысленно слышал, как такие слова, как «Джорджи» и

«умеренно», наскикивают одно на другое, становясь Джджджорджи и уммеренно. — Я имею в виду, что у меня было несколько действительно ужасных моментов — обычно, когда меня вызывали, и особенно если я действительно знал ответ и хотел ответить. После смерти Джорджа пошло намного хуже. Потом, где-то в возрасте четырнадцати-пятнадцати лет, стало улучшаться. Я поехал в Чеврус Хай в Портленде, и там был классный логопед, миссис Томас. Она научила меня некоторым уловкам. Наподобие того, чтобы думать о втором имени непосредственно перед тем, как говоришь: «Привет, я Билл Денбро». Я брал уроки французского, и она научила меня переключаться на французский, если я застреваю на слове. Если ты чувствуешь себя, как самая большая жопа в мире, снова и снова произнося «кккк», как заезженная запись, переключайся на французский, и се *livre* сорвется с твоего языка. И как только ты сказал это по-французски можешь возвращаться к английскому и сказать «эта книга» без всяких проблем. И если ты спотыкаешься на словах, начинающихся с «с», можно шепелявить. Никакого заикания. Все это помогало, но главным образом надо было забыть Дерри и все, что случилось там. И это произошло. Когда мы жили в Портленде и я собирался в Чеврус. Я не сразу все забыл, но оглядываясь назад, сказал бы, что это случилось через замечательно короткий промежуток времени. Месяца через четыре, не более, мое заикание и мои воспоминания стерлись одновременно. Кто-то вымыл доску, и все старые уравнения исчезли.

Он выпил остатки сока. — Когда я заикнулся на слове «спросить» несколько секунд назад, это было впервые за двадцать один год.

Он посмотрел на нее.

— Сначала шрамы, потом заикание. Ты слышишь?

— Ты делаешь это намеренно! — сказала она, сильно испугавшись.

— Нет. Я думаю, человека в этом убедить нельзя, но это так. Заикание смешит, Одра. Страшно. На одном уровне ты даже не осознаешь, как это происходит. Просто... Что-то еще ты слышишь в своей голове. Как будто часть твоего мозга на минуту опережает остальной.

Он встал и беспокойно обошел комнату. Он выглядел усталым, и она с тревогой подумала, как упорно он работал почти тринадцать последних лет, как будто талант можно измерить неистовством, почти что безостановочностью работы. Мысль, которая пришла ей в голову, была тревожной, и она попыталась отогнать ее, но напрасно. Предположим, что Биллу звонил не Ральф Фостер, приглашающий его в «Плау и Бэрроу» на хандрестлинг или трик-трак на часок, и не Фредди Файерстоун, продюсер «Комнаты на чердаке» по какому-нибудь вопросу?

Но тогда напрашивалась мысль, что все это дело «Дерри-Майкл Хэнлон» было ничем иным, как галлюцинацией. Галлюцинацией, вызванной начинающимся нервным расстройством.

Но шрамы, Одра — как ты объяснишь эти шрамы? Он прав. Их не было, а сейчас они есть. Это правда, и ты знаешь ее.

— Расскажи мне остальное, — сказала она. — Кто убил твоего брата Джорджа? Что ты и эти другие дети сделали? Что вы обещали?

Он подошел к ней, встал перед ней на колени, как старомодный поклонник с просьбой о руке и сердце и взял ее руки.

— Я думаю, я мог бы рассказать тебе, — сказал он мягко. — Я думаю, если бы я действительно хотел, то мог бы. Многого я не помню даже сейчас, но раз я начал говорить, оно придет. Я могу ощущать эти воспоминания... ожидать рождения. Они как облака, несущие дождь. Только этот дождь очень грязный. Растения, которые вырастают после такого дождя, — монстры. Может быть, я могу встретиться с ними...

— Они знают?

— Майкл сказал, что он зовет всех. Он думает, они все придут... кроме, может быть, Стэна. Он сказал, что голос Стэна звучал как-то странно.

— Это все звучит для меня странно. Ты очень пугаешь меня, Билл.

— Извини, — сказал Билл и поцеловал ее. Это было похоже на поцелуй незнакомца. Она почувствовала, что ненавидит этого человека — Майкла Хэнлона. — Я думал, я должен объяснить столько, сколько могу; я думал, так будет лучше, чем сжиматься и дрожать ночью. Я полагаю, некоторые из них как раз так и дрожат сейчас. Но я должен ехать. И я думаю, Стэн будет там, неважно, что голос его звучал странно. Или, может быть, это потому, что я не могу представить себе, что не еду.

— Из-за твоего брата?

Билл медленно покачал головой. — Я мог бы тебе сказать, что да, но это было бы ложью. Я любил его. Я знаю, как странно это должно звучать после того, как я признался, что не думал о нем двадцать с лишним лет, но я чертовски любил этого человечка. — Он улыбнулся. — Он был спазмоид, но я любил его. Знаешь?

Одра, у которой была младшая сестра, кивнула: — Я знаю.

— Но дело не в Джордже. Я не могу объяснить, что это. Я...

Он выглянул из окна и посмотрел на утренний туман.

— Я чувствую себя так, как должна чувствовать себя птица, когда приходит осень, и она знает... как-то она знает, что ей надо лететь домой. Это инстинкт, малыш... и я думаю, я верю, что инстинкт — это железный осто́в, на котором держатся все наши идеи свободной воли. Даже если ты хочешь выкурить трубку, или выпить

бутыл, или предпринять длинную прогулку, ты не можешь сказать НЕТ некоторым вещам. Ты не можешь отказаться принять свой выбор, потому что нет никакого выбора. Я должен ехать. То обещание... оно в моем мозгу как ррыболовный крючок.

Она встала и осторожно подошла к нему; она чувствовала себя очень слабой, хрупкой, вот-вот сломается. Она положила руку на его плечо и повернула его к себе.

— Тогда возьми меня с собой.

Выражение ужаса, которое появилось в этот момент на его лице — не ужаса от нее, а ужаса за нее — было настолько обнаженным, что она отступила назад, действительно в первый раз испугавшись.

— Нет, — сказал он. — Не думай об этом, Одра. Никогда не думай об этом. Ты не поедешь в Дерри, ты не приблизишься к Дерри на три тысячи миль. Я думаю, Дерри будет очень плохим местом следующие несколько недель. Ты останешься здесь и будешь вести дела, находить отговорки за меня. Обещай мне это!

— Должна ли я обещать? — спросила она, причем глаза ее так и не оторвались от него. — Должна ли я, Билл?

— Одра...

— Должна ли? Ты дал обещание и смотри, во что это вылилось. А я — твоя жена, и я люблю тебя.

Его большие руки больно сжали ее плечи. — Обещай мне! Обещай! Оообещай!

И она не смогла вынести это, это сломанное слово, пойманное его ртом, как забагренная рыба.

— Я обещаю, ладно? Я обещаю? — Она залилась слезами. — Теперь ты счастлив? Боже! Ты сумасшедший, все это безумие, но я обещаю!

Он обнял ее и положил на кушетку. Принес бренди. Она отпила чуть-чуть, держа себя под контролем.

— Когда ты едешь?

— Сегодня, — сказал он. — Конкордия. Я успею, если я поеду в Хитроу машиной, а не поездом. Фредди хотел, чтобы я начал после ланча. Ты иди в девять, и ты не знаешь ничего, ладно?

Она неохотно кивнула.

— Я буду в Нью-Йорке до того, как все прояснится в забавном свете. А в Дерри — до захода солнца, если все правильно ссогласовать.

— А когда я увижу тебя снова? — спросила она мягко.

Он обнял ее и крепко прижал к себе, но так и не ответил на ее вопрос.

ДЕРРИ: ПЕРВАЯ ИНТЕРЛЮДИЯ

*Сколько людских глаз проникло
в их тайную анатомию сквозь годы?*

Клайв Баркер
«Книги Крови»

Отрывок, приведенный ниже и все остальные отрывки «Интерлюдии» взяты из Микаэла Хэнлона «Дерри: Несанкционированной истории города». Это неопубликованная серия записок и выдержки из рукописи (которая читается почти как начало дневника), найденные под сводами Деррийской публичной библиотеки. Приведенное выше название, написанное на обложке подборки из отдельных листочков, в которой хранились эти записки до своего появления здесь. Автор, однако, неоднократно ссылается на эту работу в собственных своих заметках как на: «Дерри: взгляд через заднюю дверь ада».

Предполагают, что мысль о популярном издании этих записей не только помрачила рассудок мистера Хэнлона...

2 января, 1985

Может ли **ВСЕ** город быть населен призраками?

Населен призраками так же, как населены ими некоторые дома?

Не просто одно-единственное здание в том городе или угол единственной улицы, или единственный баскетбольный корт в крошечном парке, не просто одна городская зона — не ВСЕ. Все сооружения.

Может ли это быть?

Слушайте:

Населенный призраками: «Часто посещаемый привидениями или духами». Функ и Вагнеллз.

Навязчивость: «Нечто постоянно приходящее в голову; трудно забыть». Также Функ и Фрэнд.

Являться: «Появляться или часто приходить, особенно это относится к призракам». НО — слушайте! — *«Место часто посещаемое: курорт, притон, места постоянных сборищ»...*

И еще одно — похоже, последнее, — определение этого слова как существительного, в самом деле пугает меня: *«Место кормления животных».*

Подобных животных, которые зверски избили Адриана Меллона и затем сбросили его под мост?

Подобие животному, которое ждет под мостом?

Место кормления животных.

Кто кормит в Дерри? Кто кормится Дерри?

Интересное дело — я даже не предполагал, что человек может стать таким пуганным, как стал я после истории с Адрианом Меллоном и все еще продолжаю жить, вернее просто функционировать. Я как будто попал в рассказ, а ведь известно что испуг ты должен чувствовать только в финале рассказа, когда призрак тьмы в конце концов выходит из леса, чтобы начать питаться... вами, конечно.

Вами.

Но этот рассказ не из серии классических шедевров Лавкрафта, Брэдли, или По. Разумеется, я знаю далеко не все, но многое. Я только что начал его, когда однажды в конце сентября открыл «Новости» Дерри, прочитал стенограмму предварительного слушания дела мальчика Унвина, и понял, что клоун, который убил Джорджа Денбро, может вернуться опять. Фактически все началось в 1980 году, когда, как я думаю, какая-то ранее уснувшая часть меня пробудилась... почувствовав, что Его время, кажется, опять подходит.

Какая часть? Я думаю, нечто вроде дозорного.

А может быть, был голос Черепяхи. Да... пожалуй так. Я знаю, Билл Денбро поверил бы в это.

Я обнаружил новости о старых ужасах в старых книгах; прочитал материалы о старых зверствах в старых периодических изданиях; на задворках своего разума, с каждым днем все громче, я слышал гудение морской раковины, какой-то нарастающий шум; казалось, я чувствую горький озоновый аромат будущих молний. Я начал записи для книги, которую я почти наверняка не успею опубликовать при жизни. И в то же время я продолжал свою жизнь. На одном уровне моего разума я жил и живу с невероятными, гротескными, ужасными видениями; на другом — продолжаю жить земной жиз-

нюю библиотекаря маленького городка. Я складываю книги на полки, я составляю библиотечные карточки для новых читателей, я убираю аппарат для чтения микрофильмов, который небрежные читатели иногда оставляют включенным; я шучу с Кэрол Даннер, говорю, как бы мне хотелось пойти с ней в постель, и она отшучивается — как бы ей хотелось пойти в постель со мной, и оба мы знаем, что на самом деле она шутит, а я нет, так же как оба мы знаем, что она не останется надолго в таком маленьком городишке, как Дерри, а я буду здесь до самой смерти — брошюровать разорванные страницы в «Бизнес Уик», сидеть на ежемесячных собраниях, посвященных комплектованию библиотеки, с трубкой в одной руке и пачкой «Библиотечных журналов» в другой... и просыпаться посреди ночи и сдерживать крик, прижав кулаки ко рту.

Гетические условности тут не причем. Мои волосы не побелели. Я не хожу во сне. Я не отпускаю тайнственных комментариев, не ношу дощечку для спиритических сеансов в кармане своей спортивной куртки. Разве что смеяться стал больше, и вероятно смех мой кажется людям чересчур пронзительным, пронизывающим, неестественным, потому что иногда они странно смотрят на меня, когда я смеюсь.

Часть меня — часть, которую Билл называл «голосом Черепахи» — говорит мне, что я должен позвонить им всем сегодня ночью. Но полностью ли я уверен, даже сейчас? Хочу ли я быть полностью уверенным? Нет — конечно, нет. Но Боже, то, что случилось с Адрианом Меллоном, так похоже на то, что случилось с братом Заики Билла, Джорджем, осенью 1957 года...

Если это началось снова, я позвоню им. Я должен позвонить. Но пока, что нет. Впрочем, еще рано. В прошлый раз это шло медленно и закончилось раньше лета 1958. Поэтому... я выжидаю. И заполняю ожидание, делая записи в этой записной книжке, а также подолгу смотрю в зеркало на незнакомого человека, которым стал тот мальчик.

Лицо у мальчика было умным и застенчивым; лицо мужчины — лицо кассира в банке из вестерна, парня без особых примет, парня, который при виде грабителей пугается и поднимает руки вверх. И если по сценарию требуется, чтобы кто-то был застрелен бандитами, он как раз и есть тот человек.

Тот самый старина Майк. Немного страха в глазах, может быть, не совсем еще прошел от прерванного сна, но не настолько, чтобы вы могли заметить что-то, не взглядевшись пристально... на расстоянии воздушного поцелуя, а я не был с ними на таком расстоянии уже очень долго. Если бы вы мельком на меня глянули, то подумали

бы: ОН ЧИТАЕТ СЛИШКОМ МНОГО КНИГ, ну и все. Сомневаюсь, что вы бы отгадали, сколько сил стоит этому человеку с добрым лицом банковского кассира удержаться в здравом рассудке.

Если я должен буду всем позвонить, это кого-нибудь из них убьет.

Это один из фактов, которым я должен посмотреть в глаза длинными ночами без сна, ночами, когда я лежу в постели в своей обычной синей пижаме, мои очки, аккуратно сложенные, лежат на ночном столике рядом со стаканом воды, которую я всегда ставлю на случай, если проснусь и захочу пить. Я лежу там в темноте и глотаю воду маленькими глотками и думаю, как много — или как мало — они помнят. Я как-то убежден, что они ничего не помнят об этом, потому что им не нужно помнить. Я единственный, кто слышит голос Черепахи, единственный, кто помнит, потому что я единственный, кто остался здесь в Дерри. И так как их разбросало ветрами, у них нет способа узнать идентичные образчики, по которым были сделаны их жизни. Вернуть их назад, показать им этот образчик... да, это может убить кого-то из них. Это может убить их всех.

Поэтому я снова и снова прокручиваю их в голове; прокручиваю, пытаюсь воссоздать их, какими они были и какими могли быть теперь, пытаюсь понять, кто из них самый уязвимый. Ричи Тоzier, думаю я иногда — его Крис, Хаггинс и Бауэрс, кажется, доставали чаще всего, хотя Бен был таким толстым. Бауэрса Ричи боялся больше всего — да мы все его боялись, и другие тоже. Если я позвоню ему в Калифорнию, он, верно, расценит это как жуткое Возвращение отъявленных хулиганов, двух из могилы и одного — из сумасшедшего дома в Джанилер Хилл, где он беснуется по сей день? Иногда я думаю, Эдди был самым слабым, Эдди с его комплексом матери и ужасной астмы. Беверли? Она всегда старалась казаться грубой, но напугана была не меньше нас. Заика Билл с ужасом на лице, закрывающий крышку на пишущей машинке? Стэн Урис?

Лезвие гильотины нависло над их жизнями, острое, как бритва, но чем больше я думаю об этом, тем больше прихожу к выводу, что они не знают об этом лезвии. Я один держу руку на рычаге. Я могу пустить его в ход, просто открыв телефонную книжку и позвонив им одному за другим.

Может быть, мне не нужно этого делать. Я хватаюсь за слабеющую надежду, что кроличьи крики моего застенчивого разума я принял за сильный, истинный голос Черепахи. В конце концов, что я имею? Меллон в июле. Ребенок, найденный мертвым на Нейболт-стрит в прошлом октябре, еще один, найденный в Мемориал-парке

в начале декабря, как раз перед первым снегом. Может быть, это сделал бродяга, как пишут газеты. Или сумасшедший, который потом уехал из Дерри или убил себя из угрызений совести или самоотвращения, как может быть сделал — если верить некоторым книгам — настоящий Джек Потрошитель.

Может быть.

Но девочка Альбрехта была найдена прямо через улицу от того проклятого старого дома на Нейболт-стрит... и она была убита в тот же самый день, что и Джордж Денбро двадцать семь лет назад. И затем мальчик Джонсон, найденный в Мемориал-парке с ногой, вырванной из коленного сустава. В Мемориал-парке, конечно, находится водонапорная башня Дерри, и мальчик был найден почти у ее основания. Водонапорная башня в двух шагах от Барренса; водонапорная башня — это где Стэн Урис видел тех мальчишек.

Тех мертвых мальчишек.

И все-таки, это не могло быть ничем, кроме дыма и миража. Не могло быть. Или совпадение. Или, возможно, что-то среднее — своего рода пагубное эхо. Могло это быть? Я ощущаю, что могло. Здесь, в Дерри, все, что угодно, могло быть.

Я думаю, что то, что было здесь раньше, все еще присутствует — то, что было здесь в 1957 и 1958 годах, то, что было здесь в 1929 и 1930, когда Черное Местечко было сожжено Легионом Белой благодарности, штат Мэн, то, что было здесь в 1904 и 1905 и в начале 1906 — по крайней мере, до взрыва чугунолитейного завода Кичнера, то, что было здесь в 1876 и 1877, то, что появлялось каждые двадцать семь лет или что-то около этого. Иногда оно приходит немного раньше, иногда немного позже... но приходит всегда. Когда обращаешься назад к прошлому, соответствующие записи найти все труднее и труднее, потому что они беднеют, и дырки, проеденные моллю в повествовательной истории района, становятся больше. Но знание, куда смотреть — и когда смотреть — проходит долгий путь к решению проблемы. Понимаете, Оно всегда возвращается

Оно.

Итак — да: я должен сделать эти звонки. Я думаю, мы именно это имели тогда в виду. По какой-то неведомой причине, мы избраны остановить это навсегда. Слепая судьба? Слепая удача? Или это опять та проклятая Черепаха? Возможно она командует, так же как и говорит. Не знаю. И сомневаюсь, имеет ли это значение. Много лет назад Билл сказал: *«Черепаха не может помочь нам»*, и если это было правдой тогда, это должно быть правдой и теперь.

Я мысленно вижу, как мы стоим в воде, взявшись за руки, и даем обещание вернуться, если это начнется когда-нибудь снова — стоим

там, почти как друиды в кольце, скрепленные кровью нашего обещания, ладонь в ладонь. Ритуал старый, как само человечество, — ритуал, который находится на грани реального и ирреального. Потому что сходство...

Но здесь я как бы сам становлюсь Биллом Денбро, заикаюсь на той же самой почве снова и снова, излагая некоторые факты и много неприятных (и довольно расплывчатых) предположений, с каждым абзацем все более навязчивых. Ничего хорошего в этом нет. Бесполезно. Даже опасно. Но ведь так трудно ждать событий.

Эта записная книжка будет попыткой выйти за пределы навязчивых предположений, расширяя фокус моего внимания — в конце концов, в этой истории завязаны более шести мальчиков и одна девочка, все они несчастны, все они не приняты равными себе по положению, и все они свалились в ночной кошмар в одно жаркое лето, когда был еще Эйзенхауэр президентом. Это попытка, если хотите, оттащить камеру немного назад, чтобы с дистанции увидеть весь город, место, где около тридцати пяти тысяч людей работают и едят, и спят, и совокупляются, и ходят за покупками, и ездят, и гуляют, и ходят в школу, и садятся в тюрьму, а порой — исчезают во тьме.

Чтобы знать, что это за место сейчас, — я уверен — надо знать, что это было за место ранее. И если я должен был бы назвать день, когда все это реально началось для меня снова, это был день ранней осенью 1980, когда я приехал в гости к Альберту Карсону, который умер прошлым летом — в девяносто один год. Он был наполнен годами и почестями. Он был здесь главный библиотекарь с 1914 по 1960 — невероятный отрезок времени (но он сам был невероятным человеком), и я понял, что если кто-нибудь знает, с какой истории надо начинать, то это Альберт Карсон. Я задал ему мой вопрос, когда мы сидели у него на веранде, и он мне ответил каким-то квакающим голосом — он уже страдал от рака горла, который в конце концов убил его.

— Ни одна из историй не стоит того. И ты чертовски хорошо это знаешь.

— Тогда с чего же я должен начать?

— Что начать?

— Исследование этого района. Города Дерри.

— О, да. Начни с Фрика и Мичеда. Так лучше всего.

— Прочтя эти...

— Прочтешь, Боже, нет! Выброси их в мусорную корзину! Это будет твой первый шаг. Затем читай Буддингера. Брэнсон Буддингер чертовски неряшливый исследователь, у него полно оплошностей,

если половина того, что я слышал в детстве, — правда, но, когда он приехал в Дерри, его сердце оказалось на своем месте. У него много неверных фактов, но они у него неверные с чувством, Хэнлон.

Я засмеялся, и Карсон ухмыльнулся своими кожаными губами — что свидетельствовало о хорошем настроении, но на самом деле — немного пугало. В этот момент он выглядел как хищник, охраняющий свежееубитое животное, ожидающий, когда оно дойдет до такой стадии разложения, когда им можно будет пообедать.

— Когда ты закончишь с Буддингером, читай Ивса. Отмечай всех людей, с которыми он говорит, Сэнди все еще в университете штата Мэн. Фольклорист. После того как ты его прочтешь, поезжай к нему. Угости его обедом. Я бы повез его в «Оринеку», там обед обычно длится бесконечно, долго. Накачай его, заполни записную книжку именами и адресами. Поговори со старожилами, с которыми говорил он — теми, кто еще остался; а нас несколько — ахахахаха — и еще от них получи имена. К тому времени у тебя будет четкая картина. Если ты сумеешь охватить достаточное количество людей, ты услышишь от них нечто такое, чего нет в историях. И обнаружишь, что это беспокоит твой сон.

— Дерри...

— Что Дерри?

— В Дерри не все в порядке, не так ли?

— В порядке? — спросил он своим квакающим голосом. — В порядке? Что? Что это слово означает? Симпатичные картинки в Кендускеаге? Если так, тогда с Дерри все в порядке, потому что картинок этих десятки. Имеет ли право уродливая пластмассовая статуя Пола Буниана стоять перед Городским центром? О, будь у меня грузовик напалма и моя старая зажигалка «Зиппе», я бы позаботился об этой мерзкой вещи, уверяю тебя... но если чьи-то эстетические взгляды настолько широки, что допускают существование пластмассовых статуй, тогда в Дерри все в порядке. Вопрос в том, что для тебя означает «в порядке» Хэнлон? А? Точнее, что значит «не в порядке»?

На это я мог только покачать головой. Он или знал, или не знал. Или скажет, или не скажет.

— Ты имеешь в виду неприятные истории, которые можно услышать, или те, о которых ты уже знаешь? Неприятные истории всегда бывают. Хроника города — как старый беспорядочно перестраивающийся особняк со множеством комнат, уютных закутков, помещений для белья, чердаков и всякого рода потайных местечек... не говоря уже о неожиданных тайных проходах. Если вы приметесь исследовать Дерри, как такой вот особняк, то все это найдете в нем.

Да, потом вы пожалеете об этом, но уж коль скоро найдете, то надо обосновать? Некоторые комнаты закрыты, но есть ключи... есть ключи.

Его глаза рассматривали меня со старческой проницательностью.

— Ты можешь подумать, что нащупал самый худший из секретов Дерри... но всегда существует еще один. И еще один. И еще один.

— Вы...

— Кажется я должен попросить у тебя извинения. У меня сегодня очень болит горло. Пора принять лекарство и отдохнуть. Другими словами, вот тебе нож и вилка, друг мой: иди посмотри, что ты можешь разрезать ими.

Я начал с истории Фрика и истории Мичеда. Я последовал совету Карсона и бросил их в мусорную корзину, но сперва прочитал их. Они были, как он и предполагал, ужасны. Я прочитал историю Буддингера, переписал все сноски и пошел по их следам. Это удовлетворяло больше, но сноски — вещь особая: они как тропинки, извивающиеся по дикой нетронутой местности. Они раздваиваются, затем опять раздваиваются, и в какой-то точке вы можете повернуть не туда, и это приведет вас либо к смертельному исходу, либо в болотную трясину. «Если вы находите сноску, — сказал однажды группе, в которой я учился, крупный специалист в области библиотекосведения — наступите ей на голову и убейте ее, до того как она сможет плодоносить».

Они плодоносили, размножались; иногда размножение — хорошая вещь, не чаще, я думаю, нет. Сноски в сжатой «Истории старого Дерри» (Ороно: издание университета штата Мэн, 1950) проходят через сотни забытых книг и пыльных докторских диссертаций в области истории и фольклора, через статьи в исчезнувших журналах и среди ворохов городских судебных хроник и надгробных плит.

Мои разговоры с Сэнди Ивс были интереснее. Его источники пересекались время от времени с Буддингеровскими, но этим сходство ограничивалось. Ивс провел большую часть своей жизни, собирая устные предания. Ивс написал цикл статей о Дерри в течение 1963-66 годов. Большинство старожилов, с которыми он тогда говорил, умерли к тому времени, когда я начал свое исследование, но у них были сыновья, дочери, племянники, двоюродные братья и сестры. Одна из величайших истин в мире гласит: на каждого умершего старожила приходится хотя бы один родившийся. И хорошая история никогда не умирает, ее передают из уст в уста. Я сидел на многих балконах и во многих гостиных, выпил много чая и пива. Я много прослушал, кассеты моего плеера вращались непрерывно.

И Буддингер, и Ивс полностью соглашались в одном: первоначальная партия белых поселенцев насчитывала около трех сотен. Они были англичане. У них был свой устав, и они были известны формально как «Компания Дерри». Территория, дарованная им, охватывала ту, что сегодня именуется Дерри, — большую часть Ньюпорта и частично — земли близлежащих городов. И в 1741 году все люди в Дерри исчезли. Еще в июне того года сообщество насчитывало около трехсот сорока душ, но в октябре его уже не было. Маленькая деревушка, построенная из деревянных домов, стояла заброшенной. Один из домов — он стоял тогда где-то на пересечении Витчем и Джексон-стрит, был сожжен дотла. История Мичеда утверждает, что все поселяне были зарезаны индейцами, но для такого соображения нет оснований, кроме разве что одного сгоревшего дома. Да и то более вероятно, что пожар возник из-за сильно раскалившейся печи.

Индийская резня? Сомнительно. Никаких костей, никаких тел. Наводнение? В том году его не было. Болезнь? Ни слова о ней в окружающих городах.

Они просто исчезли. Все. Все триста сорок. Бесследно.

Насколько я знаю, единственный случай, отдаленно напоминающий наш в американской истории, — это исчезновение колонистов на Роунок Айленд, Вирджиния. Каждый школьник в стране знает о нем, но кто слышал об исчезновении Дерри? Об этом не знают даже люди, живущие здесь. Я спросил об этом нескольких студентов, которые сдают требуемый курс по истории штата Мэн, и никто из них ни о чем слыхом не слыхивал. Затем я просмотрел справочник «Мэн тогда и сейчас». В тексте — более сорока ссылок на Дерри, большинство из них касается годов бума вокруг лесоматериалов. И — ничего об исчезновении первых колонистов... Как мне назвать это явление? Некое спокойствие здесь как бы закономерно.

Существует своего рода завеса спокойствия, которая скрывает многое из того, что произошло здесь... но все же люди разговаривают. Ведь, ничто не в состоянии остановить людей в желании общаться, говорить друг с другом. Но слушать надо внимательно, а это редкое мастерство. Я льщу себя надеждой, что развил его в себе за последние четыре года. Один старик рассказал мне о том, как его жена услышала голоса, говорящие с ней из водоотвода кухонной мойки, за три недели до смерти их дочери — это было в начале зимы 1957-58 годов. Девочка, о которой он говорил, была одной из первых жертв в пиршестве смерти, которое началось с Джорджа Денбро и длилось почти до следующего лета.

А.Н. МИРОНОВ 93.

— Целый сонм голосов, все они перебивали друг друга, — сказал он мне.

У него была водопроводная станция на Канзас-стрит, и он говорил со мной, то и дело отлучаясь к насосам, там он наполнял газовые баллоны, проверял уровень масел и вытирал ветровые щиты.

— Они заговорили, когда жена наклонилась над водоотводом, и она закричала в него: «Кто вы такие, черт вас поберет? Как вас зовут?» А в ответ хрюканье, невнятный шум, завывание, визг, крики, смех, знаете ли. По ее словам они сказали то, что одержимый говорил Иисусу: «Имя нам — легион». Она не подходила к этой раковине два года. Все два года я после двенадцати часов проводимых здесь, внизу, должен был идти домой и мыть всю чертову посуду.

Он пил Пепси из автомата за дверью конторки, семидесятидвух-семидесятитрехлетний старик в выцветшем рабочем комбинезоне, с ручейками морщинок, бегущих из уголков глаз и рта.

— Вы, наверное, подумаете, что я сумасшедший, — сказал он, — но я расскажу вам кое-что еще, если вы выключите свою вертелку. Я выключил магнитофон и улыбнулся ему.

— Принимая во внимание то, что я услышал за последние пару лет, нужно очень постараться, чтобы убедить меня, что вы сумасшедший, — сказал я.

Он улыбнулся в ответ, но юмора в этом не было.

— Однажды ночью я мыл посуду, как обычно — это было осенью 1958 года, после того как все вроде бы улеглось. Моя жена спала наверху. Бетти была единственным ребенком, которого нам дал Господь, и после ее убийства моя жена много спала. Ну, вынул я пробку из раковины, и вода потекла вниз. Вы знаете звук, с которым мыльная вода проходит в фановую трубу? Сосущий такой звук. Вода шумела, но я не думал об этом, я хотел выйти по делам, и как только звук воды стал умирать, я услышал там свою дочь. Я услышал Бетти — где-то там внизу, в этих чертовых трубах. Смеющуюся. Она была где-то там, в темноте, и смеялась. Если чуток прислушаться, она скорее кричала. Или то и другое. Крик и смех там, внизу, в трубах. Первый и единственный раз я слышал нечто подобное. Может быть, мне это послышалось... Но... не думаю.

Он посмотрел на меня, а я на него. Свет, падающий на него через грязные стекла окон, делал его лицо старше, делал его похожим на древнего Мафусаила. Я помню, как холодно мне было в эту минуту, как холодно.

— Вы думаете, я рассказываю небылицы? — спросил меня старик, которому было где-то около сорока пяти лет в 1957 году, старик,

которому Бог дал единственную дочь по имени Бетти Рипсом. Бетти нашли на Аутер Джексон-стрит сразу после Рождества, замерзшую, с выпотрошенными внутренностями.

— Нет, — сказал я, — я не думаю, что вы рассказываете небывлицы мистер Рипсом.

— И вы тоже говорите правду, — сказал он с каким-то удивлением. — Я читаю это на вашем лице.

Я думаю, он намеревался рассказать мне еще что-то, но за нами резко задребезжал звонок, — машина подъехала к питающему рукаву, и включились насосы. Когда зазвенел звонок, мы оба подпрыгнули, и я вскрикнул. Рипсом вскочил на ноги и подбежал к машине, вытирая на ходу руки. Когда вернулся, то посмотрел на меня как на назойливого незнакомца, который от нечего делать болтается по улице. Я попрощался и вышел.

Буддингер и Ивс соглашались еще в чем-то: дела в Дерри отнюдь не в порядке; дела в Дерри НИКОГДА не были в порядке.

Я видел Альберта Карсона в последний раз за месяц до его смерти. С горлом у него стало хуже: из него выходил только шипящий шепоток. — Все еще думаете написать историю Дерри, Хэнлон?

— Все еще забавляюсь этой идеей, — сказал я, хотя, конечно, никогда не планировал написать историю города, и думаю, он это знал.

— Вам бы потребовалось двадцать лет, — прошептал он, — и никто бы не стал читать ее. Никто бы не захотел читать ее. Пусть себе все идет, как идет, Хэнлон.

Он помолчал и добавил:

— Буддингер покончил жизнь самоубийством, вы знаете?

Конечно, я знал это, но только потому, что люди говорят, а я научился слушать. Заметка в «Ньюз» называла это несчастным случаем при падении; Брэнсон Буддингер и в самом деле упал, но «Ньюз» пренебрегла сообщением о том, что он упал со стульчака в своем сортире, а вокруг шеи в это время у него была петля.

— Вы знаете о цикличности? — Я посмотрел на него, вздрогнув.

— О да, — прошептал Карсон. — Знаю. Каждые двадцать шесть или двадцать семь лет. Буддингер тоже знал. Многие старожилы знают, но об этом они не станут говорить, даже если их накачать наркотиками. Оставьте это, Хэнлон.

Он протянул ко мне руку с птичьими когтями. Он положил ее мне на запястье, и я почувствовал жар рака, который свободно гуляет по его телу, сжирая все оставшееся, что хорошего было для еды...

— Микаэл — незачем все это. В Дерри есть вещи, которые кусаются. Пусть все идет своим чередом. Пусть.

— Я не могу.

— Тогда берегитесь, — сказал он. Вдруг испуганные огромные глаза ребенка глянули на меня с лица умирающего старика, — берегитесь.

Дерри.

Мой родной город. Названный по графству в Ирландии с тем же названием.

Дерри.

Я родился здесь, в деррийском роддоме, посещал деррийскую начальную школу, ходил в младшие классы средней школы на Девятой-стрит, в старшие классы — в Деррийскую хай-скул. Я учился в университете штата Мэн, затем вернулся сюда. В деррийскую публичную библиотеку. Я человек маленького города, живущий жизнью маленького города, один среди миллионов.

Но.

НО:

В 1879 году бригада лесорубов нашла останки другой бригады, которая провела зиму в палаточном лагере в верховьях Кендуске-аг — на стрелке того, что ребята все еще зовут Барренс. Их там было девятiero, все девятiero раскромсаны на куски. Головы валялись отдельно... не говоря уж о руках... нога или две... и пенис одного мужчины был прибит к стенке палатки.

НО:

В 1851 году Джон Марксон убил всю семью ядом и затем, сидя в середине круга из четырех трупов, целиком сожрал смертельно ядовитый гриб. Его предсмертные муки должны были быть ужасны. Городской констебль, который нашел его, написал в своем рапорте, что сначала он подумал, будто труп смеется над ним: он написал о «страшной белой улыбке Марксона». Белая улыбка — это полный рот гриба-убийцы; Марксон умер, продолжая жевать, даже когда судороги и мучительные мышечные спазмы разрушали его умирающее тело.

НО:

В пасхальное воскресенье 1906 года владельцы чугунолитейного завода Кичнера, который стоял там, где сейчас находится новый бульвар в Дерри, организовали охоту «за пасхальным яйцом» «для всех хороших детей Дерри». Забава проходила в огромном здании чугунолитейного завода. Опасные зоны были перекрыты, рабочие и служащие по своей инициативе поставили охрану, чтобы никто из любознательных мальчишек или девчонок не вздумал нырнуть под ограждения и заняться исследованием в опасных зонах. Пятьсот шоколадных пасхальных яиц, завязанных веселыми ленточками, были спрятаны в разных местах. Согласно мнению Буддингера, на каждое яйцо был как

минимум один подарок. Дети бегали, хохотали, кричали, радовались — бегали по заводу, замершему в воскресенье, находя яйца то под гигантским самосвалом, то в ящике стола мастера, то под литейными формами на третьем этаже (на старых фотографиях эти формы похожи на противни из кухни какого-то гиганта). Три поколения Кичнеров находились здесь для того, чтобы наблюдать за веселым беспорядком и присуждать призы в конце «охоты», который был намечен на четыре часа, независимо от того, нашлись бы все яйца или нет. Конец наступил на сорок пять минут раньше, в четверть четвертого. Чугунолитейный завод взорвался. До захода солнца семьдесят два человека вытащили из-под обломков мертвыми. Окончательный итог — сто два человека. Из них восемьдесят восемь погибших — дети. В следующую среду, когда город все еще находился в молчаливо-ошеломленных раздумьях о трагедии, какая-то женщина нашла голову девятилетнего Роберта Дохея между сучьями яблони в конце сада. В зубах Дохея был шоколад, а в волосах кровь. Он был последний из известных погибших. О восьми детишках и одном взрослом не было никаких сведений.

Это была самая страшная трагедия Дерри, хуже даже, чем пожар на Черном Пятне в 1930 году, и она никак не объяснялась. Все четыре бойлера завода были закрыты. Не просто отгорожены — закрыты.

НО:

Убийств в Дерри в шесть раз больше, чем убийств в любом другом городке Новой Англии. С трудом поверив в свои предварительные данные, я показал свои цифры одному старшекласснику, который, если не проводит время перед своим «Коммандором», торчит здесь, в библиотеке. Он пошел дальше, — добавил еще десяток городишек к тому, что называется «болотом» и представил мне диаграмму, сделанную на компьютере, где Дерри торчит, как распухший палец. «Люди здесь, должно быть, грешные, мистер Хэнлон», — был его единственный комментарий. Я не ответил. Если бы я ответил, я должен был бы сказать ему: что-то в Дерри несомненно имеет весьма грешный нрав.

Здесь дети исчезают бесследно — от сорока до шестидесяти в год. Большинство из них — подростки. Предполагают, что они беглецы. Думаю, что это верно только отчасти.

И к концу того, что Альберт Карсон без раздумий назвал бы циклом, число исчезнувших детей увеличивается. В 1930 году, например, году — когда сгорело Черное Местечко — в Дерри исчезло сто семьдесят детей, поймите, только попавших в полицейскую отчетность, то есть зарегистрированных, а сколько сверх того?

— Ничего удивительного, — сказал мне нынешний шеф полиции, когда я показал ему статистику, — *тогда была депрессия. Большинству из них надоело есть картофельный суп или голодными ходить по дому, и они ушли в поисках лучшего.*

В 1958 году сто двадцать семь детей в возрасте от трех до девятнадцати лет, как сообщалось, пропали в Дерри.

— *Была ли депрессия в 1958 году?* — спросил я шефа Рэдмахера.

— Нет, — сказал он. — *Но люди много передвигаются, Хэнлон. Особенно у ребят чешутся ноги. Получают взбучку из-за позднего возвращения со свидания — и бум! Нет их — ушли.*

Я показал шефу Рэдмахеру фотокарточку Чэда Лоу, которая появилась в «Ньюз Дерри» в апреле 1958 года.

— *Вы думаете, этот мальчик убежал после драки с родными по поводу позднего возвращения со свидания, шеф Рэдмахер? Ему было три с половиной, когда он пропал.*

Рэдмахер как-то кисло посмотрел на меня и сказал, что было очень приятно поговорить со мной, но если вопросов больше нет, он занят. Я ушел.

Населенный призраками, навязчиво является.

Место, посещаемое духами или призраками, например, трубы под раковиной; появляться или возвращаться — каждые двадцать пять, — двадцать шесть или двадцать семь лет; место кормления животных, как в случаях с Джорджем Денбро, Адрианом Меллоном, Бетти Рипсом, девочкой Альбрехта, мальчиком Джонсона.

Место кормления животных.

Если еще что-нибудь произойдет — что-нибудь вообще — я буду звонить. Я должен буду. Сейчас у меня только предположения, мой разбитый отдых, мои воспоминания — мои проклятые воспоминания. О, и еще одно — у меня есть записная книжка, не так ли? Стэна, в которую я вою. И вот я сижу здесь, рука моя так дрожит, что я едва могу писать; вот я в темных стеллажах, наблюдая за теньями, отброшенными тусклыми желтыми шарами...

Здесь сижу я рядом с телефоном.

Я кладу на него руку... подвигаю его к себе... касаюсь прорезей в диске, я могу соединиться со всеми ими, моими старыми друзьями.

Мы глубоко зашли вместе.

Мы вместе зашли во тьму. Выбрались бы мы из тьмы, если бы пошли туда во второй раз?

Не думаю.

Господи, сделай так, чтобы я не должен был звонить им.

Пожалуйста, Господи.

Часть 2

ИЮНЬ 1958

*Моя поверхность — это я сам.
Свидетельствую — под нею
хоронят юность.
Корни?
Все имеют корни.*

Уильям Карлос Уильямс,
«Патерсон»

*Иногда я думаю, что я буду делать,
голубизна лета — неизлечима.*

Эдди Кокран

Глава 4 БЕН ХЭНСКОМ ПАДАЕТ

1

Около 11.45 одна из стюардесс, обслуживающих первый класс рейса 41 Омаха — Чикаго объединенной авиакомпании, испытывает адский шок. Несколько мгновений она думает, что человек в кресле 1А мертв.

Когда он еще садился в Омахе, она подумала: «О, черт, здесь не обойдется без неприятностей. Он в стельку пьян». Зловоние виски, разливавшееся вокруг его головы, сразу напомнило ей облако пыли, которым окружен грязный маленький мальчик по имени Пиг Пен в сборнике картинок «Пинат». Она приготовила первый десерт — радость для пьяниц — и была уверена, что он закажет выпивку, и не один раз. И тогда уж она решит станет ли обслуживать его. К тому же в тот вечер по всему маршруту были грозовые штормы, и она не сомневалась, что в какой-то момент этот парень в джинсах будет сильно блевать.

Но когда пришло время десерта, этот высокий человек не заказал ничего, кроме одной порции виски с содовой, — лучшего и нельзя было предполагать. Лампочка его не загорелась, и стюардесса скоро забыла о нем, ведь в рейсе дел по горло. В сущности, о такого рода рейсе хочется забыть сразу же после его окончания: будь у вас время, не миновать бы вопросов о возможностях вашего собственного выживания.

41-й лавирует между уродливыми карманищами грома и молнии, как хороший лыжник, спускающийся вниз. Воздух очень тяжелый. Пассажиры издают возгласы и через силу шутят по поводу молнии, которая вспыхивает в плотных облаках вокруг самолета. «Мама, это Бог фотографирует ангелов?» — спрашивает маленький мальчик, и его зеленая от страха мама невольно смеется. Первый десерт оказывается единственным той ночью для 41-го. Стюардессы все время стоят в проходах, отвечая на вызовы.

Сигнал пристегнуть ремни появляется через двадцать минут и остается. «Ральф сегодня очень занят», — говорит ей старшая стюардесса, когда они встречаются в проходе, — старшая стюардесса идет назад с лекарствами против воздушной болезни. Это полухит. Ральф всегда занят на полетах, связанных с тряской. Самолет трясет, у кого-то вырывается крик, стюардесса слегка наклоняется, вытягивает руки, чтобы удержать равновесие, и внимательно смотрит в немигающие, невидящие глаза пассажира в кресле 1-А.

Боже мой, он мертв, — думает она. — Виски... затем воздушные ямы... его сердце... напуган до смерти.

Глаза долговогого мужчины смотрят на нее, но не видят ее! Они не моргают. Они совершенно неподвижны и пусты. Вне всякого сомнения это глаза мертвого человека.

Стюардесса отводит глаза от этого леденящего душу взгляда, ее собственное сердце рвется из груди, она не знает, что делать, как поступить, и благодарит Бога, что у него хотя бы нет попутчика — не будет крика и паники. Она решает сначала предупредить старшую стюардессу, а потом мужчин из экипажа. Может быть, они смогут накрыть его одеялом и закрыть ему глаза. Пилот не выключит свет ни в коем случае, даже если воздух разрядится, поэтому никто не сможет пройти к туалету, а когда пассажиры будут высаживаться из самолета, они подумают, что он просто спит.

Эти мысли мгновенно проносятся в ее голове, и она снова встречается глазами с этим ужасным взглядом. Мертвые, ничего не говорящие глаза смотрят на нее... и вдруг труп подносит ко рту стакан и немного отпивает из него.

Именно в этот момент самолет трясет, качает, и удивленный крик стюардессы теряется в других криках, криках страха. Глаза мужчины едва заметно моргают, достаточно, чтобы она поняла, что он жив и видит ее. «Странно, — думает она, — когда он садился в самолет, мне казалось, что ему около пятидесяти, а сейчас он выглядит моложе, хотя волосы его уже тронула седина».

Она подходит к нему, хотя слышит сзади нетерпеливые просьбы (Ральф действительно очень занят сегодня: после посадки в О'Харе тридцать минут назад уже семьдесят человек попросили аптечки).

— Все в порядке, сэр? — спрашивает она, улыбнувшись. Улыбка выглядит фальшивой, неестественной.

— Все прекрасно и в полном порядке, — говорит долговязый мужчина. Она смотрит на табличку его кресла в отсеке первого

класса: его зовут Хэнском. — Прекрасно и в полном порядке. Только сегодня немного трясет, не правда ли? У вас, наверно, работы по горло. Не беспокойтесь обо мне. Я... — Он награждает ее принужденной улыбкой, улыбкой, которая наводит ее на мысль о пугалах, стоящих на мертвых ноябрьских полях. — Со мной все в порядке.

— Вы выглядели

(мертвым)

похуже погоды.

— Я вспоминал минувшие дни, — говорит он. — Я только сегодня осознал, что это такое — старое, былое, во всяком случае, что касается меня.

Еще вызовы.

— Извините меня, стюардесса! — зовет кто-то нервно.

— Ну хорошо, если вы абсолютно уверены, что с вами все в порядке...

— Я думал о запруде, которую строил со своими друзьями, — говорит Бен Хэнском. — Я полагаю, первыми друзьями в моей жизни. Они строили запруду, когда я... — Он останавливается, испуганно смотрит, потом смеется. Это искренний, почти беззаботный смех ребенка, и он звучит несколько странно в трясущемся, качающемся самолете. — ... когда я заглянул к ним. Именно это я и сделал. Во всяком случае, они совершенно запутались с этой запрудой. Я это помню.

— Стюардесса!

— Извините, сэр, я должна приступить к своим обязанностям.

— Ну, конечно, идите.

Она уходит, скорее счастливая, что больше не видит этот мертвый, почти гипнотический взгляд.

Бен Хэнском поворачивает голову к окну и смотрит в него. Молнии пронзают огромные грозовые тучи милях в девяти от правого борта. В заикающихся вспышках света облака кажутся огромными прозрачными мозгами, наполненными дурными мыслями.

Он ощупывает кармашек жилета, но серебряных долларов нет. Ушли из его кармана в карман Рикки Ли. Вдруг захотелось хоть один из них подержать в руках. Конечно, можно было бы пойти в любой банк — разумеется, не в этом трясущемся самолете на высоте двадцати семи тысяч футов — и получить там пригоршню серебряных долларов, но где гарантия, что они не окажутся паршивой подделкой, которую правительство пытается выдать за настоящие. А против оборотней и вампиров нужно нечто

подобное блеску звезды, нужно чистое серебро. Требуется серебро, чтобы остановить монстра. Требуется...

Он закрыл глаза. Воздух вокруг него был наполнен криками и шумом. Самолет вздрагивал, подпрыгивал, трясся, слышался перезвон. Перезвон?

Нет... звонки.

Это были звонки, это был звонок, звонок всех звонков, звонок, которого вы ждали целый год. Тот звонок — апофеоз всех школьных звонков — сигнализировал свободу.

Бен Хэнском сидит на своем первоклассном месте, подвешенный среди громов на высоте двадцати семи тысяч футов, его лицо обращено к окну, и он чувствует, как стена времени вдруг утончается; происходит какая-то ужасная и чудесная перемена. Бог мой, — думает он, — меня переваривает мое собственное прошлое.

Свет молнии озаряет его лицо, и хотя он не знает этого, день только что завершился. Двадцать восьмое мая 1985 года стало двадцать девятым мая над темной, грозовой землей, какой является западный Иллинойс сегодняшней ночью; фермеры, у которых болит спина от работы в поле, спят как убитые и видят свои быстрые, живые, ртутные сны, и кто знает, что может происходить в их амбарах, их подвалах и их полях, когда молния гуляет, а гром болтает? Никому не ведомы эти вещи. Они знают только, что сила высвобождается ночью и что воздух — сумасшедший от высокого напряжения бури.

Но это звонки на высоте двадцати семи тысяч футов, когда самолет снова врывается в свет, когда его движение снова стабилизируется; это звонки; звонок, когда Бен Хэнском спит; и когда он спит, стена между прошлым и настоящим полностью исчезает, и он глубже и глубже погружается в прошлое, как человек, падающий в глубокий колодец, — уэллсовский Путешественник во Времени, возможно, падающий вниз и вниз, в страну Морлоков, где машины стучат и стучат в туннелях ночи. Это 1981, 1977, 1969; и вдруг он здесь, здесь в июне 1958: повсюду яркий солнечный свет, и за спящими веками зрочки Бена Хэнскома реагируют на команды его дремлющего мозга, который видит не темноту, лежащую над западным Иллинойсом, а яркий солнечный свет июньского дня в Дерри, штат Мэн, двадцать семь лет назад.

Звонки.

Звонок.

Школа.

Школа...

...кончилась!

Звук звонка разнесся вверх и вниз, заполнил все помещение школы в Дерри, большое кирпичное здание, расположенное на Джексон-стрит, и в этом звоне ребята из пятого класса, где учился Бен Хэнком, подняли невообразимый гвалт, и миссис Дуглас, обычно строжайшая из учителей, не сделала попыток успокоить учеников. Вероятно, понимала, что это не удастся.

— Дети! — сказала она, когда крики смолкли. — Можно мне в последний раз обратить ваше внимание?

По классу прошел шепот, смешанный со вздохами. Миссис Дуглас держала в руках их табели.

— Я надеюсь, что сдала! — сказала шепотом Сэлли Мюллер Беверли Марш, которая сидела в соседнем ряду. Сэлли была яркая, красивая, оживленная. Бев тоже была симпатичная, но в ней не было никакого оживления в этот последний школьный день. Она сидела, мрачно глядя на свои дешевые чулки. На ее щеке желтел кровоподтек.

— Мне все одно дерьмо, сдала я или нет, — сказала Бев.

Сэлли фыркнула. Леди не пользуются таким языком, означало это фырканье. Затем она повернулась к Грете Бови. «Не иначе как возбуждение, вызванное последним звонком в конце еще одного учебного года, заставило Сэлли повернуться к Беверли и заговорить с ней», — подумал Бен. Сэлли Мюллер и Грета Бови происходили из богатых семей Западного Бродвея, тогда как Бев приходила в школу из трущоб на Лоуэр Мейн-стрит. Лоуэр Мейн-стрит и Западный Бродвей были всего в полутора милях друг от друга, но даже такой ребенок, как Бен, знал, что реальное расстояние между ними равнялось расстоянию между Землей и Плутоном. Достаточно было взглянуть на дешевый свитер, болтающуюся юбку, которые происходили из экономного гардероба Армии Спасения, на дешевые чулки Беверли Марш, чтобы понять, как далеки были девочки друг от друга. Но все равно Бену больше нравилась Беверли — гораздо больше. Грета и Сэлли были хорошо одеты, возможно они ежедневно делали перманент или завивку, но для Бена это ровно ничего не значило. Они могли бы хоть каждый день делать перманент и все равно оставались парой самодовольных говняшек.

«Беверли куда лучше... и намного симпатичнее», — думал он, хотя ни за что на свете не осмелился бы сказать ей это. Но все-таки иногда, в середине зимы, когда свет снаружи казался бледно-желтым, как кошка, свернувшаяся на диване, и миссис Дуглас зацик-

дивалась на математике (как не запутаться в делении десятичных чисел или как найти общие знаменатели, чтобы их сложить), или зачитывала задачи из «Блестящих мостов», или рассказывала об оловянных приисках в Парагвае, в такие дни, когда казалось, что школа никогда не кончится и это даже не имело значения, таким отдаленным казался окружающий мир снаружи... В такие дни Бен смотрел на Бев сбоку, любуясь ее лицом и ощущая в сердце и отчаянную боль, и теплоту в одно и то же время. Он увлекся ею или даже влюбился в нее, вот почему он всегда думал о Беверли, когда «Пингвины» выступали по радио с песней «Земной Ангел», — «Любимая моя, Люблю тебя всегда»... Да, это было глупо, конечно, сентиментально, но это было так, и, конечно же, он никогда никому об этом не скажет. Толстым парням, так он полагал, можно любить красивых девушек только про себя. Расскажи он кому-нибудь о своих чувствах (хотя ему некому было рассказывать), этот человек скорее всего смеялся бы над ним до сердечного приступа. А если бы он когда-нибудь рассказал Беверли об этом, она бы или посмеялась про себя (что плохо), или распустила бы всяческие слухи (что еще хуже).

— Теперь подходите ко мне, как только я назову ваше имя. Пол Андерсон... Карла Бордо .. Грета Бови... Кальвин Кларк... Цисси Кларк...

Учительница называла имена, и ребята подходили к ней по очереди, кроме близнецов Кларков, которые вышли вместе, как всегда, рука в руку, неразличимые, только светлые волосы были разной длины да еще она носила платье, а он — джинсы, брали свои темно-желтые экзаменационные листы с американским флагом и Обетом Преданности на лицевой стороне и Священной Молитвой на задней, спокойно выходили из класса и... сразу же летели вниз, где двери уже были распахнуты. А затем они просто убегали в лето и расходились или разъезжались: кто на велосипедах, кто на невидимых лошадях, кто вприпрыжку, хлопая руками по ляжкам, некоторые в обнимку, с песней «С удовольствием бы увидел свою школу горящей» на мотив «Боевого Гимна Республики».

—Марция Фадден... Франк Фрик... Бен Хэнском...

Он поднялся, бросив свой последний до конца лета (как он тогда думал) взгляд на Беверли Марш, и пошел к столу миссис Дуглас, одиннадцатилетний парнишка — бочонок, размером с Нью-Мехико, бочонок, впихнутый в ужасные новые синие джинсы, которые сверкали маленькими точками медных заклепок и издавали звук *ВШТ-ВШТ-ВШТ*, когда толстые ляжки терлись друг о друга. У него был по-девчоночьи толстый зад, расплзшийся живот. На нем был

мешковатый свитер, хотя день был теплый. Он почти всегда носил мешковатые свитера, потому что глубоко стыдился своей груди с того первого после рождественских каникул дня, когда пришел в школу в новой рубашке «Айви Лиг», которую ему дала мать, и Белч Хаггинс из шестого класса прокаркал: «Эй, ребята, посмотрите, что Санта Клаус подарил Бену Хэнскому на Рождество! Большой набор титек!» Белч ржал, как конь, от своей остроты. Остальные тоже смеялись, в том числе и некоторые девочки. И если бы перед ним в этот момент разверзлась преисподняя, он бы провалился туда без звука... или бормоча благодарность.

С того времени он носил эти спортивные свитера. У него их было четыре — мешковатый коричневый, мешковатый зеленый и два мешковатых синих. На этом он сумел настоять. Если бы он увидел, что и Беверли Марш смеется над ним, он бы, наверное, умер.

— Удовольствие было учить тебя, Бенджамин, — сказала миссис Дуглас после вручения ему экзаменационного листа.

— Спасибо, миссис Дуглас.

Кто-то сзади передразнил фальцетом: «Спасибо, миссис Дуглас».

Это, конечно, был Генри Бауэрс. Генри вместе с Беном Хэнском учился в пятом классе, хотя должен был быть в шестом со своими друзьями Белчем Хаггинсом и Виктором Криссом, потому что его оставили на второй год. У Бена мелькнула мысль, что, может, Бауэрс останется еще на год. Его имя не было названо, когда миссис Дуглас вручала экзаменационные листы, и это означало неприятности. Бен чувствовал неловкость, потому что если Генри действительно останется, он, Бен, будет частично в ответе за это... и Генри это знал.

Во время заключительных экзаменов года, неделю тому назад, миссис Дуглас рассадил их наугад, вытаскивая их имена, написанные на бумажках, из шапки на своем столе. Бену выпало сидеть рядом с Генри Бауэрсом в последнем ряду. Как всегда, Бен посидел с умным видом над своей работой, а затем склонился над ней, чувствуя приятное прикосновение живота к парте и в поисках вдохновения грызя временами свой карандаш «Бе-Боп».

Приблизительно в середине экзамена во вторник — это был экзамен по математике — до Бена через проход донесся шепот. Едва слышный, почти неуловимый, напоминавший шепот пленного, приговорившегося бежать из тюрьмы: «Дай списать».

Бен посмотрел налево прямо в черные бешеные глаза Генри Бауэрса. Генри был здоровенным парнем даже для своих двенадцати лет. Под его брюками и рубашкой чувствовались бугры мышц. У его отца, которого многие считали сумасшедшим, был небольшой участок земли в конце Канзас-стрит, рядом с городской линией Нью-

порт, и Генри проводил как минимум тридцать часов в неделю, работая мотыгой, сажая, копая, убирая камни, рубя дрова, собирая плоды, если было что собирать.

Волосы его были коротко острижены под машинку, так что выдавалась белизна скальпа, и выглядели весьма грозно. Впереди он навошил их из тюбика, который всегда носил в заднем кармане джинсов, так что они топорщились над лбом, как зубы этакой нечистой силы; страсти-мордасти. Его сопровождал запах пота и жвачки «Джуси Фрут». В школу он носил розовый мотоциклетный жакет с изображением орла на спине. Однажды один четвероклассник проявил тупость — высмеял его жакет. Генри повернулся к маленькому наглецу — гибко, как ласка, и быстро, как гадюка — и обрушил на его голову двойной удар. Наглец лишился трех передних зубов. Генри исключили из школы на две недели. Бен надеялся с неосознанной, но отчаянной надеждой униженного и оскорбленного, что Генри исключат совсем, а не на время. Но этого счастья не случилось. Не рой яму другому... Наказание окончилось, Генри снова разгуливал по школьному двору все в той же своей мотоциклетной тужурке, волосы так сильно навошены, что, казалось, вопят из его черепа. Оба глаза распухшие, с разноцветными следами побоев — отцовская награда за «драку на площадке». Следы побоев постепенно прошли; для детей же, которые должны были как-то сосуществовать с Генри в Дерри, урок не прошел даром. Насколько было известно Бену, с тех пор никто больше не трогал его мотоциклетную тужурку с орлом на спине.

Когда Генри зловещим шепотом попросил дать ему списать, три мысли молниеносно, в тысячные доли секунды пронеслись в голове Бена. Первая: если миссис Дуглас заметит, что Генри сдувает у него ответы, оба получат нули за экзамен. Вторая: если он не даст ему списать, то почти наверняка тот поймает его после школы и проучит своими двойными ударами, и, возможно, Хатгинс будет держать одну его руку, а Крисс — другую.

Это все были мыслями ребенка, да и не удивительно, ведь Бен и был еще ребенком. Третья мысль, более разумная, была почти что мыслью взрослого человека: *«Конечно, он может разобраться со мной. Но ведь это последняя неделя, и я, скорее всего, смогу избежать встречи с ним. Я почти уверен, что смогу, если хорошенько постараюсь. А за лето он все забудет, я думаю. Да. Ведь он достаточно глуп. Если он провалится на экзамене, то его опять оставят на второй год. И я все время буду опережать его. Мы больше не попадем с ним в один класс... Я раньше его перейду в старшие классы... Я... Я смогу быть свободным».*

— Дай списать, — прошептал опять Генри. Его глаза теперь сверкали, требовали.

Бен покачал головой и плотнее закрыл рукой свою работу.

— Я до тебя доберусь, толстяк, — прошептал Генри, на этот раз громче. На листе у него ничего не было написано, кроме его имени. Он был доведен до отчаяния. Если он провалится на экзамене и останется снова, отец вышибет ему мозги. — Дай мне списать, не то смотри, хуже будет.

Бен опять покачал головой, челюсти его дрожали. Он был напуган, но в то же время решителен. Он осознал, что впервые в жизни совершает столь решительный поступок, но это и напугало его, хотя он не совсем понимал, почему, — пройдет еще немало лет, прежде чем он осознает хладнокровность тогдашних своих расчетов, прагматический подход к определению цены, что свидетельствовало о скором его повзрослении, которое пугало его больше, чем Генри. Генри он мог избежать. Повзросление, как он всегда полагал, в конце концов все-таки настигнет его.

— Кто разговаривает там, сзади? — размеренным голосом спросила миссис Дуглас. — Прошу немедленно это прекратить.

Следующие десять минут в классе преобладала тишина: детские головы склонились над контрольными листами, которые уже пропахли ароматными синими мимеографическими чернилами, и вот шепот Генри вновь пронесся по проходу, внятный шепот, не оставлявший сомнения в своей правдивости:

— Ты уже труп, толстяк.

3

Бен взял свой экзаменационный лист и ушел, благодарный богам, покровительствующим одиннадцатилетним толстякам, за то, что Генри Бауэрсу — по алфавитному списку — не разрешили выйти из класса первым, а то бы он устроил ему засаду.

Бен не побежал по коридору, как другие ребята. Он мог побежать, и довольно быстро для парня его комплекции, но слишком хорошо сознавал, как смешно будет при этом выглядеть. Он шел быстрым шагом и вышел из прохладного пропахшего книгами холла в яркий солнечный свет июня. Он постоял немного с лицом, обращенным к этому свету, благодарный ему за тепло и свою свободу. Сентябрь был в миллионе лет от сегодняшнего дня. Календарь мог бы сказать нечто другое, но календарь лжет. Лето было намного длиннее, чем сумма его дней, и оно принадлежало ему, Бену. Он чувствовал себя высоким, как водонапорная башня, и широким, как весь город.

Кто-то ударил его — ударил сильно. Приятные мысли о предстоящем лете улетучились из головы Бена, когда он пытался удержать равновесие на краю каменных ступеней. Он вовремя ухватился за железный поручень.

— Убирайся с дороги, лохань с кишками, — это был Виктор Крисс. Волосы у него были зачесаны назад в стиле «помпадур» и блестели от бриолина. Он пошел по лестнице к выходу, с руками в карманах джинсов, подковки на его саперных ботинках цокали.

Бен, с бьющимся от испуга сердцем, видел, что Белч Хаггинс стоит через дорогу с начатой сигаретой в руке. Белч протянул Виктору сигарету, тот сделал затяжку, вернул сигарету Белчу и указал в ту сторону, где сейчас стоял Бен, наполовину спустившийся с лестницы. Виктор сказал что-то, и они разошлись. Лицо Бена покрылось краской. Всегда они доставали его. Такова уж, видно, была его судьба или что-то еще.

— Тебе так нравится это место, что ты собираешься простоять здесь весь день? — спросил голос у его локтя.

Бен обернулся и покраснел еще больше. Это была Беверли Марш. Ее каштановые волосы рассыпались по плечам, серо-зеленые глаза были прекрасны. Свитер, с засученными до локтя рукавами, был потерт у шеи и такой же мешковатый, как свитер Бена. Слишком мешковатый, чтобы сказать, носит ли она что-нибудь на груди, но Бену было плевать; любовь до половой зрелости приходит такими чистыми и сильными волнами, что устоять просто невозможно, и Бен даже не пытался это делать. Он просто уступил ей. Он чувствовал себя глупым, экзальтированным и таким смущенным, каким он не был никогда в жизни... и все-таки бесспорно счастливым. Все эти эмоции смешались в какой-то клубок, в котором были и радость, и боль.

— Нет, — пролепетал он. И ухмыльнулся. Он знал, что ухмылка эта идиотская, но не мог ее спрятать.

— Ну хорошо. Занятия кончились, слава Богу.

— Желаю... — опять лепет. Ему надо было прочистить горло, и он еще пуще покраснел. — Желаю тебе хорошего лета, Беверли.

— Тебе тоже, Бен. Увидимся в будущем году.

Она быстро спустилась по ступеням, и Бен все видел глазами влюбленного: яркий рисунок ее рубашки, колыхание ее рыжеватых волос, молочный цвет лица, маленькую заживающую царапину на одной икре и (по какой-то причине это последнее вызвало новую волну чувства, которое захлестнуло его с такой силой, что он должен был снова схватиться за поручень; чувство было мощным, бессловесным, милосердно коротким; возможно, то был сексуальный пред-

сигнал, столь же яркий и теплый, как свет лета, вне связи с его телом, где эндокринные железы все еще спали почти без сна) яркий золотой браслет на левой ноге над туфлей, мерцающий на солнце маленькими бриллиантовыми вспышками.

Какой-то непонятный звук вырвался из него. Он спустился по ступеням, как немощный старик, и стоял внизу и смотрел, пока она не повернула налево и не исчезла за высокой изгородью, отделявшей школьный двор от тротуара.

4

Он постоял там — ребята еще выходили из школы шумными группами, но затем вспомнил Генри Бауэрс и быстро свернул за угол. На детской площадке он тронул пальцами висячую цепь, чтобы она звякнула, прошел по доскам качелей. Выйдя из маленьких ворот, выходящих на Чартер-стрит, он повернул налево, ни разу не оборачиваясь назад, на каменную глыбу, где провел большую часть времени за последние девять месяцев. Он засунул свой экзаменационный лист в задний карман и начал насвистывать. На нем были кеды, но, похоже подошва их так и не дотронулась до тротуара на протяжении примерно восьми кварталов.

Школа окончилась сразу после полудня, матери не будет дома как минимум до пяти часов, потому что по пятницам после работы она шла прямо в Шоппинг Сейв. Остаток дня принадлежал ему.

Он пошел в Маккарон-парк и сел под дерево, страстно нашептывая: «Я люблю Беверли Марш». Чувствуя легкое головокружение, он романтически повторял эту фразу. А когда в парк ввалилась компания мальчишек и начала делить поле для игры в бейсбол, он дважды прошептал: «Беверли Хэнском», а потом спрятал свое лицо в траву, пока она не охладила его пылающие щеки.

Чуть погодя он встал и направился через парк по направлению к Костелло Авеню. Если пройти пять кварталов, он будет у цели — в публичной библиотеке. Он уже почти выходил из парка, когда шестиклассник по имени Питер Гордон увидел его и закричал: «Эй, Сиськи! Хочешь поиграть? Нам нужен кто-нибудь на правый фланг». Послышался взрыв смеха. Как можно быстрее он вышел из парка, втянув шею в воротник, как черепаха в панцирь.

«Пока еще не так плохо», — с некоторым облегчением подумал он. Уже завтра они, возможно, станут преследовать его, захотят поиздеваться, а может, изваляют его в грязи, чтобы посмотреть, заплачет ли он. Сейчас же они были очень заняты приготовлениями к игре — очерчивали границы поля, очищали его от мусора. Бен с

удовольствием оставил их готовиться к первой летней игре и пошел своей дорогой.

Через три квартала по Костелло он высмотрел нечто интересное, а возможно, и прибыльное, под чьей-то живой изгородью. В порванной бумажной сумке блеснуло стекло. Бен ногой подцепил сумку и выволок ее на тротуар. В самом деле — удача. В сумке оказались четыре бутылки из-под пива и четыре больших содовых бутылки. Большие стоили по пять центов каждая, «Рейнгольды» — два пенни. Двадцать восемь центов под чьей-то живой изгородью, ждущих проходящего мимо ребенка, который поднимет их. Какого-нибудь удачливого ребенка.

«Это я», — счастливо подумал Бен, не ведая, каким будет продолжение этого дня. Он пошел дальше, придерживая сумку за дно, чтобы она окончательно не разорвалась. Магазин на Костелло-авеню был через квартал, и Бен свернул туда. Он обменял бутылки на деньги и большую их часть истратил на конфеты.

Он остановился у витрины со сладостями, с нетерпением дожидаясь продавца и, как всегда, испытывая удовольствие от приятного скрипа открывающейся двери. Он получил пять красных конфет с ликером, пять черных, десять баночек слабого пива (две за пенни), никелированную коробочку «колечек», пакет «Ликем Эйдж» и пачку пистонов для своего пистолета.

Бен вышел с маленьким кулечком конфет и четырьмя центами в правом переднем кармане своих новых джинсов. Он посмотрел на кулечек со сладостями, и одна мысль попыталась вырваться наружу:

(если ты будешь продолжать есть в таком количестве, то Беверли Марш даже и не взглянет на тебя),

но это была неприятная мысль, и он сразу ее отогнал. Она тотчас ушла, эта мысль привыкла, чтобы ее изгоняли.

Если бы кто-нибудь спросил его: «Бен, ты одинок?», он искренне бы удивился. Этот вопрос никогда не приходил ему в голову. Друзей у него не было, зато были его книги и мечты; у него были модельки Ревелла; у него был огромный линкольновский конструктор с кубиками, и он строил самые разнообразные модели домов. Его мать не раз восклицала, что его домики выглядят гораздо лучше многих настоящих домов, изображенных на открытках. У него был еще довольно неплохой строительный набор. Он мечтал получить в подарок на свой день рождения в октябре суперконструктор. Тогда можно будет собрать часы, которые действительно показывают время, и машину с настоящим механизмом внутри. «Одинок?» — мог бы он переспросить с неподдельным удивлением. — «А? Что?» Ребенок, родившийся слепым, даже и не подозревает, что он слепой,

до тех пор, пока кто-нибудь не скажет ему об этом. Даже тогда он будет иметь самое смутное представление о том, что такое слепота; только зрячие знают, что это такое. Бен Хэнском не знал, что такое одиночество по той причине, что у него никогда не было друзей. Если бы у него появился друг, а потом исчез, он, возможно, и понял бы, что такое одиночество, ну а так оно составляло самую суть его жизни. Оно просто было как два больших пальца на его руках или как маленькая дырочка в одном из передних зубов, маленькая дырочка, которую он нащупывал языком всякий раз, когда нервничал.

Беверли была его сладкой мечтой, а конфеты — сладкой реальностью. Конфеты были его друзьями. И он приказал чуждой ему мысли уйти, и она сразу ушла, без всяких споров. А между магазином на Костелло Авеню и библиотекой обнаружилось, что он съел уже все конфеты. Он честно хотел сохранить конфеты: любил, смотря телевизор вечером, засовывать их по одной в пластмассовый пистолетик и слушать, как щелкает пружинка внутри, а еще больше любил выстреливать их себе в рот по одной, как маленький мальчик, совершающий самоубийство сахаром. В этот вечер должны были показывать «Ястребов» с Кеннетом Доби в роли бесстрашного пилота самолета, «Бредель», где все было чистой правдой, только имена изменены, чтобы обезопасить невиновных, и его любимое полицейское шоу «Патруль на шоссе», где Бродерик Крофорд играл патрульного полицейского Дэна Мэттьюза. Бродерик Крофорд был любимым героем Бена. Бродерик Крофорд был быстр, Бродерик Крофорд ничем особо не выделялся, Бродерик Крофорд ни от кого не набрался никакого дерьма... и, самое главное, Бродерик Крофорд был толстым.

Он дошел до перекрестка Костелло и Канзас-стрит, а оттуда пошел к публичной библиотеке. Это были два здания — старое, каменное, впереди, построенное в 1890 году, и новое, низкое здание из песчаника, позади — там была детская библиотека. Библиотека для взрослых и детская библиотека соединялись застекленным переходом.

Находясь близко к центру города, Канзас-стрит была улицей с односторонним движением, поэтому Бен, прежде чем перейти улицу, посмотрел только в одном направлении — направо. Если бы он посмотрел налево, ужас пронзил бы его. В тени большого старого дуба, на газоне перед Домом общественных мероприятий Дерри, находящимся через квартал от библиотеки, стояли Белч Хаггинс, Виктор Крисс и Генри Бауэрс.

— Давайте устроим ему взбучку, — Виктор почти задыхался.

Генри посмотрел на маленькую, толстую сволочь, перебегающую через дорогу, на его трясущийся живот, на его колышущийся взад-вперед чуб, на его виляющий, как у девчонки, зад в новых синих джинсах. Он оценил расстояние между ним с друзьями и Беном Хэнском и расстояние между Хэнском и безопасным местом — библиотекой. Они, пожалуй, успеют схватить его, прежде чем он войдет вовнутрь, но ведь он, наверно, заорет. Но тогда вмешаются взрослые, а он не хотел никакого вмешательства. Сука Дуглас сказала Генри, что он провалился на английском и математике. Она сказала, что ему придется проучиться четыре недели летом, чтобы не остаться на второй год. Генри и так скорее всего останется на второй год. И если это случится, отец избьет его еще раз. Четыре часа в день, в течение четырех недель, да еще в самый разгар фермерских работ, — отец будет бить его шесть раз в день, а может, и больше. Генри утешало только одно — то, что он сможет выместить все свое зло сегодня днем на этом толстяке.

— С удовольствием.

— Да, давай, — сказал Белч.

— Подождем, пока он выйдет.

Они видели, как Бен открыл одну из больших двойных дверей и как он вошел внутрь, а потом они сели и закурили сигареты, и начали рассказывать друг другу скабрзные анекдоты о путешественниках и торгашах, и ждали, пока он выйдет из библиотеки. Генри знал, что в конце концов он выйдет. И когда выйдет, то он, Генри, постарается, чтобы он пожалел, что вообще родился на свет.

6

Бен любил библиотеку.

Он любил ее прохладу — даже в самые жаркие дни самого жаркого лета здесь было прохладно; он любил ее бормочущую тишину, прерываемую случайным шепотком, приглушенный звук, с которым библиотекарь проштамповывает книги или карточки, шелест страниц, переворачиваемых в зале периодики, где торчат старики, читая газеты, собранные в большие подшивки. Он любил свет, который проникал через высокие узкие окна днем или мерцал ленивыми лужицами, отбрасываемыми фонарями-шарами, зимними вечерами при завывании ветра. Он любил запах книг — какой-то специфический, нереальный. Проходя мимо стеллажей с книгами

для взрослых и глядя на тысячи томов, он воображал себе людей, заключенных в каждом из них, так же, как, идя по улице в сумрачный, туманный октябрьский день, когда солнце лишь слабым оранжевым контуром обозначалось на горизонте, он воображал себе мир людей за окнами домов, — людей, смеющихся или спорящих, ухаживающих за цветами, или занятых кормлением детей, животных или себя у экрана телевизора. Ему нравилось, что в переходе, соединяющем старое здание с детской библиотекой, было всегда жарко, даже зимой, если только не выдавались особо холодные дни; миссис Старретт, главный библиотекарь в детской части, сказала, что это вызвано так называемым эффектом парника. Бен воодушевился идеей: через много лет он построит здание центра связи Би-би-си в Лондоне, жаркие споры вокруг этого здания возможно продлятся тысячу лет, но никто (кроме самого Бена) не узнает, что центр связи был ни чем иным, как стеклянным переходом деррийской публичной библиотеки.

Ему нравилась и детская библиотека, хотя в ней не было той тенистой прохлады, того шарма, который он ощущал в старой библиотеке с ее шарами и изогнутыми железными лестницами, настолько узкими, что двоим на них было не разойтись. Детская библиотека была яркой и солнечной, немножко шумной, несмотря на надписи: «ДАВАЙТЕ БУДЕМ СПОКОЙНЫМИ, ЛАДНО?», которые висели повсюду. Шум доносился обычно из уголка Пуха, куда малыши приходили посмотреть на книжки с картинками. Сегодня, когда Бен пришел туда, был как раз час рассказа. Мисс Дэвис, симпатичная молодая библиотекарша, читала «Трех козлят».

«Кто это стучит по моему мосту?» — Мисс Дэвис читала низким, раскатистым голосом с интонациями тролля. Некоторые малыши хихикали и закрывали рот, но большинство следили за ней торжественно, принимая голос тролля, как они принимали голоса своих снов, и их серьезные глаза отражали внутреннюю прелесть сказки: будет чудовище повержено... или оно съест?

Яркие плакаты торчали повсюду. Здесь была карикатура, на которой хороший ребенок чистил зубы до тех пор, пока рот его не начал пениться, как морда бешеной собаки; изображен был и плохой ребенок, который курил сигареты (КОГДА Я ВЫРАСТУ, Я БУДУ МНОГО БОЛЕТЬ, КАК И МОЙ ПАПА), здесь была замечательная фотография биллиона малюсеньких точек света, мерцающих в темноте. Надпись внизу гласила:

«Одна идея зажигает тысячу свечей».

Ральф Вальдо Эмерсон

Были приглашения присоединиться к исследовательскому эксперименту. Один плакат гласил: «Клубы для девочек сегодня создают женщин завтра». И, конечно, был плакат, приглашающий детей присоединиться к программе летнего чтения. Бен был большим любителем программы летнего чтения. Перед началом игры вы получали карту Соединенных Штатов. Затем за каждую прочитанную книгу или сделанный по ней доклад, вы получали наклейку штата и приклеивали ее на карту. Наклейка заполнялась информацией наподобие: птица штата, цветок штата, год принятия в Союз, какие президенты, если таковые были, родом из этого штата. Когда у вас на карте были все сорок восемь штатов, вы получали бесплатно книгу. Бен собирался последовать совету на плакате: «Не теряйте времени, записывайтесь сегодня».

Среди этого яркого буйства красок выделялся простой голый плакат, прикрепленный к контрольному столу. Здесь не было ни карикатур, ни затейливых фото, только черный шрифт на белом листе:

«ПОМНИ О КОМЕНДАНТСКОМ ЧАСЕ.

19.00»

Полицейское управление Дерри

Холодок пробежал по спине Бена при взгляде на эту надпись. Возбужденный получением экзаменационного листа и взволнованный эпизодом с Генри Бауэрсом, разговором с Беверли и началом летних каникул, он забыл о комендантском часе и об убийствах.

Люди спорили, сколько их было, но все сходились на том, что с прошлой зимы как минимум четыре или пять, если считать Джорджа Денбро (многие придерживались мнения, что смерть малыша Денбро была все же каким-то аномальным несчастным случаем). Первым убийством, как все думали, было убийство Бетти Рипсом, которую нашли на следующий день после Рождества в районе строительства дорожной магистрали на Аутер Джексон-стрит. Тринадцатилетняя девочка была изуродована, труп вмерз в грязную землю. В газете об этом не сообщалось, взрослые об этом не говорили, известно это стало из слухов, обрывков разговоров.

Через три с половиной месяца, когда начался сезон ловли трески, рыбак, сидевший на берегу протока в двадцати милях к востоку от Дерри, подцепил крючком нечто, похожее на палку. Это оказалась рука девушки с четырьмя дюймами предплечья. Крючок подцепил этот жуткий трофей между большим и указательным пальцами.

Полиция штата нашла остальную часть тела Шерил Ламоники в семидесяти ярдах ниже по течению, пойманную деревом, которое

упало в проток прошлой зимой. Удача, что тело не смыло в Пенобскот и в весенний разлив не унесло в море.

Девушке было шестнадцать. Она была из Дерри, но не посещала школу. Три года назад Шерил родила дочку Андреа и вместе с ней жила в доме родителей.

— Шерил бывала немного дикой, но она была хорошей девочкой, — говорил в полиции ее рыдающий отец. — Энди все спрашивает: «Где моя мама?» — и я не знаю, что ей сказать.

О пропаже девушки объявили за пять недель до того, как нашли тело. Полицейское расследование смерти Шерил Ламоники началось с достаточно логичного предположения, что она была убита одним из своих друзей. У нее было много друзей. Особенно на летной базе в Бангоре.

— Они были приятные ребята, большинство из них, — сказала мать Шерил. Один из этих «приятных мальчиков» — сорокалетний полковник ВВС имел жену и троих детей в Нью-Мехико. Другой в настоящее время отбывал срок в Шоушенке за вооруженный разбой.

«Приятель, — думала полиция. — Или, возможно, просто незнакомец. Сексуальный партнер».

Если это был сексуальный партнер, то он явно был и врагом мальчишек. В конце апреля школьный учитель на прогулке со своим восьмым классом заметил пару красных теннисных туфель и детский вельветовый комбинезон, которые торчали из водопропускной трубы на Мерит-стрит. Этот конец улицы был блокирован козлами для пилки дров. Асфальт был разворочен — в этом месте расширяли магистраль на Бангор.

Найденное тело принадлежало трехлетнему Мэтью Клементсу, о пропаже которого родители заявили только за день до этого (на первой странице «Дерри Ньюз», изображен был темноволосый мальчишка, усмехающийся дерзко в камеру, на голове кепочка набекрень). Клементсы жили на Канзас-стрит, в другой стороне города. Его мать, настолько ошарашенная своим горем, что, казалось, пребывала в стеклянном шаре невозмутимого спокойствия, сказала полиции, что Мэтти катался на трехколесном велосипеде по тротуару около дома на углу Канзас-стрит и Коссут-лейн. Она пошла положить белье в сушилку, и когда потом выглянула из окна, чтобы проверить, где Мэтти, его не было. На траве между тротуаром и проезжей частью валялся только перевернутый велосипед. Одно из колес еще лениво вращалось. Когда она посмотрела на него, оно остановилось.

Этого было достаточно для шефа Бортон. На специальной сессии городского совета на следующий вечер он предложил ввести семи-

часовой комендантский час; это было единодушно одобрено и введено в действие на следующий день. Маленькие дети должны были находиться под наблюдением взрослых все время. В школе Бена месяц назад состоялось специальное собрание. Шеф полиции вышел на сцену и, заложив большие пальцы за пояс, заверил ребят, что им не о чем беспокоиться, пока они следуют нескольким простым правилам: не разговаривать с посторонними, не садиться в машину с людьми, если вы их недостаточно хорошо знаете, всегда помнить, что полицейский — ваш друг... и подчиняться комендантскому часу.

Две недели назад какой-то мальчик, которого Бен знал очень отдаленно (он был в параллельном пятом классе начальной школы Дерри), увидел в одном из стоков у Нейболт-стрит что-то, напоминающее волосы. Этот мальчик, которого звали то ли Фрэнки, то ли Фрэдди Росс (или, может быть, Рот), вышел на улицу в поисках каких-нибудь полезных шуток или изобретенным им приспособлением, которое он называл легендарной дубинкой. Говорил он о ней так, словно она писалась заглавными буквами, а вдобавок, может, еще и неоновыми — ЛЕГЕНДАРНАЯ ДУБИНКА. Эта легендарная дубинка была просто березовой веткой с большим комком смолы на конце. В свободное время Фрэдди (или Фрэнки) гулял с ней по Дерри, вглядываясь в водосточные и сливные канавы. Иногда он замечал там деньги — чаще пенни, но порой десятицентовики или двадцатипятицентовики (по причине, известной только ему, он называл их «береговыми монстрами»). Обнаружив деньги, Фрэнки-или-Фрэдди и ЛЕГЕНДАРНАЯ ДУБИНКА приступали к работе. Одно движение дубинки вниз через решетку — и монета была в его кармане.

Бен слышал о Фрэнки-или-Фрэдди и его дубинке задолго до того, как мальчик попал в поле зрения, обнаружив тело Вероники Гроган.

— Он действительно тупой, — однажды доверительно сказал Бену в период активных действий Фрэнки-или-Фрэдди парень, которого звали Ричи Тозиер. Тозиер был костлявый, носил очки. Без них Тозиер, думал Бен, наверное, видит все, как мистер Маг: его увеличенные глаза плыли за толстыми линзами с выражением постоянного удивления. У Тозиера были огромные передние зубы, которые заслужили ему прозвище «Бобер». Он был в том же пятом классе, что и Фрэнки-или-Фрэдди. — Весь день тыкает своей дубинкой в канализацию, а потом всю ночь жует смолу на ее конце.

— Черт возьми, это ужасно! — воскликнул Бен.

— Да, кролик, — сказал Тозиер, картавя, и ушел.

Фрэнки-или-Фрэдди двигал легендарной дубинкой туда-сюда в этом стоке в надежде, что нашел парик. Он думал высушить его и подарить матери на день рождения или что-то в этом роде. Пошу-

ровав несколько минут, он уже готов был отказаться от своей затеи, когда в мрачной воде сточной ямы всплыло лицо, лицо с мертвыми листьями, приклеенными к белым щекам, и грязью в широко открытых глазах.

Фрэнки-или-Фрэдди с криком побежал домой.

Вероника Гроган училась в четвертом классе церковной школы на Нейболт-стрит. Управляли школой люди, которых мать Бена называла Кристерами. Ее похоронили в тот день, когда ей должно было исполниться десять лет.

После этого последнего ужаса Арлен Хэнском однажды вечером привела Бена в гостиную и села рядом с ним на диване. Она взяла его за руки и посмотрела очень внимательно ему в лицо. Бен тоже посмотрел на нее, чувствуя какое-то беспокойство.

— Бен, — сказала она, помолчав, — ты дурачок?

— Нет, мама, — сказал Бен, чувствуя еще большее беспокойство. Он не мог припомнить, когда мама выглядела такой серьезной.

— Да, — эхом отозвалась она. — Я тоже так думаю.

Она надолго замолчала, задумчиво глядя мимо Бена на улицу. Бену показалось, что мама забыла о нем. Она была еще молодой женщиной — только тридцать два года, но то, что она воспитывала мальчика одна, наложило на нее отпечаток. Она работала сорок часов в неделю в катушечном цехе прядильной фабрики Старика, и после работы, наглотавшись пыли и волокна, иногда так кашляла, что Бен пугался. В такие ночи он долго лежал, не засыпая, глядя в окно у своей кровати, глядя в темноту и размышляя, что с ним будет, если она умрет. Он станет тогда сиротой, думал он. Может стать Ребенком штата (в его понимании это означало жить у фермера, который заставляет работать от зари до зари), еще его могут отправить в сиротский приют в Бангоре. Он пытался внушить себе, что глупо беспокоиться о таких вещах, но тщетно. Он беспокоился не только о себе, но и о ней. Она была крепкой женщиной, его мама, и она настаивала, что надо иметь собственное «я», но она была хорошая мама. Он очень любил ее.

— Ты знаешь об этих убийствах? — сказала она, наконец обратившись к нему.

Он кивнул.

— Сначала люди думали, что это... — она колебалась, произнести ли следующее слово, она никогда не произносила его раньше в присутствии сына, но обстоятельства были чрезвычайные, и она заставила себя. — ... сексуальные преступления. Может, да, а может, нет. Может быть, они уже кончились, а может быть, нет. Нельзя быть ни в чем уверенным, кроме того, что какой-то сума-

сшедший, который охотится на маленьких детей, находится здесь. Ты меня понимаешь, Бен?

Он кивнул.

— И ты знаешь, что я имею в виду, когда говорю, что это, может быть, сексуальные преступления?

Он не знал, во всяком случае, не точно, но он снова кивнул. Если мама собиралась говорить с ним о птичках и пчелках или о прочих таких вещах, он умрет от смущения.

— Я беспокоюсь за тебя, Бен. Я беспокоюсь, что не могу быть при тебе.

Бен смущенно поежился и ничего не сказал.

— Ты предоставлен самому себе. Слишком, я думаю. Ты...

— Мама...

— Молчи, когда я говорю с тобой, — сказала она, и Бен замолк. — Ты должен быть осторожен, Бенни. Подходит лето, и я не хочу портить тебе каникулы, но ты должен быть осторожен. Я хочу, чтобы к ужину ты каждый день был дома. В котором часу мы ужинаем?

— В шесть часов.

— Точно в шесть! Поэтому послушай, что я скажу: если я накрываю на стол, наливаю тебе молоко и вижу, что Бен не моет руки в раковине, я иду прямо к телефону и звоню в полицию, и заявляю о твоём исчезновении. Ты это понимаешь?!

— Да, мама.

— Ты веришь, что я сделаю, что говорю?

— Да.

— Может, окажется, что я сделала это напрасно, если вообще сделаю это. Я не игнорирую мальчишеские интересы. Я знаю, что они заняты своими собственными играми и проектами во время каникул — возвращать пчел в ульи, играть в мяч, сшибать банки, да мало ли что. Я хорошо понимаю, как ты и твои друзья выросли.

Бен благоразумно кивнул, подумав про себя, что она ровно ничего не знает о его детстве, если не знает, что у него нет друзей. Но ему и не снилось сказать ей такое, никогда, ни в одном из десяти тысяч снов.

Она что-то вынула из кармана своего домашнего платья и вручила ему. Это была маленькая пластмассовая коробочка. Бен открыл ее и, увидев, что там внутри, широко раскрыл рот.

— О! — сказал он с искренним восторгом. — Спасибо!

Это были ручные часы «Таймекс» с маленькими серебряными цифрами и ремешком из кожзаменителя. Мама установила время и завела часы, он слышал их тиканье.

— Ого, классно! — он крепко обнял ее, поцеловал в щеку.

Она улыbnулась, довольная, что он доволен, и кивнула. Затем снова посерьезнела.

— Надевай их, храни их, носи их, заводи их, имей их в виду и не теряй.

— О'кей.

— Теперь, когда у тебя есть часы, у тебя нет причины опаздывать домой. Помни, что я сказала: если тебя не будет вовремя, полиция будет искать тебя по моему поручению. По крайней мере до тех пор, пока они не поймают негодяя, который убивает детей, не смей задерживаться ни на минуту или я буду звонить.

— Да, мама.

— Еще одно. Я не хочу, чтобы ты ходил один. Ты знаешь, что не надо принимать конфет от незнакомых или садиться с ними в машину, — мы оба солидарны в том, что ты не дурачок и ты большой для своего возраста, но взрослый человек, особенно ненормальный, при желании всегда может одолеть ребенка. В парк или в библиотеку иди всегда с приятелем.

— Хорошо, мама.

Она снова посмотрела в окно, тревожно вздохнула.

— Дела приняли странный оборот, если такое может продолжаться. Во всяком случае, вокруг этого города происходит что-то страшное. Я всегда так думала. — Она посмотрела на него, нахмутив брови. — Ты такой гулена, Бен. Ты, должно быть, знаешь в Дерри каждый уголок, да? По меньшей мере, центр.

Бен неплохо ориентировался в городе, хотя вряд ли знал каждый уголок. Но он настолько был возбужден неожиданным подарком «Таймекса», что согласился бы с матерью этим вечером, даже если бы она предположила, что Джон Вейн должен сыграть Адольфа Гитлера в музыкальной комедии о Второй мировой войне. Он кивнул.

— Ты ведь никогда ничего *не видел*, так? — спросила она. — Что-то или кого-то... ну, подозрительное? Что-нибудь необычное? Что-нибудь, что напугало тебя?

Испытывая радость по поводу часов, любовь к матери, удовольствие, что о нем заботятся (правда, забота несколько пугала своей неприкрытой бесцеремонностью), он чуть было не рассказал ей, что случилось в январе.

Открыл было рот, но повинувшись какой-то мощной интуиции, закрыл его.

Что же это конкретно было? Интуиция. Не более чем... но и не менее. Даже дети могут чувствовать время от времени большую ответственность перед лицом любви и понимать, что в некоторых

случаях может быть милосерднее промолчать. Частично это было причиной, по которой Бен закрыл рот. Но была и другая причина, не столь благородная. Она могла быть твердой, его мама. Она могла быть хозяйкой. Она никогда не называла его «толстый», она называла его «большой» (иногда «большой для своего возраста»), и когда от ужина что-то оставалось, она обычно приносила ему, пока он смотрел телевизор или делал домашнюю работу, и он это съедал, хотя какой-то смутной своей частью ненавидел себя за это (но ни в коем случае не маму, за то что она поставила перед ним еду, — Бен Хэнском не осмелился бы ненавидеть свою маму; Господь наверняка поразил бы его насмерть за такую, пусть даже секундную грубость и неблагодарность). И, возможно, какая-то еще более смутная часть его — отдаленный Тибет глубинных мыслей Бена — подозревала, что со стороны матери в этой постоянной подкормке есть какая-то корысть. Была ли это просто любовь? Могло это быть что-либо еще? Наверняка нет. Но... он задавал себе вопросы. По существу, она не знала, что у него нет друзей. Отсутствие этого знания заставляло его не доверять ей, делало его неуверенным в том, какая реакция будет на его рассказ о том, что случилось с ним в январе. Если *что-либо* случилось. Может быть, приходится в шесть и оставаться дома было не так уж плохо. Он мог читать, смотреть телевизор (есть), что-то строить из бревен и конструктора. Но необходимость оставаться дома весь день была бы очень нежелательной... И если бы он рассказал ей, что он видел — или думал, что видел, — в январе, она бы наверняка заставила его сделать это.

Поэтому по многим причинам Бен увильнул от рассказа.

— Нет, мама, — сказал он. — Только мистер Маккиббон рылся в чужих отходах.

Это заставило ее засмеяться — она не любила мистера Маккиббона, который был республиканцем, а также «кристером», и ее смех закрыл тему. В эту ночь Бен долго не спал, но никакие мысли о том, что его бросили на произвол судьбы, сиротой в этом жестоком мире, его не беспокоили. Он чувствовал себя любимым и защищенным, когда лежал в постели, глядя на лунный свет, проникавший через окно и ложившийся через кровать на пол. Он то прикладывал часы к уху, слушая их тиканье, то подносил их к глазам, восторгаясь их прозрачным радиевым диском.

В конце концов он заснул, и ему приснилось, что он играет в бейсбол с другими мальчишками на пустой площадке за стоянкой грузовиков «Трэкер Бразез». Только что у него был удачный мяч, и товарищи по команде радостно тузили его и хлопали по спине. Они подняли его на плечи и понесли туда, где были разбросаны бейсбольные принадлеж-

ности. Во сне он сиял от гордости и счастья... а затем взглянул на центральное поле, где цепное ограждение отмечало границу между зольной площадкой и травой, а потом отлого спускалось к Барренсу. В спутанной траве и низком кустарнике, почти что вне поля зрения, стояла фигура. Она держала связку воздушных шаров — красных, желтых, синих, зеленых — в одной руке, на которой была белая перчатка. Другой рукой она раскланивалась. Ему не видно было лица фигуры, но он видел мешковатый костюм с большими оранжевыми пуговицами-помпонами и болтающимся желтым галстуком-бабочкой.

Это был клоун.

«Верно, кролик», — картавым голосом согласился фантом.

Когда Бен проснулся на следующее утро, он забыл сон, но его подушка на ощупь была мокрой... как будто он плакал во сне.

7

Он подошел к абонементному столу в детской библиотеке, отряхиваясь от вереницы мыслей, вызванных надписью о комендантском часе, как собака отряхивается после купания.

— Здравствуй, Бенни, — сказала миссис Старретт. Как и миссис Дуглас в школе, она искренне любила Бена. Взрослые, особенно те, которым долг службы повелевал следить за дисциплиной детей, обычно любили его, потому что он был вежлив, смышлен, иногда даже забавен, не шумел, не озорничал, говорил мягко. По этим же причинам большинство ребят считали его препротивным. — Ты уже устал от каникул?

Бен улыбнулся. То была обычная острота миссис Старретт.

— Нет еще, — сказал он, — поскольку летние каникулы длятся всего — он посмотрел на свои часы — час семнадцать минут. Дайте мне еще часок.

Миссис Старретт негромко засмеялась, прикрыв рот рукой. Она спросила Бена, не хочет ли он записаться на программу летнего чтения, и Бен сказал, что да, хочет. Она дала ему карту Соединенных Штатов, и Бен горячо ее поблагодарил.

Он пошел к стеллажам, вытаскивал книги, просматривал и ставил обратно. Выбор книг был серьезным делом. Тут нужна была внимательность. Если вы были взрослым, вам можно было взять сколько угодно книг, но детям разрешалось брать только три одновременно. Выберешь какую-нибудь чушь, и мыкайся с нею.

В конце концов он выбрал три книги: «Бульдозер», «Черный жеребец» и книгу, подобную вспышке во тьме: «Лихач» — так называлась книга человека по имени Генри Грегор Фельзен.

— Тебе она не понравится, — заметила миссис Старретт, штамповывая книгу. — В ней сплошная кровь. Я советую читать это подросткам, особенно тем, у кого есть водительские права, им есть над чем здесь подумать. Может, хоть на неделю эта книга умерит их скорости.

— Ну я ее просмотрю, — сказал Бен и понес книги к одному из столов подальше от уголка Пуха, где большой козленок показывал троллю под мостом, где раки зимуют.

Он стал листать «Лихача»; нет, это было не так уж плохо. Совсем не плохо. В книге говорилось о парне, который был 'классным водителем, но один зануда-полицейский вечно пытался умерить его пыл. Бен узнал, что в Айове нет скоростных пределов. Он просмотрел три главы, и тут на глаза ему попался еще один плакат. На верхнем, вся библиотека была завешена плакатами, красовался счастливый почтальон, вручающий письмо счастливому ребенку.

«БИБЛИОТЕКИ ПРЕДНАЗНАЧЕНЫ ТАКЖЕ И ДЛЯ ПИСЬМА, — говорил плакат. — ПОЧЕМУ БЫ НЕ НАПИСАТЬ ДРУГУ СЕГОДНЯ? УЛЫБКИ ГАРАНТИРОВАНЫ!»

Под плакатом находились три ячейки, заполненные чистыми почтовыми открытками, конвертами и канцтоварами, на которых синими чернилами была изображена публичная библиотека в Дерри. Конверты стоили пять центов, открытки — три цента. Два листа бумаги — один пенни.

Бен порылся в кармане. Там у него еще оставалось четыре цента от сданных бутылок. Он отметил в «Лихаче» то место, где остановился, и подошел к абонементу.

— Дайте мне, пожалуйста, одну открытку.

— Конечно, Бен. — Как всегда, миссис Старретт была очарована его серьезной вежливостью и слегка огорчена его габаритами. Ее мама говорила, что мальчик ножом и вилкой роет себе могилу. Она дала ему открытку и смотрела, как он возвращается на место. За этим столом могло сидеть шесть человек, но Бен был один. Она никогда не видела Бена с другими мальчиками. Это было очень плохо, потому что она была уверена, что внутри у Бена Хэнскома зарыты сокровища. Он бы мог передать их доброму и терпеливому изыскателю... если бы таковой появился.

Бен вытащил свою шариковую авторучку, открыл ее и надписал открытку довольно просто: Мисс Беверли Марш, Лоуэр Мейн-стрит, Дерри, штат Мэн, Зона 2. Он не знал точного номера ее дома, но

мама говорила ему, что большинство почтальонов, довольно давно работающих на своем участке, имеют представление о своих клиентах. Если почтальон, обслуживающий Лоуэр Мейн-стрит, доставит эту открытку, будет великолепно. Если нет, она попадет в бюро невостребованных писем, и он просто-напросто потеряет три цента. Конечно, открытка к нему не вернется, потому что у него не было намерения ставить на ней свое имя и адрес.

Неся открытку адресом внутрь, он взял несколько квадратных листочков бумаги из деревянного ящика около картотеки. Потом пошел на свое место и начал что-то царапать на бумаге, перечеркивать и снова царапать.

Последнюю неделю перед экзаменами они на уроках английского в школе читали и писали хайку. Хайку — это жанр японской поэзии, сжатая и четкая форма. Миссис Дуглас говорила, что трехстишия хайку могут быть только семнадцатисложными — ни больше, ни меньше. В основе хайку — один четкий образ, связанный с одной определенной эмоцией: грусть, радость, ностальгия, счастье... любовь.

Бена эта идея привела в восторг. Он получал большое удовольствие на уроках английского, но оно было кратковременным. Потом, хотя он и выполнял работу, она, как правило, его не захватывала. И все-таки в идее хайку было что-то, что зажигало его воображение. Сама идея заставляла его чувствовать себя счастливым — так же, как делало его счастливым объяснение миссис Дуглас относительно парникового эффекта. Хайку — хорошая поэзия, чувствовал Бен, потому что это *структурная* поэзия. Никаких таинственных правил. Семнадцать слогов, один образ связан с одной эмоцией — и вы раскрылись. Бинго. Она была чистой, утилитарной, самодостаточной поэзией и зависела только от своих правил. Ему даже нравилось само слово, как будто воздух скользит вдоль пунктирной линии и рассекается звуком «к» в самой глубине рта: ХАЙКУ.

ЕЕ ВОЛОСЫ, думал он и видел, как она спускается по ступеням школы с волосами, рассыпавшимися по плечам. Солнечные искры вспыхивали в них, но нельзя было сказать, что они горят на солнце.

Основательно работая в течение двадцати минут (только один раз он отвлекся, чтобы пойти и взять бумаги), изобретая слова, которые оказывались слишком длинными, меняя, вычеркивая, Бен пришел к этому:

*Твои волосы — зимний огонь,
Тлеющие красные угольки в январе.
Мое сердце сгорает.*

Он был не в восторге от стихов, но лучше не сумел бы. Он боялся, что, если его заклинит, он закончит в нервном возбуждении и будет еще хуже. Или вообще ничего. А этого ему не хотелось. Тот момент, когда она заговорила с ним, был решающим для Бена. Он хотел отметить его в памяти. Наверно, Беверли всерьез увлеклась каким-нибудь старшим мальчиком — шести-, а может, даже семиклассником, и она подумает, что, может быть, тот мальчик прислал ей хайку. Это сделает ее счастливой, и, таким образом, день, когда она получит стихи, будет отмечен в ее памяти. И хотя она никогда не узнает, что это сделал Бен Хэнском, неважно; *ОН*-то знает.

Бен переписал стихотворение на открытку (печатными буквами, как будто то была случайная записка, а не любовные стихи), засунул ручку в карман и положил открытку в конец «Лихача».

Затем он встал и, попрощавшись с миссис Старретт, направился к выходу.

— До свидания, Бен, — сказала миссис Старретт. — Желаю тебе хорошо отдохнуть в каникулы, но не забывай о комендантском часе.

— Не забуду.

Он прошел через застекленный проход между двумя зданиями, наслаждаясь его теплом (*парниковый эффект*, подумал он на ходу) после прохлады во взрослой библиотеке. В нише читального зала один старик читал «Ньюз», усевшись в старинное, уютное кресло. Заголовок — прямо под содержанием номера — гласил: «ДАЛЛЕС ТОРЖЕСТВЕННО КЛЯНЕТСЯ, ЧТО ВОЙСКА США ПОМОГУТ ЛИВАНУ, ЕСЛИ ЭТО НЕОБХОДИМО!» Там был фотоснимок Айка, здоровающегося с каким-то арабом в Саду Роз. Мать Бена говорила, что когда страна выберет президентом в 1960 году Губерта Хамфри, начнутся, может быть, какие-нибудь изменения. Бен смутно сознавал, что существует нечто, называемое спадом, и его мама боится быть уволенной.

На нижней половине страницы был меньший заголовок: «ОХОТА ПОЛИЦИИ ЗА ПСИХОПАТОМ ПРОДОЛЖАЕТСЯ».

Бен толкнул большую входную дверь библиотеки и вышел.

В начале дорожки был почтовый ящик. Бен выудил почтовую открытку из книги и опустил ее туда. Он чувствовал, как сердце учащенно забилося, когда он разжал пальцы. Что, если она каким-то образом узнает, что это он?

«Не будь болваном», — ответил он сам себе, слегка встревоженный тем, как взволновало его такое предположение.

Он шел по Канзас-стрит, едва сознавая, где он идет, и ничего не видя вокруг. В его голове начала формироваться фантазия. Вот Марш подходит к нему со своими широко расставленными серо-

леными глазами и каштановыми волосами, завязанными в конский хвост. «Я хочу задать тебе вопрос, Бен, — говорит она, — и ты должен поклясться сказать мне правду. — В руке она держит открытку. — Это ты написал?»

Это была ужасная фантазия. Это была удивительная фантазия. Он не хотел, чтобы она прекращалась. Он не хотел, чтобы она когда-нибудь прекратилась. Его лицо снова начинало гореть.

Бен шел, мечтал, переключал библиотечные книжки из одной руки в другую и насвистывал. «Ты наверняка подумаешь, что я ужасна, — сказала Беверли, — но я хочу поцеловать тебя. Ее губы приоткрылись».

Губы Бена внезапно пересохли и не могли свистеть.

— Я думаю, да, — прошептал он и улыбнулся одурманенной и прекрасной улыбкой.

Если бы он в этот момент посмотрел на тротуар, то увидел бы, что еще три тени выросли вокруг его собственной; если бы он прислушался, он услышал бы звук подковок Виктора, который подошел к нему вместе с Белчем и Генри. Но он и не слышал, и не видел. Бен был далеко, чувствуя, как губы Беверли нежно скользят по его рту, а ее поднятые руки хотят коснуться матового ирландского огня его волос.

9

Как многие города, маленькие и большие, Дерри не был спланирован, как, например, Топси; он просто вырос. Никто никогда не спланировал бы его таким образом. Центр Дерри находился в долине реки Кендускеаг, которая пересекала деловой район по диагонали с юго-запада на северо-восток. Остальной город теснился по склонам окружающих холмов.

Долина, куда пришли первые поселенцы, была болотистая и тяжелая для обработки. Реки Кендускеаг и Пенобскот, в которую впадала Кендускеаг, много значили для торговцев, а для тех, кто сеял урожай или строил дома поблизости от рек, они были помехой, особенно Кендускеаг, которая каждые три-четыре года выходила из берегов. Город все еще был подвержен наводнениям, несмотря на огромные суммы денег, затраченные за последние пятьдесят лет на разрешение этой проблемы. Если бы наводнения вызывались только самой речкой, мог бы помочь комплекс дамб. Однако существовали и другие факторы. Низкие берега Кендускеаг были одним из них. Медленный спуск воды во всем районе — другим. С начала столетия в Дерри было много серьезных наводнений и одно катастрофическое,

в 1931 году. И что еще хуже, холмы, на которых находилась большая часть Дерри, были иссечены маленькими протоками, один из них — Торролт-стрим, где нашли тело Шерил Ламоники. В периоды сильных дождей всегда существовала угроза, что они выйдут из берегов. «Если дождь будет продолжаться две недели, у города будет гайморит», — сказал однажды отец Заики Билла.

В пределах городского центра Кендускеаг была заключена в канал. Этот канал протяженностью в две мили на пересечении с Мейн-стрит нырял под землю на полмили, становясь подземной речкой, а затем снова выныривал в Бассей-парке. Канал-стрит, на которой, подобно очереди уголовных преступников перед полицией, выстроились по рангу большинство деррийских баров, шла параллельно Каналу на своем выходе из города, и каждые несколько недель полиция должна была вылавливать машину какого-нибудь пьяного из воды, загрязненной отходами текстильного производства и канализационными отходами. Время от времени в Канале ловили рыбу, но это были несъедобные мутанты.

В северо-восточной части города — Канал-сайд — река сумела забраться чуть повыше. Бойкая торговля шла вдоль нее, несмотря на редкие наводнения. Люди гуляли около Канала, иногда держась за руки (если ветер не приносит зловоние, которое отбивало всякую романтику), а у Бассей-парка, который выходил к школе, стоявшей на противоположной стороне Канала, порой разбивали лагеря бойскауты. В 1969 году горожане были шокированы и уязвлены, узнав, что хиппи (один из них действительно нашел американский флаг на задницу штанов, и ЭТОТ розовый пед особенно выделялся) курят наркотики и продают там пилюли. К 1969 году Бассей-парк стал постоянной открытой аптекой. *«Подождите, — говорили люди. — Кого-нибудь убьют, прежде чем они остановятся».* И вот это свершилось. Семнадцатилетний мальчик был найден мертвым у Канала, его вены были полны чистого героина, который ребята называют «белый дурман». После этого наркоманы покинули Бассей-парк, даже ходили слухи, что призрак того мальчика обитает в районе. История, конечно, глупая, но если она держала наркоманов и всяких проходимцев подальше от этого места, это была во всяком случае *полезная глупая история.*

В юго-западной части города река представляла еще больше проблем. Здесь холмы были резко срезаны огромным ледником и далее изранены бесконечной эрозией Кендускеаг и сетью ее притоков; во многих местах выходил на поверхность бедрок, будто торчащие из земли кости динозавров. Старожилы из рабочего управления в Дерри знали, что осенью они могут рассчитывать на

ремонт мостовой в юго-западной части города, поскольку после первого же сильного мороза бетон сжимался и становился хрупким, а затем бедрок вдруг раскалывал его, как будто земля намеревалась что-то выродить.

В мелководной почве хорошо произрастали растения с неглубокой корневой системой и морозоустойчивые — густой низкорослый кустарник, ядовитый плющ и ядовитый дуб росли повсюду, где позволяла им опора. На юго-западе земля обрушивалась в зону, которую в Дерри называли Барренс. Барренс, который можно было назвать чем угодно, но не песчаной равниной, был вообще-то грязным участком земли в полторы мили шириной и три мили длиной. С одной стороны его ограничивала Канзас-стрит, с другой — Старый мыс. Старый мыс был малопродуктивной разработкой под строительство, и дренаж там был настолько плохой, что постоянно велись разговоры о туалетах и канализационных стоках.

Кендускеаг бежала через центр Барренса. Город разросся к северо-востоку и на обоих ее берегах, и единственно, что осталось от города в Барренсе, была насосная станция Дерри (муниципальная станция по очистке сточных вод) и городская свалка. С воздуха Барренс выглядел, как большой зеленый кинжал, указывающий на центр города.

Для Бена вся эта география, соединенная с геологией, сводилась к тому, что он знал: на правом берегу не было домов — земля там отступила. Шаткое, окрашенное в белый цвет ограждение, высотой до пояса, тянулось вдоль тротуара в целях предосторожности. Он едва-едва слышал бегущую воду; она была звуковым аккомпанементом его разыгравшейся фантазии.

Он остановился и посмотрел на Барренс, все еще представляя ее глаза, свежий запах ее волос.

Кендускеаг поблескивала через разрывы в густой листве. Ребята говорили, что в это время года там были москиты — большие, как воробьи; другие говорили, что и приближаться к реке опасно — там оползень. Бен не верил в москитов, но оползень пугал его.

Чуть левее он увидел стаю кружащихся и ныряющих чаек: свалка. До него слабо доходил их крик. Через дорогу он видел Дерри Хайтс и низкие крыши домов Старого мыса, близко подходивших к Барренсу. Справа от Старого мыса — толстый белый палец, указующий в небо — высилась водонапорная башня Дерри. Прямо под ней из земли торчала ржавая водопропускная труба, из которой обесцвеченная вода лилась с холма в мерцающий маленький проток, исчезавший в гуще деревьев и кустарников.

Дивная фантазия Бена о Беверли вдруг была прервана самым зловещим образом: что, если мертвая рука покажется из водопро-

водной трубы прямо сейчас, прямо в эту секунду, пока он смотрит туда? А когда он повернется, чтобы позвонить в полицию, то увидит там клоуна? Смешного клоуна в мешковатом костюме с большими оранжевыми пуговицами-помпонами? Предположим...

На плечо Бена упала рука, и он вскрикнул.

Раздался смех. Он повернулся, прижавшись к белой ограде, отделяющей безопасный тротуар Канзас-стрит от дикого неистового Барренса (перила чуть слышно скрипнули), и увидел стоявших там Генри Бауэрса, Белча Хаггинса и Виктора Крисса.

— Привет, Титьки, — сказал Генри.

— Чего вы хотите? — спросил Бен, стараясь, чтобы голос звучал смело.

— Я хочу избить тебя, — сказал Генри. Он, по-видимому, трезво, даже серьезно, рассматривал эту перспективу. Но вот глаза его сверкнули. — Я научу тебя кое-чему, Титьки. Ты же будешь возражать? Ведь ты любишь выучивать новое, а?

Он потянулся к Бену. Бен ускользнул.

— Держите его, ребята.

Белч и Виктор схватили Бена за руки. Он пронзительно закричал. Это был трусливый крик, кроличий, слабый, но он ничего не мог поделать. «Пожалуйста, Господи, не дай им заставить меня кричать и не дай им разбить мои часы», — метались мысли в голове у Бена. Он не знал, разобьют ли они его часы, но он был вполне уверен, что закричит. Он был совершенно уверен, что закричит и будет долго кричать, до тех пор, пока они с ним не покончат.

— Ого, он вопит как свинья, — сказал Виктор, скрутив запястье Бена. — Он вопит как свинья?

— Да, конечно, — хихикнул Белч.

Бен дернулся сначала в одну сторону, потом в другую. Белч и Виктор как бы давали ему возможность улизнуть, а потом хватали его.

Генри схватил Бена за перед свитера и задрал его вверх, обнажив живот. Он нависал над ремнем.

— Посмотрите-ка на это брюхо! — крикнул Генри с удивлением и отвращением. — Бог ты мой!

Виктор и Белч громко засмеялись. Бен дико озирался в поисках помощи. Но никого не было видно. Позади него, внизу, в Барренсе, дремали сверчки и кричали чайки.

— Лучше прекратите! — сказал он. Он еще не ревел, но был близок к этому. — Лучше прекратите или...

— Или что? — спросил Генри, как будто искренне заинтересовавшись. — Или что, а?

Бен вдруг обнаружил, что он думает о Бродерике Крофорде, который играл Дэна Мэттьюза в «Патруле на шоссе», — тот ублюдок был низкий, подлый, изгалялся над всеми, а потом, небось, слезами заливался. Дэн Мэттьюз избил бы ремнем этих парней прямо через ограду, на насыпи, вдрызг.

— Ох, мальчик, посмотрите-ка, малыш! — фыркнул Виктор. Белч присоединился к нему. Генри усмехнулся, но взгляд у него был все такой же серьезный, размышляющий, почти что грустный. И этот взгляд напугал Бена. Он понял, что его, возможно, не просто избьют.

Как бы для подтверждения этой мысли Генри полез в карман своих джинсов и вытащил оттуда нож-пилку.

Бена охватил ужас. Генри слегка подпилит его тело с двух сторон, и он резко подался вперед. В какой-то момент Бен подумал, что сможет убежать. Он обливался потом, и мальчики, державшие его за руки, с трудом с ним справлялись. Белч сумел ухватить его правое запястье, но не крепко. От Виктора удалось освободиться. Еще рывок...

Но тут Генри подошел вплотную и толкнул его. Бен отлетел назад. На этот раз ограда скрипнула громче, и он почувствовал, что она слегка подалась под его весом. Белч и Виктор снова схватили его.

— Теперь держите его, — сказал Генри, — слышите меня?

— Да, Генри, — сказал Белч. В голосе у него послышалось некоторое беспокойство. — Он не убежит, не волнуясь.

Генри подошел вплотную, его плоский живот почти коснулся живота Бена. Бен смотрел на него широко открытыми глазами, слезы беспомощно текли из них. «Пойман! Я пойман!» — кричало что-то в его сознании. Он пытался прекратить эти стенания, совершенно не дававшие ему думать, но ничего не получалось. Пойман! Пойман! Пойман!

Генри вытащил нож — длинный, широкий, с его именем на лезвии. Кончик ножа блеснул в дневном солнечном свете.

— Я сейчас буду испытывать тебя, — сказал Генри тем же задумчивым тоном. — Наступили экзамены, и тебе лучше быть готовым.

Бен заплакал. Его сердце бешено колотилось в груди. Из носа текли сопли и собирались на верхней губе. У ног валялись библиотечные книги. Генри наступил на «Бульдозер», посмотрел вниз и черным саперным ботинком отшвырнул книги в сточную канаву.

— Вот первый вопрос на экзамене, Титьки. Когда кто-нибудь скажет во время выпускных экзаменов «Дай мне списать», что ты должен ответить?

— Да! — немедленно воскликнул Бен. — Я скажу да! Конечно! О'кей! Списывай, что хочешь!

Кончик ножа прошел два дюйма воздуха и уперся в живот Бена. Он был холодный, как поднос с кубиками льда, только что вынутый из холодильника. Бен втянул живот. На миг мир почернел. Рот Генри двигался, но Бен не понимал, что он говорит. Генри был как телевизор с выключенным звуком, и мир плыл... плыл...

«Не смей размякать! — кричал панический голос. — Если ты размякнешь, он может остервенеть и убить тебя!»

Мир снова вернулся в фокус. Он увидел, что и Белч, и Виктор перестали смеяться. Они нервничали... выглядели испуганными. Это лицемерие прояснило разум Бена. *Вдруг они не знают, что он собирается делать или как далеко он может зайти. Как бы ни были плохи мысли, действительность может быть хуже. Ты должен думать. Пусть ты никогда не делал этого раньше, сейчас надо думать. Потому что его глаза говорят правду: что он нервничает. Его глаза говорят, что он ненормальный.*

— Это неправильный ответ, Титьки, — сказал Генри, — если любой скажет «Дай мне списать», я не дам ни хрена. Понял?

— Да — сказал Бен, его живот сотрясало от рыданий. — Да, я понял.

— Так, хорошо. Жаль, но приближаются взрослые. Ты готов к взрослым?

— Я... я думаю, что да.

К ним медленно подъезжала машина. Это был запыленный «Форд 51» с пожилыми мужчиной и женщиной, втиснутыми на переднее сиденье, как пара манекенов из универмага. Бен видел: голова мужчины медленно повернулась к нему. Генри приблизился к Бену, пряча нож от людей в машине. Бен почувствовал его кончик, упирающийся в его тело прямо над пупком. Нож был все еще холодный. Он не понимал, как это может быть, но он был холодный.

— Давай, кричи, — сказал Генри. — Тебе придется собирать свои херовые кишки из своих тапочек.

Они были друг от друга на расстоянии поцелуя. Бен мог почувствовать запах фруктовой резинки изо рта Генри.

Машина проехала и продолжала двигаться по Канзас-стрит, медленно, на одной скорости, как на Турнире парада роз

— Хорошо, Титьки, вот второй вопрос. Если я скажу «Дай мне списать», что ты должен сказать?

— Да. Я скажу да. Сразу же.

Генри улыбнулся.

— Хорошо. Это правильный ответ, Титьки. Теперь третий вопрос: какие гарантии, что ты никогда не забудешь этого?

— Я... я не знаю, — прошептал Бен.

Генри опять улыбнулся. Его лицо зажглось и на какой-то миг стало почти прекрасным.

— Я знаю! — сказал он, как будто открыл великую правду. — Я знаю, Титьки! Я вырежу свое имя на твоём огромном жирном пузе!

Виктор и Белч рассмеялись. На какое-то мгновение Бен почувствовал непонятное облегчение: это не могло быть ничем, кроме выдумки, — просто эти трое надумали хорошенько напугать его. Но Генри Бауэрс не смеялся, и Бен вдруг понял, что Виктор и Белч смеются потому, что они уверены — было ясно — Генри не может говорить такое всерьёз. Но Генри не шутил.

Нож открылся, гладкий, как масло. Кровь выступила ярко-красной линией на бледной коже Бена.

— Эй! — закричал Виктор. Слово вышло приглушённым, словно он в испуге проглотил его.

— Держите его! — разозлился Генри. — Вы только держите его, слышите? — Теперь на лице Генри не было ничего серьёзного и задумчивого; теперь это было перекошенное лицо дьявола.

— *Чертюва ворона, Генри, не зарежь его!* — кричал Белч высоким, почти как у девочки, голосом.

Затем все случилось быстро, но Бену Хэнскому показалось, что медленно словно раз за разом щелкнули затворы фотоаппарата, снимающего кадры для репортажа в журнале «Лайф». Паника оставила Бена. Он вдруг что-то открыл в себе и поэтому не было никакой нужды паниковать — это что-то съело панику.

При первом щелчке затвора Генри закатил ему свитер на груди. Из небольшого вертикального пореза над пупком текла кровь.

При втором щелчке затвора Генри снова вытащил нож, действуя быстро, как военный хирург-сомнамбула при воздушной бомбардировке. Снова потекла кровь.

«Назад, — холодно подумал Бен, в то время как кровь стекала вниз и собиралась у пояса джинсов. — *Надо податься назад. Это единственное, куда я могу податься*». Белч и Виктор больше его не держали. Несмотря на команду Генри, они от него отпрянули. Они отпрянули в ужасе. Но если бы он побежал, Бауэрс схватил бы его.

При третьем щелчке затвора Генри соединил два вертикальных пореза короткой горизонтальной линией. Бен почувствовал, как кровь побежала ему в штаны, улитка с липким хвостом ползла по левому бедру.

Генри чуть отклонился назад, нахмурясь с сосредоточенностью художника, пишущего ландшафт. «После Н идет Е», — подумал Бен, и это заставило его действовать. Он подался вперед, Генри оттолкнул его, он ударился в добела вымытый поручень между Канзас-стрит и спуском в Барренс и, подняв правую ногу, с силой толкнул ею Генри в живот. Это не было ответным ударом — так уж получилось. И все же выражение крайнего удивления на лице Генри наполнило его дикой радостью — чувством настолько сильным, что на какую-то долю секунды он подумал, что у него едет крыша.

Затем послышался сильный треск ломавшегося ограждения. Виктор и Белч пытались подхватить Бена, но он рухнул на задницу в водосток рядом с остатками «Бульдозера» и вслед за тем — полетел в пространство. Он летел с криком, похожим на смех.

Бен упал на спину и задницу у самой водопропускной трубы, которую он заметил раньше. Приземлился он на трубу, он мог бы сломать себе спину. Он упал на подушку из папоротника и сорняков и едва ощутил удар. Сделал кувырок назад, а затем начал скатываться вниз по склону, как ребенок на большой зеленой горке; его свитер задрался до шеи, руки хватались за какую-то опору и пучок за пучком вырывали папоротник и сорняки.

Он видел верх насыпи (казалось невероятным, что он только что был там, наверху), удалявшийся с бешеной скоростью мультипликационных фильмов. Он видел Виктора и Белча, их округлившиеся белые лица, уставившиеся на него. Он успел даже пожалеть о своих библиотечных книгах. Затем он ударился обо что-то со страшной силой и прикусил себе язык.

Это было сброшенное дерево, и оно сдержало падение Бена, чуть не сломав ему левую ногу. Он уцепился руками за поверхность склона, со стоном дергая ногами. Дерево остановило его на полпути. Внизу кустарник был гуще. Вода из водопропускной трубы тонкими струйками бежала по его рукам.

И тут над ним раздался пронзительный крик. Он снова посмотрел вверх и увидел, что Генри Бауэрс летит над склоном с ножом, зажатым в зубах. Генри прыгнул на обе ноги, чуть отклонившись назад, и потому не потерял равновесие и не упал. Затем заскользил к гигантскому узору из отпечатков ног и бросился вниз по насыпи длинными кенгуриными прыжками.

— Я бьюююю бьяяя, Итьки! — кричал Генри с ножом во рту, и Бену не нужен был переводчик Организации Объединенных наций, чтобы понять, что Генри кричит: «Я убью тебя, Титьки!»

Теперь с хладнокровием, которое появляется в наиболее стрессовых ситуациях, Бен осознал, что он должен делать. Он сумел

встать на ноги до того, как Генри настиг его. Бен сознавал, что левая штанина его джинсов распорота, и из ноги кровь течет сильнее, чем из живота... но это поддерживало его, ибо означало, что он ее не сломал. Во всяком случае, он надеялся, что так оно и есть.

Бен слегка присел, чтобы удержать ненадежное равновесие, и когда Генри, державший теперь нож в руке прямо, как штык, схватил его одной рукой и занес нож другой, Бен отступил в сторону. Он потерял равновесие, но падая, выставил вперед раненую левую ногу. Генри ударился о нее голенью, и его ноги взмыли вверх. На какое-то мгновение Бен широко раскрыл рот, его ужас сменился смесью благоговейного страха и восторга. Генри Бауэрс, казалось, плыл, прямо как Супермен, над упавшим деревом, которое только что остановило Бена. Его руки были вытянуты прямо перед собой — Джордж Ривс так держал руки на телевизионных шоу. Да только то, что Джордж Ривс всегда казался летящим, было так же естественно, как принять ванну или пообедать на балконе. А Генри выглядел так, будто кто-то врезал ему горячей кочергой по задку. Его рот открывался и закрывался. Слюна ниточкой текла из уголков рта и скоро растянулась до мочки его уха.

Вслед за этим Генри с шумом рухнул на землю. Нож вылетел у него из руки. Он перевернулся через плечо, упал на спину и покатился в кусты с ногами враскорячку. Раздался пронзительный крик. Глухой звук. И затем тишина.

Бен сидел ошеломленный, глядя на то место в густых зарослях, где исчез Генри. Вдруг камни и галька запрыгали вокруг. Он посмотрел вверх. По насыпи спускались Виктор и Белч. Они двигались осторожнее, чем Генри, и поэтому медленнее, но добрались бы до него секунд за тридцать и даже меньше, если бы он ничего не предпринял.

Он застонал. Кончится ли когда-нибудь это сумасшествие?

Не отрывая от них глаз, Бен вскарабкался на сваленное дерево и пополз по насыпи, тяжело дыша. У него была острая боль в боку. Адски болел его язык. Кусты теперь были высотой с него. Резкий запах какой-то дикорастущей зелени ударил ему в нос. Где-то поблизости резвилась меж камней вода.

Его ноги заскользили, и он снова пошел, шатаясь, ударяясь руками о выступавшие камни, отбиваясь от шипов, которые цеплялись за его свитер, вырывая куски материи и раздирая руки и щеки.

Потом он сидел с ногами в воде. Здесь вился маленький искривленный ручей, который справа от Бена перегородивал мощный заслон из деревьев. Там было темно, как в пещере. Он посмотрел и увидел, что Генри Бауэрс лежит на спине посредине потока. В

полуоткрытых глазах были видны только белки. Кровь сочилась из уха и бежала тонкими струйками.

О, Боже мой! Я убил его! Я убийца! Боже мой!

Забыв, что Белч и Виктор позади него (или, возможно, понимая, что они потеряли интерес к тому, чтобы вышибить из него говно, когда обнаружили, что их Бесстрашный Вождь мертв), Бен прошел, брызгаясь, двадцать футов вверх по течению к тому месту, где лежал Генри — рубашка в клочья, джинсы промокли дочерна, одного ботинка нет. Бен смутно сознавал, что от его собственной одежды мало что оставалось и что тело его, покрытое болячками и ранами, превратилось в одну большую развалину. Хуже всего было с левой лодыжкой — она уже распухла в его промокнувшем ботинке, и, щадя ее, он ступал с большой осторожностью, как моряк, оказавшийся на берегу впервые после длительного плавания.

Он наклонился над Генри Бауэрсом. Глаза Генри широко раскрылись. Он схватил Бена за икру исцарапанной и окровавленной рукой. Рот его двигался, и хотя ничего, кроме серии свистящих вдохов оттуда не выходило, Бен мог все-таки различить, что он говорит: *«Убью тебя, жирное дерьмо»*.

Генри пытался привстать, используя как опору ногу Бена. Бен резко отпрянул. Рука Генри скользнула, затем упала. Бен отлетел, хватаясь руками за воздух, и за последние четыре минуты третий раз упал на задницу. И снова прикусил язык. Вокруг него взмыли водяные брызги. Круги пошли перед его глазами, но это ему было по фигу, — ему по фигу было бы, если бы он нашел горшок золота. Он страшился за свою несчастную жирную жизнь.

Генри перевернулся. Попытался встать. Упал. Сумел приподняться на четвереньки. И, наконец, шатаясь, встал на ноги. Темным взглядом уставился на Бена. Его туловище качалось из стороны в сторону, как обертка кукурузного початка на сильном ветру.

Бен вдруг разозлился. Больше, чем разозлился. Он был взбешен. Он шел с библиотечными книгами под мышкой, мечтал о невинном поцелуе Беверли Марш, никому не мешая. И посмотрите. Только посмотрите! Штаны порваны. Левая лодыжка, может быть, разбита, но уж наверняка растянута. Нога вся в болячках, язык поцарапан, на животе монограмма Генри — черт возьми! — Бауэрса. Но, вероятно, именно мысль о книгах, за которые он в ответе, вызвала к мщению. Он потерял библиотечные книги, в голове у него возникла картина: укоризненные глаза миссис Старретт, когда он расскажет ей об этом. Какой бы ни была причина — порезы ли, растяжение, библиотечные книги или даже мысль о насквозь промокнувшем и, возможно, нечитабельном экзаменационном листе в его

заднем кармане, — этого было достаточно, чтобы начать действовать. Он подошел к Генри и ударил его прямо по яйцам.

Генри издал страшный крик, который вспугнул птиц с деревьев. В течение минуты он стоял с широко расставленными ногами, руки его закрывали промежность, и он, не веря глазам своим, смотрел на Бена.

— Ой! — сказал он слабо.

— Хорошо, — сказал Бен.

— Ой, — сказал Генри еще более слабым голосом.

— Хорошо, — снова сказал Бен.

Генри медленно опустился на колени, как бы даже не падая, а складываясь. Он все еще смотрел на Бена неверящим темным взглядом.

— Ой.

— Хорошо, *черт возьми*, — сказал Бен.

Генри упал на бок, все еще хватаясь за яички, и начал медленно перекатываться с боку на бок.

— Ой! — стонал он. — Мои яйца. Ой! Ты разбил мне яйца. Ой-ой!

У Генри стала появляться сила, и Бен отошел на шаг. Ему было не по себе от того, что он сделал, но его наполняло и чувство праведности своего деяния.

— *Ой!.. моя чертова мошонка... ой-ой!.. о, мои чертовы ЯЙЦА!*

Бен, может быть, и остался бы здесь на какое-то время — может быть, даже до тех пор, пока Генри не пришел бы в себя окончательно, чтобы идти за ним, но как раз в этот момент острый камень угодил ему в голову над правым ухом, и он почувствовал теплую струящуюся кровь. Сперва Бен подумал было, что его ужалила оса.

Он повернулся и увидел двоих мальчишек, крупными шагами идущих к нему по середине потока. У каждого была пригоршня округленных камешков. Виктор запустил один — просвистевший мимо уха Бена. Он увернулся, но еще один камешек попал ему в правую коленку, заставив вскрикнуть от резкой боли. Третий пролетел мимо его скулы с правой стороны.

Бен достиг дальней насыпи и вскарабкался на нее как можно быстрее, хватаясь за выступающие корни и выдергивая из земли кустарник. Он забрался наверх (один последний камень ударил его в задницу, когда он поднимался) и быстро посмотрел через плечо назад.

Белч на коленях стоял возле Генри, а Виктор — в десяти футах от него стрелял камнями; один, размером с бейсбольный мяч, пронесся сквозь кустарник рядом с Беном. Он достаточно насмот-

релся; в самом деле, более чем достаточно. Хуже всего, что Генри Бауэрс снова поднимался. Бен повернулся и с трудом стал пробиваться через кусты в западном, как он надеялся, направлении. Если бы ему удалось подойти к Барренсу со стороны Старого мыса, он смог бы попросить у кого-нибудь полдоллара и доехать домой на автобусе. А добравшись туда, он бы запер за собой дверь и сунул всю рваную окровавленную одежду в мусор, и этот безумный сон в конце концов ушел бы. Бен представил, как он сидит на стуле у себя в гостиной после ванной, в ярком красном банном халате, смотрит мультики Дэффи Дака и пьет молоко через клубничную соломинку. *«Держись за эту мысль, — сказал он себе сурово, — и продолжай идти».*

Кусты били его по лицу. Бен отводил их. Колючки цеплялись за него. Он пытался не обращать на них внимания. Он подошел к плоскому, черному, грязному участку земли. Широкий заслон бамбуковидной растительности тянулся через него, и от земли поднималось зловоние. Зловещая мысль

(зыбучий песок)

тенью прошла на переднем плане его сознания при виде блеска стоячей воды в глубине зарослей псевдобамбука. Он не хотел идти туда. Даже если это не зыбучий песок, грязь всосет его спортивные тапочки. Он повернул направо и побежал вдоль бамбуковых зарослей, пока не попал наконец в полосу настоящего леса.

Деревья, главным образом ели, были толстые, росли повсюду, борясь друг с другом за пространство и солнце, но мелколосья здесь было меньше, и он мог двигаться быстрее. Бен не знал теперь точно, в каком направлении идти, но думал, что он все же в выигрыше. Дерри подступал к Барренсу с трех сторон, а с четвертой был ограничен тем местом, где велись работы по расширению дорожной магистрали. Рано или поздно он где-нибудь выйдет.

Его живот болезненно пульсировал, и он задрал вверх то, что осталось от его свитера, чтобы посмотреть, что там такое. Он поморщился и присвистнул. Его живот был похож на гротескный шар с рождественской елки: везде красные потеки спекшейся крови и зеленая грязь от ползанья по насыпи. Он снова заправил свитер. Смотреть на это безобразие было неприятно.

Теперь впереди слышалось однообразное, едва различимое жужжание. Взрослый человек, сосредоточенный на том, как бы поскорее выбраться отсюда (москиты теперь обрушились на Бена, и хотя размером они были поменьше воробьев, все же достаточно большие), проигнорировал бы это жужжание или вовсе не услышал бы его. Но Бен был мальчик, и он уже прошел через страх. Он

отклонился влево и пробрался сквозь низкие лавровые кусты. За ними из земли торчали верхние три фута цементного цилиндра шириной около четырех футов. Он был закрыт цементной крышкой со смотровым отверстием. На крышке были слова: УПРАВЛЕНИЕ КАНАЛИЗАЦИОННЫМ КОЛЛЕКТОРОМ ДЕРРИ. Звук, это было скорее приглушенное жужжание, чем гул, исходил откуда-то из глубины, изнутри.

Бен приложил один глаз к смотровому отверстию, но ничего не увидел. Он мог только слышать жужжание и бегущую там внизу воду. Он сделал вдох, почувствовал кислый запах, промозглый и зловонный, и с отвращением подался назад. Это была канализация. Или, может быть, одновременно и канализация, и сточный коллектор — их было полно в подвластном наводнениям Дерри. У него по коже пробежал холодок. Часть канализации была запрятана от глаз, но часть выходила наружу — бетонный цилиндр, торчавший из земли. За год до этого Бен прочел «Машину времени» Герберта Уэллса, сначала классический комикс, а затем саму книгу. Этот цилиндр с железным покрытием, имеющий смотровую щель, напомнил ему о колодцах, которые ведут в страну ужасных Морлоков.

Он быстро отошел от трубы, пытаясь опять держаться запада. Он увидел маленький просвет и направился туда, следя, чтобы тень его была позади. Затем пошел прямо.

Минут через пять он снова услышал впереди бегущую воду и голоса. Голоса ребят.

Он остановился и прислушался, и вот тогда-то услышал треск ломаемых веток и голоса позади себя. Они были отлично узнаваемы. Они принадлежали Виктору, Белчу и единственному и неповторимому Генри Бауэрсу.

Оказалось, кошмар еще не кончился.

Бен осмотрелся вокруг, ища, куда бы спрятаться.

10

Он вышел из своего укрытия через два часа, еще грязнее, чем был до того, но несколько посвежевший. Это казалось невероятным, но он подремал.

Когда он услышал тех троих за собой, он остолбенел, как животное, пойманное фарами грузовика. Парализующая сонливость напала на него. Мысль просто лечь, свернувшись клубком, как ежик, и позволить им делать все, что заблагорассудится, пришла ему в голову. Это была сумасшедшая мысль, но она казалась хорошей мыслью.

Но вместо этого Бен пошел на звук бегущей воды, на голоса тех, других ребят. Он пытался разобрать их голоса, расслышать, что они говорят, — все, что угодно, только бы избавиться от устрашающего паралича духа. Какой-то проект. Они говорили о каком-то проекте. Один-два голоса были даже немного знакомы. Раздался всплеск воды и тут же взрыв добродушного смеха. Смех вызвал в Бене какое-то странное желание и заставил еще больше осознать опасность своего положения.

Если его поймают, нельзя впутывать в это дело мальчишек. Бен снова повернул направо. Как у многих крупных людей, у него была очень легкая поступь. Он подошел достаточно близко к игравшим мальчикам, чтобы увидеть их снующие взад-вперед тени между ним и блестевшей водой, но они его не видели и не слышали. Постепенно голоса начали удаляться.

Он вышел на узкую тропинку, проложенную на голой земле. Минуту рассматривал ее, затем тряхнул головой, пересек тропинку и углубился в мелколесье. Теперь он шел медленнее, раздвигая кусты, а не наступая на них. Он все еще двигался в основном параллельно потоку, у которого играли дети. Даже через заслонявшие поле зрения кусты и деревья он смог разглядеть, что поток здесь намного шире, чем в том месте, куда упали он и Генри.

Здесь был еще один бетонный цилиндр, едва видимый среди путаницы черничных зарослей, и он спокойно жужжал про себя. Позади насыпь обрывалась в поток, старый сучковатый вяз криво склонялся над водой. Его корни, наполовину выставленные наружу из-за эрозии берега, выглядели, как спутанные грязные волосы.

Надеясь, что здесь нет насекомых или змей, но слишком уставший и испуганный, чтобы всерьез озаботиться этим, Бен спустился между корнями вниз, в мелкую пещеру. Он отпрянул, когда корень сердито ткнул его, как палец. Потом немного поменял положение, и стало удобнее.

Сюда и подошли Генри, Белч и Виктор. Что-то словно влекло их на эту тропу. Какой-то миг они стояли совсем рядом и, вытянув руку из своего тайника, он мог бы дотронуться до них.

— Держу пари, он где-то здесь, — сказал Белч.

— Ну хорошо, пойдём выясним, — ответил Генри, и они пошли назад тем путем, каким пришли. Через несколько минут Бен услышал, как он заорал:

— Что за хреновину вы здесь делаете, парни?

Последовал какой-то ответ, но Бен не расслышал: дети были слишком далеко, да и река, это была, разумеется, Кендускеаг, очень

шумела. Но голос у парня был испуганный. Бен мог только посочувствовать ему.

Затем Виктор Крисс сказал что-то, совсем непонятное Бену:

— Хреновая запруда сопляков.

Запруда сопляков? А может, Виктор сказал: хреновая компашка сопляков?

— Давай-ка сломаем ее! — предложил Белч.

Последовали крики протеста, кто-то закричал от боли, кто-то заплакал. Да, Бен мог посочувствовать им. Не сумев поймать его (по крайней мере, пока что), они решили отыграться на других детях.

— Конечно, ломай ее, — сказал Генри.

Всплески. Крики. Утробный смех Белча и Виктора. Полный страдания, взбешенный крик одного из ребят.

— Держи свое говно при себе, заика-уродец, — сказал Генри Бауэрс. — Я не намерен больше терпеть говна ни от кого.

Раздался треск. Шум бегущей воды усилился, и на мгновение поток взревел, перед тем, как снова успокоиться. Бен мгновенно понял. Хреновая запруда сопляков, да, вот что сказал Виктор. Дети — двое или трое, как ему послышалось, когда он шел мимо, — строили запруду. Генри и его друзья только что разнесли ее. Бену даже показалось, что он знает одного из этих мальчиков. Единственный «заика-уродец», которого он знал по школе в Дерри, был Билл Денбро из параллельного пятого класса.

— Ты не должен был этого делать! — выкрикнул тонкий испуганный голос, и Бен узнал и этот голос, хотя сразу не смог соотнести его с лицом.

— Зачем ты это сделал?

— Потому что мне так захотелось, болваны! — разъярился снова Генри. Раздался глухой звук. Кто-то закричал от боли. Затем последовал плач.

— Заткнись, — сказал Виктор. — Заткнись, ты, а то я вырву твои уши и подвяжу их под подбородком.

Плач перешел в прерывистые всхлипывания.

— Мы пошли, — сказал Генри, — но прежде я хочу узнать одну вещь. Вы за последние десять минут не видели жирного парня? Большого жирного парня в крови и порезах?

Короткий ответ мог означать только «нет».

— Уверены? — спросил Белч. — Лучше быть больше уверенными, нюни.

— Я у-у-уверен, — ответил Билл Денбро.

— Пошли, — сказал Генри. — Он, возможно, перешел туда вброд.

— Та-та, мальчики, — сказал Виктор Крисс. — Это была запруда сопляков, поверьте мне. Ни к черту не годится.

Звуки шлепанья по воде. Снова донесся голос Белча, но теперь уже дальше. Бен не мог разобрать слов. Да он и *не хотел* разбирать слова. Мальчик вблизи снова заплакал. Другой его успокаивал. Бен решил, что их двое — Зайка Билл и плачущий.

Он полусидел-полулежал в своем укрытии, слушая двух мальчиков у реки и затихающие голоса Генри и его динозавров-приятелей, рвущихся к дальней стороне Барренса. Солнечный свет блеснул ему в глаза, кругляшки света замелькали на спутанных корнях над ним и вокруг него. Здесь было грязно, но уютно и... безопасно. Звук бегущей волны успокаивал. Даже плач ребенка действовал умиротворяюще. Его собственные боли притупились, как бы сошлись в один узел; голоса динозавров полностью растворились в воздухе. Он немножко обождал, просто чтобы убедиться, что они не возвращаются.

Бен мог слышать вибрацию дренажных механизмов в земле, мог даже ощущать ее: низкое, непрерывное колебание передавалось из земли корню, к которому он прислонился, а от корня — его спине.

Он снова подумал о Морлоках, об их обнаженной плоти; он представил себе, что она бы пахла, как промозглый и вонючий воздух, который исходил из смотровых отверстий того железного покрытия. Он подумал об их колодцах, загнанных глубоко под землю, колодцах с ржавыми лестницами по сторонам. Он задремал, и в этот момент его мысли стали сном.

11

Ему снились Морлоки. Ему снилось то, что с ним случилось в январе, то, что он никак не мог рассказать своей матери.

Был первый день занятий после долгого рождественского перерыва. Миссис Дуглас попросила добровольца остаться после уроков и помочь ей пересчитать книги, которые были получены прямо перед каникулами.

Бен поднял руку.

— Спасибо тебе, Бен, — сказала миссис Дуглас, одарив его улыбкой столь восхитительной, что она согрела его до кончиков носков.

— Лизоблюд вонючий, — шепотом заметил Генри Бауэрс.

Это был тот зимний день в штате Мэн, который был и самым лучшим, и самым худшим: безоблачный, до слез ясный, но пугающе холодный. В довершение к десятиградусному морозу дул сильный ветер, который колот и сек лицо.

Бен считал книги и выкрикивал номера; миссис Дуглас их записывала (совершенно не перепроверяя его работу, гордо отметил он), а затем оба они понесли книги в хранилище через залы, где дремотно позвякивали батареи. Сначала школа была полна звуков: треск закрывающихся дверей, перестук печатной машинки миссис Томас в конторе, нервный удар-удар-удар баскетбольных мячей в гимнастическом зале, скольжение и удары спортивных туфель, когда игроки двигались к корзинам или дрались за мяч на полированном деревянном полу.

Понемногу эти звуки прекратились, только позвякивали батареи, слышалось *виш-виш* метлы мистера Фазио, сметавшего опилки на полу в зале, да завывание ветра за окном.

Бен посмотрел в единственное узкое окно книгохранилища и увидел, что свет на небе быстро меркнет. Было четыре часа, и надвигались сумерки. Крупинки сухого снега носились вокруг заледелого гимнастического зала и кружились между качелями, которые прочно вмерзли в землю. Только апрельская оттепель сломает эти зимние сварные швы. На Джексон-стрит никого не было видно. Он посмотрел еще минуту: вдруг какая-нибудь машина проедет через перекресток Джексон-Витчем, но машины не было. Все в Дерри спасались, и миссис Дуглас просто умерла бы или спаслась бегством от того, что он видел отсюда.

Он посмотрел на нее и понял, что она чувствует почти то же самое, что он. Он мог определить это по выражению ее глаз. Они были глубокие, задумчивые и отсутствующие — не глаза сорокалетней школьной учительницы, а глаза ребенка. Ее руки были сложены под грудью, как будто бы в молитве.

«Я боюсь, — подумал Бен, — и она тоже боится. Но чего мы боимся?»

Он не знал. Она посмотрела на него и коротко, несколько смущенно засмеялась.

— Я тебя слишком задержала, — сказала она, — извини, Бен.

— Ничего страшного. — Он посмотрел на свои ботинки. Он ее немножко любил — не той искренней, откровенной любовью, какую он питал к мисс Тибодо, своей учительнице первого класса... но все же он любил ее.

— Будь я за рулем, я бы тебя подвезла, — сказала она, — но я не за рулем. Муж заберет меня где-то в четверть пятого. Если бы ты подождал, мы могли бы...

— Нет, спасибо, — сказал Бен. — Я должен добраться до дому раньше.

На самом деле это была неправда, но перспектива встретиться с мужем миссис Дуглас вызывала в нем какое-то странное отвращение.

— Может, твоя мама могла бы...

— Она тоже не водит машину, — сказал Бен. — Все будет в порядке. Мой дом всего лишь в миле отсюда.

— Миля — это близко при хорошей погоде, но в такую погоду миля — длинный путь. Ты зайдешь куда-нибудь погреться, если замерзнешь, ладно, Бен?

— Да, конечно. Я найду в Костелло-маркет, обогреюсь там у печки или еще где-нибудь. Мистер Гедро не будет возражать. И я надену теплые брюки. И мой новый рождественский шарф.

Он вроде бы убедил миссис Дуглас, она снова посмотрела в окно.

— Там, кажется, так холодно, — сказала она. — Так... так враждебно.

Он не знал этого слова, но точно знал, что она имела в виду. Что-то только что произошло. Но что?

И вдруг понял: он увидел человека, а не просто учительницу. Вот что случилось. И лицо у нее было совсем другое, новое, — лицо усталого поэта. Он ясно представил себе, как она идет домой с мужем, садится рядом с ним в машину со сложенными руками, шумит мотор, а он рассказывает ей о своем дне. Представил себе, как она готовит ему обед. Странная мысль пронзила его мозг и праздный вопрос вертелся на языке: «У вас есть дети, миссис Дуглас?»

— В это время года я часто думаю, что людям не предназначено жить так далеко на север от экватора, — сказала она. — По крайней мере, не на этой широте.

Затем она улыбнулась, и необычное выражение исчезло из ее глаз, или с ее лица — он увидел ее такой, как всегда. «*Ты никогда больше не увидишь ее такой необычной, никогда*», — подумал он в смятении.

— До самой весны я буду чувствовать себя старой, а затем снова молодой. И так каждый год. Ведь у тебя все будет в порядке, Бен?

— Все будет отлично.

— Да, я тоже так думаю. Ты хороший мальчик, Бен.

Он снова посмотрел на кончики своих носков, краснея и любя ее больше, чем когда-либо.

В вестибюле мистер Фазио сказал:

— Будь осторожен, берегись этого кусачего мороза, парень, — не поднимая головы от красных опилок.

— Ладно.

Бен надел теплые штаны. Он был мучительно несчастлив, когда мать настаивала, чтобы он носил их и нынешней зимой в особенно холодные дни, потому что считал, что это одежда для малышей, но

сегодня был рад, что штаны на нем. Он медленно пошел к двери, застегивая куртку, натягивая перчатки. Вышел и постоял на верхней ступеньке крыльца, дожидаясь, пока дверь за ним захлопнется.

Школа была затянута израненной кожей неба — неба в синяках и кровоподтеках. Непрерывно дул ветер. Ветер врезался в теплую плоть лица — щеки онемели.

«Берегись этого кусачего мороза, парень».

Бен быстро натянул шарф — теперь он напоминал карикатуру Реда Райдера, маленькую, пухлую, неуклюжую. Темнеющее небо было фантастически красиво, но Бен не стал останавливаться, чтобы полюбоваться им, — было слишком холодно. Он продолжал идти.

Сначала ветер дул ему в спину, подталкивал его, и все обстояло не так уж ужасно. Однако на Канал-стрит мальчику пришлось повернуть направо и идти почти против ветра. Теперь, казалось, тот держал его за спину... как будто у него было дело к Бену. Шарф не слишком-то помогал. Глаза сильно заморгали, влага в носу замерзла до глянца. Ноги онемели. Руками в перчатках Бен стал колотить себя под мышками, чтобы согреться. Ветер протяжно завывал, иногда почти человеческим голосом.

Бен чувствовал и испуг, и бодрость. Испуг, потому что он вспомнил рассказы, которые прочел, например Джека Лондона, где люди фактически замерзли до смерти. Замерзнуть в такую ночь было вполне вероятно — температура упала до пятнадцати градусов ниже нуля.

Бодрость была трудно объяснима. Это было какое-то уединенное, меланхолическое чувство. Он ощущал себя на свободе; он летел на крыльях ветра, и никто из людей за ярко освещенными квадратами окон не видел его. Он был внутри, внутри, где свет и тепло. Они не знали, что он прошел. Это был секрет.

Порывистый ветер колот иголками, но он был свежий и чистый. Белый пар аккуратными маленькими струйками выходил из носа.

Когда солнце зашло — остаток дня желтовато-оранжевой полосой на западном горизонте — и первые звезды холодными алмазными кристаллами замерцали на небе, он подошел к Каналу. Теперь он был от дома в трех кварталах и мечтал, чтобы лицо и ноги оказались в тепле, приводящем в движение кровь, заставляя ее пульсировать.

Все-таки он остановился.

Канал замерз в своем бетонном русле. Он был неподвижен и все-таки жил в этом суровом зимнем свете; в нем была своя собственная, уникальная, трудная красота.

Бен повернул на юго-запад. В сторону Барренса. Теперь ветер опять дул ему в спину. Он колыхал его штаны, раздувал их. Канал

проходил прямо между бетонными стенками на протяжении полу-мили; затем бетон кончался, и река сама по себе продолжала свой путь в Барренс, который в это время года являл собой скелетообразный мир заледенелой ежевики и торчащих обнаженных ветвей.

Там внизу, на льду, стояла какая-то фигура.

Бен пристально посмотрел на нее и подумал: «Там, внизу, кажется, стоит какой-то человек, но может ли он быть одет в то, во что одет? Это невозможно, не так ли?»

На человеке было нечто, похожее на серебристо-белый костюм клоуна. На полярном ветру костюм раздувался и морщился. На ногах у него были огромные оранжевые ботинки. Они соответствовали пуговицам-помпонам, которые шли по переду костюма. Одной рукой он держал клубок веревок, которые переходили в связку воздушных шаров, и когда Бен увидел, что шары плывут в его направлении, он почувствовал, как нереальность все сильнее окутывает его. Он закрыл глаза, потерял их, открыл. Шары все еще плыли к нему.

В голове он слышал голос мистера Фазио: *«Берегись этого кусачего мороза, парень»*.

Это, должно быть, галлюцинация или мираж — какие-то проделки погоды. Там, внизу, на льду мог быть человек. Бен подумал, что возможно даже, чтобы он был одет в клоунский костюм. Но шары не могли плыть по направлению к Бену, против ветра. И все-таки это было именно так.

— *Бен!* — позвал клоун на льду. Бену показалось, что голос этот только у него в голове, хотя, по-видимому, он слышал его собственными ушами. — *Хочешь шарик, Бен?*

В этом голосе было что-то настолько ужасное, настолько злое, что Бену захотелось убежать немедленно, но его ноги, казалось, приросли к тротуару, как качели на школьном дворе вросли в землю.

— Они летают, Бен! Они все летают! Попробуй один и увидишь!

Клоун начал идти по льду к мосту через канал, где стоял Бен. Бен видел, как он идет; не двигаясь, он наблюдал за ним, как птица наблюдает приближающуюся змею. Шары должны были бы лопаться в таком насыщенном холоде, но они не лопались, — они плыли над клоуном и перед ним, хотя должны были быть позади него, рваться назад, в Барренс... откуда, как что-то подсказывало Бену, это существо пришло.

Теперь Бен заметил кое-что еще.

Хотя последний дневной свет пролил розовое зарево на лед Канала, клоун не отбрасывал тени. Никакой.

— Тебе здесь понравится, Бен, — сказал клоун. Теперь он был настолько близко к Бену, что тот мог услышать шарканье его смешных ботинок по неровному льду. — Тебе здесь понравится, я обещаю, всем мальчикам и девочкам, которых я встречаю, нравится здесь, потому что это, как Остров Удовольствий в «Пинокио» или Страна Никогда в «Питере Пэне»; они никогда не вырастут, а этого хотят все дети. Так давай! Любуйся красивыми местами, играй с шариком, корми слонов, катайся с горки! О, тебе понравится, и, о, Бен, как ты полетишь...

И несмотря на свой страх, Бен понял, что какая-то часть его действительно хочет шарик. У кого еще на свете был шарик, который летал против ветра? Кто слышал о таком чуде? Да... он хотел шарик, и он хотел увидеть лицо клоуна, которое склонилось ко льду, как будто прячась от убийственного ветра.

Клоун посмотрел вверх, как бы испугавшись, и Бен увидел его лицо.

«Мумия! О Боже мой, это мумия!» — была первая мысль, сопровождавшаяся безумным ужасом, который заставил Бена схватиться руками за ограждение моста, чтобы не упасть в обморок. Но, конечно же, он не был просто мумией, не мог быть мумией. О, существовали египетские мумии, множество их, он знал это, но его первой мыслью было, что это тот самый пыльный монстр-мумия, которую играет Борис Карлофф в старом кино, он как раз в прошлом месяце смотрел его допоздна в Театре Шока.

Хотя нет, это не была та мумия, не могла быть, киномонстры нереальны, все знают это, даже маленькие дети. Но...

Клоун не носил грима. И не был он просто запеленат в ворох бинтов или повязок. Бинты были, большинство — вокруг его шеи и запястий — развевающиеся на ветру, но Бен мог отчетливо видеть лицо клоуна. Оно было глубоко прорезано линиями, кожа — пергаментная карта из морщин, ободранных щек, сухой плоти. Кожа на лбу была потрескавшаяся, но бескровная. Мертвые губы широко улыбались, зубы торчали вперед, как надгробные камни. Десны были разъеденные и черные. Бен не мог видеть никаких глаз, но что-то мерцало глубоко в угольных ямах сморщенных впадин, что-то, как холодные драгоценности в глазах египетских жуков-скарабеев. Ему казалось, что он ощущает запах корицы и пряностей, тлеющего савана, пропитанного таинственными лекарствами, песком и кровью, настолько старой, что она высохла до чешуек и крупинок ржавчины...

— Мы все здесь летаем — квакающим голосом сказал клоун-мумия, и Бен с новым ужасом осознал, что так или иначе он подошел

к мосту, он был сейчас как раз под ним, протягивая сухую и скрюченную руку, на которой лоскутья кожи болтались, как флажки, руку, на которой видна была кожа, похожая на желтую слоновую кость.

Один почти бесплотный палец ласкал кончик его ботинка. Паралич Бена прошел. Тяжело ступая, он прошел остаток пути через мост, когда на здании ратуши пробило пять. Часы перестали бить, когда он добрался до противоположной стороны. Это, наверно, был мираж, это должен был быть мираж. Клоун просто не мог бы пройти так далеко за те десять — пятнадцать секунд, пока били часы.

Но его страх не был миражом; не были миражом горячие слезы, которые сочились из его глаз и тотчас замерзали на щеках. Он бежал, ботинки стучали по тротуару, и слышал за собою, как мумия в клоунском костюме выбирается из Канала, древние окаменевшие ногти скребутся о железо, старые суставы скрипят, как несмазанные петли. Он мог слышать сухое свистящее дыхание через ноздри, которые лишены влаги, как проходы-туннели под Великой Пирамидой. Он мог чувствовать песчаный аромат его савана, и он знал, что через минуту руки клоуна, такие же бесплотные, как геометрические фигуры, которые он делал из своего конструктора, опустятся ему на плечи. Они развернут его к себе, и он будет смотреть в это морщинистое, улыбающееся лицо. Мертвый поток дыхания клоуна выльется на Бена. Черные глазницы с их мерцающими глубинами склонятся над ним. Беззубый рот зевнет, и Бен будет иметь шарик. О, да. Все шарики, которые он хочет.

Но когда он добежал до угла своей улицы, рыдающий и взвинченный, и его сердце билось как сумасшедшее, отдаваясь в ушах, когда он наконец посмотрел через плечо, улица была пустынна. Арочный мост с его низкими бетонными откосами и старомодным булыжным покрытием был тоже пустынен. Он не видел самого Канала, но чувствовал, что если и увидит его, там тоже ничего не будет. Нет, если бы мумия не была галлюцинацией или миражом, если бы она была реальной, она бы ждала под мостом — как тролль в сказке о трех козлятах.

Под. Прятаться под.

Бен спешил домой, оглядываясь назад через каждые несколько шагов, пока дверь не закрылась за ним на замок. Матери он объяснил — она так устала от особенно тяжелого дня на прядильной фабрике, что, по правде говоря, не очень соскучилась по нему, — что он помогал миссис Дуглас считать книги. Затем он сел ужинать лапшей и остатками воскресной индейки. Он запихнул в себя три порции, и с каждой порцией мумия удалялась все дальше и стано-

вилась похожей на сон. Она не была реальной, такие вещи никогда не бывают реальными. Они входят в жизнь только между коммерческими показами телефильмов поздно ночью или в течение субботних утренников, где вы счастливы тем, что можете за двадцать пять центов получить двух монстров, а если у вас есть лишний двадцатипятицентовик, вы можете еще купить воздушную кукурузу и съесть ее в свое удовольствие.

Нет, это не реальность. Телемонстры и киномонстры, и монстры комиксов — нереальны. Только после того, как вы пошли спать и не можете уснуть; только после того, как последние четыре кусочка конфеты, завернутые в бумажки и спрятанные у вас под подушкой от ночных зол, съедены; только после того, как сама постель превратилась в озеро прогорклых снов и ветер завыл снаружи, и вы боитесь посмотреть в окно, потому что там может быть лицо, старческое, с широкой улыбкой лицо, которое не сгнило, а просто высохло, как старый лист, а глаза, как потонувшие алмазы, глубоко засажены в темные глазницы; только после того, как вы увидели разодранную когтистую руку, держащую связку шариков: *любуйся красивыми местами, играй с шариком, корми слонов, катайся с горки! Бен, о, Бен, как ты полетишь...*

12

Он проснулся с удущьем — это все сон о мумии, — охваченный паникой из-за надвинувшейся, вибрирующей темноты вокруг него. Он дернулся, и корневище перестало поддерживать его и снова ткнуло в спину, как бы в раздражении.

Он увидел свет и стал пробираться к нему. Он пополз в дневной солнечный свет и журчание потока, и все снова встало на свое место. Было лето, не зима. Мумия не унесла его в пустынный склеп — Бен просто спрятался от больших парней в песчаной дыре под наполовину выкорчеванным деревом. Он был в Барренсе. Генри и его приятели в какой-то мере отыгрались на паре ребят, строивших запруду на реке, потому что они не смогли найти Бена и отыгаться на нем по большому счету. *Та-та, мальчишки. Это была запруда сопляков. Ни к черту не годится.*

Бен угрюмо посмотрел на свою загубленную одежду. Мать устроит ему головомойку.

Он проспал достаточно долго, чтобы взбодриться. Он съехал по насыпи и потом пошел вдоль потока, вздрагивая на каждом шагу. Он был месивом из ран и болячек; он чувствовал себя так, как будто Спайк Джоунз играл на разбитом стекле внутри его мышц быстро

мелодию. На каждом дюйме видимой кожи была засохшая или засыхающая кровь. Ребята, строившие запруду, уже ушли, успокаивал он себя. Он не знал, сколько он спал, но если даже не более получаса, неожиданная короткая встреча с Генри и его приятелями, возможно, убедила за это время Денбро и его друга, что другое место — например Тимбуку, — вероятно, лучше для их здоровья.

Бен еле-еле тащился, понимая, что, вернись большие парни назад, он не сможет убежать от них. Впрочем, его это мало заботило.

Он срезал изгиб реки и постоял там, вглядываясь. Строители запруды были все еще там. Один из них был, конечно, Заика Билл Денбро. Он стоял на коленях рядом с другим мальчиком, который, сидя, прислонился к насыпи. Голова этого мальчика была отброшена так далеко назад, что его адамово яблоко выпирало, как треугольная пробка. Вокруг носа и на подбородке у него была высохшая кровь, ручейки крови струились по шее. В руке у него болталось что-то белое.

Заика Билл резко повернулся и увидел стоявшего там Бена. Бен со страхом увидел: с мальчиком, который прислонился к насыпи, что-то не в порядке; Денбро был явно напуган до смерти. Он подумал с отчаянием: кончится ли когда-нибудь этот день?

— Скажи, тттты мог бы помочь мммне? — сказал Билл Денбро. — Йего асссс-пиратор пуст. Мне кажется он мммможет...

Его лицо затвердело, покраснев. Он спотыкался на слове, заикаясь, как пулемет. С его губ сорвалась слюна, и потребовалось почти тридцать секунд, прежде чем Бен понял, что хотел сказать Денбро: другой парень может умереть.

Глава 5

БИЛЛ ДЕНБРО ПОБЕЖДАЕТ ДЬЯВОЛА (1)

1

«Все это чертовски напоминает путешествие в космос, — думает Билл Денбро. — А может, я внутри ядра, выстреленного из пушки.

Эта мысль, хотя совершенно верная, не особенно комфортна. Действительно, в течение первого часа с момента взлета «Конкордии» с Хитроу (возможно, правильнее сказать не взлета, а вертикального пуска) он являет собой легкий случай клаустрофобии. Узкий самолет вызывает ощущение беспокойства. Пища далеко не изысканна, персонал, обслуживающий полет, вынужден крутиться, наклоняться, приседать, выполняя свою работу; они похожи на труппу гимнастов. Наблюдая за их усердием, Билл несколько утрачивает удовольствие от еды, зато его попутчика это совершенно не колышет.

Попутчик — еще один минус. Он толстый и не очень чистый; наодеколонен, кажется, «Тедом Лапидусом», но под одеколоном Билл безошибочно ощущает запах грязи и пота. Он еще и не особенно щепетилен в отношении своего левого локтя — периодически толкает им Билла.

Глаза Билла не отрываются от цифрового табло перед кабиной. Оно показывает, как быстро летит эта британская пуля. Теперь «Конкордия» достигает своей крейсерской скорости. Билл вытаскивает из кармана рубашки ручку и кончиком ее нажимает кнопки на часах с компьютером, которые Одра подарила ему в прошлое Рождество. Если махометр правильный — а у Билла совершенно нет повода думать, что это не так — они летят со скоростью восемнадцать миль в минуту. Билл не уверен, что это то, что он действительно хотел узнать.

За окном, маленьким и толстым, как окошечко в одной из оболочек ртутного пространства, он может видеть небо — не голубое, а сумеречно-пурпурное, хотя сейчас середина дня. Он видит:

линия горизонта, где встречаются море и небо, слегка наклонена. «Вот я сижу, — думает Билл, — с «кровавой Мэри» в руке и локтем грязного жирдяя, тыкающим меня в бицепс, и обзираю крутизну земли».

Он слегка улыбается: человек, смело воспринимающий такого рода переживания, не должен ничего бояться. Но он боится, и не просто полета в этой узкой хрупкой скорлупе, летящей со скоростью восемнадцать миль в минуту. Он просто чувствует, как на него кидается Дерри. Это точное выражение. Восемнадцать миль в минуту или нет — ты как будто совершенно спокоен, а вот Дерри кидается на тебя, как некое плотоядное животное, притаившееся в ожидании своего времени. Дерри, о, Дерри! Написать оду Дерри? Воспеть вонь его фабрик и рек? Величественную тишину его бульваров? Библиотеку? Водонапорную башню? Бассей-парк? Начальную школу Дерри? Барренс?

Огни зажигаются в его голове, большие прожектора. Будто он сидел в затемненном театре двадцать семь лет, ожидая, что что-то случится, и теперь наконец-то началось. Однако постепенно открывающаяся декорация и вспыхивающие один за другим прожектора означают начало не какой-нибудь безвредной комедии, наподобие «Мышьяка и Старого шнурика»; для Билла Денбро она больше похожа на «Кабинет доктора Калигари».

«Все рассказы, которые я написал — думает он с глупым удивлением, — все романы, все пришло из Дерри, Дерри был их источником. Они возникли из того, что случилось тем летом, и из того, что перед тем, осенью, случилось с Джорджем. Всем репортерам, которые задавали мне ТОТ ВОПРОС... я давал неправильный ответ».

Локоть жирдяя снова толкает его, чуть-чуть проливается напиток.

Билл сперва говорил что-то приблизительное, а затем задумывался об этом всерьез. ТОТ ВОПРОС, конечно, был «Где вы черпаете ваши идеи?» Билл предполагал, что на этот вопрос все писатели должны отвечать минимум два раза в неделю, или притворяться, что отвечают, — но он, зарабатывавший себе на жизнь сочинительством вещей, которых не было и быть не могло, должен был отвечать, или притворяться, намного чаще.

— У всех писателей коммуникативные связи уходят в область подсознания, — говорит он, не упоминая, что с каждым годом все больше сомневается, существует ли такая вещь, как подсознание. — Но у мужчины или женщины, которые пишут книги ужасов, коммуникативные связи идут еще глубже, может быть... в подподсознание, если хотите.

Изящный ответ, да, но ответ, в который сам он никогда не верил. Подсознание? Ну там, в глубине, что-то есть, конечно, но, по мнению Билла, люди сильно преувеличили функцию, которая скорее всего является ментальным эквивалентом промывания глаз, когда в них попала пыль, или хождения до ветру через час-другой после плотного обеда. Вторая метафора, вероятно, лучшая из двух, но вы никогда бы не смогли рассказать вашим интервьюерам, что для вас такие понятия, как мечты, неосознанные желания, ощущения, этакое дежавю, — не что иное, как умственный пердеж. Но им, по-видимому, что-то было нужно, этим репортерам, с их записными книжками и маленькими японскими магнитофонами, и Билл хотел помочь им, как мог. Он знал, что писательство — тяжкий труд, чертовски тяжкий. Зачем же делать его еще тяжелее, говоря им: «Друг мой, вы могли бы с таким же успехом спросить меня «Кто резал сыр?» и довольствоваться этим».

Теперь он думал: «Ты всегда знал, что они задают не тот вопрос, даже перед звонком Майка; но теперь ты знаешь, какой вопрос верный. Не где вы черпаете ваши идеи, а почему, зачем вы черпаете их. Коммуникация существовала, да, но она не имела ничего общего ни с версией подсознательного, ни с Фрейдом, ни с Юнгом; не было никакой внутренней дренажной системы в мозге, никакой подземной каверны, наполненной Морлоками. В конце этой коммуникационной трубы не было ничего, кроме Дерри. И — «кто это идет и ставит ловушки на моем мосту?»

Он вдруг садится прямо, вытянувшись в струну, теперь его локоть блуждает и глубоко погружается в бок толстого попутчика.

— Осторожнее, парень, — говорит толстяк, — тесно.

— А вы не толкайте меня, тогда я попытаюсь не толкать вас.

Толстяк награждает его кислым, скептическим взглядом, говорящим: о чем ты, черт побери, лопочешь? Билл пристально смотрит на него, пока толстяк не отворачивается, что-то бубня.

Кто там?

Кто это идет и ставит ловушки на моем мосту?

Он снова выглядывает из окна и думает: «Мы водим дьявола за нос».

У него покалывает в руках и затылке. Он залпом выпивает свой стакан. Еще один из тех больших огней погас.

Сильвер. Его велосипед. Так он назвал его в честь лошади Лоуна Рейнджера. Большой «Швинн» высотой в двадцать восемь дюймов. «Ты убьешься на нем, Билли», — сказал отец, но никакой тревоги в его голосе не было. Он мало о чем тревожился после смерти Джорджа. Раньше он был назойливым. Сносным, но назойливым. С

тех пор можно было делать что угодно. У него остались отцовские жесты, отцовские движения, но не более чем жесты и движения. Похоже было, что он все время прислушивается, не возвратился ли Джордж домой.

Билл увидел его на витрине магазинчика «Байк энд Сайкл» на Центральной улице. Он уныло опирался о подставку — большой, чем самый большой на витрине, тусклый, в то время как другие были полированные, блестящие, прямой в тех местах, в которых другие были согнуты, и, наоборот, искривленный там, где другие были прямые. На передней шине болталась табличка:

**«ПОДЕРЖАННЫЙ
Продается»**

Дальше случилось так, что Билл вошел, и владелец магазина предложил ему то, от чего Билл не отказался, и цена — двадцать четыре доллара — которую запросили, показалась Биллу отличной, даже щедрой. Он расплатился за Сильвера деньгами, которые скопил за последние семь-восемь месяцев: деньги, подаренные на день рождения, на Рождество, вырученные за работу на газоне. Он заметил велик в витрине еще со Дня благодарения. Он заплатил за него и прикатил домой, как только снег начал окончательно таять. Это было забавно, потому что до прошлого года он и не думал о приобретении велосипеда. Эта идея, казалось, пришла ему в голову как-то сразу, возможно, в один из тех бесконечных дней после смерти Джорджа. Убийства Джорджа.

В начале Билл чуть не убил себя. Первая поездка на новом велике закончилась тем, что Билл свалился с него намеренно, чтобы не врезаться в дощатый забор в конце Коссуг-лейн (он не столько боялся врезаться в забор, сколько проломить его и упасть на шестьдесят футов вниз, в Барренс). Он вернулся с глубокой пятидюймовой раной между запястьем и локтем на левой руке. Не прошло и недели, как он обнаружил, что не может быстро затормозить, и его вынесло на пересечение Витчем и Джексон со скоростью, возможно, тридцать пять миль в час — маленького мальчика на пыльном сером мастодонте (Сильвер был серебряным только за счет полета фантазии), — и если бы проходила машина, его бы раздавило всмятку. Он был бы мертв. Как Джордж.

Понемногу, по мере вступления весны в свои права, он овладел управлением Сильвера. За это время никто из родителей не заметил, что он играл со смертью, катаясь на велосипеде. Он думал, что спустя несколько дней после покупки они вообще перестали лице-

зреть его велик — для них он был просто реликвией с облупившейся краской, которая в дождливые дни прислонялась к стенке гаража.

Хотя на самом деле Сильвер был больше, чем пыльная старая реликвия. Он не очень смотрелся, но он летал, как ветер. Друг Билла — его единственный настоящий друг по имени Эдди Каспбрак — разбирался в механике. Он показал Биллу, как привести Сильвера в форму, — какие болты подтягивать и регулярно проверять, где смазывать цепные колеса, как подтягивать цепь, как наложить пластырь, когда шина спустилась от прокола.

«Тебе нужно его покрасить», — вспомнил он слова Эдди, но Билл не хотел красить Сильвера. Он даже себе не мог объяснить причину, но ему хотелось, чтобы его «Швинн» оставался таким, как есть. Он смотрелся как настоящая колымага, которую беззаботный ребенок регулярно оставлял на улице в дождь, которая трещит и скрипит. Он выглядел как колымага, но летал как ветер. Он...

— Он побеждал дьявола, — говорит Билл вслух и смеется. Его попутчик внимательно приглядывается к нему; у смеха — та же воющая оболочка, от которой у Одры побежали мурашки.

Да, Сильвер смотрелся не лучшим образом, с его облупившейся краской и старомодным багажником над задним колесом и рожком с черным резиновым пузырем; этот рожок постоянно прикрепляли к рулю ржавым болтом размером с детский кулак. Не лучшим образом.

Но как Сильвер ехал! Боже!

Это была, черт возьми, здоровская штука, потому что Сильвер спас жизнь Биллу Денбро на четвертой неделе июня 1958 года — через неделю после того, как он встретил Бена Хэнскома в первый раз, через неделю после того, как он, и Бен, и Эдди построили запруду, на той неделе, когда Бен, и Ричи Тозиер, и Беверли Марш объявились в Барренсе после субботнего утренника. Ричи ехал позади него, на багажнике Сильвера, в тот день, когда Сильвер спас жизнь Билла... так что можно считать, что жизнь Ричи тоже. И он помнил дом, из которого они убегали, да. Он помнил его отлично. Тот проклятый дом на Нейболт-стрит.

В тот день он мчался на огромной скорости, чтобы обвести вокруг пальца дьявола; о да, конечно, разве вы не знаете. Дьявола с глазами блестящими, как старые монеты. Старого волосатого дьявола с полным ртом окровавленных зубов. Но все это пришло потом. Если Сильвер спас жизнь Ричи и его собственную в тот день, тогда, возможно, он спас и жизнь Эдди Каспбрака в другой день, когда Билл и Эдди встретили Бена около раскуроченных остатков их запруды в Барренсе. Генри Бауэрс, выглядевший так, как будто он

вырвался из дурдома, разбил нос Эдди, а затем у Эдди разыгралась астма, а его аспиратор оказался пустым. И в тот день тоже Сильвер пришел на помощь.

Билл Денбро, почти семнадцать лет не садившийся на велосипед, выглядывает из окна самолета; нет, в 1958 году он бы ему не доверился. «Пошел, Сильвер, ДАВААААЙ!» — думает он, вынужденный закрыть глаза, чтобы сдержать ручеек слез.

Что случилось с Сильвером? Он не может вспомнить. Та часть декорации еще в затемнении; тот прожектор еще не включен. Возможно, это милосердие.

Пошел.

Пошел, Сильвер.

Пошел, Сильвер...

2

...ДАВААААЙ! — закричал он. Ветер разрывал слова над его плечом, как развевающуюся креповую ленту. Они казались большими и сильными, те слова, они казались триумфальным ревом. И были единственными.

Он нажимал на педали на Канзас-стрит, направляясь в сторону города и медленно набирая скорость. Сильвер катился, как только его приводили в движение, но привести его в движение было двойной работой. Набирая скорость, серый вел был подобен большому самолету, катящемуся по взлетно-посадочной полосе. Сначала вы не верите, что такая огромная ковыляющая штуковина сможет когда-нибудь оторваться от земли, — абсурд! Но затем вы видите ее тень внизу и не успеваете удивиться — не мираж ли это? Когда тень вытягивается, самолет уже вверху, он прорезает себе путь сквозь воздух, холеный и грациозный: мечта в удовлетворенном мозгу.

Сильвер был похож на самолет.

Билл ехал под гору и все сильнее нажимал на педали, его ноги работали вверх-вниз, в то время как он стоял на велосипедной вилке. Пару раз разбившись из-за этой вилки самым болезненным для мальчика местом, он теперь старался как можно выше задрать трусы перед тем, как сесть на Сильвера. Позднее, тем же летом, наблюдая за этим процессом, Ричи говорил: «Билл делает это потому, что ему когда-нибудь захочется иметь нескольких детишек, которые будут похожи на его жену, верно?»

Они с Эдди до предела опустили сиденье, и теперь, когда он стоя работал педалями, оно ударялось о его поясницу и натирало ее. Какая-то женщина, вырывавшая сорняки в своем саду, прикрыв

глаза рукой, посмотрела как он гонит. И слегка улыбнулась. Мальчик на огромном велосипеде напомнил ей обезьяну, которую она однажды видела катающейся на одноколенном велосипеде в цирке «Барнум и Бейли». «Однако ведь он может убится, — подумала она, принимаясь за работу. — Этот велосипед для него слишком большой. Впрочем, это не ее проблемы».

3

Билл был не так глуп, чтобы вступать в спор с большими парнями, когда они пробились из кустов, похожие на охотников в дурном расположении духа, которые идут по следу зверя, успевшего покалечить одного из них. Однако Эдди необдуманно открыл свой рот, и Генри Бауэрс обрушился на него.

Билл, конечно, знал, кто они: Генри, Белч и Виктор были худшие из худших в школе. Они пару раз зверски избили Ричи Тозиера, с которым Билл немного дружил. Билл считал, что Ричи сам отчасти был виноват. Не зря его называли Затычка.

Однажды в апреле Ричи проехался по поводу их воротников, когда они трое проходили мимо него по школьному двору. Воротники у всех троих были подняты, как у Вика Морроу в «Школьных джунглях». Билл, который оказался рядом и апатично бросал стеклянные шарики, ничего толком не понял. Не понял и Генри, и его друзья... но и того, что они услышали, было достаточно, чтобы повернуться в сторону Ричи. Билл подумал, что Ричи хотел это сказать потихоньку, но беда в том, что он не умел говорить тихим голосом.

— Что ты сказал, четырехглазый подонок? — спросил Виктор Крисс.

— Я ничего не сказал, — возразил Ричи, и этими его словами в сочетании с естественно испуганным лицом, возможно, все бы и ограничилось. Но рот Ричи был как наполовину укрощенная лошадь, в любой момент готовая понести. И этот рот добавил: — Вам надо накопать серы из ушей. Нужна взрывчатка?

Минуту они стояли и смотрели на него, не веря, а потом погнались за ним. Заика Билл наблюдал за этим неравным состязанием с самого начала до естественного его завершения со своего места у школьной стены. Никаких чувств он не испытывал: те три оборота рады были бы избить двух мальчишек вместо одного.

Ричи бежал по диагонали через площадку для малышей, перепрыгивая через качели и лавируя там, и сообразил, что попал в тупик, только наткнувшись на изгородь, отделявшую площадку от

парка, который примыкал к школьной территории. Он попытался было забраться на цепную ограду, и был уже довольно высоко, когда Генри и Виктор Крисс стащили его назад, — Генри держал его за куртку, а Виктор схватился за зад его джинсов. Ричи орал, когда они содрали его с ограды. Он ударился спиной об асфальт. Его очки слетели в сторону. Он потянулся за ними, а Белч Хаггинс пихнул их ногой — и вот почему одна из дужек этим летом держалась на лейкопластыре.

Билл вздрогнул и прошел к передней части здания. Он видел, как миссис Моран, одна из учительниц четвертого класса, уже спешила восстановить порядок, но он знал, что они успеют избить Ричи до того, как она подойдет. Ричи будет реветь. Плакса, плакса, посмотрите на плаксу!

У Билла с ними почти не было проблем. Они, конечно же, смеялись над его заиканием. Насмешки иногда отдавали жестокостью; однажды, когда они шли завтракать в гимнастический зал, Белч Хаггинс вышиб из руки Билла его сумку с завтраком и растоптал ее своим саперным ботинком, раздавив все внутри.

«Ой-ей-ей-ей! — закричал в фальшивом ужасе Белч, поднимая руки и размахивая ими у лица. — Жжжжаль твой зззззавтрак, ррррожа!» И он пошел прочь к тому месту, где у двери комнаты для мальчиков наклонился к фонтанчику с водой Виктор Крисс, смеявшийся до колик в животе. Впрочем, ничего страшного в этом не было, Билл попросил поесть у Эдди Каспбрака, и Ричи рад был дать ему яйцо со специями, которые мать регулярно упаковывала ему на завтрак, и от которых, как он утверждал, его тошнило.

Нельзя было стоять у них на дороге: коль скоро не можешь себе позволить это — попытайся стать невидимым.

Энди забыл правила, поэтому они избили его. До прихода этих парней ему не было плохо, да и когда они ушли, разбрызгивая воду, на другой берег тоже было еще терпимо, хотя из носа у него фонтаном текла кровь. Его носовой платок промок насквозь, и Билл дал ему свой и заставил его положить руку на затылок и откинуть голову назад. Билл помнил, что мать велела так делать Джорджу, у того иногда были носовые кровотечения...

О, но как больно думать о Джордже...

Только когда слоновье топанье парней утихло вдали и носовое кровотечение у Эдди фактически прекратилось, у него разыгралась астма. Он начал ловить ртом воздух, руки его то поднимались, то бессильно падали при дыхании — словно звук флейты слышался в горле.

— Черт! — Эдди задыхался. — Астма! Вот так штука!

Он потянулся за аспираном и наконец вытащил его из кармана. Аспиран выглядел почти как бутылка «Виндекса» с распылителем наверху. Он вставил его в рот и нажал зажим.

— Лучше? — спросил Билл озабоченно.

— Нет. Пустой. — Эдди посмотрел на Билла глазами, охваченными паникой, которые говорили: «Я попался, Билл! Я попался!»

Пустой аспиран откатился от его руки. Речка посмеивалась, ее ни в коей мере не заботило, что Эдди Каспбрак не может дышать. Билл рассеянно подумал, что те парни правы в одном: это в самом деле была запруда сопляков. Но они смеялись, черт возьми, и он почувствовал внезапную тупую ярость, что так должно было все кончиться.

— Успокойся, Эдди, — сказал он.

Минут сорок Билл сидел рядом с Эдди в надежде, что приступ астмы у него вот-вот кончится, но постепенно ожидание перешло в тревогу. К тому времени, когда появился Бен Хэнском, тревога стала реальным ужасом. Приступ не только не кончался, он становился хуже. И аптека на Центральной улице, где Эдди наполнял свой аспиран, была почти в трех милях отсюда. Что, если он пойдет за заправкой для Эдди и, придя, найдет его без сознания? Без сознания или

(Не дури, пожалуйста, не думай об этом)

или даже мертвым, беспощадно настаивал его разум.

(как Джордж, мертв как Джордж)

Не будь такой жопой! Он не умрет!

Нет, вероятно, нет. А что, если он вернется и найдет Эдди в глубоководной волне? Билл все знал о глубоководных волнах; он даже пришел к выводу, что их так называют из-за сходства с теми огромными волнами, на которых ребята катаются на Гавайях, и это казалось вполне правдоподобным, — в конце концов, что такое глубоководная волна, как не волна, которая топит ваш мозг? На знахарских сеансах, таких, как сеансы Бена Кейси, люди всегда уходили в глубоководные волны и иногда оставались там, несмотря на брызжащие крики Бена Кейси.

Поэтому Билл сидел здесь, понимая при этом, что он должен идти, что он не может принести пользу Эдди, оставаясь на месте, но и боясь оставить его одного. Иррациональное, суеверное чувство внушало ему уверенность, что Эдди скользнет в волну в ту самую минуту, когда он, Билл, повернется к нему спиной. Тут Билл посмотрел вверх по течению реки и увидел стоящего там Бена Хэнскома. Конечно он знал, кто такой Бен, — самый толстый мальчишка в любой школе имеет несчастье быть известным. Бен учился в параллельном классе. Билл иногда видел его на перемене,

он держался обычно особняком в углу, глядя в книгу или поедая свой завтрак из сумки размером с бельевой мешок.

Глядя сейчас на Бена, Билл подумал, что он выглядит, пожалуй, даже хуже Генри Бауэрса. Поверить трудно, но это так. Билл никак не мог себе представить этих двоих в жестокой схватке друг с другом. Волосы Бена — грязные клочья — стояли торчком. Его свитер превратился в сплошную рванину и был испачкан кровью и травой. Штаны на коленях были разодраны.

Бен увидел, что Билл смотрит на него и слегка отшатнулся, глаза его настороженно бегали.

— Нининне уххходи! — закричал Билл. Он поднял руки вверх, ладонями наружу, показывая, что он безопасен. — Ннам нужна пппомощь.

Бен подошел ближе, все еще держась настороже. Он шел, и ноги не слушались его.

— Они ушли? Бауэрс и те парни?

— Ддда, — сказал Билл. — Сссслушай, ммможешь ты остаться с моим дддругом, пока я пойду за его леккккарством? У него аааа...

— Астма?

Билл кивнул.

Бен подошел к остаткам запруды и страдальчески опустил на одно колено рядом с Эдди, который лежал навзничь с закрытыми глазами и тяжело вздымавшейся грудью.

— Который ударил его? — спросил наконец Бен. Он посмотрел вверх, и Билл увидел, что толстяка распирает тот же гнев, какой чувствовал он сам. — Это был Генри Бауэрс?

Билл кивнул.

— С него станется. Давай, иди. Я останусь с ним.

— Сссспасибо.

— О, не благодари меня, — сказал Бен. — Ведь они набросились на вас из-за меня. Иди. Торопись. Я должен к ужину быть дома.

Билл ушел, больше ничего не сказав. А хорошо было бы сказать Бену, чтобы он не принимал это близко к сердцу — в том, что случилось Бен виноват был не больше, чем Эдди, который имел глупость открыть свой рот. Столкновение с такими парнями, как Генри и его приятели, было несчастным случаем, своего рода детским вариантом потопа, или смерча, или желчных камней. Хорошо было бы сказать это, но он, Билл, сейчас был в таком напряжении, что это заняло бы у него минут двадцать, а к тому времени Эдди мог бы соскользнуть в глубоководную волну (все это Билл узнал у доктора Кайси и доктора Кильдаре: вы никогда не входите в волну, вы всегда в нее соскальзываете).

Он пошел вниз по течению, и один раз обернулся назад. Бен Хэнском с суровым видом выбирал камешки из воды. Сначала Билл не мог сообразить, что он делает, а потом понял. Это был полевой склад. На случай, если они вернутся.

4

Барренс для Билла не был тайной. Этой весной он много играл здесь, иногда с Ричи, чаще с Эдди, иногда сам с собой. Всю местность он, конечно же, знал, он без проблем мог найти дорогу назад, на Канзас-стрит от Кендускеага — и сейчас нашел ее. Он вышел к деревянному мосту, где Канзас-стрит пересекала один из небольших безымянных протоков, который вытекал из дренажной системы Дерри и впадал в Кендускеаг ниже. Сильвер был спрятан под этим мостом, его руль привязан к одному из устоев моста мотком веревки, чтобы колеса не касались воды.

Билл отвязал веревку, засунул ее в рубашку и с усилием вытащил Сильвера на мостовую, тяжело дыша и обливаясь потом, пару раз теряя равновесие и приземляясь на зад.

Но наконец он выбрался. Занес ногу над высокой вилкой.

И как всегда, когда он был на Сильвере, он стал кем-то еще.

5

— Пошел, Сильвер, ДАВАЙ!

Эти слова вышли откуда-то из глубины и звучали иначе, чем его нормальный голос, — это был голос человека, которым он становился. Сильвер медленно набирал скорость, Билл стоял на педалях, его руки сжимали руль запястьями вверх. Он выглядел, как человек, пытающийся поднять невероятно тяжелую штангу. На шее выступили жилы. В висках пульсировали вены. Рот был напряженно приоткрыт, когда он преодолевал так знакомые ему вес и инерцию, силой разума заставляя Сильвера двигаться.

Как всегда, усилия оправдали себя.

Сильвер покатился быстрее. Дома убегали назад по прямой, а не выпячивались, как раньше. Слева от него, где Канзас-стрит пересекала Джексон, освобожденная Кендускеаг становилась Каналом. После перекрестка Канзас-стрит быстро устремилась вниз к Центральной и Мейн-стрит, деловому району Дерри.

Улицы здесь пересекались часто, но на всех, к счастью для Билла, были надписи «Стоп»; мысль же о том, что водитель в один прекрасный день может удариться об одну из этих надписей, быть

раздавленным и стать кровотокающей тенью на этой улице, никогда не приходила Биллу в голову. Впрочем, маловероятно, чтобы он изменил свой маршрут, если бы она и пришла. Не исключено, что это бы случилось рано или поздно в его жизни, но эта весна и раннее лето были для него очень уж странным и мрачным временем. Бен бы удивился, если бы кто-нибудь спросил его, одинок ли он; Билл точно так же был бы поражен, если бы кто-нибудь спросил его, не ищет ли он смерти. «Конечно, ннет!» — немедленно (и негодуяюще) ответил бы он, но это не изменило бы того факта, что его поездки на Канзас-стрит стали с приходом весны все более и более походить на психические атаки.

Эта часть Канзас-стрит называлась Ап-Майл-Хилл. Билл взял подъем на полной скорости, склонился над рулем Сильвера, чтобы уменьшить сопротивление ветра, одна рука его лежала на треснувшем резиновом пузыре рожка, чтобы предупредить зеваку, рыжие волосы развевались на ветру мягкой волной. Жилые дома справа уступили место деловым зданиям (в основном склады и фабрики-мясоукладчики), которые проносились мимо в жутком, но радующем рывке. В уголке глаз слева мелькал Канал.

— ПОШЕЛ, СИЛЬВЕР, ДАВАЙ! — кричал он, как победитель.

Сильвер пролетел над первым бордюром, и его ноги — как почти всегда в этом месте — потеряли контакт с педалями. Он был свободен, полностью во власти Бога, которому определена работа защищать маленьких мальчиков. Он углубился в улицу, делая миль на пятнадцать в час больше разрешенной скорости в двадцать пять.

Сейчас все было позади него: его заикание, пустые, подернутые болью глаза его отца, когда он бесцельно ходил по своей мастерской в гараже, ужасное зрелище пыли на крышке закрытого пианино наверху, потому что мама больше не играла. Последний раз она играла на похоронах Джорджа — три методистских гимна. Джордж, вышедший в дождь в своем желтом дождевике, с корабликом на парафине; мистер Гарднер, поднимающийся по улице через двадцать минут с телом, завернутым в запачканное кровью одеяло; исполненный муки крик матери. Все позади него. Он был Одиноким Скиталец, он был Джон Вейн, он был Бо Дидли, он был всем, кем угодно, только не тем, кто кричал и боялся и требовал мммаму.

Сильвер летел, и с ним летел Заика Билл Денбро; их тень, похожая на портал крана, летела позади них. Они вместе гнали с Майл-Хилл. Ноги Билла нашли педали, и он начал работать ими, чтобы ехать быстрее, быстрее, чтобы достичь какой-то гипотетической скорости — не звука, а памяти — и разбить болевой барьер.

Он продолжал гнать, склонившись над рулем; он гнал, чтобы выиграть у дьявола.

Быстро приближалась трехосевое пересечение — Канзас, Центральный и Мейн. Это был кошмар одностороннего движения, и противоречивые надписи и стоп-сигналы, которые должны были выдерживаться по времени, но в действительности не выдерживались. Результатом, итогом, как заявила редакционная статья «Дерри Ньюз» за год до этого, была транспортная развязка, зачатая в аду.

Как всегда, глаза Билла улавливали все справа и слева, быстро оценивая транспортный поток, выискивая разрыв в нем. Если бы он ошибся в оценке — можно сказать, заикнулся, — он был бы серьезно ранен или убит.

Он стрелой вонзился в медленно движущийся поток, который создавал пробку на перекрестке, двигаясь на красный свет и съезжая направо, чтобы не врезаться в «Бьюик» с иллюминатором. Он быстро оглянулся через плечо: свободна ли средняя полоса. Он снова посмотрел вперед и увидел, что через какие-нибудь пять секунд врежется в зад пикапа, который остановился как раз посередине перекрестка, пока тип за рулем, вытянув шею, старался прочитать все надписи и удостовериться, что он сделал правильный поворот и так или иначе попадет на Майами-Бич.

Полоса справа от Билла была занята внутригородским автобусом, следующим по маршруту Дерри — Бангор. Он проскользнул в этом направлении и заполнил разрыв между остановившемся пикапом и автобусом, все еще двигаясь со скоростью сорок миль в час. В последнюю секунду он резко отвел голову в сторону, как солдат, подобострастно делающий равнение направо, чтобы зеркало, установленное со стороны пассажира в пикапе не пересчитало ему зубы. Горячие выхлопные газы автобуса попали ему в горло, как глоток крепкого ликера. Он услышал тонкий пронзительный крик, когда руль его вела ударился об алюминиевый бок автобуса. Он мельком увидел шофера автобуса, лицо которого было мертвенно-бледным под его кепкой компании «Гудзон бас». Шофер показывал Биллу кулак и что-то кричал.

Вот трио пожилых леди пересекают Мейн-стрит со стороны Нью-Ингленд банка. Резкий звук заставил дам посмотреть вверх. Рты их открылись от удивления, когда мальчик на огромном велосипеде, как мираж пронесся мимо них на расстоянии полуфута.

Самое худшее — и самое лучшее — теперь было позади. Он посмотрел в глаза собственной смерти и снова нашел, что он живучий. Автобус не раздавил его; он не убил себя и трех пожилых леди с их хозяйственными сумками и чеками социального страхо-

вания; обошлось все и с пикапом. Теперь он ехал в гору, скорость убывала, и с ней убывало еще что-то — о, можете назвать это желанием. Все мысли и воспоминания опять охватили его — привет, Билл, парень, мы потеряли было тебя из виду, но вот мы снова здесь; они забирались к нему по рубашке, прыгали в уши и со свистом проносились у него в голове, — так малыши катаются с горки. Он чувствовал, как они занимают свои привычные места, их возбужденные тела сталкиваются друг с другом. Ага! Вот! Мы снова в голове Билла! Давай думать о Джордже! О'кей! Кто хочет начать?

Ты слишком много думаешь, Билл.

Нет — не это было проблемой. Проблема состояла в том, что он слишком много воображал.

Он повернул на Ричард-аллею и через несколько минут выехал на Центральную улицу, медленно нажимая на педали и чувствуя пот на спине и на волосах. Он слез с Сильвера перед аптекой и вошел внутрь.

6

До смерти Джорджа Билл обычно находил общие темы для разговора с мистером Кином. Аптекарь не то, чтобы был добр — так Билл не думал, — но он был достаточно терпелив, он не дразнил, не высмеивал. Но сейчас Билл заикался еще больше и он действительно боялся, что задержись он, что-нибудь может случиться с Эдди.

Поэтому, когда мистер Кин сказал: «Привет, Билл Денбро, чем могу быть полезен?», Билл взял проспект, рекламирующий витамины, перевернул его и написал сзади: «Эдди Каспбрак и я играли в Барренсе. У него страшный приступ астмы, то есть он едва может дышать. Не дадите ли вы мне наполнитель к его аспиратору?»

Он подтолкнул записку через застекленную стойку мистеру Кину, который прочитал ее, посмотрел на Билла серьезными глазами и сказал:

— Конечно. Подожди прямо здесь и не трогай то, что не нужно.

Билл нетерпеливо переминался с ноги на ногу, пока мистер Кин был за задней стойкой. Хотя он пробыл там менее пяти минут, Билли показалось это вечностью; наконец он вернулся с одним из пластмассовых баллончиков Эдди. Он вручил его Биллу, улыбнулся и сказал:

— Это решит проблему.

— Сссспасибо, — сказал Билл. — У меня нет ддденег...

— Ничего, сынок. Миссис Каспбрак имеет здесь счет. Я просто добавлю это. Уверен, она захочет поблагодарить тебя за твою доброту.

Билл облегченно поблагодарил мистера Кина и быстро вышел. Мистер Кин тоже вышел из-за стойки, чтобы посмотреть, как он поедет. Он видел, как Билл бросил аспиратор в велосипедную корзину и неуклюже забрался на свою машину. «Он действительно умеет ездить на таком большом велосипеде? — удивлялся мистер Кин. — Сомневаюсь, я очень сомневаюсь в этом». Но мальчишка Денбро не свалился и медленно нажал на педали. Велосипед, который казался мистеру Кину чьей-то шуткой, вихлял из стороны в сторону. Аспиратор в корзине перекачивался взад-вперед.

Мистер Кин ухмыльнулся. Если бы Билл увидел эту ухмылку, она была бы лишним подтверждением его мнения, что мистер Кин отнюдь не является одним из самых приятных людей в мире. Это была мрачная ухмылка человека, который открыл для себя многое достойное удивления, но почти ничего, чтобы изменить положение вещей. Да, он добавит стоимость противоастматического медикаментозного средства Эдди в счет Сони Каспбрак, но она, как всегда, будет удивлена, и скорее подозрительна, чем благодарна, что оно такое дешевое. «Другие лекарства такие дорогие», — говорила она. Мистер Кин знал, что миссис Каспбрак — одна из тех, кто считает, что ничего дешевого не может принести пользу человеку. Он действительно мог бы ее нагреть на «Гидрокс Мист» для ее сына, и порой впадал в искушение... но зачем ему наживаться на глупости женщины? Не помрет же он с голоду, в самом деле.

Дешевое? О, да. «Гидрокс Мист» («Применяется по показаниям» — напечатано аккуратно на ярлычке, который он наклеил на каждый флакончик для аспиратора) был удивительно дешевым, но даже миссис Каспбрак была вынуждена признать, что он успокаивает приступ астмы у сына, несмотря на дешевизну. Лекарство было дешевым потому, что оно было ничем иным, как сочетанием водорода и кислорода и чуточки камфары, для придания ему слабого медикаментозного привкуса.

Другими словами, лекарством от астмы Эдди была вода из-под крана.

7

Обратно Билл добирался дольше, потому что он ехал в гору. В нескольких местах приходилось слезать с Сильвера и толкать его. У него просто не хватало мускульной силы, чтобы заставить велосипед подниматься на крутые склоны.

К тому времени, когда он спрятал велосипед и пошел назад к ручью, было десять минут пятого. Через его голову прошли все самые мрачные мысли. Бен Хэнском сбежал, оставив Эдди умирать.

Или могли возвратиться те бандиты и избить их... Или... самое худшее... тот человек, который зверски убивал детей, мог разделаться с одним или с обоими. Как он разделался с Джорджем.

Он знал, что по поводу этого было много сплетен и размышлений. Билл был заикой, но он не был глухим, хотя иногда, по-видимому, его считали глухим, так как говорил он только в случае острой необходимости. Одни полагали, что убийство его брата не соотносилось с убийством Бетти Рипсом, Шерил Ламоники, Мэтью Клементс и Вероники Гроган. Другие утверждали, что Джордж, Рипсом, Ламоники были убиты одним человеком, а двое других — работа убийцы-двойника. Третьей точкой зрения было, что мальчики убиты одним человеком, девочки — другим.

Билл считал, что все они убиты одним и тем же человеком... если это был человек. Он иногда размышлял над этим. Как размышлял этим летом и о своих чувствах относительно Дерри. Было ли это следствием смерти Джорджа, того, что его родители, казалось, игнорировали его теперь, были настолько убиты своим горем, что просто не замечали: он, Билл, пока еще жив и может покалечиться? Может быть причиной были многочисленные убийства? Голоса, которые нашептывали ему (голоса эти не были вариациями его собственного голоса, — они не заикались, были спокойны и уверены), советовали делать одно и не делать другое? Это заставило его увидеть Дерри другими глазами? Потому город стал угрожающим, неизведанные улицы не манили, а, казалось, звали в какой-то злобещей тишине? Потому многие лица выглядели таинственными и испуганными?

Он не знал точно, но считал, как считал, что все убийства были работой одной силы, что Дерри действительно изменился, и что смерть его брата была сигналом к началу этих перемен. Мрачные предположения в его голове исходили из потаенной мысли, что теперь в Дерри может случиться все что угодно. Все что угодно.

Но, когда он, обойдя последнюю излучину, увидел мальчиков, там все выглядело спокойно. Бен Хэнсом сидел рядом с Эдди. Голова Эдди теперь была опущена, руки болтались между колен, он все еще дышал с присвистом. Солнце село достаточно низко и отбрасывало через речку длинные зеленые тени.

— Ты очень быстро, — сказал Бен, вставая. — Я ожидал тебя не раньше, чем через полчаса.

— У меня бббыстрый вввелик! — с некоторой гордостью сказал Билл.

Какое-то мгновение они смотрели друг на друга настороженно, подозрительно. Затем Бен попробовал улыбнуться, и Билл улыбнул-

ся в ответ. Парень был толстый, но казался нормальным. И он остался. Это потребовало достаточно мужества, ведь Генри со своими друзьями-головорезами может рыщет где-нибудь поблизости.

Билл подмигнул Эдди, который смотрел на него с немой благодарностью.

— Ввввот, Ээээдди. — Он бросил ему аспиратор.

Эдди засунул его в открытый рот, нажал зажим и судорожно глотнул воздух. Затем он с закрытыми глазами откинулся назад. Бен смотрел на него с беспокойством.

— Черт! Ему действительно было плохо, да?

Билл кивнул.

— Я испугался, — сказал Бен низким голосом. — Что делать, думаю, если у него начнутся конвульсии или что-то в этом роде. Попытался вспомнить ту чушь, которую нам рассказывали на собрании Красного Креста в апреле. И единственное, что припомнил, — положить палку в рот, чтобы он не откусил язык.

— Это наверное для ээээпилептиков.

— Да, конечно. Я думаю, ты прав.

— Так или иначе, у него не будет конвульсий, — сказал Билл. — это ллллекарство поможет ему. Сссмотри.

Тяжелое дыхание Эдди смягчилось. Он открыл глаза и посмотрел на них.

— Спасибо, Билл, — сказал он. — Это был настоящий кошмар.

— Мне кажется, он начался, когда они разбили тебе нос, а? — спросил Бен.

Эдди грустно засмеялся, встал и сунул аспиратор в задний карман.

— Я даже не думал о своем носе. Я думал о мамаше.

— Да? Действительно? — спросил Бен удивленно; его рука дотронулась до разодранного свитера и нервно забегала.

— Она только увидит кровь на рубашке и в пять секунд отведет меня в травмопункт.

— Зачем? — спросил Бен. — Ведь кровь остановилась? Боже, я помню одного парня, с которым я был в детском саду, Скутера Моргана. Он разбил нос, когда упал с перекладки. Его взяли в травмопункт, но только чтобы остановить кровотечение.

— Да? — спросил Билл, заинтересовавшись. — Он уммер?

— Нет, но он не ходил в сад неделю.

— Не имеет значения, остановилась кровь или нет, — мрачно сказал Эдди. — Так или иначе она поведет меня. Она подумает, что нос разбит и кусочки кости вонзятся в мозг или что-то в этом роде.

— Ммммогут косточки попасть в твой ммозг? — спросил Билл. Это был поворот к самому интересному разговору за долгие недели.

— Не знаю. Если послушать мать, все может быть. — Эдди снова повернулся к Бену. — Она отводит меня в травмопункт раз или два в месяц. Я ненавижу это место. Однажды один санитар сказал, что они вынуждены просить ее вносить плату. Она была взбешена.

— Н-да, — сказал Бен. Он подумал, что мать Эдди, должно быть, действительно странная, не сознавая, что обе его руки теребят остатки свитера. — Почему ты не скажешь ей нет? Скажи что-нибудь наподобие этого: «Послушай, мама, я чувствую себя нормально, я хочу просто остаться дома и смотреть «Морскую охоту». Наподобие этого.

— Ааааа, — сказал Эдди безнадежно, и больше ничего.

— Ты Бен Хххэнском, ппправильно? — спросил Билл.

— Да. А ты Билл Денбро.

— Дда. А это Ээээ...

— Эдди Каспбрак, — сказал Эдди. — Я терпеть не могу, когда ты заикаешься на моем имени. Оно у тебя звучит как Элмер Фадд.

— Ппппрости.

— Ну я рад познакомиться с вами обоими, — сказал Бен. Это прозвучало жеманно и как-то неуклюже. Образовалась тишина. Но тишина не была неловкой. В ней они становились друзьями.

— Почему те парни преследуют тебя? — спросил Эдди.

— Они вввсегда ппппреследуют ккого-нибудь, — сказал Билл. — Я ннненавижу тех ппздюков.

Минуту Бен молчал — главным образом, от восхищения перед тем, что Билл применил слово, которое мать Бена иногда называла Действительно Плохим Словом. Бен за свою жизнь никогда не сказал вслух Действительно Плохого Слова, хотя как-то написал его (малюсенькими буквами) на телефонном столике в День всех святых.

— Бауэрс перестал сидеть рядом со мной на экзаменах, — сказал Бен наконец. — Он хотел списать мою работу. Я ему не дал.

— Ты, парень, должно быть, хочешь умереть молодым, — сказал Эдди восхищенно.

Заика Билл залился смехом. Бен резко посмотрел на него, но тут же понял, что смеются не над ним (трудно сказать, как он это понял, но он понял), и широко улыбнулся.

— Думаю, да, — сказал он. — Так или иначе ему предстоит учиться летом, ну они и устроили на меня засаду, и вот что получилось.

— Ттты ввыглядишь ттак, словно они убббили тебя, — сказал Билл.

— Я упал сюда с Канзас-стрит. Со стороны холма, — Бен посмотрел на Эдди. — Я, наверно, увижусь с тобой в травмопункте. Потому что, когда моя мамаша увидит мою одежду, она тоже отведет меня туда.

На этот раз и Билл, и Эдди приснули от смеха, и Бен присоединился к ним. От смеха ему было больно в животе, но он все равно смеялся, пронзительно и немножко истерично. В конце концов он даже сел на насыпь и все смеялся и смеялся. Ему нравилось, как его смех звучит вместе с их смехом. Это был звук, который он никогда раньше не слышал: не просто смешанный смех — он слышал его много раз — а смешанный смех, в котором была его собственная часть.

Он посмотрел на Билла Денбро, их глаза встретились, и это было все, что требовалось, чтобы заставить обоих засмеяться снова.

Билл подтянул свои штаны, отбросил воротник рубашки, начал сутуло и неуклюже ходить смешной страусиной походкой. Его голос сильно упал, и он сказал:

— Я убью тебя, парень. Не носи чушь. Я тупой, но я большой. Я могу лбом щелкать грецкие орехи. Я могу писать уксусом и срать цементом. Меня зовут Лапушка Бауэрс и я главный мерзавец в этом районе Дерри.

Эдди свалился на насыпь и катался по земле, хватаясь за живот и воя. То же самое делал Бен, потом просунул голову между голеней, из глаз у него струились слезы, из носа длинными белыми дорожками висели сопли, он смеялся, как гиена, жестоко смеялся.

Билл сел с ними, мало-помалу все трое успокоились.

— Во всем этом есть одна положительная вещь, — сказал Эдди вскоре. — Если Бауэрс будет в летней школе, мы его не часто будем встречать здесь.

— Вы много играете в Барренсе? — спросил Бен. Этот вопрос никогда бы за тысячу лет не пришел ему в голову из-за той репутации, которая была у Барренса, но теперь, когда он был здесь, Барренс казался ему не столь уж плохим. И правда, эта полоса низкой насыпи, когда день медленно подвигал ее к сумеркам, выглядела очень приятно.

— Да. Здесь ппотрясно. Оообычно нникто не ббеспокоит нас здесь. Ммы часто ссюда сббегаем. Ббббауэрс и те дддругие ппарни в принципе сюда не пприходят.

— Ты и Эдди?

— Рррр — Билл качал головой. Его лицо собралось в узел, как мокрая тряпка, когда он заикался, заметил Бен, и вдруг ему пришла в голову странная мысль: «Билл совсем не заикался, когда он высмеивал Генри Бауэрса».

— Ричи! — воскликнул Билл, и после паузы продолжил, — Ричи Тозиер обычно пприходит тоже. Но сегодня они с оттцом собирались чистить свой ччердак.

— Чердак, — перевел Эдди и бросил камешек в воду. Плюм!

— Да, я его знаю, — сказал Бен. — Вы, ребята, часто сюда ходите? — Эта мысль заворожила его и заставила чувствовать какое-то глупое желание.

— Дддостаточно часто, — сказал Билл. — Ппочему бы ттебе не пприйти сюда ззавтра? Я и Эдди пппопытались ббы сделать заапруду.

Бен ничего не сказал. Он был удивлен не только самим предложением, но и тем, с какой простотой и небрежностью оно было сделано. — Может стоит построить что-нибудь другое, — сказал Эдди. — Запруда не так уж и хороша была.

Бен встал и пошел к протоку, стряхивая грязь со своей огромной задницы. По обе стороны протоки все еще лежали кучи маленьких веток, но все остальное, что они сложили вместе, унесло водой.

— Вам нужно несколько досок, — сказал Бен. — Возьмете доски и поставите их в ряд... друг напротив друга... как хлеб в сэндвиче.

Билл и Эдди смотрели на него озадаченные. Бен опустил на колено.

— Глядите, — сказал он. — Доски здесь и здесь. Вы втыкаете их в русло протоки друг против друга. О'кей? Затем быстро, чтобы вода их не смыла, вы заполните пространство между ними камнями и песком.

— Мммы, — сказал Билл.

— Что?

— Ммы сделаем это.

— О, — сказал Бен, чувствуя (и выглядя, он был уверен) себя страшно тупым. Но ему было наплевать, как он выглядит, потому что он вдруг почувствовал себя очень счастливым. Он не мог даже вспомнить, когда в последний раз был счастлив. — Да. Мы. Так или иначе, если вы — мы — напомним пространство между досками камнями и прочим, запруда выдержит. Доска, которая выше по течению, будет опираться о камни и песок по мере того как вода будет скапливаться. Вторая доска отклонится назад и выпустит воду, я думаю, но если бы у нас была третья доска... смотрите.

Он сделал на песке палочкой рисунок. Билл и Эдди Каспбрак наклонились и изучали его с живым интересом.

— Ты когда-нибудь раньше строил запруду? — спросил Эдди. Тон у него был уважительный, почти благоговейный.

— Нет.

— Тогда откуда ты знаешь, что она будет ррработать?

Бен посмотрел на Билла озадаченный.

— Конечно будет, — сказал он. — Почему нет?

— Но откуда ты знаешь? — спросил Билл. Бен почувствовал в интонации вопроса не саркастическое недоверие, а искренний интерес. — Как ты можешь быть уверен?

— Я просто знаю, — сказал Бен. Он посмотрел вниз на свой рисунок, чтобы самому удостовериться. Он никогда в жизни не видел водонепроницаемую перемычку, ни на чертеже, ни в действии, и не имел никакого представления о том, что он только что отлично воспроизвел ее.

— О'кей, — сказал Билл и похлопал Бена по спине. — До завтра.

— Во сколько?

— Я и Эдди придем сюда к восьми тридцати...

— Если мы с матерью не будем еще сидеть в травмопункте, — сказал Эдди и вздохнул.

— Я принесу несколько досок, — сказал Бен. — У одного парня в соседнем квартале их полно. Я стрельну несколько.

— Принеси еще какого-нибудь провианта. — сказал Эдди. — Что-нибудь поесть. Знаешь, типа сэндвичей.

— О'кей.

— У тебя есть какое-нибудь оружие?

— У меня есть духовое ружье «Дейзи», — сказал Бен. — Мама подарила мне его на Рождество, но она сходит с ума, если я стреляю дома.

— Принеси его, — сказал Билл. — Может быть, мы будем играть в войну.

— О'кей, — сказал Бен счастливо. — Слушайте, я должен мчаться домой, парни.

— Мы тоже, — сказал Билл.

Они втроем покинули Барренс. Бен помог Биллу поднять Сильвера на насыпь. Эдди плелся в хвосте, снова дыша с присвистом и с горечью глядя на свою запачканную кровью рубашку.

Билл сказал «до свидания» и нажал на педали, крича «Пошел, Сильвер, ДАВАЙИ!» на пределе своих легких.

— Гигантский вел, — сказал Бен.

— Еще бы, — сказал Эдди. Он сделал еще одну затяжку из аспиратора и опять дышал нормально. — Он иногда возит меня на багажнике. Едет так быстро, что из меня дух вон. Он хороший мужик, Билл. — Это последнее он сказал экспромтом, но его глаза говорили нечто более выразительное, значимое. Они были полны обожания. — Ты знаешь, что случилось с его братом, нет?

— Нет, а что с ним?

— Убили прошлой осенью. Какой-то парень убил его. Вырвал руку — прямо как вырывают крылышко у мухи.

— Боже мой!

— Билл — он обычно несильно заикался. Сейчас ужасно. Ты заметил, что он заикается?

— Да... немного.

— Но его мозг не заикается — понимаешь, что я имею в виду?

— Да.

— Ну в общем я тебе это рассказал, потому что ты хочешь, чтобы Билл был твоим другом, а с ним лучше не заговаривать о его маленьком братишке. Не задавай ему вопросов. Он от этого весь съеживается.

— Господи, еще бы, — сказал Бен. Он теперь, смутно вспомнил о маленьком мальчике, которого убили прошлой осенью. Интересно, думала ли мать о Джордже Денбро, когда давала ему часы, которые он теперь носил, или о более ранних убийствах. — Это случилось сразу после большого наводнения?

— Да.

Они дошли до угла Канзас и Джексон, где должны были разойтись. Тут и там бегали ребята, играя в салки и в бейсбол. Один смешной маленький паренек в больших белых шортах шел с сознанием собственной значимости за Беном и Эдди, катил хула-хуп и кричал: «Эгегей!»

Мальчишки посмотрели на него, удивленные, потом Эдди сказал:

— Ну, я должен идти.

— Подожди секунду, — сказал Бен. — У меня есть идея, если ты действительно не хочешь идти в травмопункт.

— Да? — Эдди посмотрел на Бена в сомнениях, но с надеждой.

— У тебя есть пятицентовик?

— У меня есть десятицентовик. А что?

Бен рассматривал высыхающие темно-бордовые пятна на рубашке Эдди.

— Зайди в магазин и купи шоколадное молоко. Пролей примерно половину себе на рубашку. А когда придешь домой, скажи маме, что ты все его пролил.

Глаза Эдди прояснились. За четыре года, с момента смерти отца, зрение матери значительно ухудшилось. Из-за самолюбия (и потому, что она не умела водить машину) она отказалась от консультаций с окулистом и не хотела носить очки. Высохшие пятна крови и пятна от шоколадного молока выглядели почти одинаково. Может быть...

— Это может сработать, — сказал он.
— Только не говори, что это моя идея, если все раскроется.
— Не скажу, — сказал Эдди. — Пока, аллигатор.
— О'кей.
— Нет, — сказал Эдди — когда я говорю так, ты должен ответить: «До скорого, крокодил».
— До скорого, крокодил.
— Понял. — Эдди улыбнулся.
— Ты что-нибудь имеешь в виду? — сказал Бен. — Вы на самом деле парни хладнокровные?
Эдди выглядел более чем смущенно, он явно нервничал.
— Билл хладнокровный, — сказал он и ушел.
Бен смотрел, как он шел до Джексон-стрит и затем повернул к дому.

Через три квартала он увидел три хорошо знакомые фигуры, стоящие на автобусной остановке на углу Джексон и Мейн. Ему здорово повезло, они стояли к нему спиной. Бен нырнул за забор, сердце у него отчаянно билось. Через пять минут междугородный автобус Дерри — Ньюпорт — Хейвен остановился, Генри и его дружки вынесли свои зады с остановки и прыгнули внутрь.

Бен подождал, пока автобус не скрылся из поля зрения, и поспешил домой.

8

Той ночью с Биллом Денбро случилась ужасная вещь. Она случилась второй раз.

Его мама и папа были внизу и смотрели телевизор, почти не разговаривая друг с другом, сидя на разных концах кушетки, как столбики-подставки для книг. Было когда-то время, когда комната, где стоял телевизор, открывающаяся на кухню, полна была разговоров и смеха, и того и другого было так много, что порой невозможно было слушать телевизор.

— Замолчи, Джордж! — кричал обычно Билл.

— А ты прекрати жрать воздушную кукурузу, — отвечал обычно Джордж. — Ма, заставь Билла дать мне воздушную кукурузу.

— Билл, дай ему воздушную кукурузу. Джордж, не называй меня Ма. Ма — это похоже на блеянье овец.

Или отец шутил, и они все смеялись, даже мама. Билл знал, что Джордж не всегда понимал эти шутки, но он тоже смеялся, потому что все смеялись.

В те дни мама и папа также были подставками для книг на кушетке, а он и Джордж были книгами. Уже после смерти брата Билл тоже старался быть книгой между ними, когда они смотрели телевизор, но это была холодная и неблагодарная работа. С двух сторон он ощущал холод, а дефростер Билла был слишком невелик, чтобы справиться с ним. И он должен был уходить, потому что этот холод замораживал его щеки, и от него у мальчика слезились глаза.

— Хотите послушать шутку, которую я слышал сегодня в школе? — попытался он расшевелить их однажды, несколько месяцев назад.

Молчание. По телевизору преступник просил брата-священника спрятать его.

Отец Билла оторвался от журнала, который смотрел, и взглянул на Билла с мягким удивлением. Потом снова обратился к журналу. Там, на картинке, был изображен охотник, уставившийся из сугроба на огромного ревущего полярного медведя. «Искалечен убийцей из Белых Пустынь» — так называлась статья. Билл подумал: «я знаю, где находятся белые пустыни, — между папой и мамой на этой кушетке».

Мама совсем не подняла головы.

— Это насчет того, сколько нужно французов, чтобы вернуть лампочку, — начал Билл. Он почувствовал мелкую испарину на лбу, как бывало в школе, когда он знал, что учительница игнорировала его, пока могла, но скоро должна его вызвать. Он сказал это слишком громко, но казалось, не может понизить голос. Слова эхом отдавались в его голове, как сумасшедший перезвон, сжимаясь и изливаясь опять.

— Ты знаешь, сколько?

— Один — чтобы держать лампочку, и четверо — чтобы повернуть дом, — равнодушно сказал Зак Денбро и перевернул страницу журнала.

— Ты что-то сказал, дорогой? — спросила мама, а в Театре Четырех звезд брат, который был священником, уговаривал брата, который был бандитом, признать свой грех и молиться о прощении.

Билл сидел, истекающий потом, но холодный — такой холодный! Было холодно, потому что на самом деле он не был единственной книгой между ними двумя: Джордж все еще находился там, только теперь это был Джордж, которого он не мог видеть, Джордж, который никогда не просил воздушной кукурузы и не вопил, что Билл его обижает. Этот новый вариант Джорджа никогда не вырезал чертиков. Это был однорукий Джордж, бесцветно, задумчиво молчаливый в прозрачном бело-синем мерцании «Моторолы», и, воз-

можно, не от родителей, а от Джорджа исходит этот жуткий холод; возможно, это Джордж был настоящим убийцей с Белых Пустынь. В конце концов Билл убежал от холодного, невидимого брата к себе в комнату, где он лег лицом в постель и плакал в подушку.

Комната Джорджа оставалась такой же, какой была в день его смерти. Недели через две после похорон Зак положил игрушки Джорджа в картонную коробку, имея в виду отдать их то ли Доброй Воле, то ли Армии Спасения, то ли еще кому-то в этом роде, как считал Билл. Но, когда Шерон Денбро увидела, что он выходит с коробкой в руках, ее руки, как испуганные белые птицы, взвились к голове, зарылись в волосы и там замкнулись в кулаки. Билл при виде этого повалился на стену — сила вышла из него, ноги не держали. Его мать выглядела сумасшедшей, как Эльза Ланкастер в «Невесте Франкенштейна».

— Ты не посмеешь трогать его вещи! — кричала она хриплым голосом.

Зак вздрогнул и, не говоря ни слова, отнес коробку с игрушками обратно в комнату Джорджа. Он даже разложил их точно на тех же местах, с которых взял. Билл вошел и увидел, что отец стоит на коленях у кровати Джорджа (которую мать все еще меняла, хотя теперь только раз в неделю вместо двух) и головой зарылся в свои волосатые мускулистые руки. Билл увидел, что отец плачет, и это увеличило его ужас. Пугающая возможность вдруг пришла ему в голову: может быть предметы не просто выходят из строя и все, может они все продолжают и продолжают выходить из строя до тех пор, пока окончательно не разваливаются.

— Ппппапа...

— Иди, — сказал отец. Его голос был приглушенный и дрожащий. Спина его вздрагивала. Билли страшно хотелось прикоснуться к его спине, а вдруг рука его сможет успокоить эти безутешные рыдания, но как-то не осмелился. — Иди, проваливай.

Он ушел, шатаясь и слыша, как мать рыдает внизу на кухне. Звук был пронзительный и беспомощный. Билл подумал: «Почему они до сих пор плачут врозь?» — а затем отшвырнул эту мысль.

9

В первую ночь летних каникул Билл вошел в комнату Джорджа. Его сердце тяжело билось в груди, ноги были ватными и неуклюжими от напряжения. Он часто приходил в комнату Джорджа, но это не значило, что ему здесь нравилось. Комната была так наполнена присутствием Джорджа, что казалась наводненной призраками. Он

вошел, представляя себе, что дверца шкафа может скрипнуть в любой момент и Джордж окажется там среди рубашек и штанов, все еще аккуратно развешенных в нем, Джордж, одетый в дождевик, покрытый красными пятнами, дождевичок с одной болтающейся желтой рукой. Глаза Джорджа будут пустые и страшные, глаза зомби из фильма ужасов. Он выйдет из шкафа, и его галоши издадут скрип, пока он будет идти через комнату туда, где на его постели сидит Билл, замерзший сгусток ужаса...

Если бы это случилось когда-нибудь вечером, пока он сидел здесь, на кровати Джорджа, глядя на картинки на стене или на поделки наверху комода, он был уверен, что сердечный приступ, возможно с фатальным исходом, последовал бы через десять секунд. И все-таки он шел. Война с ужасом Джорджа-призрака была безмолвной, неотвязной необходимостью — жаждой; надо было как-то пройти через смерть Джорджа и найти достойный способ жить дальше. Не забыть Джорджа, но каким-то способом сделать его не таким чудовищно жутким. Он понял, что его родителям это не удавалось и что если он собирается сделать это для себя, то должен будет сделать это сам.

Он пришел не только для себя, он пришел и для Джорджа. Он любил Джорджа, и для братьев они ладили очень хорошо. О, у них были свои неприятные моменты — как-то Билл устроил Джорджу хорошую старую индейскую ловушку; Джордж наябедничал на Билла, когда Билл, после того как выключил свет, спустился вниз и съел остатки глазури из лимонного крема, — но в целом они ладили. Плохо, что Джордж умер. Но превращение Джорджа в какую-то разновидность ужасного монстра — это было даже хуже.

Он потерял братишку, это правда. Потерял его голос, его смех; глаза Джорджа, так доверительно касающиеся его глаз, уверенные, что Билл имеет ответы на все-все вопросы. Это он тоже потерял. И странное дело: временами он чувствовал, что больше всего любит Джорджа в своем страхе, потому что даже в своем страхе — тревожных чувствах, что зомби-Джордж может прятаться в шкафу или под кроватью, — он лучше помнил любовь Джорджа к себе и свою любовь к нему. В попытке примирить эти две эмоции — свою любовь и свой страх — Билл чувствовал, что он ближе всего к разгадке.

Он не мог бы говорить об этом, потому что считал свои мысли чем-то бессвязным и путанным. Но его теплое и страждущее сердце подсказывало ему такое решение, и это было главным.

Иногда он просматривал книги Джорджа, иногда изучал игрушки Джорджа.

В альбом фотографий Джорджа он не смотрел с прошлого декабря.

Теперь, ночью, после знакомства с Беном Хэнском, Билл открыл дверь шкафчика Джорджа (закаляя себя, как всегда, чтобы увидеть воочию самого Джорджа, стоящего в своем окровавленном дождевике среди висящей одежды, и ожидая, как всегда, увидеть, как мертвенная, с рыбьими пальцами рука высовывается из темноты, чтобы схватить его за руку) и взял с верхней полки альбом.

«МОИ ФОТОГРАФИИ» — гласила надпись золотом на обложке. Ниже, приклеенные клейкой лентой (лента теперь слегка пожелтела и шелушилась) — тщательно выведенные слова «ДЖОРДЖ ЭЛМЕР ДЕНБРО, 6 ЛЕТ». Билл взял альбом на кровать, на которой спал Джордж, и сердце его забилось учащеннее, чем обычно. Он не мог сказать, что снова заставило его взять альбом с фотографиями. После того, что случилось в декабре...

Второй взгляд — это все. Просто для того, чтобы убедиться, что первый не был реальным. Что в первый раз была просто игра его воображения.

Что ж, так или иначе, это была идея.

А если правда? Но Билл подозревал, что причина в самом альбоме. Он определенно обладал для Билла какими-то сумасшедшими чарами. То, что он видел, или то, что он думал, что видел...

Билл открыл альбом. Он был наполнен картинками, которые Джорджу дарили мать, отец, тетушки и дяди. Джорджу было все равно: были это портреты людей или мест, знакомых и незнакомых; его привлекала, очаровывала сама идея фотографии. Когда ему не удавалось ни у кого выпросить новые фотографии для коллекции, он сидел на кровати, где сейчас сидел Билл, со скрещенными ногами и смотрел на старые, тщательно переворачивая страницы, изучая черно-белые снимки. Здесь была их мать, когда она была молодая и невероятно великолепная; вот их отец, ему не более восемнадцати, — один из трех улыбающихся молодых людей с ружьями, стоящих над тушей оленя, — у оленя открытые глаза; дядя Хойт на камнях со щуренком в руках; тетушка Фортуна на сельскохозяйственной ярмарке в Дерри с гордым видом опустила на колени рядом с корзиной помидоров, которые сама вырастила; старый «Бьюик»; церковь; дом; дорога, ведущая откуда-то куда-то. Все эти картинки, снятые кем-то, по каким-то причинам были собраны здесь, в альбоме фотографий мертвого мальчика.

Здесь Билл увидел себя в три года на больничной койке с тюрбаном бинтов на голове. Бинты шли по щекам и под его сломанной челюстью. Его сбила машина на стоянке на Центральной

улице. Он помнил очень немного из своего пребывания в больнице, только то, что ему давали молочные коктейли с мороженым через соломинку и что у него три дня ужасно болела голова.

Здесь была вся семья на лужайке дома: Билл стоял возле матери и держал ее за руку, а Джордж, еще совсем маленький, спал на руках Зака. А вот...

Это не был конец альбома, но это была последняя имевшая значение страница, потому что дальше шли пустые. Последняя фотография была школьным портретом Джорджа, снятым в октябре прошлого года, меньше чем за десять дней до его смерти. На Джордже была одета рубашка с вырезом на шее. Его непослушные волосы были прилизаны водой. Он широко улыбался, обнажая две пустые щели, в которых никогда не вырастут новые зубы. «Если они не будут продолжать расти после того, как ты умрешь», — подумал Билл и вздрогнул.

Он некоторое время внимательно смотрел на портрет и собирался уже закрыть альбом, когда то, что случилось в декабре, случилось снова.

Глаза Джорджа на портрете повернулись. Они встретились с глазами Билла. Искусственная фотографическая улыбка Джорджа превратилась в ужасный злобный взгляд. Его правый глаз подмигнул: скоро увидимся, Билл. В моем шкафу. Может быть, сегодня вечером.

Билл бросил альбом через комнату. Он зажал рот руками.

Альбом ударился о стену и упал на пол, открытый. Страницы перевернулись, хотя не было никакого сквозняка. Альбом открылся сам, открылся на этом страшном портрете, портрете, под которым было написано: «ШКОЛЬНЫЕ ДРУЗЬЯ 1957-58».

Из портрета потекла кровь.

Билл сидел замороженный, его язык — распухающий душивший ком во рту, кожа покрылась мурашками, волосы поднялись. Он хотел кричать, но, казалось, жалкие ноющие звуки, выползающие из его горла, единственное, на что он был способен.

Кровь потекла через страницу и капнула на пол.

Билл выскочил из комнаты, с шумом захлопнув за собой дверь.

Глава 6

ОДНО ИЗ ИСЧЕЗНОВЕНИЙ.

РАССКАЗ ИЗ ЛЕТА 1958 г.

1

Не все они были найдены. Нет, не все. И время от времени высказывались неверные предположения.

2

Из «Новостей Дерри» от 21 июня 1958 года. Первая страница:

ИСЧЕЗНОВЕНИЕ МАЛЬЧИКА ПОРОЖДАЕТ НОВЫЕ СТРАХИ

Эдвард Л. Коркоран, с Чартер-стрит, дом 73, Дерри, был объявлен пропавшим прошлой ночью его матерью, Моникой Маклин, и его отчимом, Ричардом П.Маклином. Коркорану десять лет. Его исчезновение вызвало в Дерри новые страхи, что убийца похищает детей.

Мисс Маклин сказала, что мальчик не приходил домой с 19 июня, — это был последний день перед каникулами.

На вопрос о том, почему они почти сутки воздерживались от заявления о пропаже, миссис и мистер Маклин отвечать отказались.

Шеф полиции Ричард Бортон тоже не стал комментировать это, но сотрудник-информатор Управления полиции сказал, что отношения между отчимом и сыном были весьма прохладные, и что сын часто не ночевал дома. Сотрудник полагает, что годовые отметки

сыграли не последнюю роль в трагедии, случившейся с мальчиком.

Завуч школы Дерри Гарольд Меткальф уклонился от комментариев по поводу успеваемости мальчика, сославшись на то, что это не имеет значения.

«Я надеюсь, исчезновение мальчика не вызовет необоснованных страхов, — сказал вчерашней ночью шеф Бортон. — Настроение общественности, естественно, непростое, но я хочу подчеркнуть, что каждый год к нам поступает от 30 до 50 заявлений о пропаже. Большинство из пропавших оказываются живыми и здоровыми меньше чем через неделю после официального заявления. Дай Бог, чтобы так было и с Эдвардом Коркораном».

Бортон также подтвердил свое мнение о том, что убийство Джорджа Денбро, Бетти Рипсом, Шерил Ламоники, Мэтью Клементса и Вероники Гроган — дело рук не одного человека.

«В преступлениях просматриваются существенные различия», — сказал Бортон, но от подробностей уклонился. Он сказал также, что местная полиция в тесном сотрудничестве с Главным детективным агентством делают все возможное. На вопрос в телефонном интервью, насколько успешно идет следствие, шеф полиции ответил: «Очень успешно». На вопрос, последуют ли какие-либо аресты Бортон отвечать отказался.

Из «НОВОСТЕЙ ДЕРРИ» за 22 июня 1958 года. (1-я страница)

ПРИКАЗ ПРОИЗВЕСТИ СРОЧНУЮ ЭКСГУМАЦИЮ

Вчера районный прокурор Эрхард К. Моултон приказал произвести эксгумацию Дорси Коркорана в связи с таинственным исчезновением его брата Эдварда. Прокурор поступил так по просьбе отдела убийств и отдела медицинских заключений.

Дорси Коркоран тоже жил с матерью и отчимом на Чартер-стрит, 73, он умер в мае 1957 года, как считалось, от несчастного случая.

Мальчика привезли тогда в местную больницу Дерри, он страдал от множества переломов, включая пе-

релом черепа. Ричард П.Маклин был ответственным лицом. Он заявил, что мальчик играл на стремянке в гараже и, по-видимому, упал с ее вершины. Мальчик умер, не приходя в сознание, через три дня.

Эдвард Коркоран, которому десять лет, был объявлен пропавшим в эту среду. На вопрос, подозреваются ли миссис или мистер Маклин в убийстве или исчезновении мальчика, шеф полиции не стал отвечать.

Из «НОВОСТЕЙ ДЕРРИ» от 24 июня 1958 года. (1-я страница)

МАКЛИН АРЕСТОВАН ЗА ИЗБИЕНИЕ ДО СМЕРТИ И НАХОДИТСЯ ПОД ПОДОЗРЕНИЕМ

Шеф полиции Ричард Бортон созвал пресс-конференцию для журналистов, чтобы оповестить общественность, что Ричард П Маклин арестован и ему предъявлено обвинение в убийстве своего приемного сына, Дорси Коркорана. Дорси скончался в местной больнице Дерри, как было объявлено, из-за несчастного случая. «В медицинском заключении написано, что ребенок был жестоко избит», — сказал Бортон. Хотя Маклин и заявил, что ребенок упал со стремянки, играя в гараже, из медицинского заключения явствует, что ребенка избивали каким-то тупоконечным инструментом. На вопрос, что это мог быть за инструмент, шеф Бортон ответил: «Скорее всего, это был молоток. Но сейчас важнее медицинское заключение, из которого следует, что мальчика долго били достаточно тяжелым предметом с целью раздробить ему кости. Травмы, особенно травма черепа, несопоставимы по тяжести с возможными травмами при падении. Дорси Коркоран был избит до полусмерти, а потом отправлен в больницу умирать».

На вопрос, не нарушили ли доктора свой долг, не предприняв все возможное, чтобы спасти мальчика, Бортон ответил: «Им зададут много серьезных вопросов, когда мистер Маклин явится в суд». На вопрос о том, как, по его мнению, все эти события связаны с недавним исчезновением старшего брата Дорси, Эдварда, о котором заявили четыре дня назад Ричард и

Моника Маклин, шеф Бортон ответил: «Я думаю, здесь все гораздо серьезнее, чем показалось с первого взгляда, не так ли?»

Из «НОВОСТЕЙ ДЕРРИ» за 25 июня 1958 года. (2-я страница)

УЧИТЕЛЬНИЦА ГОВОРИТ, ЧТО ЭДВАРД КОРКОРАН ЧАСТО БЫЛ В СИНЯКАХ

Генриетта Думонт, учительница пятого класса начальной школы Дерри на Джексон-стрит, сказала, что Эдвард Коркоран, которого ищут около недели, часто приходил в школу, покрытый синяками. Миссис Думонт, которая еще со времен Второй мировой войны преподает в пятых классах, сказала, что примерно за три недели до исчезновения, Коркоран пришел в школу «с маленькими щелками вместо глаз». Когда я его спросила, что случилось, он ответил, что отец немного вздул его за то, что он не хотел ужинать.

На вопрос, почему она не сообщила о таких, явно жестоких побоях, миссис Думонт сказала: «Это не первый такой случай в моей карьере учительницы. У меня был ученик, отец которого путал избиение с дисциплиной, я пыталась что-то предпринять, но заместитель директора Гвендолин Рейберн сказала мне, чтобы я лучше не вмешивалась. Она сказала, что когда учителя недовольны тем, как родители воспитывают детей, это обычно оборачивается для школы лишними финансовыми проверками. Я пошла к директору, и он посоветовал обо всем этом забыть, а иначе он вынесет мне выговор. И, не переубедив меня, он объявил мне выговор».

На вопрос, осталось ли такое отношение к ученикам в школе в настоящее время, миссис Думонт ответила: «Ну как оно могло измениться, когда происходят такие события? Я могу только добавить, сказала она, что если бы я в этом году не уходила на пенсию, я бы вам ничего не рассказала».

«С тех пор я каждый вечер встаю на колени и молюсь Богу, — продолжала Миссис Думонт, — чтобы Эдди Коркорану надоед его зверь-отец и он ушел бы

от него. Я молю Бога, чтобы Эдвард прочитал в газете или услышал где-либо, что его отца посадили в тюрьму, и он мог бы вернуться домой».

В непродолжительном телефонном интервью Моника Маклин горячо опровергла заявление миссис Думонт: «Риг никогда не бил ни Дорси, ни Эдди, — сказала она. — Я говорю вам это сейчас, и могу это повторить в здании суда, под присягой, смотря Богу прямо в лицо».

Из «НОВОСТЕЙ ДЕРРИ» за 28 июня 1958 года. (2-я страница)

**«ПАПА ВЫНУЖДЕН БЫЛ МЕНЯ ПРОУЧИТЬ,
ПОТОМУ ЧТО Я ПЛОХОЙ», — СКАЗАЛ МАЛЫШ
ВОСПИТАТЕЛЬНИЦЕ ПЕРЕД СМЕРТЬЮ ОТ ПОБоев**

Воспитательница нулевого класса школы, которая просила не называть ее имя, рассказала вчера нашему корреспонденту, что маленький Дорси Коркоран пришел в школу, которую посещал два раза в неделю, с сильным растяжением большого пальца и еще трех пальцев на правой руке, меньше чем за неделю до его жестокой смерти в гараже. «Это причиняло ему сильную боль, так что бедный ребенок не мог раскрасить свой плакат, — сказала учительница. — Пальцы распухли и стали похожи на сосиски. Когда я спросила, что случилось, он ответил, что его отец (отчим Ричард П.Маклин) вывернул ему пальцы за то, что он ходил по полу, который его мать только что вымыла и натерла. «Папа был вынужден меня проучить, потому что я плохой», — вот как он это объяснил. Я чуть не расплакалась, глядя на его бедные маленькие пальчики. Он действительно очень хотел раскрасить свой плакат, как и другие дети, поэтому я дала ему детский аспирин и позволила раскрашивать, пока другие дети читали. Он любил раскрашивать плакаты, больше всего любил, и я очень рада, что смогла ему доставлять маленькую радость в тот день. Когда он умер, мне и в голову не пришло, что это мог быть не несчастный случай. Прежде всего я подумала, кажется, что он упал со стремянки, потому что не мог как следует

орудовать своей правой рукой. В тот момент я, наверно, даже поверить не могла, что взрослый может сделать такое с ребенком. Теперь же я верю. Молю Бога, чтобы не знать «такое».

Старший брат Дорси, Эдвард, до сих пор разыскивается. Ричард Маклин, находясь в тюрьме Дерри, продолжает отрицать какую-либо причастность к смерти своего младшего пасынка или к исчезновению старшего.

Из «НОВОСТЕЙ ДЕРРИ» от 30 июня 1958 года. (5-я страница)

МАКЛИН ПОДОЗРЕВАЕТСЯ В УБИЙСТВАХ ГРОГАН И КЛЕМЕНТСА

Приведены неоспоримые алиби, утверждают документы из «Новостей Дерри» от 6 июля 1958 г. (1-я страница):

По словам Бортонa, Маклин обвиняется только в убийстве своего пасынка Дорси.

Эдварда Коркорана все еще ищут.

Из «Новостей Дерри» от 24 июля 1958 г. (1-я страница):

ПЛАЧУЩИЙ ОТЕЦ СОЗНАЕТСЯ В УБИЙСТВЕ МО- ЛОТКОМ СВОЕГО ПРИЕМНОГО СЫНА

В драматическом развитии дела об убийстве Дорси Коркорана Ричард Маклин в здании окружного суда Дерри на перекрестном допросе сознался, что он убил своего четырехлетнего сына и назвал инструмент убийства — молоток с длинной ручкой, который он закопал в самом конце фруктового сада жены перед тем как отвести мальчика в травматологию деррийской местной больницы.

В комнате суда царила тишина и ошеломление, пока плачущий Ричард Маклин, уже сознавшийся в избияниях своих приемных детей, «если они этого заслуживали, для их же собственного блага», излагал свою историю.

— Я не знаю, что тогда со мной случилось. Я увидел, как он опять лезет на эту проклятую лестницу, и схватил молоток со скамейки, где он лежал, и только употребил его. Я не собирался убивать Дорси. Клянусь Богом, никогда я не собирался убивать его.

— Он сказал что-нибудь вам перед смертью? — спросил Витсам.

— Он сказал: «Не надо, папа, прости, я люблю тебя», — ответил Маклин.

— И вы остановились?

— В конечном счете, да, — сказал Маклин. И тут он начал рыдать, и у него началась истерика, так что судья Эрхард Моултон вынужден был объявить перерыв.

Из «Новостей Дерри» от 18 сентября 1958 г. (16-я страница):

ГДЕ ЖЕ ЭДВАРД КОРКОРАН?

Его приемный отец, которому грозит заключение от двух до десяти лет в национальной тюрьме Шоушенк за зверское убийство своего четырехлетнего приемного сына Дорси, по-прежнему продолжает утверждать, что не имеет ни малейшего понятия, где находится Эдвард Коркоран. Мать Эдварда, которая уже подала в суд на развод с Ричардом П.Маклином, сказала, что ее бывший муж врет.

Действительно так?

«Лично я так не думаю, — говорит отец Эшли О'Брайен, который обслуживает католиков в тюрьме Шоушенк. Ричард Маклин решил обратиться в католическую веру почти сразу же после заключения в тюрьму, и отец Брайен провел с ним много времени. «Он действительно искренне раскаивается в том, что сотворил», — продолжает отец О'Брайен, добавив, что, когда он спросил Маклина, почему ему захотелось стать католиком, тот ответил: «Я слышал, у католиков есть акт покаяния, и мне очень нужно покаяться, иначе я попаду в ад, когда умру».

«Он создает, что сделал младшему мальчику, — сказал отец О'Брайен. — Если он что-нибудь сделал и

старшему, то этого он не помнит. Что касается Эдварда, он считает, что его руки чисты».

Насколько чисты руки Ричарда Маклина в отношении его приемного сына Эдварда — вопрос, который продолжает волновать жителей Дерри, но с него абсолютно убедительно сняты подозрения в убийствах детей, которые произошли в последнее время.

Что касается первых трех убийств — он предоставил железное алиби: когда в конце июня, в июле и в августе были совершены следующие семь убийств, он находился в тюрьме.

Все десять убийств не раскрыты.

В эксклюзивном интервью «Новостям» на прошлой неделе Маклин вновь повторил, что он не имеет понятия, где находится Эдвард Коркоран.

«Я бил их обоих, — сказал он в мучительном монологе, который сопровождался всхлипываниями. — Я любил их, но я бил их. Я не знаю почему, так же как не знаю, почему Моника позволяла мне это или почему она стала покрывать меня после смерти Дорси. Я думаю, я мог бы так же спокойно убить и Эдди, но клянусь перед Богом, перед Иисусом, перед всеми святыми рая, что я этого не сделал. Я знаю, как это нелепо выглядит, но я не убивал его. Я думаю, он просто убежал. Если это действительно так, то я должен поблагодарить за это Бога».

На вопрос, есть ли у него провалы в памяти — мог ли он убить Эдварда, а потом выбросить это из головы, Маклин ответил: «У меня нет никаких провалов памяти. Я очень хорошо знаю, что я делал. Я отдал свою жизнь Христу и буду пытаться в оставшееся мне время загладить свою вину».

Из «Новостей Дерри» от 27 января 1960 г. (1-я страница):

БОРТОН ЗАЯВЛЯЕТ, ЧТО НАЙДЕН ТРУП, КОТОРЫЙ НЕ ЯВЛЯЕТСЯ ТРУПОМ ЭДВАРДА КОРКОРАНА

Шеф полиции Ричард Бортон заявил сегодня утром репортерам, что сильно разложившийся труп мальчика в возрасте Эдварда Коркорана, который исчез из

Дерри, где он проживал до июня 1958 года, не признан трупом Коркорана. Труп был найден в Эйнесфорде, Массачусетс, закопанным в яму из гравия. Национальная полиция штатов Мэн и Массачусетс решила, что труп принадлежит Коркорану, которого прикончил маньяк после побега с Чертер-стрит, где находился его дом и где до смерти был избит его брат.

Исследования зубов ясно показали, что труп, найденный в Эйнесфорде, не принадлежит Коркорану, которого разыскивают уже девятнадцать месяцев.

Из «Пресс-Геральд» Портленда, 19 июля 1967 г. (3-я страница):

ОСУЖДЕННЫЙ УБИЙЦА СОВЕРШАЕТ САМОУБИЙСТВО В ФЭЛМАУСЕ.

Ричард П.Маклин, которого осудили за убийство своего четырехлетнего приемного сына девять лет назад, был найден мертвым вчера днем в своей маленькой квартире на третьем этаже в Фэлмаусе. Выпущенный под честное слово, он тихо жил и работал в Фэлмаусе со времени своего освобождения из национальной тюрьмы Шоушенк в 1964 году. Он несомненно совершил самоубийство.

«Записка, которую он оставил, четко отражает крайне плохое состояние его ума», — сказал помощник начальника полиции Фэлмауса Брандон К.Роч. Он отказался разглашать содержание записки, но служащий полицейского управления сказал, что в записке было только две фразы: «Вчера вечером я видел Эдди. Он был мертв».

Эдди — так звали хорошо известного приемного сына Маклина, брата мальчика, за убийство которого Маклин был осужден в 1958 году. Именно из-за исчезновения Эдварда Коркорана открылся факт убийства его младшего брата Дорси. Старшего брата ищут уже девять лет. На коротком судебном процессе в 1966 году мать мальчика объявила своего сына мертвым и поэтому смогла войти во владение страховыми счетами Эдварда. На счетах оказалось шестнадцать долларов.

Эдди Коркоран, естественно, был мертв.

Он умер ночью девятнадцатого июня, и его отчим действительно не имел к этому никакого отношения. Он умер, когда Бен Хэнском сидел дома и смотрел телевизор со своей матерью; когда мать Эдди Каспбрака с беспокойством щупала его лоб, чтобы найти признаки ее любимой болезни «фантомной лихорадки»; когда отчим Беверли Марш, который имел во всяком случае по темпераменту, необычайное сходство с отчимом Эдди и Дорси Коркоранов, ударил Бев, приказав ей «немедленно убираться на кухню и вытирать эту проклятую посуду, как тебе сказала мать»; когда на Майка Хэнлона, вырывающего сорняки в саду возле своего дома на Витчем-роуд, неподалеку от фермы, принадлежащей психованному отцу Генри Бауэрс, орали парни из старших классов; когда Ричи Тозиер с удовольствием рассматривал полураздетых девиц в номере «Gem», который он нашел в ящике, где его отец хранил носки и нижнее белье (весьма опрометчиво), и когда Билл Денбро отбросил альбом фотографий своего мертвого брата, не доверяя самому себе.

Хотя никто из них не вспомнит, что именно он тогда делал, но все они подняли глаза в тот самый момент, когда Эдди Коркоран умер... как будто услышали какой-то отдаленный крик.

«Новости» были абсолютно правы относительно одной вещи: экзаменационный лист Эдди был достаточно плохим, и он боялся идти домой и столкнуться лицом к лицу со своим отчимом. К тому же его родители очень много ссорились за последний месяц. Это еще более все усложняло. Когда обстановка накалялась, его мать начинала выкрикивать бессвязные обвинения. Его приемный отец сначала отвечал на это ворчанием, потом криком заткнуться и в конце концов ревом кабана, которому вонзились в рыло иглы дикобраза. Хотя Эдди ни разу не видел, чтобы он упражнялся на ней свои кулаки. Вряд ли он мог отважиться на такое. В прежние дни он берег свои кулаки для Эдди и Дорси, а сейчас, когда Дорси был мертв, Эдди получал и свою долю, и долю своего маленького брата.

Эти шумные схватки имели свои циклы. Чаще всего они случались в конце месяца, когда приходили счета. Если дело принимало совсем дурной оборот, к ним раз-другой заскакивал полицейский, вызванный соседом, и просил их сбавить тон. Обычно на этом кончалось. Правда, мать имела склонность подначивать полицейского, но отчим обычно не перечил ему.

Отчим, по мнению Эдди, боялся полицейских.

В эти напряженные периоды он лежал тихо. Так было мудрее. Если не верите, вспомните, что случилось с Дорси. Эдди не знал деталей о Дорси и не хотел знать, но у него было свое представление об этом. Дорси, так он считал, оказался не там, где нужно и когда не нужно, — в гараже в последний день месяца. Эдди сказали, что Дорси свалился с лестницы в гараже: «Ну ведь не единожды я ему говорил не подходи к ней, а шестьдесят раз говорил», — сказал отчим. Его мать не смотрела на него, только нечаянно... когда глаза их таки встретились, Эдди уловил испуганный, жалкий, слабый отблеск в ее глазах, который ему не понравился. Старик как раз тихо сидел за кухонным столом с квартой «Рейнгольда», глядя в пространство из-под тяжелых опущенных век. Эдди держался вне поля его зрения. Когда отец орал, с ним обычно — не всегда, но обычно — было все в порядке. Вот когда он останавливался, надо было быть осторожным.

Два дня назад, ночью, он бросил стулом в Эдди, когда Эдди встал посмотреть, что идет по другой программе телевидения. Он просто поднял один из полых алюминиевых кухонных стульев, размахнулся им и запустил в Эдди. Удар угодил в зад и чуть повыше. Зад у него болел до сих пор, но ведь могло быть хуже — могла быть голова.

Потом как-то ночью старик вдруг встал и ни с того ни с сего втер пригоршню картофельного пюре в волосы Эдди. А однажды, в сентябре прошлого года, Эдди пришел из школы и с шумом закрыл за собой дверь, когда его отчим дремал. Маклин вышел из спальни в грубых боксерских шортах, волосы у него стояли торчком, щеки заросли двухдневной щетиной, дыхание отдавало пивным перегаром после двухдневных возлияний. «Ну, Эдди, — сказал он, — я должен взяться за тебя, за то что ты хлопаешь этой дерьмовой дверью». В лексиконе Рича Маклина «взяться» было эвфемизмом «выбить из тебя дерьмо». Что он и сделал потом с Эдди. Эдди потерял сознание, когда старик бросил его в холл. Мать низко прибила там пару крючков, специально, чтобы они с Дорси вешали пальто. Эти жесткие стальные крючки врезались в нижнюю часть спины Эдди, и он отключился. Когда через десять минут он пришел в себя, то услышал, как мать кричит, что она поведет Эдди в больницу, и он не сможет удержать ее.

— После того, что случилось с Дорси? — отреагировал отчим. — Ты хочешь пойти в тюрьму, женщина?

Это был конец их разговора. Она помогла Эдди пройти в его комнату, где он, дрожа, лег в постель, лоб его был покрыт каплями пота. В следующие три дня, он единственный раз вышел из комнаты, когда оба они ушли. Он поплелся на кухню, охая и постанывая, и

вытащил из-под раковины виски отчима. Несколько глотков притупили боль. К пятому дню боль в основном ушла, но еще почти две недели он писал кровью.

И молотка в гараже больше не было.

Как насчет *этого*? Как насчет *этого*, друзья и близкие?

О, молоток Мастерового — обычный молоток — был все еще там. Не хватало «Скотти» с длинной ручкой. Особого молотка их отчима, молотка, который ему и Дорси запрещалось трогать. «Если вы дотронетесь до этого ребетенка, — сказал он им в тот день, когда купил его, — ваши кишки будут висеть на ваших ушах». Дорси робко спросил, очень ли дорогой этот молоток. Старик сказал ему, что он, черт возьми, со звуком. Что он наполнен шарикоподшипниками и его невозможно ни при каких условиях заставить отскочить назад.

Теперь молотка не было.

Оценки у Эдди были не блестящие, потому что он пропустил много занятий со времени второго замужества матери, но он ни в коем случае не был глупым мальчиком. Он полагал, что знает, куда делся молоток с длинной ручкой (без отдачи), «Скотти». Отчим, вероятно, попробовал его на Дорси, а затем захоронил в саду или, может быть, бросил в Канал. Такое часто случалось в комиксах ужасов, которые Эдди читал, комиксах, которые он держал на верхней полке своего шкафчика.

Эдди подошел ближе к Каналу, который журчал между своими бетонными берегами, как промасленный шелк. Полоска лунного света в виде бумеранга мерцала на его темной поверхности. Он сел, болтая ногами и ударяя ими по бетону. Последние шесть недель было сухо, и вода текла футов на девять ниже драных подошв его спортивных туфель. Но если взглянуть поближе на берега Канала, то видно, что вода часто меняла там уровни. Нынешний уровень воды был отмечен темно-коричневой краской на бетоне. Коричневое пятно постепенно переходило в желтое, затем почти в белый цвет на том уровне, где прикасались пятки спортивных туфель Эдди, когда он болтал ногами.

Вода ровно и спокойно вытекала из бетонной арки, вымощенной булыжником с внутренней стороны, текла мимо того места, где сидел Эдди, а затем вниз, к крытому деревянному мостику между Бассей-парком и средней Дерри. Стороны моста и дощатое основание, даже балки под сводом, все было сплошь покрыто узорами из инициалов, телефонных номеров, воззваний, разного рода; объявлений, касающихся любви; хотят «сосать» и «трахаться»; заявлений, что те, кого обнаружат сосущими и трахающимися, потеряют свою крайнюю плоть или им заткнут жопы горячей смолой; случайными эксцент-

ричными воззваниями, смысл которых был непонятен. Одно из них озадачило Эдди этой весной: «СПАСАЙТЕ РУССКИХ ЕВРЕЕВ! СОБИРАЙТЕ ЦЕННЫЕ НАГРАДЫ!»

Что конкретно это означало? И означало ли?

Сегодня вечером Эдди не пошел в Киссинг-Бридж. У него не было желания переходить на другую сторону. Он подумал, что, возможно, поспит в парке на опавших листьях под насыпью, но пока здорово было просто сидеть здесь. Он любил парк и приходил сюда часто, когда ему надо было подумать. Иногда в парке появлялись люди, но они не трогали Эдди, и он их не замечал. Он слышал мрачные истории на школьной площадке о странностях, которые происходили в Бассей-парке после захода солнца, и он принимал эти истории без всяких вопросов, но это никогда его не озадачивало. Парк был мирным местом, и он считал, что лучшая его часть была именно здесь, где он сейчас сидел. Ему нравилось бывать здесь в середине лета, когда вода, такая низкая, усмехаясь текла над камнями и разбивалась на отдельные ручейки, которые извивались, расходились и сходились снова. Он любил Канал в конце марта или начале апреля, сразу после ледохода, тогда он обычно стоял у Канала (сидеть было слишком холодно, зад отмерзнет) час или больше, шкура его старой парки, из которой он уже года два как вырос, задиралась, руки были засунуты в карманы, и он не осознавал, что его тощее тело трясется и дрожит. Канал обладал ужасной, необоримой силой недели через две после того, как сходил лед. Эдди был очарован тем, как вода бурлит и клокочет, вздымая белую пену, мчит из-под покрытой булыжником арки, неся палки и ветки, и всякого рода человеческие отбросы. Не раз он представлял себе, как гуляет в марте по берегу Канала с отчимом и с огромной силой толкает туда ублюдка. Тот кричит и падает, раскинув руки для равновесия, а Эдди стоит на бетонном парапете и смотрит, как того несет потоком вниз по течению, его голова — что-то черное, болтающееся в середине белого, неистового, непокорного потока. А он, Эдди, наверху, приложив руки трубочкой ко рту, кричит: «ЭТО ЗА ДОРСИ, ВОНЮЧИЙ ПИДОР! КОГДА ТЫ ОКАЖЕШЬСЯ В АДУ, СКАЖИ ДЬЯВОЛУ, ЧТО ПОСЛЕДНЕЕ, ЧТО ТЫ УСЛЫШАЛ, ЭТО ЧТО Я СКАЗАЛ ТЕБЕ, ЧТОБЫ ТЕБЯ ЗАТРАХАЛИ!» Такое никогда не случится, конечно, но фантазия была великолепная. Великолепная мечта — когда ты сидишь здесь у Канала и...

Какая-то рука приблизилась к ноге Эдди.

Он смотрел через Канал в направлении школы, улыбаясь сонной и прекрасной улыбкой, когда представил себе, как его отчима уносит бурным весенним потоком, навсегда уносит из его жизни. Мягкое,

Наконец грудь Эдди раскрылась. Он поймал дыхание и обратил его в крик. Он встал на ноги и побежал. Он бежал, оглядываясь через плечо, желая увидеть, где Дорси, и в итоге с разбегу наткнулся на большой вяз.

Ощущение было такое, будто кто-то, его старик, например, заложил динамитный заряд в его левое плечо. Звезды стреляли и свербили в его голове. Он упал у подножия дерева, как подкошенный алебардой, кровь струилась из его левого виска. Он плыл водами полусознания в течение девяноста секунд. Затем он ухитрился опять встать на ноги. Стон вышел из него, когда он попытался поднять свою левую руку. Она не хотела подниматься. Немая и далекая. Поэтому он поднял правую и потер неистово болевшую голову.

Потом он вспомнил, зачем он бежал к вязу, и осмотрелся.

Край Канала был, как кость, белый, и как струна в лунном свете, прямой. Никакого признака ТОГО... если когда-либо было ТО. Он повернулся, медленно повернулся на триста шестьдесят градусов. Бассей-парк был молчаливым и спокойным, как черно-белая фотография. Плакучие ивы тянули свои тонкие красивые руки, и все что угодно могло стоять, вывернутое и безумное, под их укрытием.

Эдди пошел, озираясь. Его ушибленное плечо болезненно пульсировало в такт с сердцем.

«Эддиииии, — стонал ветер в деревьях, ты не хочешь меня видеть, Эддиинии?» Он чувствовал, как слабые пальцы трупа ласкают его шею. Он извивался, его руки поднимались вверх. Когда ноги его соединились вместе и он упал, то увидел, что это просто легкий ветерок шелестит листьями ивы.

Он снова встал. Он хотел бежать, но когда попытался это сделать, еще один динамитный заряд вошел в его плечо, и вынудил остановиться. Он каким-то задним чувством преодолел свой страх. «Глупый маленький ребенок, ты просто испугался отражения или, может быть, нечаянно уснул и видел плохой сон», — уговаривал он сам себя. Хотя в действительности было совсем не так. Его сердце теперь билось так быстро, что он не различал отдельных ударов и чувствовал, что скоро это выльется в страх. Бежать он не мог, но выйдя из ив, хромая, сделал несколько шагов.

Он устремил глаза на уличную лампочку, которая отмечала главные ворота парка. Он направился туда, немного ускоряя шаг и думая: *«Сейчас я возьму налево, и все будет в порядке. Я возьму налево, и все будет в порядке. Яркий свет, не страшно, в ночь, какое зрелище...»*

Что-то сопровождало его.

Эдди слышал, как оно проходило через ивовую рожицу. Если бы он обернулся, он бы увидел. Оно подходило. Он мог слышать его шаги, какое-то фыркание, большие шаги, но он не смотрел назад, нет, он смотрел вперед на свет, свет был о'кей, он просто продолжает свой полет к свету, он был уже почти что там, почти...

Запах — вот что заставило его посмотреть назад. Ошеломляющий запах, как будто рыбу оставили гнить в большой куче, и она превратилась в скользкую падаль на летней жаре. Это был запах мертвого океана.

Теперь за ним не было Дорси; то было Существо из Черной Лагуны. Рыло Существа было длинное и плиссированное. Зеленый поток выходил из черных пастей, похожих на вертикальные рты в его щеках. Его глаза были белые и желейные. Его сплетенные пальцы заканчивались когтями, острыми как бритвы. Его дыхание было пенящееся и глубокое, звук ныряльщика с плохим регулятором. Когда оно увидело, что Эдди смотрит, его зелено-черные губы сморщились, обнажив огромные клыки в мертвой и свободной улыбке.

Оно тащилось за ним, капая, и Эдди внезапно понял. Оно хотело утащить его обратно в Канал, унести его в черноту подземного прохода Канала. Сожрать его там.

Эдди прибавил шаг. Натриевый свет на воротах приближался. Он мог видеть жучков и мотыльков в его сиянии. Мимо прошел грузовик, направляясь к маршруту 2, водитель работал на большой скорости, и отчаявшийся, испуганный мозг Эдди пронзила мысль, что тот человек, быть может, пьет кофе из бумажного стаканчика и слушает по радио мелодию Бадди Холли, не осознавая, что менее чем в двухстах ярдах от него находится мальчик, который через двадцать секунд может быть мертв.

Вонь. Ошеломляющая вонь. Добирается.

Эдди перепрыгнул через парковую скамейку. Несколько ребят столкнули ее сегодня вечером, направляясь домой, чтобы успеть к комендантскому часу. Ее сиденье высовывалось на дюйм-два из травы, одна тень от зелени перекрывала другую, и сиденье было почти невидимо в замороженной лунной темноте. Конец его ударил Эдди в бедро, вызвав отчаянную боль. Его ноги плелись за ним, и он тяжело ступал по траве.

Он посмотрел назад и увидел устремляющееся к нему создание. Его белые яичные глаза блестели, его чешуйки капали слизью, жабры ходили вверх и вниз по его надутой шее, а щеки открывались и закрывались.

— *Kp!* — прокаркал Эдди. Казалось, это единственный звук, который он мог произнести — *Kp! Kp! Kp!*

Он теперь полз, пальцы глубоко входили в дерн. Язык его свисал вниз.

Через секунду перед тем, как мозолистые руки, пахнущие рыбой, схватили его за горло, успокаивающая мысль мелькнула в его голове: *«Это должно быть сон. Нет никакого настоящего Существа, нет настоящей Черной Лагуны, и даже если бы была, она была бы в Южной Америке или на равнинах Флориды, или где-то еще. Это только сон, и я проснусь в своей кровати или, может, в листьях под насыпью, и я...»*

Жуткие руки обхватили его шею, и у Эдди вырвались хриплые звуки; когда Существо его перевернуло, крючки, которые отделились от этих рук, выводили кровотокающие, как каллиграфия, знаки на его шее. Эдди уставился в мерцающие белые глаза. Он чувствовал, как перепонки между пальцами давят ему на горло, словно стягивающие ленты живых морских водорослей. Его обостренный от ужаса взгляд отметил плавник, что-то наподобие петушиного гребня на согнутой обшитой металлическим листом голове Существа. Когда руки Существа плотно сжимались, лишая его воздуха, он даже смог увидеть, как белый свет натриевой лампы превратился в дымчато-зеленый, как будто он прошел через тот перегородчатый главный плавник.

— Ты... ты... тебя нет — задыхался Эдди, но нечто серое теперь приблизилось, и он смутно осознал, что оно достаточно реально, это Существо. Оно, в конце концов, убивало его.

И все-таки что-то рациональное осталось, до самого конца: когда Существо вонзило свои когти в мягкую плоть его шеи, когда кровь из сонной артерии забрызгала чешую рептилии, руки Эдди нащупали на спине Существа как бы застужку-молнию. Они упали, только когда Существо оторвало ему голову с низким удовлетворенным бормотанием.

И тогда то, что видел Эдди, стало быстро изменяться во что-то другое.

4

Не в состоянии уснуть, мучимый плохими снами, мальчик по имени Микаэл Хэнлон встал едва рассвело в первый день летних каникул. Свет был бледный, смешанный с низким плотным туманом, который часам к восьми поднимется, сняв обертку с прекрасного летнего дня.

Но это потом. А сейчас день был серым и вставал тихо, как кошка, идущая по ковру.

Майк, одетый в вельветовые штаны, футболку и черные кеды, спустился вниз, съел миску пшеничных хлопьев (на самом деле он не любил пшеничные хлопья, но ему захотелось бесплатную награду), затем вскочил на свой велосипед и закрутил педали в направлении города, двигаясь из-за тумана по тротуару. Туман все изменил: самые обычные предметы, например пожарные гидранты или надписи «Стоп» выглядели как-то таинственно-странно и немножко зловеще. Машины были слышны, но не видимы; из-за странного акустического свойства тумана нельзя было понять, далеко они или близко, пока они не выкатывались из тумана с призрачным ореолом влаги вокруг фар.

Майк повернул направо на Джексон-стрит, проехав мимо центра города, и затем переехал на Майн-стрит по Пальмер-аллее и вскоре проехал дом, где будет жить взрослый. Он и не взглянул на него; это был маленький двухэтажный жилой дом с гаражом и двориком. Он не вызвал никаких эмоций у проезжающего мальчика, который проведет там большую часть своей взрослой жизни как владелец и единственный жилец.

На Мейн-стрит он повернул направо и поехал в Бассей-парк просто так, катаясь и наслаждаясь тишиной раннего утра. У главного входа он слез с велосипеда, поставил его на упор и пошел к Каналу. Он был уверен, что им двигал чистейший каприз. Разумеется, ему не приходило в голову, что его нынешний маршрут и его ночные сны — взаимосвязаны; он даже не помнил точно, что это за сны, — просто за одним следовал другой, пока он не проснулся в пять утра, весь в поту, дрожащий, с мыслью, что он должен съесть завтрак и потом прокатиться на велосипеде в город.

Здесь, в Бассей-парке, в воздухе стоял запах, который ему не нравился: запах моря, соленый и старый. Конечно, он чувствовал его и раньше. В ранних утренних туманах в Дерри часто ощущается запах океана, хотя побережье находится в сорока милях. Но запах этим утром казался особо насыщенным. Почти опасным.

Что то привлекло его внимание. Он наклонился и подобрал дешевый карманный нож с двумя лезвиями. Кто-то сбоку вырезал инициалы Э.К. Минуту-другую Майк внимательно смотрел под ноги, затем положил его в карман. Что нашел, то храни, потерю — плачу.

Он осмотрелся. Здесь, рядом с местом, где он нашел нож, лежала опрокинутая парковая скамейка. Он поднял ее, установил железные опоры в отверстиях. За скамейкой он увидел два углубления в земле. Трава выпрямилась, но эти углубления видны были отчетливо. Они шли в направлении Канала.

И была кровь.

(птица помнить птица помнить пт)

Но он не хотел помнить птицу и поэтому отбросил эту мысль. Драка, вот и все. Один из них, должно быть, очень сильно ударил другого. Это была убедительная мысль, которая его как-то не убеждала. Мысли о птице продолжали возвращаться — птице, которую он видел на чугунолитейном заводе Кичнера, птице, которую Стэн Урис так и не нашел в своем справочнике по орнитологии.

Прекрати. Просто уйди отсюда.

Но вместо того, чтобы уйти, он пошел за этими углублениями в земле. Шел, и мысленно сочинял маленькую историю. Это была история убийства. «Смотри, вот этот ребенок. Поздно. На улице после комендантского часа. Убийца хватается его. А как он избавляется от тела? Конечно, бросает его в Канал». Прямо по Альфреду Хичкоку.

Следы, по которым он шел, могли быть следами пары волочащихся ботинок или спортивных тапочек.

Майк вздрогнул и неуверенно осмотрелся. История как-то очень напоминала реальность.

А предположим, что не человек сделал это, а монстр. Как из комикса ужасов, или книги ужасов, или фильма ужасов, или (страшный сон)

сказки, или нечто подобного.

Он решил, что история ему не нравится. Это была глупая история. Он пытался выбросить ее из головы, но она не уходила. Ну что же? Пусть остается. Она была безмолвна. Поездка в город утром была безмолвной. Исследование этих двух поросших травой углублений было безмолвным. У отца сегодня полно поденной работы. Он должен вернуться назад и начать работу, а когда наступит жара, надо скирдовать сено в сарае. Да, он должен вернуться. Именно это он и собирался сделать.

Конечно. Хотите пари?

Вместо того, чтобы возвращаться к велосипеду, сесть на него, поехать домой и начать свою поденщину, он пошел по углублениям в траве. Засохших капель крови становилось все больше. Хотя не так много. Не так много, как в том месте около скамейки, где была примятая трава.

Теперь Майк мог слышать Канал, текущий мерно и спокойно. Через минуту он увидел его бетонный край, вырисовывающийся в тумане.

Здесь в траве было что-то еще. *Бог ты мой, да у тебя сегодня день находок!* — говорил его разум с сомнительной веселостью, а

затем где-то закричала чайка, и Майк вздрогнул, опять вспомнив птицу, которую он видел в тот день, в тот день нынешней весной.

Что бы это ни было в траве, я даже смотреть не хочу. И это было верно, но он был здесь и он уже наклонялся, чтобы увидеть, что это.

Порванный клочок материи с каплей крови на ней.

Опять закричала чайка. Майк уставился на кровавый обрывок материи и вспомнил, что случилось с ним весной.

5

В течение апреля — мая ферма Хэнлона каждый год пробуждалась от зимней спячки.

Для Майка весна приходила ни тогда, когда под окнами маминой кухни появлялись первые крокусы, или когда дети приносили в школу всяких тварей, и даже ни тогда, когда вашингтонские сенаторы начинали бейсбольный сезон (и весьма честно терпели поражение), а только тогда, когда отец звал Майка, чтобы тот помог ему вытолкнуть из сарая их доморощенный комбайн. Передняя часть комбайна — это старая модель «Форда», задняя — пикап с прицепом, сооруженным из двери старого курятника. Если зима была не слишком холодной, им вдвоем удавалось вытолкнуть его на дорогу. В пикапе не было дверей, не было также ветрового стекла. Сиденьем служила половинка старого дивана, который Вилл Хэнлон утащил со свалки Дерри. Ручка коробки передач заканчивалась стеклянным дверным набалдашником.

Они выталкивали комбайн на дорогу, стоя по сторонам его, потом его разгоняли, и Вилл запрыгивал внутрь, включал зажигание, пытался подать искру, нажимал на сцепление, включал первую передачу своей большой рукой, лежащей на дверном набалдашнике. Затем он кричал: «Стукни меня по хребту!». И опять выжимал сцепление, и старый двигатель «Форда» кашлял, задыхался, пыхтел, давал обороты... и иногда действительно начинал двигаться, шел сначала рывками, затем ровно. Вилл вырывался на дорогу к ферме Рулин, затем сворачивал на их дорогу (поедь он другой дорогой, ненормальный папаша Генри Бауэрса, возможно, разmozжил бы ему башку выстрелом из ружья) и затем поворачивал обратно; освобожденный двигатель трещал без умолку, Майк прыгал от восторга, кричал, а его мама стояла в дверях кухни, вытирая руки о полотенце и делая вид, что она недовольна, хотя на самом деле это было не так.

Иногда машина не желала ехать, и Майк должен был ждать, пока отец выйдет из сарая с рукояткой для завода, что-то бормоча про себя.

Майк был совершенно уверен, что бормотал он ругательства, и тогда он побаивался отца (и только намного позднее, во время одного из бесконечных посещений больничной палаты, где умирал Вилл Хэнлон, он понял: отец бормотал, потому что боялся рукоятки для завода, однажды она вырвалась, вылетела из паза и разорвала ему рот).

— Стой там, Майки, — говорил отец, вставляя рукоятку в паз у основания радиатора. И когда машина наконец-то начинала двигаться, он обычно говорил, что в будущем году обязательно поменяет ее на «Шевроле», но никогда не менял. Этот гибрид старого «Форда» и пикапа все еще валялся у них дома, в сорняках, даже оси и двери курятника.

Когда машина шла и Майк сидел на месте пассажира, вдыхая горячее масло и синие выхлопные газы, приходя в восторг от резкого ветра, который врвался через незастекленное окно, где когда-то было ветровое стекло, но обычно думал: *«Вот и снова весна. Мы все пробуждаемся»*. И в душе его поднималась радость, сотрясавшая стены обычно и без того радостного пространства. Он чувствовал любовь ко всему и вся, и особенно к отцу, который улыбался ему широкой улыбкой и кричал:

— Давай, Майки! Мы поднимем ветер этим малышом! Мы заставим птиц искать укрытия!

Затем машина вырывалась на дорогу, задние ее колеса отплевывали грязь и серые комья глины, а они подпрыгивали на диванном сиденье в открытом кузове, смеясь как ненормальные. Вилл вел «Форд» через высокую траву заднего поля, предназначенного на сенокосы, либо к южному полю (картофель), западному полю (кукуруза и бобовые) или к восточному полю (горох, кабачки, тыква). Птицы вспархивали перед машиной и в ужасе разлетались. Однажды взлетела куропатка — великолепная птица, коричневая, как позднесенний дуб, взрывной шелест ее крыльев не заглушал даже тарахтящий мотор.

Те поездки были для Майка началом весны.

Работа начиналась с уборки камней. Каждый день в течение недели они брали «Форд» и загружали его камнями, которые могли сломать лезвие бороны, когда придет время ворочать землю. Иногда машина застревала в весенней грязи, и Вилл мрачно бормотал... проклятия, как догадывался Майк. Некоторые из слов и выражений он знал, другие, например «сын блудницы», озадачивали его. Он наткнулся на это слово в Библии, и понял, что блудница — это просто женщина, родом из города, называемого Вавилон. Как-то раз он настроился спросить об этом отца, но «Форд» был по днище в грязи, на челе отца собирались грозовые тучи, и он решил подождать

до другого раза. Позднее, в том же году, он спросил об этом Ричи Тозиера, которому его отец объяснил, что блудница — это женщина, которой платили за то, что она занималась сексом с мужчинами.

— Что такое «заниматься сексом»? — спросил Майк, и Ричи ушел, держась за голову.

Как-то раз Майк спросил отца, почему, хотя они каждый год в апреле убирают камни, в апреле следующего года их становится еще больше.

Время было перед заходом солнца, это был последний день уборки камней в том году, они стояли у места свалки. Грязная разбитая колея, которую всерьез нельзя было назвать дорогой, вела от их западного поля к этому оврагу у берега Кендускеаг. Овраг был завален камнями, которые собирались с земли Вилла за все эти годы.

Глядя на эту неплодородную почву, которую он возделывал сначала один, а затем с помощью сына (где-то под камнями, он знал, были гниющие останки культей, которые он вытаскивал по одной за раз, перед тем как начинать работу на полях), Вилл зажег сигарету и сказал:

— Мой отец обычно говорил мне, что Бог любит камни, мух, сорняки и бедных людей превыше всего из всех Его созданий, и вот почему Он сотворил их так много.

— Но каждый год они как будто возвращаются.

— Да, думаю, возвращаются, — сказал Вилл. — Только так я могу это объяснить.

Вдали с Кендускеага в сумеречном закате, сделавшем воду оранжево-красной, послышался крик гагары. Это был такой щемяще одинокий крик, что усталые руки Майка покрылись гусиной кожей.

— Я люблю тебя, папа, — сказал он вдруг, чувствуя такой прилив любви, что слезы выступили у него в глазах.

— Да, я тоже люблю тебя, Майки, — сказал отец и крепко стиснул его своими сильными руками. У своей щеки Майк чувствовал шершавую ткань фланелевой рубашки отца.

— Что ты скажешь на то, чтобы нам вернуться? У нас есть время каждому принять ванну перед тем, как добрая женщина накроет на стол ужин.

— Ага, — сказал Майк.

— Сам ага, — сказал Вилл Хэнлон, и оба они засмеялись, чувствуя усталость и радость, чувствуя, что руки и ноги работали, но не переработали, руки загрубели от камней, но не болели мучительно.

«Вот и весна, — думал Майк той ночью, засыпая в своей комнате, пока мать и отец в соседней комнате смотрели *«Молодо-*

женов». — *Вот и снова весна, спасибо Тебе, Господи, Большое Тебе спасибо*». И засыпая, погружаясь в сон, он услышал, как опять закричала гагара, и отдаленность ее болота незаметно перешла в его сновидения. Весна была напряженным временем, но и добрым.

После сбора камней Вилл ставил «Форд» в высокой траве за домом и выводил из сарая трактор. Затем начиналось боронование: отец вел трактор, а Майк либо сидел сзади, держась за железное сиденье, либо шел рядом, собирая камни, которые они пропустили, и отшвыривая их в сторону. Затем шла посадка, а за ней летняя работа: рыхление... рыхление... рыхление. Мать снова чистила Лари, Мо и Керли, трех своих пугал, а Майк помогал отцу делать приспособления представляло собой наушники с отрезанными концами. Вы плотно привязывали длинную намазанную воском и канифолью веревку к середине наушников, и когда ветер дул через них, появлялся на редкость страшный звук — какой-то хриплый стон. Поедающие урожай птицы довольно скоро решали, что Лари, Мо и Керли не представляют никакой угрозы, но поддувала всегда их отпугивали.

В июле было мотыжение и начинался сбор урожая: сначала горох и редис, затем салат и помидоры, которые созревали в теплице, затем кукуруза и бобы в августе, еще кукуруза и бобы в сентябре, затем тыква и кабачки. Где-то посередине всего этого подходил молодой картофель, и тогда, так как дни укорачивались и воздух становился резче, они с отцом принимались за приспособления к чучелам (иногда зимой они исчезали, каждую весну им приходилось делать новые). Вилл звал Нормана Садлера (который был такой же неразговорчивый, как и его сын Муз, но намного добрее), и Норми приходил со своей картофелекопалкой.

В течение следующих трех недель они все работали на сборе картофеля. Кроме членов семьи, Вилл нанимал в помощь трех-четырех старшеклассников, платя им четверть доллара за бочку. «Форд» ехал вдоль рядов четвертого, самого большого поля, на малой скорости, борт откидывался, задняя часть заполнялась бочками, на каждой было отмечено имя того, кто ее наполняет, а в конце дня Вилл открывал свой старый лоснившийся бумажник и платил каждому сборщику наличными. Майку тоже платил, также, как и его матери, — это были их деньги, и Вилл Хэнлон никогда не спрашивал их, что они с ними делают. Когда Майку исполнилось пять лет — достаточно, как потом говорил ему Вилл, чтобы держать тяпку и различать сорняки и горох, ему была выделена на ферме пятипроцентная доля. Каждый год ему выделялось по проценту, и каждый

год, после Дня Благодарения, Вилл подсчитывал доходы фермы и вычитал долю Майка... но Майк никогда не видел тех денег. Они шли на счет колледжа, и к ним ни при каких обстоятельствах дотрагиваться было нельзя.

Наконец наступал день, когда Норми Садлер увозил свою картофелекопалку домой; к тому времени воздух становился серым и холодным и на куче оранжевых тыкв, сложенных у сарая, появлялся иней.

Майк обычно стоял в дверях (нос красный, грязные руки засунуты в карманы джинсов) и наблюдал, как отец сначала уводит трактор, а затем «Форд» назад в сарай. Он думал: *«Мы готовы снова заснуть. Весна... исчезла лето... прошло. Урожай... собран»*. Все, что оставалось теперь, это отходящая осень: деревья без листьев, замерзшая почва, ледяное обрамление берегов Кендускеаг. На полях вороны иногда опускались на плечи Ларри, Мо и Керли и оставались там столько, сколько им хотелось. Пугала были безголосы, безопасны.

Майк не приходил в смятение от мысли, что закончился еще один год, — в девять и десять лет он был еще слишком мал, чтобы иметь склонность к страшным мыслям, к тому же так много предстояло впереди: катание на санках в Маккарон-парке (или Рулин-хилл, если вы смелые, хотя главным образом там катались большие ребята), катание на коньках, игра в снежки, строительство снежных крепостей. Пора было подумать о снегоступах, чтобы пойти с отцом за рождественской елкой, и о лыжах «Нордика», которые, может, будут, а может, и не будут к Рождеству. Зима — хорошее время, но смотреть, как отец едет на «Форде» назад в сарай

(весна исчезла, лето прошло, урожай собран)

всегда было все же грустно, и то, что стаи птиц отправлялись на зиму к югу, заставляло его чувствовать грусть, а косой луч света порой вызывал желание заплакать без всякой причины. *Мы готовимся снова уснуть...*

Но была не только школа и поденщина, поденщина и школа; Вилл Хэнлон не раз говорил жене, что мальчику нужно время, чтобы ходить на рыбалку, даже если он этим и не занимается всерьез. Когда Майк приходил домой из школы, он первым делом клал книги на телевизор в гостиной, затем чего-нибудь перехватывал (он был особенно равнодушен к сэндвичам с арахисом, маслом и луком — мать в притворном ужасе поднимала руки) и изучал записку, которую папа оставлял ему; в ней говорилось, где он, Вилл, находится в данное время и какие обязанности у Майка на день — прополоть грядки, убрать, принести корзины, подмести сарай — все что угодно. Но как минимум раз в неделю — иногда два — не было

никакой записки. И в такие дни Майк ходил ловить рыбу, хоть он этим и не занимался всерьез. Это были отличные дни... дни, когда ему не надо было никуда идти и, следовательно, не было необходимости спешить.

Однажды отец оставил ему другую записку: «Никаких дел по дому, — говорилось в ней. — иди к Старому Мысу и посмотри на трамвайные пути». Майк пошел в район Старого Мыса, нашел улицы с уложенными на них путями, внимательно их изучил, изумляясь, что прямо посередине улицы идут поезда. Той ночью они с отцом говорили об этом, и отец показал ему картинки из его альбома о Дерри, картинки, где были изображены трамваи: смешной шест шел от крыши трамвая до электрического провода, а сбоку была реклама сигарет. В другой раз отец послал Майка в Мемориал-парк, где была водонапорная башня, посмотреть на птичье купанье, а однажды они пошли в суд, поглядеть на страшную машину, которую шеф Бортон нашел на чердаке. Эта штука называлась стулом для бродяг. Он был чугунный и в ручки и в ножки были вделаны оковы. Закругленные набалдашники торчали из спинки и из сиденья. Этот стул напомнил Майку фотографию, которую он видел в какой-то книге, — фотографию электрического стула в Синг-Синге. Бортон позволил Майку сесть на стул и примерить оковы.

Когда первое зловещее впечатление от наручников изгладилось, Майк вопросительно посмотрел на отца и на шефа Бортон, не слишком понимая, почему это должно было быть таким ужасным наказанием для бродяг, которые наводняли город в двадцатые—тридцатые годы. Конечно, с набалдашниками в кресле сидеть несколько неудобно, и оковы на запястьях и на щиколотках не дают переместиться в более удобное положение, но...

— Ну ты просто ребенок, — сказал шеф Бортон, смеясь. — Сколько ты вешишь? Семьдесят, восемьдесят фунтов? Большинство бродяг, которых шериф Салли усаживал на этот стул в былые дни, весили в два раза больше. Где-то через час они чувствовали себя немного неуютно, по-настоящему неуютно через два-три и совсем плохо через четыре-пять часов. Через семь-восемь часов они начинали кричать, а после шестнадцати-семнадцати обычно начинали плакать. И к тому моменту, когда двадцатичетырехчасовой тур кончался, они готовы были клясться перед Богом и человеком, что в следующий раз они будут обходить Дерри на кривой кобыле. Двадцать четыре часа в кресле для бродяг были чертовски убедительным средством.

Внезапно показалось, что в кресле больше набалдашников, вонзающихся в ягодицы, позвоночник, поясницу, даже затылок.

— Можно мне отсюда вылезти? — спросил он вежливо, и шеф Бортон засмеялся. В одно мгновение, в какую-то долю мгновения, Майк подумал, что шеф закроет сейчас на ключ наручники и скажет: *«Конечно я выпущу тебя... через двадцать четыре часа»*.

— Зачем ты меня сюда брал, папа? — спросил он по дороге домой.

— Узнаешь, когда будешь старше, — ответил Вилл.

— Тебе ведь не нравится шеф Бортон, а?

— Нет, — ответил отец так резко, что Майк не осмелился больше спрашивать.

Но в большинстве случаев те места в Дерри, куда отец отправлял его или брал с собой, доставляли Майку наслаждение, и к тому времени, когда Майку исполнилось десять лет, Виллу удалось передать сыну свой собственный интерес к истории Дерри. Иногда, например, когда он проводил пальцем по слегка покрытой галькой поверхности, где была устроена птичья купальня в Мемориал-парке, или когда они приседали, чтобы лучше рассмотреть трамвайные пути, которые прорезали Монт-стрит в Старом Мысе, его вдруг охватывало глубокое чувство времени... времени, как чего-то реального, как чего-то, что имеет невидимый вес, как солнечный свет имеет вес (некоторые ребята в школе смеялись, когда миссис Грингус сказала им это, но Майк был слишком ошеломлен этой мыслью, чтобы смеяться; первое, что он подумал, было: *«Свет имеет вес? О, Боже, это ужасно!»*)... времени, как нечто, что в конце концов похоронит его.

Первая записка, которую отец оставил ему той весной 1958 года была нацарапана на обратной стороне конверта и положена под солонку. Воздух был по-весеннему теплый, удивительно ароматный, и мать открыла все окна. *Никаких дел*, говорилось в записке. *Если хочешь, прокатись на велосипеде по Дороге на Пастбище. Там ты увидишь много обрушившейся кирпичной кладки и старую технику в поле слева. Посмотри вокруг, привези назад сувенир. Не подходи близко к отверстию в погреб. И возвращайся до наступления темноты. Ты знаешь почему.*

Да, Майк знал, почему.

Он сказал матери, куда он собирается, и она нахмурилась.

— Почему бы тебе не спросить, не хочет ли Рэнди Робинсон поехать с тобой?

— Ладно, о'кей, я остановлюсь и спрошу его, — сказал Майк.

Он остановился у дома Робинсона, но Рэнди уехал с отцом в Бангор покупать картофель-сеянец. Поэтому Майк поехал по Дороге на Пастбище один. Это была довольно приятная прогулка, около

четыре мили. Майк подсчитал, что к тому моменту, когда он поставит свой велосипед к старой деревянной ограде на левой стороне Дороги на Пастбище и заберется на поле за ней будет часа три. Значит, примерно час он сможет заниматься исследованиями, а затем должен будет возвратиться домой. Обычно мать не сердилась на него, если он приходил домой к шести, когда она накрывала на стол к ужину, но один памятный эпизод научил его, что в этом году все не так. Тогда, в тот единственный раз, когда он опоздал к ужину, с ней была почти что истерика. Она отходила его кухонным полотенцем, хлестала его, а он стоял в дверях кухни с широко открытым ртом, а у его ног стояла корзина с речной форелью.

— Не смей так пугать меня! — кричала она. — Не смей *никогда!* *Никогда! Никогда!*

Каждое «*никогда*» сопровождалось сильным ударом полотенцем. Майк ждал, что отец вступится и положит этому конец, но отец не вступился... Может, он знал, что, вступись он, мать обернет свой бешеный гнев и на него. Майк выучил этот урок. Одна порка кухонным полотенцем — это все, что требовалось. «Дома до темноты. Да, мама, хорошо».

Через поле он прошел к гигантским развалинам, находящимся в центре. Это были, конечно, остатки чугунолитейного завода Кичнера — он проезжал мимо него, но никогда не думал по-настоящему его исследовать и никогда не слышал, чтобы другие ребята делали это. Сейчас, наклонившись, чтобы исследовать обрушившиеся камни, которые образовывали пирамиду, он подумал, что может понять, почему. Поле было ослепительно яркое, вымытое весенним солнцем, (время от времени, когда под солнцем проходило облако, грозная тень медленно плыла через поле), но в то же время было во всем этом что-то таинственное — тишина размышления, нарушаемая только ветром. Он чувствовал себя исследователем, нашедшим остатки исчезнувшего легендарного города.

Выше впереди, чуть справа, он увидел скругленный торец массивного изразцового цилиндра, поднимающегося из высокой травы. Он побежал к нему. Это была главная дымовая труба чугунолитейного завода. Он всматривался в ее стержень и почувствовал холодок в позвоночнике. Труба была довольно большая, он смог бы войти в нее, если бы захотел. Но он не хотел: Бог знает, какая чертовщина могла там быть, и отвратительные насекомые и звери, может быть, поселились там. Дул порывистый ветер. Когда он дул через основание упавшей дымовой трубы, он издавал звук, похожий на звук ветра, колеблющего вощеные струны-веревки, которые он и его отец ставили в поддувалах каждую весну. Он нервно отступил, вдруг

подумав о фильме, который они с отцом смотрели прошлой ночью в «*Раннем Шоу*». Фильм назывался «*Роган*», и смотреть его казалось большим удовольствием; отец смеялся и кричал всякий раз при появлении Рогана, а Майк стрелял пальцем, пока мать не схватила за голову и не велела им замолчать — у нее головная боль от этого шума.

Сейчас, когда он думал о фильме, ему не было смешно. В кино Роган был освобожден из недр земли японскими углекопами, которые копали самый глубокий в мире туннель. И глядя в черную сердцевину этой трубы, было очень легко представить в дальнем ее конце ту припавшую к земле птицу со сложенными за спиной кожистыми крыльями, как уставилась она своими глазами в голубых обводах на глядящее в темноту маленькое круглое мальчишеское лицо.

Задрожав, Майк отпрянул.

Он ушел от дымовой трубы, наполовину вошедшей в землю. Снаружи труба была не такой страшной, ее кирпичная поверхность была обогрета солнцем. Он встал на ноги и зашагал, выставив вперед руки, и ему нравилось, как ветер продувает его волосы.

На дальнем конце завода он прыгнул вниз и начал изучать то, что там было: груды кирпичей, скрученные литейные формы, куски дерева, части проржавевшей техники. *Принести сувенир*, говорила записка отца; он хотел хороший сувенир.

Майк подошел ближе к зияющему подвальному отверстию, остерегаясь, чтобы не порезаться разбитым стеклом. Кругом было много строительного мусора.

Майк не забыл об отцовском предупреждении не подходить к отверстию подвала; не забыл он также и о том, как пятьдесят с лишним лет назад на это место обрушилась смерть. Если есть в Дерри место, населенное привидениями, думал он, так это здесь. Но несмотря на это, а может, по этой как раз причине он решил остаться до тех пор, пока не найдет что-нибудь действительно интересное, чтобы принести домой и показать отцу.

Он двигался медленно и хладнокровно к отверстию в подвал, еще с большей осторожностью, когда внутренний голос шептал ему, что подходить туда слишком близко опасно: размытый весенними дождями край может осыпаться у него под ногами, и он провалится в ту дыру, где Бог только знает, сколько может быть ржавого железа, которое ждет, чтобы пронзить его как жука, оставив умирать в конвульсиях.

Он поднял оконный переплет и отбросил его в сторону. Здесь был ковш — достаточно большой для стола-гиганта, его ручка деформи-

ровалась — видимо, раскалена была до предела. Находился здесь поршень, слишком большой, чтобы он его мог даже сдвинуть с места. Майк переступал через него. Он переступил через него и...

«Что если я найду череп? — подумал он вдруг. — Череп одного из тех ребят, которые были убиты здесь, пока они охотились за пасхальными шоколадными яйцами в тысяча девятьсот каком-то году?»

Он посмотрел на залитое солнцем пустое поле, неприятно пораженный этой мыслью. В его уши задувал ветер, и еще одна тень медленно кружила по полю, наподобие тени гигантской летучей мыши или птицы. Он снова подумал, как здесь тихо и как странно выглядело поле с беспорядочно разбросанными повсюду кучами кирпичной кладки. Как будто какая-то страшная битва прошла здесь давным-давно.

«Не будь таким трусишкой, — сказал он себе с тревогой. — Они нашли все, что можно было найти, пятьдесят лет назад. После того как это случилось. И даже если не нашли, какой-нибудь парень — или взрослый — нашел бы... остальное... за это время. Думаешь, ты единственный, и никто больше не приходил сюда когда-либо за сувенирами?»

Нет... нет, я так не думаю. Но...

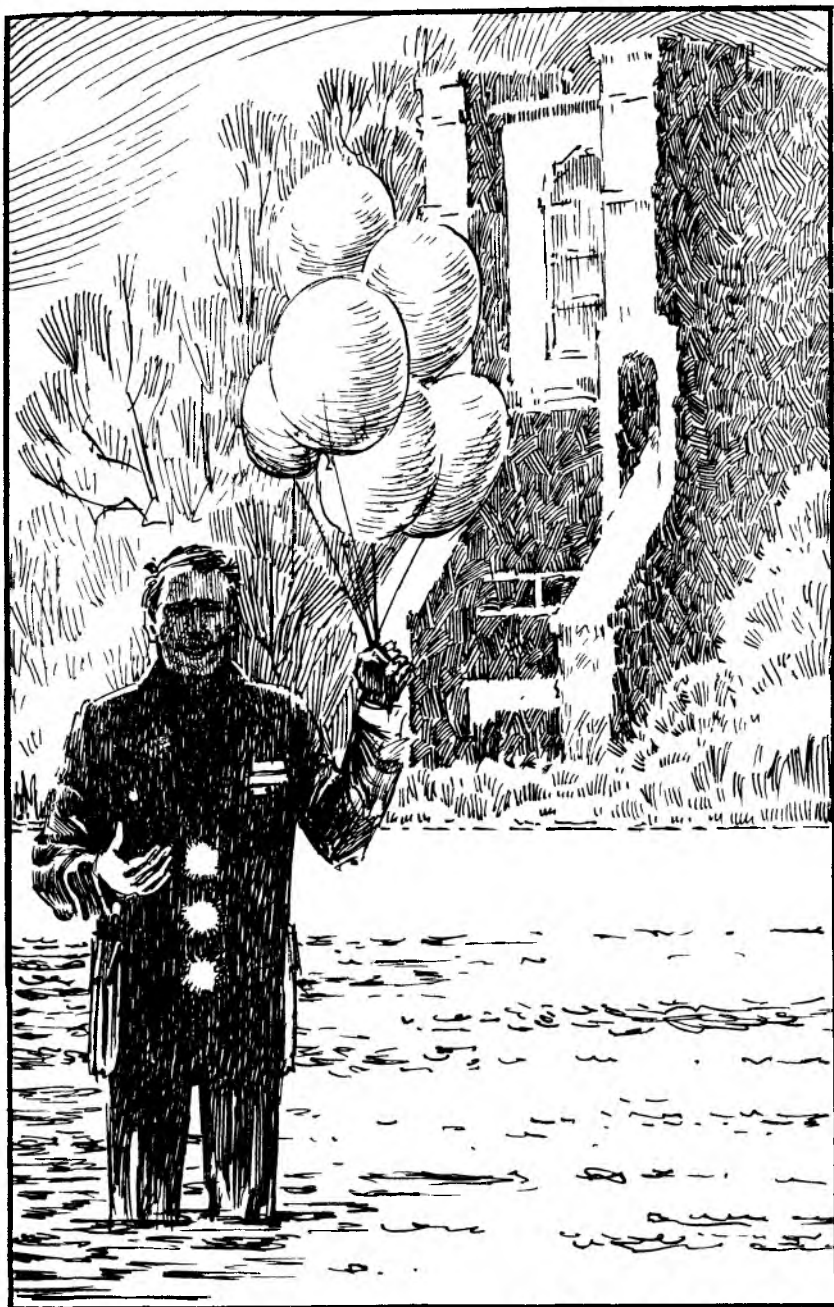
Что но? — требовала рациональная часть его ума, и Майк подумал, что она звучит громче, тверже. *Даже если бы что-то еще и можно было найти, оно бы разложилось давным-давно. Поэтому... что?*

В сорняках Майк нашел разбитый ящик письменного стола. Он посмотрел на него, отшвырнул его в сторону и подошел немного ближе к отверстию в подвал — там было особенно много навалено. Вот там можно что-нибудь найти.

А что, если призраки? Что, если я увижу руки, тянущиеся к краю этого отверстия в подвал, и что, если меня обступят дети в остатках своей пасхальной одежды, одежды, которая вся сгнила и изодрана, и отмечена пятидесятилетней весенней грязью, осенними дождями и слежавшимся снегом? Дети без голов (он слышал в школе, что после взрыва какая-то женщина нашла голову одной из жертв на дереве в своем саду), дети без ног, дети, освежаванные, как треска, эти дети так же, как и я, может быть, пришли и играли... там... внизу, где темно... под согнутыми железными балками и большими старыми ржавыми слитками...

О, остановись, ради Бога!

Но по спине его снова прошла дрожь, и он решил, что пора что-нибудь взять — все что угодно — и прогнать чортика. Он

потянулся, почти наугад, и взял зубчатое колесо диаметром около семи дюймов. В кармане у него был карандаш, и он его использовал, чтобы выковырять грязь из зубьев. Потом он положил сувенир в карман. Теперь он пойдет. Он пойдет, да...

Но его ноги медленно двигались в другом направлении, к отверстию в подвале, и он с каким-то унылым ужасом понял, что ему нужно посмотреть вниз. Он должен был видеть.

Он взял ноздреватую перекладину, торчавшую из земли, и прошел вперед, пытаясь заглянуть вниз и внутрь. У него это не очень получалось. Он подошел на расстояние пятнадцати футов от края, но это было все еще далековато, чтобы увидеть дно подвала.

Мне плевать, увижу я дно или нет. Я сейчас пойду назад. У меня уже есть сувенир. Нечего мне смотреть в эту вшивую старую дыру. Да и папина записка говорила держаться от нее подальше.

Но несчастное, почти лихорадочное любопытство, которое захватило его, не ушло. Он шаг за шагом приближался к отверстию, сознавая, что земля здесь рыхлая и крошащаяся. Местами вдоль края он видел впадины, наподобие провалившихся могил, и понял, что здесь обрушивалась земля.

С сердцем, отбивающим удары в его груди, как тяжелые размеренные шаги солдатских ботинок, он приблизился к краю и взглянул вниз.

Из своего гнезда в подвале вверх посмотрела птица.

Майк сначала не поверил тому, что видит. Все нервы и проводящие пути в его теле, казалось, заledenели, включая и те, которые управляли мыслями. Это был не просто шок от зрелища птицы-монстра, птицы, чья грудь была оранжевой, как у малиновки, и чьи перья были мягкими, серыми, невыразительными перьями воробья; более всего он испытал шок от крайней неожиданности. Он ожидал увидеть монолитные блоки техники, погруженные в стоячую воду и черную грязь; вместо этого он заглянул в гигантское гнездо, которое заполняло подвал от края до края. Оно было сооружено из такого количества травы-тимopheевки, которого хватило бы для дюжины стогов сена, но трава эта была посеребренная и старая. Птица сидела в середине гнезда, ее яркоочерченные глаза были черные, как свежая теплая смола, и на какой-то один безумный момент перед тем, как паралич прошел, Майк увидел себя отраженным в каждом из них.

Затем земля вдруг начала перемещаться и уходить у него из-под ног. Он услышал звук разрыва неглубоких корней и понял, что он скользит.

С криком он подался назад, балансируя руками. Он потерял равновесие и судорожно хватался за землю. Тяжелый тупой кусок

металла больно вдавился ему в спину, и у него было время подумать о стуле для бродяг, прежде чем он услышал взрывоподобный шум крыльев птицы.

Он с трудом встал на колени, пополз, оглянулся назад через плечо и увидел, как она поднимается из подвала. Ее чешуйчатые когти были сумеречно-оранжевые. Ее бьющиеся крылья, каждое более десяти футов в поперечнике, разметали траву-тимофеевку туда-сюда, как ветер, создаваемый роторами вертолета. Она издала гудящий, звенящий крик. Несколько перьев соскользнули с ее крыльев и по спирали полетели вниз в подвал.

Майк снова встал на ноги и побежал.

Он тяжело бежал через поле, не оглядываясь, боясь смотреть назад. Птица не походила на Рогана, но он чувствовал, что она была духом Рогана, поднятым из подвала чугунолитейного завода Кичнера. Он споткнулся, упал на одно колено, встал и опять побежал.

Тот таинственный гудящий, звенящий крик прозвучал снова. Его накрыла тень, и когда он посмотрел вверх, то увидел эту штуковину: она прошла менее чем в пяти футах над его головой. Ее клюв, грязно-желтый, открывался и закрывался, обнажая розовое содержимое внутри. Она кружила над Майком. Ветер, который исходил от нее, обдувал его лицо, неся с собой сухой, неприятный запах: чердачную пыль, мертвые памятники древности, гниющие диванные подушки.

Он отскочил влево, и теперь снова увидел упавшую главную дымовую трубу. Он прыжками побежал к ней, руки подстегивали его короткими ударами по бокам. Птица кричала, и он слышал, как она взмахивала крыльями. Они звучали, как паруса. Что-то толкнуло его в затылок, и по нему разлился огонь. Он почувствовал, как огонь распространяется, когда кровь закапала под воротничок его рубашки.

Птица снова кружила под ним, намереваясь схватить его своими когтями и унести, как коршун уносит полевую мышь. Намереваясь унести его в свое гнездо. Намереваясь съесть.

Когда она устремилась вниз, на него, и ее черные, ужасно живые глаза сфокусировались на нем, Майк срезал резко вправо. Птица чуть не потеряла его. Пыльный запах ее крыльев подавлял, был непереносим.

Теперь он бежал параллельно упавшей дымовой трубе и видел, где она кончается. Если бы он мог добраться до ее конца и забраться вовнутрь, он вероятно был бы в безопасности. Птица слишком велика, чтобы втиснуться туда за ним. Теперь она устремилась к Майку, ее крылья хлопали, создавая ураган, ее чешуйчатые когти

распрямились. Она снова закричала, и на этот раз Майк услышал в ее голосе триумф.

Он опустил голову, выбросил руки вверх и двинулся прямо вперед. На мгновение когти птицы мощными тисками сжали его предплечье. Они кусали, как зубы. Хлопающие крылья отзывались громом в его ушах; он смутно сознавал, что вокруг него падают перья, порой задевая его щеки, как поцелуи фантома. Птица снова поднялась, и Майк почувствовал, как его несет вверх, вот он уже на цыпочках... на одну леденящую секунду кончики его кед потеряли контакт с землей.

— *Дай мне УЙТИ!* — крикнул он и вырвал руку. На минуту когти схватили его, затем треснул рукав рубашки. Он ударился, упав. Птица пронзительно закричала. Майк стал прорываться сквозь перья хвоста, задыхаясь от сухого их запаха. Это было похоже на бег через бесконечную завесу из перьев.

Все еще кашляя, — глаза застилали слезы и мерзкая пыль с крыльев птицы, — он наткнулся на упавшую трубу. Теперь он уже не раздумывал, сможет ли укрыться внутри. Он вбежал в темноту, его рыдания отдавались там эхом, повернулся к яркому кольцу дневного света. Его грудь поднималась и опускалась судорожными рывками. Он вдруг осознал, что, если бы неправильно оценил размеры птицы или размеры жерла дымовой трубы, он бы убили так же наверняка, как если бы приложил отцовское ружье к голове и нажал спусковой крючок. Из трубы не было пути наружу. Это была не просто труба. Это был тупик. Другой конец трубы был захоронен в земле.

Птица снова пронзительно закричала, и вдруг свет в конце дымовой трубы погас, так как птица опустилась туда. Он мог видеть ее желтые чешуйчатые лапы, толстые, как икры человека. Затем она наклонила голову вниз и посмотрела внутрь. Майк обнаружил, что он опять глядит в эти отвратительно яркие, смоляные глаза с золотыми обручальными кольцами радужной оболочки. Клюв птицы открывался и закрывался, и каждый раз, когда он закрывался, Майк улавливал хорошо различимый звук, напоминающий зубовой скрежет. *«Острый, — подумал он. — Я знал, конечно, что у птиц острые клювы, но по-настоящему никогда не думал об этом до сего момента».*

Птица еще раз пронзительно крикнула. Звук так громко отдавался в кирпичном горле трубы, что Майк заткнул уши руками.

Птица начала пробиваться в устье трубы.

— Нет! — закричал Майкл. — Нет, не сможешь!

Свет убывал по мере того, как тело птицы проталкивалось в трубу (*О, мой Бог, почему я забыл, что это ведь перья? Почему я*

забыл, что она может сжаться?) Свет мерк... мерк... исчез. Теперь была только крошечная тьма, удушающий чердачный запах от птицы и шелестящий звук ее перьев.

Майк упал на колени и начал ощупью пробираться по искривленному проходу, разметав руки в разные стороны. Он нашел кусок разбитого кирпича, его острые грани покрылись чем-то похожим на мох. Он отвел руку назад и швырнул его. Звук попадания. Птица издала свистящий клекот.

— Уходи отсюда! — закричал Майк.

Наступила тишина... и затем снова этот хрустящий, шелестящий звук — птица возобновила прорыв в трубу. Майк ползал по внутренней поверхности трубы, и, найдя куски кирпича, швырял их один за другим. Они ударялись и отскакивали от птицы, стукались о кирпичный рукав дымовой трубы.

«Пожалуйста, Боже, — думал Майк бессвязно, — пожалуйста, Боже, пожалуйста, Боже...»

Ему пришлось в голову отступить по трубе дальше. Ведь само собой, дальше она сужается. Он мог отступить, слыша пыльный шелест за собой, — птица прокладывала себе путь. Он мог отступить, и, если ему повезет, — достичь места, куда птица проникнуть не сможет.

Но что, если она протиснется?

Если это случится, он и птица умрут здесь вместе. Во тьме.

«Пожалуйста, Боже» — кричал он, совершенно не сознавая, что кричит громко. Он бросил еще один кусок кирпича, и на этот раз его бросок был мощнее — он чувствовал, как говорил потом, много позже, что *кто-то* словно был с ним в тот момент, и этот *кто-то* дал его руке огромный импульс. На этот раз глухого звука не последовало. Вместо этого — словно брызганье, как будто ребенок шлепает рукой по поверхности миски с полужатвердевшим «Джелло». На этот раз птица закричала на от гнева, а от настоящей боли. Мрачный шелест ее крыльев наполнил дымовую трубу; зловонный дух разнесся ураганом, всколыхнув его одежду, заставляя его кашлять и задыхаться, и отступать, когда летели пыль и мох.

Снова забрезжил свет, сначала серый и слабый, он то появлялся, то исчезал: птица отступала от устья трубы. Майк залился слезами, снова упал на колени и стал лихорадочно нащупывать куски кирпича. Не сознавая, что он делает, Майк побежал вперед, к устью трубы с кусками кирпича в руках. (В этом свете он увидел, что кирпич затянут сине-серым мхом и лишайником, как поверхность надгробий). Он хотел удержать птицу от повторного вторжения сюда, если получится.

Птица наклонилась, нагнув голову так, как это делает на насесте домашняя птица, и Майк увидел, куда он попал последним броском. Правый глаз птицы почти что вытек. Вместо сверкающего шара свежей смолы был кратер, заполненный кровью. Беловато-серая липкая слизь сочилась из угла глазницы и тонкой струйкой стекала по клюву. В этой омерзительной слизи кишели и извивались мельчайшие паразиты.

Птица увидела его и ринулась вперед. Майк начал швырять в нее осколки кирпича. Они попадали ей в голову, в клюв. Она на мгновение отступила и снова ринулась на него — в открытом клюве виднелось розовое нутро и еще что-то, что заставило Майка на минуту застыть с открытым ртом. Язык птицы был серебряным, его поверхность дико трескалась, как поверхность вулканической лавы, которая сначала спекала, а затем выпускала шлак.

И на этом языке, как таинственные переكاتи-поле, которые временно пустили здесь корни, были оранжевые вздутия.

Майк бросил последний кирпич прямо в раскрытую пасть, и птица снова отступила, крича от боли и гнева. На мгновение Майк увидел пакостные ее когти... Потом ее крылья рассклели воздух, и она улетела. Он поднял лицо серо-коричневое от грязи и какого-то мха, которые крылья птицы, как крылья ветряной мельницы, надули на него. Единственными чистыми участками на лице были следы его слез.

Птица кружила вверх: *так-так-так-так*.

Майк немного отступил, собрал побольше кирпичей и положил их максимально близко к устью трубы. Если она повернет назад он должен быть во всеоружии. Свет снаружи оставался ярким, теперь, в мае, долго не темнело, но может быть, она просто решила подождать?

Майк сглотнул слюну, пересохшее горло на мгновение смягчилось.

Наверху: *так-так-так-так*.

У него теперь была целая гора боеприпасов. В тусклом свете, сюда не проникало солнце, они выглядели, как глиняные черепки, выметенные хозяйкой.

Майк обтер об джинсы свои грязные руки и стал выжидать.

Целая вечность прошла, прежде чем это случилось, — пять минут или двадцать пять, — он не мог сказать. Он только понял, что птица опять ходит над его головой по трубе, как лунатик на рассвете.

Затем она села перед входом в трубу. Но прежде чем птица наклонила голову, Майк, стоя на коленях за кучей кирпича, стал

метать в нее снаряды. Один из них попал в ее желтую, как бы обшитую металлическим листом лапу и обозначил капельку крови, такую же темную, как ее глаза. Майк победно закричал, но крик его потонул в разъяренном вопле птицы.

— *Уходи отсюда!* — кричал Майк. — *Я буду стрелять в тебя, пока ты не уйдешь отсюда! Клянусь Богом!*

Птица возобновила хождение по дымовой трубе.

Майк ждал.

В конце концов он услышал шум крыльев — она взлетела. Майк ждал, что вот сейчас ее желтые ноги, так похожие на куриные, появятся вновь. Они не появлялись. Он еще обождал, убеждая себя, что это должно быть какой-то трюк. Но потом понял, что не выходит наружу, потому что боится оставить свое безопасное убежище.

«Что за ерунда? Я же не кролик!»

Сунул за пазуху целую пригоршню кирпичных обломков. Потом вышел из трубы, как следует осмотрелся, жалея, что у него нет глаз на затылке. И увидел только раскинувшееся вокруг поле, заваленное обседелованными ржавыми останками чугунолитейни Кичнера. Он pokrutilся еще, уверенный, что сейчас увидит где-нибудь одноглазого хищника, жаждущего атаковать его в последний раз, изорвать, исколоть его своим острым клювом.

Но птицы там не было.

Она действительно ушла.

Нервы Майка не выдержали.

Издав неистовый вопль ужаса, он побежал к разбитой непогодой ограде между полем и дорогой, роняя из рук последние куски кирпича. Остальные выпали из рубашки, когда она выбилась из штанов. Держась одной рукой за ограду, он перемахнул ее, как Рой Роджерс, решивший покрасоваться перед Дайл Ивэнс на обратном пути из загона, откуда он шел с Пэтом Бренди и другими ковбоями. Майк схватил руль велосипеда, и, прежде чем сесть на него, сорок футов бежал по дороге. Затем он бешено заработал педалями, не осмеливаясь оглянуться, не осмеливаясь замедлить ход, пока не добрался до пересечения Дороги на Пастбище и Аутер Мейн-стрит, где взад-вперед сновало множество машин.

Когда он пришел домой, его отец менял контакты на тракторе. Вилл заметил, что Майк весь в грязи и пыли. Поколебавшись секунду, Майк сказал отцу, что упал с велосипеда по дороге домой, объезжая рытвину.

— Ты сломал что-нибудь, Майки? — спросил Вилл, взглянув внимательно на сына.

— Нет, сэр.

— Растяжение?

— Хм. Гм.

— Уверен?

Майк кивнул.

— Ты привез сувенир?

Майк полез в карман за шестерней. Он показал ее отцу, который только взглянул на нее, а потом снял кирпичную крошку с рваной ранки на большом пальце Майка. Он казался очень заинтересованным.

— Из той старой дымовой трубы? — спросил Вилл.

Майк кивнул.

— Ты был там внутри?

Майк снова кивнул.

— Видел что-нибудь там, внутри? — спросил Вилл и, словно бы шутя (хотя шуткой это вовсе не звучало), добавил: — Захороненное сокровище?

Слегка улыбаясь, Майк покачал головой.

— Ладно, не говори матери, что ты там ошивался, — сказал Вилл. — Сначала она убьет меня, а потом тебя. Он посмотрел на сына еще внимательнее: — Майки, у тебя все в порядке?

— Что?

— Ты выглядишь осунувшимся.

— Я немного устал, — сказал Майк, — Восемь-десять миль туда и обратно, не забывай. Тебе нужна помощь с трактором, папа?

— Нет, я раскручусь с ним за эту неделю. Иди в дом и помойся.

Майк отошел, но затем отец снова позвал его. Майк оглянулся.

— Больше туда не ходи, — сказал он, — по крайней мере, пока все это не прояснится, и они не схватят человека, который делает это... Ты никого не видел там, нет? Никто не гнался за тобой, не пугал?

— Я вообще не видел людей, — сказал Майк.

Вилл кивнул и зажег сигарету.

— Наверно, я зря посылал тебя туда. Старые места, вроде этого, могут быть опасны.

Они встретились глазами.

— О'кей, отец, — сказал Майк. — Так или иначе, я не хочу больше туда ходить. Было немного страшно.

Вилл кивнул снова.

— Чем меньше слов, тем лучше, мне кажется. Пойди и приведи себя в порядок. И скажи матери, чтобы поставила варить еще три, четыре сосиски.

Майк ушел.

«Ничего особенного, — думал Майк Хэнлон, глядя на желобки, ведущие к бетонному краю Канала. — Ничего страшного, это, может быть, просто сон, и...»

На краю Канала были пятна засохшей крови.

Майк посмотрел на них, потом заглянул вниз, в Канал. Черная гладкая вода текла мимо. Дорожки грязной желтой пены цеплялись за края Канала, иногда прорываясь к течению ленивыми кривыми петлями. На мгновение — только на какое-то мгновение — два сгустка этой пены соединялись и, казалось, образовали лицо, лицо ребенка, а глаза его вскинулись в реальном воплощении ужаса и агонии.

Майк сдержал дыхание, как будто уколотившись.

Пена рассеялась, потеряла очертания, и в этот момент справа раздался громкий всплеск. Майк быстро повернул голову, подавшись немного назад, и в течение минуты ему казалось будто он видит что-то в тенях туннеля, через который вода Канала, протекавшая под землей, снова выходит наружу.

Потом оно ушло.

Вдруг, почувствовав холод и вздрогнув, Майк порывлся в кармане в поисках ножа, который он нашел в траве. Нашел и бросил его в Канал. Послышался всплеск, рябь, потом круговерть, потом как бы наконецник стрелы... и — ничего.

Ничего, кроме страха, который внезапно охватил его, и жуткая уверенность, что поблизости что-то есть, что-то наблюдает за ним, проверяя свои возможности, ожидая подходящего момента.

Он повернулся, намереваясь идти к велосипеду — бежать было бы унижительно, означало бы, что он поддался страху, — но тут снова раздался всплеск. На этот раз — намного громче. Позабыв о чувстве собственного достоинства, Майк помчался во всю прыть, на воротах набил себе ягодицы, снял с упора велосипед и заработал педалями на огромной скорости. Запах моря был даже слишком насыщенный. Он был повсюду. И вода, казалось, слишком громко капает с мокрых веток деревьев.

Что-то надвигалось. Он слышал волочащиеся, крадущиеся шаги в траве.

Он стоял на педалях, выжимая из них все возможное, и выскочил на Мейн-стрит не оглядываясь. Он несея домой с удивлением думая, что, к черту, нашло на него, что потянуло его... на это место.

А затем попытался думать о поденной работе, ни о чем больше, кроме поденной работы. В конце концов, это ему удалось.

И когда на следующий день он увидел в газете заголовок «ЕЩЕ РАЗ ОБ ИСЧЕЗНУВШЕМ МАЛЬЧИКЕ, НОВЫЕ СТРАХИ», то подумал о карманном ноже, который бросил в Канал, — о карманном ноже с инициалами Е.С. на боку. И подумал о крови, которую видел на траве.

И еще — о тех желобках на земле, которые тянулись к краю Канала.

Глава 7 ЗАПРУДА В БАРРЕНСЕ

1

Если смотреть на Бостон со скоростной автомагистрали в четверть пятого утра, то он кажется городом мертвецов, размышляющих над какой-то трагедией прошлого — то ли чумой, то ли проклятием. Запах соли, тяжелый, насыщенный, исходит от океана. Из-за утреннего тумана в городе почти незаметно движения.

Двигаясь на север вдоль Сторроу Драйв, сидя за рулем черного «Кадиллака», Эдди Каспбрак словно бы ощущает возраст этого города. Возможно нигде больше в Америке нельзя так ощутить возраст города. Бостон — шпротина в сравнении с Лондоном, дитя в сравнении в Римом, но по американским стандартам, по крайней мере, он стар. Он занял свое место на этих низких холмах триста лет назад, когда еще и думать не думали о налогах на чай и на почтовые отправления, когда Поль Ривер и Патрик Генри еще не родились.

Возраст города, его тишина, туманный запах моря — все это делает Эдди нервным. А когда Эдди нервничает, он берется за аспиратор. Он всовывает его в рот и выдавливает в горло облачко оживляющей струи.

На улицах, которые он проезжает, мало людей, всего один—два прохожих на пешеходных дорожках, — это создает ложное впечатление будто он как-то вошел в сказку Лавкрафта об обреченных городах, древних злых началах и монстрах с непризносимыми именами. На автобусной остановке с надписью «Городской центр Кенмор Сквэз» он видит официанток, медсестер, городских служащих, с лицами, распухшими от сна.

«Хорошо, — думает Эдди, проезжая под надписью, которая гласит «Тобин Бридж». — Ладно, прорывайся к автобусам. Под землей не надо. Я бы на твоём месте туда бы не поехал. Только не вниз. Не в туннель».

Это плохие мысли; если он не избавится от них, ему опять придется пользоваться аспиратором. Он рад более напряженному движению на Тобин Бридж. Он проезжает завод по изготовлению памятников. На кирпичном торце красками написано несколько тревожное предостережение: «СБАВЬ СКОРОСТЬ! МЫ МОЖЕМ ПОДОЖДАТЬ!»

Вот зеленая с рефлексией надпись: «НА 95 — МЭН, НЬЮ-ГЕМПШИР, ВСЕ СЕВЕРНЫЕ ТОЧКИ НОВОЙ АНГЛИИ». Он смотрит на нее, и вдруг пробирающая до костей дрожь сотрясает его тело. Его руки мгновенно привариваются к рулю «Кадиллака». Ему хотелось бы надеяться, что это начало какой-то болезни, вирус или, возможно, одна из «фантомных лихорадок» его матери, но он знает, что это не так. Город, спокойно удерживаемый на грани ночи и дня, — уже позади него, а то, что обещает эта надпись, — впереди. Он болен, да, в этом нет никакого сомнения, но это не вирус и не фантомная лихорадка. Он отравлен своими собственными воспоминаниями.

«Я боюсь, — думает Эдди. — Вот что всегда было главным. Просто боязнь. Но в конце концов, я думаю, мы как-то преодолели это. Но как?»

Он не может вспомнить. Интересно, могут ли другие?

Слева от него гудит грузовик. У Эдди все еще включены фары, и теперь он моментально гасит свет, когда грузовик благополучно выходит вперед. Он делает это, не задумываясь. Это стало автоматической функцией, составной частью вождения для сохранения жизни. Невидимый водитель грузовика в ответ дважды мигает своими фарами, благодаря Эдди за его любезность. «Если бы все могло быть так просто и так ясно», — думает он.

Он следует за надписями «1-95». Движение в северном направлении небольшое, тогда как несмотря на ранний час в южном направлении машин все прибывает. Эдди несется на своей большой машине, предугадывая большинство указующих надписей и заранее вливаясь в нужный ряд. Прошли годы с тех пор, как он ошибся в догадке и пронесся мимо смерти, мимо того исхода, которого хотел. Он выбирает ряды автоматически, так же как выключил дальний свет для водителя грузовика; так же автоматически он нашел однажды дорогу через лабиринт тропинок в Барренс, в Дерри. То, что он прежде никогда в жизни не выезжал из центра Бостона, одного из самых сложных для вождения городов Америки, кажется, не имеет значения.

Он вдруг вспоминает о том лете еще что-то, что-то, о чем Билл сказал ему однажды: «У ттеббя кккомпас в гголове, Эээдди».

Как он тогда обрадовался! Это радует его и теперь, когда «Дорадо-84» снова вырывается на шоссе. Он выдает скорость, внушающую доверие полицейским — пятьдесят миль в час, и по радио находит какую-то спокойную музыку. Он тогда умер бы за Билла, если бы потребовалось. Попроси его Билл об этом, он бы просто ответил: «Конечно, большой Билл... ты уже наметил время?»

Вспомнив об этом, Эдди смеется, хотя и беззвучно, но по-настоящему. Он редко смеется в эти дни, да и до смешного ли в его черном паломничестве? Ричи бывало любил спрашивать: «У тебя сегодня было что-нибудь смешное, Эдс?» Но, если Бог столь низок и подл, что проклинает верующих за то, что им хочется более всего в жизни, то Он, быть может, достаточно ловкий и ушлый, чтобы предложить что-нибудь смешное в дороге?

«За последнее время у тебя было что-нибудь смешное, Эдс?» — повторяет он громко и снова смеется. Боже, он ненавидел, когда Ричи называл его Эдс... но ему и нравилось это. Так же, как Бен Хэнском, должно быть, любит, когда Ричи называет его Хэйстэк. В этом имени было что-то... таинственное. Таинственная личность. Способ стать теми, у кого ничего не было, чтобы мириться со страхами, надеждами, с постоянными требованиями своих родителей. Ричи не мог делать свои любимые голоса для всякого дерьма, но, может быть, он действительно понимал, как важно таким оглодекам, как они, и тогда чувствовать себя другими людьми.

Эдди смотрит на перемену направления, аккуратно обозначенную на приборном щитке «Дорадо», перемена направления — еще один из автоматических приемов. Когда приближаются автоматы, регистрирующие дорожные сборы, вам не хочется вытаскивать свое серебро, не хочется обнаружить, что вы попали в ряд с автоматическим платным проездом не в нужном направлении.

Среди монет — два или три серебряных доллара Сузан В. Дороти. Он считает, что это монеты, которые вы, возможно, только находите в карманах шоферов и водителей такси из зоны Нью-Йорка в эти дни, так же как единственное место, где вы можете увидеть много двухдолларовых счетов, это окошко выплаты на ипподроме. Он всегда держит несколько в руке, потому что робот-сборщик налога вкладывает их в корзину на Джорджа Вашингтона, на Триборо Вриджес забирают их.

Еще одна из тех мыслей вдруг приходит ему в голову: серебряные доллары. Не фальшивые медные сэндвичи, а настоящие серебряные доллары, с отпечатанной на них леди Свободой, одетой в

пышные одежды. Серебряные доллары Бена Хэнскома. Да, но разве Билл, или Бен, или Беверли не использовали однажды один из этих серебряных кругляшей для спасения своих жизней? Он не вполне в этом уверен, он в действительности не вполне уверен... или он просто не хочет вспоминать?

«Там было темно, — думает он внезапно. — Я это хорошо помню. Там было темно».

Теперь Бостон позади него, и туман начинает рассеиваться. Впереди МЭН, НЬЮ-ГЕМПШИР, ВСЕ СЕВЕРНЫЕ ГОРОДА НОВОЙ АНГЛИИ. Дерри впереди, и в Дерри есть что-то, что умерло двадцать семь лет назад и вместе с тем словно бы и нет. Что-то многоликое, как у Лона Чейни. Но как это реально выглядит? Видели ли они его по-настоящему, без многочисленных масок?

Ах, он многое может вспомнить, но этого недостаточно.

Он помнит, что он любил Билла Денбро; он помнит это очень хорошо. Билл никогда не смеялся над его астмой. Билл никогда не называл его маменькиным сынком. Он любил Билла, как старшего брата... или отца. Билл умел делать интересные вещи. Знал, в какие места пойти. Что увидеть. Билл никогда не противился. Бежать вместе с Биллом, значило побеждать дьявола и смеяться при этом. «Мы очень редко выбивались из сил, а редко выбиваться из сил было здорово, очень здорово», — сказал бы Эдди всему свету. Мы бежали с Биллом и смеялись каждый день.

«Да, парень, каждый день», — произносит он голосом Ричи Тозиера, и снова смеется.

Построить запруду в Барренсе было идеей Билла, и именно запруда в общем-то свела их вместе. Бен Хэнском показал, как надо строить запруду, — и они построили ее так хорошо, что у них были неприятности с мистером Неллом, участковым полицейским. — но это не было идеей Билла. И хотя все они, кроме Ричи, видели очень странные вещи — пугающие вещи — в Дерри с начала года, именно Билл нашел мужество первым сказать об этом вслух.

Та запруда.

Та чертова запруда.

Он вспомнил Виктора Крисса: «Та-та, мальчики. Это была запруда на соплях, поверьте мне. Ни к черту не годилась».

Через день Бен Хэнском говорил им с широкой улыбкой:

— Мы могли бы

— Мы могли бы затопить

— Мы могли бы затопить...

...весь Барренс, если бы захотели.

Билл и Эдди сперва с сомнением посмотрели на Бена, а затем на материал, который Бен принес с собой: несколько досок (спертых с заднего двора мистера Маккиббона, но это ничего, мистер Маккиббон наверняка стянул их еще у кого-то), кувалду, лопату.

— Мы пытались вчера сделать запруду, — сказал Эдди, глядя на Билла, — но она не очень хорошо работала. Течение размывало наши палки.

— Эта будет работать, — сказал Бен. Он также смотрел на Билла, ожидая от него окончательного решения.

— Ну давайте ппппопробуем, — сказал Билл. — Я зззвонил Ррричи Тозиеру сегодня утром. Он ссказал, что пподойдет ппозднее. Может, он и Ссстэнли захотят помочь.

— Стэнли кто? — спросил Бен.

— Урис, — ответил Эдди. Он все еще посматривал на Билла, который казался сегодня каким-то другим — был спокойнее, с меньшим энтузиазмом относился к запруде. Билл выглядел сегодня бледным. Далеким.

— Стэнли Урис? Я наверно не знаю его. Он учится в начальной?

— Он нашего возраста, но только что закончил четвертый класс, — сказал Эдди. — Он пошел в школу на год позже, потому что много болел, когда был маленьким. Ты думаешь, наверное, о том, что он смылся вчера, но ты должен быть просто доволен, что ты не Стэн. Над Стэном всегда кто-нибудь жестоко издевается.

— Он еввврей, — сказал Билл. — Минногие ппарни не любят его, ппотому что он ееееврей.

— Да? — спросил Бен, впечатленный. — Еврей? — он помолчал, а затем сказал осторожно: — Это то же самое, что быть турком или, более похоже, египтянином.

— Мне кажется, это больше похоже на тттурка, — сказал Билл. Он взял одну из принесенных им досок, и осмотрел ее. Она была футов шесть в длину, фута три в ширину. — Мой отттец говорит, что у большинства евреев большие носы и много денег, но Стттт...

— Но у Стэна правильный нос, и он всегда на мели, — сказал Эдди.

— Да, — сказал Билл, в первый раз за этот день на лице его разлилась улыбка.

Бен широко улыбнулся.

Эдди широко улыбнулся.

Билл отбросил доску в сторону, встал и отряхнул зад своих джинсов. Он подошел к ручью, за ним пошли оба мальчика. Он

засунул руки в задние карманы и глубоко вздохнул. Эдди был уверен, что Билл собирается сказать что-то серьезное. Он перевел взгляд с Эдди на Бена, а затем опять на Эдди, теперь без улыбки. Эдди вдруг испугался. Но, все, что Билл сказал тогда, было: — У тебя есть аспиратор, Эдди?

Эдди похлопал себя по карману.

— Я нагружен до отвала.

— Скажи, как он работает с шоколадным молоком? — спросил Бен.

Эдди засмеялся.

— Работает отлично! Они с Беном лопались от смеха, пока Билл смотрел на них, улыбающийся, но озадаченный.

Эдди объяснил, и Билл кивнул, опять широко улыбнувшись.

— Ээдина ммать боится, что он испортит его и она не ссможет получить вввозмещения.

Эдди фыркнул и сделал вид, будто толкает Билла в ручей.

— Следи за ним, морда вонючая, — сказал он голосом Генри Бауэрса. — Я откручу тебе голову, чтобы ты мог смотреть, когда будешь вытираться.

Бен давился от смеха. Билл посмотрел на него, все еще улыбаясь, с руками в карманах джинсов, улыбаясь, да, но теперь немного отдаленно, как-то смутно. Он посмотрел на Эдди, а затем повернул голову к Бену.

— Детская гтглупость, — сказал он.

— Да, — согласился Эдди, почувствовав, что им предстоит хорошо провести время. Он думал, что Билл расколется, когда захочет; вопрос был в том, хочет ли Эдди слышать такое — «Ребенок умственно отсталый».

— Отсталый, — сказал Бен, все еще хихикая.

— Ты собираешься ппоказать нам, как ссстроить запруду или ты ссобираешься ппросидеть в ссвоем нужнике весь день?

Бен снова встал на ноги. Он посмотрел на речку, спокойно текущую мимо них. Кендускеаг была не очень широкой здесь, в Барренсе, но все-таки вчера она нанесла им поражение. Ни Эдди, ни Билл не смогли толком сделать опору на ручье. Бен улыбался улыбкой человека, который обдумывает что-то новое... что-то несколько забавное. Эдди думал: «Он знает как — я действительно думаю, что он знает».

— О'кей, — сказал он, — вы, ребята, снимите свои ботинки, чтобы ноженьки свои не замочить.

Эдди снова услышал голос матери — суровый командирский, голос регулировщика: «Не смей делать это, Эдди! Не смей! Мокрые

ноги — это один из тысяч путей к простуде, а простуда ведет к пневмонии, поэтому не делай этого!»

Билл и Бен сидели на берегу, стягивая спортивные тапочки и носки. Бен суетливо закатывал джинсы. Билл посмотрел на Эдди. Его глаза были ясные и теплые — сочувствующие. Эдди вдруг внезапно понял, что Большой Билл точно угадал его мысли и ему стало стыдно.

— Ты иииидеешь?

— Да, конечно, — сказал Эдди. Он сел на берег и разулся, пока мать занималась нравоучениями в его голове... но голос ее все более отдалялся и становился эхом, как облегченно отметил про себя Эдди, как будто кто-то зацепил большим рыболовным крючком ее блузку и теперь оттаскивал ее от него по очень длинному коридору.

3

Это был один из тех замечательных летних дней, который в мире, где все в порядке, все как надо, вы никогда не забудете. Легкий бриз отогнал противных mosquitos и черных мушек. Небо было яркое, хрустяще-голубое. Температура — немного более семидесяти по Фаренгейту. Птицы пели и занимались своими птичьими делами в кустах и на деревьях. Эдди пришлось один раз воспользоваться аспираном, но потом его грудная клетка задышала свободно и горло, казалось, магически расширилось. Все остальное время он не вынимал аспиранора из нижнего кармана.

Бен Хэнском, накануне казавшийся таким робким и неуверенным, стал признанным генералом, с головой уйдя в строительство запруды. Время от времени он выбирался на берег и, упершись в бока грязными руками и что-то бормоча про себя, глядел, как продвигается работа. Иногда он проводил рукой по волосам, и часам к одиннадцати они у него уже торчали смешными нелепыми лохмами.

Сначала Эдди чувствовал какую-то неопределенность, затем им овладела радость, и наконец пришло совершенно новое чувство — в нем было что-то таинственное, оно и пугало и одновременно возбуждало, опьяняло. Это чувство было настолько не свойственно обычному состоянию его бытия, что он не смог назвать его до той ночи, когда, лежа в постели и глядя в потолок, он проигрывал заново весь день. Сила. Вот какое это было чувство. Сила. Она должна была работать, Боже мой, и она должна была работать лучше, чем он и Билл, а может, даже сам Бен — могли мечтать об этом.

Он видел, что Билл тоже увлекается — он входил в работу не сразу, что-то обдумывал, а затем постепенно отдался ей полностью.

Раз или два он похлопал Бена по мясистому плечу и сказал ему, что он невероятный, непревзойденный. Бен каждый раз краснел от удовольствия.

Бен велел Эдди и Биллу поставить одну из досок в ручей и держать ее, чтобы вбить наковальней в ложе потока.

— Так, все в порядке, но вы продолжайте держать ее, иначе ее смоем водой, — сказал он Эдди, поэтому Эдди стоял в центре потока, держа доску, а вода текла поверху, и руки у него были колеблющимися морскими звездами.

Бен и Билл поставили вторую доску в двух футах от первой, ниже по течению. Бен снова наковальней всадил ее поглубже и Билл держал ее, пока Бен заполнял пространство между досками песчаной землей с берега. Сначала землю размывало по краям досок наносами, и Эдди сомневался, будет ли это вообще работать, но когда Бен начал добавлять камни и грязную массу из ложа потока, наносы стали выравниваться. Менее чем за двадцать минут он создал из земли и песка настоящий канал между двумя досками в середине потока. Для Эдди это выглядело как оптический обман.

— Будь у нас настоящий цемент вместо грязи и камней, мы бы к середине следующей недели сдвинули бы город с места... вплоть до Старого мыса, — сказал Бен, отбрасывая в сторону совки и садясь на берег, чтобы отдышаться. Билл и Эдди смеялись, и Бен широко улыбался им в ответ. Когда он улыбался, в чертах его лица угадывался будущий красивый мужчина. За доской, поставленной выше по течению, начала скапливаться вода.

Эдди спросил, что им делать, если вода пойдет по сторонам.

— Пусть идет. Это не имеет значения.

— Не имеет значения?

— Нет.

— Почему нет?

— Я не могу точно сказать. Пусть она идет.

— Откуда ты знаешь?

Бен пожал плечами. Я просто делаю, говорило плечо, и Эдди замолчал.

Пока он отдыхал, Бен взял третью доску — самую толстую из четырех-пяти, которые он с трудом пронес через весь город в Барренс и осторожно поставил ее против доски в нижнем течении; один конец ее, хорошенько укрепив в ложе потока, а другой вбив у доски, которую держал Билл, он сделал распорку — такую, какая была на рисунке.

— О'кей, — сказал он, стоя сзади. Он широко улыбался им. — Теперь, ребята, можете отдыхать. Месиво возьмет на себя основное давление воды, а остальную часть возьмет распорка.

- Вода ее не смое? — спросил Эдди.
— Нет. Вода ее только утрамбует.
— А если ты нинеправ, мы ттебя ууубьем, — сказал Билл.
— Не возражаю, — сказал Бен дружелюбно.
Билл и Эдди отступили. Две доски, которые сформировали основание запруды, немного скрипнули, качнулись... и это было все.
— Потрясно! — в возбуждении закричал Эдди.
— Здорово, — сказал Билл, улыбаясь.
— Да, — сказал Бен. — Давайте есть.

4

Они сидели на берегу и ели, почти не разговаривая, наблюдая за тем, как вода скапливается за запрудой и стекает вокруг концов досок. Они уже кое-что сделали для географии берегов, как заметил Эдди: поток воды выравнивал берега реки, срезая выступы. Пока они смотрели, другой поток подсек берег на дальней стороне, вызвав маленький водоворот.

Вверх по течению от запруды вода образовала искусственный пруд, и в одном месте она фактически вышла из берегов. Яркие расходящиеся ручейки стекали в траву и в подлесок. Эдди медленно начал понимать то, что Бен знал с самого начала: запруда готова. Расстояния между досками и берегами стали каналами шлюза. Бен не знал, как объяснить это Эдди. Поток воды, переливаясь через доски, растекался вокруг. Журчанье мелкой воды над камнями и гравием прекратилось; все камни в верхнем течении запруды оказались под водой. Время от времени дерн и грязь, подрезанные расширяющимся потоком с плеском падали в воду.

Вниз по течению от запруды водное русло было пустым, тонкие струйки без усталости бежали к его центру. Камни, которые недавно были под водой Бог знает сколько, высыхали на солнце. Эдди смотрел на эти камни с мягким удивлением... и с тем таинственным новым чувством. Они сделали это. Они. Глядя на лягушку, прыгающую рядом, он подумал, что старый мистер Фроги наверно удивляется, куда ушла вода. Эдди громко засмеялся.

Бен аккуратно складывал в свою сумку оберточную бумагу из-под завтрака. И Эдди, и Билл были поражены размерами трапезы, принесенной Беном и разложенной им с большой деловитостью: два деликатесных сэндвича, один сэндвич с вареной колбасой, сваренное вкрутую яйцо (вместе с щепоткой соли, завернутой в скрученный из вощенки пакетик), два брикета инжира, три больших шоколадных печенья и «Ринг-Динг».

— Что тебе сказала мать, когда увидела, каким ты тепленьким вернулся? — спросил его Эдди.

— Что? — Бен посмотрел поверх растекающейся лужицы воды за запрудой и легонько срыгнул в руку. — О, я знал, что она вчера пошла в бакалею, и потому смог обскákat ее. Я принял ванну, помыл волосы. Потом я сбросил джинсы и свитер, которые были на мне. Не знаю, заметит ли она их исчезновение. Бумажный свитер, может, и не заметит, у меня их много, но вот новую пару джинсов мне наверно придется купить, пока она не залезла в мой ящик.

Мысль о столь бессмысленной трате денег тенью легла на лицо Бена.

— А ккак насчет ттого, что ты в ссиняках?

— Я сказал ей, что был в сильном возбуждении после школы, бежал по лестнице и упал, — сказал Бен, и был удивлен и немного задет тем, что Эдди и Билл начали смеяться. Билл подавился куском маминогo дьявольского пирога, и у него начался приступ кашля. Эдди, продолжая ржать, похлопал его по спине.

— Ну почти что упал на лестнице, — сказал Бен. — Не потому что побегал, а потому что меня толкнул Виктор Крисс.

— Я ббыл бы ккак ттолченая кукуруза с ккрасным пперцем в таком свитере, — сказал Билл, заканчивая последнее печенье.

Бен колебался. Минуту казалось, что он ничего не скажет в ответ.

— Лучше, когда ты толстый, — сказал он в конце концов. — Я имею в виду — когда на тебе надеты свитера.

— Из-за твоего пуза? — спросил Эдди.

Билл фыркнул. — Изза твоих ттттит...

— Да, из-за моих титек. Ну и что?

— В самом деле, — кротно сказал Билл. — Ну и что?

Был момент неловкой тишины, и затем Эдди сказал:

— Посмотрите, как темнеет вода, проходя через тот край запруды.

— Вот те на! — Бен вскочил на ноги. — Поток высасывает начинку! Боже, если бы у нас был цемент!

Повреждение быстро исправили, но даже Эдди понял, что случится, если почти непрерывно не делать наполнения: эрозия в конце концов обрушит доску в верхнем течении на доску в нижнем, и затем все рухнет.

— Мы можем укрепить берега, — сказал Бен. — Эрозию это не остановит, но хотя бы приостановит.

— Если мы снова используем песок и грязь, она не будет продолжать размываться? — спросил Эдди.

— Мы используем куски дерна.

Билл кивнул, улыбнулся и сделал «О» указательным и большим пальцами правой руки. — Пошли. Я накопаю их и ты покажешь мне, куда их положить Биг Бен.

Позади них скрипуче бодрый голос произнес: — Боже мой, кто-то тут в Барренсе устроил лужу и прочее!

Эдди повернулся, обратив внимание на то, как съежился Бен от звука этого странного голоса, как сжались у него губы. Над ними вверх по течению, на тропинке, которую накануне пересек Бен, стояли Ричи Тозиер и Стэнли Урис.

Ричи подошел, подпрыгивая в джазовом ритме, посмотрел с некоторым интересом на Бена и затем толкнул Эдди в щеку.

— Не делай так! Я этого терпеть не могу, Ричи.

— О, тебе нравится это, Эдс, — сказал Ричи и улыбнулся ему лучезарной улыбкой — Итак, что скажешь? У тебя много было смешного или как?

5

Все пятеро трудились около четырех часов. Они сели на насыпь намного выше того места, где Билл, Бен и Эдди ели завтрак и где теперь была вода, и внимательно смотрели на дело рук своих. Даже Бену немного не верилось. Он чувствовал усталость от сделанной работы, которая соединялась с беспокоящим страхом. Он обнаружил, что думает о Фантазии. Подобно Микки Маусу он знал, как заставить метлы работать... но вот, как заставить их остановиться...

— Дьявольски невероятно, — тихо сказал Ричи Тозиер, поправив очки на носу.

Эдди посмотрел на него, но Ричи сейчас не выделял ни одного из своих номеров: лицо у него было задумчивое, почти торжественное.

На дальнем берегу реки, где земля немного поднималась, а затем опускалась вниз, они создали новый кусок болотистой местности. Папоротник и остролист стояли на фут в воде. Даже отсюда они видели, как болото, выпуская все новые ложноножки, распространяется на запад. За запрудой Кендускеаг, еще нынешним утром мелкая и безопасная, стала спокойной полноводной рекой.

К двум часам бассейн позади запруды так распространился по насыпи, что ручейки разрослись почти до размеров рек. Все, за исключением Бена, отправились в экстренную экспедицию на свалку в поисках дополнительных материалов. Бен торчал на месте, методично затыкая течь дерном. «Мусороискатели» вернулись не только с досками, но и с четырьмя шинами, ржавой дверцей «Гудзор

Хорнет — 1949», и большим куском обшивки из рифленой стали. Под руководством Бена они построили два крыла на первоначальной запруде, блокируя выход воды по сторонам, — с крыльями, поставленными под углом к потоку, запруда заработала еще лучше прежнего.

— Полностью остановили засасывание, — сказал Ричи. — Ты гений, мужик!

Бен улыбнулся. — Да это ерунда.

— У меня есть несколько «Винстонов», — сказал Ричи. — Кто хочет?

Он вытащил смятую красно-белую пачку из кармана штанов и пустил ее по кругу. Эдди, подумав о том, какую адскую штуку может сотворить сигарета с его астмой, отказался. Стэн тоже отказался. Билл взял одну и Бен, после минутного раздумья, тоже взял одну. Ричи вытащил коробок спичек с надписью «РОЙ-ТАН» на внешней стороне, дал прикурить сперва Бену, а затем Биллу. Он собирался и сам прикурить, когда Билл задул спичку.

— Спасибо большое, Денбро, мокрица, — сказал Ричи.

Билл улыбнулся, извиняясь. — Третья спичка. К несчастью...

— Несчастьем было для твоих стариков родителей — твое рождение, — сказал Ричи, и зажег сигарету другой спичкой. Он положил скрещенные руки под головой. Сигарета, зажата в зубах, торчала кверху. — У «Винстона» вкус настоящей сигареты. — Он слегка повернул голову и подмигнул Эдди. — Не правда ли, Эдс?

Эдди видел, что Бен смотрит на Ричи с каким-то благоговейным страхом. Эдди мог это понять. Он знал Ричи Тозиера четыре года, и все еще не мог взять в толк, что у того на уме. Он знал, что у Ричи высшие оценки по всем предметам и низшие за прилежание и поведение. Его отец устраивал ему за это настоящий разнос, а мать чуть не плакала каждый раз, когда Ричи приносил домой плохие оценки по поведению, и Ричи клялся, что отныне все будет хорошо, и, может, так оно и было... в течение одной, двух четвертей. Беда Ричи заключалась в том, что он не в состоянии был держаться спокойно более минуты, и вообще не мог держать свой рот закрытым. Даже здесь, в Барренсе, где ему не грозили неприятности, хотя Барренс не был далекой пустынной местностью, и они могли быть здесь Дикими Мальчишками, всего несколько часов (мысль о Диком Мальчишке с аспиратором в заднем кармане заставила Эдди улыбнуться). Самое неприятное в Барренсе заключалось в том, что отсюда надо было уходить. Туда, в другой, большой мир, где бред собачий Ричи доставлял ему неприятности, мир со взрослыми, что было плохо, и с парнями типа Генри Бауэrsa, что было даже хуже.

Его появление сегодня утром было весьма для него характерным. Бен Хэнском просто хотел сказать ему «привет», когда Ричи упал на колени у его ног и начал серию своих «салам». Расставив руки, он принялся кланяться, каждый раз касаясь головой земли и одновременно говоря одним из своих Голосов.

У Ричи было около дюжины разных Голосов. — Моя амбиция велит мне, — сказал он однажды Эдди, когда на улице шел дождь и они сидели в маленькой со стропилами комнатухе над гаражом Каспбраков, читая книгу комиксов «Маленький Лулу», — моя амбиция велит мне стать величайшим в мире чревовещателем. Еще более великим, чем Эдгар Берген, и каждую неделю я буду выступать в «Эд Сьюлван Шоу». Эдди восхищала его амбиция, но он предвидел проблемы с ней связанные. Во-первых, все голоса Ричи звучали очень похоже на голос Ричи Тозиера. Разумеется, порой он бывал довольно забавным, выдавая чушь, как он это называл, обычно в весьма неподходящей компании. Во-вторых, когда Ричи чревовещал, его губы двигались. И очень заметно — на всех звуках. В-третьих, Ричи обещал бросить свой голос, но ему это не удавалось. Большинство его друзей были слишком деликатны, к тому же слишком действовало на них колдовское обаяние Ричи, чтобы они могли напоминать ему об этих маленьких проколах.

Неистово кланясь напуганному и смущенному Бену Хэнскому, Ричи говорил голосом, который он называл «Негр Джим»:

— Елки-палки, Мощный Стог! — кричал Ричи. — Не упади на меня, мистер Стог. От меня останется мокрое место, если упадешь. Елки-палки, триста фунтов болтающихся сосисок, двадцать восемь дюймов промеж сисек, Стог будет вонять, как говно пантеры! Только бы оно не выпало из тебя!

— Нне волнуйся, — сказал Билл. — Это пппросто Ррричи. Он сссумасшедший.

Ричи поднялся на ноги.

— Я слышал это, Денбро. Лучше оставь меня в покое, а то я пихну Стог на тебя.

— Ттвоя ллучшая чччасть уже переутомила нногу ттвоего оотца, — сказал Билл.

— Верно, — сказал Ричи, — но посмотри, сколько хорошего еще осталось. Как дела, Стог? Ричи Тозиер зовусь я, делать Голоса берусь я. — Он выставил руку. Ужасно смущенный, Бен потянулся к ней. Ричи убрал руку. Бен заморгал. Смягчившись, Ричи качнулся.

— Меня зовут Бен Хэнском, на случай, если тебе интересно, — сказал Бен.

— Видел тебя в школе, — сказал Ричи. Он быстро коснулся рукой все увеличивающейся лужи. — Это должно быть твоя идея. Эти мокрые концы не способны зажечь фейерверк огнеметом.

— Говори за себя, Ричи, — сказал Эдди.

— О, ты имеешь в виду, что это твоя идея, Эдс? Боже мой, прости.

Он упал перед Эдди и снова начал свое неистовое «салам».

— Встань, прекрати, ты брызгаешь на меня грязью, — закричал Эдди.

Ричи опять вскочил на ноги и ударил Эдди по щеке. — Смышлелый, смышлелый, смышлелый! — восклицал Ричи.

— Прекрати, я терпеть этого не могу!

— Не суетись, Эдс. Кто построил запруду?

— Ббен ппоказал нам, — сказал Билл.

— Хорошо. — Ричи повернулся и открыл Стэнли Уриса, стоявшего за ним, с руками в карманах и спокойно наблюдающего, как Ричи выделывает свое шоу. — Вот здесь Стэн — Мужчина — Урис, — сказал Ричи Бену. — Стэн еврей. Еще он убил Христа. Во всяком случае, так мне однажды сказал Виктор Крисс. С тех пор я за ним присматриваю. Я думаю, если он и вправду тот малый, он должен суметь купить нам пива. Правильно, Стэн?

— Я думаю, ты должен был бы быть моим отцом, — сказал Стэн низким, приятным голосом, и они все подавились от смеха, включая Бена. Эдди смеялся, пока слезы не побежали у него по лицу.

— Чушь! — кричал Ричи, двигаясь крупными шагами, вскинув руки над головой, как футбольный рефери, объявляющий очко. — Стэн-мужик выдает чушь! Великий момент истории.

— Привет, — сказал Стэн Бену, казалось вовсе не обращая никакого внимания на Ричи.

— Привет, — ответил Бен. — Мы были в одном классе, когда учились во втором. Ты тот парень, который...

— ... никогда ничего не говорил, — закончил Стэн, немного улыбаясь.

— Верно.

— Стэн не сказал бы чушь, если бы у него рот был занят, — сказал Ричи. — Что он часто делает...

— Зззззаткнись, Ричи, — сказал Билл.

— Ладно, только сначала, как ни прискорбно, я должен сказать вам одну вещь. Думаю вы потеряете свою запруду. Долина растечется. Давайте заберем отсюда женщин и детей.

И не заботясь о том, чтобы засучить штаны или хотя бы снять обувь, Ричи прыгнул в воду и начал швырять дерн в то место на

ближнем крыле запруды, где упорный поток ташил с собою все наполнение грязными узкими лентами. Одна дужка его очков была обмотана кусочком лейкопластыря и свободный его конец болтался у скулы, когда Ричи работал. Билл перехватил взгляд Эдди, слегка улыбнулся и дернулся. Как Ричи. Конечно, он доставал вас, но что-то приятное было в том, что он находился рядом.

Они работали над запрудой еще час. Ричи выполнял команды Бена, двое парней помогали ему, необыкновенно охотно и в маниакальном темпе. Выполнив команду, он докладывал об этом Бену и обращался за дальнейшими распоряжениями, небрежно, по-британски, салютуя и вплотную приставив друг к другу спортивные тапочки. Иногда он начинал разглагольствовать одним из своих Голосов: немецкий комендант Тудлз, английский Бутлер, южный Сенатор (который звучал очень похоже на Фогхорна Легхорна и который, когда пробьет час, станет героем по имени Буфорд Кисс-древель, комментатора кинохроники).

Работа не просто продвигалась вперед — это был спринтерский бег. И теперь, незадолго до пяти часов, оказалось, что то, что сказал Ричи, правда: они полностью предотвратили засасывание. Дверца машины, кусок гофрированной стали и старые шины стали второй ступенью запруды, и она поддерживалась огромным насыпным холмом из земли и камней. Стэн, казалось, смотрел в небо, но Эдди знал, что Стэн смотрит на деревья на другой стороне потока, выискивая птицу-другую, чтобы вписать их этим вечером в свою записную книжку по орнитологии. Эдди сам только что сел, скрестив ноги, чувствуя приятную усталость и веселость. Все парни казались ему сейчас выдающимися, о дружбе с ними можно было только мечтать. Они хорошо себя чувствовали вместе: соприкасались своими гранями. Это трудно было объяснить, и поскольку в объяснениях не нуждалось, то Эдди решил — пусть все так и остается.

Он посмотрел на Бена, который неуклюже держал свою наполовину выкуренную сигарету и часто сплевывал, как будто ему не очень нравился ее вкус. Поймав взгляд Эдди, Бен погасил сигарету и бросил в грязь длинный хабарик.

Увидев, что Эдди наблюдает за ним, Бен в смущении отвел свой взгляд.

Эдди посмотрел на Билла и увидел в лице Билла что-то ему не понравившееся. Билл смотрел через реку внутрь деревьев и кустарников на дальнем берегу, глаза его были серые и задумчивые. На лице читалось размышление. «Он выглядит так, будто его преследуют призраки», — подумал Эдди.

Как будто угадав его мысли, Билл посмотрел на него. Эдди улыбнулся, но Билл не ответил улыбкой. Он вытащил сигарету и посмотрел на остальных. Даже Ричи был втянут в тишину своих собственных мыслей — событие редкое, как лунное затмение.

Эдди знал, что Билл редко говорит что-то важное, — только в полной тишине, потому что ему трудно говорить. И ему вдруг захотелось самому что-нибудь сказать, или чтобы Ричи начал одним-двумя из своих Голосов. Он вдруг почувствовал, что Билл собирается открыть рот и сказать нечто ужасное, ужасное-ужасное, и это нечто все должно изменить. Эдди автоматически потянулся за аспиратором, вытащил его из заднего кармана и взял в руку. Он сделал это бессознательно.

— Можно вам что-то рассказать, ребята? — спросил Билл.

Они все посмотрели на него. «Выдай шутку, Ричи! — подумал Эдди. — Выдай шутку, скажи что-нибудь оскорбительное, смути его, мне плевать, только заткни его. Что бы это ни было, я не хочу слышать, я не хочу, чтобы все менялось, я не хочу бояться».

В его голове сумрачный, квакающий голос шептал: «Я сделаю это за десятицентовик».

Эдди вздрогнул и пытался отогнать этот голос и внезапную картину, которую он вызвал в его мозгу: дом на Нейболт-стрит, его передний двор, заросший сорняками, гигантские подсолнечники, кланяющиеся в одну сторону в заброшенном саду.

— Конечно, Большой Билл, — сказал Ричи. — В чем дело?

Билл открыл рот (Эдди испытал тревогу), закрыл его (благословенное облегчение для Эдди) и затем снова открыл его (опять тревога).

— Если вы, парни, будете смеяться, я никогда больше не буду с вами болтать, — сказал Билл. — Это безумие, но я клянусь, я это не выдумал. Это по-настоящему случилось.

— Мы не будем смеяться, — сказал Бен. Он посмотрел на других. — Верно?

Стэн покачал головой. То же сделал Ричи.

Эдди хотел сказать: «Да, будем, мы будем смеяться до потери пульса и говорить, что ты действительно ненормальный, так что не лучше бы тебе заткнуться прямо сейчас?» Но, конечно, он не мог сказать ничего подобного. Это был в конце концов Большой Билл. Он покачал головой, чувствуя себя несчастным. Нет, я не буду смеяться. Никогда в жизни ему не хотелось смеяться меньше, чем сейчас.

Они сидели вокруг запруды, которую Бен научил их делать, переводя взгляд с лица Билла на лужу, которая все ширилась, а

вслед за нею ширилось болото, а затем снова на лицо Билла. Они тихо слушали, а он рассказывал им о том, что случилось, когда он открыл альбом фотографий Джорджа, как школьная фотография Джорджа повернула голову и подмигнула ему, как книга закровоточила, когда он бросил ее через комнату. Это было длинное, мучительное повествование, и ко времени, когда он закончил, лицо у Билла было красное и он обливался потом. Эдди никогда не слышал, чтобы он заикался так ужасно.

Наконец история была рассказана. Билл посмотрел на них и удовлетворенный, и испуганный. Эдди увидел похожее выражение на лицах Бена, Ричи и Стэна. Это был торжественный, благоговейный страх. И ни капельки недоверия. Эдди страстно захотелось вскочить на ноги и закричать: «Что за сумасшедшая история! Ты ведь не веришь этой сумасшедшей истории, правда, и даже если ты веришь, ты не веришь, что мы верим ей, правда? Школьные фото не могут подмигивать! Книги не могут кровоточить! Ты не в своем уме, Большой Билл!»

Но он не смог бы сказать такое, потому что выражение торжественного страха было и на его собственном лице. Он не мог этого видеть, но он чувствовал.

— Иди-ка сюда, парень, — шептал хриплый голос. — Я сдую тебя. Иди сюда!

— Нет, — простонал Эдди. — Пожалуйста, уходи, я не хочу об этом думать.

— Возвращайся сюда, парень.

И теперь Эдди видел что-то еще — не на лице Ричи, он так не думал, а на лице Стэна и Бена наверняка. Он знал, что произошло; знал, потому что такое же выражение было на его собственном лице.

Узнавание.

Я тебя сдую.

Дом под номером 29 по Нейболт-стрит был сразу же за сортировочной станцией Дерри. Он был старый, заколоченный досками, крыльцо вросло в землю, лужайка вокруг заросла травой. Старый трехколесный велосипед, ржавый и опрокинутый, спрятался в высокой траве, одно колесо торчало под углом.

Но по левую сторону крыльца на лужайке было обширное пятно голой земли и можно было увидеть грязные окна подвала, врезанные в осыпающееся кирпичное основание дома. В одном из этих окон Эдди Каспбрак шесть недель назад впервые увидел лицо прокаженного.

По воскресеньям, когда Эдди не с кем было играть, он часто ходил на сортировочную станцию. Без всякой причины; просто любил туда ходить.

Он обычно ехал на своем велосипеде по Витчем-стрит, а затем, срезая путь, сворачивал на северо-запад по дороге №2, пересекавшей Витчем. Церковная школа стояла на углу дороги №2 и Нейболт-стрит — примерно в миле или несколько дальше. Это было ветхое, но аккуратное деревянное здание с большим крестом наверху и словами «ПОЗВОЛЯЮ МАЛЕНЬКИМ ДЕТЯМ ПРИХОДИТЬ КО МНЕ», написанными над парадной дверью позолоченными буквами высотой два фута. Иногда по воскресеньям Эдди слышал изнутри музыку и пение. Это была евангелистская музыка, но казалось, там играет Джерри Ли Льюис, а вовсе не постоянный церковный пианист. Музыка звучала не очень религиозно, хотя в ней было что-то вроде: «прекрасного Сиона» и «окропления кровью агнца» и «какого друга мы имеем в Иисусе». Чтобы так божественно петь, думал Эдди, у людей должно быть слишком много времени. Но все равно ему нравилась эта музыка, впрочем он любил слушать и Джерри Ли, который пел, подвывая, «Тряска Лотты продолжается». Иногда он останавливался, прислонял свой велосипед к дереву и, притворяясь будто читает на траве, сопереживал музыку.

В иные субботы церковная школа была закрыта и безмолвна, и он, не останавливаясь, проезжал сортировочную станцию туда, где Нейболт-стрит закачивалась депо. Там он прислонял свой велосипед к деревянной ограде и смотрел на проходящие мимо поезда. По субботам их было полно. Его мать говорила, что в былые времена на станции Нейболт-стрит, можно было сесть на пассажирский поезд; пассажирские поезда прекратили ходить, когда началась корейская война. «Если бы ты сел в поезд, направляющийся на север, ты бы приехал на Браунсвил-стейшн, — сказала она, — а там мог бы пересесть на поезд, идущий через Канаду к Тихому океану. Поезд южного направления привез бы тебя в Портленд, а затем в Бостон. Теперь пассажирские поезда уступили здесь дорогу трамваям. Никто не хочет ездить поездом. Зачем? Когда есть «Форд». Ты может быть никогда и не поедешь в поезде».

Но длинные товарные составы все еще шли через Дерри. Они направлялись на юг, нагруженные древесиной, бумагой, картофелем, на север — промышленными товарами для тех городов, которые население штата Мэн иногда называло Большим Севером — Бангор, Миллинокет, Макиас, Преск Айл, Хаултон. Эдди особенно любил

смотреть поезда северного направления с их продукцией — сверкающими «Фордами» и «Шевиотами». «У меня будет когда-нибудь такая машина, — пообещал он себе. — А может, даже лучше. Может быть, даже «Кадиллак». На станции сходились шесть путей — так нити паутины сходятся в центре: Бангор и Большой Северный путь с севера, Большой Южный и Западный Мэн с запада, Бостон и Мэн с юга и Южный морской с востока.

Однажды, за два года до этого, когда Эдди стоял около последней колеи и смотрел, как проходит товарняк, пьяный проводник бросил на него ящик из медленно движущегося вагона. Эдди наклонился и отпрыгнул, хотя ящик упал на угольный шлак в десяти футах от него. Внутри ящика были живые существа, они щелкали и двигались. «Возьми же наконец, парень!» — закричал пьяный кондуктор. Он вытащил плоскую коричневую бутылочку из кармана своей бумажной куртки, открыл ее, выпил, затем бросил на угольный шлак, где она разбилась вдребезги. Проводник указал на ящик: «Отнеси его домой, маме! Привет от Южной-Хреновой-морской-Дороги!» Он подался вперед, чтобы прокричать эти последние слова, так как поезд стал набирать скорость, и на какой-то момент Эдди тревожно подумал, что он сейчас выпадет.

Когда поезд ушел, Эдди приблизился к ящику и осторожно наклонился над ним. Он боялся подходить слишком близко. Существа внутри были скользкие и ползучие. Если бы проводник крикнул, что они предназначены ему, Эдди оставил бы ящик лежать. Но он сказал взять их домой, маме, и, как Бен, при упоминании о маме, Эдди подпрыгнул.

Он стибрил моток веревки из пустующего складского помещения, покрытого гофрированным железом, и привязал ящик к багажнику велосипеда. Его мать заглянула внутрь ящика еще более осторожно, чем он сам, и затем закричала — от радости, а от ужаса. В ящике было четыре омара, большие, на два фунта, с шевелящимися клешнями. Она приготовила их на ужин и ужасно рассердилась на Эдди, что он мало съел.

— Что ты думаешь едят Рокфеллеры сегодня вечером у себя дома в Бар Харборе? — негодуя спросила она. — Что, как ты думаешь, едят светские люди на Двадцать первой улице и на Сарди в Нью-Йорке. Арахисовое масло или сэндвичи с вареньем? Они едят омаров, Эдди, таких же, каких едим мы! Давай — попробуй еще!

Но Эдди не хотел, даже не то чтобы не хотел, а не мог. Он помнил какие они были склизкие там в ящике, какие щелкающие звуки они издавали. Мама продолжала убеждать его, что это деликатес, что от такого угощения нельзя отказываться, до тех пор, пока он не

начал задыхаться и не вынужден был прибегнуть к своему аспиратору. Тогда она оставила его в покое.

Эдди ушел в свою спальню и стал читать. А мать позвонила своей подруге Элеоноре Дантон. Элеонора пришла, они принялись листать старые экземпляры «Фотоигры» и «Секретов экрана» и, хихикая над колонками сплетен, пожирали холодный салат из омаров. Когда Эдди на следующее утро встал в школу, мать все еще была в постели, она тяжело храпела, издавая длинные рулады пердежа, которые звучали, как веселая игра на корнете (она выдавала Чушь, сказал бы Ричи). В миске, где бал салат из омаров, не осталось ничего, кроме нескольких пятнышек майонеза.

Это был последний поезд с Южного побережья, который видел Эдди. Потом, увидев мистера Брэддока, начальника станции Дерри, он спросил его, колеблясь, что случилось. Мистер Брэддок ответил:

— Компания разорилась. Все к этому шло. Ты не читаешь газет? Такое происходит повсеместно в этой чертовой стране. А теперь уходи отсюда. Здесь не место детям.

После этого Эдди иногда гулял вдоль пути 4, — колеи южного направления, и словно бы слышал, как кондуктор монотонно произносит названия, магические названия: Кэмден, Роклэнд, Бар Харбор, Вискассет, Ват, Портленд, Оганквит, Бервикс; он шел обычно по пути 4 на восток, пока не уставал; заросшие сорняками шпалы вызывали грусть. Однажды он посмотрел вверх и увидел чаек (возможно, просто старых жирных чаек с помойки, которые никогда не видели моря, но тогда это не пришло ему в голову), кружащих и кричащих наверху, и звук их голосов заставил его тоже вскрикнуть.

Когда-то на сортировочную станцию вела калитка, но ее снесло ураганом, и никого это не заботило. Эдди приходил сюда и уходил, когда ему вздумается, хотя мистер Брэддок, обычно вышвыривал его, когда замечал (не только его, а любого ребенка). Иные водители грузовиков ловили болтающихся там ребят — ведь того и гляди стибрят чего-нибудь, впрочем, иногда дети и в самом деле подворывали.

Хотя вообще-то место было спокойное. Была здесь сторожевая будка с разбитыми камнями окнами, но она пустовала. Примерно с 1950 годов здесь не было постоянной службы безопасности. Мистер Брэддок пугал детей днем, да ночной сторож приезжал четыре-пять раз за ночь в старом «Студебекере» с прожектором, установленным за вентиляционным окошком, — вот и все.

Впрочем и тогда бывали бродяги и бездомные. Если что-нибудь на станции и пугало Эдди, так это они — небритые мужчины с потрескавшейся кожей, волдырями на руках и лихорадкой на губах.

Они приезжали по железной дороге на какое-то время, затем выползали на какое-то время, проводили некоторое время в Дерри, и затем садились на другой поезд и ехали куда-то еще. Иногда у них не хватало пальцев на руках. Обычно они были пьяные и интересовались, нет ли у тебя сигареты.

Один из этих мужиков выполз однажды из-под крыльца дома номер 29 по Нейболт-стрит и предложил Эдди половой акт за четверть доллара. Эдди отпрянул, кожа у него заледенела, во рту пересохло. Одна ноздря бродяги была разъедена. Виден был красный покрытый струпьями канал.

— У меня нет четверти доллара, — сказал Эдди, пятясь к велосипеду.

— Я сделаю его за десятицентовик, — крикнул бродяга, подходя к нему.

На нем были зеленые фланелевые штаны. Желтая блевотина затвердела у лона. Он расстегнул ширинку и полез внутрь. Он пытался широко улыбнуться. У него был ужасный красный нос.

— Я... У меня нет и десятицентовика, — сказал Эдди и внезапно подумал: «О, мой Бог, у него лепра! Если он дотронется до меня, я тоже заражусь!» Его управление сработало, и он побежал. Он услышал, как бродяга бежит за ним, волоча ноги, его завязанные веревками ботинки шаркают и хлябают по пышной лужайке у заброшенного соляного склада.

— Возвращайся сюда, парень! Я трахну тебя бесплатно. Вернись!

Эдди склонился над велосипедом, дыша с присвистом, чувствуя, как горло сжимается до булавочного ушка. Он пригнулся еще ниже, накручивая педали, и как раз набирал скорость, когда рука бродяги ударила по багажнику. Велосипед забуксовал. Эдди посмотрел через плечо и увидел, что бродяга ДОБИРАЕТСЯ до заднего колеса, его губы оттянуты от черных остатков зубов с выражением, которое могло быть либо отчаянием, либо бешенством.

Невзирая на камни, давящие грудь, Эдди энергичнее нажимал на педали, ожидая, что в любой момент одна из покрытых струпьями рук бродяги приблизится к его руке, бродяга оттолкнет его от его «Ралея» и свалит в канаву, где Бог знает, что случится с ним. Он не осмеливался оглянуться назад до тех пор, пока не миновал церковную школу и перекресток дороги №2. Бродяги не было.

Эдди держал в себе эту страшную историю почти неделю и затем поверил ее Ричи Тозиеру и Биллу Денбро, когда они читали вместе комиксы над гаражом.

— У него не было лепры, дуралей, — сказал Ричи. — У него был сифилис.

Эдди посмотрел на Ричи, — не разыгрывает ли он его — никогда раньше он не слышал о болезни, которую называют сифилис. Она звучала так, будто Ричи сам ее придумал.

— Разве есть такая штука, Билл?

Билл серьезно кивнул.

— А что это?

— Это болезнь, которую получают от ебли, — сказал Ричи. — Ты ведь знаешь о ебле, не так ли, Эдс?

— Конечно, — сказал Эдди. Он надеялся, что не краснеет. Он знал, что когда вы вырастаете, из вашего пениса что-то выходит, когда он твердый. Винсент Бугерс Талиендо напичкал его однажды в школе информацией. По Бугерсу, когда вы занимаетесь еблей, вы третесь своим членом о живот девочки, пока он не затвердеет (ваш член, а не живот девочки). Затем вы третесь еще, пока не начнете «получать ощущение». Когда Эдди спросил, что это значит, Бугерс только таинственным образом покачал головой. Бугерс сказал, что описать это невозможно, понять можно только самому ощутив. Он сказал, что можно попрактиковаться, лежа в ванной и натирая свой член мылом «Айвори» (Эдди попробовал, но единственным ощущением, которое он вскоре получил, была необходимость помочиться). Так или иначе, продолжал Бугерс, после того как вы «получили ощущение», эта штука выходит из вашего пениса. Многие парни называют это «кончить», сказал Бугерс, но его старший брат сказал ему, что по-настоящему научное слово для этого эякуляция. И когда вы «получаете ощущение», вы должны схватить свой член и как можно скорее, как только эякуляция наступает, выстрелить жидкостью в дырочку в животе. Она попадет в ее живот и сделает ей там ребенка.

— Девочкам это нравится? — спросил Эдди Бугерса Талиендо. Он был в ужасе.

— Думаю, должно нравиться, — ответил Бугерс, сам выглядя загадочным.

— Теперь слушай, Эдс, — сказал Ричи, — потому что потом могут быть вопросы. У некоторых женщин есть эта болезнь. У некоторых мужчин тоже, но обычно у женщин. Парень может схватить ее от женщины...

— Или другого парня, если они голубые, — добавил Билл.

— Верно. Важно то, что ты получаешь сифилис, трахая кого-нибудь, у кого он уже есть.

— Что он делает? — спросил Эдди.

— Вызывает в тебе гниение, — просто ответил Ричи.

Эдди в ужасе уставился на него.

— Это ужасно, я знаю, но это так, — сказал Ричи. — Первым проваливается твой нос. У некоторых парней, у которых сифилис, носы отваливаются. Затем их члены.

— Пппожалуйста, — сказал Билл. — Я только что поел.

— Привет, парень, это наука, — сказал Ричи.

— А какая разница между проказой и сифилисом? — спросил Эдди.

— Проказу не получают от ебли, — быстро сказал Ричи, а потом взорвался хохотом, который озадачил и Билла, и Эдди.

7

С тех пор Эдди так и подмывало пройти мимо дома 29 по Нейболт-стрит. При мысли об этом его охватывало какое-то странное волнение. Глядя на поросший сорняками двор, на разбитое крыльцо и заколоченные досками окна, он чувствовал, как нечистые чары захватывают его. А шесть недель назад он поставил свой велосипед на усыпанный гравием край дороги (тротуар закончился четырьмя домами раньше) и прошел вдоль лужайки к крыльцу этого дома.

Его сердце тяжело билось в груди и во рту снова была сухость, слушая рассказ Билла об ужасном портрете, он знал, что входя в комнату Джорджа Билл чувствовал примерно то же, что сам он, приближаясь к тому дому. Он словно бы не владел собой, что-то толкало его к этому дому.

Казалось, даже не его ноги двигаются, а сам дом, размышляющий, спокойный, приближается к тому месту, где он стоит.

Едва доходили до него звуки дизельного двигателя на сортировочной станции и металлическое лязганье сцеплений. Там маневрировали вагонами, составляли эшелон.

Его рука схватила аспиратор, но, странно, приступ астмы не прекратился, как прекратился в тот день, когда он убежал от бродяги со сгнившим носом. Было одно желание: стоять спокойно и смотреть, как дом будто по невидимой колее неуклонно скользит к нему.

Эдди посмотрел под крыльцо. Там никого не было. Это было неудивительно. Была весна, а бездомные в Дерри обычно появлялись с конца сентября до начала ноября. В течение этих шести недель можно было найти поденную работу на одной из отдаленных ферм, даже если бродяга выглядел не слишком прилично. Можно было наняться собирать картофель и яблоки, ставить снеговой заслон, латать крыши амбаров и сараев до прихода, высвистывающего зиму, декабря.

Никаких бродяг под крыльцом не было, но следов их пребывания было множество. Пустые пивные банки, пустые ликерные бутылки.

Заскорузлое от грязи одеяло лежало на кирпичном основании, как мертвая собака. Валялись вороха мятой бумаги, старый башмак, стоял запах отбросов... Там внизу толстым слоем лежали прошлогодние листья.

Не в состоянии противиться этому, Эдди пополз под крыльцо. Сердце билось у него в голове, направляя белые пятна света сквозь поле его зрения.

Внизу запах был еще хуже — запах выпивки, и пота, и резкое амбре разлагающихся листьев. Старые листья и старые газеты даже не шуршали под его ногами и коленями. Они тяжело вздыхали.

«Я бродяга, — думал бессвязно Эдди. — Я бродяга, и я езжу по железке. Вот чем я занимаюсь. У меня нет денег, нет дома, но у меня есть бутылка, и доллар, и место для ночлега. Я буду собирать яблоки на этой неделе, а через неделю картошку, и когда мороз замкнет землю, как банковские своды деньги, да, я прыгну в ящик поезда, который пахнет сахарной свеклой, и сяду в уголке и укурюсь сеном, если оно есть, и выпью немного, и пожую немного, и рано или поздно я доберусь до Портленда или Бинтауна, и если меня не сцапает железнодорожный сыщик, я прыгну в один из ящиков «Бама Стар» и отправлюсь на юг, и когда я доберусь туда, я буду собирать лимоны, или лайму, или апельсины. И скитаясь, я буду строить дороги, по которым будут ездить туристы. Черт, ведь я этим занимался раньше, а? Я просто одинокий старый бомж, у меня нет денег, у меня нет дома, но у меня есть одна вещь: у меня есть моя болезнь, которая пожирает меня. Моя кожа трещит, мои зубы вываливаются, и знаешь что? Я ощущаю свою порчу, как яблоко, которое размякает, я могу чувствовать, как это происходит, как поедает меня изнутри, поедает, поедает, поедает меня».

Эдди с гримасой отвращения отодвинул в сторону затвердевшее одеяло — осторожно дотронулся до него большим и указательным пальцами, испытывая при этом смешанные чувства. Одно из низких окон подвала было прямо за крыльцом, оконное стекло частично разбито, оставшееся стекло грязное, светонепроницаемое. Он наклонился вперед, почти что загипнотизированный. Он наклонился ближе к окну, ближе к темноте подвала, вдыхая запах старости и упадка, разложения, ближе и ближе к черному, и вероятно прокаженный схватил бы его, если бы его астма в этот самый момент не наделала шума. Он с силой сжал свои легкие, его дыхание тотчас же выдало знакомый ненавистный свистящий звук.

Он подался назад, и вот тогда появилось лицо. Его появление было настолько внезапным, пугающим (и в то же самое время настолько ожидаемым), что Эдди не мог бы вскрикнуть, даже если

бы у него не было приступа астмы. Глаза были выпученные. Рот открывался со скрипом. Это был не бродяга с провалившимся носом, но сходство было. Ужасное сходство. И все-таки... эта вещь не могла быть человеком. Невозможно быть настолько съеденным и остаться в живых.

Кожа на лбу была рассечена. Белая кость, покрытая мембраной желтого слизистого вещества, смотрела через линзу затуманенного прожектора. Нос — мост из хряща над двумя красными вспыхивающими каналами. Один глаз — ликующая голубизна. Другая глазница наполнена массой губчатой черно-коричневой ткани. Нижняя губа прокаженного отвисла, как печень. Верхней губы у него вообще не было; зубы выступали в злобной ухмылке.

Оно выпростало руку сквозь разбитое оконное стекло. Оно выпростало другую руку через грязные остатки стекла, разбив его на осколки. Его ищущие, хватающие руки были в болячках. Жучки ползали и сновали туда-сюда.

Всхлипывая, тяжело дыша, Эдди попытался назад. Он едва мог перевести дыхание. Его сердце было вышедшим из-под контроля двигателем в груди. Оказалось, что на прокаженном изношенные остатки какого-то странного серебристого костюма. Что-то кучками роилось в его волосах.

— Как насчет того, чтобы трахнуть, Эдди? — проквало привидение, ухмыляясь остатками рта. Оно пропело: — Бобби делает это за четверть цента, он сделает это в любое время, пятнадцать центов за сверхурочную работу. — Он подмигнул: — Это я, Эдди, — Боб Грей. И теперь, когда мы должным образом познакомились... — одна из его рук потянулась к правому плечу Эдди. Эдди пронзительно закричал.

— Все в порядке, — сказал прокаженный, и Эдди, как в страшном сне, увидел, что он выползает из окна. Костлявый щит за его шелудивым лбом обнажал тонкую деревянную полоску между оконными стеклами. Его руки скребут покрытую листьями землю. Серебристые плечи его костюма... костюма... каким бы он ни был... начали пробиваться, протискиваться через пролом. Один видящий голубой глаз не покидал лица Эдди.

— Вот я иду, Эдди, все в порядке, — прокричал он. — Тебе понравится здесь у нас. Некоторые из твоих друзей — здесь.

Его рука снова потянулась, и в каком-то уголке своего охваченного паникой, кричащего разума Эдди вдруг холодно понял, что если «это» дотронется до его обнаженной кожи, он тоже начнет гнить. Эта мысль вывела его из паралича. Он резко отступил назад, затем повернулся и рванул к дальнему концу крыльца. Солнечный свет,

проникающий узкими пыльными лучами сквозь трещины между досками крыльца, иногда накладывал полоски на его лицо. Его голова протолкнулась сквозь пыльную паутину, которая осела на его волосах. Он посмотрел назад через плечо и увидел, что прокаженный уже наполовину снаружи.

— Бесплезно бежать, Эдди, — звало это существо.

Эдди достиг дальнего конца крыльца. Там была решетчатая конструкция. Через нее светило солнце, кладя алмазы света на его щеки и лоб. Он наклонил голову и вломился в нее без всякого колебания, вырывая с криком рубашку с ржавых дешевых гвоздей. Дальше были кусты роз, и Эдди прорывался сквозь них, спотыкаясь, не чувствуя шипов, которые покрыли мелкими порезами его руки, щеки, шею.

Он повернулся и отступил на согнутых ногах, вытаскивая аспиратор из кармана, включая его. Наверно, все это было не на самом деле? Он подумал о бомже и его голова... ну, просто

(устроила шоу)

показала ему фильм, фильм ужасов, наподобие картин на субботних утренниках, с Франкенштейном и Вольфманом, которые шли у них иногда в «Бижу» или «Джеме», или «Аладдине». Конечно, это так. Он сам себя испугал! Какой болван!

Он даже готов уже был посмеяться над неподозреваемой живостью своего воображения, но гниющие конечности выпростались из-под крыльца, цепляясь за кусты роз с безумной свирепостью, хватая их, срывая их, запечатлевая на них бусинки крови.

Эдди пронзительно закричал.

Выползал прокаженный. На нем был клоунский костюм, он видел клоунский костюм с большими оранжевыми пуговицами впереди. Он широко улыбался Эдди. Подобие рта раскрылось, высунулся язык. Эдди снова закричал, но стук дизельного двигателя на сортировочной заглушил задыхающийся крик мальчика. Язык прокаженного не просто вывалился изо рта; в нем было по меньшей мере три фута и он раскатывался по всей длине. Стреловидный кончик его стягивал грязь. Пена, желтая и липкая, разливалась по нему. Он кишел жучками.

Кусты розы, обнаруживавшие первые признаки весны, когда Эдди пробирался через них, сейчас стали мертвыми и похожими на черное кружево.

— Сношение, — прошептал прокаженный и нетвердо встал на ноги.

Эдди побежал к велосипеду. Это была такая же гонка, как в первый раз, только с оттенком кошмара: вы словно бы двигаетесь с

мучительной медлительностью, несмотря на отчаянные попытки бежать быстрее... разве в этих случаях вы никогда не чувствовали позади себя чего-то нацеленного на вас? Не ощущали запах Его смердящего дыхания, как сейчас Эдди ощущал его?

На мгновение Эдди почувствовал дикую надежду: а что, если это действительно кошмар? Вот сейчас он проснется в своей собственной кровати, весь в поту, трясущийся, может быть даже в слезах... но живой. Невредимый. Но он оттолкнул эту мысль. Ее очарование было смертоносно, ее комфорт фатален.

Он не пытался немедленно сесть на свой велосипед; он бежал, держась за руль и толкая его. Он чувствовал, будто тонет, но не в воде, а внутри своей грудной клетки.

— Сношение, — снова прошептал прокаженный. — Приходи в любое время, Эдди. Приводи своих друзей.

Гниющие пальцы прокаженного, казалось, хватали его затылок, но, возможно, это была всего лишь колышущаяся нить паутины из-под крыльца, уцепившаяся ему за волосы. Эдди запрыгнул на велосипед и нажал на педали, не обращая внимания на то, что его горло сдавило, не давая никакого послабления своей астме, не оглядываясь назад. Он не оглядывался до тех пор, пока не оказался почти что дома, и, конечно, за ним никого не было, когда он в конце концов с двумя мальчишками пошел играть в парк в мяч.

Той ночью, лежа прямо, как кочерга, в кровати с одной рукой на аспираторе и всматриваясь в тени, он услышал, как прокаженный шепчет: «Бесполезно убегать, Эдди».

8

— Н-да, — сказал Ричи с уважением. Это было первое, что было произнесено между ними с того момента, как Билл Денбро закончил свой рассказ.

— У ттебя есть ееееодна ссигарета, Рричи?

Ричи дал ему последнюю в упаковке, которую он выцарапал полупустой из ящика стола своего отца. Он даже дал Биллу прикурить.

— Тебе это не приснилось, Билл? — вдруг спросил Стэн.

Билл покачал головой. — Нннет — этто был нне ссон.

— По-настоящему, — сказал Ричи низким голосом.

Билл внимательно посмотрел на него. — Чччто?

— По-настоящему, я сказал, — Ричи посмотрел на него почти обиженно. — Это по-настоящему случилось. Это было реально. —

И прежде чем он смог остановиться — прежде чем он понял, что делает это — Эдди вдруг услышал себя рассказывающим историю прокаженного, который выполз из подвала дома 29 по Нейболт-стрит. На половине рассказа он начал тяжело дышать и должен был воспользоваться своим аспиратором. А в конце разразился горькими слезами, его тощее тело сотрясало.

Они все смотрели на него тревожно, затем Стэн положил ему руку на спину. Билл неуклюже обнял его, а другие глядели в сторону, смущенные.

— Ничего, Эдди. Все о'кей.

— Я тоже видел его, — сказал внезапно Бен Хэнском. Его голос был и ровный, и резкий, испуганный.

Эдди посмотрел вверх, на лице его все еще были слезы, глаза красные, наивные. — Что?

— Я видел клоуна, — сказал Бен. — Только он был не таким, как ты сказал — во всяком случае, не таким, когда я видел его. Он не был склизкий. Он был... он был сухой. — Бен помедлил, нагнул голову и посмотрел на руки, которые безучастно лежали на его слоновых бедрах.

— Я думаю, он был мумией.

— Как в кино? — спросил Эдди.

— И так и не так, — медленно сказал Бен. — В кино он выглядит, как подделка. Он жуткий, но можно сказать, что это работа на высшем уровне, ясно? Все эти бинты, обертки — они выглядят слишком аккуратными, что ли. Но этот мужик... он выглядел, как выглядела бы настоящая мумия. Если бы вы нашли ее внизу, под пирамидой, я имею в виду. Кроме костюма.

— Какой костюм?

Бен посмотрел на Эдди. — Серебряный костюм с большими оранжевыми пуговицами спереди.

Рот Эдди открылся. Он закрыл его и сказал: — Если ты шутишь, скажи. Я все еще... все еще вижу того мужика под крыльцом.

— Это не шутка, — сказал Бен и начал рассказывать свою историю. Он рассказывал ее медленно, начав с добровольного желания помочь миссис Дуглас считать и складывать книги и закончив своими собственными видениями. Он говорил медленно, не глядя на остальных. Он говорил так, будто глубоко стыдился своего поведения. Он не поднимал головы, пока история не закончилась.

— Тебе, должно быть, это приснилось, — сказал Ричи в конце концов. Он увидел, как Бен вздрогнул, и поспешно прибавил: — Не принимай это лично на свой счет Биг Бен, но ты должен понять, что воздушные шары не могут, вроде, летать против ветра...

— И портреты не могут мигать, — сказал Бен.

Ричи перевел взгляд с Бена на Билла, озадаченный. Сомневаться в правдивости Бена было еще можно, но Билл... Билл был их лидером, они все смотрели на него. Никто не говорил об этом вслух — не было необходимости. Но Билл был человеком идеи, он мог придумать, что делать в тоскливый, скучный день, он помнил игры, которые другие забывали. Они ощущали что-то подкупающе взрослое в Билле — возможно, это было чувство ответственности, чувство, что Билл, если надо, взял бы на себя ответственность. Правда была в том, что Ричи верил в историю Билла, какой бы невероятной она ни казалась. И, возможно, не хотел верить Бену... или Эдди в этом плане.

— А с тобой ничего такого никогда не происходило, а? — спросил Эдди у Ричи.

Ричи помедлил, начал что-то говорить, покачал головой, снова помедлил, затем сказал:

— Самое страшное, что я видел в последнее время, это, как Марк Прендерлист мочится в Маккарон-парке. Мерзейшая штука.

Бен сказал:

— А как ты, Стэн?

— Нет, — сказал Стэн быстро, и посмотрел куда-то в сторону. Лицо его было бледно, губы так плотно сжаты, что побелели.

— Ббббыло чччч-нибудь? — спросил Билл.

— Нет, я сказал вам! — Стэн поднялся на ноги и подошел к насыпи; руки его были в карманах. Он стоял и смотрел, как вода проходит по верху первоначальной запруды и скапливается за вторым шлюзом.

— Давай, давай, Стэнли! — сказал Ричи резким фальцетом. Это был еще один из его голосов: голос бабули Грант (Ворчуньи). Когда Ричи говорил голосом бабули Грант, он обычно поколачивал себя кулаком по пояснице и похихикивал. Однако голос его сейчас был больше похож на голос Ричи Тознера.

— Давай, Стэнли. расскажи своей бабуле о плааааахом клоуне, и я дам тебе печенье. Ты только скажи...

— Заткнись! — вдруг закричал Стэн, толкнув Ричи, который в страшном удивлении отлетел на один-два шага. — Заткнись немедленно!

— Ладно, хозяин, — сказал Ричи и сел. Он смотрел на Стэна Уриса с недоверием. Яркие пятна вспыхнули на щеках Стэна, но он все-таки выглядел скорее испуганным, чем сумасшедшим.

— Ладно, — спокойно сказал Эдди. — Не бери себе в голову, Стэн.

— Это был не клоун, — сказал Стэн. Его глаза перебегали с одного на другого, на третьего, на четвертого. Казалось, он борется с самим собой.

— Тты ммможешь рррассказать, — сказал Билл спокойным тоном. — Мммы ррррассказали.

— Это был не клоун...

Но тут вмешался развязный пропитой голос мистера Нелла, заставив их всех подпрыгнуть, как от выстрела: — Иисус Христос на колченогой колеснице! Посмотрите на эту кутерьму! Иисус Христос!

Глава 8

КОМНАТА ДЖОРДЖА И ДОМ НА УЛИЦЕ НЕЙБОЛТ

1

Ричард Тозиер выключил радио, из которого раздавались крики Мадонны, исполняющей песню «Как девственница». Это была станция ВЗОН, рекламирующая себя как «Стерео-рокер Бангора», причем делалось это как-то истерически, слишком часто. Ричард свернул на обочину дороги, выключил двигатель «Мустанга», который ребята Ависа взяли для него напрокат в фирме «Бангор Интернэйшнл», и вышел из машины. В его ушах раздавалось его собственное дыхание. Ему представилось видение, от которого у него по спине пошли мурашки.

Он обошел машину, подошел к ней спереди и положил руку на капот. Он слышал тиканье остывающего двигателя. Вскрикнула сойка, но тут же замолчала. И треск сверчков. Постоянный треск.

Это видение уже было. Оно прошло. И вдруг снова он в Дерри. 25 лет спустя этот дрянной Ричи Тозиер приехал домой. Приехал.

Вдруг дикая боль как иглами пронзила его глаза, отогнав все его мысли. Он коротко вскрикнул и поднял руки к лицу. Единственный раз в жизни он испытал раньше такую же жуткую боль, когда ресница попала ему под контактную линзу. Это случилось в колледже, и тогда боль была только в одном глазу. А теперь — в обоих.

Но боль прошла так же внезапно, как началась, он даже не успел поднести руки к лицу.

Он медленно опустил руки и задумчиво посмотрел на дорогу №7. Дорожная застава осталась позади, в Этна-Хавене. Почему-то, он и сам не понимал почему, он не хотел попадать на эту заставу, которая еще строилась, когда он и его семья покинули этот городишко и направились в Мидвест. Нет, эта застава, наверное, была раньше, но дорога здесь была другая.

Поэтому он поехал по дороге №9 мимо спящих домов поселка Хавен, потом свернул на дорогу №7. День постепенно прояснялся.

Опять этот знак. Такие знаки стояли на границах более чем 600 городов штата Мэн, но на сей раз этот знак просто пронзил его сердце!

Графство
Пенобскот

Д
Е
Р
Р
И
МЭН

Еще знаки: знак, предупреждающий о лосях, о Ротари-клубе, и, заключая троицу, знак, сообщающий о том, что Дерри — это город, в котором «львы» — за объединенный фонд. А дальше между массивами сосен и елей снова продолжается дорога №7. В дневном свете деревья кажутся голубоватым сигаретным дымом в непроветренной комнате.

«Дерри, — думал он. — Дерри, Господи, помоги мне. Дерри. Отгони беды».

Вот он и на дороге №7. Еще 5 миль, и будет ферма Рулин, где его мать покупала яйца и овощи. В 7 милях от дороги №7 — Витчем-роуд, которая обязательно приведет на улицу Витчем — можно радоваться... И где-то там, между фермой Рулин и городом можно проехать к Бауэрсам и к Хенлонам. Примерно в миле от этого места — Кендускеаг. И буйная зелень Барренса.

«Не представляю себе, как я все это увижу, — думал Ричи. — Да, ребята, это так. По правде говоря, совсем не представляю себе, как это у меня получится».

Всю предыдущую ночь он провел в мечтаниях. И всю дорогу эти мечты продолжались. А теперь он остановился — или его остановили дорожные знаки — и понял, что все это не мечты, а реальность.

Воспоминания шли сплошным потоком, он боялся, что сойдет от них с ума. Он закусил губу и сложил руки ладонями друг к другу, как будто боялся взлететь. Ему казалось, будто что-то несет его вперед и вверх. Ему хотелось заглянуть в несколько следующих дней.

Его мысли резко оборвались. На дорогу вышел олень. Он слышал, как олень мягко ступал по гудрону.

У Ричи перехватило дыхание. Он был ошеломлен. Ничего подобного он не видел на шоссе Родео. Чтобы увидеть такое, нужно было вернуться домой.

«Это олениха», — весело пронеслось в голове. Она вышла из леса справа и остановилась посередине дороги №7. Ее ноги стояли на прерывистой белой линии. Ее темные глаза спокойно смотрели на Ричи Тозиера. В глазах был интерес, но не страх.

Он с удивлением взглянул на нее, подумав, что это, быть может, какое-то предзнаменование или какие-то дерьмовые штучки мадам Азонки. Вдруг он совершенно неожиданно вспомнил мистера Нелла, который пришел к ним в тот день. Вся их компания пребывала на небесах.

Глядя на оленя, Ричи глубоко вздохнул и обнаружил, что он с кем-то разговаривает. Это был голос ирландского полицейского, одного из тех, кто был в его репертуаре после того памятного дня. На него что-то накатывалось в тишине странного утра, что-то, напоминающее шар, накатывалось, становилось больше и громче.

«Иисус Христос на колченогой колеснице! О олениха, девочка, что ты делаешь? Господи! Ты будешь дома прежде, чем я расскажу все отцу О’Стаггерсу».

Прежде чем затихло эхо его слов, прежде чем первая ошеломленная сойка выругала его за кощунство, олениха вскинула хвост как флаг примирения и исчезла среди елей, как в сигаретном дыму, оставив только дымящиеся орешки как свидетельство того, что даже в свои 37 лет Ричи Тозиер временами может уйти от всего.

Ричи начал смеяться. Сначала он просто хихикал — его поразила смехотворность его собственного положения: он стоит утром здесь, в Мэне, на расстоянии 3,5 тысяч миль от дома и разговаривает с оленихой голосом ирландского полицейского. Он стал смеяться громче, затем смех перешел в хохот. Потом он замолчал и побрел к своей машине. Слезы катились по его щекам, он мрачно констатировал, что к тому же еще обмочил штаны. Каждый раз, когда он пытался взять себя в руки, его взгляд останавливался на оленьих орешках.

Соя и посмеиваясь, он наконец забрался на место водителя и включил мотор «Мустанга». Мимо проехал грузовик с химическими удобрениями и обдал его ветром. Ричи пропустил его и поехал дальше в Дерри. Теперь он чувствовал себя лучше, может, просто оттого, что двигался. Мысли вернулись.

Он снова стал думать о мистере Нелле и о том дне. Мистер Нелл спросил, кто придумал эту штуку. Их было пятеро, он

переводил глаза с одного на другого, пока Бен не шагнул вперед. Он был бледен, все его лицо дрожало, он не поднимал глаз, он сдерживал себя, чтобы не сказать лишнего. Бедный ребенок, вероятно, полагал, что его отправят в Шоушенк на Витчем-стрит, где все затоплено канализацией. По крайней мере, так сейчас подумал Ричи. У него самого было такое же ощущение, как у Бена. Они либо были скверными мальчишками, либо считали себя таковыми. Трусы. Они мало походили на телегероев. Так или иначе, это держало их вместе. И так 27 лет. Иногда они выбивали друг друга из седла. Как при игре в домино.

«Интересно, — думал Ричи, — когда будет поздно повернуть назад? Когда они со Стэном соберутся и пойдут помогать строить запруду? Когда Билл рассказал им, что его брат на фотографии повернул голову и подмигнул? Может быть...» Но для Ричи Тозиера, как ему казалось, игра в домино началась, когда Бен Хэнском шагнул вперед и сказал: «Я показал им...

2

...как это сделать. Это моя вина».

Мистер Нелл стоял, плотно сжав губы, и смотрел на него. На руках у него были кожаные перчатки. Он смотрел то на Бена, то на лужу позади запруды. Потом он повернулся к Бену. Казалось, он не видит Бена. Мистер Нелл был ирландец. Черные зачесанные назад волосы. Синяя островерхая шапка на голове. Ярко синие глаза и красный нос. Он был не более чем среднего роста, но выстроившимся перед ним мальчишкам казался великаном. Мистер Нелл открыл рот, чтобы что-то сказать, но прежде чем он произнес хотя бы слово, Билл Денбро шагнул вперед и встал рядом с Беном.

— Эээто бббыла мммоя ииидея, — наконец выдавил он из себя. И глубоко вздохнул. Мистер Нелл смотрел на него невозмутимо, солнце ярко отсвечивало от его кокарды, а в это время Билл выдавил из себя все остальное, что хотел сказать:

— Бен не виноват. Он просто случайно проходил мимо и посоветовал нам, как лучше сделать то дело, которое мы уже начали и делали плохо.

— И я тоже, — резко сказал Эдди и встал рядом с Беном.

— Что это значит? — спросил мистер Нелл. — «Я тоже» — это твое имя или твой адрес, подхалим?

Эдди ярко вспыхнул, он покраснел до кончиков волос.

— Я был с Биллом еще до того, как пришел Бен, — сказал он. — Вот что я имел в виду.

Ричи встал рядом с Эдди. Мысль о том, что один или два голоса могут успокоить мистера Нелла, появилась у него в голове внезапно. Второй мыслью было то, что голос или два могут только ухудшить положение, но вторая мысль не получила развития. Мистер Нелл совсем не растерялся, как ожидал Ричи, когда он тихим голосом произнес:

— Я тоже.

— И я, — сказал Стэн, становясь рядом с Биллом.

Теперь все пятеро стояли в ряд перед мистером Неллом. Бен смотрел на них, он был просто поражен поддержкой. На минуту Ричи показалось, что старик Хейстэк готов расплакаться от благодарности.

— О Господи! — сказал мистер Нелл, с явным отвращением в голосе. Казалось, он готов рассмеяться. — Более жалкой компании мальчишек я в жизни не видел. Если все вы знаете, где вы были, вам будет жарко сегодня вечером.

Ричи больше не мог сдерживаться, он открыл рот и, как это часто с ним бывало, затараторил.

— Как делишки, мистер Нелл? — нес он напропалую. — Ничего себе зрелище, мой дорогой, не правда ли? Вызывает уважение, а?

— Я окажу уважение вашему заду через три секунды, мой дорогой маленький друг, — сказал мистер Нелл сухо.

Билл прорычал, повернувшись к нему:

— Ради Бога, Ррричи, зззаткнись!

— Хороший совет, мистер Вильям Денбро, — сказал мистер Нелл. — Даю голову на отсечение, Зак не знает, что здесь у вас бар и что вы развлекаетесь среди проституток, не так ли?

Билл опустил глаза и кивнул. Его щеки ярко вспыхнули. Мистер Нелл посмотрел на Бена.

— Не могу вспомнить твое имя, сынок.

— Бен Хэнском, сэр, — прошептал Бен.

Мистер Нелл кивнул и снова оглянулся на запруду.

— Это была твоя идея?

— Как построить — да, — прошептал Бен еле слышно.

— Какого черта, ты что инженер, взрослый парень, ты что, не знаешь, что здесь, на बारे и в канализационной системе Дерри дерьма хватает?

Бен покачал головой. Спокойно, без злобы мистер Нелл объяснял ему:

— В этой канализационной системе две части. Одна для плотных отходов человеческой жизнедеятельности — для дерьма, если это не оскорбит ваш слух. Другая — для жидких отходов из туалетов,

раковин, ванн, стиральных машин. Это то, что течет по канализационным трубам города. Ну, слава Богу, с твердыми отходами нет проблем — их откачивают в Кендускеаг. Наверное, на полпути огромные кучи дерьма лежат сейчас на поверхности и сохнут на солнце благодаря тому, что вы сделали, но вы можете быть абсолютно уверены, что по вашей вине на потолке ни у кого это не окажется.

Что же касается жидких отходов, то их не откачивают насосами. Все это течет вниз в приспособления, которые эти ребята инженеры называют земляной канализацией. Клянусь, вы все знаете, где заканчивается эта канализация, правда, ребята?

— Вон там, — сказал Бен. Он указал на место позади запруды, которое было почти затоплено. Он указал, не поднимая глаз. Крупные слезы медленно потекли по его щекам. Мистер Нелл сделал вид, что не заметил этого.

— Правильно, мой молодой друг. Вся эта земляная канализация ведет к ручьям, которые текут к верхнему Барренсу. Естественно, во многих из этих ручейков ничего, кроме канализационных отходов, не течет. Дерьмо всплывает то в одном месте, то в другом. Хотелось бы вам прожить здесь долгие годы, пользуясь такой водой из канализации?

Эдди вдруг начал задыхаться и вынужден был воспользоваться аспиратором.

— Знаете, что вы сделали? Вы направили эту воду обратно в шесть или восемь центральных водоемов, которые обслуживают Витчем, и Джексон, и Канзас, и четыре-пять маленьких улиц, которые находятся между ними, — мистер Нелл сухо взглянул на Била Денбро. — Ваш дом как раз находится там, господин Денбро. Вот и получилось, что у вас не работает канализация, из стиральной машины некуда вылить грязную воду, а канализационные трубы заливают подвалы.

Бен издал звук, похожий на рыдание. Остальные посмотрели на него и отвернулись. Мистер Нелл положил свою большую руку на плечо мальчика. Она была тяжелая и в то же время мягкая.

— Не нужно, ты же взрослый парень. Может быть, все не так плохо, по крайней мере пока. Я немного преувеличил, чтобы вы меня поняли... Меня послали посмотреть. Никому, кроме меня и вас пятерых, не нужно знать, что именно произошло. Сейчас у нас в городе есть более важные дела, чем маленькая протечка. В отчете я напишу, что нашел протечку и несколько мальчиков, которые были поблизости, помогли мне заделать ее. Имен ваших я не буду называть, а вы ничего не говорите о плотине на баре.

Он посмотрел на всех пятерых ребят... Бен ожесточенно тер глаза носовым платком; Билл задумчиво смотрел на запруду; Эдди держал аспиратор в руке; Стэн стоял около Ричи и держал его за руку, готовый стиснуть ее, как только тот захочет сказать что-то, кроме «спасибо».

— Мальчикам нечего делать в таких грязных местах, как это, — продолжал мистер Нелл. — Здесь можно подцепить не меньше 60 разных болезней. Мусорные свалки, реки мочи, грязная одежда, клопы, всякая пакость... В таком грязном месте вам совершенно нечего делать. Четыре чистых городских парка, в которых можно целыми днями играть в мяч, а я нахожу вас здесь. Господи Иисусе!

— Нинам ззздесь нннравится, — неожиданно сказал Билл. — Когда мы приходим сюда, никто не мешает нам делать, что мы хотим.

— Что он сказал? — спросил мистер Нелл у Эдди.

— Он сказал, что, когда мы приходим сюда, никто не указывает нам, что делать, — сказал Эдди. Голос у него был слабый, но в то же время твердый. — И он прав. Когда ребята вроде нас приходят в парк поиграть, скажем, в бейсбол, то всегда находятся другие, которые обязательно хотят быть вторыми или третьими на старте.

Ричи передернул плечами.

— Извините, но он прав. И Билл прав. *Нам здесь нравится.*

Ричи думал, что мистер Нелл рассердится, но полицейский удивил их всех — он засмеялся.

— Да, — сказал он, — я и сам любил здесь бывать, когда был мальчишкой. Это правда. Поэтому я и не буду вам запрещать. — Он указал рукой на всех них. А они тихо смотрели на него. — Но если вы будете ходить сюда, то обязательно ходите компанией. Вот как сейчас. Вместе, обязательно все вместе. Вы меня понимаете?

Они закивали головами.

— Поняли? *Всегда вместе.* Никаких игр в прятки и уходов по одному. Сами знаете, что происходит в этом городе. И все равно я вам не запрещаю приходить сюда. По той простой причине, что вы все равно придете. Но ради вашего же блага и здесь, и поблизости держитесь вместе. — Он посмотрел на Билла:

— Вы что, не согласны со мной, молодой господин Билл Денбро?

— Нннет, сэр, — сказал Билл, — Мы будем дддержаться вввместе:

— Этого мне довольно, — сказал мистер Нелл. — Ваши руки.

Билл протянул руку, и мистер Нелл пожал ее. Ричи стряхнул руку Стэна и шагнул вперед.

— Клянусь Богом, мистер Нелл, вы лучший из людей, правда. Замечательный вы человек, просто замечательный. — Он схватил своей рукой лапищу ирландца и поднял ее вверх, все время улыба-

ясь. Смущенному мистеру Неллу мальчик показался пародией на Франклина Рузвельта.

— Спасибо, мальчик, — сказал мистер Нелл, убирая руку. — Тебе надо заняться этим. А сейчас ты говоришь, как ирландец.

Остальные мальчишки с облегчением рассмеялись. Стэн взглянул на Ричи с упреком.

— Спокойно, Ричи.

Мистер Нелл пожал руки всем ребятам, последнему — Бену, задержав его руку подольше.

— Тебе нечего бояться, кроме несправедливости. А что касается всего этого... Ну ты читал об этом в книгах... Знаешь, как это делается?

Бен покачал головой.

— Все забыто?

— Да, сэр.

— Я не сомневаюсь, когда-нибудь ты сделаешь настоящее дело. Но Барренс для этого не годится.

Он задумчиво огляделся:

— Здесь не сделать никаких больших дел, скверное это место.

Он вздохнул:

— Оторвитесь от него, ребята, оторвитесь немедленно. Я, кажется, сяду сейчас в тени этих кустов и буду молиться, чтобы вы это сделали.

Он иронично посмотрел на Ричи, как бы подначивая его на всплеск.

— Да, сэр, — сказал Ричи мрачно.

Мистер Нелл удовлетворенно кивнул головой, а мальчики принялись за работу, повернувшись к Бену и показывая, как быстрее всего убрать то, что они сделали по его совету. Тем временем мистер Нелл достал из мундира коричневую бутылочку, сделал хороший глоток и закашлялся. Потом он сплюнул мокроту и посмотрел на ребят влажным подобранным взглядом.

— Что это у вас в бутылке? — спросил Ричи, стоя по колено в воде.

— Ричи, ты когда-нибудь заткнешься? — спросил Эдди.

Мальчики с удивлением посмотрели на Ричи, а потом на бутылку. Никакой этикетки на ней не было.

— Это микстура от кашля. А теперь посмотрим, можешь ли ты так же быстро кланяться, как болтать языком.

Немного позднее Билл и Ричи шли по улице Витчем. Билл вел велосипед. После того как они строили запруду, а потом исправляли свои ошибки, у него просто не было сил ехать на нем.

Мальчики были грязные, измазанные и усталые. Стэн предложил зайти к нему домой поиграть в «Монополию» или во что-нибудь еще. Никто не захотел. Время было позднее. Бен, усталый и подавленный, сказал, что ему надо пойти домой, посмотреть, не вернул ли кто-нибудь его библиотечные книги. Он надеялся на это, так как на библиотечных книгах в специальной пакетике записывалось, кто взял книгу, когда и адрес.

Эдди сказал, что собирается посмотреть «Рок-шоу» по телевизору с Нейлом Седака, чтобы уяснить себе, негр тот или нет. Стэн сказал на это — не надо быть таким глупым, что Нейл Седака — белый, можно понять даже по его пению. Эдди утверждал, что по пению ничего понять нельзя, он, например, всегда думал, что Чак Берри — белый, а потом на концерте увидел, что он негр.

— По крайней мере, моя мама упорно считает, что он белый, а это много значит, — сказал Эдди, — если окажется, что он негр, то она, вероятно, запретит мне смотреть его.

Стэн пообещал Эдди дать несколько книжек, из которых ясно, что Нейл — белый. А двое мальчиков — Ричи и Билл — отправились по дороге, которая так или иначе вела к дому Билла. Теперь они не разговаривали. Ричи думал о человеке на фотографии, который повернул голову и подмигнул. И, несмотря на усталость, он вдруг понял, что ему в голову пришла сумасшедшая идея. Привлекательная, хоть и безумная.

— Послушай, Билл, давай на минуту остановимся. Я смертельно устал.

— Не пойдет, — сказал Билл, но остановился, аккуратно положил велосипед на край газона перед теологическим училищем. Мальчики сели на каменные ступени подножия викторианского строения.

— Ну и день, — сказал Билл мрачно. Под глазами у него были темные круги, лицо бледное. — Ты бы лучше позвонил домой своей маме, что мы скоро придем, чтобы твои знали.

— Хорошо. Послушай, Билл, — Ричи немного помолчал, думая о матери Бена и вообще о том, что рассказывал Стэн. Что-то шевельнулось у него в голове, что-то связанное с памятником Полу Баниану в центре города. Но это было лишь воображение. Он стряхнул эти навязчивые мысли и начал:

— Что ты скажешь насчет того, чтобы пойти к тебе домой? Взглянуть на комнату Джорджа. Хочется посмотреть на ту фотографию.

Билл посмотрел на Ричи с удивлением. Он хотел что-то сказать, но не смог, так сильно был потрясен. Ричи сказал:

— Ты же слышал рассказ Эдди и Бена. Ты веришь в то, что они рассказывали? Они сомневаются, может быть, им все это показалось.

— Точно. Я тоже так думаю. Все дети, которых убили в этих местах, могли бы кое-что рассказать. Единственная разница между Эдди и Беном и теми ребятами — это то, что они не попались.

Ричи не думал, что Билл так это воспримет.

— Давай займемся этим, дружище Билл. Похоже, что этот парень в клоунской одежде убивает детей. Не знаю, зачем он это делает. Наверное, никто этого не знает, правда?

— М-да...

— Почти то же самое делает Джокер в книжонке Бэтмона, — Ричи возбудился от того, что сказал это вслух. Интересно, сумел ли он внятно донести свою мысль, дать понять, что он хочет видеть ту комнату и ту фотографию. В конце концов не в этом дело. Можно просто посмотреть в глаза Биллу.

— А где эта фотография? И что ты на этот счет думаешь, Билл?

Тихо, не глядя на Ричи, Билл сказал, что, по его мнению, это как-то связано с уликами.

— Я думаю, что это был призрак Джорджа.

— *На фотографии — призрак?*

Билл кивнул. Ричи подумал немного. Мысль о призраке совсем не пугала его. Он был уверен, что такое бывает. Его родители были методистами. Они ходили в церковь каждое воскресенье, а он ходил на собрания молодых методистов. Он уже довольно прилично знал Библию. А в ней говорилось о призраках. По Библии, сам Бог был призраком, на одну треть призраком. Кроме того, в Библии говорится о бесах, например, Иисус изгнал их из одного парня. Так что ничего страшного. Когда Иисус спросил парня, в котором были бесы, как его зовут, бесы ответили и еще сказали, что он должен вступить в Иностранный легион или что-то в этом духе.

В Библии обо всем этом говорится лучше, чем в комиксах. Люди загоняют себя в кипящее масло или вешаются, ведут себя, как Иуда Искариот, есть рассказ о том, как злой царь Ахаз упал с башни, а собаки прибежали лизать его кровь, говорится там о массовом убийстве младенцев, которое было и при рождении Моисея, и при рождении Христа, о людях, которые выходили из могил и поднима-

лись в воздух, о солдатах, которые заколдовали стены, о пророках, которые видели будущее и побеждали чудовищ. Это все есть в Библии, и каждое слово — чистая правда, — так сказал почтенный Коейг, так говорят и в семье Ричи, да и сам Ричи так считает. Он очень хотел принять участие в объяснении того, о чем рассказал Билл. Его беспокоила логика всего этого.

— Но ты сказал, что испугался. Почему же призрак Джорджа испугал тебя, Билл?

Билл облизнул руку и вытер ее. Она слегка дрожала.

— Он, наверное, хочет свести меня с ума. За ттто, что его уубили. Эттто из-за ммменя. Я его пппослал. — Он был не в состоянии говорить больше, он просто поднял руки.

Ричи кивнул в знак того, что понимает, о чем идет речь... но не согласился с Биллом.

— Думаю, что это не так, — сказал он. — Если бы ты толкнул его в спину или выстрелил в него, тогда другое дело. Или, допустим, ты бы дал ему поиграть с заряженным ружьем своего отца. Но это не было ружье. Просто бумажный кораблик. Ты же не хотел ему ничего плохого. — Ричи поднял палец, желая показать, что Билл ни в чем не виновен. — Ты ведь просто хотел, чтобы он поразвлекался, правда?

Билл напряженно думал. То, что сказал Ричи, впервые за многие месяцы принесло ему некоторое облегчение. Но что-то в нем протестовало против того, чтобы принять такую версию. «Нет, ты виноват!» — говорило что-то в нем. Поэтому он мог только частично согласиться с Ричи. *Если Ричи прав, то откуда же это холодное место на кровати между его матерью и отцом? Если это так, то почему за ужином никто не произносит ни слова и слышны только звуки вилок и ножей?*

Ему казалось, что он сам — призрак, он разговаривал, двигался, но его никто не видел и не слышал, что-то было в нем нереальное.

Конечно, ему не нравилась мысль, что он виноват, но другие объяснения были и того хуже; получалось, что все внимание и любовь, которую его родители проявляли по отношению к нему прежде, было результатом того, что рядом находился Джордж. А когда не стало Джорджа, на его долю ничего не осталось. И все это произошло случайно, без всяких причин. И если вы прислушаетесь к тому, что происходит за *той* дверью, то услышите, что там, за дверью, слышен шум ветра безумия.

Вспомнив все происшедшее, все, что он чувствовал и сказал в день смерти Джорджа, Билл подумал, что Ричи, возможно, и прав, хотя что-то в нем противилось этой мысли. Конечно, он не был

идеальным старшим братом для Джорджа, они и дрались, и ссорились довольно часто. Возможно, что и в тот день они подрались.

Хотя нет. Драк не было. Но у Билла было нехорошо на душе оттого, что они с Джорджем в тот день сильно поссорились. Он спал, бредил... вдруг ему представилась *черепаха* — такое маленькое смешное животное. Он точно не помнил, от чего проснулся, кажется, от того, что прекратился дождь. Джордж что-то жалостно бормотал в гостиной. Он спросил у Джорджа, что случилось. Джордж вошел и сказал, что он пытается сделать кораблик из бумаги по описанию в книге, но у него ничего не получилось. Билл велел Джорджу принести книгу. Теперь, сидя рядом с Ричи на ступеньках семинарии, он вспомнил, как радостно заблестели глаза Джорджа, когда кораблик получился, он тогда и сам обрадовался. Но раз он это сделал, значит, он был дерьмом, прямым виновником. Короче, он дал почувствовать Джорджу, что он — старший брат.

Этот кораблик и убил Джорджа, но Ричи прав, он же не давал Джорджу играть заряженным ружьем. Он ведь не знал, что произойдет из-за этого кораблика, какие несчастья посыпятся. И Билл сразу почувствовал себя лучше.

Он открыл было рот, чтобы сказать об этом Ричи, но вместо этого разрыдался.

Ричи, встревоженный, обнял Билла за плечи, предварительно оглянувшись, нет ли кого-нибудь поблизости, кто мог бы принять их за педерастов.

— Все в порядке, Билл, все в порядке, правда. Пошли. Прекрати реветь.

— *Я ведь нинне хххотел, чтобы он погиб!* — рыдал Билл. — *Я совсем не хотел этого!*

— Господи! Билли, я знаю, что ты не хотел. Если бы ты хотел, то столкнул бы его с лестницы, или еще что-нибудь сделал, — Ричи неуклюже потрепал его по плечу. — Пойдем, приятель, а то ты реवेशь, как дитя малое.

Понемногу Билл успокоился. Он все еще испытывал боль, но то была как бы боль после прорвавшегося нарыва: гной вытек, и дело идет на поправку.

— Я нинне хххотел, чтобы он пппогиб, — повторял Билл. — Но смотри, никому не говори, что я ревел, а то дам в нос.

— Не скажу, не беспокойся, — сказал Ричи. — Это же был твой брат, Господи. Если бы мой брат погиб, я бы оттяпал себе голову.

— Но у тебя нет бббрата.

— Нет, но если был бы.

— Ты бы действительно так поступил?

— Конечно, — сказал Ричи и с опаской посмотрел на Билла: как бы он, чего доброго, такого не сделал. Билл тер свои красные глаза, и Ричи испугался, что он решится на это. — Я просто хотел сказать, что не понимаю, почему Джордж проделывает с тобой такие шутки. Может быть, эта фотография хочет что-то сказать не тебе, а другому — клоуну.

— Ммможеет бббыть, Джордж ннне ззнает... Ммможеет ббыть, он думает...

Ричи понял, что хочет сказать Билл, и махнул рукой.

— Билл, дружище, ты же знаешь, как люди к тебе относятся, — он говорил наставническим тоном, тоном учителя, отвергающего завиральные идеи неотесанных мужиков. — В Библии говорится: «Даже если сейчас мы плохо видим, глядя на отражение в зеркале, то после смерти мы все увидим, как через окно». Это Первое или Второе Послание вавилонянам. Я точно не помню где. Это значит...

— Я понял, что этттто ззначит, — сказал Билл.

— Что ты сказал?

— А?

— Пойдем в комнату и посмотрим. Может, мы получим какой-нибудь намек на то, кто убивает детей.

— Я боюсь.

— Я тоже, — сказал Ричи, думая, что нужно сказать что-то, чтобы заставить Билла сдвинуться с места. Он повернулся и увидел, что Билл позеленел от ужаса.

4

Ребята прошли в дом Денбро незаметно, как призраки. Отец Билла был еще на работе. Шарон Денбро была на кухне, читала там газету. По запаху во всем доме было понятно, что на ужин приготовлена рыба. Ричи позвонил к себе домой, чтобы мама знала, что он жив. Он у Билла.

— Кто там? — спросила миссис Денбро, когда Ричи положил трубку на рычаг. Они виновато посмотрели друг на друга. Потом Билл сказал:

— Мама, это я и Рррр...

— Ричи Тозиер, мадам, — добавил Ричи.

— Привет, Ричи, — ответила миссис Денбро. — Оставайся поужинать с нами!

— Спасибо, мадам. Мама ждет меня через полчаса.

— Передай ей привет, ладно?

— Конечно, передам, мадам.

— Входи, — прошептал Билл. — Мы ненадолго.

Они поднялись по лестнице в комнату Билла. Это была чистенькая мальчишечья комната, видно было, что матери она не доставляет больших хлопот, связанных с уборкой. Полки были забиты книгами, среди них было много комиксов. Пожалуй, комиксов было больше всего да плюс несколько моделей и игрушек. Стояла еще пишущая машинка старой марки «Ундервуд». Родители подарили ему эту машинку на Рождество два года назад. Он иногда писал рассказы и печатал на этой машинке. После смерти Джорджа он стал это делать чаще, чем раньше. Воображение отвлекало его от серьезных проблем. На полу стоял патефон, а на нем — груда одежды. Билл схватил одежду и сунул ее в ящики бюро. Затем он взял пластинки с письменного стола, посмотрел их, отобрал с полдюжины. Одну из них он поставил на патефон и включил его. Флитвидз пел: «Приходи, дорогая». Ричи покрутил носом. Билл усмехнулся, хотя на сердце у него было тяжело.

— Ооони не ллюбят рок-н-ролл, — сказал он. — А эту мне подарили на день рождения. И еще две — Бун и Томми Сэндз. А когда никого нет, я ставлю пластинки Литтла Ричарда и Хокинса. Но главное — когда мама слышит музыку, она спокойна, что я дома.

В комнату Джорджа нужно было идти через гостиную. Дверь была закрыта. Ричи посмотрел на дверь и облизнул губы. «Обычно они ее не закрывают», — шепнул Билл. И вдруг поймал себя на мысли: хоть бы дверь оказалась закрытой.

Билл, бледный от волнения, нажал на ручку двери, вошел в комнату и оглянулся на Ричи, тот последовал за ним. Когда защелка мягко звякнула, Ричи от испуга слегка подпрыгнул.

Осматриваясь, он одновременно ощущал и страх и любопытство. Сразу чувствовалось, что здесь давно никто не жил, и что окна давно не открывались. Вот как это бывает. Он вздрогнул и снова облизнул губы. Его взгляд упал на кровать Джорджа. «Раньше Джордж спал здесь, — подумал он, — а теперь спит на кладбище. Ему не сложили руки на груди, как полагается, потому что для этого надо иметь две руки, а Джорджа похоронили с одной». Ричи издал слабый звук, Билл обернулся вопросительно.

— Ты прав, — сказала Ричи хрипло. — Здесь что-то говорят. Как ты не побоялся оставаться здесь один?

— Ведь эээто бббыл мммой брат, — сказал Билл просто. — Мне это нужно.

На стенах висели старые афиши и плакаты — афиши маленького ребенка. Один из плакатов изображал Тома Террифика (Ужасного) — персонажа программы «Капитан Кенгуру». Том держал за

руку Грабби Аплетона, который был, конечно, испорчен до корней волос. На другом плакате были изображены племянники Дональда Дакса — Хью, Луи и Деви, они маршировали в своих кепочках. Третий плакат, его Джордж раскрасил, изображал мистера Ду, который приостановил уличное движение, чтобы маленькие дети могли пройти в школу. А внизу было написано: «Мистер Ду ждет, когда можно будет переходить улицу».

«Этот ребенок был как все дети, ничем особенным не занимался, да, видно, и не стремился как-то выделиться», подумал Ричи и передернул плечами. У окна стоял стол, на нем — школьные принадлежности. Джордж уже никогда не докрасит эти картинки, он ушел безвозвратно и навсегда, успев только походить в детский сад и в первый класс. Ричи это впервые понял, впервые понял, что эта идиотская правда раздавила жизнь всего дома. Эта мысль запала ему в голову так явно, что он почти физически ощутил ее тяжесть — словно тяжелый утюг вложили в его голову да там и оставили. «Ведь умереть мог я!» Эта мысль предательски пронзила его насквозь. Кто угодно мог умереть! Кто угодно!

— Послушай, — сказал он неуверенно. Он больше не мог сдерживаться.

— Да, — ответил Билл почти шепотом, сидя на кровати Джорджа. — Посмотри!

Ричи посмотрел туда, куда указал Билл, и на полу увидел фотоальбом. На нем было написано: «Мои фотографии». А дальше Ричи прочел: «Джордж Элмер Денбро. 6 лет»

Всего 6 лет! И уже не вернется никогда. Какое-то предательство. Ведь умереть тогда мог любой человек! Дерьмо! Херовый любой человек!

— Раньше он был открыт, — сказал Билл. — Когда я последний раз видел его.

— Ну а теперь закрыт, — мрачно сказал Ричи. Он сел рядом с Биллом на кровать и посмотрел на фотоальбом. — Книжки часто закрываются сами.

— Страницы — да, но не обложка же. А эта закрылась сама, — Билл торжественно посмотрел на Ричи, на бледном усталом лице его ярко выделялись темные глаза. — Но этот альбом хочет, чтобы его снова открыли, я так считаю.

Ричи поднялся и медленно подошел к альбому. Он лежал у оконных штор. Из окна была видна яблоня в саду за домом Денбро. Он снова посмотрел на книжку Джорджа и заметил на ней старое высохшее пятно. «Наверное, от кетчупа, — подумал он. — Скорее всего, Джордж ел горячую сосиску в тесте или гамбургер и смотрел

одновременно альбом, вот и капнул на него кетчупом». Но Ричи знал, что это не так. Он притронулся к альбому и тут же отдернул руку, почувствовав холод. А лежал альбом на солнцепеке, его только чуть-чуть прикрывала занавеска. А может, занавеска целый день защищала его от солнца?

«Пожалуй, надо оставить его в покое, — подумал Ричи. — Не хочется мне смотреть этот старый альбом. Скажу Биллу, что я передумал, и мы пойдем к нему в комнату читать смешные книжки. Потом я отправлюсь домой, поужинаю, пораньше лягу спать, потому что я здорово устал. А завтра, когда я встану, будет совершенно ясно, что это пятно от кетчупа. Пожалуй, так и надо сделать».

Вот он и решил открыть альбом как ни в чем не бывало. Он представил себе, что его руки сделаны из пластика и что они существуют от него отдельно. Он рассматривал в альбоме *разные лица* — тети, дяди, дети, — улицы, «Студебекеры», почтовые ящики, заборы ярмарки, развалины завода — всякая всячина. Он листал страницы быстрее и быстрее, пока вдруг не пошли чистые листы. Он перелистал несколько страниц обратно, как бы против своего желания. А вот и фотография центра Дерри. Главная улица и улица Кэнел примерно в 1939 году. А над ней — ничего.

— Тут нет фотографии школы Джорджа, — сказал Ричи и посмотрел на Билла с чувством облегчения. — Ну а ты что говорил, Билл?

— Что?

— Эта фотография центра города в старые времена, последняя в альбоме. Остальные страницы пустые.

Билл поднялся с кровати и подошел к Ричи. Он посмотрел на фотографию центра Дерри тридцатилетней давности, на старомодные машины, старомодные уличные фонари, похожие на гроздь винограда, на прохожих на улице Кэнел, потом он перевернул страницу. Там действительно ничего не было...

Нет, не совсем ничего. Был один уголок, куда вставляются фотографии.

— Она была здесь, — сказал он, притронувшись к уголку. — Смотри!

— Как бы думаешь, что с ней случилось?

— Не знаю. — Билл взял альбом у Ричи и положил его себе на колени. Он снова просмотрел альбом в поисках фотографии Джорджа, но не нашел ее и перестал листать страницы, но они вдруг начали перелистываться сами по себе, четко и равномерно. Билл и Ричи смотрели друг на друга, широко раскрыв глаза. Вот открылась

опять последняя страница, и перелистывание прекратилось. Вот центр Дерри задолго до рождения Билла и Ричи.

— Послушай! — вдруг сказал Ричи и взял у Билла альбом. Теперь в его голосе не было страха, лицо выражало удивление. — Чертово дерьмо!

— Чччто этто?

— Вот что это! *Смотри!*

Билл встал около альбома. Наклонившись над ним, мальчики напоминали хористов. Билл резко выдохнул.

Под старой выгоревшей поверхностью фотографии они заметили движение: два маленьких мальчика шли по Главной улице к центру, к тому месту, где Канал уходит под землю. Мальчиков хорошо было видно на фоне бетонной стены. На одном из них были бриджи, а на другом — матросский костюм. На голове твидовая шапка. Мальчики повернулись к фотоаппарату на 3/4, разглядывая что-то на противоположной стороне улицы. Мальчик в бриджах был Ричи Тозьер, сомневаться не приходилось, а мальчик в матросском костюме и твидовой шапке — Билл.

Мальчики, как загипнотизированные, стояли и смотрели на себя, таких, какими они были, когда им было в три раза меньше лет, чем сейчас. У Ричи пересохло во рту. Впереди мальчиков шел человек, одетый в пальто, и полы его пальто развевались по ветру... По улице ехали машины разных марок — «Модель-Т», «Шевроле», «Пиэс-Эрроу» («Пронзающая стрела»).

— Нинне ммому поверить своим глазам, — сказал Билл, когда фотография ожила.

«Модель-Т», которая так и осталась навечно на перекрестке, по крайней мере, до тех пор, пока сохранится химический состав фотографии, проезжала мимо, из выхлопной трубы ее валил дым. Она направлялась к Верхним Холмам. Включился левый поворот. Машина повернула на Корт-стрит, выехала на поля фотографии и скрылась из поля зрения.

«Пиэс-Эрроу», «Шевроле», «Паккарды» — все вдруг пришло в движение, каждая машина ехала своим путем к перекрестку. И спустя 28 лет полы пальто человека, который шел перед мальчиками, перестали хлопать. Он нахлобучил шапку поплотнее и пошел дальше.

Мальчики теперь стояли лицом к фотоаппарату. Через мгновение Ричи понял, что они смотрели на собаку, которая трусцой перебежала Главную улицу. Мальчик в матроске — Билл — сунул два пальца в рот и свистнул. Ричи вдруг почувствовал, что он слышит свист, слышит и звуки едущих машин, которые напомнили ему звук

работающих швейных машинок. И хотя все эти звуки были негромкие, как будто они слышались через толстое стекло, они были совершенно отчетливы, они звучали сейчас и здесь.

Собака посмотрела на мальчиков и затрусила дальше. Мальчики переглянулись и засмеялись. Они пошли дальше. Ричи схватил Билла за руку и показал на Канал.

«Нет, — подумал Ричи, — только не это...»

Они пошли к низкой бетонной стене, и вдруг над ней возник клоун, ужасный клоун, похожий на сказочного персонажа Джек-в-коробке. У клоуна было лицо Джорджа Денбро, волосы гладко зачесаны назад, кроваво-красный загримированный рот ухмыляется, вместо глаз были черные отверстия. В одной руке у него было три воздушных шарика на веревочке, а другой он дотронулся до мальчика в матросском костюмчике, а потом схватил его за горло.

— *Ниннет!* — закричал Билл, приблизился к фотографии и вдруг исчез в ней.

— *Подожди, Билл!* — закричал Ричи, хватая его за руку. Билл уже почти весь исчез в фотографии. Ричи видел, как кончики его пальцев высовывались из ее поверхности, а весь он был уже в другом мире. Розовый цвет пальцев проступал через блеклую белизну старого фото, и в то же время было видно, как они уменьшаются. Это было такое же впечатление оптической иллюзии, какая наблюдается, если опустить руку в миску с водой: часть руки, погруженная в воду, существует как бы отдельно от остальной руки, находящейся на поверхности.

На руке Билла появились диагональные порезы, как будто бы он схватился за лопасти вентилятора, а не прикоснулся к изображению на фотографии.

Ричи схватил его за предплечье и сильно дернул. Оба они повалились. Альбом Джорджа упал на пол и захлопнулся с сухим щелчком. Билл сунул руку в рот. Ему было так больно, что слезы стояли в его глазах. Ричи видел, как кровь тонкой струйкой текла по его ладони к запястью.

— Дай посмотреть, — сказал он.

— Больно, — промолвил Билл и протянул руку Ричи. Порезы лесенкой поднимались к указательному и среднему пальцам. Мизинец же только прикоснулся к поверхности фотографии (если это слово применимо к фотографии), и хотя он не был поранен, Билл позднее сказал Ричи, что на этом пальце аккуратно, как маникюрными ножницами, был срезан ноготь.

— Господи, Билл, надо перевязать. — Он ничего не соображал. О, Боже, как им повезло — если бы он не потянул Билла за руку,

то ему бы отрезало пальцы, а так он только отделался порезами. — Нужно все это забинтовать, а то твоя мама...

— Какая разница, что подумает моя мама, не в этом сейчас дело. — Он снова схватил альбом, с которого на пол капала кровь.

— Больше не открывай его! — закричал Ричи, оттаскивая Билла за плечо. — Господи Иисусе! Ты ведь только что чуть не потерял пальцы.

Билл освободился от него, стряхнув его руку. Он стал перелистывать страницы, а на его лице была мрачная решительность, которая испугала Ричи больше всего. Глаза Билла блестели, как у сумасшедшего. Его раненные пальцы оставляли следы свежей крови на альбоме Джорджа. Сейчас эти пятна не были похожи на кетчуп, но через некоторое время, наверное, станут похожими.

Вот опять изображение центра города. В центре перекрестка стоит «Модель-Т», остальные машины стоят на тех же местах, где стояли и прежде. Человек в пальто опять идет к перекрестку, а полы его пальто опять раздувает ветер. А мальчики ушли.

Их больше нет на фотографии. Но...

— Смотри, — прошептал Ричи и указал на что-то. Палец он предусмотрительно держал подальше от фотографии. Над низкой бетонной стеной у края Канала была видна часть чего-то круглого. Это что-то напоминало воздушный шар.

5

Они вышли из комнаты Джорджа очень вовремя. У лестницы слышался голос матери Билла, а на стене была видна ее тень.

— Вы что, боретесь там, ребята? — спросила она резко. — Я слышала какой-то звук — будто кто-то упал.

— Мы только немножко, мама, — Билл бросил на Ричи пронзительный взгляд, как бы веля ему : *«будь спокоен»*.

— Ну тогда прекратите. Я думала, что потолок упадет мне на голову.

— Хорошо, — сказал Билл.

Ребята слышали, как она пошла в переднюю часть дома. Билл схватил носовой платок и обвязал им руку. Через мгновение носовой платок пропитался кровью и стал красным. Мальчики побежали в ванную комнату, и Билл сунул руку под кран. Раны промылись, но были глубокими, прямо до мяса. Ричи почувствовал, что к горлу подкатывает тошнота. Он схватил бинт и поскорее завязал раны.

— Чертовски больно, — сказал Билл.

— Зачем держать руку под водой, смотри, ты весь мокрый.

Билл торжественно посмотрел сначала на повязку, потом на Ричи.

— Эттто ббббыл кклоун, который притворился Джорджем, — сказал он.

— Точно, — отозвался Ричи. — Точно так же, как этот клоун притворился мамой, когда его увидел Бен. И он же притворился этой задницей, прокаженным, которого видел Эдди.

— Верно.

— А эээто дддействительно клоун?

— Это чудовище, — мрачно и бесстрастно ответил Ричи. — Чудовище, которое поселилось здесь, в Дерри, и которое убивает детей.

6

В субботу после всех этих происшествий с запрудой, разговора с мистером Неллом и ожившей фотографией Ричи и Беверли Марш столкнулись лицом к лицу не просто с чудовищем, а сразу с двумя. Они были страшные, но не опасные, они набрасывались на свои жертвы в кинотеатре «Аладдин», где на балконе сидели Ричи, Бен и Бев.

Один из этих монстров был оборотнем, которого играл Майкл Ландон. И несмотря на то, что он изображал оборотня, было видно, что ему холодно и что он покрылся гусиной кожей. Другим чудовищем был разбившийся гонщик, которого играл Гари Конвей, и потомок Виктора Франкенштейна воскресил его к жизни. Виктор скармливал все, что ему не надо, аллигаторам, которых он держал в подвале. В программе был также фильм с показом последних французских мод, с сообщением о недавних взрывах на мысе Канаверал и известные мультики, а также рекламы готовящихся аттракционов. Среди этих рекламируемых фильмов Ричи сразу отметил два, которые надо будет посмотреть: «Я вышла замуж за космическое чудовище» и «Капля».

Бен сидел и смотрел совершенно спокойно. Генри, Белч и Виктор раньше смеялись над Оле Хейсаком, и Ричи казалось, что только это его и тревожит.

Эти ребята сидели близко к экрану, грызли кукурузные хлопья каждый из своей коробки и улюлюкали.

Бен молчал из-за Беверли. Он просто терял рассудок от того, что она сидела рядом с ним. У него даже мурашки пробежали по телу, а если она ерзала на своем месте и поворачивалась так, что оказывалась еще ближе, то все его тело горело как в лихорадке. Когда она

наклонялась, чтобы достать кукурузные хлопья, и ее лента касалась Бена, он замирал от восхищения. Потом, позднее, он подумал, что эти три часа, проведенные рядом с ней, были одновременно самыми долгими и самыми короткими часами в его жизни.

Ричи же не понимал, что Бен пребывает в муках телячьей любви, и был совершенно спокоен. В его книжке единственно, что было интереснее серии Френсис, говорящий Мул, это картины ужасов — дети в театре, зал набитый окровавленными детьми, которые кричат от ужаса и боли и визжат. Он, конечно, не связывал, то, что они смотрели сейчас, т. е. низкопробный фильм серии «Эмерикен Интернэйшнл», с тем, что происходило у них в городе. По крайней мере, в данный момент не связывал.

Он увидел рекламу субботнего сеанса «Двойного удара» утром в пятницу в «Новостях». Он тут же забыл, что плохо спал накануне ночью и что в конце концов, потеряв надежду на сон, он встал и зажег свет в чулане (вот уж точно — детская проделка), но уснуть так и не удалось. А на следующее утро все пошло своим чередом, вернее, почти все. Вдруг ему стало казаться, что у них с Биллом была общая галлюцинация. Но раны на руке у Билла не были галлюцинацией, разве что он порезался листками фотоальбома Джорджа. А вдруг и правда? Бумага довольно толстая, все может быть. И кроме того, не обязан же он думать обо всем этом постоянно, лет десять подряд. Конечно, не обязан.

А дальше Ричи Тозиер поступил так, как поступают многие дети и что совсем не выносят взрослые (такой стиль жизни быстро отправил бы их в дурдом). Он встал, съел огромное количество блинов на завтрак, просмотрел рекламы фильмов ужасов, которые печатаются на специальной странице, сообщающей о том, где и как можно развлечься, сосчитал свои деньги, обнаружил, что их довольно мало, и начал приставать к отцу.

Его отец, дантист, вышел к столу уже готовый к работе — в своем белом халате, раскрыл спортивную страницу и налил себе вторую чашку кофе. Это был довольно приятный человек с узким лицом. Он носил очки в металлической оправе, голова его сзади начинала лысеть. Потом, в 1973 году, он умер от рака гортани. Он взглянул на рекламу, на которую указывал Ричи.

— А, фильм ужасов, — сказал Вентворт Тозиер.

— Да — усмехнулся Ричи.

— Хочешь пойти, что ли? — спросил Вентворт Тозиер.

— Да.

— Чувствую, что если ты не попадешь на этот дрянной фильм, то просто умрешь от огорчения.

— Вот именно. Умру от огорчения в страшных конвульсиях. Трах! — Ричи упал со стула на пол, схватившись за горло и высунув язык. Этакий своеобразный способ выражения.

— О Господи! Ричи, прекрати, пожалуйста, — попросила мама, которая стояла у плиты и жарила ему яичницу, потому что ему недостаточно было блинов на завтрак.

— Послушай, Ричи, — сказал отец, когда Ричи поднялся и снова сел на стул. — Я, кажется, забыл дать тебе денег в понедельник. Наверное, именно поэтому тебе понадобились деньги в пятницу.

— Ну...

— Идет?

— Ну...

— Понимаю, это слишком глубокая тема для мальчика с таким жалким умишком, — сказал Вентворт Тозиер. Он поставил руку на стол и подпер ею подбородок. На своего единственного сына он смотрел с обожанием.

— Куда это годится? — Ричи вдруг заговорил голосом Тудли, английского дворецкого. — Ну я сделал это, не так ли! Пип-пип. Привет, и все такое. Это мой вклад в войну. Что нам всем надо сделать — так это выбить обратно этого проклятого немца, правда? Этого мокрого ежика! Этого...

— Эту кучу дерьма, — подхватил Вент и потянулся за земляничным вареньем.

— Избавьте меня от ругани за завтраком, пожалуйста, — обратилась к мужу Мэгги Тозиер, которая как раз в это время принесла яичницу для Ричи.

— Не понимаю, как тебе не противно забивать голову всей этой чепухой? — сказала она Ричи.

— Ах, мама, — ответил Ричи. Внешне он был как бы раздавлен, а в душе торжествовал. Он мог читать мысли своих родителей, как по книге — любимой зачитанной книге, и он прекрасно знал, что он получит то, чего добивается — деньги и разрешение пойти днем в субботу в кино.

Вент наклонился к Ричи и широко улыбнулся.

— Думаю, я правильно понял тебя, — сказал он.

— Правда, папа? — ответил Ричи и улыбнулся ему в ответ... несколько натянуто.

— О, да. Ты знаешь, как выглядит наш газон, Ричи? Ты представляешь себе наш газон?

— О, конечно, сэр, — ответил Ричи опять голосом Тудли. — Пытаюсь представить его себе. Такой нестриженный, да?

— Угу! — согласился Вент. — Вот ты и приведи его в порядок, Ричи.

— Я?

— Подровняй его, Ричи.

— О'кэй, папа, конечно, — сказал Ричи, но тут же в его голове возникло ужасное подозрение. А что если отец имеет в виду не только главный газон перед домом?

Улыбка Вентворта Тозиера стала еще шире — ни дать ни взять хищная акула.

— Все газоны, о мой злосчастный отпрыск: перед домом, за домом и с боков. А когда ты закончишь, я положу тебе в руку две зелененькие бумажки с изображением Джорджа Вашингтона.

— Я не смогу, папа, — сказал Ричи, но испугался, что отец будет непреклонен.

— Два доллара.

— Два доллара за *все газоны*? — вскричал Ричи с искренней болью. — Это самый большой газон во всей *округе*, папа!

Вент вздохнул и снова взял газету. Ричи был виден заголовок на первой странице: «Исчезновение мальчика рождает новые страхи». Он сразу вспомнил о Джордже Денбро, о его странном альбоме — наверное, все это была галлюцинация. Да и кроме того, это было вчера, а сегодня — все другое.

— Полагаю, что тебе не так сильно хочется смотреть эти фильмы, как ты говоришь, — произнес Вент из-за газеты, потом он взглянул на Ричи поверх газеты, изучая его. Он изучал его так, как изучает крупный картежник картежника-любителя.

— Когда такую работу выполняют Кларки вдвоем, ты им даешь по два доллара *каждому*!

— Да, это правда, — согласился Вент. — Но, насколько мне известно, *они* не собираются завтра в кино. Хотя, может, и собираются, но тогда они рассчитывают на свои деньги, и они не суют нос не в свои дела, не следят за тем, как живут их соседи. А ты наоборот, хочешь и в кино пойти, и деньги получить, и сунуть нос куда не надо. А живот у тебя болит от того, что ты съел за завтраком пять блинов да еще два яйца, а потом выпил целую бочку жидкости. Ну что? — сказал Вент и, не дожидаясь ответа, снова погрузился в чтение газеты.

— Зря ты наговариваешь на меня, — сказал Ричи и повернулся к матери за поддержкой. Мать в это время ела тост.

— Ты-то знаешь, что это наговор — обратился к ней Ричи.

— Да, дорогой, знаю. Вытри яйцо на подбородке.

Ричи вытер подбородок.

— Три доллара, если я скошу все газоны к твоему приходу сегодня вечером, пойдет? — обратился он к газете.

Отец выглянул из-за газеты.

— Два пятьдесят.

— О Господи! — сказал Ричи. — Опять двадцать пять

— Мое сокровище, — сказал Вент из-за газеты, — Решай. Мне хочется прочитать информацию о боксе.

— Ладно — согласился Ричи, — Когда твои близкие хватают тебя за глотку или за другие места, они делают это со знанием дела. Чертовски здорово это у тебя получается.

Потом он косил траву и, подражая героям фильмов, говорил разными голосами.

7

Он закончил косить газон перед домом, за домом и с боков в пятницу к трем часам, поэтому в субботу утром в кармане его джинсов уже лежали два доллара и пятьдесят центов. Вот она, *чертовская фортуна*. Он позвонил Биллу. Билл сказал, что ему нужно пройти исследование у логопеда. Ричи выразил сочувствие Биллу и произнес голосом Билла, заикаясь так же, как он:

— Пппошли ииих к чччерту, дддружище Бббил.

— Хватит смеяться надо мной, Тозиер, — сказал Билл и повесил трубку.

Потом Ричи позвонил Эдди Каспбраку, но у Эдди настроение было еще хуже, чем у Билла. Его мать, сказал он, купила проездные билеты на автобус, и они должны посетить тетушек Эдди в Гавене, Бангоре и Хампдене. Все три тетушки были толстые, как миссис Каспбрак, и все три не замужем.

— Они будут щипать меня за щеки и говорить, что я вырос, — сказал Эдди.

— Это способ узнать, какой ты хороший Эд. Им, наверное, нравится смотреть на тебя. Точно так же, как и мне, — ты мне тоже понравился, когда я увидел тебя первый раз.

— Ты прямо как проститутка, Ричи.

— Чтобы узнать человека, нужно какое-то время, Эд, ты же знаешь их всех. Вы собираетесь на следующей неделе в Барренс?

— Думаю, что да, если другие пойдут. Не хочешь поиграть во что-нибудь со стрельбой?

— Может быть. Но... Пожалуй, у нас с Биллом есть что сказать тебе.

— Что?

— Вообще-то это дела Билла. Ну пока. Желаю поразвлечься у тетушек.

— Очень смешно.

Третий звонок был к Стэну, но старик Стэн был в немилости у своих домашних за то, что разбил окно. Он играл в летающие тарелки, для чего использовал пирожковую тарелку. Тарелка, конечно, разбилась с громким треском. Ему пришлось ходить в виноватых весь уикэнд и еще, вероятно, следующее воскресенье. Ричи посочувствовал ему и спросил, пойдет ли он в Барренс на следующей неделе. Стэн сказал, что, вероятно, пойдет, если, конечно, отец не придумает для него какую-нибудь работу или не продолжит его наказание.

— О Боже, Стэн, и все из-за какого-то окна, — сказал Ричи.

— Да, но *большого* окна, — сказал Стэн и положил трубку.

Ричи уже собирался уйти из гостиной, как вдруг вспомнил о Бене Хэнском. Он полистал телефонный справочник и нашел нужную страницу. Арлен Хэнском была единственной дамой среди всех Хэнскомов, которые были в списке, поэтому Ричи решил, что ему нужен именно ее телефон, и позвонил, чтобы поговорить с Беном.

— Я бы с удовольствием пошел, но уже потратил все свои деньги, — сказал Бен с сожалением; ему было стыдно вспомнить, что все свои деньги он потратил на всякую чепуху — леденцы, содовая вода, чипсы и т. п.

Ричи тянул резину (ему не хотелось идти в кино одному), потом сказал:

— У меня полно денег. Ты можешь потом мне отдать.

— Правда? Ты дашь мне?

— Конечно, — ответил Ричи с удивлением, — Почему бы и нет?

— О'кей — счастливо закричал Бен. — Это просто здорово. Два фильма ужасов! Что ты скажешь насчет фильма об оборотне?

— Пойдет.

— Старик, я обожаю фильмы про оборотней!

— Слушай, Хейстак, не обмочи штаны от восторга.

Бен засмеялся.

— Давай встретимся около «Аладдина», о'кей?

— Да, годится.

Ричи повесил трубку и задумчиво посмотрел на телефон. Ему вдруг пришло в голову, что Бен Хэнском очень одинок. Поэтому он почувствовал себя героем. Посвистывая, он побежал наверх, чтобы прочитать комиксы перед фильмом.

День был солнечный, ветреный и прохладный. Ричи, пританцовывая, шел по центральной улице к кинотеатру «Аладдин», мурлыча себе под нос и прищелкивая пальцами в такт. У него было хорошее настроение. Когда он шел в кино, у него всегда было хорошее настроение, — он любил уходить в волшебный мир, в волшебные мечты. Он жалел тех, кто не мог, как он, пойти в кино и получить удовольствие, тех, у кого были разные дела и обязанности в это время, — например Билла, которому надо было идти к логопеду, Эдди, которому надо было ехать к теткам, старика Стэна, который в это время будет скрести ступеньки и подметать гараж из-за пирожковой тарелки, которая полетела не налево, как ему хотелось, а почему-то направо.

На Центральной улице он увидел девушку в бежевой юбке в складку и белой блузке без рукавов, которая сидела около аптеки Шука. Она ела фисташковое мороженое, по крайней мере, оно было похоже на фисташковое. Ее ярко-рыжие волосы, которые казались то совершенно медными, то вдруг совсем светлыми, падали ей на плечи. Ричи знал только одну девушку с таким цветом волос.

Это была Беверли Марш.

Ричи очень нравилась Бев. Да, она здорово нравилась ему, но не в смысле секса. Он был просто в восторге от ее внешности (и он знал, что не только он; поэтому такие девицы, как Сэлли Мюллер и Грета Бови, ненавидели Беверли страшным образом, они были еще слишком малы, чтобы понять, что могут многого достигнуть совсем простым способом... и поэтому вынуждены были соперничать во внешности с девушкой, которая жила в трущобах Нижней улицы), но больше всего он ее любил за то, что она была крутой и обладала чувством юмора.

И у нее всегда были сигареты. Короче говоря, она нравилась ему потому, что была прекрасным парнем. И все же он пару раз поймал себя на том, что пытается рассмотреть, какое у нее белье под дешевыми выношенными юбками, а ведь за парнями он так не наблюдает, правда?

И Ричи пришлось признать, что если она и была парнем, то парень этот был чертовски хорош.

Приближаясь к скамейке, на которой она сидела и ела мороженое, Ричи представил себе, что он Хамфри Богарт, что на нем пальто, перепоясанное ремнем, и шляпа. Он просто перевоплотился в Хамфри Богарта, почувствовал, что он и есть Хамфри Богарт — по крайней мере, для самого себя. Нужно еще только говорить немного в нос.

— Привет, милочка, — сказал он, пробираясь к ее скамейке и следя за уличным движением. — Автобус здесь ждать бесполезно. Нацисты отрезали нам отход. Последний самолет будет в полночь. Поэтому я... Хотя я как-нибудь переживу.

— Привет, Ричи, — сказала она, повернувшись к нему, и он увидел синяк на ее правой щеке, похожий на тень вороньего крыла. Его еще раз поразила ее красота... только сейчас ему пришло в голову, что она прелестна. Раньше ему казалось, что прекрасные девушки бывают только в кино. Теперь он понял, что это бывает не только в кино и что одну из таких красивых девушек он знает. Может, он это понял только из-за синяка, который контрастировал с ее красотой. Он вдруг понял, что у нее прекрасные серо-синие глаза, губы естественного красного цвета, прекрасная свежая кожа без всякой косметики, а на носу крошечные веснушки.

— Ищешь что-нибудь зелененькое? — она дерзко вскинула голову.

— Тебя, моя прелесть, — ответил Ричи, — Ты превратилась в прекрасный свежий лимбургский сыр. И когда мы привезем тебя из Капабланки, ты попадешь в самую лучшую больницу, которую только можно купить за деньги. Ты у нас побелеешь снова. Клянусь своей матерью.

— Болтун ты, Ричи, совсем это не похоже на Хамфри Богарта, — сказала она с легкой улыбкой.

Ричи сел рядом с ней.

— Ты собираешься в кино?

— Нет, у меня нет денег, — сказала она. — Можно мне посмотреть твою йо-йо?

Он засмеялся:

— Но мне придется забрать эту игрушку обратно. Она должна спать, а не крутиться.

Она продела палец в петлю шнура, Ричи поправил очки, чтобы лучше видеть, что она будет делать дальше. Она повернула руку ладонью вверх, игрушка заплескала на ее руке. Она сняла йо-йо с указательного пальца. Когда она сгибала палец, игрушка оживала и по шнуру снова взбиралась на ее ладонь.

— О, вот это да, глядите-ка, — сказал Ричи.

— Детская штучка, — сказала Бев. — Вот посмотри. — Она снова опустила йо-йо вниз, дала ей немного успокоиться, а потом йо-йо снова запрыгала по ее руке.

— Прекрати, — сказал Ричи, — я не выношу это зрелище.

— А если так? — спросила она, мягко улыбаясь. Йо-йо забегала теперь взад и вперед, оставляя красный след от своего Дунканов-

ского танца, который напомнил Ричи танец в исполнении Бо-Ло Боунсер, который ему довелось однажды видеть. Закончился танец йо-йо двумя круговыми пробежками (Бев почти ненавидела старую даму, которая наблюдала за ними). Йо-йо прекратила вертеться, и ее шнур аккуратно смотался вокруг оси. Бев отдала игрушку Ричи и снова села на скамейку. Ричи сел рядом, от восторга у него даже отвисла челюсть. Бев посмотрела на него и усмехнулась.

— Закрой рот, а то муха залетит.

Ричи закрыл рот так, что он даже шелкнул.

— Эта последняя часть танца была просто превосходна. Первый раз в жизни мне удалось сделать два подряд круговых оборота, не сбившись.

Мимо них проходили дети. Они спешили на сеанс. Прошел Петер Гордон с Марсией Фадден. Считалось, что они идут вместе, но Ричи подумал, что это скорее оттого, что они живут рядом на Западном Бродвее, и потому нуждаются во взаимном внимании и поддержке. Петер Гордон уже был весь в прыщах, хотя ему исполнилось всего двенадцать лет. Он иногда ошивался с Бауэрсом, Криссом и Хаггинсом, сам же он не осмеливался ни на что.

Он посмотрел на Ричи и на Бев, которые сидели на одной скамейке, и стал дразнить их:

— Жених и невеста! Сначала любовь, потом свадьба...

— ...а потом появляется Ричи с детской коляской! — закончила Марсия, давась от смеха.

— Перестань, дорогая — сказала Бев и погрозила им пальцем. Марсия с отвращением отвернулась, как будто ей было стыдно за них.

Гордон обхватил ее рукой и крикнул Ричи через плечо:

— Пока, очкарик!

— Вот достанется тебе ремня от матери, — спокойно ответил Ричи. Беверли задыхалась от смеха. На минуту она наклонилась к плечу Ричи, и в это мгновение Ричи понял, что ее прикосновение и все ощущения, связанные с ней, ему далеко не безразличны. Она выпрямилась.

— Вот сопляки, — сказала она.

— Да уж, думаю, что Марсия Фадден мочится розовой водой, — сказал Ричи, а Беверли снова засмеялась.

— *Канал номер пять*, — сказала она глухим голосом, потому что зажала рот рукой.

— Даю голову на отсечение, — ответил Ричи, хотя не имел ни малейшего представления, что такое Канал номер пять. — Бев!

— Что?

— Не покажешь, как быстро успокоить йо-йо?

— Думаю, что смогу, хотя мне никогда не приходилось это показывать.

— Как ты научилась? Тебе кто-то показал?

Она пренебрежительно посмотрела на него.

— Никто мне не показывал. Я сама догадалась. Просто нужно покрутить палочку. Мне никто этого не показывал. Но нетрудно догадаться.

— Ты совсем не тщеславна, — сказал Ричи, вращая глазами.

— Это верно, но я действительно этому не училась.

— У тебя с вращением все в порядке?

— Конечно.

— Наверное, можешь быть чемпионом среди юниоров, а?

Она улыбнулась. Такой улыбки Ричи до сих пор никогда не видел. Она была мудрая, циничная и печальная в одно и то же время. Он даже отпрянул от этой неизвестной силы, как он отпрянул от альбома Джорджа, когда изображения в нем стали оживать.

— Это для таких девочек, как Марсия Фадден, — сказала она, — для нее, для Сэлли Мюллер и Греты Бови. Одним словом, это для девочек, которые мочатся розовой водой. Это им подойдет А я никогда не буду чемпионом.

— Ну, Бев, это не дело...

— Да нет. Все так, — она передернула плечами. — Не обращай внимания. Кому же нравится кувыркаться и показывать свое нижнее белье миллионам людей, как ты думаешь? Посмотри-ка сюда, Ричи.

Целых десять минут она показывала Ричи, как быстро остановить его йо-йо. Под конец Ричи стал что-то соображать, хотя получалось у него, как правило, только до половины.

— Не нужно резко дергать пальцем, вот и все, — сказала она.

Ричи взглянул на часы на Меррил Траст, через дорогу, и вскочил, запихивая свою йо-йо в задний карман.

— Ого, мне нужно идти, Бев. Я еще должен встретиться с Хейстаком. А то он решит, что я передумал или что-то в этом роде.

— Кто это Хейстак?

— А, Бен Хэнском, но я зову его просто Хейстак. Ну, знаешь, этого борца Хейстак Келхоун.

Бев нахмурилась, услышав это:

— Не очень это хорошо. Мне Бен нравится.

— Я сражен, мадам, — проговорил Ричи голосом Пиканини, вращая глазами и хлопая руками. — Я в нокауте, мадам! Я...

— Ричи, — взмолилась она.

Ричи перестал придуриваться.

— Мне он тоже нравится, — сказал он. — Мы вместе строили заправку в Барренсе несколько дней назад и ...

— Вы были там? Вы с Беном там развлекались?

— Конечно. Там нас была целая компания. Там здорово холодно. Ричи снова взглянул на часы.

— Мне действительно нужно покинуть сцену. Бен будет ждать.

— О'кей.

Он помолчал и сказал:

— Если тебе нечего делать, пошли со мной.

— Я же говорила тебе. У меня нет денег.

— Я заплачу за тебя. У меня есть пара долларов.

Она бросила остаток мороженого в ближайшую урну. Ее прекрасные серо-голубые глаза встретились с его глазами. Они оба смутились. Она сделала вид, что поправляет волосы и спросила:

— О, так это приглашение на свидание?

Ричи как-то неестественно засуетился. Он даже почувствовал, как кровь бросилась ему в лицо. Он пригласил ее в кино как обычно, он точно так же пригласил бы Бена. Хотя какая-то разница все же была. Он вдруг почувствовал, что все это как-то связано с судьбой. Он оторвался от приятного зрелища, опустил глаза, заметив, что юбка на девушке сморщилась, когда она потянулась к урне, чтобы выбросить остаток мороженого, стали видны ее колени. Тогда он поднял глаза, но и тут его подстерегала опасность — он уперся взглядом в выпуклости ее груди.

Тогда Ричи поступил так, как он всегда поступал, когда смущался, — стал нести околесицу.

— Да, свидание, — пропищал он, опускаясь перед ней на колени и сложив руки. — Пожалуйста, приходи! Приходи, пожалуйста. Если ты не придешь, я повешусь. Понимаешь?

— О, Ричи, ты такой сумасброд, — сказала она, посмеиваясь, но Ричи показалось, что ее щеки слегка порозовели. Это сделало ее еще привлекательнее. — Поднимись, а то меня заберут в полицию.

Он поднялся и снова сел рядом с ней. Равновесие вернулось к нему. «Дурачество всегда помогает, когда попадаешь в странные ситуации», подумал он.

— Ну так придешь?

— Конечно. Большое спасибо, — сказала она. — Знаешь, это мое первое свидание. Я запишу это в своем дневнике сегодня вечером. — Она сложила руки на груди, быстро подняла глаза и засмеялась.

— Не надо это так называть, — сказал Ричи.

Она вздохнула:

— В тебе совсем нет романтики.

— К черту ее!

Он остался доволен собой. Весь мир вокруг вдруг показался ему ясным и добрым. Он все время ловил себя на том, что бросал на нее взгляды. А она разглядывала витрины магазинов — платья и ночные рубашки фирмы «Комел-Хоплей», полотенца и кастрюли магазина «Дискаунт Барн», а он исподтишка бросал на нее взгляды, стараясь рассмотреть ее лицо, волосы, очертания щек. Он разглядывал то место, где блузка прикрывает голые руки. Он был просто в восторге от всего этого. И почему-то, он не мог сказать почему именно, все то, что происходило в спальне Джорджа Денбро, вдруг отдалилось и стало несущественным. Пора было идти встречать Бена, но ему хотелось задержаться и посидеть рядом с ней еще хоть минутку, последить за ней, пока она разглядывает витрины. Потому что ему было очень приятно сидеть рядом с ней и смотреть на нее.

9

У входа в кинотеатр «Аладдин» и у кассы толпились дети, потом они заходили в вестибюль. Через стеклянную дверь было видно толпу детей у стойки, где продавались конфеты. Автомат, который выдавал кукурузные хлопья, работал беспрестанно, постоянно выкидывая пакеты, его заляпанная крышка двигалась то вверх, то вниз.

Ричи нигде не видел Бена. Он спросил у Беверли, не видит ли она его. Она отрицательно покачала головой.

— Может, он уже вошел?

— Он сказал, что у него совсем нет денег. А без билета его ни за что не пропустят, — Ричи показал пальцем на миссис Коул, которая была билетершей в кинотеатре «Аладдин» задолго до того времени, когда кино стало звуковым. Ее волосы, окрашенные в рыжий цвет, были такие тонкие, что сквозь них просвечивал череп. У нее были толстые отвисшие губы, которые она красила фиолетовой помадой. Брови она подводила черным карандашом. Миссис Коул была демократкой. А всех детей она ненавидела в равной степени.

— Послушай, я не могу идти без него, а сеанс скоро начнется. Где же он бродит?

— А ты купи ему билет и оставь его там, где пропускают, — сказала Беверли достаточно логично. — А когда он придет...

Но в это время на углу Центральной улицы и улицы Маклина как раз показался Бен. Он старался отдышаться, его грудь вздымалась под рубашкой. Он увидел Ричи и помахал ему рукой. А потом он увидел Беверли, и рука его опустилась. Глаза округлились. Он

перестал махать рукой и медленно пошел к тому месту, где они стояли около «Аладдина».

— Привет, Ричи, — сказал он и взглянул на Бев так, как будто он боялся долго смотреть на нее. — Привет, Бев!

— Привет, Бен! — сказала она, и зависла странная тишина.

А Ричи подумал, что это неспроста, и волна слабой ревности накатила на него, потому что теперь что-то разделяло их, что — он не знал, но *это что-то*, неизвестное для него, *существовало*.

— Как поживаешь, Хейстак? — сказал он. — Думаю, что этот фильм сгонит с тебя десять фунтов веса. Знаешь, приятель, говорят, что от этого фильма даже седеют. Надо бы взять сюда с собой помощника, чтобы он помог тебе выйти, когда тебе станет плохо.

Ричи направился к кассе, а Бен тронул его за руку и сказал, поглядывая на смеющуюся Бев.

— Я был там, — сказал он. — Я поворачивал за угол и видел, как шли эти ребята.

— Какие ребята? — спросил Ричи, но тут же догадался, о чем идет речь.

— Генри Бауэрс, Виктор Крисс, Белч Хатгинс и другие парни.

Ричи свистнул.

— Они уже, наверно, вошли в кинотеатр. Что-то я не видел, чтобы они покупали конфеты.

— Думаю, что да.

— На их месте я бы не смотрел фильмы ужасов, — сказал Ричи. — Я бы на их месте сидел дома и смотрелся в зеркало. Все же какая-то экономия.

Бев весело засмеялась, услышав эти слова, а Бен только слегка улыбнулся.

Хотя Генри Бауэрс и причинил ему боль в тот день на прошлой неделе, но теперь он раздумал убивать его. Бен был совершенно уверен в этом.

— Знаешь что, — сказал Ричи, — мы пойдем на балкон. А все они будут сидеть внизу, во втором или третьем ряду, и жевать.

— Ты это серьезно? — спросил Бен. Ричи, наверно, в полной мере не знает, что за поганые это парни, думал он. А самый скверный из них, конечно, Генри.

На самом деле Ричи, которому удалось ускользнуть от мести Генри и его маразматических дружков три месяца назад, знал о Генри больше, чем можно было предположить. И о его банде.

— Если бы я не был в этом уверен, я бы не пришел сюда, в этот кинотеатр, Хейстак, хотя, конечно, мне совсем не хочется, чтобы они меня *прикончили*.

— Ну и кроме того, если они будут к нам приставать, мы просто скажем Фокси, чтобы он дал им, — сказала Бев.

Фокси, Мир Фоксворт, худой, желтый, мрачный человек, был директором «Аладдина». Сейчас как раз он продавал леденцы и кукурузные хлопья, беспрестанно повторяя: «Не лезьте без очереди, не лезьте без очереди». На нем была застиранная рубашка, и весь он был какой-то потрепанный. Бен с сомнением посмотрел на него.

— Вряд ли от него будет какая-то помощь, — сказал Ричи мягко. — Надо как-то обойти их стороной.

— Думаю, что так будет лучше, — сказал Бен и вздохнул. На самом же деле он не знал, как лучше... Это Беверли все нарушила. Если бы ее не было, он бы попытался уговорить Ричи пойти в кино в другой раз. Даже если бы Ричи настаивал, он, может быть, уговорил бы его. Но тут была Бев. Ему не хотелось выглядеть жалким цыпленком перед ней. Он представил себе, как они будут сидеть на балконе в темноте. Это была очень привлекательная перспектива, даже несмотря на то, что с ними был Ричи.

— Давайте войдем после начала сеанса, — сказал Ричи. Он усмехнулся и ущипнул Бена за руку: — Эй, дерьмовый Хейстак, жить хочешь?

Брови Бена сошлись на переносице, а потом он разразился смехом. Ричи тоже захохотал. И, глядя на них, Беверли тоже рассмеялась.

Ричи снова подошел к кассе. Кассирша мрачно смотрела на него.

— Добрый день, мадам, — сказал он, стараясь подражать приветливому голосу Барона Бутхола. — Мне очень нужно три билета на американский фильм.

— Не кривляйся и скажи, какие билеты тебе нужны, — сказала кассирша через круглое отверстие в стеклянной перегородке и так нахмурила свои покрашенные брови, что он быстро сунул доллар в отверстие и пробормотал:

— Три билета, пожалуйста.

Из отверстия показались три билета. Ричи взял их. Кассирша смотрела ему в спину, наставляя: «Не бегай по вестибюлю, не бросайся коробками от кукурузных хлопьев, не шали, не бегай по проходам».

— Хорошо, мадам, — сказал Ричи и пошел обратно к Бену и Бев.

— Я просто балдею от того, как эта старая пердунья любит детей, — сказал он им.

Они постояли еще немножко, ожидая, когда начнется сеанс. Кассирша подозрительно смотрела на них из стеклянной клетки. Ричи излагал Бев историю о запруде в Барренсе, описывал мистера

Нелла в его новой ирландской шапочке и говорил его голосом. Бев улыбалась и без его рассказа, этот рассказ не очень-то рассмешил ее. Бен тоже усмехнулся, но его глаза следили поочередно то за входом в «Аладдин», то за Беверли.

10

На балконе было очень удобно и хорошо. Во время первой части фильма «Я был подростком» Ричи поливал Генри Бауэрса и его приятелей. Те сидели во втором ряду, как он и предполагал. Их было пять или шесть пяти-, шести- и семиклассников, все они были в мотоциклетных ботинках, ноги они закидывали на сиденья. Фокси сказал им, чтобы они сняли ноги с сидений. Они убрали ноги, а как только он отошел, задрали их снова. Но Фокси предвидел это и вернулся минут через 10, и вся сцена разыгралась снова. У Фокси кишка была тонка, чтобы выгнать их, и они это знали.

Фильм был просто блеск. Подросток Франкенштейн был великолепен, оборотень был просто страшным, и все же... что-то было не так, быть может потому, что он выглядел как-то печально. И произошло все не по его вине. Это гипнотизер трахнул его, но смог он это сделать, потому что ребенком оборотень был очень злой и вообще скверный, поэтому и превратился в оборотня. А Ричи подумал, что такие желания, наверное, испытывают многие люди. Вот, например, Генри Бауэрс просто переполнен подобными ощущениями, но в отличие от других людей он и не собирается этого скрывать.

Беверли сидела между ребятами, грызла из пакета кукурузные хлопья, смеялась, иногда от страха закрывала глаза. Когда оборотень вошел в гимнастический зал, где девочка делала упражнения, Бев прижалась лицом к руке Бена, и Ричи слышал, как Бен от неожиданности громко вздохнул. Так громко, что было слышно, несмотря на шум испуганных фильмом детей.

В конце концов этого оборотня убили. Фильм заканчивался тем, что один полицейский рассказывал обо всем этом другому и говорил, что это должно послужить людям уроком, что люди должны делать то, что велит Бог. Занавес закрылся, и зажегся свет. Раздались аплодисменты. Ричи чувствовал полное удовлетворение, только немного болела голова. Наверное, ему надо пойти к окулисту и сменить линзы. А к тому времени, когда он поступит в институт, он будет носить очки с толстыми, будто бутылочными стеклами, подумал он мрачно.

Бен тронул его за рукав.

— Они заметили нас, — сказал он сухим неузнаваемым голосом.

— А?

— Бауэрс и Крисс. Они поднимутся сюда, прежде чем уйти из кинотеатра. Они заметили нас.

— О'кей, о'кей, — сказал Ричи, — успокойся, Хейстак, *успокойся*. А мы выйдем через боковую дверь. Не о чем беспокоиться.

Они пошли к лестнице. Сначала Ричи, Беверли в середине, а Бен шел последним, оглядываясь.

— Они что-то имеют против тебя, Бен? — спросила Бев.

— Думаю, что да, — ответил Бен. — Я подрался в школе с Генри Бауэрсом в последний день.

— Ну и здорово тебе досталось?

— Не очень, по крайней мере, не так сильно, как ему бы хотелось, — сказал Бен. — Думаю, поэтому он и злится.

— Олу Ханку по прозвищу Танк тоже пришлось оставить часть своей skóry, — пробормотал Ричи. — По крайней мере, я так слышал. Не думаю, что ему это очень понравилось. — Он растворил входную дверь, и они все трое шагнули на дорожку между «Аладдином» и кафетерием Нана. Кошка, сидевшая на куче мусора, зашипела на них и убежала по дорожке, которая упиралась в забор. Кошка взобралась на забор и исчезла. Крышка мусорного ящика громко хлопнула. Бев подпрыгнула от неожиданности, схватив Ричи за руку.

— Я все еще под впечатлением этого фильма, — сказала она.

— Ты... — начал он.

— Привет, ё...ная морда, — сказал Генри, появляясь сзади.

Все трое, ошарашенные, оглянулись — в начале аллеи стояли Генри, Виктор и Белч, а за ними еще двое.

— Ах ты, *дерьмо*. Я чувствовал, что это должно произойти, — простонал Бен.

Ричи бросился к «Аладдину», но входная дверь была уже заперта.

— Прощайся, ё...ная рожа, — сказал Генри и бросился к Бену.

Все, что происходило потом, Ричи воспринимал, как события кинофильма, — в реальной жизни такого просто не бывает. В реальной жизни маленькие дети дерутся, выбивают друг другу зубы и разбегаются по домам.

На этот раз все происходило по-другому. Беверли шагнула вперед, как будто собиралась поздороваться с Генри за руку. Ричи слышал звук его шагов, Виктор и Белч следовали за ним. Другие ребята стояли в начале дороги, преграждая путь.

— Оставь его в покое, — закричала она, — выбери кого-нибудь подходящего по комплекции.

— Да он как ё...ный грузовик Мака, сука, — заорал Генри; да, он не был джентльменом. — А ну убирайся...

Ричи выставил ногу вперед. Он и не собирался делать этого, это произошло спонтанно, также спонтанно он начинал иногда нести околесицу. Дорожка, вымощенная кирпичом, была скользкой от мусора, всюду валялись банки из-под сока и пива. Его занесло.

Он выпрямился, напрягся и закричал: — А! Вам всем придется умереть!

До этого момента Бену было страшно. Он издал рыкающий звук и схватил одну из пустых банок, которая валялась поблизости. И тут с банкой в руке среди мусора он вдруг действительно почувствовал себя Хейстаком Келхоуном. Лицо его стало бледным и зловещим. Он швырнул банку в Генри, она немного задела его спину.

— А ну вон отсюда! — заорал Ричи.

Они побежали к началу дорожки. Виктор Крисс выпрыгнул им навстречу. Бен наклонился и ударил Виктора головой в живот.

— Ой! — застонал Виктор и сел.

Белч схватил Бев за хвост волос и потащил к кирпичной стене «Аладдина». Бев вырвалась и побежала по дорожке, потирая руку. Ричи побежал за ней, схватив на ходу крышку от банки на помойке. Белч Хаггинс приготовил огромные кулачищи, замахнулся на Ричи, но тот выставил крышку от банки вперед. Раздался громкий звук — *трах-х-х-х!* Ричи ощутил сильный толчок в плечо. Белч вскрикнул и начал прыгать, держа на весу раненую руку.

— Ты будешь мне ноги лизать, — сказал ему Ричи доверительно, голосом Тони Куртиса, и побежал за Беном и Бев.

Один из парней в начале дорожки схватил Беверли. Бен бросился на помощь. Другой парень стал барабанить Бена сзади по спине. Ричи размахнулся и ударил ногой этого парня по ягодицам. Тот взвыл от боли. Ричи схватил Бена за одну руку, Бев за другую.

— *Побежали!* — закричал он.

В это время удар кулака обрушился на Ричи. От острой боли он ощутил как бы взрыв в ухе, потом все онемело и стало теплым. В голове что-то засвистело.

Они побежали по Центральной улице. Люди оглядывались им вслед. Живот Бена на бегу то поднимался, то опускался. Собранные в хвост волосы Беверли обвисли. У Ричи очки были на лбу, он их придерживал рукой, чтобы не потерять. Он чувствовал, что ухо его вздувается, но самочувствие у него было превосходное. Он начал смеяться. За ним расхохотался и Бен.

Они срезали угол на Корт-стрит и повалились на скамейку напротив полицейского участка: сейчас это было единственное место

в Дерри, где они могли чувствовать себя в безопасности... Беверли обняла за шею Бена и Ричи и сильно прижала к себе.

— Это было просто здорово! — Ее глаза блестели. — Вы видели, как они удивились? Видели?

— Я все хорошо видел — выдохнул Бен. — И больше я их видеть не хочу.

Они опять начали истерически хохотать. Ричи не исключал, что банда Генри может появиться из-за угла и наброситься на них, невзирая на то, что рядом полицейский участок. И все равно он не мог остановиться — хохотал и хохотал. Беверли была права, это действительно было здорово.

— Растяпы, а ну вон отсюда, — пронзительно заорал Ричи. Потом он прикрыл рот рукой и начал говорить голосом Бена Берни.

Из окна второго этажа выглянул полицейский и гаркнул:

— А ну, ребята, идите отсюда! Идите прогуляйтесь!

Ричи открыл было рот, чтобы сказать что-нибудь нестандартное, может быть, даже голосом ирландского полицейского, но Бен толкнул его в бок.

— Заткнись, Ричи, — сказал он, опасаясь опять накликать беду.

— Правда, Ричи, — сказала Бев нежно.

— О'кей, — согласился Ричи. — Так что мы дальше будем делать? Не хотите ли найти Генри Бауэрс и предложить ему поиграть с нами в «Монополию?»

— Прикуси язык, — сказала Бев.

— Что это значит?

— Ничего, — ответила Бев. — Некоторые ребята *ничего не понимают*.

Запинаясь и смущаясь, Бен спросил:

— Тебе было очень больно, когда он потянул тебя за волосы?

Она нежно улыбнулась ему в ответ, и в этот момент она уверилась в том, о чем раньше только догадывалась, — это именно Бен Хэнском посылал ей открытки.

— Да нет, не очень, — ответила она.

— Пошли в Барренс, — предложил Ричи.

Так они и сделали. Туда они и пошли, вернее, сбежали туда. Ричи потом подумал, что там неплохо было бы отдыхать летом. Беверли, как и Бен до встречи с компанией Бауэрс, никогда прежде здесь не была. Она шла между Ричи и Беном, все они дружно шагали по дороге. Ее юбка смешно морщилась, Ричи было приятно смотреть на нее, он даже испытывал спазмы в желудке. Браслет на руке Бев блестел на солнце.

Они прошли приток Кендускеага, где ребята строили плотину, бросая в него камни, свернули на другую дорогу и вышли на

восточный берег речки. Слева Бен увидел два бетонных цилиндра, которые сверху были закрыты люками. Под ними через речку шли бетонные трубы. Тонкие струйки грязной воды вытекали из труб в Кендускеаг. «А ведь люди берут из этой речки воду», подумал Бен, вспомнив объяснения мистера Нелла о канализационной системе. Он почувствовал прилив безысходного гнева. Ведь раньше здесь, наверное, и рыба водилась. А сейчас попробуй поймай тут форель. Никаких шансов. Скорее поймаешь кусок туалетной бумаги.

— Как здесь хорошо, — вздохнула Бев.

— Точно, совсем неплохо, — согласился Ричи. — Ветерок отгоняет moskitov.

Он посмотрел на нее с надеждой:

— Сигареты есть?

— Нет, — сказала она. — У меня было несколько штук, но я выкурила их вчера.

— Очень плохо, — сказал Ричи.

Налетел сильный порыв ветра, они увидели, как прошел пассажирский поезд.

Сначала показались бедные домишки мыса Олд, потом бамбуковые заросли на противоположной стороне Кендускеага, а потом при выходе из Баренца — гравийная дорожка, которая вела к городской свалке.

На мгновение Ричи мысленно вернулся к истории с Эдди — этот сумасшедший в заброшенном доме на улице Нейболт. Он постарался забыть об этом и повернулся к Бену.

— Что тебе больше всего понравилось в фильме, Хейстак?

— Хм? — Бен повернулся к нему, смущенный, думая о своем, он разглядывал ее профиль... и синяк на ее щеке.

— Ну, в этом фильме. Что тебе больше всего понравилось?

— Мне понравилось, то место, где Франкенштейн начал бросать людей крокодилам, которые жили под домом, — сказал Бен. — Это мне здорово понравилось.

— Да, это было что надо, — сказала Бев и поежилась. — Не выношу таких вещей. Всяких крокодилов, акул, пираний.

— Да? А что такое «пирания»? — заинтересовался тут же Ричи.

— Крошечная такая рыбка, — пояснила Беверли, — но у нее много крошечных очень острых зубов. И если зайти в реку, где живут такие рыбы, то они обглодают человека до косточки.

— Я смотрела фильм о них. Там люди хотели перейти реку, но мост был разрушен, — сказала она. — Тогда они привязали к корове веревку и пустили ее в воду, и пока пирания ели эту корову, они переправились через реку. А как стали тащить корову из реки, то

увидели — один скелет от нее остался... Мне потом целую неделю снились кошмары.

— Знаешь, мне бы хотелось иметь пару таких рыбок. Я бы разобрался с этим Генри Бауэрсом, пустил бы их ему в ванну.

Бен захихикал:

— Не думаю, что он когда-нибудь принимает ванну.

— Не знаю, принимает ли он ванну, — сказала Беверли, — но точно знаю, что нам нужно быть осторожными сейчас, эти парни могут нас где-нибудь подстеречь. — Она тронула рукой свой синяк на щеке.

— Это мне досталось от отца за разбитые тарелки. Думаю, за неделю пройдет.

Все помолчали. Никто ничего плохого не сказал, все приняли ее слова спокойно. Потом молчание нарушил Ричи. Он опять вспомнил кино и сказал, что ему больше всего понравилось то место, где подросток-оборотень расправился со злым гипнотизером.

Потом они стали говорить о фильмах вообще. Они смотрели фильмы ужасов постоянно, вспомнили фильм Альфреда Хичкока, который шел по телевизору в течение почти часа. Бев сорвала маргаритку, росшую на берегу реки. Она приложила ее сначала к подбородку Ричи, а потом к подбородку Бена, чтобы посмотреть, идет ли это им, и сказала, что идет. Когда она прикладывала к ним цветок, оба чувствовали легкое волнение от ее прикосновения и от запаха ее волос. На одно мгновение ее лицо оказалось рядом с лицом Бена, но этого было достаточно, чтобы потом всю ночь он вспоминал ее взгляд.

Они услышали приближающиеся по дорожке шаги и замолчали. Все трое резко обернулись, а Ричи вдруг с тоской подумал, что отходить им можно разве что к реке. Бежать было некуда.

Голоса приближались. Ребята вскочили, Ричи и Бен совершенно автоматически встали перед Беверли.

Кусты в конце дорожки зашевелились, и из-за них вдруг появился Билл Денбро. С ним был еще какой-то мальчик, которого Ричи знал меньше. Его звали Бредли, он сильно шепелявил. Возможно, они шли в Бангор к логопеду, подумал Ричи.

— А, привет, старик Билл! — сказал он и добавил голосом Тудли: — Мы рады видеть вас, мистер Денбро.

Билл посмотрел на них и усмехнулся — и в голове у Ричи промелькнула мысль, что это неспроста, когда Билл перевел взгляд с Бена на Беверли, а затем на Бредли, так, кажется, звали этого парня. Глаза Билла, казалось, отметили тот факт, что Беверли была с ними. А глаза этого самого Бредли ничего не говорили. У него

были свои мысли. Он мог сегодня делать, что хотел, мог пойти в Баренс, никто не запретил бы ему этого, жаль вот только, что в Клубе неудачников нет мест, правда, он уже состоял в кружке детей с задержкой речи.

И все же у ребят появился какой-то безотчетный страх. Ричи испытывал ощущения человека, который оказался под водой и может не успеть вынырнуть. Он интуитивно плещется. *Но может утонуть.* «Да, подумал он, все это не случайно, они не случайные участники всех этих событий. Их специально выбрали».

Потом это интуитивное ощущение перешло в поток бессвязных мыслей — как будто оконное стекло разбилось о каменный пол. Хотя не исключено, что все это чепуха. Билл здесь, он сделает, что надо. Он не позволит событиям выйти из-под контроля. Он был самым высоким из них и, уж конечно, самым красивым. Достаточно было видеть, как Беверли смотрит на Билла, чтобы понять это. Кроме того, Билл был самым сильным из них, и не только физически. Ричи не знал значения слова «магнетизм», он просто чувствовал, что Билл сильный и что эта сила может проявиться в чем угодно, иногда совершенно неожиданно. И Ричи подумал, что если бы Беверли легла с Биллом, или, как говорят, переспала с ним, «трахнулась» с ним, то он бы не испытывал ревности (*а Билл бы ревновал, если бы я «трахнул» ее*, подумал Ричи), он бы принял это, как нечто совершенно естественное. Была и еще одна деталь: Билл был добрый. Дурацкие это слова, конечно, но он просто чувствовал, что это так. Билл, казалось, просто излучал добро и силу. Это был настоящий рыцарь из старого кино, старого и смешного кино, которое, однако, заставляет нас плакать, смеяться и хлопать в ладоши при счастливом конце. Да, он был добрый и сильный. Через пять лет после того, что случилось в Дерри, еще перед летом и в течение лета он вдруг резко стал чахнуть. Ричи вдруг пришло в голову, что Билл похож на Джона Кеннеди.

«На кого?» — как будто кто-то спросил его мысленно. Он слегка смутился и встряхнул головой. — «Вот так-то. Один из моих приятелей — такой парень».

Билл Денбро упер руки в бока и улыбнулся солнечной улыбкой:

— А вот и мы.

— Сигареты есть? — с надеждой спросил Ричи.

Пять дней спустя в конце июня Билл сказал Ричи, что он хочет пойти на Нейболт-стрит и понаблюдать за местом, где Эдди видел этого сумасшедшего.

Они только что пришли домой к Ричи; Билл вел Сильвер. Большую часть пути он проехал, а неподалеку от дома Ричи слез с велосипеда и пошел пешком. А Ричи слез за квартал от своего дома. Потому что если бы мать Ричи увидела, что он едет на велосипеде, она бы очень поразилась.

Игрушечные пистолеты лежали в прикрепленной к Сильверу металлической плетеной корзинке, два — Билла, три — Ричи. Днем в Барренсе они играли с этими пистолетами. Примерно в три часа там появилась Беверли Марш в своих выгоревших джинсах с духовым очень старым ружьем — если нажать на курок, то оно издает звук, больше похожий на лопанье воздушного шарика, чем на выстрел. Она была у них японским снайпером. Она здорово лазила по деревьям, так вот, она залезала на дерево и стреляла сверху. Синяк на ее щеке к этому времени стал желтым.

— Что ты говоришь? — спросил Ричи. Он был поражен... и немного заинтригован.

— Мммне бы хххотелось вввзглянуть, что там, под крыльцом, — сказал Билл. Голос у него был уверенный, но на Ричи он не смотрел. Щеки его горели. Они подошли к дому Ричи. Мэгги Тозиер стояла у входа, она помахала им рукой и позвала:

— Привет, ребята, не хотите чай со льдом?

— Сейчас придем, мама, — ответил Ричи и повернулся к Биллу. — Там небось нет ничего. Он, наверное, видел простого бродягу, слава Богу. Ты же знаешь Эдди.

— Дда, ззнаю. Нно вввспомни ожившие фотографии в альбоме.

Ричи неловко переступал ногами. Билл поднял правую руку. Бинтов уже не было, но шрамы от порезов еще остались на трех его пальцах.

— Да, но...

— Послушай, — сказал Билл. И заговорил медленно, глядя Ричи в глаза. И Ричи опять подумал, что, пожалуй, истории Бена, Эдди и оживающих фотографий как-то взаимосвязаны. Что этот клоун убивает девочек и мальчиков, которых потом в Дерри находили мертвыми. Это началось с декабря прошлого года.

— Ммможет он уубивал и раньше, — закончил свою мысль Билл. — Дддругие же тоже исчезали. Помнишь Эээди Коркорана?

— Чепуха! Его отчим напугал, — сказал Ричи.

— Ммможет да, а ммможет и ннет, — сказал Билл. — Я тттоже знал его нннемного, да, отец бил его, и на ночь он иногда убегал от него.

— Может, этот клоун и поймал его, когда он убежал, — сказал задумчиво Ричи. — Правда ведь?

Билл согласился.

— А что ты теперь хочешь? Его автограф?

— Этот клоун, возможно, убивает и других людей, — сказал Билл и взглянул Ричи в глаза. Взгляд его был прямой, уверенный, бескомпромиссный. — Я хочу убить его.

— Господи! — сказал испуганно Ричи. — Как же ты собираешься это сделать?

— У моего отца есть пистолет. Он не знает, что я знаю об этом. Пистолет лежит на верхней полке в чулане.

— Здорово, — сказал Ричи. — Если мы найдем этого клоуна на куче детских костей...

— Ребята, я налила чай, — приветливо позвала мама Ричи, — пойдемте.

— Сейчас, мама, — ответил Ричи и фальшиво улыбнулся. Как только мама ушла, он тут же повернулся к Биллу: — Но нельзя же просто так стрелять в человека только потому, что он одет в клоунский костюм, Билл. Ты мой лучший друг, я не советую тебе это делать, я должен остановить тебя.

— А чччто если тттам действительно куча костей?

Ричи облизнул губы, он ничего не мог возразить сразу.

— А что если это не тот человек, Билли? — спросил он. — Что если существует чудовище? Бывает же такое? Бен Хэнсом говорил, что на ветру летал муляж и воздушные шарик, не оставляя тени. А фотографии в альбоме Джорджа... Может, нам все это показалось. Хотя я должен сказать тебе, что я не верю, будто это всего лишь наше воображение, остались же следы на твоей руке.

Билл кивнул.

— Вот в том-то и дело. Что мы будем делать, если это не тот человек, Билл?

— Тогда надо бббудет ддделать ччто-то другое.

— Да, — согласился Ричи. — Могу себе представить, как ты стреляешь в него пять или шесть раз, а он прямо как тот оборотень в фильме, который мы видели с Беном и Беверли. Можно бросить в него нюхательный табак, если выстрелы не помогут. А если и это не поможет, то переждать немного и сказать: «Эй, мистер Монстр, так не пойдет! Мне пришлось из-за вас перечитать всю библиотеку. Я еще вернусь, а пока извините, я ухожу». Так ты ему скажешь, Билл, дружище?

Он посмотрел на Билла. Что-то в нем противилось тому, чтобы искать чудовище в том доме, но что-то отчаянно хотело, чтобы Билл пошарил там. И все же лучше бы Билл отказался от своей идеи. Уж очень это напоминало мир тех фильмов ужасов, которые они смотрели, особенно того фильма, который шел тогда днем в субботу, в «Аладдине». А с другой стороны, это вовсе не похоже на фильм. Потому что в фильме было безопасно, вы там знали, что все кончится хорошо, а если даже и не так, с вашей задницей все равно ничего не делается, кожу с нее не сдерут. А вот комната Джорджа совсем не была похожа на кино. Ему бы хотелось забыть все, что там было, но это значило обмануть себя, ведь он видел рубцы на пальцах Билла. Если бы он тогда не оттянул Билла...

Это невероятно — Билл усмехался. Действительно *усмехался*.

— Хочешь, чтобы я взял тебя посмотреть на ожившие фотографии? — сказал он. — А я хочу взять тебя с собой посмотреть на тот дом. Только мы с тобой.

И добавил:

— Завтра утром.

Он сказал это так, будто это было решенное дело.

— А вдруг это чудовище? — спросил Ричи, глядя Биллу в глаза. — А вдруг пистолет твоего отца не остановит его, Билл, дружище? Вдруг он будет продолжать идти?

— Тогда придумаем что-нибудь еще. Мы должны это сделать, — сказал Билл, откинув голову и засмеявшись. Ричи тоже засмеялся. Не рассмеяться было невозможно.

Они пошли в дом Ричи. Мэгги поставила огромные стаканы с охлажденным чаем и положила пачку вафель.

— Ты хочешь?

— *Нет, но перекушу*, — ответил Ричи.

Билл шлепнул его по спине, чтобы отогнать все страхи, и Ричи почувствовал, что в эту ночь будет спать хорошо.

— Вы выглядите так, будто обсуждали какое-то серьезное дело, — сказала миссис Тозиер, сидя с книгой в одной руке и со стаканом охлажденного чая — в другой. Она выжидающе смотрела на ребят.

— А, у Денбро серьезные проблемы с *Ред Соксом*, — сказал Ричи.

— Мой отец думает, что это получится не в первом квартале, а в третьем, — сказал Билл и отхлебнул чай. — Очень вкусно, миссис Тозиер, — сказал он.

— Спасибо, Билл.

— Когда закончатся работы в Соксе, ты перестанешь заикаться, — сказал Ричи.

— *Ричи!* — вскрикнула миссис Тозиер, пораженная его бестактностью. Она чуть не уронила очки в чай. А Ричи и Билл Денбро истерически захохотали. Она посмотрела на своего сына, потом на Билла, потом снова на сына, удивленная, озабоченная и испуганная до такой степени, что ее кольнуло в сердце и что-то задрожало в нем.

«Не понимаю я их обоих, куда они идут, что они делают, чего хотят и что с ними будет. В какие-то моменты их глаза кажутся совсем дикими, иногда я даже боюсь за них, а иногда боюсь их».

Она поймала себя на том — и уже не в первый раз, — что как было бы хорошо, если бы у них с Вентом была дочь, беленькая девочка; ей можно было бы надевать юбочки, повязывать банты, обувать по воскресеньям в кожаные туфельки. Хорошенькая маленькая девочка, которая просила бы купить пирожные после школы, любила бы играть в куклы больше, чем читать книги о гоночных машинах.

Маленькая хорошенькая девочка, которую она могла бы понять.

12

— Ты взял его? — спросил Ричи возбужденно.

Они вели велосипеды по Канзас-стрит. Было это около десяти часов утра на следующий день. Небо было скучно-серым. По прогнозу в середине дня ожидался дождь. Ричи лег спать только после полуночи. Но когда он посмотрел на Денбро, он подумал, что тот вообще не спал ночью. Под глазами у него были темные круги.

— Да, я взял его, — сказала Билл, похлопав по карману своей зеленой шерстяной куртки.

— Дай посмотреть, — сказал Ричи восхищенно.

— Не сейчас, — сказал Билл и криво усмехнулся, — чтобы никто не увидел. Да, но посмотри, что я еще принес.

Он подошел к нему поближе и из заднего кармана куртки достал рогатку.

— О, черт, опять у нас проблемы, — сказал Ричи, засмеявшись. Билл прикинулся обиженным.

— Это же твоя идея, Тозиер.

Биллу на прошлый день рождения подарили алюминиевую рогатку. Это был компромисс между тем, что хотел он, и тем, что хотела его мать. Мать считала неправильным дарить такому маленькому мальчику огнестрельное оружие.

В инструкции к рогатке говорилось, что ее можно использовать как оружие для охоты, если только научиться ею пользоваться. В

хороших руках эта рогатка может быть смертоносным оружием, таким же эффективным, как лук и стрелы или огнестрельное оружие. По крайней мере, так писалось в инструкции. Инструкция предупреждала, что рогатка может быть опасной, поэтому не надо целиться в людей, это так же опасно, как целиться из заряженного пистолета.

Билл еще не научился хорошо ею пользоваться и полагал, что не научится, но предупреждения в инструкции явно были достойны внимания. Если зарядить рогатку куском олова, как следует оттянуть резинку, она может сделать не просто дыру, а черт знает что.

— Ну что, тебе с ней спокойней, дружище Билл? — спросил Ричи.

— Ха-ха-ха, немножко, — сказал Билл. Это было правдой только частично. Изучив иллюстрации в инструкции, которые были пронумерованы, и хорошенько напрактиковавшись, он научился пользоваться ею так, что мог попасть в бумажную мишень, приложенную к той же инструкции, причем три раза из десяти. Один раз он даже попал в десятку.

Ричи оттянул резинку, повертел рогатку в руках и положил ее обратно. Он ничего не сказал, но лично он сомневался, что она окажется столь же полезна, как пистолет Денбро, когда они пойдут убивать Чудовищ.

— Да, рогатка — это большое дело. Смотри, что я принес, Денбро.

Из кармана он достал пакет с картинкой, на которой лысый человек со щеками, раздутыми, как у Диззи Гиллесли, говорил: «Апчхи». На пакете было написано: «Чихательный порошок».

Они взглянули друг на друга и громко захохотали, подталкивая друг друга в спину.

— Кое к чему мы уже приготовились, — сказал Билл, смеясь и вытирая глаза рукавом куртки.

— Задница ты, заика Билл, — сказал Ричи.

— Думаю, что лучше попробовать другой способ, — сказал Билл. — Теперь послушай. Мы едем в Барренс на велосипедах. Твой велосипед оставляем там. Дальше едем на Сильвере, ты — позади, на тот случай, если нам понадобится быстро сматываться.

Ричи кивнул и не стал спорить. Его двадцатидвухдюймовый Рэлли (когда надо было быстро ехать, он надевал наколенники на руль) выглядел пигмеем по сравнению с высоким и огромным Сильвером. Он знал, что Билл сильнее его, а Сильвер быстрее его Рэлли.

Они подошли к маленькому мосту, Билл помог Ричи поставить его велосипед под мостом, затем они сели, и когда над их головами

проезжал транспорт, Билл расстегнул пальто и достал отцовский пистолет.

— Будь осторожен, — сказал Билл, протягивая Ричи пистолет. — С ним не безопасно.

— Он заряжен? — спросил Ричи с благоговейным страхом. Пистолет, «Вальтер», который Зак Денбро нашел во время оккупации, казался невероятно тяжелым.

— Еще нет, — сказал Билл и похлопал себя по карманам. — У меня здесь есть несколько патронов. Но мой отец говорит, что иногда, когда думаешь, что он не заряжен, он оказывается заряженным и может выстрелить. — На его лице появилась странная улыбка. Раньше он в это не верил, но теперь верил полностью.

Ричи понял, что ему никогда не разобраться в том, какая разница между всеми этими пистолетами, даже разницу между пистолетом и ружьем он не очень-то видел. Он только знал, что их нужно смазывать, оттягивать курок и вообще лучше хранить их в чулане. А этот «Вальтер» как будто бы сделан с одной единственной целью — убивать людей... А чему же еще в самом деле может служить пистолет? Не сигареты же им прикуривать.

Ричи направил пистолет на Билла, держа пальцы подальше от спускового крючка. Один лишь вид черного глазка вызвал в памяти слова отца: «Помни, что незаряженных ружей не бывает, и все будет в порядке!» Он отдал пистолет Биллу, радуясь, что отделался, а Билл сунул его под куртку. Теперь дом на Нейболт-стрит показался Ричи не таким страшным. Но возможность кровопролития показалась более возможной.

Он посмотрел на Билла, желая удостовериться, что тот не передумал: — Готов?

13

Как всегда, когда Билл оторвал вторую ногу от земли, Ричи почувствовал, что они разобьются на этом мертвом бетоне. Велосипед заносило. Камни с дороги отлетали и стучали о крыло. Велосипед раскачивался все больше и больше. Ричи закрыл глаза, а Билл запел: «Хейо, Сильвер».

Велосипед продолжал набирать скорость и наконец пошел прямо, устав от качки.

Билл пересек Канзас-стрит, поехал по боковой улице, направляясь к Витчем.

Они пулей вылетели на Страфам-стрит и на Витчем на огромной скорости. Билл, сидя на своем Сильвере, снова запел: «Хейо, Сильвер, гони, гони, дорогой!»

— Давай, Большой Билл! — закричал Ричи, который испугался так, что чуть не испачкал джинсы, но при этом смеялся.

— Так жми!

Билл так и делал, он летел, то выпрямляясь, то склоняясь к рулю, и нажимал на педали, развивая фантастическую скорость.

Ричи смотрел на Билла сзади. Одиннадцати-двенадцатилетнему парню эта спина казалась широченной. Билл что есть силы нажимал на педали то с одной, то с другой стороны. И Ричи понял, что, несмотря ни на что, жить они еще будут долго, возможно, и не все, но Билл — точно. Но сам Билл не ощущал, что он сильный и уверенный в себе.

Они неслись дальше; теперь дома встречались все реже, и улиц, пересекающих дорогу, становилось все меньше.

— Хейо, Сильвер! — заорал Билл, а Ричи подхватил голосом негра Джима:

— Хейо, Сильвер, — масса, такие дела, во так! Хейо, Сильвер!

Мимо проносились зеленые поля, которые казались совсем плоскими, бесконечными под серым небом. Ричи с трудом различил вдалеке старое кирпичное строение железнодорожной станции. Правее изогнутым рядом выстроились склады. Навалом лежали куски рельсов, вывернутых во время крушения на дороге.

А вот и Нейболт-стрит, резко сворачивающая вправо. «Депо Дерри» — было написано голубыми буквами на красном фоне. Табличка была покрыта пылью и криво висела. Ниже висел знак покрупнее. Черными буквами на желтом фоне. «Мертвый тупик» — было написано на ней. Билл свернул на Нейболт-стрит, поехал по обочине, потом остановился.

— Давай начнем прогулку отсюда, — сказал он, слезая с велосипеда. Ричи почувствовал облегчение, но и сожаление:

— О'кей!

Они шли по обочине. Далеко впереди медленно двигался дизель, он то появлялся, то пропадал. Раз или два послышался лязг вагонных сцеплений.

— Тебе страшно? — спросил Ричи у Билла.

Билл, ведя Сильвера за руль, быстро взглянул на Ричи и кивнул.

— Да, а тебе?

— Конечно, мне тоже, — сказал Ричи.

Билл сказал, что вчера вечером он спросил у отца о Нейболт-стрит. Оказывается, в этой части улицы до конца Второй мировой

войны жили железнодорожники, инженеры, проводники, сигнальщики, носильщики и работники железнодорожного депо.

Улица сворачивала в сторону депо. Дома становились все более темными и стояли на отшибе. Последние три или четыре дома по обеим сторонам были разобраны. Дворы изрядно заросли. На крыльце одного из домов была приколочена табличка: «Продается».

Ричи показалось, что этой табличке лет тысяча, а то и две.

Боковая улочка кончилась. Далее шел проход, в котором росла редкая сорная трава.

Билл остановился и указал на дом: «Это здесь». Ричи понял: Нейболт-стрит, 29. Ричи подумал, что, возможно, здесь жил инженер; он приходил домой раз или два в месяц, дня на три или на четыре, не более, в это время он слушал радио, ухаживал за растениями в саду. Питался он, вероятно, все больше жареным (сам овощей не ел, выращивал их для друзей). А в ветреные ночи вспоминал в этом доме о той *девушке*, которая некогда была с ним. Красная краска на доме выгорела, местами стала розовой, на ней появились уродливые грязные пятна. Окна смотрели, как слепые глаза, они были заколочены. Вокруг дома росли сорняки. Газон же был покрыт первыми ландышами. Слева высился деревянный забор, когда-то, вероятно, белый, а теперь грязно-серый. У забора росли подсолнухи, самый высокий из них был футов пяти, да и выглядел он довольно жалко. Они как будто кивали головами: *«Мальчики пришли, да? Вот хорошо! Еще мальчики»*. Ричи поежился.

Билл прислонил Сильвера к тополию. Ричи изучал дом. У порога на густой траве лежало колесо. Ричи указал на него Биллу. Билл кивнул. Эдди упоминал об этом.

Они осмотрели улицу Нейболт. Вся улица — и вверх и вниз — была абсолютно пустынна. Послышалось пыхтенье паровоза. Ричи слышал, как по дороге №2 проезжали редкие машины. Звук дизельного двигателя то возникал, то замирал. Огромные подсолнухи кивали головами: *«Свежие мальчики. Хорошие мальчики. Наши мальчики»*.

— Ты готов? — спросил Билл. Ричи от неожиданности подпрыгнул.

— Знаешь, я как раз думал, что, верно, те книги, которые я взял сегодня в библиотеке, как раз то, что надо, — сказал Ричи. — Может быть, мне...

— Подожди, Ричи. Ты готов?

— Думаю, что да, — ответил Ричи, прекрасно сознавая, что он совсем не готов.

Они прошли по газону к дому.

— Смотри! — сказал Билл. Вдалеке слева висела на кусте юбка.

Мальчики увидели ржавые гвозди, валяющиеся на земле. Слева и справа от дома росли дикие розы. Перед домом цвели дикие цветы. Некоторые кусты роз засохли.

Мальчики с горечью посмотрели друг на друга. Все, о чем говорил Эдди, было правдой. Спустя семь недель все еще было по-прежнему.

— Ты ведь действительно не хочешь заходить туда? — спросил Ричи. Он почти умолял.

— Нет. Не хочу, — сказал Билл, — но пойду.

И с замиранием сердца Ричи понял, что Билл пойдет.

Глаза Билла загорелись металлическим светом. Это была железная решимость. Теперь он выглядел старше. Ричи подумал: *«Билл действительно убьет его, если он все еще здесь. Убьет и, может, отрежет голову, чтобы взять ее с собой, показать отцу и сказать: «Смотри, вот кто убил Джорджа».*

— Билл, — сказал он, но Билл уже отошел. Он направился к правому краю крыльца, туда, наверное, полз Эдди. Ричи следил за ним глазами, — он чуть не упал, зацепившись за велосипед в кустах, но снова зашагал твердым шагом.

Ричи видел, как Билл наклонился и заглянул под крыльцо. Ричи пошел за ним. Сердце его стучало как барабан. Под крыльцом ничего не было, кроме пожухлых листьев и пожелтевших газет.

— Билл, — повторил он.

— Что? — Билл достал «Вальтер» своего отца. Он осторожно отодвинул затвор и вынул из кармана четыре пули. Вставил их все в пистолет. Ричи наблюдал как зачарованный. Потом он тоже заглянул под крыльцо. На этот раз он там что-то увидел. Разбитое стекло, слабо поблескивающее разбитое стекло. Живот его свела судорога. Он понял, что история Эдди подтверждается. Осколки стекла на листьях под крыльцом означали, что окно разбили изнутри. Из подвала.

— Что? — спросил Билл, посмотрев на Ричи. Лицо его было бледное, даже зеленое.

— Ничего, — сказал Ричи.

Они залезли под крыльцо.

Обычно Ричи любил запах прелых листьев, но на сей раз в этом запахе не было ничего приятного. Листья были мягкие, как губка, и прилипали к рукам и коленям. Создавалось впечатление, что они могут ползти так несколько футов. Вдруг он подумал, что из этих листьев может высунуться лапа или коготь и схватить их.

Билл разглядывал разбитое стекло. Стекла были разбросаны повсюду. Верх оконной рамы был разбит

— Что-то случилось с этим гадом, — выдохнул Ричи. Билл, пытаясь заглянуть внутрь, кивнул.

Ричи толкнул его локтем, чтобы он тоже посмотрел. У фундамента было полно мусора и банок. Пол в подвале был земляной и влажный, как и листья. Слева возвышалась печка, а от нее к потолку отходила труба. Над ней, в конце подвала, Ричи увидел большое стойло с деревянными стенками. Он подумал, что это конюшня. Но разве лошадей держат в подвале? И дом, и стойло были очень старые, и отапливаться этот дом мог только углем, а не нефтью. А теперь он никому не нужен.

Билл сидел... подавшись вперед... и прежде чем Ричи смог понять, что происходит, ноги его приятеля исчезли в окне.

— Билл! Ради Бога! — прошептал он. — Что ты *делаешь*? Иди сюда!

Билл не отвечал. Он ускользал. Куртка сползала с его спины. В следующее мгновение Ричи услышал звук, похожий на стук теннисного мяча о земляной пол внутри.

«Сранные дела», — пробормотал Ричи про себя, глядя на темный квадрат, через который исчез его друг.

— Билл, ты что, с ума сошел?

Послышался голос Билла:

— Ты можешь тоже забраться сюда, если хочешь, Ричи. Посторожи.

Ричи на животе вполз через окно подвала, стараясь не порезать о разбитое стекло руки или живот.

Что-то ударило его по ногам. Ричи вскрикнул.

— Держись, — зашептал Билл.

Через мгновение Ричи стоял рядом с Биллом, стаскивая с себя рубашку и куртку.

— Как ты думаешь, кто это был?

— Бугимен, — сказал Ричи и засмеялся, поежившись.

— Ты иди сюда, а я ...

— Твою мать, — сказал Ричи. Он слышал, как бьется его собственное сердце.

Сначала они пошли к куче угля, Билл шел немного впереди с пистолетом в руке, стараясь видеть все вокруг. Он постоял около угольной кучи, потом решил обойти ее, держа пистолет двумя руками. Ричи зажмурился в ожидании выстрела. Но выстрела не было. Он осторожно открыл глаза.

— Ничего, кроме угля, — сказал Билл и нервно хохотнул.

Ричи подошел к нему. Уголь был навален до самого потолка. Он был черен как вороново крыло.

— Давай, — начал Ричи.

Они налегли на подвальную дверь. Дверь открылась, и дневной свет полился на лестницу.

Мальчики вскрикнули.

Ричи услышал какой-то ворчащий звук. Что-то громко ворчало, издавало звуки, как дикий зверь в клетке. Бродяги шли по лестнице. На них были выцветшие джинсы, руки болтались.

Но это были не руки... Это были лапы. Огромные, бесформенные лапы.

— *Уголь! Лезь на уголь!* — закричал Билл. Но Ричи стоял, окаменев, он теперь понял, кто пришел к ним, кто хотел их убить в подвале, который вонял мокрой землей и дешевым вином в углах. — *Наверху, на угольной куче — окно!*

Лапы были покрыты густой бурой шерстью, которая закручивалась как проволока, пальцы заканчивались острыми когтями. Вдруг Ричи увидел шелковую куртку. Черную с оранжевой отделкой — куртку Дерриевского колледжа.

— Пошли! — закричал Билл и сильно толкнул Ричи.

Ричи подбежал к куче угля, они полезли на нее. Острые куски больно кололись. Уголь прилипал к рукам. А они лезли и лезли.

Ричи запаниковал.

Он плохо соображал, что делает, но продолжал лезть на кучу угля, соскальзывая, падая и вскакивая. Окно на вершине угольной кучи зияло чернотой, там не было ни единого проблеска света. Оказалось, что оно закрыто черной крышкой и заперто на щеколду. Ричи ухватился за щеколду и изо всех сил стал тянуть ее, пытаясь открыть, но она и не думала отодвигаться. Рычание приближалось.

Раздался выстрел, рычание в запертой комнате утихло. Ричи почувствовал запах пороха. Ему вдруг пришло в голову, что он неправильно открыл щеколду. Он потянул ее в другую сторону, и ржавая щеколда закрипела. На руки ему посыпалась, как перец, ржавчина.

Раздался второй выстрел. Билл Денбро закричал:

— ТЫ УБИЛ МОЕГО БРАТА, ТЫ, ПОДОНОК!

На какое-то мгновение существо, шедшее по лестнице, засмеялось, и что-то вроде бы проговорило — звуки этой речи были похожи на лай мерзкой собаки. Ричи вспомнил о куртке из колледжа. Существо пролаяло:

— *Я тебя тоже убью!*

— *Ричи!* — закричал Билл.

Ричи слышал, как сыпался уголь под его руками и ногами. Рычание и шипение продолжались. В этом кошмарном мраке и холоде раздавался лай и вой.

Ричи сильно толкнул окно, не думая о том, что он порежет руки и разобьет стекло. Ему было не до того. Но окно не разбилось. Оно раскрылось, повиснув на ржавых петлях. С него посыпалась угольная пыль, засыпав Ричи лицо. Он высунулся в окно, хватая свежий воздух. Как во сне, он заметил, что идет дождь. Огромные подсолнухи раскачивались у забора, зеленые и пушистые.

«Вальтер» выстрелил в третий раз, и зверь на чердаке вскрикнул, вернее, это был резкий грубый рев. Билл закричал:

— *Он тащит меня! Ричи! Помоги!*

Стоя на четвереньках, Ричи повернулся и увидел лицо своего друга в квадрате подвального окна, через которое осенью ссыпают уголь.

Билл лежал распростертый на угле. Его руки пытались схватиться за оконную раму, но не могли до нее дотянуться. Рубашка и куртка на нем были разорваны. И он отползал... да, его что-то тянуло туда назад, что-то темное и огромное, что-то, похожее на человека, это существо лаяло и издавало какие-то невнятные звуки.

Ричи не мог смотреть на все это, он уже видел нечто подобное в субботу, в кинотеатре «Аладдин». Все это было как в страшном сне, какое-то безумие, хотя Ричи несколько не сомневался в собственном здравомыслии.

Это он, подросток-оборотень, утащил Билла. Все повторилось точно как в кино, только тут не было никакого грима. Все было в реальности. Вот и сейчас совершенно реально раздался крик Билла. Ричи подполз к нему и взял его руки в свои. В одной из них был «Вальтер». Ричи второй раз в этот день посмотрел в глазок... на этот раз пистолет был заряжен. Началась борьба за Билла — Ричи тянул его к себе, а Оборотень — к себе.

— *Уходи отсюда, Ричи!* — закричал Билл. — *Уходи!*

Вдруг в темноте показалось лицо Оборотня. Его лоб и впалые щеки были покрыты шерстью. Глаза, ужасные темные глаза, были умны. Рот открылся и раздался рык, пар повалил двумя струйками из углов рта. Волосы были зачесаны назад, что выглядело пародией на прически подростков. Не сводя глаз с Ричи, Оборотень откинул голову назад. Билл скреб пальцами по углю. Ричи схватил его за руку и потянул. На мгновение ему показалось, что он побеждает, но Оборотень сильнее потянул Билла за ноги, и Билл стал сползать назад, в темноту.

Ричи, плохо понимая, что и зачем он делает, вдруг закричал голосом ирландского полицейского мистера Нелла. Это был уже не Ричи, а сам полицейский, самый что ни на есть настоящий ирландский полицейский, который по ночам следит за порядком:

— *А ну отпусти его, а то я откручу тебе башку! Клянусь Богом! Отпусти его, а то я раздавлю тебя!*

Чудовище в подвале издало душераздирающий крик, но что-то изменилось. Может, это касалось страха. Или боли.

Ричи еще раз изо всех сил дернул Билла. Билл вылетел в окно и упал на траву. Он смотрел на Ричи обезумевшими глазами. Куртка на нем была черная от угля.

— Быстрее! — сказал он со стоном.

Ричи услышал, что по углю кто-то идет, приближаясь к ним. В следующее мгновение морда Оборотня выглянула в окно подвала. Он зарычал на них.

Билл все еще держал в руке «Вальтер». Он не выпускал его из руки все это время. Теперь он взял пистолет обеими руками, прицелился и нажал курок. Опять раздался глухой выстрел. Ричи видел, как голова Оборотня качнулась и по щеке потекла кровь, пачкая шерсть и воротник форменной куртки колледжа, которая была на нем.

Рыча, он отступил от окна.

Медленно, как во сне, Ричи полез в свой задний карман. Он достал пакет с изображением чихающего человека, разорвал его, пока рычащее окровавленное чудовище отступало от окна, вгрызаясь когтями в землю. Ричи сжал пакет. *«Убирайся на свое место!»* — приказал он чудовищу голосом ирландского полицейского и выдул ему в морду порошок. Красные затуманенные глаза Оборотня остановились на Ричи. Казалось, он запомнил его навсегда...

Оборотень чихал, чихал и чихал. Слюна струями свисала с его морды. Зеленые сопли висели из носа. Одна капля соплей попала на Ричи и обожгла его как кислотой. Ричи вытер ее с отвращением и болью.

На лице Оборотня теперь была не только злоба, но и боль, это было несомненно. Может, эту боль причинил ему выстрел Билла, но еще больше Ричи... сначала голосом полицейского, а потом этим порошком.

«Господи, будь у меня побольше этого порошка, я мог бы убить его», — подумал Ричи, а Билл схватил его за ворот куртки и оттянул. И хорошо сделал. Оборотень прекратил чихать и неожиданно направился к Ричи. Невероятно быстро. Ричи застыл с пакетом в руке, глядя на бурую шерсть Оборотня, на кровь, текущую по его морде, сознавая, что все это происходит в реальной жизни. Оборотень вероятно так бы и схватил его своими острыми когтями за горло, но тут Билл, встряхнув, поставил его на ноги.

Они побежали к фасаду дома. *«Он не посмеет преследовать нас больше, — думал Ричи, — теперь мы на улице, не посмеет, не осмелится...»*

Но он посмел. Ричи слышал его за своей спиной. Он был сзади, он бежал рыча, сморкаясь и отплевываясь.

А вот и Сильвер, прислоненный к дереву. Билл вскочил в седло и бросил отцовский пистолет в сумку, в которой они носили обычно игрушечные пистолеты. Ричи бросил взгляд назад и вскочил на багажник. Он успел заметить, как Оборотень бежал к ним через газон. Кровь и слюни вперемешку текли по его форменной куртке. На морде были следы чихательного порошка. Ричи заметил еще кое-что, что привело его в ужас. На его куртке вместо молнии были пушистые оранжевые пуговицы, как помпоны. Заметил он и еще кое-что, от чего чуть не потерял сознание. На куртке золотыми буквами было выткано имя — такую надпись мог заказать за доллар любой желяющий. Надпись на куртке гласила: «РИЧИ ТОЗИЕР».

— *Поехали, Билл,* — закричал Ричи. Сильвер тронулся — но как медленно! Билл разгонял его довольно долго.

Оборотень вскочил на дорогу как раз в тот момент, когда Билл выехал на Нейболт-стрит. Его выгоревшие джинсы были в крови. Ричи, как под гипнозом, оглянулся через плечо и ему показалось, что он явственно различает дырки на джинсах, через которые видна бурая шерсть. Сильвер, раскачиваясь, набирал скорость. Билл приподнялся на педалях, откидывая голову назад.

Страшная лапа потянулась к Ричи. Он жалобно вскрикнул и отстранился от нее. Оборотень рычал и пыхтел, ухмыляясь. Он был так близко от Ричи, что Ричи мог видеть желтоватые зрачки его глаз и чувствовать запах протухшего мяса, исходящий от Оборотня. Из рта его торчали клыки.

Ричи вскрикнул снова, когда лапа опять потянулась к нему. Оборотень явно хотел оторвать ему голову, но он промахнулся, лапа прошла в дюйме от Ричи. Волосы Ричи были мокрые от пота. Его обдало струей воздуха

— *Хейо, Сильвер!* — закричал Билл изо всех сил.

Они доехали до вершины небольшого холма, который был как раз под силу Сильверу. Билл бешено крутил педали. Сильвер перестал качаться и шел прямо по Нейболт-стрит к дороге №2.

«Господи, спаси нас, Господи, спаси нас, Господи, спаси нас!» — мысленно произносил Ричи.

Оборотень снова зарычал. *«О, Господи! Кажется, он совсем рядом со мной».* Куртку и рубашку Ричи сдувало ветром назад. Он издавал дикие звуки, пытаясь помочь Биллу. Сильвер замедлил ход

и качнулся. На мгновение Ричи показалось, что велосипед сейчас сбросит их обоих назад. Затем его куртка — она болталась сзади, как рюкзак, — отделилась от его спины, при этом раздался громкий звук, словно пуканье. Теперь Ричи снова мог дышать.

Он осмотрелся вокруг и вдруг наткнулся на бешеный взгляд, взгляд убийцы.

— *Билл!* — хотел он крикнуть, но звука не получилось.

Тем не менее Билл каким-то образом услышал его. Он крутил педали сильнее и сильнее, никогда в жизни он их так не крутил. Даже все его внутренности вибрировали. Кровь подходила к горлу, он чувствовал ее медный привкус. Открытым ртом он ловил воздух. Какое-то сумасшедшее возбуждение охватило его, какое-то дикое желание. Он стоял на педалях, крутя их и придавая им силу.

Сильвер продолжал набирать скорость. Было такое ощущение, что дорога взлетает.

— *Хейо, Сильвер!* — заорал он снова. — *Хейо!*

Ричи услышал топот бродяг, бегущих по щебню. Он обернулся. Лапа Оборотня ударила его по глазам с такой силой, что на мгновение Ричи подумал, что у него оторвалась голова. Все покрылось вдруг дымкой. Потеряло значение. Звуки затихли, прекратились. Мир потерял цвета. Он в отчаянии прислонился к Биллу. На правом глазу была теплая кровь, она стекала на лицо.

Лапа снова нанесла удар, на сей раз сзади. Ричи почувствовал, что велосипед сильно качнуло, а потом он опять понесся по прямой. Билл заорал: «*Хейо, Сильвер!*», а Ричи показалось, что голос его звучит издалека, как эхо.

Ричи закрыл глаза, держась за Билла и ожидая конца.

14

Билл тоже слышал, что за ними бегут, и понял, что клоун еще не прекратил погоню. Но он не осмеливался обернуться назад и посмотреть. Неужели он схватит их?

— *Давай, дружище Сильвер, давай! Выдай все, что можешь! Давай!*

Билл Денбро еще раз понял, что он победил дьявола, но на этот раз дьяволом был ухмыляющийся клоун со вспотевшим, покрытым гусиной кожей лицом и искривленным ртом вампира, глаза которого блестели, как серебряные монеты. Клоун, который по странной случайности был одет в форменную куртку Дерриевского колледжа поверх серебристого костюма с оранжевой отделкой и оранжевыми пуговицами-помпонами.

— Поехали, дорогой, давай, Сильвер! Ты что-то говоришь? Давай, дорогой!

Вокруг него на Нейболт-стрит сгушалась тьма, Сильвер несся с ровным звуком, а эти страшные тяжелые шаги, что они — приближались или отдалялись?

Билл все еще не решался оглянуться. Ричи держался за него мертвой хваткой, и ему не хватало воздуха. Билл хотел попросить Ричи немного отпустить руки, держаться не так крепко, но ему и на это не хватало дыхания.

Там, впереди, как прекрасная мечта, висел стоп-знак, отмечая пересечение Нейболт-стрит и дороги №2. Машины неслись вперед и назад к Витчему. Устав от напряжения, Билл принял это как чудо. Он только теперь решился посмотреть через плечо. То, что он увидел, заставило его остановиться одним движением педали. Сильвера занесло, и он ударился ободом. Голову Ричи отбросило к плечу Билла. Ричи вскрикнул от боли. Улица была абсолютно пуста.

В двадцати пяти ярдах перед ними (в направлении паровозного депо), в первом из заброшенных домов, имеющих похоронный вид, в этом самом доме вспыхивал, мерцая, оранжевый свет.

«У-у-у-х-х-х!»

Билл поздно понял, что Ричи сползает с Сильвера, но он был так повернут к Биллу, что были видны только нижние веки и брови, отремонтированная дужка очков свисала вбок. Со лба медленно стекала кровь. Билл быстро схватил его за руку, их занесло вправо, Сильвер потерял равновесие. Они грохнулись на дорогу, их руки и ноги переплелись. Билл сломал себе плечо и заорал от боли. Глаза Ричи широко раскрылись на мгновение. Ричи сказал, задыхаясь:

— Я хочу показать вам сокровища, синьоры, да вот только этот Добс изрядно опасен.

Он сказал это голосом Панчо Ванилла, и в тот же момент его передернуло от боли при движении. Он увидел несколько бурых волосинок, напоминавших волосы его отца в паху. Он испугался еще больше. Билл звонко хлопнул его по затылку.

— Ой-ой-ой! — закричал Ричи, широко открыв глаза. — За что ты меня лупишь, дружище? Ты же разобьешь мне очки. Оправа не очень крепкая, ты и не заметишь, как разобьешь их....

— Ттты тттолько что умирал или что-то вроде этого, — заикался Билл.

Ричи медленно поднялся и сел на дороге, положив руку себе на голову:

— Что случилось?

И тут он все вспомнил.

От внезапного шока глаза его округлились. Он пытался подняться и встать на колени, задыхаясь и спеша.

— Не надо, Ричи, — сказал Билл, — все прошло. Все прошло.

Ричи увидел пустынную улицу, никакого движения не было на ней. Он неожиданно разревелся. Билл посмотрел на него, потом обнял. Ричи держался за его шею. Он хотел сказать что-то значительное. Например, о том, как Билл боролся с Оборотнем, но он ничего не смог сказать, он только всхлипывал.

— Не надо, Ричи, не надо, — сказал Билл и тут же расплакался сам.

Они стояли на коленях возле велосипеда, плакали, и слезы, смешанные с углем, текли по их щекам.

Глава 9 ОЧИЩЕНИЕ

1

Вечером 9 мая 1985 года, когда самолет пролетал где-то в районе штата Нью-Йорк, у Беверли Роган опять начался приступ смеха. Пытаясь успокоиться, она обхватила себя обеими руками, опасаясь, что ее примут за сумасшедшую, но не могла остановиться.

«Тогда, давно, мы тоже много смеялись», — подумала она. Но сейчас было что-то другое, новое. Тогда мы все время были в страхе, но не могли перестать смеяться, а сейчас я смогу.

Рядом с ней сидел молодой длинноволосый симпатичный парень. С тех пор как в 2.30 самолет вылетел из Милуоки (прошло почти два с половиной часа полета с остановками в Кливленде и Филадельфии), он несколько раз бросал на нее оценивающие взгляды, но, видя, что она не желает вступать в разговор, решил оставить ее в покое; после пары ничего не значащих вопросов, на которые она ответила вежливо, но не более того, он открыл дорожную сумку и достал роман Роберта Лэдлэма.

Теперь он отложил его, отметив страницу пальцем, и участливо спросил:

— Вам холодно?

Она кивнула, попыталась сделать серьезное лицо, но вместо этого прыснула от смеха. Он слегка улыбнулся в недоумении.

— Ничего страшного, — сказала она, снова предприняв безуспешную попытку вернуть выражение лица; но чем больше она пыталась взять себя в руки, тем больше ее лицо морщилось от смеха. Совсем как у старушки. — Я только что поняла, что не знаю, на какой села самолет. Помню только бббольшого утенка на ббок... — Она ослабела от смеха. Люди начали оборачиваться на нее, некоторые хмурились.

«Республиканский», — сказал он.

— Простите?

«Вы летите со скоростью 470 миль в час благодаря любезности республиканских авиалиний». Так написано на рекламном спичечном коробке компании ПСПЗ в кармашке сиденья.

— ПСПЗ?

Он достал коробок (на этикетке действительно стоял рекламный знак республиканских авиалиний) из кармашка сиденья. На нем были указаны запасные выходы, расположение флотационных приборов, как пользоваться кислородными масками и как приземляться при вынужденной аварийной посадке. «Коробок компании «поцелуй себя на прощание в задницу», — сказал он, и тут они оба рассмеялись.

«А он действительно симпатичный», — неожиданно подумала она, свежая мысль, по крайней мере, ясная. Такие мысли, должно быть, приходят человеку в голову, когда он просыпается утром и голова еще не совсем забита всякой чушью. Парень был одет в пуловер и протертые джинсы. Светлые волосы перехвачены сзади куском кожаной бечевки; они напомнили ей о том конском хвосте, который она всегда носила в детстве. Она подумала: «Могу поспорить, что член у него, как у хорошенького вежливого мальчика из колледжа: достаточно длинный, чтобы можно было трахаться, но не достаточно толстый, чтобы можно было гордиться».

Не в силах сдержаться, она снова рассмеялась. Она вспомнила, что у нее даже нет носового платка, чтобы вытереть слезы, которые ручьем текли из глаз, и это рассмешило ее еще больше.

— Лучше возьми себя в руки, а то стюардесса вышвырнет тебя из самолета, — сказал он серьезно, но она только потрясла головой; бока и живот уже давно болели от смеха.

Он протянул ей чистый носовой платок, и она вытерла слезы. Это немного помогло ей справиться со смехом, хотя она еще не пришла в себя окончательно. Каждый раз, вспоминая о большом утенке на боку самолета, она начинала хихикать.

Немного погодя она вернула ему платок:

— Спасибо.

— Господи Иисусе, мэм, что с вашей рукой? — он осторожно взял ее руку.

Она опустила глаза и посмотрела на поломанные ногти, они сломались, когда она боролась с Томом. Воспоминания о боли причинили ей больше страдания, чем израненные пальцы, и она прекратила смеяться. Она мягко отобрала у него руку.

— Я прищемила пальцы дверцей машины в аэропорту, — сказала она и подумала, что ей все время приходится лгать, чтобы

скрыть то, что сделал с ней Том, как раньше приходилось лгать про синяки, которыми награждал ее отец. Может быть, это последняя ложь? Как это было бы чудесно... слишком чудесно, чтобы в это можно было поверить. Она подумала о враче, который приходит к умирающему от рака больному и говорит: «Рентген показал, что опухоль рассасывается. Мы понятия не имеем, почему это происходит, но это правда».

— Тебе должно быть чертовски больно, — сказал он.

— Я приняла немного аспирина. — Она снова открыла журнал, хотя он наверняка заметил, что она прочла его уже дважды.

— Куда ты направляешься?

Она закрыла журнал, посмотрела на него и улыбнулась.

— Ты очень милый, — сказала она, — но у меня нет желания разговаривать. Понятно?

— Понятно, — сказал он в ответ с улыбкой. — Но если ты захочешь выпить в честь большого утенка на боку самолета, когда прилетим в Бостон, то плачу я.

— Спасибо, но мне надо успеть на другой самолет.

— Да, дружище, сегодня утром твой гороскоп подвел тебя как никогда, — сказал он сам себе и снова открыл роман. — Но у тебя такой чудесный смех, что в тебя невозможно не влюбиться.

Она опять открыла журнал, но поймала себя на том, что вместо того, чтобы читать статью о красотах Нью-Орлеана, рассматривает свои поломанные ногти. Под двумя ногтями темнели пунцовые кровавые волдыри. В ее ушах еще звучал голос Тома, орущего с лестницы: «Я убью тебя, сука! Ты — чертова сука!» Она поежилась, как от холода. Сука для Тома, сука для швей, которые бестолково суетятся перед ответственным шоу и считают Беверли Роган дешевой писакой, сука для отца.

Сука.

Ты — сука.

Ты — чертова сука.

Она на мгновение закрыла глаза.

Нога, которую она порезала осколками флакона из-под духов, убегая из спальни, пульсировала больше, чем израненные пальцы. Кей дала ей бинт, пару туфель и чек на тысячу долларов, который Беверли сразу обменяла на наличные в Первом чикагском банке на площади Уотертауэр.

Несмотря на протесты Кэй, Беверли выписала чек на тысячу долларов на простом листе писчей бумаги.

— Я однажды читала, что чек обязаны взять независимо от того, на чем он написан, — сказала она Кэй. Ее голос, казалось,

исходил не от нее. Может, из радио в соседней комнате. — Кто-то однажды обналичил чек, который был написан на артиллерийском снаряде. По-моему, я читала это в «Списках». — Она помолчала, потом неестественно засмеялась. Кэй спокойно и серьезно смотрела на нее.

— Надо получить в банке наличные как можно скорее, пока Том не сообразил заморозить счета.

Беверли не чувствовала усталости, хотя полностью отдавала себе отчет в том, что держится только на нервах и черном кофе, сваренном Кэй. Предыдущая ночь казалась ей страшным сном.

Она помнила, как за ней шли трое подростков, которые кричали ей вслед и свистели, но не осмеливались подойти. Она помнила, какое облегчение охватило ее, когда она увидела белый свет люминесцентных огней магазина на пересечении Седьмой и Одиннадцатой улиц. Она вошла туда, позволив прыщавому продавцу разглядеть ее старую блузку, и попросила у него взаймы сорок центов, чтобы позвонить по телефону. Это оказалось не трудно, ей было ясно с первого взгляда.

Первым делом она позвонила Кэй Макколл, набрав номер по памяти. После дюжины звонков она уже испугалась, что Кэй уехала в Нью-Йорк, но сонный голос Кэй пробурчал: «Было бы неплохо, если б вы представились» — как раз когда Беверли собиралась повесить трубку.

— Кэй, это Бев, — сказала она и, поколебавшись какое-то время, решительно добавила: — Мне нужна помощь.

Наступило молчание. Потом Кэй снова заговорила голосом человека, окончательно очнувшегося ото сна:

— Где ты? Что стряслось?

— Я около Седьмой и Одиннадцатой улиц, на углу Стрейленд-авеню и какой-то улицы. Я...Кэй, я ушла от Тома.

Кэй быстро взволнованно закричала в трубку:

— Прекрасно! Наконец-то! Ура! Я приеду за тобой! Сукин сын! Кусок дерьма! Я сейчас приеду за тобой в своем чертовом «Мерседесе»! Я найму оркестр! Я...

— Я возьму такси, — сказала Бев, зажав оставшиеся две десятицентовые монеты во вспотевшей ладони. В круглом зеркале внутри магазина она видела, как прыщавый продавец задумчиво уставился на ее задницу. — Но тебе придется заплатить по счетчику. У меня совсем нет денег. Ни цента.

— Я дам этому ублюдку пять баксов на чай, — прокричала Кэй. — Это, мать твою, самая лучшая новость после отставки Никсона! Сейчас мы с тобой, девочка моя, пропустим рюмочку-

другую и... — Она замолчала, и когда снова заговорила, ее голос был совершенно серьезен. В нем было столько доброты и любви, что Беверли чуть не расплакалась.

— Слава Богу, ты наконец-то решилась, Бев. Слава Богу.

Кэй Макколл раньше работала модельером, но вышла замуж за разведенного богача и в 1972 году увлеклась феминистическим движением. Это было примерно за три года до знакомства с Беверли. В тот период, когда она достигла наибольшей популярности среди феминисток, ее обвинили в использовании архаичных шовинистских законов, благодаря чему она оттяпала у своего делового мужа все, что полагалось ей по закону до последнего цента.

— Чушь собачья! — как-то сказала Кэй Беверли. — Те, кто несет эту чепуху, никогда не спали с Сэмом Чаковицем. Тыкнуть пару раз, получить удовольствие и кончить — вот девиз Сэма. Единственный раз у него простоял больше семидесяти секунд, когда он драчил в ванной. Я не обманывала его, я просто получила компенсацию за страдания.

Она написала три книги: одну о феминистическом движении и деловой женщине, другую о феминистическом движении и семье и третью о феминистическом движении и духовности. Первые две книги пользовались достаточной популярностью. Через три года после опубликования ее последней книги она совершенно вышла из моды, и Беверли показалось, что ей стало легче от этого. Она выгодно вложила деньги («Феминизм и капитализм, слава Богу, не исключают друг друга», — сказала она однажды Беверли), и сейчас Кэй — молодая здоровая женщина с собственным домом в городе и в провинции — имела двух или трех любовников, достаточно зрелых для постели, но еще не созревших для того, чтобы обыграть ее в теннис.

— Если им когда-либо удастся обыграть меня, я их брошу в то же момент, — говорила она Беверли, и хотя было ясно, что Кэй шутит, Беверли недоумевала, неужели она говорит серьезно.

Беверли заказала такси и, когда машина подъехала, забралась со своим чемоданчиком на заднее сиденье, радостная, что этот продавец из магазина больше не будет на нее глазеть, и назвала шоферу адрес Кэй.

Кэй уже ждала ее, накинув норковую шубку прямо на фланелевую ночнушку. На ногах были надеты розовые бархатные шлепанцы с большими помпонами. Слава Богу, что помпоны не оранжевые, а то Беверли снова взвыла бы. Это — судьба, что она приехала именно к Кэй: прошлое возвращалось к ней, воспоминания нахлынули так стремительно и отчетливо, что она испугалась. Будто

кто-то запустил в ее голову бульдозер и начал раскапывать кладбище воспоминаний, о существовании которого она и не подозревала. Только вместо тел возникали давно забытые имена, которые она не вспоминала годами: Бен Хэнком, Ричи Тозиер, Грета Бови, Генри Бауэрс, Эдди Каспбрак... Билл Денбро. Особенно Билл — заика Билл, как они называли его с чисто детской прямой, которую иногда считают непосредственностью, а иногда — жестокостью. Он казался ей тогда очень высоким, самым совершенством (до тех пор, пока не открывал рот и не начинал говорить).

Имена...

Ее бросило в жар, потом в холод. Беверли вспомнила голоса из водостока ...и кровь. Вспомнила, как закричала от ужаса, а ее отец отшлепал ее. Отец, Том...

Она была близка к тому, чтобы расплакаться...

Кэй, расплачиваясь с таксистом, столько дала на чай, что изумленный водитель прокричал: «Спасибо, леди! Ничего себе!»

Кэй отвела Беверли в дом, отправила ее в душ, после душа дала халат, сварила кофе и внимательно осмотрела ее синяки и ссадины, обработав порез и забинтовав ногу. Во вторую чашку кофе она налила Беверли изрядное количество бренди и заставила выпить все до дна. Затем приготовила им обеим по превосходному бифштексу со свежей горчицей.

— Ну ладно, — сказала она. — Что произошло? Позвонить в полицию или просто отправить тебя пожить у Рено?

— Я не могу тебе рассказать все, — сказала Беверли. — Ты посчитаешь, что я сошла с ума. Но это я во всем виновата, в основном...

Кэй ударила кулаком по полированному столику красного дерева. Раздался звук, похожий на выстрел из малокалиберного пистолета. Бев подпрыгнула.

— Не смей так говорить, — сказала Кэй. Ее щеки горели, карие глаза сверкали от негодования. — Сколько лет мы с тобой дружим? Девять? Десять? Если ты еще раз скажешь, что ты во всем виновата, меня стошнит. Поняла? Меня сейчас чуть не стошнило, мать твою. Ты сейчас не виновата ни в чем, и раньше не была виновата, и не будешь виновата никогда. Неужели ты не понимаешь, что почти все твои друзья знали, что рано или поздно он тебя покалечит, может быть, убьет.

Беверли смотрела на нее широко раскрытыми глазами.

— И твоя самая большая вина в том, что ты продолжала жить с ним и дала случиться тому, что случилось. Но теперь ты

ушла от него. Благодарю Бога, что он защитил тебя. И ты сидишь здесь, с поломанными ногтями, порезанной ногой, со следами от ремня на спине, и говоришь мне, что ты во всем виновата?

— Он не бил меня ремнем, — автоматически солгала Бев... и от жгучего стыда ее щеки вспыхнули отчаянным румянцем.

— Если ты покончила с Томом, тебе следует также покончить с враньем, — спокойно сказала Кэй и посмотрела на Бев долгим взглядом с такой любовью, что Бев вынуждена была опустить глаза. Она почувствовала в горле соленый привкус слез.

— Кого ты хотела обмануть? — по-прежнему спокойно продолжала Кэй. Она наклонилась через стол и взяла руку Бев. — Темные очки, блузы с длинными рукавами и глухим воротом... Может быть, тебе и удалось обмануть одного-двух твоих покупателей, но тебе не удастся обмануть своих друзей, Бев. Тебе не обмануть людей, которые тебя любят.

И тут Бев действительно заплакала. Она плакала долго и трудно, а Кэй обнимала ее за плечи. И позднее, перед самым сном, она рассказала Кэй то, что не могла рассказать раньше. Старый друг из штата Мэн, который живет в Дерри, где она выросла, позвонил ей и напомнил об обещании, которое она дала много лет назад. Настало время выполнить свое обещание, сказал он и спросил, сможет ли она приехать. Она ответила, что придет. Потом начались неприятности с Томом.

— И какое обещание ты дала? — спросила Кэй.

Беверли медленно покачала головой.

— Я не могу тебе этого сказать, Кэй. Я и так рассказала слишком много.

Кэй подумала и кивнула в ответ.

— Хорошо. И так достаточно. Что ты решила делать с Томом, когда вернешься из Мэна?

Бев, все более уверенная в том, что больше не вернется из Дерри, лишь ответила:

— Я сначала приеду к тебе и мы решим с тобой, что мне делать. Хорошо?

— Прекрасно, — сказала Кэй. — Это тоже обещание?

— Как только я вернусь, — твердо сказала Бев, — можешь рассчитывать на это. — И она крепко обняла Кэй.

Получив деньги по чеку, выписанному Кэй, и в ее туфлях, Беверли направилась в Грейхаунд, к северу от Милуоки, потому что опасалась, что Том может поехать искать ее в О'Харе. Кэй, которая проводила ее до банка и до автобусной станции, пыталась переубедить ее.

— В О'Харе полно надежных людей, моя дорогая, — сказала она — Тебе не стоит волноваться. Как только он приблизится к тебе, ори во всю глотку, черт возьми.

Беверли покачала головой.

— Я хочу избавиться от него раз и навсегда. И это единственный выход для меня.

Кэй внимательно посмотрела на нее.

— Ты боишься, что он может уговорить тебя вернуться, не так ли?

Беверли подумала о семерых детях, стоящих у ручья, о Стэнли с осколком от бутылки из-под кока-колы, сверкающим на солнце; она подумала о неприятной боли, которая обожгла руку, когда он слегка резанул ей по ладони чуть наискось; она вспомнила, как они, взявшись за руки, встали в круг и поклялись вернуться, если это снова начнется... вернуться и уничтожить это навсегда.

— Нет, — сказала она. — Он не сможет отговорить меня. Но он может причинить мне боль, и здесь не помогут никакие надежные люди. Ты не видела его прошлой ночью, Кэй.

— Я его достаточно видела при других обстоятельствах, — сказала Кэй, сдвинув брови. — Дырка от задницы, которая ходит, как человек.

— Он сумасшедший, — сказала Бев. — Его никто не остановит. Так будет лучше. Поверь мне.

— Хорошо, — неохотно согласилась Кэй, и Бев с удивлением подумала, что Кэй была раздосадована, что не встретила сопротивления с ее стороны.

— Как можно быстрее обменяй чек, — напомнила ей Беверли, — до того как ему придет в голову заморозить счета. Он сделает это, ты знаешь его.

— Разумеется, — сказала Кэй. — Если он сделает это, я надеру задницу этому сукиному сыну.

— Держись от него подальше, — резко сказала Беверли. — Он опасен, Кэй, поверь мне. Он как... — как мой отец, чуть не вырвалось у нее. Вместо этого она сказала: — Он как дикарь.

— Ладно, — сказала Кэй. — Не бери в голову, моя дорогая. Иди, выполняй свое обещание. И подумай немного о том, что будет дальше.

— Подумаю, — сказала Бев, но это было неправдой. Ей слишком о многом предстояло подумать: например, о том, что произошло тем летом, когда ей исполнилось одиннадцать. Или, например, о голосах из водостока. И о том ужасе, который она испытала тогда; даже когда она в последний раз обнимала Кэй у

серебристого бока автобуса на Грейхаунд, ее разум не позволял себе до конца представить это опять.

Когда самолет с утенком на боку начал долгий спуск к Бостону, она вновь мысленно вернулась туда, в прошлое... к Стэну Урису... к стихам без подписи на почтовой открытке... и к голосам... она вспомнила те несколько секунд, показавшихся ей бесконечными, когда она с глазу на глаз встретилась с этим.

Она глянула в иллюминатор, посмотрела вниз и подумала, что зло, которое носит в себе Том, ничтожно и безобидно по сравнению с тем злом, которое ожидает ее в Дерри. Конечно, там будет Билл Денбро. Она помнила любовную открытку со стихами на обороте и догадывалась, кто их написал. Больше она ничего не помнила, даже о чем были стихи... но была уверена, что открытку мог послать именно Билл. Да, это вполне мог быть именно Билл Денбро.

Неожиданно она вспомнила тот вечер, когда собиралась ложиться спать, посмотрев те два фильма ужасов, на которые ее взяли Ричи и Бен. Это было ее первое свидание. Они с Ричи обменивались по этому поводу едкими шуточками — в те времена это была некая форма самозащиты, но в глубине души она была взволнована и немного испугана. Это действительно было ее первое свидание, несмотря на то, что на нем было два мальчика, а не один. Ричи платил за билеты и за все остальное, совсем как на настоящем свидании. Потом были те мальчики, которые преследовали их... они провели остаток вечера в Барренсе... а Билл Денбро поссорился с другим мальчишкой, она забыла с кем, но зато помнила, как Билл посмотрел на нее и словно электрический разряд пробежал по телу... и неожиданный прилив чувств захлестнул ее.

Вспоминая прошедшее свидание, она натянула ночную рубашку и пошла в ванную, чтобы умыться и почистить зубы. Ей казалось, она долго не сможет заснуть в эту ночь; столько впечатлений за вечер, надо все хорошо осмыслить; мальчики казались воспитанными, с ними можно и подшучивать, и пооткровенничать. Все могло быть прекрасно. Все могло быть... божественно.

Она в задумчивости взяла мочалку, наклонилась к умывальнику...

2

...и услышала голос из водостока:

— Помоги мне...

Бeverли отшатнулась в испуге, сухая мочалка свалилась на пол. Она затрясла головой, чтобы немного прийти в себя, и затем снова

наклонилась к раковине и осторожно посмотрела в водосток. Ванная комната находилась в дальнем конце их четырехкомнатной квартиры. До нее смутно доносились звуки какой-то западной программы, идущей по телевизору. Когда передача кончится, отец, скорее всего, переключит на бейсбольный матч или борьбу, а потом заснет в кресле.

Обои в ванной были отвратительны. Какие-то лягушки на листьях кувшинки. Внизу они горбились на комковатой штукатурке, в некоторых местах отсырели, в некоторых — оторвались. Сама ванная проржавела, унитаз раскололся. Одинокая лампочка в 40 ватт свисала над умывальником прямо из фарфорового гнезда. Беверли помнила — смутно, — что когда-то здесь была лампа, но ее разбили несколько лет назад, а другую так и не купили. Пол был застелен линолеумом, с которого давно стерся рисунок за исключением небольшого участка под раковиной.

Не самая приятная комната, но Беверли так привыкла к ней, что перестала замечать ее убожество.

Умывальник был такой же ржавый, как и ванна. Сток в виде круга с перекрещенными планками имел в диаметре дюйма два. Когда-то он был покрыт хромом, но это было очень давно. Цепочка затычки для стока была небрежно переброшена через вентиль с пометкой «хол.». В стоке было темно, и когда она наклонилась, то первый раз в жизни обратила внимание на слабый тошнотворный запах, исходивший оттуда, — немного рыбный запах. От отвращения она сморщила нос.

— Помоги мне...

Она стояла пораженная. Это был голос. Сначала она решила, что это просто треск в трубах... или разыгралось воображение... остаточное впечатление после фильмов ужасов, которые она посмотрела сегодня...

— Помоги мне, Беверли...

Она включила контрастный душ. Сняла ленту с волос, которые рассыпались по плечам. Неожиданно для себя самой она наклонилась к умывальнику и спросила полупшепотом: «Эй? Там есть кто-нибудь?» Голос из водостока напоминал голос маленького ребенка, который, казалось, только недавно научился говорить. Несмотря на то, что у нее по телу бегали мурашки, разум пытался отыскать разумное объяснение происходящему. Она жила в многоквартирном доме. Семья Маршей занимала дальнюю часть дома на первом этаже. Помимо прочего в доме имелось еще четыре квартиры. Возможно, какой-нибудь ребенок развлекается и говорит в водосток. И если учесть звуковые искажения...

— Там есть кто-нибудь? — спросила она в водосток, на этот раз громче. Внезапно она подумала, что, если сейчас случайно войдет отец, он подумает, что она сошла с ума.

Ей никто не ответил, но неприятный запах из стока, казалось, усилился. Она подумала о бамбуковом участке в Барренсе и свалке за ним; Беверли представила медленно поднимающийся от земли горький дымок и черную грязь, набившуюся в туфли.

На самом деле в доме не было детей, это она знала наверняка. У Тремонтов был мальчик лет пяти и девочки трех лет и шести месяцев, но мистера Тремонта уволили из обувного магазина на Тракер-авеню, они задолжали за квартиру и незадолго до окончания школьных занятий в один прекрасный день уехали в старом ржавом бьюике мистера Тремонта. На третьем этаже в передней части дома проживал Скиппер Болтон, но Скипперу было четырнадцать.

— *Мы все хотим встретиться с тобой, Беверли...*

Она зажала рукой рот, и ее глаза расширились от ужаса. На какое-то мгновение... только на мгновение ей показалось, что там что-то *движется*. Внезапно она поняла, что ее волосы двумя толстыми жгутами свисают в опасной близости — очень близко — от водостока. Инстинктивно она убрала волосы.

Она осмотрелась. Дверь ванной была плотно закрыта. Она слышала приглушенный звук телевизора, Шейен Боули увещевал крутых парней сложить оружие, пока они не натворили бед. Она была одна. Не считая, естественно, голоса.

— Кто ты? — сказала она в раковину, понизив голос.

— Мэтью Клементс, — прошептал голос. — Клоун забрал меня в трубы, и я умер; очень скоро он придет за тобой, Беверли, и за Беном Хэнскомом, и Биллом Денбро, и Эдди...

Она сжала щеки руками. Ее глаза расширялись от ужаса все больше. Беверли чувствовала, как внутри у нее все похолодело. Теперь голос звучал приглушенно и как бы издалека... но в нем слышалось ликование.

— *Ты уплывешь сюда вниз со своими друзьями, Беверли, как мы все уплыли сюда. Передай Биллу привет от Джорджи, скажи Биллу, что Джорджи скучает по нему, в одну из ближайших ночей он будет в уборной с куском струны от рояля и воткнет ее ему в глаз, скажи ему...*

Голос перешел в захлебывающийся звук, и неожиданно из стока с хлопаньем выплеснулись ярко красные пузыри, разбрызгивая вокруг капли крови.

Булькающий голос теперь произносил слова очень быстро, постоянно меняя тембр: то это был голос маленького мальчика,

который она слышала сначала, то голос девушки-подростка, то — о, ужас! — голос девочки, которую Беверли когда-то знала — Вероники Гроган. Но Вероника была мертва, ее тело нашли в водосточной трубе...

— Я — Мэтью... Я — Бетти... Я — Вероника... мы здесь, внизу. Здесь внизу с клоуном... и живые, и мумии... и оборотни... и ты, Беверли, мы тут внизу с тобой, и мы плаваем, мы меняемся...

Внезапно водосток начал выплевывать сгустки крови, затопляя ванну, обрызгивая зеркало, обои с лягушками на кувшинах. Беверли заорала резко и пронзительно. Она выскочила из ванны, заколотила руками в закрытую дверь, стала царапаться, пытаясь открыть ее и влетела в гостиную к отцу.

— Что с тобой? — спросил он, нахмурившись. В тот вечер они оставались дома одни, мать работала в вечернюю смену с 3 до 11 в Грин Фарм, в лучшем ресторане Дерри.

— В ванной! — истерически закричала она. — В ванной, папа, там в ванной...

— За тобой кто-нибудь подглядывал? А? — он грубо схватил ее за руку, впиваясь в нее пальцами. Его лицо выражало беспокойство, но оно было мнимым и пугало ее больше, чем если бы он вдруг начал утешать ее.

— Нет... ванна... в ванне... в... в... — Она истерически зарыдала не в силах произнести ни слова. Ее сердце стучало так сильно, что ей казалось, она вот-вот задохнется.

Эл Марш оттолкнул ее, на его лице было такое выражение, как будто он хотел сказать: «Господи Иисусе, и что дальше?» Он направился в ванную комнату. Он пробыл там довольно долго, и Беверли уже начала волноваться.

Затем он прокричал:

— Беверли! Иди сюда, детка!

Она никогда ни о чем его не спрашивала. Если бы они вдвоем стояли на краю отвесной скалы и он сказал бы ей прыгнуть вниз, ее врожденное послушание почти наверняка столкнуло бы ее с обрыва еще до того, как разум успел бы вмешаться.

Дверь в ванную была открыта. Ее отец, большой, с редкими темно-рыжими волосами, стоял посреди ванной. На нем были серые брюки и серая рубашка (он убирал в городской больнице). Отец мрачно посмотрел на Беверли. Он не пил, не курил, не увлекался женщинами. «Все женщины, которые мне нужны, находятся в доме, — говорил он при случае, и при этих словах на его лице появлялась особенная скрытная улыбка, но она не придавала ему привлекательности, скорее наоборот. Улыбка напоминала тень от

облака, быстро спрятавшегося за скалами. — *Они заботятся обо мне, а когда им требуется моя помощь, я забочусь о них.*

— Ну что это за дурачество? — спросил он, когда она вошла.

У Беверли было ощущение, что у нее в горле застрял камень. Сердце бешено колотилось в груди. Казалось, ее вот-вот стошнит. С зеркала липкими каплями стекала кровь. Лампочка над раковиной также была вся в крови, и она чувствовала запах кипящей крови. Кровь стекала с фарфоровых краев раковины и тяжелыми каплями, хлюпая, падала на линолеум.

— Папа... — прошептала она осипшим голосом.

Он обернулся, с отвращением посмотрел на нее (он часто на нее так смотрел) и принялся небрежно мыть руки в окровавленной раковине.

— Господи помилуй, детка. Рассказывай. Ты чертовски напугала меня. Объясни, ради Бога, что это значит.

Он принялся мыть руки. Там, где он прислонялся к раковине, на его серых рабочих брюках оставались пятна крови. «Если бы он прислонился лбом к зеркалу, кровь осталась бы на коже», — подумала Беверли. Она судорожно сглотнула.

Он выключил воду, взял полотенце, на котором веером рассыпались брызги крови, и стал вытирать руки. В полуобморочном состоянии Беверли смотрела, как кровь впитывается в его пальцы и ладони. Она видела кровь под его ногтями, и это делало его похожим на убийцу.

— Ну? Я жду. — Он забросил окровавленное полотенце обратно на вешалку.

Кровь, везде кровь... *а ее отец не видит ее.*

— Папа... — Она понятия не имела, что ему скажет, но отец перебил ее.

— Я беспокоюсь за тебя, — сказал Эл Марш. — Мне кажется, ты никогда не повзрослеешь, Беверли. Ты все время где-то бегаешь, ничего не делаешь по дому, ты не умеешь готовить, не умеешь шить. Половину времени ты витаешь в облаках, уткнувшись в книгу, а другую половину мечтаешь или скучаешь. Я беспокоюсь за тебя.

Он неожиданно размахнулся и больно ударил ее по заднице. Она закричала и посмотрела ему в глаза. Его густая правая бровь была слегка перепачкана кровью. «*Если это будет продолжаться долго, то я сойду с ума*», — словно сквозь туман подумала она.

— Я очень беспокоюсь, — сказал он и снова ударил ее, на этот раз по руке, чуть выше локтя. Руку обожгла мгновенная боль и тут же стихла. Завтра наверняка будет синяк.

— Ужасно беспокоюсь, — сказал он и ударил ее кулаком в живот. В последний момент он ослабил удар, но у Беверли все равно перехватило дыхание. Она согнулась пополам, хватая воздух ртом, как выброшенная на берег рыба, на глазах выступили слезы. Отец невозмутимо смотрел на нее, засунув окровавленные руки в карманы брюк.

— Тебе пора повзрослеть, Беверли, — сказал он голосом, полным доброты и прощения. — Ты согласна со мной?

Она кивнула. Ее голова тряслась. Она плакала, но плакала беззвучно. Если бы она рыдала в голос — ее отец называл это «детским плачем», — он бы избил ее до полусмерти. Эл Марш всю жизнь прожил в Дерри и говорил всем (кто его спрашивал и кто не спрашивал), что желает быть похороненным здесь, но еще проживет немного, лет до ста десяти. «Не вижу причины, почему бы мне не жить вечно, — бывало говорил Роджер Ориет, раз в месяц посещавший парикмахерскую, — я никому в жизни не сделал зла».

— Теперь рассказывай, — сказал он, — и побыстрее.

— Здесь был... — она с трудом сглотнула, потому что в горле у нее совершенно пересохло, — здесь был паук. Большой, толстый черный паук. Он... он вылез из стока, и я ... я думаю, сейчас он уполз обратно.

— О! — теперь он слегка улыбался ей, как бы удовлетворившись ее объяснением. — В самом деле? Черт побери! Если бы ты мне сразу сказала, Беверли, я бы никогда тебя не ударил. Все девчонки боятся пауков. Почему ты сразу не сказала?

Он склонился над водостоком, и Беверли пришлось закусить губу, чтобы удержаться и не предупредить отца... какой-то внутренний голос, ужасный чужой голос, твердил ей не делать этого; она не сомневалась, что это был голос самого дьявола: «Пусть оно возьмет его, если захочет. Пусть оно утащит его к себе вниз. Скатертью дорога, черт бы его побрал!»

В ужасе она попыталась избавиться от этого голоса. Еще минута, и подобные мысли приведут ее прямо в ад.

Он вглядывался в темный глаз водостока. Его руки упирались в окровавленный край раковины. Беверли с трудом преодолевала тошноту. Живот болел в том месте, куда ее ударил отец.

— Ничего не вижу, — сказал он. — Здесь все постройки старые, Бев. Водостоки в них, как автострады. Когда я работал сторожем в старой школе, мы однажды утопили крыс в унитазе. Девчонки чуть с ума не сошли от страха. — Он довольно рассмеялся при мысли о женских страхах. — Однако с тех пор, как сделали новую водопроводную систему, живности в трубах поубавилось.

Он крепко прижал ее к себе.

— Послушай. Иди спать и не думай больше об этом. Хорошо?

Она почувствовала, что любит его. *«Я никогда не ударю тебя, Беверли, если ты этого не заслужишь»*, сказал он однажды, когда она расплакалась из-за несправедливого, как ей тогда казалось, наказания. И, конечно, она на самом деле любила его, потому что было за что полюбить его. Иногда он проводил с ней целые дни, учил мастерить самые разнообразные вещи или просто рассказывал всякую чепуху, гуляя с ней по городу; он был таким добрым и хорошим, что ей казалось, ее сердце разорвется от счастья. Она любила его и пыталась понять, почему же он так часто наказывает ее. Он говорил, что так ему велит Господь Бог. *«Дочерей, — говорил Эл Марш, — следует наказывать чаще, чем сыновей»*. У него не было сына, и она как будто смутно чувствовала в этом свою вину.

— Хорошо, папочка, — сказала она. — Я больше не буду об этом думать.

Они вместе пошли в ее спальню. От удара правая рука теперь сильно болела. Она оглянулась через плечо и увидела окровавленную раковину, окровавленное зеркало, окровавленную стену, окровавленный пол и полотенце, которым ее отец вытер руки и небрежно бросил на вешалку. Она подумала: *«Смогу ли я после всего зайти сюда снова? Прошу тебя, Господи, дорогой Боженька, прости меня, что я плохо подумала о своем отце. Ты можешь наказать меня за это, если хочешь: я заслужила наказание. Ты можешь сделать мне больно, или пусть я заболею воспалением легких, как прошлой зимой, когда у меня был такой кашель, что меня однажды даже вырвало, но, пожалуйста, Господи, пусть утром исчезнет вся эта кровь, очень прошу Тебя, Господи, хорошо? Хорошо?»*

Отец, как обычно, укрыл ее одеялом и поцеловал в лоб. Он постоял немного, как только он стоял, по-особенному, как ей казалось: чуть подавшись вперед с глубоко, чуть не до локтей, засунутыми в карманы руками, блестящие печальные, как у бассет-хаунда, голубые глаза свысока смотрели на нее. В последние годы, через много лет после пережитого кошмара, она совсем перестала вспоминать Дерри; она будет представлять себе мужчин в автобусах, на улице, очертания их фигур, мужских фигур, в предзакатные часы, в ясный осенний вечер, на площади Уотертауэр...фигуры мужчин, как они ведут себя, какие у них желания; она будет представлять себе Тома, так похожего на ее отца, когда он, сняв рубашку, стоял, ссутулившись перед зеркалом в ванной комнате и брился. Мужские фигуры...

— Иногда я беспокоюсь за тебя, Бев, — сказал он, но сейчас в его голосе не чувствовалось раздражения. Он нежно дотронулся до ее волос, откинув их со лба.

«В ванной полно крови, папа! — чуть не закричала она. — Неужели ты не видишь? Она повсюду! Даже на лампочке над раковиной! Неужели ты не ВИДИШЬ?»

Но она промолчала, и он ушел, закрыв за собой дверь; комната погрузилась во мрак. Она еще не спала, лежала, уставившись в темноту, когда в половине двенадцатого вернулась мать и выключила телевизор. Она слышала, как родители ушли в спальню и заскрипела кровать, когда они занялись любовью. Беверли случайно услышала, как Грета Бови говорила Сэлли Мюллер, что секс — это страшная боль, как при ожоге, и хорошие девочки никогда не захотят им заняться («В конце полового акта мужчина мочится прямо на тебя», — сказала Грета, и Сэлли воскликнула: «Нет уж, к черту, я *никогда* не позволю ни одному мальчишке сделать со мной такое!»). Если секс, по словам Греты, это так больно, то мать Беверли очень стойко переносила боль; Бев слышала, как она несколько раз кричала низким голосом, но эти крики не были похожи на крики боли.

Медленный скрип пружин перешел в более быстрый, потом стал почти бешеным и прекратился вовсе. Некоторое время стояла полная тишина, затем послышался тихий разговор и шаги матери, направляющейся в ванную. Беверли затаила дыхание в ожидании, что мать закричит.

Но никто не кричал. Только звук льющейся воды в умывальнике и легкий плеск. Затем, как обычно, булькая, вода вылилась из умывальника. Теперь мать чистила зубы. Немного погодя в комнате родителей скрипнули пружины — мать легла спать.

Минут через пять раздался храп отца.

Черный страх прокрался в сердце и сдавил горло. Она обнаружила, что ей страшно повернуться на правый бок — ее любимая поза во сне, — потому что она боится увидеть в окне чьи-нибудь глаза. Так она лежала на спине, ни жива, ни мертва, и смотрела в потолок. Через некоторое время — минуты или часы, она не знала, — Беверли заснула беспокойным сном.

3

Беверли всегда просыпалась по звонку будильника в комнате родителей. Пока отец был в ванной, она быстро оделась и на мгновение замерла перед зеркалом (последнее время она проделывала это почти каждое утро), пытаясь определить, увеличилась ли за эту ночь ее грудь, которая начала развиваться еще в прошлом году. Поначалу она испытывала легкую боль, но теперь боль прошла.

Грудь были необычайно малы, не больше чем яблоки весной, но ведь они были, на самом деле *были*. Детство подошло к концу. Беверли превращалась в женщину.

Она улыбнулась своему отражению и, распушив волосы, выпятила грудь. Она хихикнула, как хихикают маленькие девочки... и внезапно вспомнив о залитой кровью ванной, резко прекратила смех.

Она посмотрела на правую руку и увидела синяк, образовавшийся за ночь, — отвратительное пятно между плечом и локтем.

Из туалета послышался стук и звук сливаемой воды.

Быстро, чтобы с утра не рассердить отца (лучше бы он вообще *не заметил ее* сегодня), Беверли натянула джинсы и форменный школьный джемпер. Тянуть время больше не имело смысла; она вышла из комнаты и направилась в ванную. Она встретила отца в гостиной, когда он возвращался в комнату переодеться. Голубая пижама свободно висела на нем. Он что-то проворчал, но Беверли не разобрала что.

— Хорошо, папочка, — на всякий случай ответила она.

Беверли постояла минуту перед закрытой дверью, пытаясь мысленно подготовить себя к тому, что может ждать ее внутри. «*Во всяком случае, сейчас день*», — подумала она, и от этой мысли ей стало спокойнее. Не намного, но спокойнее. Она положила руку на ручку двери, повернула ее и вошла.

4

В то утро у Беверли было много хлопот. Она приготовила отцу завтрак: апельсиновый сок, яичницу-болтунью и тост на вкус Эла Марша (хлеб должен быть горячим, но не пересушенным). Он сел за стол, отгородился газетой «Ньюз» и все съел.

— Где ветчина?

— Ветчины нет, папочка. Кончилась еще вчера.

— Приготовь мне гамбургер.

— Там остался небольшой кусочек, и...

Отец зашелестел газетой и опустил ее на стол. Пристальный взгляд его голубых глаз как бы давил на нее.

— Что ты сказала? — мягко спросил он.

— Я сказала, что сейчас сделаю, папочка.

Он задержал на ней взгляд и снова взялся за газету. Беверли поспешила к холодильнику за мясом.

Она приготовила гамбургер, размяла небольшой кусочек мяса, чтобы он казался больше. Пока он ел, просматривая спортивную

страницу, Беверли приготовила ему ленч: пару сэндвичей с арахисовым маслом и желе, большой кусок торта, который мать принесла накануне из ресторана «Грин Фарм» и залила в термос горячий сладкий кофе.

— Скажи своей матери, что я просил сегодня почистить это, — сказал он, протягивая мусорное ведро. — Оно уже похоже на старый вонючий свинарник. Я целый день возжусь с грязью в госпитале не для того, чтобы возвращаться в дом, похожий на хлев. Запомнила, Беверли? — Хорошо, папочка, я скажу.

Он поцеловал ее в щеку, грубо обнял и ушел. Как обычно, Беверли подошла к окну в комнате и проводила его взглядом. И как обычно испытала чувство облегчения, когда он завернул за угол... и ненавидела себя за это.

Она вымыла тарелки и взяла книгу. Ларс Терамениус. Его длинные белокурые волосики, казалось, излучали тихий внутренний свет. Он приковылял из соседнего дома, чтобы похвастаться Беверли своим богатством, которое кому-то могло показаться просто хламом с помойки, но малыш очень гордился им, а заодно показать свежие ссадины на коленках. Беверли выразила восхищение по поводу того и другого. Тут она услышала, как ее зовет мать.

Они перестелили обе постели, помыли полы и натерли линолеум на кухне. Мать помыла пол в ванной, и Беверли была ей за это чрезвычайно признательна. Эльфрида Марш была маленькой женщиной с серыми волосами и угрюмым взглядом. По ее лицу было видно, что она умела добиться своего и это давалось ей не просто.

— Ты вымоешь окна в гостиной, Беверли? — спросила она, возвращаясь в кухню. Она переоделась в свою рабочую одежду официантки. — Я должна навестить Черил Таррент в Бангоре. Вчера вечером она повредила ногу.

— Да, я вымою, — сказала Беверли. — Что случилось с миссис Таррент? Упала или случилось что-то другое? — Эльфрида работала с Черил Таррент в одном ресторане.

— Она со своим никчемным муженьком попала в автомобильную катастрофу, — хмуро ответила мать. — Он был пьян. Ты должна каждый вечер благодарить Господа, что твой отец не пьет, Беверли.

— Я благодарю, — сказала Беверли, и это было правдой.

— Она может потерять работу, а он один не в состоянии содержать семью, — в голосе Эльфриды появились гневные нотки. — Боюсь, им придется пойти по миру.

Самым ужасным для Эльфриды Марш была нищета. Потерять ребенка или узнать, что она смертельно больна раком, было ничто по сравнению с нищетой. Ты можешь быть бедным; ты можешь

«царапаться», как она говорила, всю жизнь. Но оказаться на самом дне, в канализации, *просить подаяние* или в поте лица батрачить на хозяина и принимать это как подарок... Такая судьба, по ее мнению, ожидала Черил Таррент.

— Когда вымоешь окна и вынесешь мусор, можешь немного погулять, если хочешь. Отец вечером собрался в кегельбан, и тебе не надо готовить ужин, но только возвращайся до темноты. Сама знаешь почему.

— Хорошо, мама.

— Боже мой, как ты быстро растешь! — сказала Эльфрида. Она задержала взгляд на бугорках под джемпером дочери. Взгляд был одновременно любящим и бесцеремонным. — Не знаю, что я буду здесь делать, если в один прекрасный день ты выйдешь замуж и уедешь отсюда.

— Я всегда буду жить здесь, — улыбаясь, сказала Беверли.

Мать притянула ее к себе и поцеловала в уголок рта сухими теплыми губами.

— Я лучше знаю, — сказала она. — Но я люблю тебя, Бевви.

— И я тоже люблю тебя, мамочка.

— Когда будешь уходить, проверь, чтобы на стеклах не осталось разводов, — сказала она, взяла сумку и направилась к двери. — Если отец увидит, он выпьет тебе по первое число.

— Я проверю.

Когда мать открыла входную дверь, Беверли, как ей казалось, безразличным голосом спросила:

— Ты ничего не заметила забавного в ванной, мама?

Эльфрида оглянулась, посмотрела на нее и нахмурилась.

— Забавного?

— Ну... Вчера вечером я видела паука. Он выполз из водостока. Разве папа не говорил тебе?

— Ты опять разозлила вчера отца, Бевви?

— Нет. Ха-ха! Я сказала ему, что из водосточной трубы вылез паук, и я испугалась, а он сказал, что они как-то утопили в туалете крыс в старой школе. Это все трубы. Разве он не говорил тебе, что я вчера видела паука?

— Нет.

— Ну ладно. Не важно. Я просто поинтересовалась, не видела ли ты его?

— Я не видела никаких пауков. Думаю, нам надо перестелить в ванной линолеум. — Она посмотрела на небо. Оно было голубым и безоблачным. — Говорят, убить паука — к дождю. Ты не убила его вчера?

— Нет, — сказала Беверли. — Я его не убила.

Мать обернулась и посмотрела на нее. Ее губы были так плотно сжаты, что, казалось, их совсем нет.

— Ты уверена, что папа не рассердился на тебя вчера вечером?

— Нет!

— Бевви, он когда-нибудь трогал тебя?

— Что? — Беверли посмотрела на мать, совершенно обескураженная. Господи, да он каждый день ее трогает. — Я не понимаю, что ты...

— Не обращай внимания, — коротко сказала Эльфрида. — Не забудь убрать мусор. И если на стеклах останутся разводы, отец с тебя шкуру спустит.

— Я

(когда-нибудь трогал тебя)

не забуду.

— И возвращайся до темноты.

— Вернусь.

(он)

(ужасно беспокоится)

Эльфрида ушла. Беверли снова вернулась в комнату и проводила мать до угла взглядом, пока та не скрылась из виду. Так же как и отца. Убедившись, что мать направилась к автобусной остановке, Беверли взяла половое ведро, средство для мытья стекол и несколько тряпок из-под раковины. Она вошла в гостиную и начала мыть окна. В квартире было тихо. Каждый раз, когда раздавался скрип пола или хлопала дверь у соседей, она вздрагивала. Когда в туалете у Болтонов спустили воду, она чуть не закричала.

И она не спускала глаз с ванной.

Наконец она подошла к ванной комнате, приоткрыла дверь и заглянула внутрь. Мать утром все вымыла, под раковиной и по краям умывальника крови стало гораздо меньше. Но в самой раковине остались темные разводы, на зеркале и обоях засохли кровавые пятна.

Беверли посмотрела на свое бледное отражение и вдруг с суеверным страхом подумала, что из-за крови на зеркале создается впечатление, что она истекает кровью. Она вновь задумалась: *что теперь делать? неужели я схожу с ума? неужели это все существует только в моем воображении?*

Неожиданно в трубе что-то забулькало.

Беверли закричала и вылетела за дверь. Еще пять минут спустя ее руки продолжали дрожать так сильно, что она чуть не разбила бутылку со средством для мытья окон, когда мыла стекла в гостиной.

Около трех часов дня, заперев квартиру и сунув ключ в плотный карман джинсов, Беверли Марш пошла по Ричард Эллей, узкой улочке, соединяющей Главную и Центральную улицы, и встретила Бена Хэнскома, Эдди Каспбрака и еще одного парня, которого звали Бредли Донован. Они играли в чеканку.

— Привет, Бев! — сказал Эдди. — Тебя наверняка мучили кошмары после вчерашних фильмов ужасов.

— Нет, — сказала Бев, присаживаясь на корточки, чтобы было удобнее наблюдать за игрой. — Кто тебе сказал?

— Соломенная Копна, — сказал Эдди, ткнув пальцем в Бена, который покраснел до корней волос без всякой причины.

— Фто за фильмы? — спросил Бредли, и Беверли сразу узнала его: неделю назад он приехал в Барренс вместе с Биллом Денбро. Они вместе учились в Бангоре в школе для детей с недостатками дикции. Беверли почти не обратила на него внимания. Если бы у нее спросили, она бы ответила, что Бен и Эдди гораздо интереснее его.

— Парочка фильмов ужасов, — сказала она и, подвинувшись ближе к играющим, оказалась между Беном и Эдди. — Играете?

— Да, — сказал Бен. Он мельком взглянул на нее и быстро отвел глаза.

— Кто выигрывает?

— Эдди, — ответил Бен. — Эдди просто ас.

Она посмотрела на Эдди, который с важным видом чистил ногти о рубашку, и хихикнула.

— Можно мне поиграть с вами?

— Хорошо, — сказал Эдди. — У тебя есть центовые монетки?

Она пошарила по карманам и достала три монеты.

— Черт побери, ты не боишься выходить из дома с такой кучей денег? — поинтересовался Эдди. — Я бы не рискнул.

Бен и Бредли Донован засмеялись.

— Не все девчонки трусики, — серьезно произнес Бен, и все снова засмеялись.

Бредли метал первым, затем бросал Бен и потом Беверли. Эдди как выигрывающий бросал в последнюю очередь. Некоторые монеты падали рядом со стеной, другие ударялись об стену и отскакивали назад. В конце каждого раунда игрок, чья монета оказывалась ближе к стене, забирал все четыре монеты. Через пять минут у Беверли было уже 24 цента. Она проиграла только один раунд.

— Девсенка мосенничает! — заявил Бредли и поднялся на ноги. Ему было больше не до смеха, и он со злостью смотрел на Беверли. — Девсенкам нельзя разресать...

Неожиданно Бен ударил его по ноге. Было очень странно видеть дерущегося Бена Хэнскома.

— Забери свои слова обратно!

Бредли посмотрел на Бена, открыв рот:

— Фто?

— Забери свои слова обратно! Она не мошенничает!

Бредли посмотрел на Бена, потом на Эдди и на Беверли, которая все еще сидела на корточках. Затем он опять посмотрел на Бена.

— Ты хочешь, чтобы я расквасил твои зырные губы, ублюдок?

— Конечно, — сказал Бен и усмехнулся.

Что-то в его усмешке заставило Бредли с удивлением отступить. После ссоры с Генри Бауэрсом, которого он, Бен Хэнсом, дважды побил, его, Бена, пытаются запугать какой-то тощий Бредли Донован, у которого все руки в бородавках и который шепелявит, как кипящий чайник? Вот что прочел Бредли в его усмешке.

— Так, теперь вы всей бандой навалитесь на меня одного, — сказал Бредли, отступая назад. Его голос дрожал, на глазах выступили слезы. — Все, кто выигрывает, все *мосенники*!

— Забери обратно то, что ты сказал про нее, — сказал Бен.

— Да ладно, Бен, не обращай внимания, — сказала Беверли. Она протянула Бредли пригоршню медных монет.

— На, возьми, они твои. Я играла на интерес.

От унижения Бредли заплакал. Он выбил деньги из руки Беверли и побежал в конец Центральной улицы по Ричард Эллей. Остальные стояли и смотрели ему вслед с раскрытыми ртами. Отбежав на безопасное расстояние, Бредли обернулся и прокричал:

— Ты просто маленькая суцка, вот так! Мосенница! Мосенница! А твоя мать — *слуха*!

У Беверли перехватило дыхание. Бен бросился вдогонку за Бредли, но бесполезно. Бредли убежал, но Бен поклялся, что поквитается с ним. Он повернулся к Беверли, чтобы убедиться, что с ней все в порядке. Слова Бредли потрясли его не меньше, чем ее.

Она посмотрела на его обеспокоенное лицо, открыла рот, чтобы сказать, что с ней все в порядке и не стоит волноваться, (боль от палок и камней злого прозвища больней...) и снова вспомнила страшный вопрос матери

(он когда-нибудь трогал тебя?)

Странный вопрос — прост до бессмысленности, полон какой-то угрожающей недоговоренности, темен, как старый кофе. Вместо того, чтобы сказать «злого прозвища больше», она разрыдалась.

Эдди было неловко смотреть на нее, он достал из кармана аспиратор и сделал несколько вдохов. Потом он наклонился и начал собирать рассыпавшиеся монеты. Его лицо было растерянным и озабоченным.

Бен поначалу инстинктивно шагнул к ней, собираясь обнять ее и утешить, но потом остановился. Она была слишком хорошенькой. Он чувствовал себя совершенно беспомощным.

— Не переживай, — сказал он, понимая, насколько по-идиотски звучат его слова, но не мог придумать ничего другого. Он слегка обнял ее за плечи (она закрыла лицо руками, чтобы он не видел ее мокрые от слез глаза и пятна на щеках), но потом убрала их, как будто их прикосновение обожгло ее. Бен так сильно покраснел от смущения, что казалось, его вот-вот хватит апоплексический удар. — Не переживай, Беверли.

Она опустила руки и в бешенстве завизжала резким пронзительным голосом: — Моя мать не шлюха! Она... она *официантка*!

Ее слова были встречены полным молчанием. Бен уставился на нее, открыв рот. Эдди поднял глаза от бульжной мостовой и застыл с полной пригоршней мелочи. Неожиданно все трое истерически захохотали.

— *Официантка!* — гоготал Эдди. Он имел очень слабое представление о том, кто такие шлюхи, но сравнение было слишком нелепым. — Она в самом деле *официантка*?

— Да! Да! Официантка! — задыхаясь от смеха, прокричала Беверли.

От смеха Бен с трудом держался на ногах. Он грузно опустился на мусорный бак. Под его тяжестью крышка бака провалилась, и он свалился на землю. Эдди показал на него пальцем и застонал от смеха. Беверли помогла ему подняться.

Над их головами распахнулось окно, и женский голос пронзительно закричал:

— Дети! Убирайтесь отсюда! Люди пришли с ночной смены и хотят отдохнуть! Исчезните!

Взявшись за руки, они побежали по Центральной улице, продолжая смеяться.

Они сложили деньги в общий котел, и у них оказалось сорок центов, как раз на два коктейля в аптекарском магазине. Так как

старый мистер Кин был брюзга и не разрешал детям моложе двенадцати лет есть продукты из автоматов (он уверял, что автоматы морально разлагают детишек), они купили коктейли в двух вощеных бумажных стаканчиках, пошли в Бассей-парк, уселись на траву и выпили их. У Бена был с собой кофе, а у Эдди — клубника. Беверли сидела между мальчиками, с соломинкой во рту и вертелась, как пчелка на цветке. К ней снова вернулось прекрасное настроение, впервые после вчерашнего вечера. Водосток, извергающий фонтаны крови, довел ее до душевного истощения, но теперь она пришла в себя. На это время, во всяком случае.

— Я так и не понял, какая муха укусила Бредли, — неловко сказал Эдди, как бы извиняясь за него перед Беверли. — Он никогда раньше не позволял себе ничего подобного.

— Ты защитил меня, — сказала Беверли и неожиданно поцеловала Бена в щеку. — Спасибо.

Бен снова вспыхнул.

— Ты же не мошенничала, — пробормотал он и залпом, тремя огромными глотками, выпил остатки кофе.

— Еще немного, старик? — спросил Эдди, и Беверли засмеялась, схватившись за живот.

— Хватит, — сквозь смех выдавила она. — У меня уже болит живот от смеха. Пожалуйста, не надо больше.

Бен улыбался. Вечером перед сном он снова и снова будет проигрывать мгновение, когда она поцеловала его.

— С тобой действительно все в порядке? — спросил он.

Она кивнула.

— Это были *не его* слова. Даже то, что он сказал о моей матери. Все дело в том, что случилось вчера вечером, — она заколебалась, посмотрела на Бена, потом на Эдди и снова на Бена. — Я... я должна кому-нибудь рассказать обо всем. Или показать. По-моему, я расплакалась из-за того, что испугалась, что схожу с ума.

— Кто тут сходит с ума? — раздался чей-то голос.

Это был Стэнли Урис. Он был маленьким, худеньким и сверхестественно опрятным, чересчур опрятным для одиннадцатилетнего мальчика. Он был одет в белоснежную рубашку, аккуратно заправленную в новенькие джинсы, волосы были причесаны, носки высоких кроссовок не по-спортивному чисты, он казался самым маленьким взрослым на свете. Но стоило ему улыбнуться, как это впечатление сразу же рассеивалось.

Теперь она не скажет, что собиралась сказать, подумал Эдди, потому что его не было с нами, когда Бредли обругал ее мать.

Но после минутного колебания Беверли заговорила. Стэнли был совсем не похож на Бредли. Он мог остановить это, а Бредли не мог.

Стэнли — один из нас, подумала Беверли и удивилась, что при воспоминании о вчерашнем вечере ее руки сжались в кулаки. *Вряд ли мой рассказ их обрадует*, подумала она. *Ни их, ни меня, ни кого-либо.*

Она приготовилась рассказывать. Стэн уселся рядом с ними, его лицо было спокойным и невозмутимым. Эдди предложил ему последнюю ягоду, но Стэн только покачал головой, не спуская глаз с Беверли. Никто из мальчиков не проронил ни слова.

Она рассказала им о голосах. О том, что она узнала голос Ронни Гроган. Она знала, что Ронни мертва, но все-таки это был ее голос. Она рассказала им про кровь в ванной, что ее отец не видел ее и не чувствовал, и ее мать тоже ничего не заметила сегодня утром.

Закончив рассказ, она взглянула на их лица, боясь увидеть на них насмешку или недоверие, но они выражали один лишь ужас.

Наконец Бен сказал:

— Пошли посмотрим.

7

Они вошли в дом через черный ход, потому что Беверли сказала, что отец убьет ее, если миссис Болтон увидит, как она направляется в дом с тремя мальчиками, в то время как родителей нет дома.

— Почему? — спросил Эдди.

— Тебе не понять, сосунок, — сказал Стэн. — Успокойся.

Эдди собрался ответить ему, но посмотрел на бледное напряженное лицо Стэна и решил промолчать.

Они вошли в кухню, наполненную лучами послеполуденного солнца и летней тишиной. В сушилке сверкали вымытые после завтрака тарелки. Четверо детей, сбившись в кучу, стояли у стола, и, когда наверху хлопнула дверь, они все вздрогнули и нервно засмеялись.

— Где оно? — спросил Бен. Он говорил шепотом.

В висках Беверли глухо пульсировала кровь. Она отвела мальчиков в небольшой холл, разделявший спальню родителей и ванную комнату. Она толкнула дверь в ванную, быстро вошла и вытащила затычку из раковины. Затем она отошла и встала между Беном и Эдди. Темно-красные пятна крови засохли на зеркале, обоях и раковине. Она смотрела на кровь, потому что ей отчего-то легче было смотреть на нее, чем на лица мальчиков.

Тихим голосом, в котором она едва узнала свой собственный голос, она спросила:

— Вы видите это? Вы что-нибудь видите? Оно там.

Бен сделал шаг вперед, и она опять поразилась, с какой легкостью двигается этот толстый мальчик. Он потрогал одно кровавое пятно, потом другое, затем дотронулся до длинной капли на зеркале. «Здесь. Здесь. Здесь.» Его голос был ровный и уверенный.

— Господи! Похоже, что здесь зарезали свинью, — сказал Стэн с суеверным страхом.

— И вся эта кровь из водостока? — спросил Эдди. При виде крови он почувствовал себя неважно. Его дыхание стало прерывистым. Он снова достал аспиратор.

Бeverли стоило немалых усилий, чтобы не расплакаться вновь. Она боялась, что если расплатется, то мальчики будут презирать ее, как и других девочек. Ей пришлось ухватиться за ручку двери, потому что она почувствовала глубокое облегчение, пришедшее на смену страху. До этого момента Беверли не просто подозревала, а была совершенно уверена: она сходит с ума, у нее галлюцинации.

— И твои отец и мать не видят этого? — удивился Бен. Он потрогал грязное кровавое пятно, засохшее на раковине, отдернул руку и вытер ее о край рубашки. — Бр-р-р...

— Не знаю, смогу ли я еще раз войти сюда, — сказала Беверли. — Ни умыться, ни почистить зубы... ничего.

— Ладно, почему бы нам все тут не вымыть? — неожиданно предложил Стэн.

Беверли посмотрела на него:

— Вымыть?

— Конечно. Может, нам не удастся убрать это с обоев, но мы вымоем остальное. У тебя найдутся тряпки?

— В кухне под раковиной, — сказала Беверли. — Но мама очень удивится, если они пропадут.

— У меня есть 50 центов, — спокойно сказал Стэнли. Он не отрывал глаз от крови, разбрызганной под умывальником. — Мы вымоем, как сможем, потом отнесем тряпки в прачечную-автомат, я видел ее по дороге сюда. Выстираем их, высушим и положим на место до прихода твоих стариков.

— Моя мама говорит, что кровь не отстирывается, — возразил Эдди. — Она говорит, что кровь въедается в ткань или что-то в этом роде.

Бен издал короткий истеричный смешок.

— Какая разница, смоется кровь или не смоется, — сказал он. — Они все равно ее не видят.

Никто не посмел переспросить его, кого он имел в виду.
— Ладно, — сказала Беверли. — Давайте попробуем.

8

Следующие полчаса четверо детей, как зловещие эльфы, мыли окровавленную ванную, и когда со стен, зеркала и умывальника исчезли пятна крови, Беверли почувствовала, что ей стало легче. Бен и Эдди мыли раковину и зеркало, а она скребла пол.

Стэн корпел над обоями, осторожно протирая их чуть влажной тряпкой. Вскоре они почти все отмыли. Бен вынул из кладовки коробку с лампочками и заменил висевшую над умывальником окровавленную лампочку на новую. Лампочек было много: Эльфрида Марш накупила их на два года вперед на ежегодной распродаже компании «Дерри Лайонс».

Они взяли половое ведро, средство для мытья полов «Эджекс» и налили горячей воды. Воду меняли часто, потому что никому из них не хотелось окунать руки в розовую от крови воду.

Наконец Стэнли отошел в сторону, осмотрел ванную критическим взглядом мальчика, для которого аккуратность и порядок — понятия врожденные, и сказал:

— Я думаю, лучше мы и сделать не могли.

На обоях слева от раковины, где бумага была такой тонкой и потертой, что Стэнли решился лишь слегка промокнуть ее, еще остались небольшие следы крови. Но даже здесь кровь потеряла свою зловещую густоту; пятна были ненамного темнее бессмысленного пастельного цвета.

— Спасибо вам, — поблагодарила всех Беверли. Она не помнила, что была кому-нибудь так благодарна, как сейчас. — Спасибо вам.

— Мне нравится, — пробурчал Бен и снова смутился.

— И мне тоже, — согласился Эдди.

— Давайте уберем эти тряпки, — сказал Стэнли. Его лицо было спокойным, почти суровым. Позднее Беверли поняла, что такое лицо бывало у Стэнли, когда они одерживали очередную маленькую победу в своей невероятной борьбе.

9

Они отмерили у миссис Марш чашку стирального порошка «Тайд» и высыпали его в пустую майонезную банку. Бев нашла бумажный пакет и положила в него окровавленные тряпки. Четверо

детей направились в прачечную на углу Главной и Меховой улиц. Через два квартала они дошли до Канала, мерцающего ярким голубым светом в лучах послеполуденного солнца.

В прачечной никого не было за исключением женщины в белом медицинском халате, которая ждала, когда остановится сушилка с ее бельем. Она подозрительно посмотрела на ребят и снова уткнулась в книгу в мягкой обложке.

— Нужна холодная вода, — тихо сказал Бен. — Моя мама говорит, что кровь нужно отстирывать в холодной воде.

Пока они закладывали тряпки в стиральную машину, Стэн разменял две четвертьдолларовые монеты на четыре десятицентовые и две пятицентовые. Он вернулся и стал наблюдать, как Беверли засыпает стиральный порошок и заворачивает крышку машины. Потом он опустил в отверстие две монеты по десять центов и нажал на кнопку включения.

Беверли потратила большую часть выигранных денег на коктейль, но в левом кармане джинсов уцелели четыре монеты. Она выудила их из кармана и предложила Стэнли, который посмотрел на нее со страдальческим выражением.

— Господи, — сказал он, — я привел девушку на свидание в прачечную, и теперь она желает поехать в свадебное путешествие.

Беверли рассмеялась:

— Ты уверен?

— Уверен, — как обычно сухо ответил Стэн. — Я имею в виду, что хоть я и оторвал от сердца эти четыре цента, но я уверен.

Ребята направились к пластмассовым стульям, стоящим в ряд у кирпичной стены прачечной, и молча уселись. Стиральная машина пыхтела, брызгаясь грязной водой. Мыльная пена белыми плевками налипала на толстом круглом стекле. Сначала пена была красноватого цвета. Глядя на нее, Беверли почувствовала легкое подташнивание, но вдруг обнаружила, что не может от нее отвести глаза. Кровавая пена ужасала своей привлекательностью. Женщина в медицинском халате все чаще и чаще поглядывала на них поверх книги. Видимо, сначала она приняла их за хулиганов; но они вели себя очень тихо и она нервничала из-за этого. Когда ее сушилка остановилась, она забрала белье, сложила его, положила в голубой фирменный пластиковый пакет прачечной и ушла, у дверей бросив на них последний озадаченный взгляд.

Как только она ушла, Бен сказал почти грубо:

— Ты не одна.

— Что? — переспросила Беверли.

— Ты не одна, — повторил он. — Понимаешь...

Он замолчал и посмотрел на Эдди, который кивнул головой. Потом он посмотрел на Стэна, сидящего с несчастным видом, который пожал плечами и тоже кивнул.

— О чем ты говоришь? — спросила Беверли. Сегодня она слишком устала от недоговоренностей. Она взяла Бена за руку чуть ниже локтя. — Если ты что-то об этом знаешь, скажи мне!

— Рассказать? — спросил Бен у Эдди.

Эдди тряхнул головой и, достав из кармана aspirатор, с ужасным шумом задышал.

Медленно подбирая слова, Бен рассказал Беверли, как он познакомился с Биллом Денбро и Эдди Каспбраком в Барренсе в последний школьный день — трудно поверить, что это было меньше недели назад. Он рассказал ей, как на следующий день они строили запруду в Барренсе. Он рассказал о происшествии с Биллом, как на школьной фотографии его покойный брат повернул голову и подмигнул Биллу. Он рассказал его собственную историю с мумией, разгуливавшей в разгар зимы по льду Канала с воздушными шариками. Беверли слушала, и ее охватывал ужас. Она чувствовала, как расширяются ее глаза и холодеют конечности.

Бен замолчал и посмотрел на Эдди. Эдди хрипло задышал в aspirатор и повторил историю с прокаженным. Он говорил быстро, слова наталкивались друг на друга, словно стараясь столкнуться и разбежаться навсегда. Он закончил говорить с легким всхлипом, но на этот раз не заплакал.

— А ты? — спросила она, глядя на Стэна Уриса.

— Я...

Внезапно наступила тишина.

— Стирка закончена, — сказал Стэн.

Он поднялся — маленький, бережливый, аккуратный — и открыл машину. Он достал слипшиеся в ком тряпки и осмотрел их.

— Остались небольшие пятнышки, — сказал он, — но в целом неплохо. Похоже на пятна от клюквенного сока.

Он показал им тряпки, и все мрачно кивнули, как будто проверяли важные документы. Беверли почувствовала облегчение, как в прошлый раз, когда они вымыли ванную. Ее уже не тошнило от блеклых пятен на обоях и тряпках. Они смогли хоть что-то сделать с этим, и это главное. Может быть, они не справились с этим до конца, но она поняла, что получила душевный покой, как будто бы у Беверли, дочери Эла Марша, появился брат.

Стэн бросил тряпки в одну из бочковидных сушилок и опустил две монеты по пять центов. Сушилка начала вращаться, Стэн вернулся и сел между Эдди и Беном.

Несколько минут дети сидели молча, наблюдая за ворочающимися в сушилке тряпками. Гудение горелки успокаивало, усыпляло. Мимо открытой двери прачечной прошла женщина, катя перед собой тележку с бакалеей. Она взглянула на них и прошла мимо.

— Я видел что-то реальное, — внезапно сказал Стэн. — Я не хотел говорить об этом, мне хотелось думать, что это сон или что-то в этом роде. Или припадок, как у того малыша Стейверов. Кто-нибудь из вас знает этого мальчика?

Бен и Бев помотали головой. Эдди сказал:

— Тот мальчик, у которого эпилепсия?

— Да, именно. Это было ужасно. Я подумал, что у меня то же самое, но увидел что-то... действительно реальное.

— Что это было? — спросила Бев.

Она не была уверена в том, что действительно хочет знать. Это не походило на рассказы о привидениях у костра, когда все едят копченые колбаски с поджаренными слобными булочками и греют над огнем стебли алтея, пока они не почернеют и не завянут. Они сидели в душевой прачечной, где под стиральными машинами ползали грязные котята, в горячих лучах солнечного света, падающего через грязное стекло, кружилась пыль, на маленьком столике валялись старые журналы с рванными обложками. Очень мило, естественно и скучно. Но она испугалась. Смертельно испугалась. Потому что чувствовала, что все эти истории не выдуманные и чудовища в них настоящие: мумия Бена, прокаженный Эдди... кто-нибудь из них, а может быть, и оба могут появиться сегодня вечером после захода солнца. Или однорукий жестокий брат Билла Денбро, плавающий во тьме канализационных труб с серебряными монетками вместо глаз.

И все-таки, когда Стэн не ответил ей сразу, она повторила:

— Что это было?

Осторожно подбирая слова, Стэн сказал:

— Я был в том небольшом парке, где находится водонапорная башня...

— О, Господи, терпеть не могу это место, — меланхолично произнес Эдди. — Если в Дерри существует гиблое место, то только там.

— *Что?* — резко сказал Стэн. — Что ты сказал?

— Разве ты не *знаешь* об этом местечке? — спросил Эдди. — Моя мать не разрешала мне близко подходить к башне еще до того, как стали погибать дети. Она... по настоящему заботится обо мне. — Он с трудом улыбнулся и плотнее сжал в руке aspirator.

— Понимаете, там утонуло несколько детей. Трое или четверо. Они... Стэн? Стэн, с тобой все в порядке?

Лицо Стэна Уриса было белым как полотно, губы беззвучно шевелились, глаза выкатились из орбит. Одной рукой он судорожно хватался за воздух.

Эдди сделал единственное, что пришло ему в голову в тот момент. Он наклонился, обнял обмякшие плечи Стэна тонкой рукой, прижал аспиратор ко рту Стэна и включил его на полную мощность.

Стэн закашлялся и задохнулся. Он выпрямился — глаза вернулись на свои места — и стал кашлять в кулак. Наконец, с трудом переводя дыхание, он уселся в кресле.

— Что это было? — произнес он наконец.

— Мой прибор от астмы, — извиняющимся голосом произнес Эдди

— Господи, а на вкус, как дерьмо дохлой собаки.

Все засмеялись, но смех был нервным. Все испугались за Стэна. Постепенно на его щеки вернулся прежний румянец.

— Да, довольно паршивая вещь, — с легкой гордостью сказал Эдди.

— Это кошерное? — сказал Стэн, и все они снова рассмеялись, хотя никто из них (включая Стэна) не знал, что означает «кошерное».

Стэнли первым перестал смеяться и пристально посмотрел на Эдди.

— Расскажи мне, что ты знаешь о башне, — сказал он.

Эдди принялся рассказывать, а Бен и Беверли его дополняли. Водонапорная башня была расположена на Канзас-стрит, примерно в полутора милях к западу от деловой части города рядом с южной границей Барренса. Одно время, примерно в конце прошлого столетия, она снабжала Дерри водой и имела вместимость 1 3/4 миллиона галлонов воды. Так как с круговой открытой галереи как раз под крышей башни открывался прекрасный вид на город и близлежащие окрестности, она была очень популярным местом для отдыха до 1930 года или около того. Люди семьями выезжали в крошечный Мемориальный парк в субботу или в воскресенье утром, пока стояла хорошая погода, карабкались наверх по 160 ступенькам, чтобы забраться на галерею и насладиться видом. Часто прямо на галерее устраивались небольшие пикники с закуской.

Винтовая лестница находилась между внешней частью башни, покрытой ослепительно белым гонтом, и внутренней муфтой в форме цилиндра из нержавеющей стали 106 футов высотой, и достигала самого верха.

Сразу под галереей находилась толстая деревянная дверь, которая вела во внутреннюю часть башни, к платформе над самой водой.

Темное озеро освещалось мягким светом магнєвых ламп, ввинчен-ных в жестяные отражатели. Глубина озера была ровно сто футов, вода подавалась гораздо выше.

— Откуда брали воду? — спросил Бен.

Бев, Эдди и Стэн переглянулись. Никто из них не знал.

— Ну, ладно, а что насчет детей, которые утонули?

О детях было известно чуть больше, чем о самой башне. Оказа-лось, что в те времена («старые добрые времена», как торжественно выразился Бен, начав свою часть рассказа) дверь на платформу никогда не запиралась. Однажды ночью двое детей... или один... а может, их было трое... обнаружили, что дверь внизу тоже не заперта, и решили туда подняться. По ошибке они попали на платформу, а не на галерею. В темноте они оступились и свалились вниз, так и не узнав, где находятся.

— Мне рассказал об этом один парень, Вик Крумли, а ему эту историю рассказал отец, — сказала Беверли, — может, так и было на самом деле. Отец Вика говорил, что если кто упадет в воду, то наверняка умрет, потому что не за что даже ухватиться. Платформа далеко. Он сказал, что они барахтались и звали на помощь всю ночь, но их никто не услышал, они слабели все больше и больше, пока...

Она замолчала, чувствуя, что ее охватывает ужас. Она представила себе мальчиков, барахтающихся в черной воде. Они то скры-вались под водой, то показывались на поверхности. Силы оставляли их, ими овладело отчаяние. Пропитавшиеся водой теннисные туфли тянули на дно. Пальцы царапались о гладкую стальную поверхность муфты, безуспешно стараясь ухватиться за нее. Беверли почувство-вала даже вкус воды во рту. Она слышала безжизненное эхо из слабеющих голосов. Как долго это продолжалось? Пятнадцать ми-нут? Полчаса? Сколько прошло времени до того, как умолкли крики и они поплыли лицом вниз, словно большие странные рыбы... Утром их обнаружил наблюдатель.

— Боже, — сухо сказал Стэн.

— Я знаю, что у одной женщины там тоже утонул ребенок, — неожиданно сказал Эдди. — Это случилось уже после того, как закрыли башню. Но я слышал, что туда все-таки пропускали людей. И однажды произошел этот случай с женщиной и ее ребенком. Не знаю, сколько лет было ребенку, но эта платформа находится прямо над водой. Женщина подошла к перилам; наверное, ребенок был у нее на руках, и она поскользнулась или просто перегнулась через перила. Я слышал, что какой-то парень пытался спасти ребенка. Героический поступок, на мой взгляд. Он прыгнул вниз, но ребенок

уже утонул. Может быть, у него был тяжелый свитер или еще что-то. Когда одежда намокает, она тянет на дно.

Эдди резко сунул руку в карман и вынул маленькую стеклянную бутылочку. Он открыл ее, достал две белые таблетки и проглотил их, не запивая.

— Что это? — спросила Беверли.

— Аспирин. У меня разболелась голова, — он почти с вызовом посмотрел на нее, но Беверли больше ничего не сказала.

Бен закончил рассказ. После случая с ребенком (по его словам, он сам слышал, что это действительно был маленький ребенок, девочка трех лет) городской Совет проголосовал закрыть водонапорную башню, не только верхнюю часть, но и нижнюю, и запретить экскурсии и пикники на галерее. С тех пор башня закрыта. Раньше приходил смотритель, время от времени заглядывали ремонтники, и почти каждый сезон приезжали туристы. Вслед за женщиной из исторического общества любопытные горожане поднимались на галерею по винтовой лестнице, восхищались видами и шелкали «кодаками», чтобы потом похвастаться перед друзьями. Но теперь дверь, ведущая к внутренней муфте, наглухо заперта.

— А вода по-прежнему осталась? — спросил Стэн.

— Думаю, что да, — сказал Бен. — Я видел, как там заправлялись пожарные машины во время пожаров, когда горела трава. Они вели шланг в нижнюю часть башни.

Стэнли снова смотрел на сушилку, в которой крутились тряпки. Ком развалился и некоторые тряпки парили в воздухе, как парашюты.

— Что ты там увидел? — осторожно спросила Бев.

На какой-то момент он вообще не ответил. Потом Стэн вздрогнул, глубоко вздохнул и сказал фразу, смысл которой, как им сперва показалось, был далек от сути разговора:

— Парк называли Мемориальным в честь 23-го полка штата Мэн, который принимал участие в Гражданской войне. *Их называли голубые солдаты* из Дерри. Когда-то здесь стояла статуя, но в сороковые годы ее снесло во время бури. На восстановление статуи не нашлось достаточно денег, и вместо нее установили купальню. Большую каменную купальню для птиц.

Все смотрели на него. Стэн шумно сглотнул.

— Я видел этих птиц, понимаете. У меня есть альбом, пара биноклей и все такое прочее, — он посмотрел на Эдди. — У тебя найдется еще аспирин?

Эдди протянул ему бутылочку с лекарством. Стэн взял две таблетки, замялся и взял еще одну. Он вернул бутылочку Эдди и,

поморщившись, проглотил таблетки одну за другой. Затем продолжил рассказ.

10

Стэн увидел это дождливым апрельским вечером два месяца назад. Он надел непромокаемый плащ, положил книгу о птицах и бинокль в водонепроницаемую сумку с завязками наверху и направился к Мемориальному парку. Они с отцом обычно ходили туда вместе, но отцу пришлось вечером выйти на работу сверхурочно, и он специально позвонил Стэнли, чтобы все ему объяснить.

Один из его заказчиков в агентстве, тоже наблюдатель за птицами, обнаружил, как ему показалось, самца кардинала — *Fringillidae Pichmondена*, — который пил воду из купальни в Мемориальном парке, сказал он Стэну. Они любят есть, пить и купаться как раз с наступлением сумерек. Увидеть кардинала так далеко к северу от Массачусетса — большая редкость. Не сможет ли Стэн пойти в парк и, может, ему удастся пополнить коллекцию? Погода, конечно, отвратительная, но...

Стэн согласился. Мать заставила его пообещать, что он наденет капюшон у плаща, но Стэнли кое-как натянул его. Он был привередливым мальчиком. Никакими силами его было не заставить надеть зимой калоши или валенки.

Полторы мили до парка он прошел пешком, несмотря на дождь, который больше походил на туман. Воздух был безмолвный и волнующий. Тающие сугробы под кустами и в пролесках напоминали Стэну кучу грязных наволочек. В воздухе стоял запах рождающейся природы. Ветки вязов, кленов и дубов на фоне свинцового неба казались Стэну сказочно причудливыми. Через одну-две недели на них начнут распускаться нежные, почти прозрачные листья.

Сегодня вечером в воздухе *пахнет зеленью*, подумал он и слегка улынулся.

Он шел быстро, потому что через час, а может и раньше, уйдет свет. В своих наблюдениях он был так же разборчив, как и в одежде: не будь он уверен, что света достаточно, он не позволит себе пополнить коллекцию фотографией этой птицы.

Он пересек Мемориальный парк по диагонали. Слева белела водонапорная башня. Стэн мельком взглянул на нее. Он не испытывал к ней ни малейшего интереса.

Мемориальный парк имел форму неправильного прямоугольника. Трава в парке (еще выцветшая и помертвевшая в эту пору) летом была аккуратно подстрижена, и вокруг все утопало в цветах. В парке

не было спортивных площадок, так как он считался парком для взрослых.

Парк был расположен на холме. В глубине парка угол наклона сглаживался, а затем резко увеличивался в районе Канзас-стрит и за границами Барренса. Купальня, о которой говорил отец, была расположена на ровной поверхности. Она имела форму каменного блюда, закрепленного на приземистом каменном пьедестале, который был слишком велик для своей скромной роли. Отец сказал Стэнли, что, когда еще были деньги, статую солдата собирались вернуть на прежнее место.

— Мне больше нравится птичья купальня, папа, — сказал Стэн.

Мистер Урис потрепал его по голове.

— Мне тоже, сынок, — сказал он. — Больше купален, меньше пуль — вот мой девиз.

В верхней части пьедестала в камне был высечен эпиграф. Стэнли никак не мог понять его смысл; единственные латинские слова, которые он понимал — классификация видов птиц в его книге.

Apparebat eidolon senex.

Pliny

гласила надпись.

Стэн сел на лавочку, достал из сумки альбом с птицами, открыл страницу, на которой изображен кардинал, и принялся внимательно его рассматривать, чтобы вникнуть во все тонкости.

Самца кардинала было бы сложно спутать с кем-то еще — он был красный, как пожарная машина, разве что не такой большой, — но Стэн был человек привычки и привержен обычаям, такого рода занятия придавали ему спокойствие и давали ощущение своего места в мире. Итак, уделив картинке добрые три минуты внимания, он закрыл альбом (сырой воздух загнул края страниц) и положил его обратно в сумку. Затем он достал бинокль и приставил его к глазам. Устанавливать фокус не было необходимости, потому что в последний раз он сидел на этой же скамейке и наблюдал то же самое птичье купание.

Привередливый мальчик, терпеливый мальчик. Он не суетился, не поднимался и не ходил вокруг, не поворачивал бинокль в разные стороны. Он сидел на одном месте, направив бинокль в сторону птичьего водоема, и туман оседал крупными каплями на его желтом макинтоше.

Ему не было скучно. Он смотрел вниз, на обычное место обитания птиц. Четыре коричневых воробья присели там ненадолго, и, оку-

нувшись в воду, обрызгивали себя. Затем прилетела голубая сойка, волоча за собой шумную толпу бездельников. Сойка казалась большущей через окуляры Стэна, и потому ее сварливый голос звучал нелепо тонко (если ты в течение долгого времени наблюдаешь птиц через бинокль, их размеры начинают казаться нормальными). Воробьи улетели. Сойка занялась делом, походила с важным видом, приняла ванну, потом вдруг поскуучнела и улетела. Воробьи вернулись, затем снова улетели; они словно бы совершали рейсы, чтобы искупаться и, возможно, обсудить некоторые важные для их компании дела. Отец Стэна смеялся над такого рода предположениями сына, да Стэн и сам был уверен в правоте отца: птицы не настолько сообразительны, чтобы говорить — их черепные коробки слишком малы; все это так, но, черт возьми, они действительно *выглядели* так, словно беседовали. Новая птица присоединилась к ним. Она была красной. Стэн поспешно отладил бинокль. Не она ли? Это был ярко-красный дубонос, хорошая птица, но не кардинал, которого он искал. Дубонос присоединился к дятлу, который был частым гостем на водоеме Мемориального парка. Стэн узнал его по растрепанному правому крылу и, как всегда, стал размышлять, что с ним могло случиться? Всего вероятнее — как он предполагал — то были кошачьи проделки. Прилетали и улетали другие птицы, Стэн видел грача, неуклюжего и уродливого, как летающий вагон, голубую птицу, другого дятла. Под конец он был вознагражден появлением новой птицы — но то опять был не кардинал, а коровячник, выглядевший через бинокль огромным и глупым. Стэн положил бинокль рядом со своей сумкой и вынул альбом, надеясь, что коровячник не улетит, пока он не зафиксирует свои наблюдения. По крайней мере, можно было бы хоть что-то принести домой отцу. И уже пора уходить. Быстро темнело. Стэн почувствовал холод и сырость. Он посмотрел в свой альбом, затем снова приложил к глазам бинокль. Коровячник был еще там, но не купался, а молча стоял на краю птичьего водоема. Без сомнения, птица была очень похожа на коровячника, по крайней мере, так казалось на расстоянии, хотя и в меркнувшем свете быть абсолютно уверенным было нельзя. А может быть, света достаточно, чтобы еще раз проверить? Стэн внимательно, в напряжении сдвинув брови, взгляделся в рисунок в альбоме, а затем снова стал смотреть в бинокль. Он только зафиксировал птицу на краю водоема, когда раздался оглушительный звук: «БУМ-М-М», заставивший коровячника — если это был он — тут же взлететь. Стэн попытался проследить за птицей в бинокль, понимая, сколь слаба надежда на это. Он потерял птицу и от раздражения издал свистящий звук сквозь зубы. Ладно, раз

прилетела, возможно, появится снова. А потом это всего лишь коровячник.

(вероятно, коровячник)

в конце концов, не золотой орел и не большая гагара.

Стэн вложил бинокль в футляр и положил назад птичий альбом. Затем встал и огляделся кругом, пытаясь понять, что могло произвести такой неожиданный и громкий шум. Он не был похож на пистолетный выстрел или взрыв автомобиля. Скорее на скрежет двери, открываемой приведением в замке или подземелье... словно бы эффект эха.

Ничего не было видно.

Стэн встал и направился вниз по склону в сторону Канзас-стрит. Напорная башня была сейчас справа от него, белый меловой цилиндр, словно фантом в тумане и надвигающейся темноте. Она казалась... поплавком.

Это была странная мысль. Он полагал, что она должна была родиться в его собственной голове — откуда же ей еще было взяться? — но почему-то казалось все же не его собственной мыслью.

Он пристально посмотрел на напорную башню и совершенно бессознательно изменил направление мыслей. Окна здания поднимались с интервалами по спирали, и это напомнило Стэну шест, по спирали окрашенный в белый и красный цвета, с вывеской парикмахерской перед лавкой мистера Орлетта, где они с отцом делали стрижку. Белые, как кость, навесы выпячивались над каждым из этих темных окон, словно брови над глазами.

Удивительно, как это сделано, — подумал Стэн, хотя и не с таким интересом, какой был бы у Бена Хэнскома, при виде темного контура подножия водонапорной башни — отчетливого продолговатого предмета на круглом основании.

Он остановился, сдвинув брови и подумав, какое, однако, странное место для окна: совершенно асимметрично с остальными. Но тут же понял, что это не окно, а дверь.

— *Шум, который я слышал,* — подумал он, — *Это шум этой двери, открытой дуновением.*

Он осмотрелся. Рано опустился мрак. Белое небо постепенно заволоклось мрачным пурпуром, туман все более сгущался, предвещая дождь этой ночью. Туман и мгла, и никакого ветра.

Ну а... если она открыта не дуновением, а кто-то толкнул ее? Зачем? Дверь выглядела ужасно тяжелой, открыть ее с таким шумом могло... очень крупное существо... может быть...

Стэн с любопытством осмотрел дверь.

Она была даже больше, чем он предполагал сначала — шесть футов в высоту и два фута в ширину, доски, из которых она была сделана, соединялись медными скобками. Стэн качнул прикрытую дверь, и она задвигалась плавно и легко на своих петлях, несмотря на размер. И двигалась бесшумно, без малейшего скрипа. Он еще немного приоткрыл ее, чтобы посмотреть, нет ли на ней каких-либо повреждений после столь сильного хлопанья. Никаких повреждений, даже просто отметины не было. «Загадочное место», — как сказал бы Ричи.

— Да, ладно, ты слышал вовсе не эту дверь, только и всего, — подумал он, — *Может быть, это самолет из Лоринга грохотнул над Дерри или еще что-нибудь. Дверь, возможно, была открыта все...*

Его нога наткнулась на что-то. Стэн посмотрел вниз и увидел, что это развороченный висячий замок. Он был оторван, когда дверь запахнулась. Это выглядело фактически так, как если бы кто-то набил замочную скважину черным порохом и поднес к ней спичку. Искривленные отрывки металла торчали из дырки в замке. Толстый запор висел криво на одном болте, который был на три четверти выдернут из дерева. Остальные три изогнутых болта от запора валялись на влажной траве.

Сдвинув брови, Стэн качнул дверь, открыл ее и вгляделся внутрь.

Узкая винтовая лестница вела наверх и там пропадала из виду. Наружная стенка лестницы из неокрашенного дерева подпиралась гигантскими балками, которые скреплялись не гвоздями, а деревянными штифтами; некоторые из них показались Стэну толще его собственной руки. Внутренняя стена была стальной, на ней, как нарывы, вздымались гигантские заклепки.

— Есть тут кто-нибудь? — спросил Стэн.

Ответа не последовало.

Он заколебался, а затем ступил внутрь — теперь он мог лучше разглядеть узкую лестницу, ведущую наверх. Никого. Он повернул было назад и тут... услышал музыку.

Она была неотчетливой, но все более узнаваемой.

Музыка Каллиопы.

Он поднял голову, прислушиваясь, напряжение на его лице стало постепенно исчезать. Музыка Каллиопы, так и есть, музыка карнавалов и деревенских ярмарок. Она всколыхнула в памяти воспоминания столь же приятные, сколь и эфемерные: воздушная кукуруза, карамельки, жаренные в топленом жире человечки из теста, звенящие цепями карусели: Дикий Маус, Кучер, Кастер-Капс.

Брови его перестали хмуриться, на лице появилась улыбка, Стэн поднялся на одну ступеньку, затем еще на одну — задрал кверху

голову. Подождал. При мысли о карнавале он действительно почувствовал запах жареной кукурузы, карамели и человечков из теста... и более того! Запах перца, сосисок с острым соусом, сигаретного дыма и опилок. Еще был острый запах белого уксуса, которым можно полить французское жаркое. Он мог почувствовать и запах горчицы, ярко-желтой, обжигающей, ее намазываешь на горячую сосиску деревянной палочкой.

Это было изумительно... невероятно... потрясающе.

Он сделал еще шаг наверх и тут услышал шорох, энергичные шаги над собой, кто-то спускался по лестнице. Он снова поднял голову. Музыка Каллиопы неожиданно зазвучала громче, словно для того, чтобы заглушить звук шагов. Сейчас он вполне мог узнать мелодию, это были «Кэмптонские скачки».

Шаги, нет, шаги, пожалуй, не шуршали, не так ли? Они скорее... хлюпали, верно ведь? Словно кто-то сходил сверху в резиновых башмаках, полных воды.

Кэмптонские леди поют эту песню, дуда-дуда

(хлюп-хлюп)

Кэмптонский гоночный трек длиною девять миль, дуда-дуда

(хлюп-хлюп — теперь ближе)

Скакать кругом всю ночь

Скакать кругом весь день...

Тени закачались на стене над ним. В тот же момент ужас сдавил горло Стэна, он словно глотнул что-то горячее и противное — гнусное, резко возбуждающее, как разряд тока, лекарство. То была тень того, кто сделал это.

Он увидел их через мгновение. И успел заметить только, что их было двое, что они сутулились, причем как-то неестественно. У него было только мгновение, потому что свет здесь мерк, мерк слишком быстро, он повернул назад, массивная дверь водонапорной башни тяжело колыхнулась и захлопнулась.

Стэнли, очень испуганный, бежал обратно вниз по лестнице (почему-то оказалось, что он поднялся гораздо выше, чем предполагал).

Было слишком темно, чтобы разглядеть что-либо. Он слышал собственное дыхание и веселье Каллиопы где-то наверху.

(Что Каллиопа делает там наверху в темноте? Кто играет эту мелодию?)

И еще он слышал мокрые шаги. Они становились все ближе, ближе.

Он ударил руками в возникшую пред ним дверь, ударил так сильно, что жгучая боль охватила руки до самых локтей. Дверь так легко поддавалась раньше... а сейчас она не двигалась совсем.

Нет... все же не совсем так. Сначала она поддалась самую малость, как раз достаточно для того, чтобы он мог видеть дразнящую полоску серого света, бегущего вертикально вниз с левого края двери. Затем она снова уперлась. Как будто кто-то стоял по ту ее сторону и не давал открыть.

Тяжело дыша, в полном ужасе, Стэн толкал дверь изо всех своих сил. Он чувствовал, как медные скобы вонзаются в его руки. Тщетно.

Он повернулся кругом, спиной к двери и, вывернув руки назад, уперся в нее. Со лба его стекал пот, горячий и липкий. Музыка Каллиопы стала еще громче. Она медленно лилась вниз и отдавалась эхом на винтовой лестнице. Но в ней теперь не было ничего веселого. Она изменилась. Она стала звучать, как панихида. Она завывала, как ветер, как вода, и внутренним взором Стэн видел деревенскую ярмарку поздней осенью, ветер с дождем обдувает пустынную дорогу, трепещут флажки, вздуваются, переворачиваясь, палатки и разлетаются, словно брезентовые летучие мыши. Он видел пустые карусели, стоящие под небесами, как виселицы; ветер гроыхает и свистит в темных уголках их подпорок. Он вдруг понял, что его ждет гибель, что смерть пришла за ним из темноты, он не сможет убежать.

Внезапный поток воды пролился вниз по лестнице. Теперь он ощущал не запах воздушной кукурузы, жареных человечков из теста, хлопковых конфет, а влажное зловоние разлагающейся мертвой свинины, съедаемой червями в удаленном от солнца углу.

— *Кто здесь?* — крикнул он вверх дрожащим голосом.

Ему ответили низким, журчащим голосом, казалось, он полнитися грязью и застоялой водой.

— Некто мертвый, Стэнли. Мы мертвые. Мы утонули, но сейчас мы всплываем... и ты всплывешь тоже.

Он чувствовал воду, плескавшуюся у его ног. Он съежился от страха перед дверью. Они были совсем близко. Он чувствовал их близость. Он чувствовал их *запах*. Что-то кололо у него в боку, и он в беспамятстве снова и снова толкал дверь в бесполезной попытке убежать.

— Мы мертвецы, но иногда мы ходим вокруг и немного дурачимся, Стэнли. Иногда мы...

Птичий альбом. Стэн без раздумий схватился за него. Альбом был втиснут в карман его макинтоша и никак не вытаскивался оттуда. Один из них был уже внизу, Стэн слышал шуршание, забившись в маленький каменный закуток, «тот» мог дотянуться до него через мгновение, Стэн уже ощущал его холодное тело.

Он сделал еще один бешеный рывок, — птичий альбом оказался у него в руках. Он держал его перед собой как слабую защиту, не думая, что будет делать, но вдруг уверившись в том, что все он делает *правильно*.

— Малиновки! — крикнул он сквозь темноту, и в тот же миг существо, которое было в каких-нибудь пяти шагах от него, заколебалось — он был почти уверен в этом. И еще он почувствовал, что кто-то отступил от двери, у которой он стоял съезжившись.

Стэн больше *не боялся*. Он выпрямился в темноте. Когда это произошло? Удивляться не было времени. Стэн облизал сухие губы и начал говорить нараспев:

— Малиновки! Серые цапли! Полярные гагары! Грачи! Молотоголовые дятлы! Красноголовые дятлы! Синицы! Крапивники! Пели...

Дверь открылась с протестующим визгом, и Стэн сделал огромный шаг наружу в разреженный туманный воздух. Он растянулся на мертвой траве. Он держал птичий альбом прямо перед собой, а позже, тем же вечером, разглядел глубокие отпечатки своих пальцев на обложке — словно следы тяжелого пресса.

Он не пытался подняться, но начал отталкиваться коленями, оставляя борозды на гладкой траве. Его губы были туго натянуты. Он увидел две ноги ниже диагональной тени, отбрасываемой дверью, которая сейчас оставалась полуоткрытой. Он увидел джинсы, выпачканные чем-то пурпурно-черным. Нити оранжевой отстрочки свободно болтались вдоль швов, вода стекала с манжет и капала вокруг его ботинок, которые уже почти сгнили, обнажая припухшие красные пальцы.

Руки его безвольно свисали, слишком длинные, белые как воск. Подушечки пальцев были оранжевыми.

Держа свой птичий альбом перед собой, с лицом, мокрым от мелкого дождя и пота, весь в слезах, Стэн шептал сухим монотонным голосом: «Перепелятники... дубоносы... колибри... альбатросы... киви».

Одна рука существа повернулась, показалась ладонь, на которой вода сгладила почти все линии — рука идиота, рука манекена в универсальном магазине.

Вот один палец согнулся. Подушечки подрагивали и дергались... дергались и подрагивали.

Это существо приветствовало его.

Стэн Урис, который умер в ванне, перерезав себе руки двадцатью семью годами позже, поднялся на колени, встал на ноги и побежал. Он бежал через Канзас-стрит, не замечая, есть ли движение на дороге, тяжело и часто дыша, и остановился, чтобы посмотреть назад, только пробежав немалый отрезок.

С этого места он не мог уже разглядеть дверь у основания водонапорной башни, в темноте виднелась только сама водонапорная башня, толстая и при этом даже грациозная.

— Они были мертвыми, — прошептал Стэн про себя в шоке. Он резко повернулся и побежал домой.

11

Сушилка остановилась. И Стэн тоже.

Трое остальных долгую минуту смотрели на него. Его кожа была серой, словно апрельский вечер, о котором он только что рассказывал им.

— Поразительно, — сказал Бен наконец. Он выдохнул с неровным, свистящим звуком.

— Это правда, — сказал Стэн низким голосом, — клянусь Богом.

— Я верю тебе, — отозвалась Беверли, — после того, что случилось в моем доме, я поверю во что угодно.

Она неожиданно встала, чуть не перевернув свой стул, и подошла к сушилке. Она начала вынимать оттуда тряпки одну за другой и складывать их. Бев стояла, повернувшись к ним спиной, но Бен подозревал, что она плачет. Он хотел подойти к ней, но ему не хватало храбрости.

— Мы должны сказать об этом Биллу, — заявил Эдди, — Билли должен знать, что надо делать.

— Делать? — переспросил Стэн, повернувшись и взглянув на него. — Что ты имеешь в виду под словом «ДЕЛАТЬ»?

Эдди смущенно посмотрел на него:

— Ну...

— Я не хочу ничего делать, — ответил Стэн. Взгляд у него был такой тяжелый и пристальный, что Эдди скорчился на своем стуле. — Я хочу *забыть* об этом. Вот и все, что я бы хотел сделать.

— Это не легко, — тихо сказала Беверли, обернувшись к нему. Бен был прав: яркое солнце, просвечивавшее сквозь грязные окна прачечной, высветило блестящие полосы слез на ее щеках. — Это касается не только нас. Я слышала Ронни Гроган. И еще... маленький мальчик... я думаю, это был малыш Клементс, который исчез на своем трехколесном велосипеде...

— *И что?* — спросил Стэн вызывающе.

— А если они заберут кого-нибудь еще? — спросила она. — Что если они возьмут еще кого-нибудь из детей?

Его глаза, темно-карие, встретились с ее голубыми, беззвучно вопрошающими: «Что если это произойдет?»

Но Беверли не опустила и не отвела глаз в сторону, и Стэн не выдержал — уронил взгляд вниз... Вот, наверно, почему она плачет, но может быть, забота о других делает ее сильнее?

— Эдди прав, — сказала она, — мы должны рассказать Биллу. А потом, может быть, начальнику полиции.

— Хорошо, — ответил Стэн. Он старался говорить пренебрежительным тоном, но у него не получалось. Голос его звучал устало. — Мертвые дети в водонапорной башне. Кровь, которую могут видеть только дети — не взрослые. Шутники, которые бродят на канале. Воздушные шары, летящие против ветра. Мумии. Прокаженные. У начальника полиции даже задница рассмеется... и засунет он нас после этого в сумасшедший дом.

— Если мы все пойдем к нему, — заговорил, волнуясь, Бен, — если мы все вместе пойдем...

— Точно, — сказал Стэн, — очень хорошо. Давай, Хейстак, напиши об этом книгу. — Он встал и подошел к окну, руки в карманах, взгляд злой, пристальный и сокрушен. Через минуту он перестал пялиться в окно, сжал плечи, поправил свою чистую рубашку и, повернувшись к ним, повторил. — Напиши эту чертову книгу!

— Нет, не я, — сказал Бен спокойно, — Билл собирается писать такие книги.

Стэн посмотрел на него удивленный, и остальные тоже посмотрели на него. На лице Бена было такое выражение, словно он неожиданно и сильно шлепнулся.

Бев сложила последнюю тряпицу.

— Птицы, — сказал Эдди.

— Что? — спросили в один голос Бев и Бен.

Эдди смотрел на Стэна.

— Ты выбрался оттуда благодаря тому, что произносил вслух названия птиц.

— Может быть, — с неохотой сказал Стэн, — А может быть, дверь присосало, а потом она освободилась.

— Без твоей помощи? — спросил Бен.

Стэн пожал плечами. Это не был жест раздражения, просто он действительно не знал.

— Я думаю, причина в том, что ты произносил названия птиц, — сказал Эдди, — но почему? В кинофильмах держатся за крест...

— Или читают Лорда Плейера... — добавил Бен.

— Или двадцать третий Псалом, — проронила Беверли.

— Я знаю двадцать третий Псалом, — зло сказал Стэн, — но я не думаю, что это годится для мертвецов. Я еврей, вы забыли?

Они отвели глаза, смутившись то ли от того, что он уродился евреем, то ли от того, что они позабыли об этом.

— Птицы, — снова сказал Эдди. — Господи!

Он снова виновато посмотрел на Стэна, но Стэн глядел уныло через улицу на Гидро Бангор-офис.

— Билл должен знать, что нужно делать, — неожиданно заявил Бен, словно соглашаясь с Бев и Эдди. — Спорю на что угодно. Спорю на любую сумму денег.

— О'кей. Мы можем рассказать Биллу об этом, если вы хотите, — сказал Стэн серьезно, глядя на всех. — Но есть одна вещь, которая меня останавливает. Вы можете называть меня желторотым птенцом. Меня это не волнует. Я не птенец. Но некоторые вещи в водонапорной башне...

— Только сумасшедшие не боятся подобных вещей, Стэн, — мягко сказала Беверли.

— Да, я был напуган, но дело не в этом, — горячо ответил Стэн, — и вовсе не по этой причине я рассказал вам обо всем. Разве вы не понимаете...

Они выжидательно смотрели на него, в их глазах были волнение и надежда. Но Стэн обнаружил, что не может объяснить, что он чувствует. Не может подобрать слова. Его ощущения словно были замурованы внутри него, почти душили его, но он не мог выразить их словами. Каким бы он ни был уверенным, он оставался всего лишь одиннадцатилетним мальчиком, который заканчивает четвертый класс.

Он хотел сказать им: то, что он чувствует — похуже страха. Можно испугаться, например, что машина собьет тебя, когда ты едешь на велосипеде, можно испугаться вакцины Солка, если заболеешь полиомиелитом. Можно испугаться этого сумасшедшего Хрущева, или того, что тонешь, кувыркнувшись в воде через голову. Можно испугаться всего этого и продолжать функционировать.

Но то, что происходит в водонапорной башне...

Он хотел сказать им, что эти мертвые ребята, которые шли, шатаясь и волоча ноги, вниз по спиральной лестнице, — это было нечто гораздо худшее; они не просто напугали его, они все в нем *нарушили*.

Нарушили, да, это было именно то слово, но если бы он произнес его вслух, они бы рассмеялись; они любили его, они приняли его как своего. И все же они могли бы рассмеяться. И все равно, произошло что-то, что быть не могло. Они *нарушили* здоровое ощущение спокойствия, они *нарушили* основную идею, состоящую в том, что Бог окончательно придал земле наклонное положение

относительно ее оси, так что сумерки на экваторе могут продолжаться всего двенадцать минут и затягиваются на час или больше для эскимоса, строящего свой ледяной дом. Сделав это, он сказал:

— О'кей, если вы сможете рассчитать наклон оси, вы сможете вычислить любые несусветные вещи. Потому что даже свет имеет вес и внезапное понижение тона железнодорожного свистка — это эффект Доплера, и когда аэроплан ломает звуковой барьер, то звук этот не есть одобрение ангелов или метеоризм демона, а просто обратное сжатие воздуха. Я дал вам такой наклон, и теперь я бездельничаю и наблюдаю ваше шоу. Мне нечего больше сказать, кроме того, что два плюс два — четыре, огни в небе — это звезды, кровь взрослого можно увидеть, так же как кровь ребенка, и что мертвые мальчики остаются мертвыми.

— Со страхом можно жить, — сказал бы им Стэн, если бы мог: — Пусть не всегда, но в течение долгого, долгого времени. Но с этим *нарушением* жить нельзя, потому что оно сделало расщелину в мыслях, и если заглянуть через нее вниз, то увидишь, что там живут существа, у которых маленькие желтые немигающие глаза; там, внизу, в темноте, — зловоние, и через некоторое время ты начинаешь думать, что там внизу — вся вселенная, и круглая луна поднимается там в небесах, и звезды хохочут ледяными голосами, и у некоторых треугольников — четыре стороны, а то и пять, или пять в пятой степени. В этой вселенной могут расти поющие розы. Все ведет ко всему. Так сказал бы он им, если бы мог. Я посещаю свою церковь и слушаю рассказы о Христе, который ходил по воде, но если я видел, что то же самое делает пугало, я буду вопить, вопить и вопить. Потому что это не выглядит для меня чудом. Это выглядит *нарушением*.

Ничего этого он не смог им сказать. И только повторил:

— Дело не в испуге. Но я не хочу быть вовлеченным во что-либо, что загонит меня в сумасшедший дом.

— По крайней мере, ты пойдешь с нами, чтобы рассказать ему? — спросил Бен. — Услышать, что он скажет?

— Конечно, — ответил Стэн и засмеялся, — может, мне захватить мой птичий альбом?

Тут засмеялись все, и стало немного легче.

12

Бeverли покинула их на Клин-Клоуз и понесла тряпки домой. Квартира все еще пустовала. Она положила тряпки в кухонный шкаф и закрыла его. Выпрямилась и посмотрела вниз, в направлении ванной комнаты.

«Я не собираюсь спускаться туда, — думала она, — я собираюсь посмотреть эстрадный концерт по телевизору».

Итак, она вошла в гостиную и включила телевизор, а через пять минут выключила его, в тот момент, когда Дик Кларк показывал, сколько жира *только один* тампон, пропитанный лекарством «Стри-Декс», снимает с лица среднего подростка («Если вы надеетесь добиться чистоты только при помощи мыла и воды, — говорил Дик, держа грязный тампон перед стеклянным глазом камеры, чтобы каждый подросток в Америке мог хорошо разглядеть его, — посмотрите на это внимательно»).

Она вернулась в кухню к шкафу над раковиной, где ее отец хранил свои инструменты. Среди них лежала карманная мерная рулетка, которая выпускает наружу свой желтый язычок. Она взяла ее своей холодной рукой и спустилась в ванную комнату.

Там было ослепительно чисто и тихо. Но ей тем не менее казалось, что она отовсюду слышит громкий голос миссис Дойон, которая велит своему мальчику Джиму СЕЙЧАС ЖЕ уйти с дороги.

Она вошла в ванную и посмотрела в темный глаз стока.

Она стояла там некоторое время.

Ее ноги под джинсами были, словно мрамор, соски сделались такими твердыми и острыми, что ими можно было резать бумагу, ее губы пересохли. Она ждала голосов.

Голосов не было.

Она коротко, прерывисто вздохнула, а затем начала разматывать стальную ленту, опуская ее в отверстие. Лента продвигалась легко, словно шпага в глотку циркача на ярмарочном представлении. Шесть дюймов, восемь дюймов, десять. Лента остановилась, упершись в колено стока, как полагала Беверли. Она подвигала ее, осторожно пытаясь протолкнуть дальше, и лента пошла вниз. Шестнадцать дюймов, затем два фута, три.

Она следила, как желтая лента скользит из желтого металлического чехла, одна сторона которого стерлась до черного в большой руке ее отца. Внутренним взором она видела, как лента скользит по черному проему трубы, счищая грязь, сдирая чешуйки ржавчины. Вниз, туда, где никогда не бывает солнца, туда, где никогда не прекращается ночь, думала она.

Она представляла головку ленты, с ее маленьким стальным наконечником, не больше ногтя, скользящим все дальше и дальше в темноту, и что-то кричало в отдаленном уголке ее сознания: *«Что же я делаю?»* Она не игнорировала этот крик, но была беспомощна внимать ему. Она видела конец ленты, стремящийся вниз, через

подвал. Она видела его проникающим в сточную трубу... но вот лента снова уперлась.

Она опять подвигала ее. И лента, достаточно податливая, издала страшный и противный звук, напомнивший Беверли свист пилы, когда двигаешь ее взад и вперед.

Она видела конец ленты, покачивающийся напротив рожка этой широченной трубы, которая имела твердое керамическое покрытие. Она видела его направленным... и затем снова стала проталкивать ленту дальше.

Она прогнала ее на шесть футов. Девять...

И вдруг лента побежала из ее рук сама, словно что-то снизу тянуло ее за конец. Не только тянуло ее, — *бежало* вместе с ней. Беверли уставилась на скользящую ленту, ее глаза расширились, губы округлились буквой «О» от страха — страха, да, но не удивления. *Знала ли она? Знала ли она о чем-либо, что могло произойти?*

Лента добежала до конца и остановилась. Восемнадцать футов, почти шесть ярдов.

Мягкий смехок донесся из отверстия, за ним последовал низкий шепот, он был почти укоризненным: *«Беверли, Беверли, Беверли... Ты не можешь тягаться с нами... Ты умрешь, если будешь пытаться... Ты умрешь, если будешь пытаться... Ты умрешь, если будешь пытаться... Беверли... Беверли... Беверли... ли-ли-ли...»*

Что-то щелкнуло внутри этого трубоизмерительного сооружения, и лента с выпачканными цифрами и метками неожиданно побежала назад в свой чехол. Ближе к концу — последние пять или шесть футов — желтая поверхность была темной и закапана красным, Беверли закричала и бросила ее на пол, словно лента неожиданно изогнулась в живую змею.

Свежая кровь текла тонкой струйкой по чистому, белому фарфору ванны и стекала назад в широкий глаз стока. Она наклонилась, всхлипывая — ее страх тяжестью застыл в желудке, — и подняла ленту. Она зажала ее между большим и указательным пальцами правой руки, и, держа перед собой, понесла на кухню. Пока она шла, кровь капала с ленты на бледный линолеум в холле и на кухне.

Она успокаивала себя, стараясь думать о том, что сказал бы отец — что бы он *сделал* ей, — если бы нашел свою измерительную ленту, всю перепачканную кровью. Конечно, он не сможет увидеть кровь, но такое отвлечение помогало ей собраться с мыслями.

Она взяла одну из чистых тряпок, свежую и еще теплую после чистки, и вернулась в ванную комнату. Перед тем, как начать мыть, она заткнула тяжелой резиновой затычкой отверстие стока, закрыв

этот глаз. Кровь была свежая и легко смывалась. Она вернулась по своим собственным делам, стирая с линолеума капли размером с десятицентовую монету, затем прополоскала тряпку, выжала ее, и отложила в сторону.

Затем она взяла вторую тряпку, чтобы вытереть отцовскую измерительную ленту. Кровь была жирная и липкая. В двух местах она свернулась в сгустки, черные и вязкие.

Хотя кровь перепачкала только последние пять или шесть футов, Беверли вытерла ленту полностью, по всей длине, стирая на ней все следы сточной грязи. Пролодав это, она положила рулетку назад в шкаф над раковиной и вынесла перепачканные тряпки из дома. Миссис Дойон снова кричала на Джима. Ее голос был чист, словно звонок в этот еще теплый поздний полдень.

На заднем дворе, который был обыкновенно пустынный и грязный, заросший сорной травой, с веревками для белья, находилась ржавая печь для сжигания мусора. Беверли швырнула тряпки в нее, затем села на задние ступени. Слезы пришли неожиданно, с удивительной силой, и сейчас она не делала даже попытки остановить их.

Она положила руки на колени, голову — на руки, и плакала, пока миссис Дойон звала Джима, чтобы он ушел с дороги, если не хочет, чтобы его сбила машина.

ДЕРРИ: ВТОРАЯ ИНТЕРЛЮДИЯ

*Кто сам видел бедствия,
тот сам много страдал.*

Виргилий.

*Не рыскай, как дурак,
за бесконечностью.*

Мин Стрит.

*14 февраля 1985 г.
День Св. Валентина.*

Еще два исчезновения за последние недели — и оба дети. А я только-только начал расслабляться. Один — шестнадцатилетний мальчишка по имени Дэннис Торрио, другая — девочка, ей только что исполнилось пять лет, она каталась на санках позади дома на Западном Бродвее. Обезумевшая от горя мать нашла ее санки и «летающую тарелку» и все. Накануне, ночью выпал свежий снег — около четырех дюймов. Кроме следов девочки, нет больше никаких других следов, сказал мне шеф Рэдмахер, когда я позвонил ему. Я думаю, я страшно надоел ему своими вопросами. Подумаешь, ничего такого из-за чего стоило бы не спать по ночам, случаются вещи гораздо более неприятные, не правда ли?

Я спросил, можно ли мне посмотреть на фотороботы. Он отказал.

Спросил, не вели ли следы девочки к какой-нибудь канализационной трубе или зарешеченному коллектору. Последовало долгое молчание. Потом Рэдмахер сказал: «Я начинаю волноваться о твоём

здоровье, не нужно ли тебе проконсультироваться с врачом, Хэнлон, с каким-нибудь психиатром. Ребенка украл ее отец. Ты что, не читал газет?»

«А мальчишку Торри, что, тоже украл отец?» — спросил я.

И снова длинная пауза.

«Оставь ты все это в покое. Оставь *меня* в покое. Дай мне отдохнуть».

Он повесил трубку.

Разумеется, я читал газеты, не сам ли я кладу их в читальный зал Публичной библиотеки каждое утро? Малышка Лори Энн Винтербаргер находилась под опекой матери, после отвратительного развода, произошедшего весной 1982 года. Полиция разрабатывает версию, будто Хорст Винтербаргер, который предположительно работал машинистом на железной дороге, украл свою дочь. Для этого он приехал из Флориды в Мэн. Дальше они теоретизировали следующим образом: он будто бы припарковал свой автомобиль где-то возле дома и позвал дочь, та подбежала к нему и села в машину, следовательно, никаких следов, кроме следов малышки, не может быть. Правда, они ничего не могли возразить против факта, что девочка не виделась с отцом с тех пор, как ей исполнилось два года. Развод Винтербаргеров сопровождался запрещением отцу видеться с дочерью, которое последовало после заявления м-с Винтербаргер, что по крайней мере дважды она заставляла Хорста Винтербаргера, когда он сексуально приставал к девочке. Суд принял такое решение, несмотря на то, что Винтербаргер отрицал это. Рэдмахер полагал, что именно решение суда повлияло на Винтербаргера, который практически перестал общаться с дочерью, что и привело к похищению. Такая версия выглядела бы довольно правдоподобной, если бы не тот факт, что Лори Энн вряд ли могла узнать отца спустя столько лет и побежать на его зов. Рэдмахер отвечает положительно, хотя девочке было два года, когда она в последний раз видела отца. Я так не думаю. И мать ее говорит, что Лори Энн очень хорошо усвоила, что подходить к незнакомым людям и разговаривать с ними нельзя. Впрочем, в Дерри большинство детей знали и выполняли это правило. Рэдмахер говорит, что он передал дело федеральной полиции Флориды, они и должны следить за Винтербаргером, а его полномочия на этом заканчиваются. «Дела опеки больше относятся к компетенции юристов, а не полиции», — вот что заявила эта помпезная жирная задница, как отмечается в пятничных Дерри Ньюз.

Но мальчишка Торрио, — здесь что-то другое. Прекрасная семья. Игра в футбол за Тигров Дерри. Отличный студент. Прошел школу

единоборств летом 1984 года. Никаких историй с наркотиками. Была любимая подружка. Все, что для жизни нужно. Все, чтобы остаться в Дерри, хотя бы еще два года.

И то же самое — исчез.

Что с ним случилось? Неожданная любовь к путешествиям? Пьяный шофер, который, быть может, сбил его, убил и закопал? А возможно, он все еще в Дерри, на ночной стороне Дерри, в компании с Бетти Рипсом и Патриком Хокстетером, и Эдди Коркораном, и всеми остальными? А может...

(Дальше)

Я снова продолжаю свои записи. Все хожу и хожу вокруг да около, никаких существенных изменений, только ворчу. Я вздрагиваю от скрипа железных лестничных ступеней, я вздрагиваю от теней. Я замечаю за собой, что, расставляя книги в стеллажи, я тревожно думаю: а какова будет моя реакция, если в то время, как я буду толкать свою тележку с книгами, из-за книжных рядов появится рука, ищущая рука...

Снова появилось навязчивое желание начинать звонить им сегодня днем. Я даже дошел до того, что набрал 404 — код Алабамы, держа перед собой номер телефона Стэнли Уриса. Потом я только держал телефон у уха, спрашивая себя, потому ли мне хочется звонить им, что я уверен — на сто процентов *уверен*, — или просто потому, что напуган всеми этими привидениями, потому, что не выношу одиночества и мне надо с кем-то поговорить, с кем-то, кто знает или *узнает*, что то, чем я напуган — существует.

На один миг я услышал голос Ричи: «*Кучка? Кучка? Мы не есть хотеть этой кучки!*» — он говорил, подражая Панчи Ванило, кривляясь, но я так хорошо слышал его, как будто он стоял совсем рядом... И я повесил трубку. Потому что, если вы в такой степени не хотите видеть кого-либо, как я не хотел видеть Ричи — или кого-либо из них, — вы в тот же миг начинаете сомневаться в правильности своего решения. Мы лучше всего лжем самим себе. Дело в том, что я все-таки не уверен на 100 %. Кому-то еще я бы, может быть, позвонил... но к настоящему моменту следовало допустить, что даже такая напыщенная задница, как Рэдмахер, может оказаться прав. Девочка *могла бы* запомнить своего отца; от него могли остаться фотографии. И я думаю, что взрослый мог бы убедить ребенка сесть к нему в машину, даже если ребенок был обучен не садиться.

Есть и другое опасение, которое беспокоит меня. Рэдмахер предположил, что я, возможно, схожу с ума. Я не верю в это, но если я начну сейчас звонить им, *они* могут подумать, что я схожу с ума. А хуже всего, что они могут не вспомнить меня вообще. Кто? Майк Хэнлон? Я не помню никакого *Майка Хэнлона*. Я совершенно вас не помню. Какое еще обещание?

Я чувствую, что время звать их еще не пришло... А когда оно придет, я узнаю, что это то самое время. И занавес поднимется перед ними в одно и то же время. Когда придет время, они услышат голос Черепахи. Итак, я подожду, рано или поздно я все равно узнаю. Я не верю, что это только вопрос моего звонка. Вопрос только в том, *когда*.

20 февраля 1985 г.

Пожар в Черном Местечке

«Прекрасно представляю себе, как Торговая Палата постарается переписать историю, Майк, — сказал бы мне старик Альберт Карсон, вероятно покашливая при этом. — Они стараются, и иногда даже успешно... но старики-то помнят, как было дело в действительности!.. Они всегда помнят. А могут и рассказать, если их об этом хорошенько порасспросить».

Есть люди, которые, прожив в Дерри двадцать лет, не знают, что там случилось однажды, не знают, что существовали «специальные» бараки для сержантов в старых летных частях, расположенных в Дерри, бараки, которые находились в миле от основного городка. И в середине февраля, когда температура не поднималась выше 0, а ветер был около 40 миль в час, все это — вопящий, срывающий одежды ветер и холод и дополнительная миля до этих барачков — представляло для вас очевидную опасность замерзнуть или обморочиться, а то и просто могло даже убить вас.

Основные семь барачков хорошо отапливались, имели штормовые окна и изоляцию. Они были теплыми и уютными. «Специальные» же бараки, в которых располагалось 27 человек Компании И, отапливались старым дровяным забором. Запасы топлива были чисто случайными. Единственной изоляцией был ствол сосны и еловые ветки, которые люди положили снаружи. Кто-то из них сумел добыть полный комплект штормовых окон, но двадцать семь сотоварищей из «специального» барака в тот же самый день были отправлены в Бангор для помощи в какой-то работе, и когда этой ночью они, усталые, голодные и холодные, пришли в барак, все окна были разбиты, все до единого.

Это было в 1930 году, когда почти все военно-воздушные силы США состояли из бипланов. В Вашингтоне Билли Митчел был понижен в должности из-за своего несносного упрямства и желания модернизировать воздушные силы, что заставило его старших товарищей постараться его скинуть. Вскоре он подал в отставку.

Так они потихоньку летали на базе в Дерри, несмотря на то, что только одна взлетная полоса была там заасфальтирована. Большинство солдат принадлежали к разряду трудолюбивых.

И одним из солдат Компании И, которые возвратились в Дерри в 1937 году, после службы в армии, был мой папа. Он рассказал мне эту историю:

«Однажды весной 1930 года — это случилось за 6 месяцев до пожара в Черном Местечке — я возвращался с четырьмя моими сослуживцами из трехдневного отпуска, который мы провели в Бостоне.

Когда мы проходили через ворота, там стоял на контрольно-пропускном пункте этот верзила, облокотившись на лопату. Какой-то сержант с юга. Морковно-рыжие волосы. Плохие зубы. Прыщавый. Ни дать, ни взять человекообразная обезьяна, ясно, что я имею в виду? Во время Депрессии таких полно было в армии.

Итак, мы пришли, четыре молодых парня, вернулись из отпуска, все еще чувствуя себя отлично, но по его глазам мы увидели: он ищет, чем бы нас прибить. Мы отдали ему честь, как если бы он был Черный Генерал Джек Першинг. Мне казалось, что все будет в порядке; был теплый, замечательный апрельский день, светило солнце, и надо же мне было заговорить: «Доброе утро, сержант», — сказал я, и он заставил меня приземлиться на живот. «Ты хочешь говорить со мной? У тебя есть какое-нибудь разрешение?» — спросил он. «Нет, сэр», — сказал я. Он повернулся к остальным — Тревору Доусону, Карлу Руну и Генри Вайтсану, который потом погиб в огне пожара, и он сказал им: «Я нанял этого черного шикарного нигтера. Если остальные не хотят присоединиться к нему, пусть отправляются выполнять дьявольскую грязную работу, пусть идут в барак, пакуются и делают отсюда ноги. Вы меня поняли?»

Вот и хорошо, они уйдут. И Вильсон скомандовал: «Шагом марш отсюда, хреновые ублюдки!»

Итак, они убрались, а Вильсон повел меня к одному из инструментальных сараев и дал мне лопату. Потом повел меня к большому полю, которое находилось как раз там, где сейчас стоят аэробусы северо-восточных авиалиний. И он посмотрел на меня с кривой усмешкой, и он показал мне на землю и сказал: «Видишь эту яму, черномазый?»

Там не было никакой ямы, но я решил, что для меня будет лучше, если я буду соглашаться с ним во всем, что придет ему в голову. Поэтому я посмотрел на то место на земле, которое он мне показал и сказал, что пусть он не сомневается, разумеется, я вижу ее. Но он дал мне в нос и свалил меня на землю и кровь хлестала прямо на чистую рубашку.

«Ты не видишь ее, потому что какой-то чертов ублюдок ее закопал», — кричал он, и я увидел два больших пятна на его щеках. Но при этом он ухмылялся, и выглядел вполне довольным. «Так, мистер Добрый День, вот, что ты будешь делать! Убирай-ка грязь из этой ямы. Марш!»

И я копал больше двух часов, пока не выкопал яму себе до подбородка. Последние несколько метров шла сплошная глина, и к концу я стоял по колена в воде, и башмаки были мокры насквозь.

«Вылезай, Хэнлон», — сказал мне сержант Вильсон. Он сидел рядом на траве, покуривая сигарету. Он даже не предложил мне помочь. Я был грязный и мокрый с ног до головы. Он встал и подошел ко мне. Он показал на яму. «Что ты там видишь, ниггер?» — спросил он. «Вашу яму, сержант Вильсон», — сказал я. «Не нужна мне никакая яма, вырытая негром, давай, забрасывай ее грязью, рядовой Хэнлон».

Я, конечно, закопал ее обратно, и когда я все сделал, солнце уже клонилось к закату и становилось холодно. Он подошел и смотрел на меня, пока я не заровнял всю эту землю на поверхности лопатой. «А что ты видишь здесь сейчас, ниггер?» — спросил он меня. «Кучу грязи, сэр», — сказал я, и он снова меня ударил. Боже мой, Микки, я был на грани того, чтобы разmozжить ему голову этой лопатой. Но если бы я сделал это, никогда бы мне не видать неба над головой, разве только через тюремную решетку. Но случалось, я подумывал, что напрасно не сделал этого. И все-таки я старался любой ценой сохранять мир.

«Это не куча грязи, ты, тупая грязная скотина! — орал он на меня, брызгая слюной. — Это *моя яма!* Лучше выкопай ее сейчас же! Марш!»

И вот я опять копал эту яму, а потом опять закапывал ее, а потом он спросил, зачем я ее закопал, — он как раз хотел в нее сходить. И я опять копал ее, а он снял штаны и свесил свою грязную задницу над ней и смеялся надо мной, пока делал свои дела и спрашивал: «Ну, как ты, Хэнлон?»

«Все в порядке, сэр», — отвечал я ему, потому что решил: нет, не поддамся, пока я держусь на ногах, пока я еще в сознании, пока не упаду замертво. Меня не вывести из терпения!

«Хорошо, я понял, рядовой Хэнлон, тогда начинай ее закапывать. Давай, давай, больше жизни, что-то ты стал очень медлительным».

И вот, когда я закапывал ее в очередной раз, прибежал через поле его друг и сказал, что приходила какая-то инспекция и они не могли найти Вильсона. Мои друзья прикрыли меня, поэтому со мной все было в порядке, но друзья Вильсона, если их можно так назвать, даже не побеспокоились. Он позволил мне уйти, а я потом все смотрел, не появится ли его имя на доске Наказаний на следующий день, но этого не произошло. Я думаю, он сказал, что пропустил проверку, потому что учил уму разуму одного грязного нигтера, который выкопал и закопал все ямы на территории базы в Дерри. Они, наверное, дали ему медаль за это, вместо того, чтобы заставить чистить картошку. Вот как шли дела во время Компании И в Дерри».

Отец рассказал мне эту историю в 1958 году, тогда, я думаю, ему стукнуло 50, а матери было только 41 год. И я спросил его, почему же он возвратился в Дерри после всех этих ужасов.

«Ну, мне было только 16 лет, когда я пошел в армию, я соврал им о своем возрасте, чтобы они меня взяли. Это даже была не моя идея, это мать мне сказала. Я был большого роста, потому-то вранье прошло, я думаю. Я родился и вырос в Бургао, Северная Каролина, и мы видели мясо только, когда продавали табак, а иногда зимой, когда отец подстреливал опоссума или енота. Самое хорошее, что я вспоминаю о Бургао, было жареное мясо опоссума с кукурузными лепешками, которыми обложено было мясо в большом количестве. Отец мой погиб в результате несчастного случая с какой-то сельхозмашиной. И мать сказала, что собирается взять Филли Лубрида в Коринт, где у нее были какие-то родственники. Филли Лубрид был приемным ребенком».

«Ты имеешь в виду моего дядю Фила?» — спросил я, улыбаясь при мысли, что кто-то мог называть его Филли. Он был юристом в Таксоне, штат Аризона, и уже шесть лет состоял в Городском Совете. Когда я был маленьким, я думал, что дядя Фил очень богатый. Для черного человека в 1958 году, я думаю, он и был богатым. У него было 20 тысяч долларов в год.

«Да, это его я имею в виду, — сказал папа. — Но в те дни это был парень двенадцати лет, он носил соломенную матросскую шляпу и бегал босиком. Он был самый младший, я был постарше, все остальные уехали — двое умерли, двое женились, один Говард был в тюрьме. Он никогда не отличался послушанием. «А ты ступай в армию, — говорила мне твоя бабушка Ширли, — я не думаю, что они платить тебе сразу же станут, но когда начнут, ты сможешь каждый месяц что-нибудь высылать мне. Мне не хочется отсылать

тебя, сынок, но если ты не позаботишься обо мне и Филли, я не знаю, что с нами станет». Мать отдала мне свидетельство о рождении, и я видел, что она подправила дату рождения, так что получилось, что мне восемнадцать лет.

Вот я и пошел на призывной пункт, где производился набор и попросил, чтобы меня взяли. Вербовщик показал мне бумаги и где я должен расписаться. «Я умею писать, могу написать свое имя». Но он не поверил и стал смеяться надо мной. «Тогда давай пиши, черномазый», — сказал он. «Минуточку, — ответил я, — я хочу задать вам пару вопросов». «Валяй, я могу ответить на все твои вопросы». «А правда, что в армии два раза в неделю бывает мясо?» «Нет, у них не два раза в неделю мясо», — сказал он.

«Я так и думал», — сказал я, размышляя, что этот человек хоть и кажется обманщиком, все-таки оказался честным обманщиком. Потом он сказал: «У них мясо не два раза в неделю, а каждый день», — и это заставило меня усомниться в его честности. «Ты меня за дурачка держишь», — сказал я.

«Такой ты и есть, черномазый!» — сказал он.

«Ладно, а если я вступлю в армию, я смогу помогать маме и Филли? Мама говорила, будет выплата».

«Вот, пожалуйста, это здесь, — сказал он, и протянул мне аттестационный лист. — Что еще у тебя на уме?»

«Отлично, а что слышно с учебой на офицера?»

Он откинул голову назад и так захохотал, что мне показалось — он захлебнется своей слюной. Потом он сказал: «Сынок, будет конец света, если в этой армии появится черномазый офицер. Все, подписывай, я уже устал от тебя».

Вот я и подписал и посмотрел, как он штампует аттестационный лист, а потом он дал мне текст присяги, а потом я стал солдатом. Я думал, они пошлют меня в Нью-Джерси, где армия строила мосты на случай войны. А вместо этого я попал в Дерри, Мэн и Компания И».

Он вздохнул и пригладил волосы, большой человек с белыми волосами, которые кольцами ложились на шею. В это время у нас была довольно большая ферма в Дерри и, наверное, самая лучшая стоянка на дороге к югу от Бангора. Все мы трое работали с утра до вечера, и отец еще нанимал кого-нибудь для помощи во время уборки урожая.

Он сказал: «Я вернулся обратно, потому что я видел Юг и видел Север, и одинаковая ненависть к нам и там и тут. И не только, и не столько сержант Вильсон убедил меня в этом. Он был никем — так себе, белый бедняк из Джорджии, но везде носил свой Юг с

собой. Ему не надо было говорить, как Масону-Диксону, что он ненавидит негров. Он просто *делал* это. Нет, только пожар в Черном Местечке убедил меня в этом». Он взглянул на мою мать, которая занималась шитьем. Она не подняла головы, но я знал, что она слушает внимательно, и отец знал это тоже.

«В любом случае этот пожар сделал меня человеком. Около 60 человек погибло от этого пожара, из них 18 из Компании И. Действительно, после пожара почти никого не осталось из Компании. Генри Витсон,... Сток Ансон... Алан Снопс, Эверет Маккаслин... Нортон Сарторис... все мои друзья, все погибли в огне. И этот пожар разожгли не сержант Вильсон с его чертовыми друзьями. Он был разожжен деррийским отделением Легиона Белой Благопристойности Мэна. Некоторые ребята, сынок, с которыми ты ходишь в школу — это сыновья отцов, которые зажгли спичку, что дотла сожгла Черное Местечко. Но я не хочу говорить о бедных детишках».

«Но зачем, папа, зачем они сделали это?»

«Ну потому, что они были частью Дерри», — сказал отец, усмехаясь. Он медленно зажег свою трубку и загасил спичку.

«Я не знаю, почему это произошло именно здесь, я не могу объяснить тебе этого, но я знаю одно, я не удивлен.

Легион Белой Благопристойности был северной версией Ку-Клус-Клана, понимаешь. Они тоже ходили в белых простынях, с таким же крестом, они писали такие же послания ненависти черным. В церквях, где проповедники толковали о равенстве черных с белыми, они подумывали порой установить динамитные шашки. Большинство книг по истории описывает действия КKK, а не Легиона Белой Благопристойности. Я думаю, это потому, что большинство книг по истории написаны северянами, и они этого стыдятся.

Этот Легион был особенно популярен в больших городах и промышленных центрах — в Нью-Йорке, Нью-Джерси, Детройте, Балтиморе, Бостоне, Портсмуте — везде были его отделения. Они пытались организовать отделение в Мэне и в Дерри имели самый большой успех. А чуть позже было организовано очень солидное отделение в Левинстоне — это почти совпало по времени с пожаром в Черном Местечке, — но в этом случае их не беспокоили черномазые, насилующие белых женщин, или то, что черные отберут работу у белых, потому что там не было ни одного черномазого, о котором можно было бы говорить. Левинстонские легионеры занялись бродягами, которых они прозвали «босоногая армия», и очень опасались, что они соединятся с коммунистическими подонками — это они имели в виду любых безработных. Легион Благопристойности высы-

лал этих парней из города, как только они появлялись там. Да, Легион хорошенько поработал после пожара».

Он помолчал, попыхивая трубкой.

«Кроме Легиона, Микки, еще одно зерно нашло здесь благоприятную почву — обыкновенные клубы для богатых. А после пожара они все посбрасывали свои простыни и все было забыто». На этот раз в его голосе прозвучало такое презрение, что даже мама подняла голову и посмотрела на него с испугом. «В конце концов, кто был убит? 18 негритянских солдат, 14 или 15 городских негров, четыре негра из джаза... и кучка любителей негров. Что с того?»

«Вилл, хватит», — сказала моя мама.

«Нет, я хочу послушать», — сказал я.

«Тебе уже пора в постель, Микки, — сказал он, растрепав мои волосы своей большой натруженной рукой. — Мне хотелось бы рассказать тебе еще одну вещь, но боюсь, ты не поймешь, потому что я и сам не очень-то понимаю. То, что случилось в Черном Местечке, — очень плохо... я даже не думаю, что это случилось из-за нас, черных. И даже не потому, что это было слишком близко от Западного Бродвея, где жили, да и сейчас еще живут богачи Дерри. Я не думаю, что Легион имел здесь такой успех, что они привлекли больше всего народу в Дерри, а не в Портленде, Левинстоне или Брунsvике, потому что здесь как-то особенно ненавидят черных. Все зависит от почвы. Так вот, мне кажется, что все плохое, болезненное прекрасно себя чувствует на нашей почве, здесь, в этом городе. Я все ломаю голову над этой проблемой вот уже многие годы. Я не знаю, почему это так, но это так... Но здесь есть и хорошие люди, и тогда здесь были хорошие люди. Когда прошли похороны, тысячи людей повернулись к нам, они все поняли и стали относиться к черным так же, как к белым. Все было закрыто почти неделю. В больницах ухаживали и лечили бесплатно. Приносили корзины с едой и письмами сочувствия, которые были вполне искренними. И везде находились люди, помогавшие пострадавшим. Я встретил своего друга Дейви Конроя именно в то время, а он, вы знаете, бел как ванильное мороженое, но я чувствовал в нем брата, я умер бы за него, если бы меня попросили, и, хотя человеку не дано читать в чужом сердце, думаю, что и он бы тоже умер за меня, если бы понадобилось».

Тем не менее армия освободила нас, оставшихся в живых после пожара, наверное, потому, что им стало стыдно... Я закончил службу в Форте Худ, и я пробыл там шесть лет. Там я встретил твою мать, и мы поженились в Галвестоне в доме ее родителей. Но на протяжении всех этих лет Дерри никогда не выходил у меня из головы.

И после войны я привез твою маму сюда. И здесь появился ты. И вот мы все здесь, почти в трех милях от Черного Местечка, где оно было в 1930 году. Ну вот, Человечек, время идти спать!»

«Хочу про пожар, хочу про пожар», — заныл я.

А он посмотрел на меня с грустью, что всегда так трогало меня, может быть, потому, что это случалось редко, в основном-то он всегда улыбался. «Это история не для маленьких. В другой раз, Микки. Когда мы оба проживем еще несколько лет».

И вышло так, что оба мы прожили еще четыре года, прежде чем я услышал историю о том, что случилось во время пожара. Дни моего отца были сочтены. Он рассказал мне это в больнице, где он лежал, то приходя в себя, то опять теряя сознание, потому что рак разъедал его внутренности.

26 февраля 1985 г.

Я прочитал свои последние записи в тетради и сам себе удивился, разрывающийся при воспоминании об отце, который уже 23 года как мертв. Помню, как я горевал после его смерти — это продолжалось два года. А потом, когда я закончил Высшую школу в 1965 году, моя мама посмотрела на меня и сказала: «Как бы гордился тобой твой папа!» Мы поплакали друг у друга на плече, и я подумал, что это конец, что мы наконец оплакали его до конца вот этими последними слезами. Но кто знает, как долго длится боль от потерь? Если 30, 40 лет спустя после смерти ребенка или брата, или сестры, вы в полусне вспоминаете умершего близкого человека с прежней болью, ощущаете прежнюю пустоту от его потери, то невольно возникает чувство, что эта пустота никогда не заполнится, даже после вашей смерти.

Он ушел из армии на пенсию по нетрудоспособности. К этому времени армия, в которой он служил, стала очень похожей на армию военного времени, только слепой, как он сказал мне однажды, не видит, что скоро все оружие снова будет приведено в действие. Он дорос до звания сержанта и потерял часть левой ноги, когда какой-то новый вербовщик, испуганный до дрожи, вытащил запал у ручной гранаты и уронил ее на землю, вместо того, чтобы бросить. Она подкатилась к ногам моего отца и взорвалась со звуком, напоминавшим кашель в ночи.

В артиллерии тогда многие становились калеками из-за неисправного оружия. Пули зачастую не стреляли, а гранаты взрывались в руках. У моряков были торпеды, которые никогда не попадали в

цель, а если и попадали, то не взрывались. Военно-воздушные силы и Морские воздушные силы имели самолеты, у которых отлетали при приземлении крылья, а в 1939 году в Пенсаколе, как я прочитал, офицер-снабженец обнаружил, что целая колонна правительственных грузовиков не может двигаться, потому что тараканы съели все резиновые шланги и приводные ремни.

Итак, мой отец выжил (включая, конечно, ту его часть, которая стала вашим покорным слугой — Майклом Хэнлоном), благодаря комбинации бюрократических проволочек и неисправного оборудования. Граната взорвалась только наполовину, и он потерял только часть ноги, а не все от головы до пят.

Благодаря деньгам, полученным за нетрудоспособность, мои родители смогли пожениться ровно на год раньше, чем они планировали. Они не сразу поехали в Дерри, а сначала направились в Хьюстон, где до 1945 года работали на военном производстве. Мой отец был мастером на фабрике, выпускающей оболочки для бомб. Мать моя была сестрой милосердия. Но, как он говорил мне в ту ночь, Дерри никогда не выходил у него из головы. И сейчас я думаю, а что было бы, если бы эта чертовская штука сработала тогда, кто вместо меня был бы в этом кружке в Барренсе в тот августовский вечер. Если бы колесо судьбы существовало на самом деле, хорошее всегда бы компенсировало плохое, впрочем, и хорошее может быть достаточно ужасным.

Мой отец имел предписание в Дерри Ньюс. Родители скопили приличную сумму денег. И отец просматривал все объявления о продаже земли. Наконец он прочел объявление о ферме, предназначенной на продажу. Предложение выглядело заманчиво... по крайней мере, на бумаге. Они вдвоем приехали из Техаса на автобусе, осмотрели ферму и тут же ее купили. Первый Торговый банк дал им ссуду на десять лет и они стали обустраиваться.

«Сначала у нас были проблемы, — говорил отец в другой раз. — Кое-кто не хотел жить по соседству с неграми. Мы знали, что такое возможно — я не забывал о Черном Местечке, — и потому не удивлялись. Ребятишки, проходя мимо, бросали в дом камни и пустые банки из-под пива. Мне пришлось двадцать раз заменять стекла в окнах в тот первый год. Но не только дети занимались этим. Однажды утром мы, проснувшись, обнаружили нарисованную на стене птичьего сарая свастику, а все цыплята сдохли. Кто-то отравил их пищу. Это были последние цыплята, которых я пытался вырастить».

Но окружной шериф — полицейских начальников в то время здесь не было, потому что Дерри был еще невелик, — так вот, шериф

с рвением взялся за дело. Вот что я имел в виду, когда говорил, что здесь переплетено и хорошее, и плохое... Для того человека, Саливана, не имело значения, какого цвета моя кожа и вьющиеся ли у меня волосы. Он приходил раз шесть, разговаривал с людьми и наконец нашел виновного. И кто бы вы думали это был? Ну-ка, три попытки, первые две не считаются!» «Не знаю», — сказал я.

Отец смеялся до слез. Он вытащил большой белый платок и вытер глаза. «Это был Батч Бауэрс, вот кто! Отец того парнишки, про которого говорят, что он самый хулиганистый в школе. Отец — негодяй, и сын — маленький задира».

«Дети в школе говорят, что отец Генри — сумасшедший», — сказал я. Если не ошибаюсь, я в то время учился в 4-м классе — вполне достаточно, чтобы получить и не раз по голове банкой от Генри Бауэрса... Сейчас я думаю, что все обидные негритянские прозвища я впервые услышал из его уст, в первых четырех классах.

«Хорошо, я расскажу, если ты настаиваешь», — сказал он, — мысль о том, что Батч Бауэрс сумасшедший не так уж далека от правды. Люди говорят, что это у него началось, когда он вернулся с войны, он был на Тихом океане морским пехотинцем. Все-таки шериф арестовал его, а Батч бесновался, что это безобразие, а все они только кучка любителей негров. О, это вам любой скажет. Я думаю, у него был подписной лист, начиная с нашей улицы и до Витчем-стрит. Сомневаюсь, была ли у него хоть пара не рваных на задку трусов, но он собирался подавать в суд на меня, на шерифа Саливана, на город Дерри, округ Пенобскот, и Бог его знает, на кого еще.

Что касается того, что случилось дальше... не могу судить, правда это или нет, но как я слышал от Дэйви Конроя, шериф пошел проведать Батча в тюрьму в Бангоре. Шериф сказал: «Настало время заткнуться и послушать, что тебе говорят, Батч. Этот черный парень не хочет давить на судью. Он не хочет посылать тебя в Шоушенк, ему надо только заплатить за цыплят. Он подсчитал, что 200 долларов будет достаточно».

Батч сказал, что отправит эти доллары туда, где не всходит солнце. Тогда шериф сказал ему, что в Шенке есть разработки известняка, и говорят, что если проработать там два года, язык твой станет зеленым, как трава. «Сообрази! Два года разрабатывать известняк или 200 долларов. Как думаешь?»

«Ни один суд в Мэне, — сказал Батч, — не осудит меня за то, что я убил цыплят».

«Я знаю это», — сказал Саливан.

«Тогда о чем мы спорим?» — спросил его Батч.

«Проснись, Батч, они не посадят тебя за цыплят, но они посадят тебя за то, что ты нарисовал свастику на двери».

Рот у Батча широко открылся, а Саливан вышел, чтобы дать ему подумать. Через три дня Батч велел своему брату, который замерз через пару лет, когда охотился после винных возлияний, продать его новый «Меркьюри», который Батч купил на деньги, полученные после демобилизации. Так я получил две сотни долларов, а Батч все ворчал, что он все у меня сожжет дотла. И он стал ходить туда-сюда, рассказывая об этом своим друзьям. Я как-то столкнулся с ним однажды днем. Он купил старый довоенный «Форд», взамен «Меркьюри», а я купил свою стоянку. Я загородил ему дорогу к отступлению и встал на его пути с винчестером в руках.

«Какой-нибудь пожар на моем пути, и ты будешь застрелен одним плохим черным человеком, старая кляча», — сказал я ему. «Ты не смеешь так разговаривать со мной, черномазый, — сказал он с яростью, но и с испугом. — Ты не имеешь права так разговаривать с белыми людьми, подонок ты этакий».

И я знал, что если сейчас не избавлюсь от него, он от меня никогда не отстанет. Вокруг никого. Я подошел к «Форду» и одной рукой схватил его за волосы, я поставил ружье так, чтобы оно упиралось мне в ремень, а правой рукой взял его за подбородок. Я сказал: «В следующий раз, когда назовешь меня черномазым или черножопым, я размажу твои мозги по машине. И поверь мне, Батч: любое происшествие со мной или с моими близкими, и ты будешь стерт с лица земли, вместе с твоей женой и братом и братом брата. Я достаточно натерпелся».

И он стал плакать, — никогда в жизни я не видел более безобразного зрелища. «Что же это происходит, — сказал он, — ниг... черно... парень среди бела дня приставляет ружье к голове рабочего человека прямо на дороге».

«Да, мир должен был бы провалиться в тартарары, если такое могло бы случиться, — согласился я. — Но сейчас это не имеет никакого значения. Все, что имеет значение, заключается в вопросе, достигнем ли мы взаимопонимания здесь и сейчас, или ты хочешь, чтобы тебе небо показалось с овчинку?»

Он согласился на достижение взаимопонимания, и на этом беспокойства, причиняемые Батчем Бауэрсом закончились, за исключением, может быть, случая с твоей собачонкой мистер Чипс, когда она умерла, но у меня нет никаких доказательств, что это дело рук Бауэрса. Чиппи могла отравиться каким-нибудь ядом в пище или еще чем-нибудь.

С этого времени нас оставили в покое, и, когда я оглядываюсь назад, я мало о чем сожалею. У нас здесь была неплохая жизнь, правда, случались ночи, когда я видел во сне этот пожар, но ведь нет человека, у которого все было бы гладко и который обходился бы без ночных кошмаров».

28 февраля 1985 г.

Бывали дни, когда я садился за стол, чтобы записать историю, которую рассказал мне отец, о пожаре в Черном Местечке, но я все еще никак не могу всерьез приступить к ней.

По-моему, это во «Властелине Колец» один из персонажей говорит, что «путь ведет к пути», это значит, что можно начать с тропинки, ведущей в еще более причудливый мир, чем тот, в котором ты начал делать свои первые шаги, а оттуда ты можешь пойти... вообще неизвестно куда. То же самое с этими рассказами. Один перетекает в другой, в третий, четвертый, может быть, они идут в том направлении, которое ты выбираешь, а может быть, и нет. А может быть, большее значение имеет рассказчик, а вовсе не рассказ.

Голос, который я запомнил, голос моего отца — низкий, медленный, то, как он покашливал или смеялся. Паузы, во время которых он раскуривал свою трубку или прочищал нос, или шел взять баночку пива со льда. Этот голос для меня — голос всех голосов, голос всех лет, особый голос этого места — отцовского голоса нет ни в интервью Ива, ни в одной из нехороших историй этого города, ни даже на моих собственных пленках.

Голос моего отца.

Сейчас десять часов, старые часы на улице начинают бить. Мелкие дождинки стучат в окно и в стеклянный переход, ведущий в Детскую библиотеку. Я слышу и другие звуки, треск и шорох вне круга света, в котором я сижу и пишу на желтых страницах моего блокнота. Звуки старого здания, оно оседает... говорю я себе и удивляюсь. Хотелось бы знать, нет ли где-нибудь в эту непогоду клоуна, продающего воздушные шарик. Ну, ладно, не обращайтесь внимания. Кажется, я нашел наконец правильный подход к последнему рассказу моего отца.

Я услышал этот рассказ в больничной палате за шесть недель до его смерти. Мы с мамой ходили навещать его каждый день после школы, и каждый вечер я приходил к нему один. Мама оставалась дома, ей надо было делать всякие домашние дела, но она настояла

на том, чтобы я ходил к нему. Я приезжал на велосипеде. Она разрешила мне кататься на велосипеде только через четыре года после всех этих убийств. Это были тяжелые шесть недель для мальчика, которому было только пятнадцать лет. Я любил отца, но я возненавидел эти вечера, вынужденный наблюдать, как он сморщивается и съеживается, как следы боли растекаются и углубляются на его лице. Иногда он кричал, хотя и старался сдерживаться. И, возвращаясь домой в темноте, я вспоминал лето 1958 года, и я боялся оглянуться, потому что там мог быть клоун... или волк... или мумия Бена... или моя птичка. Но больше всего я боялся, что какой бы Оно ни приняло образ, оно будет иметь лицо моего отца, съедаемого раком. Поэтому я что было сил жал на педали, пока сердце не начинало выскакивать из груди. Я приезжал домой раскрасневшийся, мокрый от пота, тяжело дыша. И мама говорила: «Зачем ты ехал так быстро, Микки? Ты заболел». А я говорил: «Мне хотелось поскорее добраться до дому, чтобы помочь тебе», — и она давала мне подзатыльник и целовала меня и говорила, какой я хороший мальчик. Шло время, и я с трудом находил темы для разговоров с отцом. Подъезжая к городу, я ломал голову, о чем бы мне с ним сегодня поговорить, трепеща, что придет время, и мы с ним не сможем найти темы для разговора. Его умирание мучило меня и приводило в ярость, но также и смущало; мне казалось, да и сейчас кажется, что когда мужчина или женщина умирают, то это должно происходить быстро. Рак не только убивал его, он унижал его и оскорблял.

Мы никогда не говорили о его болезни, и в один из этих промежутков молчания я подумал, что мы *должны* говорить об этом, что больше не о чем говорить, и мы будем застигнуты этим, как дети, схваченные без билетов на музыкальном концерте, когда пианино перестало играть, и я почти обезумел, стараясь придумать *что-нибудь*, любую глупость, но только чтобы отвлечь нас от того, что разрушало моего папу, который когда-то схватил Батча Бауэrsa за волосы, наставил на него ружье и потребовал оставить нас в покое. Мы были вынуждены говорить об этом, но если бы мы начали, я бы расплакался. Я не мог бы этому помешать. И в свои 15 лет я думал, что эти слезы у постели умирающего отца оскорбили бы и измучили меня больше, чем то бы то ни было другое. И как раз во время одной из таких мучительных пауз я спросил отца о пожаре в Черном Местечке. В этот вечер они накололи его лекарствами, потому что боль была нестерпимой, и он то приходил в себя, то снова терял сознание, то говорил очень ясно, то нес какой-то сонный бред. Иногда я знал, что он говорит со мной, иногда мне казалось, что он

путает меня со своим братом Филлом. Я спросил его об этом пожаре без какой-либо причины, просто это взбрело мне в голову. Глаза его стали осмысленными и он слегка улыбнулся: «Ты еще не забыл, Микки?»

«Нет, сэр», — сказал я, хотя не думал об этом уже года два или три, и добавил то, что он иногда говорил: «Это никогда не выходит у меня из головы».

«Хорошо, сейчас я расскажу тебе все, — сказал он. — 15 лет, я полагаю, достаточный возраст, чтобы знать это, и твоей мамы нет здесь, чтобы помешать нам. Кроме того, ты должен знать это. Я думаю, что такое могло бы случиться только в Дерри, и тебе надо знать и об этом. Ты должен остерегаться. В этом городе благоприятные условия для такого рода вещей. Ты будешь осторожен, да? Мики?» «Да, сэр!» — сказал я.

«Хорошо», — сказал он и откинулся на подушку. Я подумал, что он снова потерял сознание, глаза были закрыты. Но он начал рассказывать.

«Когда я был здесь в армии в 29-х или 30-х годах, — сказал он, — там на горе был клуб НСО, как раз там, где сейчас Общественный Колледж Дерри. Это было сразу за тем местом, где можно было купить «Лакки Страйк» за семь центов. НСО клуб был просто старой металлической казармой, но внутри все было оборудовано по высшему классу — ковры на полу, кабинки вдоль стен, музыкальный автомат, по выходным там можно было выпить прохладительного... только если ты белый, вот так. По воскресеньям там играл оркестр, словом, место, куда хотелось пойти. Там висело объявление, запрещающее продавать крепкие напитки, но мы слышали, что там можно достать выпить, если очень хочется и если у вас есть маленькая зеленая звездочка на армейской карточке. Это было как секретный знак для них. Продавалось там пиво домашнего изготовления, но по выходным можно было купить кое-что покрепче. Если ты — белый.

Конечно, парням из Компании И ни в коем случае нельзя было показываться в этом клубе. Поэтому мы ходили в город, если имели ночной пропуск. В те времена Дерри оставался лесозаготовительным местечком, и там было восемь или десять баров, которые располагались в нижней части города, она называлась Чертовы Пол Акра. В народе эти бары нарекли «слепыми свиньями», что соответствовало действительности, потому что большинство посетителей вели себя там, как свиньи, а выводили их оттуда почти слепыми. Шериф и все полицейские знали об этом, однако бары эти работали ночи напролет, так же как и в дни лесозаготовок в 1890-х годах. Я думаю,

там все было куплено, а может быть и нет, — в Дерри люди на все имеют свою точку зрения. В барах продавались крепкие напитки наравне с пивом, и насколько я слышал, напитки там были в десять раз лучше, чем дрянное виски и джин, которые вы могли получить в клубе для белых в пятницу и воскресенье вечером. Алкоголь в нижний город прибывал прямо через канадскую границу в грузовиках, и напитки соответствовали этикеткам на бутылках. Хорошие напитки были дорогими, но торговали там и всякой гадостью, которая могла шибануть по мозгам, но не убивала, и если после этого вы на самом деле слепли, то это продолжалось недолго. Но в любой из вечеров вы могли получить удар бутылкой по голове. Там были Нан-бар, и Парадиз, и Вэлли Спа, и был один бар — Паудехорн, где вы могли снять девицу. О, вы могли запросто снять проститутку в любой забегаловке, там их было полно, готовых на все ради куска хлеба, но для такого молодняка, как я, Тревор Доусон и Карл Рун, моих друзей, сама мысль купить проститутку — белую проститутку — тут было над чем посидеть и подумать».

Как я вам уже говорил, отец в эту ночь получил большую дозу обезболивающего. Я не думаю, что он стал бы говорить нечто подобное своему 15-летнему сыну, если бы не это.

«Да, это случилось как раз перед тем, как представитель Городского Совета захотел встретиться с майором Фуллером. Он сказал, что хочет поговорить о «некоторых проблемах, касающихся взаимоотношений между горожанами и солдатами» и о своей «озабоченности об избирателях» и о «вопросах приличия». Но в действительности было ясно, как Божий день, чего ему надо от Фуллера. Они не хотели, чтобы армейские негры ходили в их забегаловки, беспокоили белых девиц и пили нелегальные напитки в барах, где это могли делать только белые люди.

Все это могло вызвать только смех. И беспокойство о цветении белой женственности и все, что касалось белых мужчин...! Я, надо сказать, никогда не видел ни одного представителя Городского Совета ни в «Серебряном Долларе», ни в Паудехорне. В этих пивнушках выпивали исключительно головорезы в красно-черных пиджаках, лесорубы с руками, покрытыми шрамами и царапинами, некоторые без глаза, некоторые без пальцев, почти все без зубов, все они пахли деревом, опилками и живицей. На них были зеленые фланелевые портки, зеленые резиновые сапоги, и следы от них оставались белыми, пока не затапывались до черноты. От этих мужиков густо пахло, они много ходили и много говорили. Их было много, они были огромными. Однажды вечером в «Вэлли Спа» я видел, как у одного парня лопнул по швам рукав рубахи, когда он

делал армреслинг с другим парнем. Рубаха не распоролась по швам, а именно лопнула, понимаешь? Рукав превратился в тряпки. И все засмеялись и захопали, а один стукнул меня по спине и сказал: «Вот, что мы называем армреслинг, ты, черномазый пердун».

Ты понимаешь, что я хочу сказать: если бы люди, которые, вылезая из лесов, посещали по пятницам и воскресеньям эти забегаловки, чтобы выпить виски и переспать с бабой, вместо того, чтобы подкупать кого-то, если бы эти мужики не хотели, чтобы мы ходили туда, они бы выставили нас оттуда пинком в задницу. Но дело в том, что им было все равно, Мики, они не обращали на это никакого внимания. Однажды вечером один из них — он был ростом футов шесть, а для того времени это было очень много, так вот, он толкнул меня в бок, он был мертвецки пьян и несло от него, как от корзинки с гнилыми персиками месячной давности. И если бы он снял свою одежду, ее можно было бы поставить с ним рядом. Он посмотрел на меня и сказал: «Мистер, я хочу спросить тебя что-то. Ты есть Негро?»

«Ты прав», — сказал я.

«Как дела?» — сказал он на французском долины Святого Джона и улыбнулся мне так широко, что я увидел все его четыре зуба. — Я знаю, что ты негр. Хей! Я видеть одного в книге! И ты такой!» — Ему трудно было подбирать нужные слова, поэтому он подошел и шлепнул меня по губам.

«Большие Губы», — сказал я.

«Ия, Ия! — сказал он, смеясь, как дитя. — *Ба-а-альшие губы.* Пайду куплю тебе пива».

«Давай покупай!» — сказал я. Он засмеялся, стукнул меня по спине, чуть не попав в лицо, и двинулся к деревянной стойке, где стояли уже в очереди примерно 70 мужчин и 15 женщин.

«Мне нужно два пива, черт возьми! Или я разнесу тут все! — заорал он бармену, громиле со сломанным носом по имени Ромео Дюпри. — Одно для меня, а одно для человека с большими губами!» — И все они чертовски весело смеялись, но не надо мной, Мики. Он принес мне пиво и спросил: «А как тебя зовут? Я не хочу звать тебя Большие Губы, не звучит».

«Вильям Хэнлон» — сказал я.

«Ну, тогда за тебя, Уилиам Анлон», — сказал он.

«Нет, за *тебя*, — сказал я. — Ты первый белый, который угощает меня пивом». И это была правда.

Потом мы выпили и заказали еще, и он сказал: «А ты уверен, что ты негр? У тебя только большие губы, а так для меня ты совсем как белый только с коричневой кожей».

Мой папа начал смеяться над этим, я тоже. Он так сильно смеялся, что у него начал болеть живот, и он держался за него, скривившись, он закатил глаза, капельки пота стали стекать ему на губы.

«Может быть, послать за сестрой, пап? — спросил я. — Я могу позвонить».

«Нет... нет... сейчас все пройдет. Самое плохое, Мики, что даже нельзя посмеяться по-человечески, когда хочется. А теперь это редко».

Он помолчал немного, и я понял, что сейчас самое время поговорить о том, что убивает его. Может быть, будет лучше для нас обоих, если мы сделаем это. Он глотнул воды и продолжал.

«Как бы то ни было, но ни женщины, которые ходили по пивнушкам, ни лесорубы, для которых это было привычным занятием, не собирались вышвыривать нас вон. Только пятеро стариков из Городского Совета были действительно оскорблены, да еще дюжина тех, кто стояли за ними — старейшины Дерри, ты понимаешь. Ни один из них никогда не переступал порог Парадиза или Вэлли Спа, они выпивали в загородном клубе на горе, но им хотелось убедиться, что ни один из тех бродяг и ни одна девица не пачкаются об этих черномазых из Компании И.

Вот, что сказал майор Фуллер: «Во-первых, я всегда был против, чтобы они там показывались. Я думаю, это ошибка и их отошлют куда-нибудь на юг или в Нью-Джерси».

«Это не мои проблемы», — сказал этот чертов старикашка. Мюллер, мне кажется, его звали.

«Отец Сэлли Мюллер? — спросил я, пораженный. — Сэлли Мюллер учится со мной в одном классе в средней школе».

Отец криво усмехнулся: «Нет, это, наверное, был ее дядя. В то время отец Сэлли был где-то в колледже. Но если бы он был в Дерри, я думаю, он был бы там — плечом к плечу со своим братом. А если ты сомневаешься, что все было так, как я рассказываю, то знай, что этот разговор пересказал мне Тревор Даусон, который мыл полы в офицерском клубе в тот день и слышал все это».

«Мне все равно, куда правительство посылает этих черномазых, — сказал Мюллер майору Фуллеру. — Мне интересно, куда вы разрешаете им ходить по пятницам и воскресеньям. Если они ходят выпивать в нижний город, тогда будут проблемы. В нашем городе есть Легион, вы знаете».

«Хорошо, но есть вещи, которые меня связывают. Я не могу им разрешить ходить выпивать в загородный клуб НСО. Не только из-за правил, запрещающих неграм пить с белыми. Но это еще и офицерский клуб, понимаете!/? А они все рядовые».

«Это тоже не моя проблема. Я просто надеюсь, что вы примете меры. Ответственность соответствует рангу». И он ушел.

Да, Фуллер решил проблему. Армейская база Дерри была чертовски обширна, хотя на ней и не было ничего. Всего около сотни акров. На севере она кончалась позади Западного Бродвея, где было посажено что-то наподобие зеленого пояса. А там, где сейчас находится Мемориальный парк было Черное Местечко. В начале 30-х годов, когда все это случилось, там был просто старый сарай для реквизита. Но майор Фуллер осмотрел все вокруг и сказал, что там будет «наш клуб». Действовал он так, будто был Папаша Вобук или что-то в этом духе, а может быть, он даже ощущал себя Папашей, предоставляя кучке черных рядовых свое собственное место, пусть оно было всего-навсего старым сараем. Потом он добавил как бы между прочим, что бары в нижнем городе для нас запрещены. Это было очень жестоко, но что мы могли поделать? У нас не было никаких прав. А молодой парнишка по имени Дик Халлоранн, который был поваром, сказал, что можно все устроить наилучшим образом, если очень постараться. Так мы и сделали, правда, очень постарались. Первый раз, увидев это местечко, мы были подавлены. Грязь, вонь, полно старых инструментов и коробок с бумагами. В сарае было только два малюсеньких окошечка и не было электричества. Пол был грязный. Карл Рун горько засмеялся и сказал: «Старина Майор — настоящий принц, дал нам свое собственное местечко. Свой собственный клуб! Во! И Джордж Брэннок, который тоже погиб в будущем пожаре, сказал: «Хей! Это чертов черный уголок, нормально. И название потрясающее».

Халлоранн был инициатором... Халлоранн, Карл и я. Надеюсь, Господь простит нас, — Он-то знает, что мы не имели ни малейшего представления, как это все обернется.

Спустя некоторое время к нам присоединились все остальные парни. Мы скребли, мыли, чистили, работали молотками, прибивали гвозди. Трев Даусон оказался неплохим плотником, и он показал, как прорубить еще несколько окон в стенах, и Алан Снопс, черт возьми, принес разноцветные стекла — что-то вроде витражей в церковных окнах.

«Где ты это достал?» — спросил я его. Алан был самым старшим из нас, ему было около 42, достаточно старый, некоторые звали его Поп Снопс.

Он вставил мне в зубы «Кэмел» и подмигнул: «Полночная реквизиция», — сказал он, и больше ничего. Все шло хорошо. И к середине лета мы уже ходили туда. Трев Даусон и еще несколько парней переоборудовали часть строения под кухню, небольшую,

чтобы поместились гриль и пара плит, так что вы при желании могли получить гамбургер и французскую булочку. С одной стороны был бар, но там не предполагалось ничего, кроме содовой или напитка типа «Девы Марии» — мы знали свое место. Разве нас не проучили уже однажды? Поэтому если вам хочется напиться, то это можно было сделать в темноте.

Полы были по-прежнему грязными, но мы их мазали маслом. Трев и Поп Снопс провели электричество — еще одна «Полночная реквизиция», как я понимаю. К июлю вы уже могли пойти туда, взять кока-колы и гамбургер, или сосиску с капустным салатом. Там было симпатично. Так до конца мы и не закончили наш клуб, мы еще работали над ним, когда пожар сжег все дотла. Мне понравилось это занятие, а может быть то, что мы утерли нос этим — Фуллеру и Мюллеру и Городскому Совету. Мы сознавали, что все это наше, когда Ив МакКаслин и я водрузили вывеску:

«Черное Местечко.
Компания И и гости».

Оно выглядело очень славно, и следующее действие было таким, белые ребята из НСО клуба начали своего рода соревнование. Они добавили комнату отдыха и кафетерий. Но мы не хотели выиграть это соревнование».

Мой отец улыбнулся мне со своей больничной койки. «Мы были молоды, за исключением Снопси, но мы были не совсем дураки. Мы понимали, что белые парни начали соревнование против самих себя, но если бы, не дай Бог, мы начали выигрывать, ну тогда кто-нибудь переломал бы нам ноги, чтобы мы не бежали так быстро. У нас было все, что мы хотели, и ничего больше не нужно было. Но потом... что-то случилось». Нахмурившись, он замолчал. «Что случилось, пап?»

«Мы обнаружили, что в наших силах организовать оркестр, маленький джаз, — сказал он медленно. — Мартин Деверю — капрал — играл на ударных. Эйс Стивенсон был кларнетистом. Поп Снопс вполне прилично играл на пианино. Еще один парень играл на корнете, а Джордж Брэнлок — на саксофоне. Все остальные время от времени подыгрывали кто на чем — кто на гитаре, кто на гармонике, и даже на расческе, обернутой в вощеную бумагу. Все это, конечно, случилось не сразу, но к концу августа по пятницам и воскресеньям в клубе играл небольшой неистовый Диксиленд комбо. У них получалось все лучше и лучше, нет, они не были великими музыкантами, просто у них получалось как-то теплее...

или как-то по-другому...» Он выпростал свою исхудавшую руку из-под одеяла.

«Они играли неистово», — предложил я, улыбаясь.

«Верно! Ты верно ухватил! — воскликнул он, улыбаясь мне в ответ. — А дальше больше: люди из города стали приходить к нам, в наш клуб. Даже некоторые солдаты — белые солдаты с нашей базы. Каждый выходной зал бывал переполнен. Но это случилось не сразу. Сначала белые выглядели, как соль в стакане с перцем, но со временем их стало приходить все больше и больше. Когда появились эти белые, мы и забыли, что надо быть осторожней. Они приносили с собой спиртное в коричневых сумках, обычно хорошее спиртное, которое продавалось в барах в нижнем городе, а бутылки были из-под содовой. Выпивка загородного клуба, вот что я имею в виду, Мики. Выпивка богатых. Чивас, Глентфидич. Что-то вроде шампанского, которое подают на пароходах пассажирам первого класса. «Чемперс», — так некоторые из них называли его, так мы называем дома уродливых мулов. Нужно было найти выход из положения и прекратить это. Но мы не знали, как это сделать. Они были из *города*. И они были *белыми*. А я уже говорил, мы были молодые и гордились тем, что сделали. И не в состоянии были предугадать, что могло здесь произойти. Мы понимали, что Мюллер и его друзья должно быть знают, что тут происходит, но мы никак не предполагали, что все это сводит их с ума, да, я не ошибся, — они просто обезумели. Они жили-поживали в своих шикарных домах по Западному Бродвею, всего в четверти мили от места, где мы сидели и слушали музыку типа «Блюзы тетушки Хагар» и «Копая картошку». Это было плохо. Они знали, что их белые молодые люди общаются с черномазыми. А что могло быть хуже? Ведь эти белые были не бродяги, которые уедут, как только сентябрь начнет плавно переходить в октябрь. Надвигалось событие типа того, что произошло в городе. Молодежь приходила к нам выпить и потанцевать под джазовую музыку, пока один из них не пришел и не закрыл нас. Но они пришли не из Дерри. Они приехали из Бангора, Ньюпорта и Хэвена и Кливс Милс и Старого города. Здесь можно было увидеть разрезающих каперсы прилизанных мальчиков из Мэнского университета в Ороно, с их суровыми девушками, а когда оркестр наш освоил импровизацию рэгтайма «Мэйн Стейн Сонг», они чуть не снесли крышу. Конечно, клуб принадлежал армейским, и тем, у кого не было приглашения, приходить не рекомендовалось. Но фактически, Мики, мы открывались в семь и до полуночи дверь не закрывалась вообще. А к середине октября народу набивалось уже столько, что в любое время, попав на танцплощадку, вы стояли там спина к

спине еще с шестью танцующими. Места для танцев практически не было, вы могли только стоять и покачиваться... но мне не встретилось ни одного человека, который возразил бы или возмутился. К полуночи все в зале рокотало, как в пустом заведенном автомобиле на большой скорости».

Он остановился, сделал еще один глоток воды, а потом продолжил. Глаза его блестели.

«Да, да. Фуллер рано или поздно должен был положить этому конец. Сделай он это пораньше, многие бы спаслись. И всего-то требовалось — послать за полицией, чтобы она конфисковала спиртное, которое люди приносили с собой. Этого было бы достаточно, чтобы он достиг чего хотел. Нас бы прикрыли легко и надолго. Кого-то отдали бы под суд и посадили в тюрьму, а остальных просто перевели куда-нибудь. Но Фуллер медлил. Я думаю, он боялся того же, чего и мы. Он боялся, что горожане возмутятся. Мюллер больше не приходил к нему, а Фуллер, думаю, опасался сам идти в нижний город навестить Мюллера. Он много говорил, но ничего не предпринимал, был медлителен, как медуза.

То, что не сделал Фуллер, доделали за него ребята из Легиона Благопристойности. Они пришли в своих белых простынях в начале ноября и приготовили из нас жаркое».

Он снова замолчал, на этот раз он не стал пить воду, только смотрел в дальний угол комнаты, а в это время в коридоре звонил звонок, и сестричка прошла мимо открытой двери, цокая каблучками по линолеуму. Где-то работал телевизор, где-то играло радио. Я помню, что дул сильный ветер, хотя дело было в августе, но ветер казался холодным. Он ничего не знал о сериале, идущем по телевизору, и о песне «Прогуливаешься, как мужчина» в исполнении группы «Четыре Времени Года» по радио.

«Некоторые из них прошли через зеленый пояс, отделяющий базу от Западного Бродвея, — продолжил он наконец. — Должно быть, они встретились у кого-то дома, а может быть и на базе, чтобы надеть свои белые простыни и сделать факелы, которыми обычно пользовались. Я слышал, что они прошли прямо на базу по Риджелейнской дороге, главной дороге на базу с той стороны. Я слышал — не помню от кого, — что они приехали в совершенно новом «Паккарде», в своих простынях и нахлобученных на голову капюшонах; факелы лежали на полу автомобиля. Факелы эти производились в Лоусвилле: большие куски холстины наматывались на толстую палку, с тонкой резиновой красной прокладкой.

Была суббота, и наша компания прыгала и скакала во всю. Там было сотни две танцующих, а может быть и три. И вот приезжают

эти шестеро или восемь белых в своем зеленом бутылочного цвета «Паккарде», а еще большее их количество шагает между деревьями от базы. Они не были молоды, не все были молоды, и иногда я думал, сколько случаев ангины и язвенного кровотечения было на следующий день. Надеюсь, что достаточно много. Грязные, подлые, трусливые ублюдки.

«Паккард» припарковался на горе и дважды мигнул огнями. Человека четыре вышли из него и присоединились к остальным. У некоторых были канистры с бензином, их в те дни можно было купить на автостоянке. У всех были факелы. Один остался стоять у «Паккарда». Ты знаешь, у Мюллера был «Паккард». Да, да. Зеленый. Они собрались вместе позади Черного Местечка и обмочили свои факелы в бензине. Может быть, они хотели только попугать нас. Я слышал и другое, но слышал и такое. Я предпочел бы думать, что они хотели просто напугать нас, уж очень не хочется верить в худшее. Возможно, когда они обмакивали свои факелы, бензин попал им на руки, вспыхнул, и они побросали факелы куда придется, только бы избавиться от них. Как бы то ни было, черная ноябрьская ночь посветлела от огня факелов. Некоторые держали их над головами и размахивали из стороны в сторону или крутили их над головой, а горящая пакля падала им на головы. Многие смеялись. Другие подошли к окнам кухни и бросили факелы туда. Все загорелось моментально, вспыхнуло, как порох, — за полторы минуты все было кончено. Несколько человек в островерхих белых капюшонах стояли снаружи, они кричали: «Выходите, черномазые, выходите! Выбегайте-ка!» Возможно, кто-то из них кричал, чтобы напугать нас, но мне хотелось бы верить, что большинство старались предупредить нас об опасности, точно так же мне хотелось бы верить, что факелы попали на кухню чисто случайно. Никто внутри помещения не знал о случившемся, пока Джерри МакКрю, который помогал повару этим вечером, не открыл дверь на кухню, — и почти сразу же вспыхнул. Языки пламени поднимались футов на десять, и его новый пиджак занялся мгновенно, тут же загорелись волосы.

Я сидел ближе к восточной стороне с Тревом Даусоном и Диком Халлоранном, когда это все случилось. Сначала я подумал, что взорвалась газовая плита. Я едва успел вскочить, когда люди, рванувшие к дверям, сбили меня с ног. Человек двадцать сразу же пробежали по моей спине. Наверное, впервые в жизни я испугался. Я слышал, как люди стонали и вопили — скорее выбираться отсюда, пожар. Но едва я пытался подняться, как кто-нибудь тут же подминал меня. Кто-то огромным башмаком наступил мне на голову, так что звезды посыпались из глаз. Мой нос был придавлен к

натертому полу, я вдохнул запах грязи, закашлялся, зачихал. И тут же почувствовал, как женский каблучок, высокий и острый вонзился мне в зад, он почти проткнул меня в том месте, ты понимаешь, и если бы не мои крепкие хаки, я, наверное в ту же ночь истек кровью.

Сейчас это звучит смешно, но я чуть не сдох к чертям собачьим в этом столпотворении. Меня топтали, колотили, ходили по мне, пихали и двигали во все места, так что я на следующий день не мог ходить вообще. Я закричал, но никто не обратил на это внимания, никто, из топтавших меня.

Спас меня Трев. Я увидел перед собой его большую коричневую руку и ухватился за нее, как тонущий хватается за соломинку... Я схватил его руку, и он вытащил меня. В это время кто-то наступил мне на шею, вот сюда».

Он потерял то место, где челюсть переходит в ухо, и я кивнул.

«Мне стало так больно, что на минуту я потерял сознание. Но ни за что я не отпустил бы руку Трева, а он не отпустил бы мою. Наконец я встал на ноги, как раз возле стены, отделяющей зал от кухни, и в это время она рухнула со звуком «флумп», который производит лужа бензина, если ее поджечь. Я видел, как во все стороны посыпались искры, и видел, как бросились прочь от стены люди, как только она начала падать. Кто-то успел, кто-то нет. Один из наших парней, по-моему Харт Сарториус, был погребен под ней, и на одну секунду я увидел, как сжимается и разжимается его рука в искрах и огне из-под упавшей стены. Там была белая девчонка, лет двадцати, не больше, у нее загорелся подол платья. Она была с парнем из колледжа, и я слышал, как она умоляла его не бросать ее в огне. Он пару раз попытался вытащить ее, но потом убежал с остальными. Она стояла и рыдала, а платье занималось все больше и больше. На месте кухни был настоящий ад. Огонь был таким ярким, что на него невозможно было смотреть. Жар становился нестерпимым, Мики, я чувствовал, что кожа у меня сворачивается и трескается от жары, а волосинки в носу начинают обугливаться.

«Надо вырваться отсюда! — прохрипел Трев и начал тащить меня вдоль стены. — Давай, давай!» Но тут Дик Халлоранн схватил нас потащил в другую сторону. Ему было не больше девятнадцати, и глаза у него были, как большие бильярдные шары, но голова варила лучше, чем у нас. Он нас спас. «Не сюда, — закричал он, — не сюда!» И он показал назад, к оркестру, туда, где уже был пожар.

«Ты что, сдурел?» — прокричал в ответ Тревор. У него всегда был громкий голос, но в шуме пожара его едва было слышно. — Сдыхай, если желаешь, но мы с Вилли собираемся выбраться отсюда». Он не отпускал мою руку и опять принялся тащить меня

к двери, хотя там было столько людей, что ее и не видно было. Нам надо было пробраться туда, я был в таком шоке, что не соображал, где верх, а где низ. Единственное, что я знал, это что мне не хочется поджариться, как индюшке. И тут Дик схватил Трева за волосы и потянул с такой силой, что Трев повернулся к нему. Дик ударил его по лицу, я видел, как голова Трева откинулась, и подумал, что, видимо, Дик сошел с ума. Затем он проорал в лицо Треву: «Они там все позадавят друг друга у этой двери, куда ты лезешь? Ниггер!» «Откуда ты знаешь?» — заорал Трев, а потом раздался громкий «Банг», — так дрова трещат в огне, но это был звук взорвавшегося басового барабана. Огонь побежал по балкам кверху, и начал заниматься покрытый мастикой пол.

«Я знаю, знаю», — орал Дик. Он тоже схватил меня за руку, и они оба стали тянуть меня в разные стороны, как в игре «перетягивание канатов». Но тут Трев хорошенько посмотрел на дверь и пошел за Диком. А Дик подволок нас к окну и схватил стул, чтобы выбить стекла, но тут стул начал гореть. Дик подсадил Трева, подталкивая его сзади. «Поднимайся, — кричал он, — поднимайся, черт побери!» И Трев полез по подоконнику. Потом он подтолкнул меня, и я стал карабкаться, схватившись за раму. На следующий день все мои ладони были в царапинах и занозах. Деревянные рамы уже дымились. Я стал прыгивать, и если бы Трев не подхватил меня, я сломал бы себе шею. Мы посмотрели назад, откуда только что вылезли, и это было нечто! Кошмар из самых страшных. Оконный проем был желтым и пылал огнем. Языки пламени вырывались из всех щелей, вплоть до крыши — все полыхало в огне. Внутри визжали, плакали, стонали люди. Я видел две коричневые руки, они махали нам, это были руки Дика. Трев Даусон подтолкнул меня вперед, я бросился к окну и схватил Дика. Когда я принял его вес на себя, прислонившись животом к зданию, я почувствовал такой жар, словно прислонился к раскаленной плите. Появилось лицо Дика, и на какое-то мгновение я засомневался, сможем ли мы вытащить его. Он хорошенько надышался дымом и был на грани обморока. Его потрескавшиеся губы были широко открыты. Спина дымилась.

А потом меня чуть не вырвало, потому что я почувствовал запах сгорающих внутри людей. Я слышал — люди рассказывали, — будто паленое человеческое мясо похоже по запаху на жаркое из свиных ребрышек, но мне так не показалось. Это больше похоже на то, когда кастрируют лошадей, все их хозяйство сжигают на большом костре, и, когда костер разгорается, эти «шары» взрываются, как орехи, — вот на что это похоже. Я ощутил этот запах и знаю, что долго

вынести его не смогу. Я сделал еще одну попытку сдержать рвоту и вытащил Дика. Он потерял один башмак. Я споткнулся о руки Трева и покатился вниз, Дик в это время был у меня на спине, и должен сказать, что голова этого негра была очень тяжелой. Я задохнулся и лежал в грязи несколько секунд, крутясь и держась за живот. Наконец я смог встать на колени, а потом и на ноги. И я видел этих змей, убегающих через зеленый пояс. Сначала я подумал, что это привидения, но потом увидел ботинки. В это время вокруг Черного Местечка было светло как днем. Я увидел ботинки и понял, что это люди в белых простынях. Один из них упал и немного отстал от остальных и я увидел!»

Он остановился, облизывая губы.

«Что ты увидел, пап?» — спросил я.

«Не обращай внимания, — сказал он. — Дай мне воды, Мики».

Я дал. И он выпил ее всю, а потом начал кашлять.

Нянечка, проходящая мимо, заглянула и спросила: «Не нужно ли вам что-либо, мистер Хэнлон?»

«Свежую порцию анализов, — сказал папа. — У тебя есть, Рода?»

Она нервно, озабоченно усмехнулась и пошла дальше.

Отец передал мне стакан и я поставил его на стол.

«Дольше рассказывать, чем вспоминать, — сказал он. — Ты нальешь мне воды перед тем, как уйти?»

«Конечно, пап».

«Эта история, наверное, будет сниться тебе в кошмарных снах, Мики?» Я открыл было рот, чтобы солгать, но подумал, что лучше не надо. А сейчас я думаю, что если бы я солгал, он бы не стал рассказывать дальше, но может быть, я ошибаюсь.

«Думаю, что да», — сказал я.

«Ну, это не так уж страшно. В кошмарах случаются вещи и похуже. Они для того и существуют, я полагаю».

Он вытащил руку из-под одеяла, я взял ее, и мы держались за руки, пока он заканчивал свой рассказ.

«Я оглянулся как раз вовремя, Трев и Дик бежали, огибая здание, и я бросился за ними, стараясь вдохнуть немного воздуха. Вокруг было человек сорок или пятьдесят. Кто кричал, кто стонал, кто вопил, а кто — все это одновременно. Другие лежали бездыханные на траве. Дверь была закрыта, и мы слышали, как люди внутри молили выпустить их ради Христа, потому что они уже начали гореть. Это была единственная дверь, за исключением той, которая вела на кухню. Чтобы войти, надо было толкнуть дверь от себя, а чтобы выйти, надо было потянуть на себя. Те, кто выбрались,

бросались на дверь и старались толкнуть ее. Но дверь не поддавалась. Оставшиеся внутри навалились на нее, давя друг друга. Не было никакой возможности открыть дверь, потому что она держалась весом тех, кто находился внутри. А огонь свирепел.

Трев Даусон помог спастись многим, если бы не он, то вместо восьмидесяти погибших, были бы сотни, но за это он получил вместо медали два года тюрьмы. Понимаешь, как раз в это время подъехал большой грузовик, и кто бы вы думали сидел за рулем? Мой старый друг сержант Вильсон, тот парень, который был владельцем всех ям на территории базы.

Он вылез и стал отдавать приказы, бессмысленные, конечно, люди их даже не слышали. Трев схватил меня за руку, и мы побежали к нему. К тому времени я потерял все следы Дика Халлоранна и не видел его до следующего дня.

«Сержант, я хочу воспользоваться вашим грузовиком!» — крикнул Трев ему в лицо.

«Убирайся с дороги, черномазый», — сказал Вильсон и толкнул его. А потом стал выкрикивать все свои дрянные оскорбления. Но никто не обращал на него никакого внимания, и продолжалось это недолго, потому что Тревор Даусон выскочил как пробка из бутылки и двинул его хорошенько. У Трева был очень тяжелый удар, и любой другой человек, конечно же, не встал бы, но у этого подлеца была крепкая голова. Он встал, кровь текла у него по подбородку, изо рта и из носа, и он сказал: «Я тебя убью за это!»

Ну, Трев стукнул его еще разок, но уже в живот, а когда он согнулся вдвое, я сложил руки и обоими кулаками стукнул его сзади по шее так сильно, как только мог. Такие удары делают только трусы, но чрезвычайное время требует чрезвычайных поступков. И я бы соврал, Мики, если бы сказал, что этот удар не доставил мне удовольствия. Этот сукин сын упал как подкошенный. А Трев побежал к грузовику, завел его и въехал немного левее двери прямо в здание Черного Местечка. Он врезался на полном ходу, и остановился. «Отойдите! — кричал он в толпу людей, стоящих вокруг. — *Отойдите от грузовика!*» — Они запрыгали, как белки, и что странно, Трев ни на кого не наехал. Он ударял по этой части здания опять и опять, может быть, уже тридцатый раз. Он разбил себе нос о руль, и кровь лилась из носа, когда он встряхивал головой. Он отъезжал ярдов на 50, разгонялся и снова — «Бам!» Черное Местечко было не более, чем консервная банка из рифленого железа, поэтому последний удар сделал свое дело. Вся эта часть кочегарки рухнула, рычащее пламя вырвалось из здания. Каким образом *кто-то* еще оставался там живым, я не знаю, но оставались. Люди

гораздо более живучи, чем мы думаем, Мики. А если не веришь, посмотри на меня. Место это было, как смердящая топка, это был ад из пламени и дыма, но люди посыпались оттуда стремительным потоком. Их было так много, что Трев даже не осмеливался подать грузовик назад, чтобы не задавить кого-либо. Он вылез и побежал ко мне, оставив грузовик. Мы стояли и смотрели на конец всего этого. Это продолжалось минут пять, как говорили, но нам казалось, что длилось вечность. Последние люди, выбегающие оттуда, были все в огне. Их хватали и начинали катать по земле, чтобы сбить огонь. Заглядывая внутрь, мы видели других людей, старающихся выбраться, но мы знали, что это бесполезно.

Трев взял меня за руку, и я взял его за руку, мы пожали друг другу руки из последних сил. И стояли, держась за руки, вот как мы с тобой сейчас, Мики, и наблюдали за всеми этими людьми. Они выглядели настоящими привидениями, те, которых мы видели той ночью, мерцающие контуры мужчин и женщин, выбирающихся через пролом, сделанный Тревором. Некоторые простирали к нам руки, как бы умоляя о спасении, другие просто шли, одежда их вся искрилась. Лица горели, они проходили мимо, и мы больше не видели их никогда.

Последней была женщина. Одежда на ней уже сгорела, и вся она горела, как свеча. Казалось, она смотрит прямо на меня, я видел ее горящие веки. Она упала, и все было кончено. Все местечко было покрыто сплошной шапкой огня. К тому времени, когда приехали пожарные машины с базы, а потом еще две из города, все уже выгорело само по себе. Вот какой был пожар в Черном Местечке, Мики».

Он выпил всю воду из стакана и отдал мне стакан, чтобы я налил из фонтанчика в холле. «Я, наверное, обмочу всю постель сегодня ночью, так я думаю, Мики».

Я поцеловал его в щеку, а потом пошел в холл набрать воды. Когда вернулся, он уже лежал с закрытыми глазами. Я поставил стакан на ночной столик, и он невнятно пробормотал спасибо. Я посмотрел на часы на его столе и увидел, что уже почти восемь. Время идти домой.

Я наклонился, чтобы поцеловать его на прощанье... а вместо этого услышал самого себя, шепчущего: «Что ты видел?» Он с трудом повернул голову ко мне. Наверное, он не знал, мой ли голос он слышит, или голос своих дум. «Да...»

«Что ты видел?» — прошептал я. Мне не хотелось слышать этого, но я *должен* был услышать. Мне было и жарко, и холодно, уши горели, а руки были ледяными. Но мне необходимо было услышать. Так, я

думаю, жене Лота нужно было повернуться и увидеть разрушение Содома. «Это была птица, — сказал он. — Как раз над головой последнего из бегущих людей. Может быть, ястреб. Еще ее зовут пустельга. Но она была очень большая. Никогда никому не рассказывай. Держи рот на замке. Она была футов шесть от крыла до крыла. Но я... я видел ее глаза... и я думаю... она видела... меня...» Его голова скользнула набок в сторону окна, откуда надвигалась темнота. «Она опустилась и схватила этого последнего человека как раз за простыню, так она сделала... и я услышал звук крыльев этой птицы... Как будто треск огня... и она парила... а я подумал, Птицы не могут так парить... а эта может... потому что... потому что...» Он замолчал. «Почему, пап? — прошептал я. — Почему она могла так парить?»

«Она не парила», — сказал он.

Я молча сидел, думая, что он уж точно уснул. Никогда мне еще не было так страшно, как сейчас... потому что четыре года назад я уже видел эту птицу. Каким-то невообразимым образом. Я уже почти забыл тот кошмар. Отец вернул мне его.

«Она не парила, — сказал он. — Она плыла, плыла по небу. Плыла, потому что под каждым крылом у нее были привязаны воздушные шарик». И отец уснул.

1 марта 1985 г.

И снова это пришло. Я знаю. Буду ждать, но в душе — знаю. Не уверен, что смогу это вынести. Ребенком я мог с этим справляться, но у детей в чем-то главном все по-другому. Я написал все это прошлой ночью в каком-то безумии — не то, чтобы я не мог пойти домой, нет. Дерри покрылся толстым слоем льда, и хотя солнце появилось сегодня утром все оставалось неподвижным. Я писал часов до трех, все быстрее и быстрее, чтобы избавиться от всего этого. Я забыл, что видел птицу, гигантскую птицу, когда мне было одиннадцать. Рассказ моего отца вернул меня обратно... и теперь я никогда не забуду ее. И ничего из того, что он рассказал мне. Я думаю, это был своего рода его последний подарок мне. Жуткий подарок, скажете вы, но по-своему замечательный. Я уснул, как сидел, за столом, голова на руках, тетрадь и ручка передо мной. Утром я проснулся с ноющей спиной и больной головой, но чувствуя себя освобожденным, выбросив из себя этот старый рассказ. А потом я увидел, что у меня был компаньон этот ночью, пока я спал. Следы, леденящие душу, вели от передней двери библиотеки (которые я всегда закрывал; я всегда закрываю их) к столу, за которым я спал.

Но следов, ведущих обратно, не было.

Что бы это ни было, *оно* подошло ко мне ночью, оставило свой талисман... а потом просто испарилось. Привязанный к моей настольной лампе висел шарик. Он был наполнен гелием и потому плавал в утренних лучах солнца, которые падали в одно из высоких окон. На нем была картинка с изображением моего лица, глаз не было, кровь лилась из окровавленных впадин, стон, искривляющий рот — вот что было на тонкой резиновой коже шарика. Я посмотрел на это и закричал. Крик эхом отозвался в библиотеке, вернулся обратно, вибрируя на спиральной железной лестнице, ведущей к стеллажам. Шарик взорвался со звуком «банг».

С о д е р ж а н и е

ОНО (Книга I)	6
----------------------	----------

Литературно-художественное издание

Стивен Кинг

ОНО

книга I

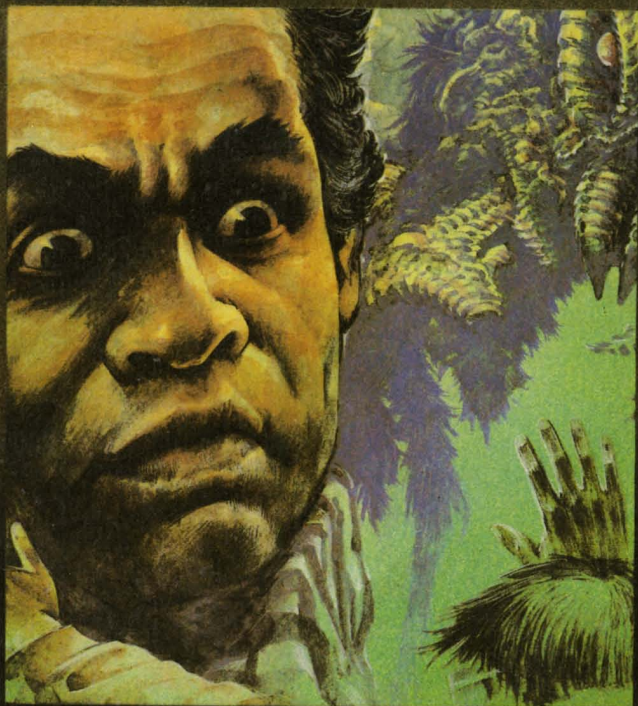
Выпуск 13

Сдано в набор 23.05.93. Подписано в печать 19.07.93.
Формат 60×90¹/₁₆. Гарнитура Таймс. Бумага книжно-журнальная.
Объем 27 п. л. Печать офсетная. Тираж 130 000 экз.
№ Заказа 1198.

Издательство «Кэдмэн» 140160 г. Жуковский М.О. а/я 21.
Тел. в Москве 236-40-74

Отпечатано с готовых диапозитивов в ордена Трудового Красного Знамени
ГП «Техническая книга» Мининформпечати РФ.
198052, г. Санкт-Петербург, Измайловский пр., 29.

СТИВЕН КИНГ

В следующем выпуске
нашей серии
будет напечатано
окончание романа
Стивена Кинга «Оно»